

СЛОВАРЬ

литературныхъ

ТИПОВЪ

Пушкинъ

КАТЕРИНБУРГСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В. Г. БЪЛИКСКАГО

СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТИПОВЪ.

Вышло восемь выпусковъ.

Изъ отзывовъ печати:

1) «Въ основу этого изданія положенъ оригинальный планъ: собрать и систематизировать матеріалы для характеристики русскаго общества по типамъ, выведеннымъ въ произведеніяхъ русскихъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, такая портретная галлерія должна представить двоякую цѣнность: по ней удобно можетъ быть изучаемо съ известной стороны творчество даннаго писателя, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ собраніе художественныхъ портретовъ, она можетъ дать богатый матеріалъ для изученія самого общества въ его основныхъ особенностяхъ, въ настроеніи определенной эпохи и т. д. Составители «Словаря» отнеслись къ дѣлу чрезвычайно внимательно». Неожиданное и очень пріятное впечатлѣніе производятъ эти портреты, такъ хорошо, еще съ дѣтства знакомыхъ лицъ. Читая такую характеристику, гдѣ на протяженіи двухъ-трехъ страницъ, а то и полустраницы, собрано все до мельчайшихъ черточекъ, что счелъ нужнымъ сказать о данномъ лицѣ Тургеневъ, вы удивлены: такъ много новаго оказывается въ давно знакомомъ, такъ много конкретныхъ чертъ, незамѣченныхъ, или, по крайней мѣрѣ, несопоставленныхъ вами: въ повѣсти все это разбросано и перетасовано характеристикой другихъ лицъ, а здѣсь собрано дѣйствительно въ одинъ портретъ. Разумѣется, фонъ, безъ котораго портретъ теряетъ свое значеніе, надо искать въ самой повѣсти, но какъ пособіе при изученіи художественныхъ образовъ эти характеристики оказываются дѣйствительно очень цѣнными» («Вѣстникъ Европы», № 3, Мартъ, 1908 г.).

2) «Оригинальный трудъ, единственный въ обширной сокровищницѣ матеріаловъ историко-литературнаго характера», «Словарь — весьма полезное справочное пособіе, умѣло, съ любовью составленное: онъ одинаково пригодится и учителю и ученикамъ: первый, готовясь къ уроку, быстро возстановитъ нужные ему свѣдѣнія, не роаясь въ другихъ книгахъ, второй повторитъ и проконспектируетъ прочитанныя имъ ранѣе произведенія: оба вмѣстѣ найдутъ объясненія каждому дѣйствующаго лица въ сочиненіяхъ Тургенева». Словарь — нужная книга и на столѣ преподавателя и въ любой библиотекѣ» («Педагогическій Сборникъ», Ноябрь, 1908 г.).

3) «Въ первыхъ двухъ выпускахъ собраны и систематизированы типы и образы изъ произведеній И. С. Тургенева, причемъ въ характеристики вносились, главнымъ образомъ, подлинныя опредѣленія самого автора. Получилась такимъ образомъ огромная галлерія давно знакомыхъ намъ портретовъ, индивидуальныя черты и особенности которыхъ подчеркиваются здѣсь особенно выпукло и часто даже неожиданно ярко, потому что каждый типъ, каждый образъ мы видимъ здѣсь изолированнымъ, поставленнымъ внѣ привычной для насъ обстановки романа или разсказа Тургенева. Перелистываешь «Словарь», перечитываешь всѣ тѣ же слова и фразы любимаго писателя, и все же кажется, какъ-будто старые знакомцы немножко почистились и принарядились для новаго визита. Быть можетъ, оторванные отъ фона, на которомъ рисовалъ ихъ художникъ, выдѣленные изъ тѣхъ соотношеній и комбинацій, въ которыхъ они представлялись самому автору, нѣкоторые изъ персонажей Тургенева и въ самомъ дѣлѣ кое-что существенно потеряли, кое-что новое приобрѣли въ этой изолированной обстановкѣ «Словаря». Но въдѣ «Словарь» и не пытается замѣнить собою произведенія писателя. Онъ претендуетъ только на роль *пособія*, и въ этой роли онъ представляетъ большую и ничѣмъ незамѣнимую цѣнность. При изученіи Тургенева для учащихъ и учащихъ онъ послужитъ ключомъ къ болѣе широкому и всестороннему истолкованію его произведеній, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ» («Современный Міръ», № 1—1909 г.).

891.7
С-48
118
10263.
7-6.
891.7
891.7

СЛОВАРЬ

литературныхъ

ТИПОВЪ

ИСТОРИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕННИ
С. ВЕЛИКАГО

Пушкинъ

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСР

GEORGE

WILLIAM

WILLIAM

WILLIAM

891.7

С481

ТИПЫ

ПУШКИНА

Июль 1936 г. № 208298 [7

1944 г.

АРХИВ

Редакція Н. Д. НОСКОВА
при сотрудничествѣ
С. И. Поварнина.

Издательство „Словарь Лит. Гиповъ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

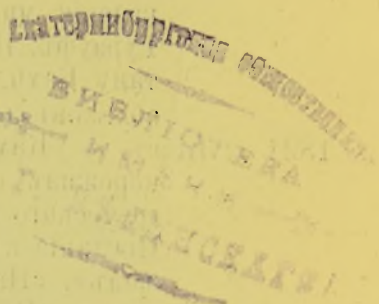
1912

891.4

III. № 434.

1811-1812.

А. С. ПУШКИНЪ.

Біографическая канва.

- 1799 г. 26 Мая въ Москвѣ родился Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, отставной поручикъ гвардіи; мать, Надежда Осиповна, урожденная Ганибаль.
- 1811 г. Приѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ. Вступительный экзамень. — Царское Село и лицей. Первые стихотворные опыты по-русски.
- 1812 г. Царскосельскій лицей. Товарищи: Дельвигъ, Пущинъ, Малиновскій, Кюхельбекеръ, Яковлевъ, Иличевскій. Наставники: Малиновскій, Куницынъ, Кошанскій, Гауэншильдъ, де-Будри.
- 1813 г. Первые опыты въ прозѣ: романъ «Цыганъ» и комедія «Такъ водится на свѣтѣ».
- 1814 г. Смерть перваго директора лицея — Малиновскаго. «Безначаліе». — А. И. Галичъ. — Стихотвореніе «Къ другу-стихотворцу» напечатано въ «Вѣстникѣ Европы».
- 1815 г. Переходные экзамены на старшій курсъ. Публичное чтеніе «Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ». Державинъ («Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ и, въ гробъ сходя, благословилъ»). Знакомство съ Батюшковымъ. «Воспоминанія въ Ц. Селѣ» появляются въ печати съ полной подписью автора. «На возвращеніе Государя Императора». «Къ Лицинію».
- 1816 г. Е. А. Энгельгардтъ. — Посѣщеніе Пушкина въ лицей Карамзинымъ, Вяземскимъ и В. Л. Пушкинымъ. — Карамзинскій кружокъ и общество Чаадаева, Каверина, Кривцова. «Гусарскія пѣсни». — Увлеченіе Е. П. Бакуниной. Элегіи: «Медлительно влекутся дни мои...», «Я думалъ, что любовь погасла навсегда».
- 1817 г. Начало «Руслана и Людмилы». — Окончаніе курса. — Определеніе на службу въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ. — Знакомство съ Грибоѣдовымъ и Ѳ. Глинкой. — «Арзамасъ». — «Зеленая Лампа». — Отпускъ въ Псковскую губернію «для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ». Михайловское. «Простите вѣрныя дубравы!». — Петербургъ. — Княгиня Е. И. Голицына.
- 1818 г. Горячка. — Продолженіе «Руслана и Людмилы». — Разгульная жизнь. — Намѣреніе вступить въ военную службу. — Эпиграммы. — Дуэль съ Кюхельбекеромъ.
- 1819 г. Болѣзнь. — Сборы въ Түльчинъ, а оттуда на войну въ Грузію. — Поѣздка въ Михайловское. — Ода «Вольность».

*) Краткія справки о всѣхъ лицахъ и предметахъ, упомиаемыхъ въ біографической канвѣ и въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ, даны ниже въ алфавитномъ «Спискѣ».

- 1820 г. Окончаніе «Руслана». Эпиграммы на Аракчеева. — Ссылка на югъ. Екатеринославъ. Встрѣча съ Раевскими и поѣздка съ ними на Кавказскія минеральныя воды. — Пятигорскъ, Кавказская, Феодосія, Гурзуфъ. Начало «Кавк. Плѣн.», «Погасло дневное свѣтило», «Фонтану Бахч. дворца». — Кишиневъ. — Каменка. «Нереида». «Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда».
- 1821 г. Кіевъ. — Каменка. Окончаніе «Кавказскаго Плѣнника». «Муза». «Я пережилъ свои желанья». — Возвращеніе въ Кишиневъ. Начало греческаго возстанія. Свиданіе съ Пестелемъ. — Дуэль съ Зубовымъ. Посланіе къ Чаадаеву. Эпиграммъ къ «Кавказскому Плѣннику». «Кинжалъ». «Наполеонъ», «Къ Овидію». Начало «Братьевъ Разбойниковъ», «Возстанъ, о Греція»...
- 1822 г. Дуэль «безъ кровопролитія» съ полковникомъ Старовымъ. — Арестъ В. Θ. Раевского. — Ссора съ Тодоромъ Балшемъ. — «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ». — Просьба о переводѣ изъ Бессарабіи. — Поѣздка въ Каменку. Первое посланіе къ цензору. — Начать «Бахчис. Фонтанъ». — Выходъ отдѣльнымъ изданіемъ «Кавк. Плѣнника». — Начало «Онѣгина».
- 1823 г. Пребываніе въ Кишиневѣ. Отказъ въ просьбѣ объ отпускѣ. — Назначеніе гр. Воронцова намѣстникомъ Бессарабской области. Хлопоты о переводѣ поэта въ Одессу. — Переѣздъ изъ Кишинева въ Одессу. — Окончаніе первой главы «Онѣгина». «Мой демонъ». «Телѣга жизни». — Представленіе въ Петербургѣ балета «Кавказскій Плѣнникъ».
- 1824 г. Одесса. Продолженіе «Онѣгина». — Враждебныя отношенія и «полемиическая переписка» съ Воронцовымъ. — Командировка въ уѣзды для собранія свѣдѣній объ истребленіи саранчи и хлопоты Воронцова объ удаленіи поэта. — Кишиневъ. — Письмо къ неизвѣстному вскрыто въ Москвѣ и доставлено въ Петербургъ. Высочайшее повелѣніе объ увольненіи Пушкина отъ службы. Высылка изъ Одессы подъ надзоръ въ деревню. Николаевъ, Елисаветградъ, Черниговъ, Витебскъ, Псковъ. — Въ селѣ Михайловскомъ. Ссора съ отцомъ. Просьба о переводѣ въ крѣпость. Переѣздъ Сергѣя Львовича со всѣмъ семействомъ изъ Михайловскаго въ Петербургъ. — «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ». «Цыганы». Собираніе сказокъ. Начало «Бориса Годунова».
- 1825 г. Посѣщеніе Михайловскаго И. И. Пущинымъ. Тригорское и его обитатели: П. А. Осипова, А. Н. и Е. Н. Вульфъ. Встрѣча съ А. П. Кернъ. — Свиданіе съ Дельвигомъ. — Прошеніе объ отпускѣ за границу. Разрѣшеніе пріѣхать въ Псковъ для лѣченія «подъ наблюденіемъ губернатора». — «Сожженное письмо», «Я помню чудное мгновенье», «Андрей Шенье». Окончаніе «Годунова» и четвертой пѣсни «Онѣгина». «Графъ Нулинъ», «Воображаемый разговоръ съ Императоромъ Александромъ I». Декабрскія событія. Сожженіе тетрадей съ «Записками». Выходъ первой главы «Онѣгина».
- 1826 г. Михайловское. Надежды «на смягченіе участи» и «великодушіе молодого царя». — Секретное разслѣдованіе отношеній Плетнева къ Пушкину и установленіе надзора за Плетневымъ. Кончина Карамзина. Приговоръ по дѣлу декабристовъ. — Вызовъ въ Москву по Высочайшему повелѣнію. Представленіе Императору Николаю I. Объявленіе, что цензоромъ сочиненій поэта будетъ самъ Государь. — Чтеніе «Бориса Годунова» и запросъ ген. Бенкендорфа. — Дѣло по поводу распространенія стиховъ «Андрей Шенье». — Возвращеніе въ Михайловское. Заочное сватовство за С. Θ. Пушкину. Письмо Бенкендорфа съ просьбой сообщать цензурѣ «всѣ мелкіе труды, блистательнаго пера». «Записка о народномъ воспитаніи». Разрѣшеніе

- къ печати «Годунова». Переѣздъ въ Москву. Выходъ 2-ой главы «Онѣгина». — Сцена изъ «Фауста».
- 1827 г. Москва. — Посланія въ Сибирь и Пушкину. Привлеченіе «къ дѣлу объ Андреѣ Шенъе». Допросъ въ военно-судной комиссіи. — Въ селѣ Павловѣ, Тверской губерніи. — Смерть Веневитинова. — Разрѣшеніе на приѣздъ въ Петербургъ. «Аріонъ». «Три ключа». — Михайловское. Встрѣча съ Кюхельбекеромъ въ Лугѣ. — Второе изданіе «Бахч. Фонт.» Обвиненіе въ небрежномъ храненіи рукописей (по дѣлу о стихахъ «Андрей Шенъе»). Второе изданіе «Бахч. Фонтана», изданіе третьей главы «Онѣгина».
- 1828 г. Петербургъ. Приговоромъ новгородскаго уголовного суда (по дѣлу о стихахъ «А. Шенъе») опредѣлено: «строжайше подтвердить Пушкину впредь никакихъ сочиненій безъ просмотра цензуры не распространять». Просьба объ опредѣленіи въ дѣйствующую армию или объ отпускѣ въ Парижъ. — Новое дѣло о «Гавриладѣ». Установленіе секретнаго надзора. Обязательство подпиской «богохульныхъ сочиненій впредь не писать» и «ничего не печатать безъ одобренія цензуры. — Въ гостяхъ у А. Н. Вульфа въ Малинникахъ. — Седьмая глава «Онѣгина», «Чернь», «Друзьямъ». Прологъ къ «Русл. и Людмилѣ». «Анчаръ». «Полтава». Выходъ изъ печати 4-ой, и 5-ой, и 6-ой главъ Онѣгина». Второе изданіе «Русл. и Людм.» и «Кавк. Плѣн.».
- 1829 г. Отъѣздъ въ Грузію. — Москва. — Сватовство за Нат. Ник. Гончарову. — Посѣщеніе въ Орлѣ Ермолова. — Журналъ путешествія. — Владикавказъ. — Тифлисъ. — Поѣздка въ Арзрумъ. Встрѣча съ тѣломъ Грибоѣдова. Участіе въ перестрѣлкѣ съ турками. Лагерная жизнь. Вступленіе вмѣстѣ съ войсками въ Арзрумъ. — На минеральныхъ водахъ. — Москва. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Выходъ изъ печати «Стихотвореній Александра Пушкина» (ч. I и II-ая) и «Полтавы». «На холмахъ Грузіи»... «Кавказъ», «Монастырь на Казбекѣ», «Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ».
- 1830 г. Петербургъ. Просьба объ отпускѣ за границу. — Москва. Помолвка съ Н. Н. Гончаровой. Полотняный заводъ. — Петербургъ, Михайловское, Москва, Болдино. Карантины (по случаю холеры) преграждаютъ путь къ Москвѣ. Болдинское уединеніе и необычайный подъемъ творчества: «Гробовщикъ», «Станціонный смотритель», «Барышня-Крестьянка», «Выстрѣлъ», «Метель», «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Каменный Гость», «Пиръ во время чумы», 8-ая и 9-ая пѣсни «Онѣгина», «Домикъ въ Коломнѣ», «Русалка», «Моя родословная», «Исторія села Горюхина». — Возвращеніе въ Москву. — Изданіе седьмой главы «Онѣгина»; 3-е изд. «Бахч. Фонтана». — Выходъ «Бориса Годунова».
- 1831 г. Смерть Дельвига. — Женитьба на Н. Н. Гончаровой (18 февраля въ Москвѣ). Переѣздъ въ Петербургъ. Царское Село. — Опредѣленіе на службу въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ и производство въ титулярные совѣтники. — Сказки: О Царѣ Салтанѣ и Балдѣ. Письмо Онѣгина къ Татьянѣ. Выходъ «Повѣстей Бѣлкина» и послѣдней (восьмой) главы «Онѣгина».
- 1832 г. Разрѣшеніе заниматься въ архивѣ и читать секретныя бумаги времени Петра Великаго. — Хлопоты о разрѣшеніи политической газеты. — Столкновенія съ цензурой. — Поѣздка въ Москву и посѣщеніе московскаго университета. — Избраніе членомъ Россійской академіи. Начало «Дубровскаго». Переводъ «Пѣсенъ Западныхъ Славянъ». — «Моцартъ и Сальери» и «Цыганы» на сценѣ петербургскаго театра. — Выходъ 3-ей части «Стихотвореній Александра Пушкина».
- 1833 г. Свѣтская жизнь. — Историческія занятія въ архивѣ. Окончаніе «Ду-

бровскаго». Черновые наброски «Капитанской Дочки» и «Исторіи Пугачевскаго Бунта». — Четырехмѣсячный отпускъ. Петербургъ, Торжокъ, Ярополецъ, Москва, Нижній, Казань, Симбирскъ, Языково, Оренбургъ, Уральскъ, снова Языково и Болдино. Сказки: «О рыбацкѣ» и «Мертвой царевнѣ». «Мѣдный Всадникъ». — Окончаніе «Исторіи Пугач. Бунта». Выходъ полнаго «Онѣгина». Окончаніе «Дубровскаго».

1834 г. Пожалованіе въ камеръ-юнкеры. Дозволеніе печатать «Ист. Пуг. Бунта» и выдача ссуды въ 20 т. р. — Свѣтскія сплетни. Просьба объ отставкѣ. — Москва, Калуга, Полотняный заводъ, Болдино. Сказка о «Золотомъ Пѣтушкѣ». «Кирджали». — «Повѣсти, изданныя А—омъ Пушкинымъ».

1835 г. Дозволеніе прочесть секретное дѣло о Пугачевѣ. Занятія исторіей Петра Великаго. — Придворная жизнь. — Намѣреніе удалиться на три-четыре года въ деревню. Шестимѣсячный отпускъ. Въ Михайловскомъ и Тригорскомъ. — Ходатайство объ изданіи «Современника». — «Сцены изъ рыцарскихъ временъ». «Египетскія ночи». — «Пиръ Петра Великаго». «На выздоровленіе Лукулла». «Вновь я посѣтилъ»... «Русскій Пеламъ».

1836 г. Командировка въ Москву «для служебныхъ занятій» въ московскомъ главномъ архивѣ. Столкновеніе съ Хлюстинымъ, Репнинымъ и Соллогубомъ. — Смерть Надежды Осиповны Пушкиной и поѣздка въ Михайловское. — Выходъ перваго номера «Современника». — Москва. — Петербургъ. Оскорбительныя анонимныя письма. Вызовъ Дантесу. Помолвка Дантеса съ Е. Н. Гончаровой и отказъ отъ дуэли Пушкина. — Непосланное письмо Геккерену — автору анонимныхъ пасквилей. — «Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный...». «Капитанская Дочка».

1837 г. Бракъ Дантеса съ Е. Н. Гончаровой. — Свѣтскіе толки и сплетни. Отправленіе оскорбительнаго письма Геккерену. Дантесъ, по порученію Геккерена, вызываетъ Пушкина на дуэль. Поединокъ 27 Января. — Преданіе военному суду.

29 Января, въ исходѣ третьяго часа пополудни (2 ч. 45 м.), скончался Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Тѣло поэта, въ ночь на 3-е Февраля, въ сопровожденіи А. И. Тургенева и жандармскаго офицера, было отправлено для погребенія въ Святыя Горы (Пск. губ., Опоч. уѣзда), гдѣ и предано землѣ на разсвѣтъ дня 6 Февраля.

А.

Abbé («Евг. Онѣг.»)—Monsieur l'Abbé, «французъ убогій». «Учитель» Онѣгина «всему шутя, чтобъ не измучилось дитя». «Не докучалъ моралью строгой, слегка за шалости бранилъ и въ Лѣтній садъ гулять водилъ». Когда къ Евгению пришла «пора юности мятежной», «monsieur прогнали со двора».

Авдотья Андреевна («Отр. изъ романа въ письмахъ»).—Уп. л. Княгиня. Воспитательница Лизы.

Авдотья Васильевна Гринева («Капитанская дочка»).—См. Гринева, А. В.

Авдѣй («Исторія села Горюхина»).—Уп. л. Сынъ Аграфены Трифоновны. Земскій; грамотей. Когда прибылъ въ Горюхино новый приказчикъ съ письмомъ отъ помѣщика, А. нашли «спящаго въ переулкѣ подъ заборомъ»; «или отъ внезапнаго испуга, или отъ горестнаго предчувствія, буквы письма, четко написаннаго, показались ему отуманенными, и онъ не былъ въ состояніи ихъ разобрать». На утро, «съ видомъ подобострастія и глубокой горести», А. стоялъ безъ шапки подлѣ приказчика и «громогласно» прочелъ письмо помѣщика.

Агаѣонъ («Евгеній Онѣгинъ»).—Уп. л. «Какъ ваше имя?»—смотреть онъ и отвѣчаетъ: «Агаѣонъ».

Агаѣя («Дубровскій»).—«Старая птичница» Троекурова.

Аграфена Трифонова («Исторія села Горюхина»).—Уп. л. «Мать Авдѣя-старосты», любовница приказчика Горбовицкаго.

Адрианъ Прохоровъ («Гробовщикъ»).—См. Прохоровъ, Адрианъ.

Адъютантъ («Капитанская дочка»).—Уп. л. Адъютантъ генерала Р*. Въ Оренбургѣ Гринева «отобѣдалъ у генерала Р. втроемъ съ его старымъ адъютантомъ».

Акимъ («Исторія села Горюхина»).—Уп. л. Староста, воспѣтый въ письмѣ Архипа Лысаго: «Ахъ ты, староста Акимъ! Обокралъ бояръ кругомъ, село по міру пустилъ, старостиху подарилъ».

Аксинья («Гробовщикъ»).—Работница Прохорова.

Акулина Памфиловна («Капитанская дочка»).—Старуха. «Добрая попадья», по словамъ Гринева. Кумушка попадья, по словамъ Пугачева. «Приготовляла» соленые огурцы «совершенно особеннымъ образомъ». Первая вѣстовщица во всемъ околоткѣ. «Стала угощать» Гринева—«чѣмъ Богъ послалъ, а между тѣмъ говорила безъ умодку. Она рассказала, «какимъ образомъ Швабринъ принудилъ ихъ выдать ему Марью Ивановну; какъ Марья Ивановна плакала и не хотѣла съ ними разстаться; какъ Марья Ивановна имѣла съ нею всегдашнія сношенія черезъ Палашку», дѣвку бойкую, которая и урядника заставляетъ плясать по своей дудкѣ; «какъ она присовѣтовала Марьѣ Ивановнѣ написать «къ нему» письмо, и прочее». Скрыла Марью Ивановну у себя въ домѣ. «Крестилась, услыша, что Пугачеву извѣстенъ «ея обманъ».—Съ нами сила крестная! Промчи, Богъ, тучу мимо!»—«Что будетъ, то будетъ; авось Богъ не оставитъ!»—сказала она Гринева и «приготовилась къ мученической смерти», но Гринева не пустила въ домъ, гдѣ шла попойка Пугачева: «—теперь не до васъ... «бѣда, попадетесь подъ пьяную руку!» На вопросъ Пугачева, («а кто это у тебя охаеетъ, старуха?») поклонилась «вору въ поясъ и отвѣтила: «племянница моя, государь, захворала; лежитъ, вотъ уже вторая недѣля». Расска-

зывая объ этомъ Гриневу, прибавляетъ: «да скажите, мой отецъ, какъ это вы съ Пугачевымъ-то поладили? Какъ это онъ васъ не укокошилъ? Добро! спасибо злодѣю и за то». Пугачева величаетъ въ глаза «государемъ», а за глаза именуетъ «окаяннымъ» и «злѣемъ».

Акулина («Барышня-крестьянка»).—См. Лиза.

Акулина («Гробовщикъ»).—Одна изъ дочерей Адриана Прохорова. См. Прохоровы.

Акулька («Евг. Онѣгинъ»).—Уп. л. Одна изъ дворовыхъ Мариныхъ. Марина «стала звать Акулькой прежнюю Селину» (II, 32).

Акулька («Капит. дочка»).—Уп. л. Кривая «коровница» Гриневыхъ. Вмѣстѣ съ прачкой Палашкой А. кинулась Авдотѣ Васильевнѣ Гриневой «въ ноги, винясь въ преступной слабости и съ плачемъ жалуясь на мусье» Бопре, «обольстившаго ихъ неопытность».

Алеко («Цыганы»).—«Юноша». «Изгнанникъ перелетный». По словамъ Земфиры, «его преслѣдуетъ законъ»; по словамъ стараго цыгана, «гордый человекъ». «Ты, говоритъ ему старикъ, для себя лишь хочешь воли, «ты золь и смѣлъ». Среди «бродящей бѣдности и воли» цыганскаго табора, А. чувствуетъ себя «вольнымъ зрителемъ міра», но заботой «онъ томимъ». На вопросъ Земфиры: жалѣеть ли онъ «о томъ, что бросилъ навсегда», А. отвѣчаетъ: «О чемъ жалѣть!» «Одно мое желанье — съ тобой дѣлить любовь, досугъ и добровольное изгнанье». Два лѣта, «презрѣвъ оковы просвѣщенья», онъ безъ заботъ и сожалѣнья ведетъ кочующіе дни»; «онъ прежнихъ лѣтъ не помня даже, къ бытью цыганскому привыкъ; онъ любитъ ихъ ночлеговъ сѣни и упоенье вѣчной лѣни. и бѣдный звучный ихъ языкъ». А. «съ пѣньемъ звѣря водить», варить «нежатою пшено». «Съ нимъ черноокая Земфира» «и грусти тайную причину истолковать онъ не хотѣлъ», но страсти, игравшія его «послушною душою», «усмирѣли» ненадолго. И прежде «играли страсти его послушною душой;» онъ «съ волненіемъ кипѣли въ его измученной груди». «Порой волшебной славы манила дальняя звѣзда. Нежданно роскошь и забавы къ нему являлись иногда», «но онъ безпечно подъ грозою и въ ведро ясное дремалъ». «Подобно птичкѣ беззаботной», онъ «гнѣзда надежнаго не зналъ и ни къ чему не привыкалъ». «Ему вездѣ была дорога, вездѣ была ночлега сѣнь; проснувшись по утру свой день онъ отдавалъ на волю Бога, и жизни не могла тревога смутить его сердечну лѣнь».. Онъ не рожденъ для дикой воли», и любитъ Земфиру «горестно и трудно». «Не измѣнись, мой нѣжный другъ!» объ одномъ онъ молилъ Земфиру. За Земфирой онъ «готовъ идти всюду. Разсказъ цыгана объ измѣнѣ Маріулы А. перебиваетъ словами: «— Да какъ-же ты не поспѣшилъ тотчасъ во слѣдъ неблагодарной, и хищнику, и ей, коварной, кинжала въ сердце не вонзилъ?» «Утѣшься!»—совѣтуетъ ему старикъ.—«Земфира не вѣрна!» Моя Земфира охладѣла!»—повторяетъ лишь А. — «О мой отецъ! Алеко страшень, послушай: сквозь тяжелый сонъ и стонетъ и рыдаетъ онъ». «Мнѣ снилась ты, говоритъ А., «я видѣлъ, будто между нами... Я видѣлъ страшныя мечты».—«Ахъ, я не вѣрю ничему: ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ, ни даже сердцу твоему», отвѣчаетъ А. Земфирѣ. Онъ весь отдается воспоминаньямъ: «Какъ она любила! Какъ нѣжно преклоняясь ко мнѣ, она въ пустынной тишинѣ часы ночные проводила!». Чувство любви смѣняется у А. желаніемъ мести. «Я не таковъ, отвѣчаетъ онъ старому цыгану. «Нѣтъ; я, не споря, отъ правъ моихъ не откажусь, или хоть мщеньемъ наслажусь. О, нѣтъ! когда-бъ надъ бездной моря нашель я спящаго врага, клянусь, и тутъ моя нога не пощадила бы злодѣя: я въ волны моря, не блѣднѣя, и беззащитнаго толкнулъ», «и долго мнѣ его паденья смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ». Во снѣ, «въ его умѣ видѣнье смутное играетъ». «Страхъ его объемлетъ». По немъ текутъ и жаръ и хладъ». «О, что ты сдѣлалъ?»—говоритъ Земфира. — «Ничего», — отвѣчаетъ Алеко и поражаетъ тѣмъ же ножомъ Земфиру: «умри-жь и ты!». «Убийца страшень былъ лицомъ», когда «съ ножомъ

въ рукахъ, окровавленный сидѣлъ на камнѣ гробовомъ,---два трупа передъ нимъ лежали.

К р и т и к а: 1) «Въ Алеко Пушкинъ хотѣлъ показать образецъ чело-вѣка, который до того проникнуть сознаниемъ челоѣческаго достоинства, что въ общественномъ устройствѣ видитъ одно только униженіе и позоръ его достоинства, и потому, проклявъ общество, равнодушный къ жизни, Алеко въ дикой цыганской волѣ ищетъ того, чего не могло дать ему образованное общество, окованное предразсудками и приличіями, добровольно закабалившее себя на унижительное служеніе идолу золота. Вотъ что хотѣлъ Пушкинъ изобразить въ лицѣ своего Алеко; но успѣлъ ли онъ въ этомъ, то ли именно изобразилъ онъ?—Правда, поэтъ настаиваетъ на этой мысли, и видя, что поступокъ Алеко съ Земфирой явно ей противорѣчитъ, сваливаетъ всю вину на «роковыя страсти, живущія подъ разодранными шатрами», и на «судьбы, отъ которыхъ нигдѣ нѣтъ защиты». Но весь ходъ поэмы, ея развязка и особенно играющее въ немъ важную роль лицо стараго цыгана неоспоримо показываютъ, что, желая и думая изъ этой поэмы создать апоѳеозу Алеко, какъ поборника правъ челоѣческаго достоинства, поэтъ вмѣсто этого сдѣлалъ страшную сатиру на него и на подобныхъ ему людей, изрекъ надъ нимъ судъ неумолимо трагическій и вмѣстѣ съ тѣмъ горько ироническій». — — «Не страсти погубили Алеко. «Страсти»—слишкомъ неопредѣленное слово, пока вы не назовете ихъ по именамъ: Алеко погубила одна страсть, и эта страсть — эгоизмъ». — — «Турокъ въ душѣ, онъ считалъ себя впереди цѣлой Европы на пути къ цивилизованному уваженію правъ личности»; отвѣтъ А. старому цыгану вполнѣ раскрываетъ тайну его характера: «Я не таковъ. Нѣтъ, я не споря, отъ правъ моихъ не откажусь; или хотъ мщеніемъ наслажусь». Изъ этихъ словъ видно, что никакая могучая идея не владѣла душой Алеко, но что всѣ его мысли и чувства и дѣйствія вытекали, во-первыхъ, изъ сознанія своего превосходства надъ толпой, состоящаго въ умѣ болѣе блестящемъ и созерцательномъ, чѣмъ глубокомъ и дѣятельномъ; во-вторыхъ, изъ чудовищнаго эгоизма, который гордъ самимъ собой, какъ добродѣтелю. «Эта женщина (какъ разсуждаетъ эгоизмъ Алеко) отдалась мнѣ, и я счастливъ ея любовью, слѣдовательно, я имѣю на нее вѣчное и ненарушимое право, какъ на мою рабу, на мою вещь. Она измѣнила—и я не могу уже быть счастливъ ея любовью: она должна упоить меня сладостью мщенія. Ея оболститель лишилъ меня счастья,—и долженъ за это заплатить мнѣ жизнью». Не спрашивайте Алеко, наказалъ ли бы онъ самъ себя смертью, если-бъ онъ самъ измѣнилъ любимой имъ женщиной и съ свойственной эгоистамъ жестокостью оттолкнулъ ее отъ груди своей; не трудно угадать, какъ бы поступилъ и чтобы заговорилъ Алеко въ подобномъ обстоятельствѣ. Эгоизмъ изворотливъ, какъ хамелеонъ: мало того, что такой челоѣкъ, какъ Алеко въ подобномъ случаѣ сталъ бы рисоваться передъ самимъ собой, какъ великодушный и невинный губитель чужого счастья,—онъ, пожалуй, еще почелъ бы себя въ правѣ мстить смертью оставленной имъ женщиной, которая преслѣдуетъ его своими доуками, упреками, слезами и моленіями, съ чего-то вообразивъ, что имѣетъ на него какія-то права, какъ будто бы онъ созданъ не для жизни, а для ея удовольствія и, подобно дитяти, лишенъ воли. Не спрашивайте его также, имѣетъ ли на его жизнь право челоѣкъ, у котораго онъ отбилъ любовницу; съ свойственнымъ эгоизму безстыдствомъ Алеко въ такомъ случаѣ началъ бы предъ вами витіевато либеральничать и доказывать пышными фразами, что на женщину имѣетъ законное право только тотъ, кто, любя ее, любимъ ею, и что онъ, Алеко, первый бы уступилъ великодушно свою любовницу тому, кого бы она полюбила. Изъ этого-то животнаго эгоизма вытекаетъ и животная мстительность Алеко. Челоѣкъ нравственный и любящій живетъ для идеи, составляющей паѳосъ цѣлаго его существованія; онъ можетъ и горько презирать, и сильно ненавидѣть, но скорѣе по отношенію къ своей идеѣ, чѣмъ къ своему лицу. Онъ не снесетъ обиды и не позволитъ унижить себя, но это не мѣшаетъ ему умѣть прощать личныя обиды: въ этомъ случаѣ онъ не слабъ,

а только великодушень. Натуры блестящія, но въ сущности мелкія, потому что эгоистическія,—чужды стремленія къ идеѣ или идеалу: онѣ во всемъ ставятъ сосредоточіемъ свое милое Я. Если онѣ и заберутъ себѣ въ голову, что живутъ для какой-то идеи, то не возвышаются до идеи, а только нагибаются до нея, думаютъ не себя облагородить и освятить проникновеніемъ идей, но идею осчастливить своимъ султанскимъ выборомъ. И тогда ихъ идея въ ихъ глазахъ потому только истина, что она—ихъ идея, и потому всякій, не признающій ея истинности, есть ихъ личный врагъ. Но будучи оскорблены въ дѣлѣ личной страсти, эти люди думаютъ, что въ ихъ лицѣ оскорбленъ весь міръ, вся вселенная, и никакая мсть не кажется имъ незаконной. Таковъ Алеко!».

«Его противорѣчіе съ самимъ собой было причиной его гибели,—и онъ такъ жестоко наказанъ оскорбленнымъ имъ закономъ нравственности, что чувство наше, несмотря на великость преступленія, примиряется съ преступникомъ: Алеко не убиваетъ себя: онъ остается жить,—и это рѣшеніе дѣйствуетъ на душу читателя сильнѣе всякой кровавой катастрофы. Поэтическое сравненіе Алеко съ подстрѣленнымъ журавлемъ, печально остающимся на полѣ въ то время, когда станица весело поднимается на воздухъ, чтобъ летѣть къ благословеннымъ краямъ юга, выше всякой трагической сцены. Сидя на камнѣ, окровавленный, съ ножомъ въ рукахъ, «блѣдный лицомъ», Алеко молчитъ, но молчаніе краснорѣчиво: въ немъ слышится нѣмое признаніе справедливости постигшей его кары, и можетъ быть съ этой самой минуты въ Алеко звѣръ уже умеръ, а человѣкъ воскресъ»... «Вы скажете: слишкомъ поздно. Что-жъ дѣлать! такова, видно, натура этого человѣка, что она могла возвыситься до очеловѣченія только цѣной страшнаго преступленія и страшной за то кары... Не будемъ строги въ судѣ надъ падшимъ и наказаннымъ, а лучше тѣмъ строже будемъ къ самимъ себѣ, пока мы еще не пали, и заранѣе воспользуемся великимъ урокомъ. Если-бъ Алеко устоялъ въ гордости своего мщенія, мы не помирились бы съ нимъ: ибо видѣли бы въ немъ все того же звѣря, какимъ онъ былъ и прежде. Но онъ призналъ заслуженность своей кары,—и мы должны видѣть въ немъ человѣка: а человѣкъ человѣка какъ осудить?..». (Б ѣ л и н с к і й Соч. т. VIII).

2) Въ А. Пушкинѣ уже отыскалъ и гениально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ. Отыскалъ же онъ, конечно, не у Байрона только. Типъ этотъ вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей русской землѣ, поселившійся». А.—«это все тотъ же русскій человѣкъ, только въ разное время явившійся. Человѣкъ этотъ, повторяю, зародился какъ разъ въ началѣ второго столѣтія, послѣ великой петровской реформы въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ народной силы». «Гордый—то человѣкъ», реаленъ и мѣтко схваченъ. Въ первый разъ схваченъ онъ у насъ Пушкинымъ, и это надо запомнить. Именно, именно, чуть не по немъ, и онъ злобно растерзаетъ и казнить за свою обиду, или, что даже удобнѣе, вспомнивъ о принадлежности своей къ одному изъ четырнадцати классовъ, самъ возопіетъ, можетъ быть, (ибо случалось и это) къ закону терзающему и казнящему, и призоветъ его, только бы отомщена была личная обида его» [Д о с т о е в с к і й. «Дневникъ писателя», 1880 г.]

3) Около цыганки захотѣлъ Алеко быть цыганомъ; онъ опростился въ бытѣ, но душу его томила тайная грусть. Какъ идеаль, ему грезилась та Божья птичка, которая не знаетъ ни заботы, ни труда. Онъ думалъ, что сумѣетъ всю жизнь прожить безъ долготѣяго надежнаго гнѣзда, которое надо вить хлопотливо; онъ не хотѣлъ осѣдлости. Ему вездѣ была дорога, вездѣ ночлегъ. Но благословенная беззаботность перелетной птицы, которая ни къ чему не привыкаетъ, легко мѣняетъ сушу на синее море, близкія страны на дальнія, домъ на чужбину, для которой всякая весна и всякій теплый край является одинаково дорогою родиной,—эта чарующая подвижность и свобода сердца, это вниманіе къ гласу

одного только Бога было то, чего не осилилъ А. Когда прошло два лѣта, то оказалось, что онъ, раньше ни къ чему не привыкшій, безслѣдный, сталъ внутреннеосѣдлымъ, пересталъ быть цыганомъ. И это не потому, что въ немъ проснулись дремавшія страсти (вѣдь страсти играли и Земфирой), а потому, что онъ опростился только въ бытѣ, но не въ духѣ. Онъ водилъ медвѣдя, но не избылъ въ себѣ горожанина. Очевидно, культуру нельзя сбросить съ себя какъ одежду; глубоко проникаетъ въ сердце и помыслы ея отравленное зерно. Отъ того и произошло столкновение двухъ свободъ: меньшей, Алеко, и большей, Земфиры. «Не измѣнись, мой нѣжный другъ!» молилъ онъ Земфиру, боясь переменъ; но она была именно воплощенная переменна. (Ю. Айхенвальдъ. «Силуэты р. пис.», т. I).

Алексѣй («Рославлевъ»).—Братъ рассказчицы (см. Дама). «Двадцатидвухлѣтній малый»; «принадлежалъ къ сословію тогдашнихъ франтовъ»; «считался въ иностранной коллегіи и жилъ въ Москвѣ, танцуя и повѣсничая». Не владѣя еще «имѣніемъ», нажилъ «30 тысячъ долгу». «Идолъ» своего семейства, дѣлавшій изъ сестры все, «что хотѣлъ». Влюбился въ Полину и «предложилъ ей свою руку», но полагалъ, что съ женщинами должно употреблять языкъ, принаровленный къ слабостямъ ихъ понятій и что важные предметы до нихъ «не касаются». На вопросъ Полины, чѣмъ онъ пожертвуетъ отечеству, отвѣчалъ, что «приносить въ жертву на алтарь отечества свои долги», но черезъ недѣлю «вступилъ въ полкъ» и отправился на войну. Когда Полина разсердилась, сказавъ, что врядъ-ли «найдется женщина, довольно низкая, чтобъ позволить такимъ фиглярамъ притворяться передъ нею въ любви», А. «вспыхнулъ» и отвѣтилъ:—«Знайте, что кто шутитъ съ женщиною, тотъ можетъ не шутить передъ лицомъ отечества и непріятеля».

«Съ поля сраженія» находилъ «способъ писать ничего значущія письма» невѣстѣ, наполненные «шутками умными и плохими, вопросами о Полинѣ, пошлыми увѣреніями въ любви и проч. По характеристикѣ Полины, «препустой челоуѣкъ», но умеръ «героемъ», раненый въ бородинскомъ сраженіи.

Алексѣй П*** («Отрывокъ изъ романа въ письмахъ»). Знатокъ «свѣта и людей». Писатель. Лиза совѣтуетъ ему по «старой канвѣ» (старыхъ романовъ) вышить «новые узоры и представить» въ маленькой рамѣ картину свѣта и людей, которыхъ онъ такъ хорошо знаетъ. По словамъ Лизы, ея «уши были всегда къ его услугамъ, а ему только и надобно». «Неблагодарный» А.

Алеха («Борисъ Годуновъ»). — См. Приставъ, второй.

Альбертъ («Сцены изъ рыц. временъ»). — Рыцарь, братъ Клотильды. «Порядочно» подвыпивъ убилъ своего конюшаго Якова. «Яковъ сказалъ что-то... я разсердился и ударилъ его, помнится по щеку, а, можетъ быть, и въ високъ... однако, нѣтъ: точно по щеку; Яковъ повалился, да ужъ и не всталъ. Я легъ не раздѣвавшись, а на другой день узнаю, что мой бѣдный Яковъ умре». Предлагаетъ Францу замѣнить собой убитаго Якова, говоря, что его «не всѣ-жъ конюшіе убиты до смерти». Когда Францъ послѣ раздумья соглашается, А. прибавляетъ: «нечего было и думать». «Мужикъ, подлая тварь!» обзываетъ онъ Франца.

Альберъ («Скупой рыцарь»). — Рыцарь, сынъ барона Филиппа. «Благородный рыцарь», «тигренокъ», называетъ его герцогъ. На турниръ съ графомъ Делоржемъ (послѣ того, какъ шлемъ А. былъ «насквозь пробитъ, испорченъ»), съ открытой головой» помчался вихремъ и бросилъ графа на двадцать шаговъ, какъ маленькаго пажа». По словамъ отца, «не любитъ шумной свѣтской жизни; онъ дикаго и сумрачнаго права». Самъ говоритъ, что на турниръ попалъ случайно», потому что отецъ держитъ его не какъ сына, но «какъ мышъ, рожденную въ подпольѣ». «За герцогскимъ столомъ», «все рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ, да въ бархатѣ», одинъ А., «безумецъ, расточитель молодой, развратниковъ разгульный собесѣдникъ, «былъ въ латахъ». О шлемѣ поврежденномъ Делор-

жемъ жалѣть горько: «Проклятый графъ! Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ!» Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ же!» Конь А. хромаетъ «и выѣхать на немъ нельзя; въ домѣ вина «ни капли нѣтъ». «И платье нужно мнѣ! восклицаетъ А.—Ты требуешь заклада? Что за вздоръ? что дамъ тебѣ въ закладъ?—свиную кожу? Когда я могъ что заложить, давно ужъ продалъ бы! открыто говоритъ А., прося у жида «сотню червонцевъ» «подъ рыцарское слово». О, бѣдность, бѣдность! Какъ унижаетъ сердце намъ она!» Ему стыдно «дамъ и герцога», и онъ одинъ лишь знаетъ причину «храбрости» своей «и силы дивной» на турнирѣ. «Геройству что виною было?—Скупость», отвѣчаетъ А. «Взбѣлся я за поврежденный шлемъ», прибавляетъ А., но «последнюю бутылку» вина, присланнаго въ подарокъ изъ Испаніи, отдаетъ «больному кузнецу». — «Повѣрьте, государь, терпѣлъ я долго стыдъ горькой бѣдности. Когда-бъ не крайность, вы-бъ жалобы моей не услышали», говоритъ онъ герцогу. — «Проклятое житье!» Намековъ жида отравить отца А. сначала не понимаетъ. «Что-жъ? взаимы на мѣсто денегъ, ты мнѣ предложишь склянокъ двѣсти яду—за склянку по червонцу. Такъ ли, что ли? «Какъ отравить отца! и смѣлъ ты сыну... Иванъ! держи его! И смѣлъ ты мнѣ!..»—Я... шутилъ... Я деньги вамъ принесъ, отвѣчаетъ жидъ.—«Вонъ, пестъ!»—«Вотъ до чего меня доводитъ отца родного скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ что предложить!..» «Я весь дрожу... Иванъ, однако-жъ деньги мнѣ нужны... Сбѣгай за жидомъ проклятымъ, возьми его червонцы. Да сюда мнѣ принеси чернильницу... Я плуту росписку дамъ. Да не вводи сюда Гуду этого... Иль нѣтъ, постой—его червонцы будутъ пахнуть ядомъ, какъ сребренники пращуря его... А. «тайну своей горькой бѣдности» предпочитаетъ открыть герцогу и у него «искать управы». Онъ тяготится ложью: «отговорился я тѣмъ, что на турнирѣ попалъ случайно, а нынче что скажу?»—«Баронъ, вы лжете!—Вы лжець!» бросаетъ А. въ лицо отцу (обвинившему его передъ герцогомъ, что А. его «хотѣлъ убить»), и «поспѣшно» «поднимаетъ» перчатку, брошенную отцомъ, чтобъ «мечъ» ихъ разсудилъ. «Жаль!» говоритъ А., когда герцогъ отнимаетъ отъ него перчатку.

К р и т и к а: «Сыну рыцаря немного штриховъ посвятилъ поэтъ, но ими вполне очертилъ его юный, легкій и привлекательный образъ. Онъ добрый, въ сущности непривередливый; последнюю бутылку испанскаго вина онъ отослалъ больному кузнецу и потому свое волненіе и дрожь не могъ успокоить виномъ,—такъ удовольствовался водой. Онъ проситъ у еврея денегъ, онъ зависитъ отъ него, называетъ его своимъ другомъ, и въ то же время издѣвается надъ нимъ, такъ какъ трудно его гордости переносить это сочетаніе: рыцарь и ростовщикъ, и не подобаешь рыцарю быть въ плѣну у ростовщика. Послѣ смерти отца, Альберъ отъ этого плѣна освободился». [Ю. А й х е н в а л ь д ь «Силуэты р. пис.», т. I.]

Альваръ, донъ-де-Сольва («К а м. Г о с т ь»).—См. К о м а н д о р ь.

Англоманъ (Б а р ы ш н я - к р е с т ь я н к а). — См. М у р о м с к і й, Г р. И в.

Андрей Аванасьевичъ («К а п и т. д о ч к а»).—Земскій. По собственному признанію, государственный чиновникъ. Караульный называетъ его просто Андрюхой. На вопросъ Гринева:—«Гдѣ Андрюшка-земскій?»—отвѣчалъ гордо подбочась: «Я самъ Андрей Аванасіевичъ, а не Андрюшка. По разсказу караульнаго, А. А. заперъ стариковъ Гриневыхъ «въ хлѣбномъ амбарѣ», — «посадилъ ихъ въ колодки и хочетъ свезти къ батюшкѣ-государю»... А. А. «съ надменнымъ видомъ спросилъ Гринева, пытавшася сбить замокъ съ двери амбара, «какъ» онъ смѣетъ «буянить». Когда Гриневъ схватилъ его «за шиворотъ, «было заупрямился», но вынулъ ключъ и отперъ амбаръ»; впустивъ Гринева, вновь заперъ амбаръ; на требованіе Гринева «отопри», А. А. «отвѣчалъ»:—«Какъ не такъ! сиди-ка самъ здѣсь. Вотъ ужъ научимъ тебя буянить, да за воротъ таскать государевыхъ чиновниковъ». Во время перепалки былъ раненъ саблей въ голову и «упалъ, загородивъ порогъ».

Андрей Григорьевичъ Дубровскій, см. Д у б р о в с к і й, А. Г.

Андрей Карлович Р. («К а п и т. д о ч к а»). — Генераль; старинный товарищ и другъ Андрея Петровича Гринева. «Старикъ-холостякъ», «высокаго роста, но уже сторбленный старостью, хотя «лицо его изображало здоровье и добродушіе». Длинные волосы его были совсѣмъ бѣлы. Старый, полинялый мундиръ напоминалъ война временъ Анны Іоанновны». «Въ его рѣчи сильно отзывался нѣмецкій выговоръ».—«Поже мой!—говоритъ А. К. Гринева: «тафно ли, кажется, Андрей Петровичъ былъ еще твоихъ лѣтъ, а теперь вотъ ужъ какой у него молотець! Ахъ, фремя, фремя!» «Что такое ешovy рукавицы? Это должно быть русскаго поговоркъ», спрашивалъ А. К. и, послѣ отвѣта Гринева, продолжаетъ: «нѣтъ, видно ешovy рукавицы значить не то...—«Строгая нѣмецкая экономія царствовала за его столомъ и, по словамъ Гринева, «страхъ видѣть иногда лишняго гостя за своей холостой трапезой, былъ отчасти причиною поспѣшнаго удаленія А. К. въ гарнизонъ».—«Можно будетъ обѣщать за голову бездѣльника... рублей семьдесятъ или даже сто... изъ секретной суммы...—мы еще объ этомъ подумаемъ и потолкуемъ». Любилъ простоту въ отношеніяхъ. «Это что за серемоніи?» дѣлаетъ «замѣчанія» А. К., читая письмо отъ Андрея Петровича Гринева.—«Фуи, какъ ему не софѣсно», «такъ ли пишутъ къ старому камратъ?» «Въ саду самъ осматривалъ яблони, обнаженныя дыханіемъ осени и, съ помощію стараго садовника, бережно ихъ укутывалъ теплой соломой», но дисциплину считалъ «первымъ дѣломъ», и учиться ей посылаетъ Гринева въ Бѣлогорскую крѣпость. — «Завтра же поѣзжай въ Бѣлогорскую крѣпость, гдѣ ты будешь въ командѣ капитана Миронова, добраго и честнаго человѣка. Тамъ ты будешь на службѣ настоящей, научишься дисциплинѣ. Въ Оренбургѣ дѣлать тебѣ нечего, разсѣяніе вредно молодому человѣку». — Спокойствіе отличало А. К. Узнавъ о приближеніи Пугачева къ Бѣлогорской крѣпости, отдаетъ приказъ коменданту «немедленно принять надлежащія мѣры къ отраженію помянутаго злодѣя и самозванца, а буде можно, и къ совершенному уничтоженію онаго, если онъ обратится на крѣпость, ввѣренную вашему попеченію». На военномъ совѣтѣ спокойно разобралъ предложенные способы дѣйствія противъ Пугачева, замѣтивъ, что «каждый изъ этихъ способовъ имѣетъ свою выгоду и невыгоду». Дѣйствіе наступательное представляетъ болѣе надежды на скорѣйшее истребленіе непріятели; дѣйствіе оборонительное—болѣе вѣрно и безопасно». На предложенія совѣтника «двигаться подкупательно», А. К. сказалъ:—«Э-хе, хе! мнѣніе ваше весьма благоразумно. Движенія — подкупательныя тактикою допускаются и мы воспользуемся вашимъ совѣтомъ». На томъ же совѣщаніи «слабый почтенный воинъ совершенно» согласился съ мнѣніемъ прапорщика Гринева, ибо «мнѣніе сіе основано на всѣхъ правилахъ здравой тактики», которая всегда почти наступательныя движенія оборонительнымъ предпочитаетъ; но «наперекоръ собственному убѣжденію рѣшился слѣдовать мнѣніямъ людей несвѣдующихъ и неопытныхъ,—«Я не смѣю взять на себя, сказалъ А. К., столь великую отвѣтственность, когда дѣло идетъ о безопасности ввѣренныхъ мнѣ провинцій ея императорскимъ величествомъ, всемилостивѣйшей моей государыней. Итакъ, соглашаюсь съ большинствомъ голосовъ, которое рѣшило, что всего благоразумнѣе и безопаснѣе внутри города ожидать осады, а нападенія непріятели силой артиллеріи и (буде окажется возможнымъ) вылазками — отражать». «Слушаль» «со вниманіемъ» Гринева; рассказывающаго «объ ужасныхъ происшествіяхъ и между тѣмъ отрѣзывалъ сухія вѣтки».—«Бѣдный Мироновъ!»—говорилъ А. К., «жалъ его, хорошій былъ офицеръ; и мадамъ Мироновъ добрая была дама и какая мастерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?».. И услыша, что она осталась въ крѣпости, замѣтилъ: «Ай, ай, ай; это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойниковъ никакъ нельзя положиться. Что будетъ съ бѣдною дѣвушкою». «Что такое, батюшка?» спросилъ изумленный А. К. Гринева, я не могу взять ее на свою «отвѣтственность». «Это еще не бѣда:—утѣшалъ А. К. Гринева,—лучше ей быть, покамѣстъ женою Швабрина, онъ теперь можетъ оказать ей протекцію; а когда его разстрѣляемъ, тогда, Богъ

дать, и сыщутся ей женишки. Миленькія вдовушки въ дѣвкахъ не сидятъ; то есть, хотѣлъ я сказать, что вдовушка скорѣе найдетъ себѣ мужа, нежели дѣвица».—«О, этотъ Швабринъ», говорилъ А. К., «превеликій Schelm, и если попадется ко мнѣ въ руки, то я я велю судить его въ 24 часа, и мы разстрѣляемъ его на парпетѣ крѣпости!

— «Что могу я для тебя сдѣлать? говори, какъ это? очистить Бѣлогорскую крѣпость». «Нѣтъ, молодой человекъ», сказалъ А. К. качая головою: и пустился въ военныя разсужденія, «на такомъ великомъ разстояніи непріятелю легко будетъ отрѣзать насъ отъ коммуникаціи съ главнымъ стратегическимъ пунктомъ и получить надъ вами совершенную побѣду. Пресѣченная коммуникація»... На требованія Гринева «выслать войско», А. К. покачалъ головою, съ видомъ недовѣрчивости. — «Посмотримъ, посмотримъ, сказалъ онъ: объ этомъ мы еще успѣемъ потолковать. Прошу ко мнѣ пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будетъ военный совѣтъ. Ты можешь дать намъ вѣрныя свѣдѣнія о бездѣльникѣ Пугачевѣ и объ его войскѣ. Теперь, покаместъ, поди отдохни».—Ба, ба, ба, ба! сказалъ А. К. Гринева, теперь понимаю, ...ты, видно, въ Марью Ивановну влюбленъ. О, дѣло другое! Бѣдный малый! Но все же я никакъ не могу дать тебѣ роту солдатъ и полсотни казаковъ. Эта экспедиція была бы неблагоразумна.

Андрюшка («Евгеній Онѣгинъ»). — «Скорѣй! Пошелъ, пошелъ. Андрюшка!» II, 32.

Анисимъ («Дубровскій»). — Кистеневскій священникъ. Когда судъ пріѣхалъ отбирать Кистеневку у Дубровскаго, сказалъ попадѣ: «удались отъ зла и сотвори благо»; «нечего намъ здѣсь оставаться; не твоя бѣда, чѣмъ бы дѣло не кончилось».

Анисья («Евг. Онѣгинъ»). — «Ключница» въ имѣніи Онѣгина. «Старушка». «Старый баринъ», дядя Онѣгина, «бранился» съ ней и по «воскресеньямъ», «бывало, надѣвъ очки, играть изволилъ въ дурачки». — «Дай Богъ душѣ его спасенье, а косточкамъ его покой въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой», — прибавляетъ А., показывая домъ Онѣгина Татьянѣ. Она же рассказала Татьянѣ, гдѣ «сиживалъ» Онѣгинъ, гдѣ «почивалъ», и «кофей кушалъ».

Анна Власьева («Капит. дочка»). — Жена станціоннаго смотрителя. «Племянница придворнаго истопника»; «тотчасъ же» съ Марьей Ивановной «разговорилась» и, «посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни», рассказала, въ которомъ часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ; кого принимала вечеромъ. Въ саду А. В. рассказала исторію каждой аллеи и cadaго мостика; «разговоръ» ея стоилъ «нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцененъ для потомства». Когда же придворная карета пріѣхала за Марьей Ивановной, А. В. «изумилась и расхлопоталась».

— Ахти, Господи! закричала она: государыня требуетъ васъ ко двору. Какъ же это она про васъ узнала? Да какъ же вы, матушка, представитесь къ императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по-придворному не умѣете... Не проводить ли мнѣ васъ? Все-таки, я васъ хоть въ чемъ-нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? Не послать ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ?» «Сопровождаемая совѣтами и благословеніями» А. В., Марья Ивановна «поѣхала во дворецъ»; А. В., «нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами», «хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала его провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно».

Анна Гарлинь («Марія Шонингъ»). См. Гарлинь, Анна.

Анна-де-Сольва («Каменный гость»).—См. Донна-Анна.

Анна Федотовна, графиня *** («Пиковая дама»). — См. Графиня. **.

Антиповна («Капитанская дочка»). — Уп. л. По словамъ Савельича, «къ А., то и дѣло бывало Бопре забѣжить: «Мадамъ, же ву при водкю».

Антонъ («Дубровскій»).—«Старый кучеръ» Дубровскихъ. «Проследился, увидя прѣхавшаго Дубровскаго. Наканунѣ ввода во владѣніе Кистеневкой Троекурова не могъ заснуть всю ночь: «до сна ли намъ», говоритъ А., «до чего мы дожили»...

Антонъ Тимофеевъ («Исторія села Горюхина»). — Былъ посаженъ «окаяннымъ приказчикомъ» «въ желѣзы», какъ говоритъ «горюхинскій лѣтописецъ».

Арапъ Петра Великаго. — См. Ибрагимъ.

Арбатова («Дубровскій»). — Имѣніе князя Верейскаго.

Арина Егоровна Бузырева («Дубровскі»). — См. Бузырева, А. Е.

Аринушка («Капит. дочка»). Уп. л. Знакомая Зурина; у нея въ Симбирскѣ Гриневъ и Зуринъ «отужинали».

Архіерей («Пиковая Дама»).—«Молодой». При отпѣваніи графини *** «произнесъ надгробное слово. Въ простыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ представилъ онъ мирное усненіе праведницы, которой долгіе годы были тихимъ, умиленнымъ приготовленіемъ къ христіанской кончинѣ. «Ангель смерти обрѣлъ ее, сказалъ ораторъ, бодрствующую въ помышленіяхъ благихъ и въ ожиданіи жениха полунощнаго».

Архипъ («Дубровскій») —Крѣпостной Дубровскаго—кузнецъ. Ночью съ топоромъ пробрался къ спящимъ подъячимъ, прѣхавшимъ отбирать имѣніе отъ его господъ. Когда Дубровскій послалъ А. отпереть двери изъ передней, чтобъ подъячіе могли выйти изъ горящаго дома, «Архипъ заперъ ихъ на ключъ, промолвя вполголоса: «какъ не такъ, отопрѣ». «Съ злобной улыбкой» онъ смотрѣлъ на пожаръ; на крики подъячихъ и просьбы Егоровны спасти ихъ, твердилъ лишь свое: «какъ не такъ», но замѣтя на крышѣ горящаго сарая кошку, А. поставилъ лѣстницу на загорѣвшуюся кровлю» и самъ, «полуобгорѣвъ», спасъ ее, потому что не можетъ видѣть какъ «Божья тварь погибаетъ». Когда Кистеневка выгорѣла. Архипъ простился съ дворней и ушелъ, такъ какъ ему «здѣсь дѣлать нечего», безъ своихъ хозяевъ Дубровскихъ.

Архипъ Савельевъ («Капитанская дочка»).—См. Савельичъ.

Архипъ-лысый («Исторія села Горюхина»).—Уп. л. Пѣвецъ древняго Горюхина. «Стихотворенія А.-Л. сохранились въ памяти потомства. Сіи пѣсни заимствованы большею частью изъ русскихъ, сочиненныхъ солдатами-писателями и боярскими слугами, но приновренныхъ очень искусно къ нравамъ горюхинскимъ и къ различнымъ обстоятельствамъ».

Б.

Б., графиня Марія («Выстрѣлъ»).—Жена гр. Б. «молодая и прекрасная сосѣдка» разсказчика. Увидя Сильвію, прицѣлившагося въ графа, «съ визгомъ» кинулась на шею мужу, потомъ «бросилась къ ногамъ» Сильвію и «упала въ обморокъ». Во время разсказа графа о поединкѣ съ Сильвію была «блѣднѣе своего платка».

Б., графиня («Рославлевъ»).—«Востроноса гр. Б.». По ея мнѣнію «Наполеонъ былъ такая бестія, а М-me de Staël — претонкая штука».

Б., графъ («Выстрѣлъ»). —По словамъ Бѣлкина мужчина «прекрасный собою»: По разсказу Сильвію онъ «отроду не встрѣчалъ счастливаца столь блистательнаго». Вообразите себѣ», разсказываетъ Сильвію Бѣлкину, «молодость, умъ, красоту, веселость самую бѣшенную, храбрость самую безпечную, громкое имя, деньги, которымъ не зналъ онъ счета, и которыя никогда у него не переводились». «Успѣхи его въ полку и обществѣ» были огромные. «На балѣ у польскаго помѣщика онъ былъ предметомъ вниманія всѣхъ дамъ». На дуэли съ Сильвію, которо-

му Б. далъ пощечину за «плоскую глупость», не выражалъ ни тѣни «безпокойства». Онъ стоялъ подъ пистолетомъ, выбирая изъ фуражки спѣлыя черешни и выплевывая косточки». Но послѣ женитьбы увидя Сильвію у себя въ домѣ, испугался и волоса стали на немъ дыбомъ». Послѣ выстрѣла Сильвію, «четыре года какъ не бралъ въ руки пистолета». Графъ Б. самъ открываетъ Бѣлкину имя того «повѣсы», который далъ пощечину Сильвію и «съ видомъ чрезвычайно раздраженнымъ» рассказываетъ Бѣлкину, какъ онъ «обидѣлъ его друга» и какъ Сильвію ему «отомстилъ».

Б. («Гости съѣзжались на дачу»).—Уп. л. «Нѣсколько времени занималъ» воображеніе Вольской. По словамъ Минскаго В. «слишкомъ» для нея «ничтоженъ». «Весь умъ его почерпнуть изъ Liaisons dangereuses такъ же какъ весь его гений выкраденъ изъ Жюмани. Узнавъ его покороче вы будете презирать его тяжелую безнравственность, какъ военные люди презираютъ его пошлыя разсужденія.

Б., князь («Капит. дочка»).—Уп. л. «Маіоръ гвардіи». «Начальникъ» Семеновскаго полка, куда, по милости князя Б., молодой Гриневъ «былъ записанъ сержантомъ». Близкій родственникъ Гриневыхъ. Послѣ суда надъ Гриневымъ, «писалъ» его отцу, «что подозрѣнія насчетъ участія сына его въ замыслахъ бунтовщиковъ, къ несчастью, оказались слишкомъ основательными, что примѣрная казнь должна была бы сына постигнуть, но что государыня, изъ уваженія къ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ отца, рѣшилась помиловать преступнаго сына и, избавляя его отъ позорной казни, повелѣла только сослать въ отдаленный край Сибири на вѣчное поселеніе».

Баба («Бор. Годуновъ»).—Въ толпѣ народа, унимаетъ своего ребенка: «Агу! не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука тебя возьметъ». Когда же народъ началъ «выть и плакать», говоритъ ребенку:—«Ну что жъ? Какъ надо плакать, такъ и затихъ! Вотъ я тебѣ!... вотъ бука! Плачь баловень». (Ребенокъ плачетъ).—«Ну то-то же!»

Бабушка («Капит. дочка»).—Уп. л. «Повивальная»; «за желтымъ роброномъ» Б. хотѣла было «послать» Анна Власьева для Марьи Ивановны.

Баронъ W («Гости съѣзжались на дачу»).—Уп. л. «Дѣвочка въ мундирѣ», по характеристикѣ Минскаго.

Баронъ («Скупой рыцарь»).—См. Филиппъ, баронъ.

Барская барыня («Арапъ Петра В.»).—Въ старинномъ шушунѣ и кичкѣ».

Барская барыня («Пиковая дама»).—«Ровесница» графини ***; послѣдней приблизилась къ гробу графини. «Двѣ молодыя дѣвушки вели ее подъ руки. Она не въ силахъ была поклониться до земли—и одна пролила нѣсколько слезъ, поцѣловавъ холодную руку госпожи своей».

Басмановъ («Бор. Год.»).—«Со всѣмъ умомъ твоимъ и твердой волей», говоритъ ему посоль самозванца.—«Умъ» его отмѣчаетъ Борисъ Год., считающій Б. «искуснымъ вождемъ». «Le brave Basmanoff»,—отзывается о немъ Маржереть. «Онъ въ войскѣ былъ нуженъ», чѣмъ въ Думѣ, говоритъ самозванецъ. «Государь,—обѣщаетъ Б. Борису Годунову, когда послѣдній посылаетъ его съ Трубецкимъ въ помощь воеводамъ,—«трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ и замолчитъ и слухъ о самозванцѣ. Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ. Богомъ тебѣ клянусь».—«Соперниковъ во брани я не знаю», думаетъ онъ о себѣ. «Пока стою за юнаго царя, дотолѣ онъ престола не оставитъ», заявляетъ онъ боярину Пушкину.—Когда Борисъ рѣшилъ поставить Б. надъ войскомъ, вопреки боярамъ, («пошлю тебя начальствовать надъ ними (боярами), не родъ, а умъ поставлю въ воеводы»),—Б. восхищается Борисомъ: «Высокій Духъ державный!—Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ управиться; и много, много онъ еще добра Россіи сотворитъ».—«Ахъ, государь», восклицаетъ онъ, «стократно благословенъ тотъ будетъ день, когда разрядныя книги, съ раздорами, съ гордыней родословной, пожретъ огонь!» И на слова Бо-

риса: — «Дай сперва смятенъе народа мнѣ усмирить», возражаетъ: — «Что на него смотрѣть? Всегда народъ къ смятенію тайно склоненъ». — «Мысль важная въ умѣ его (Бориса) родилась, разсуждаетъ онъ, — не надобно ей дать остыть. Какое мнѣ поприще откроется, когда онъ сломитъ рогъ боярству родовому!.. У царскаго престола стану первый... и, можетъ быть»...

Умирая, Борисъ заставилъ Б. «цѣловать крестъ Θεодору». Θεодоръ «высоко вознесъ» Б., «презрѣлъ» для него «и чинъ разрядный и гнѣвъ бояръ»; поставилъ «начальствовать надъ войскомъ». — Но Б. принимаетъ Пушкина, посла самозванца: «Войди сюда и говори свободно». Слова, соблазняющаго къ измѣнѣ посла (самозванецъ «законнѣйшій» наслѣдникъ), Б. обрываетъ сразу: «Пустого мнѣ не говори: я знаю кто онъ». Не соблазнило его и предложеніе самозванца, который обѣщаетъ Б. «дружбу и первый санъ по немъ въ московскомъ царствѣ». — «Я и такъ Θεодоромъ высоко вознесенъ». Въ побѣдѣ Θεодора онъ тоже увѣренъ: «пока стою за юнаго царя, дотолѣ онъ престола не оставитъ... — А вы кого противъ меня пошлете? Да много-ль васъ?» — Бояринъ Пушкинъ ведетъ съ нимъ дѣло на чистоту: «Быть можетъ, онъ (Дмитрій) и самозванецъ». — «передъ тобой не стану я лукавить... войско наше дрянъ»; и его мало, «не наберешь» и восьми тысячъ. «Но знаешь, чѣмъ сильны мы?» — «Мнѣніемъ народнымъ». «Не лучше ли тебѣ дать первому примѣръ благоразумный: Дмитрія царемъ провозгласить и тѣмъ ему навѣки услужить?» — «Онъ правъ, онъ правъ: вездѣ измѣна зрѣеть», соглашается въ душѣ Б. «Не лучше-ль предупредить разливъ потока бурный и самому»... — «Но измѣнить присягѣ! Но заслужить безчестье въ родѣ и родѣ!» — «Любимцу государя» «довѣренность младаго вѣнценосца предательствомъ ужаснымъ заплатитъ!..» — колеблется онъ. «Но смерть... но власть... но бѣдствія народны... (задумывается)». — «Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднѣемъ свои полки привелъ ему къ присягѣ», объявляетъ въ слѣдующей сценѣ народу Пушкинъ.

Башнирецъ («К а п и т. д о ч к а»). — «Б. казалось лѣтъ за семьдесятъ. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вмѣсто бороды торчало пѣсколько сѣдыхъ волосъ; онъ былъ малаго роста, тощъ и сторбленъ; но узенькіе глаза его сверкали еще огнемъ». Одѣтъ былъ въ полосатый халатъ. Б. «схваченъ былъ» «съ возмутительными листами». «Эхе», «сказалъ комендантъ, узнавъ по страшнымъ примѣтамъ» въ Б. «одного изъ бунтовщиковъ, наказанныхъ въ 1741 г.»: «да ты, видно, старый волкъ, побывалъ въ нашихъ капканахъ. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя такъ гладко выстрогана башка». На допросѣ Б. «молчалъ и глядѣлъ на коменданта съ видомъ совершеннаго безмыслія». «Когда-жъ одинъ изъ инвалидовъ взялъ его руки и, положивъ на свои плечи, а Юлай взялъ плеть и замахнулся, — тогда Б. застоналъ слабымъ, умоляющимъ голосомъ и, кивая головою, открылъ ротъ, въ которомъ вмѣсто языка шевелился короткій обрубокъ». При казни коменданта «на перекадинѣ» висѣлицы очутился верхомъ изувѣченный Б., который «держалъ въ рукѣ веревку».

Баянъ («Р у с л. и Л ю д м.»). — «Вѣщій». См. В л а д и м і р ѣ , Красное Солнышко.

Берестовъ Алексѣй Ивановичъ («Б а р ы ш н я-к р е с т ь я н к а»). — Сынъ Ивана Петровича. Воспитывался въ университетѣ и «намѣревался вступить въ военную службу», т. к. «къ статской службѣ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ»; «сосѣды говорили согласно, что изъ него не выйдетъ путнаго столоначальника», но отецъ не желалъ, чтобы сынъ «шелъ въ гусары». А. И. «былъ въ батюшку», и его столь же трудно было переспорить; онъ не уступалъ отцу, но сталъ жить въ деревнѣ «покамѣстъ бариномъ, отпустивъ усы на всякій случай». По отзыву Насти, «удивительно хорошъ; красавецъ, можно сказать. Стройный, высокій, румянецъ во всю щеку». «На охотѣ онъ скакалъ всегда первый, не разбирая дороги». «Этакаго бѣшенаго я съ роду не видала», говорила о немъ Настя. «Барышни поглядывали на него, а иногда и заглядывались; но Алексѣй мало ими занимался». «Онъ первый передъ ними явился мрачнымъ и разочаро-

важнымъ; первый говорилъ имъ объ утраченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности; сверхъ того, носилъ онъ черное кольцо съ изображеніемъ мертвой головы». «Онъ считалъ, что холодная разсѣянность, во всякомъ случаѣ, всего приличнѣе»; но, несмотря на роковое кольцо, на таинственную переписку (А. И. писалъ письма въ Москву Акулинѣ Петровнѣ Курочкиной для передачи А. Н. Р.) и «мрачную разочарованность», «былъ добрый и пылкій малый и имѣлъ сердце чистое, способное чувствовать наслажденія невинности». «Молодая красавица всегда имѣла право на его воображеніе». При встрѣчѣ съ Акулиной «мысли и чувства, необыкновенныя въ простой дѣвушкѣ, поразили Алексѣя. Онъ «увѣрялъ ее въ невинности своихъ желаній, общалъ никогда не подать ей повода къ раскаянію, повиноваться ей во всемъ, заклиналъ ее не лишать его одной отрады—видаться съ нею наединѣ, хотя-бы черезъ день, хотя-бы дважды въ недѣлю. Онъ говорилъ языкомъ истинной страсти, и въ эту минуту былъ точно влюбленъ». «Хотя предписанія странной крестьянки («Дай мнѣ слово, сказала она, наконецъ: что ты никогда не будешь искать меня въ деревнѣ или распрашивать обо мнѣ. Дай мнѣ слово не искать другихъ со мною свиданій, кромѣ тѣхъ, которыя я сама назначу») казались ему тягостными», но мысль не сдержать своего слова не пришла даже ему въ голову», хотя, «Алексѣй, какъ не привязанъ былъ къ милой своей Акулинѣ, все помнилъ разстояніе между нимъ и бѣдной крестьянкой». Когда же отецъ поклялся «сдѣлать его нищимъ», если А. не женится на Муромской, «романическая мысль жениться на крестьянкѣ и жить своими трудами пришла ему въ голову, и чѣмъ болѣе думалъ онъ о семъ рѣшительномъ поступкѣ, тѣмъ болѣе находилъ въ немъ благоразумія». «Онъ написалъ Акулинѣ письмо самымъ четкимъ почеркомъ и самымъ бѣшенымъ слогомъ, объявлялъ ей о грозящей имъ гибели и тутъ же предлагалъ ей свою руку. Тотчасъ отнесъ онъ письмо на почту, въ душло, и легъ спать весьма довольный собою». «Твердый въ своемъ намѣреніи», онъ поѣхалъ къ Муромскому, дабы откровенно съ нимъ объясниться. Онъ надѣялся подстрекнуть его великодушіе и склонить на свою сторону».

Берестовъ, Иванъ Петровичъ («Б а р ы ш н я-к р е с т ь я н к а»). — Помѣщикъ «одной изъ отдаленныхъ нашихъ губерній», владѣлецъ Тугилова. «Медвѣдь и провинціалъ», по отзыву Муромскаго. «Въ молодости своей служилъ онъ въ гвардіи, вышелъ въ отставку въ началѣ 1797 года, уѣхалъ въ свою деревню и съ тѣхъ поръ оттуда не выѣзжалъ. Онъ былъ женатъ на бѣдной дворянкѣ, которая умерла въ родахъ, въ то время, какъ находился въ отъѣздкѣ полѣ. Хозяйственные упражненія скоро его утѣшили. Онъ выстроилъ домъ по собственному плану, завелъ у себя суконную фабрику, устроилъ доходы, и сталъ почитать себя умнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околоткѣ, въ чемъ и не прекословили ему сосѣды, пріѣзжавшіе къ нему гостить съ своими семействами и собаками. Въ будни ходилъ онъ въ плисовой курткѣ, по праздникамъ надѣвалъ сюртукъ изъ сукна домашней работы, самъ записывалъ расходъ и ничего не читалъ, кромѣ Сенатскихъ вѣдомостей. Вообще его любили, хотя и почитали гордымъ». «Ненависть къ нововведеніямъ была отличительной чертой его характера»; объ «англоманѣ» Муромскомъ «изъ людей, осуждавшихъ его, Берестовъ отзывался строже всѣхъ.—Да-съ! говорилъ онъ съ лукавой усмѣшкой: у меня не то, что у сосѣда Григорія Ивановича! Куда намъ по-англійски разоряться! Были бы мы по-русски сыты!».

Берта («С ц е н ы и з ь р ы ц . в р е м е н ь»).—Служанка Клотильды.

Вертольдъ («С ц е н ы и з ь р ы ц . в р е м е н ь»).—Сосѣдъ Мартына; алхимикъ; по словамъ Мартына, если бы не побросалъ въ алхимическій огонь всѣхъ денегъ, которыя прошли черезъ его «руки, то былъ бы богатъ». Уповаетъ «на послѣдній и рѣшительный опытъ», т. к. всѣ предыдущіе не удавались ему лишь «отъ бездѣлицы». «Если и этотъ опытъ не удастся, то алхимія вздоръ», говорить Б., занимая у Мартына полтораста гульденовъ. Мечтаетъ открыть

perpetuum mobile. «Дѣлать золото», говоритъ Б. Мартыну, задача заманчивая, открытіе, б. м., любопытное; но найти perpetuum mobile... (о!).

Бетси («Б а р ы ш н я-к р е с т ь я н к а»). См. Л и з а.

Бинбаевъ, Ѳомка («К а п и т. д о ч к а»).—Уп. л. По словамъ одного казака, когда Пугачевъ нагнулся въ банѣ, «Тарасъ Курочкинъ не вытерпѣлъ, отдалъ вѣникъ Б.».

Битяговскій («Б о р. Г о д.»).—«Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ» убить царевича Димитрія?—«Вдругъ, между насъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ», является Иуда Битяговскій. «Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль и въ мигъ его не стало».

Бопре («К а п и т. д о ч к а»).—Уп. л. Учитель и воспитатель молодого Гринева. Французъ «котораго выписали изъ Москвы вмѣстѣ съ годовымъ запакомъ вина и прованскаго масла». Б., «въ отечествѣ своемъ былъ парикмахеромъ, потомъ въ Пруссіи солдатомъ, потомъ пріѣхалъ въ Россію pour être outchitel, не очень понимая значенія этого слова. По контракту Б. обязанъ былъ учить «Гринева» по-французски, по-нѣмецки и всѣмъ наукамъ», но Б. «предпочелъ наскоро выучиться» отъ ученика «кое-какъ болтать по-русски и потомъ каждый изъ нихъ занимался своимъ дѣломъ, живя «душа въ душу». Вмѣсто ученія Б. напивался пьянымъ и засыпалъ «сномъ невинности» во время урока, а ученикъ пользуясь сномъ Б., «принимался «за работу», т. е. вырѣзываніе «змѣй» изъ географической карты. По словамъ Гринева, Б. «далъ» ему «нѣсколько уроковъ въ фехтованіи». Савельичъ прозвалъ Б. «собачьимъ сыномъ и басурманомъ», который «научилъ» Гринева «тыкаться желѣзными вертелами, да притоптывать». Отецъ же Гринева называетъ Б. канальей. По собственному выраженію, «не былъ» «врагомъ бутылки». По словамъ же Савельича, «проклятый мусье, то и дѣло бывало къ Антиповнѣ забѣжить: «Мадамъ, же ву при водкю». Однажды, когда Б. спалъ на кровати сномъ невинности», старый Гринева разбудилъ его, и сталъ осыпать укоризнами», Б. «въ смятеніи хотѣлъ было привстать и не могъ: онъ «былъ мертво пьянъ». «Но какъ вино подавалось въ семьѣ Гринева «только за обѣдомъ и то по рюмкѣ, при чемъ учителя обыкновенно обносили, то Б. очень скоро привыкъ къ русской настойкѣ и даже сталъ предпочитать еѣ винамъ своего отечества, какъ не въ примѣръ болѣе полезную для желудка». Б. былъ добрый малый, но вѣтренъ и безпутенъ до крайности». «Главною слабостью Б. была страсть къ прекрасному полу, нерѣдко, за свои нѣжности получалъ онъ толчки, отъ которыхъ охалъ по цѣлымъ суткамъ». По словамъ Палаши и Акульки, обольстил ихъ неопытность. За свои проказы Б. былъ «вытолкнуть» «изъ дверей» и прогнанъ «со двора».

Борисъ («Б о р. Г о д.»).—См. Г о д у н о в ь, Б о р и с ь.

Боуръ («П о л т а в а»).—Уп. л. «За нимъ» (за Петромъ, предъ началомъ Полтавскаго боя) во слѣдъ неслись толпой сіи птенцы гнѣзда Петрова—въ премянахъ жребія земного, въ трудахъ державства и войны его товарищи, сыны: и Шереметьевъ благородный, и Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ и, счастья баловень безродный, полудержавный властелинъ» (Меньшиковъ).

Бояре («Б о р. Г о д.»).—Заявляютъ восшедшему на престолъ Борису: «не измѣнимъ, присягъ, нами данной».—Въ «сценѣ передъ соборомъ» гонять юрודהго: —«поди прочь, дуракъ! схватите дурака!» — При смерти Бориса «цѣлуютъ крестъ Ѳеодору»: «клянемся».

Бояринъ, одинъ («Б о р. Г о д.»). — Говоритъ «тихо другому»:—«Замѣтилъ ты какъ государь блѣднѣлъ?» (При разсказѣ о чудѣ отъ мощей Димитрія Царевича). «А выручилъ князь Шуйскій. Молодецъ!».

Бояринъ, другой («Б о р. Г о д.»).—Говоритъ первому боярину: «Я признаюсь, не смѣлъ поднять очей», (когда говорили Борису Годунову о чудѣ у мощей Царевича Димитрія); «не смѣлъ вздохнуть, не только шевельнуться».

Бригадирь-отставной («Г р о б о в щ и к ѣ»).—Одинъ изъ «людей, погребенныхъ стараніями Адриана Прохорова», во время проливнаго дождя, который «встрѣтилъ у самой заставы похороны».

Брюсь («Полтава»).—Уп. л. См. Боуръ.

Брюсь («Арапъ Петра В.»).—Во дворцѣ, въ числѣ особъ приближенныхъ къ государю, Ибрагимъ узналъ «ученаго Б., прослывшего въ народѣ русскимъ Фаустомъ».

Булавинъ («Полтава»).—Уп. л. Донской казакъ, бунтовавшій противъ Петра, одинъ изъ слугъ Мазепы: «Тамъ, на Дону, казачьи круги они съ Б. мутятъ».

Булочникъ («Гробовщикъ»).—На пиру у Готлиба, вдругъ «толстый Б.» «поднял рюмку и воскликнулъ: «за здоровье тѣхъ, на которыхъ мы работаемъ unserer Kundleute!» Предложеніе, какъ и всѣ, было принято радостно и единодушно». Послѣ пира, съ помощью Б., Юрко былъ отведенъ въ свою «будку».

Бурминъ («Метель»).—«Гусарскій полковникъ». Ему было около двадцати шести лѣтъ, когда, послѣ кампаніи 1812 года, онъ пріѣхалъ въ отпускъ въ свои помѣстья, «съ перевязанной рукой» и «съ Георгіемъ въ петлицѣ». «Очень милый молодой человекъ», «имѣлъ именно тотъ умъ, который правится женщинамъ: умъ, приличіе и наблюденіе безо всякихъ притязаній и безопасно насмѣшливый». «Нѣкогда былъ онъ ужаснымъ повѣсой» и, обвинившись съ дѣвушкой, которую онъ раньше никогда не видѣлъ, прямо изъ церкви бросился въ кибитку и закричалъ: «пошелъ». «Не знаю, вспоминалъ Б., не знаю какъ зовутъ деревню, гдѣ я вѣнчался; не помню съ которой станціи поѣхалъ. Въ то время я такъ мало полагалъ важности въ преступной моей проказѣ, что, отѣхавъ отъ церкви, заснулъ и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станціи». При встрѣчѣ съ Марьей Гавриловной, онъ казался «нрава тихаго и скромнаго»; «поведеніе его съ Марьей Гавриловной было просто и свободно», но скоро «впалъ» въ «задумчивость», «черные глаза его» съ «огнемъ останавливались на Марьѣ Гавриловнѣ», и «рѣшительная минута казалась уже близка».—«Я васъ люблю, сказалъ Б.: я васъ люблю страстно». Я поступилъ неосторожно, предаваясь милой привычкѣ видѣть и слышать васъ ежедневно...»—«Теперь уже поздно противиться судьбѣ моей; воспоминаніе о васъ, вашъ милый, несравненный образъ, отнынѣ будетъ мучителемъ и отрадой жизни моей; но мнѣ еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вамъ ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» «Я женатъ, и не знаю—кто моя жена, и гдѣ она, и долженъ ли свидѣться съ нею когда нибудь!» И, послѣ словъ Марьи Гавриловны («Боже мой, Боже мой! сказала Марья Гавриловна, схвативъ его руку: «такъ это были вы! И вы не узнаете меня?»), Б. «поблѣднѣлъ.... и бросился къ ея ногамъ».

Бузырева, Арина Егоровна. («Дубровскій»).—См. Егоровна.

Бутурлинъ («Бор. Год.»).—Одинъ изъ «друзей» Шуйскаго.

Бутурлинъ («Арапъ Петра В.»).—Оспаривалъ Петра въ сенатѣ.

Бѣлкина-сосѣдъ («Повѣсти Б—а, отъ издателя», «Ист. села Горюхина»).—«Почтенный мужъ»; доставилъ издателю «Повѣстей Бѣлкина» «біографическое извѣстіе» объ авторѣ («все, что изъ разговоровъ» Бѣлкина, а также изъ собственныхъ наблюденій, «запомнить» могъ), но «всепокорнѣйше» просилъ «никакъ» его «имени не упоминать, ибо», писалъ онъ, хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но въ сіе званіе вступить полагаю излишнимъ и въ мои лѣта не приличнымъ». Оставилъ показаніе, что повѣсти Бѣлкина «большею частію справедливы и слышаны имъ разныхъ особъ. Однако-жъ «имена въ нихъ почти всѣ вымышлены имъ самимъ и названія сель и деревень заимствованы изъ нашего околота, отчего и моя деревня гдѣ-то упомянута». (См. ниже: Ненародово). «Сіе», по мнѣнію сосѣда Б., «произошло не отъ какого-либо намѣренія, но единственно отъ недостатка воображенія».—Былъ «пріятелемъ покойному родителю Ивана Петровича и почиталъ долгомъ предлагать и сыну» свои совѣты и неоднократно вызывался возстановить прежній, имъ (И. П. Бѣлкинымъ) упущенный, порядокъ»; «потребовалъ» «хозяйственныя книги, призвалъ плута-старосту, и въ присутствіи Ивана Петровича занялся разсмотрѣніемъ оныхъ», но въ ту самую минуту, какъ уже «своими розысканіями плута-старосту въ

крайнее замѣшательство привелъ и къ совершенному безмолвію принудилъ, «съ великой досадою услышалъ» «Ивана Петровича, крѣпко храпящаго на стулѣ». «Съ тѣхъ поръ» онъ «пересталъ вмѣшиваться въ хозяйственныя распоряженія» Бѣлкина и «предалъ его дѣла (какъ и онъ самъ) распоряженію Всевышняго». Но, прибавляетъ сосѣдъ Б., «сіе дружескихъ сношеній нашихъ нисколько, впрочемъ, не разстроило, ибо я, соболѣзнуя его слабости и пагубному нерадѣнію, общему молодымъ нашимъ дворянамъ, искренно любилъ Ивана Петровича, который «дорожа простою бесѣдой пріятеля», «почти каждый день съ нимъ видѣлся». Скоро скука бездѣйствія стала меня мучить. Я не былъ еще знакомъ съ добрымъ и почтеннымъ сосѣдомъ моимъ **», писалъ самъ Бѣлкинъ. Ни привычками, ни нравомъ, ни образомъ мыслей они «большею частью другъ съ другомъ не сходились».

Бѣлкина, Пелагея Гавриловна («Ист. села Горюхина»).—Мать. Ив. Петр.—ича; согласилась оставить сына въ деревнѣ, «ибо здоровье «его» не позволяло ему вставать съ постели въ семь часовъ, какъ обыкновенно заведено во всѣхъ пансіонахъ».

Бѣлкинъ, Андрей Степановичъ («Ист. села Горюхина»).—Уп. л. Прадѣдъ Ив. Петр., авторъ горюхинской лѣтописи, оставленной на страницахъ двадцати календарей. Лѣтопись писана «старческимъ почеркомъ съ титлами» и «отличается ясностію и краткостію».

Бѣлкинъ, Иванъ Александровичъ («Ист. села Горюхина»).—

Бѣлкинъ, Петръ Ивановичъ («Предисловіе къ повѣст. Бѣлкина»).—Отецъ Ивана Петровича. Секундъ-маіоръ. По отзыву пріятеля сына, «человѣкъ небогатый, но умѣренный и по части хозяйства весьма смысленный»; въ своей вотчинѣ завелъ «строгій порядокъ».

Бѣлкинъ, Иванъ Петровичъ («Предисловіе», «Выстрѣлъ», «Метель», «Гробовщикъ», «Станціонный смотритель», «Барышня-крестьянка», «Ист. села Горюхина»).—По «біографическому извѣстію», сообщенному его сосѣдомъ и другомъ, родился въ 1798 г. въ селѣ Горюхинѣ. Согласно тому же «извѣстію», былъ росту средняго, глаза имѣлъ сѣрые, волосы русые, носъ прямой, лицомъ былъ бѣлъ и сухощавъ. «Получилъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ деревенскаго дьячка»; самъ Иванъ П. признавалъ, что «воспитанъ былъ на мѣдныя деньги»; позднѣе былъ опредѣленъ въ московскій «пансіонъ Карла Ивановича Мейера», гдѣ пробылъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ, т. к. учениковъ «распустили передъ наступленіемъ непріятеля»; «по изгнаніи двѣнадцати языковъ, хотѣли везти» его «вновь въ Москву», но Б. «упросилъ матушку оставить» его въ деревнѣ, «ибо здоровье ему не позволяло» «вставать съ постели въ семь часовъ, какъ обыкновенно заведено во всѣхъ пансіонахъ». Чтеніе «Письмовника» Курганова было его «любимымъ упражненіемъ, т. к. въ домѣ, кромѣ Азбуки, Календарей и Письмовника, «никакихъ книгъ не находилось». «Такимъ образомъ», по собственному признанію Б., онъ «достигъ 16-ти-лѣтняго возраста, «оставаясь при «первоначальномъ образованіи и играя въ лапту («единственная наука, въ коей онъ пріобрѣлъ» достаточное познаніе во время пребыванія «въ пансіонѣ»). 16-ти лѣтъ опредѣлился юнкеромъ въ егерскій пѣхотный полкъ». Юнкеромъ, во время пребыванія въ Петербургѣ «по казенной надобности», «каждый день тихонько» «ходилъ въ театръ, въ галерею 4 яруса»; а по утрамъ въ конфетной лавкѣ «за чашкой шоколаду читалъ литературные журналы». «Пребываніе въ полку оставило» «мало пріятныхъ впечатлѣній, кромѣ производства въ офицеры и выигрыша 240 рублей въ то время, когда у Б. въ карманѣ всего оставался рубль шесть гривенъ». Въ продолженіе военной службы переходилъ «изъ губерніи въ губернію, изъ квартиры на квартиру, проводя время съ жидами и маркитантами, играя на ободранныхъ билліардахъ и маршируя въ грязи». «Смерть дражайшихъ родителей «понудила его подать въ отставку и пріѣхать въ село Горюхино, гдѣ и скончался Б. «отъ горячки».

«Нрава отъ природы» Б. «былъ тихаго», избѣгалъ всякаго рода излишествъ и его другу-сосѣду никогда не случалось видѣть его навеселѣ; къ женскому же полу имѣлъ великую склонность, но стыдливость была въ немъ истинно-дѣвическая». «Человѣкъ неповинующійся законамъ разсудка и привыкшій слѣдовать внушеніямъ страстей, часто заблуждается и повергаетъ себя позднему раскаянію», замѣчалъ Б. «По причинѣ своей неопытности и мягкосердія, въ скоромъ времени запустилъ хозяйство» («число крестьянъ умножилось, число же дворовыхъ птицъ и домашняго скота нарочито уменьшилось»), и «поручилъ управленіе села старой своей ключницѣ»; «принужденъ былъ отмѣнить барщину и учредить весьма слабый оброкъ», который крестьяне и платили орѣхами, брусникою и тому подобнымъ». «Занятія хозяйственныя были вовсе для меня чужды», признается самъ Б.; когда же его другъ вызвался «возстановить прежній» «порядокъ» и занялся разсмотрѣніемъ «хозяйственныхъ книгъ Б.», самъ И. П. крѣпко «захрапѣлъ на своемъ стулѣ»; но онъ дорожилъ «простою бесѣдою своего сосѣда» и вообще «любилъ выслушивать рассказы отъ разныхъ особъ». Въ рукописи Б., по свидѣтельству его біографа, надъ каждою повѣстію рукою автора надписано: слышано мною отъ такой-то особы (чинъ, или званіе, буква имени и фамилія). Такими «особами» по тому же свидѣтельству были: титулярный совѣтникъ А. Г. Н., рассказывавшій Б. «Станц. Смотр.», подполковникъ И. П. Л. («Выстрѣлъ»), «приказчикъ Б. В. («Гробовщикъ») и дѣвица К. И. Т. («Метель» и «Барышн. Крест.»).

Въ деревнѣ старая кормилица пріобрѣла его «довѣренность искусствомъ рассказывать исторіи», и Б. произвелъ ее въ ключницы. Разговоры съ нею сдѣлались для Б. «другимъ новымъ Письмовникомъ» и ему «пришло на мысль: не попробовать ли самому что сочинить?».

«Званіе литератора всегда казалось» для Б. «самымъ завиднымъ». Еще юнкеромъ, когда онъ услышалъ, что изъ лавки только-что вышелъ «сочинитель Б.», оставилъ «журналъ недочитаннымъ и чашку недопитою, побѣжалъ расплачиваться, и не дождавшись сдачи, выбѣжалъ на улицу и пустился по Невскому проспекту, только что не бѣгомъ за «гороховой шинелью» сочинителя». «Не будучи болѣе въ состояніи противиться влеченію природы», спилъ себѣ толстую тетрадь и рѣшился съ твердымъ намѣреніемъ, наполнить ее чѣмъ бы то ни было». «Недолго искалъ» себѣ героя и принялся за работу, но «хотъ къ стихамъ пріобрѣлъ» Б. нѣкоторый навыкъ, переписывая тетрадки, ходившія по рукамъ между офицерами», «однако, поэма» подвигалась медленно и «онъ» «бросилъ ее на третьемъ стихѣ», началъ трагедію: «Рюрикъ». «Трагедія не пошла»; «попробовалъ обратить ее въ балладу» и наконецъ «благополучно окончилъ надпись къ портрету Рюрика». Однако-жъ «онъ самъ почувствовалъ, что «не рожденъ поэтомъ» и «хотѣлъ» низойти «къ прозѣ», ибо «уже не могъ разстаться съ тетрадью и чернильницей». Сначала «вознамѣрился писать отдѣльныя мысли безъ связи, безъ всякаго порядка, въ томъ видѣ, какъ онѣ станутъ представляться», «но мысли не приходили въ голову». Тогда, ««оставя мысли, принялся» «за повѣсти». (Біографъ Бѣлкина ошибочно называетъ эти повѣсти «первымъ его опытомъ»; по признанію самого Б., это не такъ: «оставя мысли я принялся за повѣсти», говоритъ самъ Б.); однако, «не умѣя съ непривычки расположить вымышленное происшествіе», онъ избралъ замѣчательные анекдоты, слышанные нѣкогда отъ разныхъ особъ (повѣсти Б., б. ч. справедливы и слышаны имъ отъ разныхъ особъ, подтверждаетъ біографъ Б.) и старался украсить истину живостію рассказа, а иногда и цвѣтами собственнаго воображенія; «но мысль оставить мелочныя анекдоты для повѣствованія истинныхъ и великихъ происшествій давно тревожила воображеніе» Б., тѣмъ болѣе, что «запасъ анекдотовъ», «слышанныхъ отъ разныхъ особъ, скоро истощился». «Нечаянный случай разрѣшилъ недоумѣнія Б.: баба, развѣшивавшая бѣлье на чердакѣ, нашла старую корзину, «цѣлую груду книгъ». То было собраніе старыхъ календарей». «Синіе листы, вплетаемые обыкновенно въ календари, были всѣ исписаны стариннымъ почеркомъ», представляя

«полную исторію отчины» Б. въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, въ самомъ хронологическомъ порядкѣ».

«Быть сочинителемъ казалось» ему «такъ мудро, такъ недосытаемо, что мысль взятыя за перо сначала испугала» Б. Онъ признается, что «воспитанъ былъ на мѣдныхъ деньгахъ». Какую исторію могъ я написать съ моей жалкой образованностью?» «И мнѣ ли рыться въ лѣтописяхъ и добираться до сокровеннаго смысла обветшалаго языка, когда не могъ я выучиться цифрамъ славянскимъ?» Но, «несмотря на возраженія» «разсудка», «дерзкая мысль сдѣлаться писателемъ поминутно приходила ему въ голову». «Посвятивъ цѣлые шесть мѣсяцевъ на предварительное изученіе Б. приступилъ къ давножелаемому труду»: къ «повѣствованію» «истинныхъ и великихъ происшествій», къ исторіи села Горюхина. — Своими опытами Б. доволенъ. «Надпись къ портрету Рюрика», по его мнѣнію, «была не вовсе недостойна вниманія, особенно какъ первое стихотвореніе молодого стихотворца». «Мысль справедливая, но не новая», говоритъ онъ по поводу своего «замѣчанія» («человѣкъ не повинующійся законамъ разсудка...» см. выше). Въ своихъ повѣстяхъ, признается Б., старался «украсить истину живостію разсказа, а иногда и цвѣтами собственнаго воображенія», искалъ «пищи краснорѣчію», на повѣстяхъ «образовалъ свой слогъ и приучился выражаться правильно, пріятно и свободно». Совершивъ «съ помощію Божіей» свой историческій трудъ» (ист. села Горюхина), Б. говоритъ: «нынѣ, какъ нѣкоторый мнѣ подобный историкъ, коего имени я не запомню, оконча свой многотрудный подвигъ, кладу перо и съ грустію иду въ мой садъ размышлять о томъ, что мною написано. Кажется и мнѣ, что написавъ Исторію Горюхина, я уже не нуженъ міру, что долгъ мой исполненъ и что пора мнѣ почить!» (3 ноября 1827 г. — дата подъ этими строками; по свидѣтельству біографа, Б. умеръ осенью слѣдующаго 1828 года). «Смѣлъ ли я надѣяться попасть когда-нибудь въ число писателей...?» спрашиваетъ Б. «Высшею степенью доступной для писателя», онъ считалъ «быть судьей, наблюдателемъ и пророкомъ», оставивъ «мелочные и сомнительные анекдоты для повѣствованія истинныхъ и великихъ происшествій», но, замѣчаетъ Б. въ своей исторіи, «люди никогда не довольны настоящимъ и, по опыту имѣя мало надежды на будущее, украшаютъ невозвратимое минувшее всѣми цвѣтами своего воображенія».

К р и т и к а:

Среди образовъ XVIII в. не могъ Пушкинъ не отмѣтить и недоросля и отмѣтилъ его безпристрастнѣ Фонвизина. У послѣдняго Митрофанъ сбивается въ карикатуру, въ комическій анекдотъ. Въ исторической дѣйствительности недоросль—не карикатура и не анекдотъ, а самое простое и всѣдневное явленіе, къ тому же не лишнее довольно почтенныхъ качествъ. Это—самый обыкновенный, нормальный русскій дворянинъ средней руки. Высшее дворянство находило себѣ пріютъ въ гвардіи, у которой была своя политическая исторія въ XVIII в., впрочемъ, болѣе шумная, чѣмъ плодотворная. Скромная была судьба нашихъ Митрофановъ. Они всегда учились понемногу сквозь слезы при Петрѣ I, со скукой при Екатеринѣ II, не дѣлали правительствъ, но рѣшительно сдѣлали нашу военную исторію XVIII в. Это—пѣхотные армейскіе офицеры и въ этомъ чинѣ они протоптали славный путь отъ Кунесдорфа до Рымника и до Нови. Они съ русскими солдатами вынесли на своихъ плечахъ дорогіе лавры Миниховъ, Румянцовыхъ и Суворовыхъ. Пушкинъ отмѣтилъ два вида недоросля или точнѣе, два момента его исторіи: одинъ является въ Петрѣ Андреевичѣ Гриневѣ, невольномъ пріятелѣ Пугачева, другой въ наивномъ беллетристѣ и лѣтописцѣ села Горюхина Иванѣ Петровичѣ Бѣлкинѣ, уже человѣкѣ XIX в., «временъ новѣйшихъ Митрофанѣ». Къ обоимъ, Пушкинъ отнесся съ сочувствіемъ. Недаромъ и капитанская дочь М. И. Миронова предпочла добродушнаго армейца Гринева остроумному и знакомому съ французскою литературой гвардейцу Швабрину. Исторіку XVIII в. остается одобрить и сочувствіе Пушкина и вкусъ М. И. [Ключевскій. «Онѣг. и его предки»].

Бѣлородовъ, Наумычъ («К а п и т. д о ч к а»).—Наперсникъ Пугачева; его фельдмаршалъ и генералъ. Бѣглый капралъ; «тщедушный и сгорбленный старичокъ съ сѣдою бородою, не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ голубой ленты, надѣтой черезъ плечо по сѣрому армяку». По словамъ Хлопуши, Б. «старый хрычъ», «ему бы все душить да рѣзать». «Что ты за богатырь?» говоритъ Хлопуша; «поглядѣть, такъ въ чемъ душа держится. Самъ въ могилу смотришь, а другихъ губишь. Развѣ мало крови на твоей совѣсти?» Гринева называетъ Б. «старымъ злодѣемъ», «логика» котораго «показалась ему «довольно убѣдительною», когда Б. на угрозы Пугачева повѣситъ Швабрина отвѣчалъ:— «Швабрина сказанить не бѣда; а не худо и господина офицера (Гринева) допросить порядкомъ: зачѣмъ изволили пожаловать? Если онъ тебя государемъ не признаетъ, такъ нечего у тебя и управы искать; а коли признаетъ, что же онъ до сегодняшняго дня сидѣлъ въ Оренбургѣ съ твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его въ приказную, да запалить тамъ огоньку: мнѣ сдается, что его милость посланъ къ намъ отъ оренбургскихъ командировъ». Б. «настаивалъ на томъ, что» Гринева—«шпіонъ, и что надобно» его пытать и повѣситъ». «Подхватилъ» отвѣтъ Гринева («въ Оренбургѣ довольно всякихъ запасовъ») — «Ты видишь», сказалъ Б. Пугачеву, «что онъ тебя въ глаза обманываетъ. Всѣ бѣглецы согласно показываютъ, что въ Оренбургѣ голодъ и моръ, что тамъ ѣдятъ мертвечину, и то за честь; а его милость увѣряетъ, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повѣситъ, то ужъ на той высѣлицѣ повѣсь и этого молодца, чтобъ никому не было завидно». Во все время совѣщанія Б. ссорился съ Хлопушей, которому далъ прозвище: «рванья ноздри».

В.

В. («Е в г. О н ѣ г и н ѣ»).—«Шестого былъ у В. на балѣ: довольно пусто было въ залѣ». «Вчера у В.» былъ «пиръ». (Альб. V, 9).

Вадимъ («В а д и м ѣ»).—«Блится младость въ его лицѣ; какъ лѣтній цвѣтъ прекрасенъ онъ; но, мнится, радость его не знала съ дѣтскихъ лѣтъ; въ глазахъ потупленныхъ кручина; на немъ одежда славянина и на бедрѣ славянской мечъ. Славянь вотъ очи голубые, вотъ ихъ и волосы золотые, волнами подшіе до плечъ». «Видалъ онъ дальнія страны, по сушѣ, по морю носился, во дни былые, дни войны, на западѣ, на югѣ бился, дѣля добычу и труды съ суровымъ племенемъ Одея, и передъ нимъ враговъ ряды бѣжали, какъ морская пѣна въ часъ бури къ чернымъ берегамъ. Внималъ онъ радостнымъ хваламъ и арфамъ скальдовъ изступленныхъ, въ жилищѣ сильныхъ пировалъ, и очи дѣвъ иноплеменныхъ красою чуждой привлекалъ». Въ программѣ «на пиру у Рюрика пьетъ здоровье гражданъ и Новгорода». Противопоставляется Рюрику и Громвалу—(презрѣніе къ народу самовластія). Въ отрывкѣ изъ драмы В. спрашиваетъ Рогдая:—«ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа; скажи, Рогдай, жива-ль славянская свобода? или князя чуждаго покорные рабы рѣшились оправдать гоненія судьбы?» Ср. «Списокъ», стр. 164.

Валерьянъ («А р а п ѣ П е т р а В.»).—Уп. л. Сирота, «стрѣлецкій сынъ», воспитанный въ домѣ Ржевскихъ. По просьбѣ Гаврилы Аѳанасьевича, В. «записали въ полкъ»; Наташа, прощаясь съ нимъ, расплакалась, а онъ стоялъ, какъ окаменѣлый. Имъ въ безпамятствѣ бредила Наташа.

Валерьянъ («Н а у г л у м а л е н ь к о й п л о щ а д и»). — См. В о л о д с к ѣ й.

Вальсингамъ («П и р ѣ в о в р е м я ч у м ы»). — См. П р е д с ѣ д. п и р а.

Ванька-Пьяница («И с т. с е л а Г о р ю х и н а»).—Уп. л. Былъ отвезенъ въ городъ и отданъ «въ рекруты».

Ванька («К а п и т. д о ч к а»).—Висѣльщикъ. Висѣлъ на перекладнѣ висѣлицы, утвержденной на плоту, плывшемъ «внизъ по Волгѣ». Надъ В., какъ и надъ его сосѣдами-висѣльниками, «прибита была черная доска, на которой

бѣлыми буквами было написано: «Воры и бунтовщики». По словамъ Гринева, В. «по глупости своей» присталъ «къ Пугачеву».

Ванька («С т а н ц. с м о т р.»).—«Оборванный мальчикъ, рыжій и кривой». Провожалъ Бѣлкина до могилы зрителя. Рассказалъ, что зритель выучилъ его «дудочки вырѣзывать» и «орѣшками одѣлялъ», что проѣзжая барыня «дала ему пятакъ серебромъ». «—Прекрасная барыня: ѣхала она въ каретѣ въ шесть лошадей, съ тремя маленькими барчатами и съ кормилицей и съ черной моськой, и какъ сказали ей, что старый зритель умеръ, заплакала и сказала дѣтямъ: «сидите смирно, а я схожу на кладбище»). По словамъ В. на могилѣ зрителя она лежала долго», а тамъ, «пошла въ село и призвала попа, дала ему денегъ и поѣхала»... «а мнѣ», прибавлялъ В., «дала пятакъ серебромъ... Славная барыня»...

Ваня («Е в г. О н ѣ г и н ѣ»).—Уп. л. Мужъ няни Лариныхъ. Старушка рассказываетъ, что когда они вѣнчались—«мой Ваня моложе былъ меня, мой свѣтъ, а было мнѣ тринадцать лѣтъ» (III, 18).

Варлаамъ, Езерскій («Р о д о с л.» III).—Гордыней славился боярской; за споръ то съ тѣмъ онъ, то съ другимъ, съ большимъ безчестьемъ выводимъ бывалъ изъ за трапезы царской, но снова шелъ подъ тяжкій гнѣвъ и умеръ, Сицкихъ пересѣвъ».

Варлаамъ («Б о р. Г о д.»).—«Бродяга въ видѣ чернеца». «Лѣтъ ему за 50, а росту онъ средняго, лобъ имѣетъ плѣшивый, бороду сѣдую, брюхо толстое».—«Утекъ», по его словамъ, «изъ монастыря»; «говоритъ складно». «Давно не читывалъ и худо разбираетъ» грамоту по складамъ; «ни о чемъ не думаетъ», съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ монастырь: «Литва-ли, Русь-ли, что гудокъ, что гусли—все намъ равно, было бы вино». «Вольному воля», говоритъ Мисаиль, а В. подхватываетъ: «а пьяному рай». Когда Григорій отказывается пить, В. недоволенъ: «когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю; иное дѣло пьянство, а иное чванство. «Что онъ за постникъ? Самъ же назвался въ товарищи, невѣдо кто, невѣдомо откуда,—да еще спѣсивится; можетъ быть кобылу нюхалъ...» но увидѣвъ, что Григорій разговариваетъ съ хозяйкой корчмы, замѣчаетъ:—«эй, товарищъ! Да ты къ хозяйкѣ присусѣдился. Знать не нужна тебѣ водка, а нужна молодка: дѣло, братъ, дѣло! У всякаго свой обычай. А у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка—пьемъ до донушка, выпьемъ, поворотимъ и въ донышко поколотимъ».—На вопросъ пристава, кто онъ, отвѣчаетъ: «мы—Божіи старцы, иноки смиренные ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милостыню христіанскую на монастырь».—«Плохо, сыне, плохо! нынѣ христіане стали скупы; деньгу любятъ, деньгу прячутъ. Мало Богу даютъ. Прійде грѣхъ велій на языцы земніи. Всѣ пустились въ торги, въ мытарство; думаютъ о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь, молишь, молишь; иногда въ три дни трехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля, другая, заглянешь въ мошонку, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ горя и остальное пропьешь; бѣда, да и только.—Охъ, плохо! Знать пришли наши послѣднія времена!» Но приставъ, однако, держится другого мнѣнья: «парень-то, кажется, голъ; съ него взять нечего; за то старцы...» Когда возникло подозрѣніе, что Варлаамъ—«Гришка», онъ самъ начинаетъ читать указъ: «тутъ ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходить».

Варлафъ («Р о д о с л.» I).—«При Ольгѣ, сынъ Одульфа, Варлафъ, пріялъ крещенье въ Цареградѣ съ приданымъ греческой княжны. Отъ нихъ два сына рождены».

Вахмистръ («К а п и т. д о ч к а»).—«Усатый» гусарь. «Выходи бѣсовъ кумъ!» говорилъ В. Гриневу: «Вотъ уже тебѣ будетъ баня и съ твоею хозяйскою!» В. «повелъ» Гринева «къ маіору». Придя «къ домику», В. «оставилъ» Гринева «при караулѣ», а самъ «пошелъ» о немъ «доложить»; «тотчасъ же воротился объявивъ» Гриневу, «что его высокоблагородіе некогда» его «принять, а что онъ велѣлъ его отвести» (Гринева) «въ острогъ, а хозяйшку къ себѣ привести». На вопросъ Гринева,—«что это значить?» В. «отвѣчалъ»—«Не могу

знать, ваше благородіе, только его высокоблагородіе приказало ваше благородіе отвести въ острогъ, а ея благородіе приказано привести къ его высокоблагородію, ваше благородіе!»

Вдова («Домикъ въ Коломнѣ»). — См. Параша-мать.

Вельверовъ («Отр. изъ неок. повѣст., I»). — «Вѣтренный».

Верейскій, князь («Дубровскій»). — Богатый помѣщикъ, сосѣдь Троекурова, «холостякъ». Имѣлъ «двѣ звѣзды и 3000 душъ родового имѣнія». «Возвратился изъ за-границы въ свою деревню, которую отъ роду не видалъ». В. не любилъ «такъ-называемую природу». «Свѣтскій человѣкъ», «старый волокита». «Имѣлъ непрестанную нужду въ разсѣяніи, непрестанно скучалъ». Привыкнувъ къ разсѣянности, онъ не могъ вынести уединенія. В. «было около пятидесяти лѣтъ, но онъ («хилый», «развратный старикъ») казался гораздо старѣе. Излишества всякаго рода изнурили его здоровье и положили на немъ свою неизгладимую печать. Несмотря на то, наружность его была пріятна, замѣчательна, а привычка быть всегда въ обществѣ придавала ему нѣкоторую любезность, особенно съ женщинами»; «любезный говорунъ» и неистощимый рассказчикъ, «съ учтивыми недомолвками;» («успѣлъ нѣсколько разъ привлечь вниманіе Марьи Кирилловны любопытными своими рассказами» и «она съ удовольствіемъ слушала льстивыя и веселыя привѣтствія свѣтскаго человѣка». Она «не чувствовала ни малѣйшаго замѣшательства или принужденія съ человѣкомъ, котораго видѣла она только во второй разъ отъ роду»). Въ домѣ Троекурова все «хвалили и восхищались». Въ домѣ В., «на берегу Волги», «построенномъ во вкусѣ англійскихъ замковъ», находилась «галерея картинъ, купленныхъ княземъ въ чужихъ краяхъ». «Онъ говорилъ о картинахъ не на условленномъ языкѣ педагогическаго знатока, но съ чувствомъ и воображеніемъ»: «объяснялъ» «ихъ различныя достоинства и недостатки». «Радовался восхищенію» молодой дѣвушки, «красотой которой былъ пораженъ и оживленъ ея присутствіемъ».

Послѣ второй встрѣчи съ Марьей Кирилловной сдѣлалъ ей предложеніе и былъ доволенъ «ея безмолвнымъ согласіемъ». Увидя ея слезы, «слегка нахмурился»; прочтя «наединѣ» ея письмо, «ни мало не былъ тронутъ откровенностью невѣсты. Напротивъ, онъ увидѣлъ необходимость ускорить свадьбу и для того почелъ нужнымъ показать письмо будущему тестю». Онъ сказалъ невѣстѣ, «что письмо очень его опечалило, но что онъ надѣется современемъ заслужить ея привязанность, что мысль отречься отъ нея слишкомъ для него тяжела и что онъ не въ силахъ согласиться на свой смертный приговоръ». Во время вѣнчанія «былъ пораженъ блѣдностью и страннымъ видомъ» невѣсты. «Послѣ свадьбы, «наединѣ съ молодою женой, князь ни мало не былъ смущенъ ея холоднымъ видомъ. Онъ не сталъ докучать ей приторными изъясненіями и смѣшными восторгамъ; слова его были просты и не требовали отвѣтовъ». «О любви онъ не хлопоталъ». — При встрѣчѣ съ Дубровскимъ не потерялъ «присутствія духа, вынулъ изъ бокового кармана дорожный пистолеть и выстрѣлилъ», (ранилъ Дубровскаго въ плечо); «не теряя ни минуты, вынулъ другой пистолеть». «Но ему не дали выстрѣлить»: «нѣсколько сильныхъ рукъ вытащили его изъ кареты и выхватили у него пистолеть».

Критика Князь В. — «достойный зять Троекурова. Это — настоящее созданіе Екатерининской эпохи, цвѣтокъ, выросшій на почвѣ закона о вольности дворянства и обрызганный каплями росы вольтерьянскаго просвѣщенія. Кн. Верейскій — едва ли не самый ранній экземпляръ новой разновидности нашего типа, которая развилась очень быстро. Подобными ему людьми до скуки переполняется высшее русское общество съ конца царствованія Екатерины. За-границей они растрчивали богатый дѣдовскій и отцовскій запасъ нервовъ и звонкой наличности и возвращались въ Россію платить долги. Кн. Верейскій жилъ за моремъ и, пріѣхавъ умирать въ Россію, напрасно пытался оживить угасшія силы и затѣями сельской роскоши, и расцвѣтшей на сельскомъ привольѣ дочерью Троекурова. Онъ — иначе, тоньше реджированный Троекуровъ: его европейзо-

ванное варварство изъ остраго и буйнаго Троекуровскаго переродилось въ тихое; меланхолическое, не подѣ гуманизирующимъ вліяніемъ Монтескье и Вольтера, а просто потому, что тестъ привезъ въ деревню изъ Петербурга мускулы и нервы, чего зять уже не привезъ изъ Парижа. Отсюда «непрестанная» скука кн. Верейскаго, которая съ его легкой руки стала непремѣнной особенностью дальнѣйшихъ видовъ этого типа». [Ключевскій. «Онѣгинъ и его предки»].

Вершневъ («Египетск. ночи», набр. I—II).—«Учился нѣкогда у иезуитовъ». Одинъ изъ тѣхъ людей, одаренныхъ убійственной памятью, которые все знаютъ и все читали, и которыхъ стоитъ тронуть пальцемъ, чтобъ изъ нихъ полилась ихъ всемірная ученость». Когда рассказчикъ о Клеопатрѣ заявилъ «что въ числѣ латинскихъ историковъ есть нѣкто Аврелій Викторъ, о которомъ, вѣроятно, вы никогда не слыхивали», В. прервалъ его:—«Аврелій Викторъ! Знаю!».

Викторъ Н. («Отр. изъ неоконч. пов.»).

Вирлацкая, Анна Петровна («Р. Пеламъ»).—«Какъ говорится, видная баба, впрочемъ, уже не въ первомъ цвѣтѣ молодости», «извѣстная въ свѣтѣ своей красотой и любовными похождениями».—Для отца Р. Пелама «она развелась со своимъ мужемъ, который уступилъ ее за десять тысячъ и потомъ обѣдывалъ» у жены «довольно часто». Послѣ смерти матери Р. Пелама, А. П., «виновница этой смерти, поселилась въ домъ» его отца. «Французы (гувернеры) не могли ужиться съ А. П., которая не давала имъ вина за обѣдомъ или лошадей по воскресеньямъ». На одного изъ нихъ А. П. «косо поглядывала за столомъ, говоря вполголоса: «экій обжора!»—«Виноватымъ въ смѣнѣ французовъ»,—говоритъ Р. Пеламъ,—«остался я. А. П. рѣшила, что ни одинъ изъ нихъ не могъ сладить съ такимъ несноснымъ мальчишкой». Р. Пеламъ «бранился съ нею зубъ-за-зубъ».

Вирлацкій («Р. Пеламъ»).—Развелся съ женою, «уступивъ ее отцу моему, (говоритъ Р. Пеламъ), за десять тысячъ и потомъ обѣдывалъ у насъ довольно часто».

Вишневецкій («Бор. Год.»).—«Думалъ ли ты, Мнишекъ, что мой слуга войдетъ на тронъ московскій?».

Владиміръ-солнышко («Русл. и Людм.»).—Великій князь. Старикъ, убѣленный сѣдинами. Когда его дочь Людмила исчезаетъ, Вл., «сраженный вдругъ молвой ужасной», «въ высокомъ теремѣ своемъ» проводитъ время, «влача въ душѣ печали бремя». Когда же Людмила вновь ожила, «старецъ въ радости нѣмой, рыдая, милыхъ обнимаетъ».

Критика: «Намъ такъ мало осталось памятниковъ отъ до-историческихъ временъ Руси, что Владимиръ Красное-Солнышко столько же для насъ миеъ, сколько Владимиръ, просвѣтитель Руси, историческое лицо; а сказки Кирши Данилова, въ которыхъ является дѣйствующимъ лицомъ языческій Владимиръ, явно сложены въ позднѣйшія времена. И потому Пушкинъ отъ преданія только и воспользовался, что словомъ «Солнце», приложеннымъ къ имени Владимира. Пожива небогатая! Во всемъ остальномъ его Владимиръ-Солнце—пародія на какого-нибудь Карла Великаго. Таковы же Русланъ, и Рогдай, и Фарлафъ: дѣйствительность ихъ, историческая и поэтическая, такой же точно пробы, какъ и дѣйствительность Финна, Наины, богатырской головы и Черномора. Пушкинъ съ особенной радостью ухватился было за такъ называемаго «вѣщаго Баяна», понявъ слово «баянъ» какъ нарицательное и равнозначительное словамъ: «скальдъ, бардъ, менестрель, трубадуръ, миннезингеръ». Но Б. («Слова о полку Игоревѣ»), такъ неопредѣленъ и загадоченъ, что на немъ нельзя построить даже и остроумныхъ догадокъ, на которыя такъ щедры досужіе антикваріи, а тѣмъ менѣе можно заключить изъ него что-нибудь достовѣрное. И потому весь Баянъ Пушкина—ни болѣе, ни менѣе, какъ риторическая фраза». (Бѣлинскій, Соч. т. VIII, 6).

Владиміръ Ленскій («Евг. Онѣг.»).—См. Ленскій, Владимиръ.

Владимиръ Андреевичъ Дубровскій, см. Дубровскій, В. А.

Владимира Z другъ («Отр. изъ ром. въ письм.»).—По просьбѣ Владимира (распустить слухъ, что В. при смерти боленъ), «въ театрѣ объявилъ», что тотъ «занемогъ нервическою горячкою» и «что, вѣроятно», его «уже нѣтъ на свѣтѣ». По мнѣнію Владимира, «отсталъ отъ своего вѣка—и цѣлымъ десятилѣтіемъ». Его «умозрительныя и важныя разсужденія принадлежатъ къ 1818 году»; «неподвиженъ»; *ci-devant un homme*, стереотипъ. «Нравственныя разсужденія» Владимира «насчетъ управленій имѣній радуютъ» его, но полагаетъ, что «самое завидное состояніе не то... Чины въ Россіи—необходимость: молодому дворянину необходимо служить хоть для однѣхъ станцій, гдѣ безъ нихъ не добьешься лошадей». Съ своей стороны предлагаетъ Влад. «заранѣе привыкнуть къ строгости зрѣлаго возраста и добровольно отказаться отъ увядающей молодости», хотя и знаетъ, что проповѣдуетъ «втунѣ», но, прибавляетъ онъ, «таково мое назначеніе».

Владимиръ Z («Отр. изъ ром. въ письм.»).—Гвардеецъ, «постоянный *admirateur*» Лизы, очень занятый ею. По словамъ Саши, «прекрасный женихъ». По словамъ Лизы, «человѣкъ свѣтскій», «аристократъ»; по собственному признанію, хотя и говоритъ въ «пользу аристократіи», но не корчитъ «англійскаго лорда». «Мое происхожденіе», прибавляетъ В., хоть я его не стыжусь, не даетъ на то никакого права, но я безъ прискорбія никогда не могъ видѣть униженія нашихъ историческихъ родовъ». «Прошедшее для насъ не существуетъ. Жалкій народъ!» «Охота тебѣ корчить г-на Фобласа и вѣчно возиться съ женщинами», укоряетъ В. его петербургскій другъ, но самъ В. гордится тѣмъ, что въ деревнѣ его «успѣхъ превзошелъ» «ожиданія». По его мнѣнію, это «много значитъ». «Старушки», пишетъ онъ другу, «отъ меня въ восхищеніи, барыни ко мнѣ такъ и льнутъ». «Всякій волочится, какъ умѣетъ», прибавляетъ В., считая, что онъ «слѣдуетъ духу времени», и привезъ въ деревню «*fatuité insolente*, которая здѣсь еще новость». Самъ называетъ себя «нахаломъ», хотя никто и не понимаетъ «въ чемъ именно состоитъ» его «нахальство», тѣмъ болѣе, что по виду онъ «чрезвычайно учтивъ и благопристоенъ». «Охота тебѣ Лафаэтомъ сидѣть одному на оппозиціонной скамеечкѣ», пишетъ онъ своему пріятелю, который находитъ, что В. отсталъ отъ своего вѣка и сбивается на *ci devant* гвардіи, хрипуна 1807 года». Лиза его «боится, какъ несчастія». «Онъ вѣчно умѣлъ найти мѣсто» возлѣ Лизы, и «каждый часъ присвоивалъ себѣ новыя права, говорилъ о своихъ чувствахъ, то ревновалъ, то жаловался». Лиза бѣжала отъ него въ деревню, «съ отчаяніемъ признавая его власть надъ своею душою». Въ деревнѣ, куда онъ пріѣхалъ «по одному дѣлу, отъ котораго зависитъ счастье моей жизни», (такъ заявилъ В. Лизѣ), онъ «пустился въ поэзію». Въ Лизѣ, въ которую онъ, «часъ отъ часу болѣе» влюбляется, находитъ «главную прелесть вышаго петербургскаго общества»,—тихую, благородную прелесть», Маша, «выросшая подъ яблонями, воспитанная между скірдами, природою и нянюшкаками», ему гораздо милѣе нашихъ однообразныхъ красавицъ, которыя до свадьбы придерживаются мнѣнія маманекъ, а послѣ свадьбы—мнѣнія мужей». «Глядя на управленіе мелкопомѣстныхъ дворянъ», принялся за «нравственныя размышленія насчетъ управленій имѣній» и за разсужденія о пользѣ «аристократіи», ибо только «дикость, подлость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ». «И у насъ иной потомокъ Рюрика, пишетъ В., болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго брата, чѣмъ исторіей своего дома, т.-е. исторіей отечества!» «Конечно, есть достоинства выше знатности рода—именно достоинство личное». «Имена Минина и Ломоносова перевысятъ, м. б., всѣ наши старинныя родословныя. Но неужто потомству ихъ смѣшно было гордиться сими именами?». Онъ мечтаетъ выйти въ отставку, жениться и уѣхать въ деревню, гдѣ онъ совершенно предался уже «патріархальной жизни», и проситъ друга распустить по Петербургу слухъ что В. при смерти, «боленъ», такъ имѣетъ намѣреніе «просрочить» и хочетъ соблюсти «всевозможную благопристойность».

Не любить деревни, по мнѣнію В., простительно монастыркѣ, только-что выпущенной изъ клѣтки, двадцатилѣтнему камеръ-юнкеру. Петербургъ—прихожая, Москва—дѣвичья, деревня же—нашъ кабинетъ». «Порядочный человѣкъ, по необходимости, проходитъ черезъ переднюю, рѣдко заглядываетъ въ дѣвичью, а сидитъ у себя въ кабинетѣ». «Званіе помѣщика» В. считаетъ той же службой». «Заниматься тремя тысячами душъ, коихъ все благосостояніе зависитъ исключительно отъ насъ, важнѣе, чѣмъ командовать взводомъ, или переписывать дипломатическія депеши». «Небреженіе, въ которомъ мы оставляемъ нашихъ крестьянъ, непростительно, чѣмъ болѣе имѣемъ мы надъ ними правъ, тѣмъ болѣе имѣемъ и обязанностей въ ихъ отношеніи. Мы оставляемъ ихъ на произволь плута-приказчика, который ихъ притѣсняетъ, а насъ обкрадываетъ; мы проживаемъ въ долгъ наши будущіе доходы и разоряемся; старость насъ застаётъ въ нуждѣ и хлопотахъ. Вотъ причина быстрого упадка нашего дворянства: дѣдъ былъ богатъ, сынъ нуждается, внукъ идетъ по міру. Древнія фамиліи приходятъ въ нищенство, новыя поднимаются и въ третьемъ поколѣніи исчезаютъ опять. Къ чему ведетъ такой матеріализмъ?

Отвѣта В. не находитъ, но полагаетъ, что «пора положить этому преграды». [Ср. Евгений, Минскій].

Владимір Николаевичъ («Метель»).—«Бѣдный армейскій прапорщикъ»; женихъ Марьи Гавриловны. Находился «въ отпуску» и жилъ въ своей деревнѣ. «Налуганный» пріемомъ въ домъ Гаврилы Гавриловича, гдѣ принимали его «хуже, нежели отставного засѣдателя», онъ состоялъ съ Марьей Гавриловной «въ перепискѣ» и «всякій день» видѣлся наединѣ въ сосновой рошѣ, или у старой часовни. «Тамъ они клялись другъ-другу въ вѣчной любви, сѣтовали на судьбу, и дѣлали различныя предположенія». «Переписываясь и разговаривая», они «дошли до слѣдующаго разсужденія: если мы другъ безъ друга дышать не можемъ, а воля жестокихъ родителей препятствуетъ нашему благополучію, то нельзя-ли намъ обойтись безъ нея?» «Эта счастливая мысль пришла сперва въ голову В. Н.». Въ письмахъ, (наступившая зима, «прекратила ихъ свиданія»), В. Н. умолялъ Марію Гавриловну «предаться ему, вѣнчаться тайно, скрывать нѣсколько времени, броситься потомъ къ ногамъ родителей, которые, конечно, будутъ тронуты наконецъ героическимъ постоянствомъ и несчастіемъ любовниковъ, и скажутъ имъ непремѣнно: «дѣти! придите въ наши объятія». Въ день, назначенный для тайнаго вѣнчанія «для себя велѣлъ заложить маленькія сани въ одну лошадь, и одинъ, безъ кучера, отправился» въ Жадрино (въ церковь), но сбился съ дороги. Лишь къ разсвѣту («пѣли пѣтухи и было уже свѣтло»), В. Н. достигъ Жадрина: «церковь была пуста», на дворѣ священника «тройки его не было». Марья Гавриловна была уже обвѣнчана съ другимъ (см. Бурминъ).

Когда во время горячки, которой заболѣла Марья Гавриловна, ничего не знавшіе «ненарадовскіе помѣщики», положили послать за В. Н. и объявить ему неожиданное счастье: согласіе на бракъ»,—В. Н. отвѣтилъ, приславъ «полусумасшедшее письмо». «Онъ объявлялъ имъ, что нога его не будетъ никогда въ ихъ домъ и просилъ забыть о несчастномъ, для котораго смерть остается единою надеждою». Черезъ нѣсколько дней В. Н. «уѣхалъ въ армію». Онъ отличился въ сраженіи, былъ тяжело раненъ подъ Бородиномъ, и «умеръ въ Москвѣ, наканунѣ вступленія французовъ».

Войнаровскій («Полтава»).—Уп. л. «У Войнаровскаго въ рукахъ мушкетный стволъ еще дымился». [Родственникъ Мазепы и участникъ его тайныхъ замысловъ. Умеръ въ ссылкѣ въ Якутскѣ. Ср. поэму Рылѣева «В—ій»].

Володской, Валерьянъ («На углу маленькой площади»).—«Молодой человѣкъ, лѣтъ двадцатипяти». Сердитъ на князя Горецкаго за то, что «если зоветъ онъ весь городъ, то долженъ звать» и его, такъ какъ считаетъ себя «человѣкомъ свѣтскимъ» и не хочетъ «быть въ пренебреженіи у свѣтскихъ аристократовъ», хотя и называетъ аристократами «тѣхъ, которые протягиваютъ руку графини Фуфлыгиной».—«Мнѣ дѣла нѣтъ ни до ихъ родословной, ни до ихъ нрав-

ственности, прибавляетъ В.). «Выше всего цѣнили свою себялюбивую независимость. Узнавъ, что Зинаида, полюбивъ его, «рѣшилась развестись съ мужемъ», «не могъ опомниться отъ такого чистосердечія», «былъ встревоженъ «ея» стремительностью». Когда же Зинаида, «въ короткой записочкѣ» увѣдомила В. о своемъ переездѣ съ Англійской набережной въ Коломну, В., «ничего тому подобнаго не ожидавшій», былъ въ отчаяніи: никогда не думалъ онъ связать себя такими узамъ». «Онъ притворился благодарнымъ и приготовился на хлопоты любовной связи, какъ на занятіе должностное, или какъ на скучную обязанность повѣрять ежемѣсячные счета своего дворецкаго».

Вольская («Егип. ночи», набр. II). — «Вдова по разводу». Въ 3-емъ наброскѣ В. названа Лидиной.

Вольская, Зинаида («Гости съѣзжались на дачу»).—См. Зинаида Вольская.

—**Вольскій** («Гости съѣзжались на дачу»).—Уп. л. «Богатый молодой человекъ, привыкшій подчинять свои чувства мнѣнію другихъ». Влюбился въ Зинаиду потому, что генераль-адъютантъ К., на одномъ придворномъ балѣ, рѣшительно объявилъ, что Зинаида первая красавица въ Петербургѣ и что государь, встрѣтаясь на Англійской набережной, цѣлые полчаса изволилъ съ нею прогуливаться». В. «сталъ свататься».

Воронская, Нина (Евг. Он.).— «Съ блестящей Ниной Воронской, —сей Клеопатрою Невы». «Ослѣпительна была» «мраморной красою» (VIII, 16).

Воротынскій, князь («Бор. Год.»).—Когда народъ ушелъ изъ Москвы къ Новодѣвичьему монастырю просить Бориса на царство, В. былъ «наряженъ» съ Шуйскимъ «городъ вѣдать».—Онъ вѣритъ, что, можетъ быть, «правитель въ самомъ дѣлѣ державными заботами наскучилъ и на престоль безвластный не взойдетъ», хотя Шуйскій и предсказываетъ иное. Сомнѣвается, что Борисъ «сгубилъ царевича», Димитрія «полно, точно-ль?» и, въ отвѣтъ на категорическое утвержденіе Шуйскаго, восклицаетъ двукратно: «ужасное злодѣйство!»—«Слушай»,—дѣлаетъ В. догадку:—«вѣрно губителя раскаянье тревожитъ; конечно, кровь невиннаго младенца ему ступить мѣшаетъ на престоль». Шуйскій словами, что Борисъ—«вчерашній рабъ» и т. д., вызываетъ у В. рядъ новыхъ соображеній. «Такъ, родомъ онъ не знатенъ; мы знатнѣе. Вѣдь Шуйскій, Воротынскій... Легко сказать—природные князья...» «А слушай, князь, вѣдь мы бъ имѣли право наслѣдовать Θεодору». «Вѣдь въ самомъ дѣлѣ». Но когда Ш., пользуясь этимъ, предлагаетъ В.: «давай народъ искусно волновать...своихъ князей у нихъ довольно»,—В. рѣшительно уклоняется отъ этого: «Не мало насъ, наслѣдниковъ Варяга, да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ»,—заявляетъ онъ. «Давно лишились мы удѣловъ, давно царямъ подручниками служимъ»... «Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древнюю отрасль воинственныхъ властителей своихъ». Когда Шуйскій признался В., что «могъ единымъ словомъ изобличить» Бориса, вернувшись со слѣдствія объ убійствѣ царевича Димитрія, В. спрашиваетъ: «зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?» На оправданія Шуйскаго, В. отвѣчаетъ: «Нечисто, князь. Встрѣтивъ Шуйскаго, послѣ избранія Бориса, В. напоминаетъ ему его предсказаніе: «Ты угадалъ».—А что?—Да здѣсь наемни, ты помнишь?» Когда Шуйскій уходитъ, отвѣтивъ: «теперь не время помнить, совѣтую порой и забывать». «Лукавый царедворецъ!» восклицаетъ Воротынскій.

Выборный («Капит. дочка»).—«Услышавъ что «Гринева требуетъ лошадей, принялъ-было его «довольно грубо, но, когда вожатый Гринева «сказалъ В. тихо нѣсколько словъ», то «суровость В. тотчасъ обратилась въ торопливую услужливость».

Вырина, Дуня («Ст. Смотр.»). — См. Дуня Вырина.

Выринь, Симеонъ («Станціонный Смотритель»). —«Человекъ лѣтъ пятидесяти, свѣжій и бодрый, въ зеленомъ сюртукѣ, съ тремя медалями на полинялыхъ лентахъ». Позднѣ снова встрѣтившись съ В., Бѣлкинъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на его «сѣдину, на глубокія морщины, давно небритаго лица, на сгор-

блещущую спину, и не могъ надивиться, какъ три, или четыре года могли превратить бодрого мужчину въ хилаго старика», и «все кругомъ показывало ветхость и небреженіе». Уходя Дуни, которой онъ самъ позволилъ «ѣхать съ гусаромъ», вызвавшимся «доставить ее до церкви», состарилъ В. «Старикъ не снесъ своего несчастія: онъ тутъ же слегъ»: «занемогъ сильной горячкой». Много ихъ въ Петербургѣ, молоденькихъ дурь, сегодня въ атласѣ, да въ бархатѣ, а завтра, поглядишь, метутъ улицу вмѣстѣ съ голью кабацкою. Какъ подумаешь порою, что и Дуня, можетъ быть, тутъ же пропадаетъ, такъ поневолѣ согрѣшишь и пожелаешь ей могилы. На вопросъ («Здорова-ли» Дуня?), старикъ нахмурился и ничего не отвѣчалъ, но когда «ромъ прояснилъ его угрюмость», рассказалъ о своемъ горѣ, прерывая свой рассказъ слезами, «которыя живописно отиралъ своею полою».

Послѣ отъѣзда Дуни, подъ предлогомъ болѣзни, смотритель «выпросилъ отпускъ на два мѣсяца и, не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, пѣшкомъ отправился за своею дочерью. Изъ подорожной зналъ онъ, что ротмистръ Минскій ѣхалъ изъ Смоленска въ Петербургъ». Ямщикъ, который везъ Минск., говорилъ, что Дуня «всю дорогу плакала, хотя, казалось ѣхала по своей охотѣ». «Авось», думалъ смотритель, «приведу я домой заблудшую овечку мою». Въ передней у Минскаго онъ просилъ доложить его высокоблагородію, что старый солдатъ просить съ нимъ увидѣться». При видѣ Минскаго, «сердце старика закипѣло, слезы навернулись на глазахъ, и онъ дрожащимъ голосомъ произнесъ только:—«Ваше высокоблагородіе... сдѣлайте такую божескую милость!» «Ваше высокоблагородіе!» продолжалъ старикъ: «что съ возу упало, то пропало; отдайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, бѣдную мою Дуню. Вѣдь вы натѣшились ею; не погубите жъ ее понапрасну». «Увидя «за обшлагомъ своего рукава свертокъ бумагъ» (положенныхъ Минскимъ), онъ вынулъ ихъ и развернулъ нѣсколько смятыхъ ассигнацій. Слезы навернулись на глазахъ его—слезы негодованія! Онъ сжалъ бумажки въ комокъ, бросилъ ихъ на землю, притопталъ каблукомъ и пошелъ»... Но прежде, чѣмъ «отправиться домой» онъ хотѣлъ хоть разъ увидѣть свою Дуню и хитростью (сказавъ, что барицъ велѣлъ ему «отнести къ его Дунѣ записочку») вывѣдалъ у кучера Минскаго ея адресъ и рѣшилъ «свое дѣло сдѣлать». Не обращая вниманія на окрикъ служанки, онъ вошелъ въ залу и не слушая ея, «шелъ далѣе». «Онъ подошелъ къ растворенной двери», «комнаты прекрасно убранной», «и остановился». «Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; онъ поневолѣ ею любовался». «Пріятель совѣтовалъ ему жаловаться» (Минскій «сильною рукою схвативъ старика за воротъ, вытолкнулъ его на лѣстницу»), «но смотритель подумалъ, махнулъ рукой и рѣшилъ отступить». «Черезъ два дня» «отправился онъ изъ Петербурга обратно на свою станцію и опять принялся за свою работу». В. не перенесъ разлуки съ дочерью и спился. По словамъ Ваньки, В. научилъ его «дудочки вырѣзывать». «Бывало идетъ изъ кабака, а мы то за нимъ: дѣдушка, дѣдушка! орѣшковъ! а онъ насъ орѣшками надѣляетъ. Все, бывало, съ нами возится».

Вѣра Ивановна («Домикъ въ Коломнѣ»).—«Сестра двоюродная» Параша, «супруга гофъ-фурьера». Уп. л.

Г.

Г., княгиня («Гости съѣзжались на дачу»).—«Важная княгиня Г. проводила Вольскую глазами, въ полголоса сказала своему сосѣду: «Это ни на что не похоже». «...Она ведетъ себя непростительно. Она можетъ не уважать себя, сколько ей угодно; но свѣтъ еще не заслуживаетъ отъ нея такого пренебреженія». На защиту Вольской сосѣдомъ («Въ ней много хорошаго, и гораздо менѣе дурного, нежели думаютъ. Но страсти ее погубятъ»), отвѣчала: «Страсти! Какое громкое слово! Что такое страсти? Не воображаете ли вы, что у ней пылкое сердце, романическая голова? Просто она дурно воспитана!?...»

Гаврила Гавриловичъ Р.** («Метель») — Помѣщикъ, владѣлецъ Нена-

родова; «славился во всемъ округѣ гостепрїимствомъ и радушіемъ; сосѣди поминутно ѣздили къ нему поѣсть, попить». Замѣтя склонность дочери къ бѣдному армейскому прапорщику. (Владиміру Николаевичу), запретилъ дочери «о немъ и думать», «а его» принималъ «хуже нежели отставного засѣдателя». Когда же дочь заболѣла «сильной горячкой» и «въ безпрестанномъ бреду высказывала свою тайну», послѣ совѣта съ женой и «съ нѣкоторыми сосѣдами», рѣшилъ, что «суженаго конемъ не объѣдешь», положилъ послать за женихомъ «и объявить ему неожиданное счастье: согласіе на бракъ».—Скончался оставя дочь «наслѣдницей всего имѣнія».

Галуба-сынъ («Г а л у б ъ»).—Уп. л. «Наѣздникъ молодой», сраженный «враждою жадной». («Въ нежданной встрѣчѣ сынъ Галуба рукой завистника убить вблизи развалинъ Татартуба»).

Галубъ («Г а л у б ъ»).—«Старикъ-чеченецъ». Считаетъ, что важнѣе всего для чеченца «отважность, хитрость и проворство, лукавый умъ и сила рукъ», умѣніе «шашкой» добывать «злато», въ набѣгахъ отбивать коней съ погайскими быками и съ боя взятыми рабами суда въ Анапѣ нагружать». Сынъ, по убѣжденію Г., обязанъ быть отцу «слугой и другомъ неизмѣннымъ, могучимъ мстителемъ обидъ». Тазитомъ Г. «недоволенъ»: «въ немъ все лѣнь и непокорство».

«Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ не вздумалъ ты свалить его и не прыгнуть къ нему съ утеса», спрашиваетъ Г. Тазита, видѣвшаго въ горахъ одинокаго армянина-торговца. — «Ужели на арканѣ ты бѣглеца не притащилъ?» задаетъ онъ вопросъ тому же Тазиту, встрѣтившему «бѣжавшаго раба». — «Ты долга крови не забылъ? Врага ты навничъ опрокинулъ—не правда ли? Ты шашку вынулъ, ты въ горло сталь ему воткнулъ? Упился ты его стenanьемъ, его змѣинымъ издыханьемъ?.. Гдѣ жъ голова? Подай...» «говоритъ онъ Тазиту, встрѣтившему убійцу брата.—«Мнѣ черепъ этотъ нуженъ... Дай нагляжусь!—Г. проклинаяетъ Тазита, забывшаго «долгъ крови»:—«Пооди ты прочь—ты мнѣ не сынъ, ты не чеченецъ, ты старуха, ты трусь, ты рабъ, ты армянинъ! Будь проклятъ мной!—Пооди, чтобъ слуха никто о робкомъ не имѣлъ, чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи, чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи окровавленной кошкой сѣлъ, и къ безднѣ гналъ тебя нещадно; чтобъ ты какъ раненый олень бѣжалъ, тоскуя безотрадно; чтобъ дѣти русскихъ деревень тебя веревкою поймали и какъ волченка затерзали—чтобъ ты... Бѣги, бѣги скорѣй! Не оскверняй моихъ очей! «приказываетъ Г. Тазиту», котораго раньше «влеченю сердца повинуюсь», онъ принялъ «ласково» «въ свой домъ». «Сказалъ и на земь легъ—и очи закрылъ, и такъ лежалъ до ночи».

Гамалѣй («П о л т а в а»).—Уп. л. «Въ ночь казни Кочубея, Мазепа» «на протяжный слабый крикъ, другимъ отвѣтствовалъ—тѣмъ крикомъ, которымъ онъ въ весельи дикомъ—поля сраженія оглашалъ, когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ, и съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ онъ въ бранномъ пламени скакалъ».

Гарлинь, Анна («М а р і я Ш о п и н г ъ»).—Бывшая служанка Маріи Шонингъ. Три года провела въ семействѣ пастора, который обходился съ нею «не какъ съ наемной служанкой, а какъ съ дочерью». Вышла замужъ за инвалида Фрица; послѣ смерти отца Шонингъ, прїютила у себя Марію, утѣшая ее въ несчастіи тѣмъ, что «жизнь коротка, а небо высоко, дитя мое». Когда ради спасенія дѣтей Анны, Марія объявила, что «она родила при помощи Анны Г., которая и похоронила ея ребенка гдѣ-то въ лѣсу», Анна ни въ чемъ не сознавалась, но послѣ словъ Маріи («Анна, признайся въ томъ, чего отъ тебя требуютъ! Добрая моя Анна, для насъ все будетъ кончено, а Франкъ и Нани будутъ помѣщены въ сиротскій прїютъ»), «Анна догадалась въ чемъ дѣло, обняла ее и сказала, что бросила ребенка въ Пегницъ». «Обѣихъ приговорили къ смертной казни». «На колесницѣ Анна была спокойна», взойдя на эшафотъ сказала Маріи: «Еще минута, и мы будемъ тамъ (на небѣ!). Мужайся, еще одна минута и мы явимся передъ Богомъ! —«Я виновата въ томъ, что солгала и усомнилась въ благодати Провидѣнія», отвѣчаетъ Г. на вопросы священника и палача...

Гвоздинъ. («Е в г. О н ѣ г и н ѣ»).—«Хозяинъ превосходный, владѣлецъ нищихъ мужиковъ».

Генераль N.; князь («Е в г. О н ѣ г и н ѣ»).—Мужъ Татьяны. «Важный, «толстый». «Въ сраженьяхъ изувѣченъ». «За то» его съ семьей «ласкаетъ дворъ». «Знатень». «Богатъ». Входя съ женою въ залъ, «всѣхъ выше подымаетъ носъ и плечи».—«Родня и другъ» Онѣгина. «Вспоминаетъ съ Онѣгинымъ проказы шутки прежнихъ лѣтъ».

Генераль («К а п и т. д о ч к а») — «Старикъ», «виду строгаго и холоднаго». Г. освѣдомившись, что обвиняемый Гриневъ, «сынъ Андрея Петровича Гринева», «возразилъ сурово»:—«Жаль, что такой почтенный человекъ имѣетъ такого недостойнаго сына!» Г-ду «увѣренность» Гринева на допросѣ, «не понравилась».—«Ты, братъ, востеръ, сказалъ Г. нахмуясь: но видали мы и не такихъ».

Герасимъ («К а п и т. д о ч к а»).—Священникъ. «Помни, старуха, говорить о. Г. своей женѣ, «не все то ври, что знаешь. Нѣсть спасенія во многлаголаніи». Передъ казною о. Г., «блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца съ крестомъ въ рукахъ и, казалось, молча умолялъ Пугачева «за предстоящія жертвы». По словамъ Марьи Ивановны, Швабринъ «принудилъ о. Г. выдать ее ему, застрашавъ его Пугачевымъ».—«Батюшка, Петръ Андреичъ! войдите, милости просимъ. Давно, давно не видались», говоритъ о. Г. Гриневу. Онъ-же утѣшалъ Гринева и крестился, «услыша, что Пугачеву извѣстенъ ихъ обманъ». Во время попойки Пугачева, «голосъ о. Г. былъ слышенъ; онъ кликалъ сожительницу».

Германнъ («П и к о в а я д а м а»).—Инженерный офицеръ; «удивительно напоминалъ Наполеона», когда сидѣлъ въ комнатѣ Лизы, «сложивъ руки и грозно нахмуясь». «Сынъ обрусѣвшаго нѣмца, оставившаго ему маленькій капиталъ. Будучи убѣжденъ въ необходимости упрочить свою независимость, Г. не касался и процентовъ, жилъ однимъ жалованьемъ, не позволялъ себѣ малѣйшей прихоти. Впрочемъ, онъ былъ скрытенъ и честолюбивъ, и товарищи его рѣдко имѣли случай посмѣяться надъ его излишней бережливостью». — «Я не мотъ; я знаю цѣну деньгамъ», говоритъ онъ графинѣ. Онъ имѣлъ сильныя страсти и огненное воображеніе; но твердость спасла его отъ обыкновенныхъ заблужденій молодости. Такъ, напримѣръ, будучи въ душѣ игрокъ, никогда не бралъ онъ карты въ руки, ибо рассчиталъ, что его состояніе не позволяло ему (какъ сказывалъ онъ) «жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее»,—а между тѣмъ, цѣлыя ночи просиживалъ за карточными столами и слѣдовалъ съ лихорадочнымъ трепетомъ за различными оборотами игры». «Деньги! вотъ чего алкала его душа». Душа его «сурова». Онъ готовъ на все, «отъ него все станеть»; желая познакомиться съ графиней, «по цѣлымъ часамъ» простаиваетъ «неподвижно» около ея дома; готовъ къ ней «подбится въ милость»; пожалуй сдѣлается любовникомъ «восьмидесятилѣтней старухи». Лизѣ, которую увидѣлъ «случайно» въ окнѣ, «признается въ любви», т. к. избралъ въ ней «слѣпую помощницу» въ достиженіи цѣли. «Всѣ мысли его слились въ одну». «Этотъ Г. лицо истинно романическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля». Я думаю, что на его совѣсти, по крайней мѣрѣ три преступленія, отъ него все станеть, отзывается Томскій о Г., во время «мазурочной болтовни».

Лиза называетъ Г. «чудовищемъ»; «пошлое лицо», по характеристикѣ автора; «Г. нѣмецъ: онъ расчетливъ, вотъ и все! говоритъ о немъ Томскій. «Имѣя мало истинной вѣры, онъ имѣлъ множество предразсудковъ». Онъ «вѣрилъ, что мертвая графиня могла имѣть вредное вліяніе на его жизнь, и рѣшился явиться на ея похороны, чтобы испросить у ней прощеніе». — «Сказка! отвѣчаетъ Г. на разсказъ Томскаго о трехъ картахъ, но «анекдотъ о трехъ картахъ графини», «сильно подѣйствовалъ на его воображеніе». «Нѣтъ! расчетъ, умѣренность и трудолюбіе: вотъ мои три вѣрныя карты, вотъ что утроить, усмерить мой капиталъ и доставить мнѣ покой и независимость!» разсуждалъ Г., «но его невѣдомая сила, казалось, привлекала» къ дому графини. Во снѣ ему грезились «карты, зеленый столъ, кипы ассигнацій и груды червонцевъ. Онъ ставилъ карту за картой,

гнуль углы рѣшительно, выигрывалъ безпрестанно, и загребалъ къ себѣ золото, и клалъ ассигнаціи въ карманъ». «Въ день похоронъ графини, онъ, противъ обыкновенія своего, пилъ очень много, въ надеждѣ заглушить внутреннее волненіе». Но вино еще болѣе горячило его воображеніе». Въ этотъ день онъ увидѣлъ «бѣлую женщину», и «записалъ свое видѣнъе». Онъ повѣрилъ словамъ умершей графини, что «тройка, семерка и тузъ выиграють» ему «сразу», но съ тѣмъ, чтобъ онъ въ сутки болѣе одной карты не ставилъ, и чтобъ во всю жизнь уже послѣ не игралъ». Случайно въ окнѣ онъ увидѣлъ Лизу и «эта минута рѣшила его участь». Онъ написалъ ей письмо, которое «содержало въ себѣ признаніе въ любви. Оно было нѣжно, почтительно и слово въ слово взято изъ нѣмецкаго романа». Несмотря на то, что Лиза возвратила ему его письмо, «Г. не унялся». Лизавета Ивановна каждый день получала отъ него письма, то тѣмъ, то другимъ образомъ. Г. ихъ писалъ вдохновенный страстию, и говорилъ языкомъ, ему свойственнымъ, въ нихъ выражались и непреклонность его желаній, и безпорядокъ необузданнаго выраженія». Получивъ письмо отъ Лизы съ приглашеніемъ «увидѣть» ее «наединѣ», «Г. трепеталъ какъ тигръ». Попавъ въ домъ графини, какъ указала ему Лиза, онъ «увидѣлъ узкую витую лѣстницу, которая вела въ комнату бѣдной воспитанницы... Но онъ воротился и вошелъ въ зеленый кабинетъ». «Онъ былъ спокоенъ; сердце его билось ровно, какъ у человѣка, рѣшившагося на что нибудь опасное, но необходимое», и только когда «Лизавета Ивановна прошла мимо него», «въ сердцѣ его отозвалось нѣчто похожее на угрызеніе совѣсти и слова умолкло». «Онъ окаменѣлъ». — Не пугайтесь, ради Бога, не пугайтесь! сказалъ онъ (графинѣ), внятнѣмъ и тихимъ голосомъ. Я не имѣю намѣренія вредить вамъ; я пришелъ умолять васъ объ одной милости. «Это была шутка, сказала она наконецъ; клянусь вамъ, это была шутка! — Этимъ нечего шутить, возразилъ сердито Г. Онъ «сталъ на колѣни и умолялъ не отказать въ его просьбѣ: «открыть» ему «тайну» — «можетъ быть, говорилъ Г., она сопряжена съ ужаснымъ грѣхомъ, съ пагубой высшаго блаженства, съ дьявольскимъ договоромъ». — «Я готовъ взять грѣхъ вашъ на свою душу. Откройте мнѣ вашу тайну. Подумайте, что счастье человѣка находится въ вашихъ рукахъ; что не только я, но дѣти мои, внуки и правнуки благословятъ вашу память и будутъ ее чтить, какъ святыню...» — Старая вѣдьма! сказалъ онъ, стиснувъ зубы: такъ я же заставлю тебя отвѣчать... Съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана пистолеть». — «Перестаньте ребячиться, сказалъ Германнъ, взявъ ея руку. Спрашиваю въ послѣдній разъ — хотите ли назначить мнѣ ваши три карты? да или нѣтъ?» Графиня не отвѣчала. Германнъ увидѣлъ, что она умерла». «Онъ не чувствовалъ угрызенія совѣсти при мысли о мертвой старухѣ. Одно его ужасало: невозвратимая потеря тайны, отъ которой ожидалъ обогащенія»; «ни слезы бѣдной дѣвушки, ни удивительная прелесть ея горести, не тревожили суровой души его». — «Графиня умерла», «и, кажется, я причина ея ея смерти», сказалъ Г. Лизѣ. Передъ уходомъ изъ дома графини, «онъ остановился» передъ мертвой, долго смотрѣлъ на нее, какъ бы желая удостовѣриться въ ужасной истинѣ». «На похоронахъ графини, «не чувствуя раскаянія, онъ не могъ, однако, заглушить голосъ совѣсти, твердившей ему: — «ты — убійца старухи!» Онъ едва «рѣшился подойти ко гробу. Онъ поклонился въ землю и нѣсколько минутъ лежалъ на холодномъ полу, усыпанномъ ельникомъ; наконецъ, приподнялся, блѣденъ, какъ сама покойница, взошелъ на ступени катафалка и наклонился... Въ эту минуту показалось ему, что мертвая насмѣшливо взглянула на него, прищуривая однимъ глазомъ. Германнъ, поспѣшно подавшись назадъ, оступился и навзничъ грянулся объ земь». Овладевъ тайной, раскрывшейся ему «въ видѣ видѣнъя», онъ сталъ думать объ отставкѣ и путешествіи. Онъ хотѣлъ въ открытыхъ игрецкихъ домахъ Парижа вынудить кладъ у очарованной фортуны». Послѣ того, какъ карта его (пиковая дама, поставленная имъ, вмѣсто туза) была бита, «Германнъ сошелъ съ ума. Онъ сидитъ въ Обуховской больницѣ, въ семнадцатомъ номерѣ, не отвѣчаетъ ни на какіе вопросы и бормочетъ необыкновенно скоро: «Тройка, семерка, тузъ! Тройка, семерка, дама...»

Герцогъ («Скупой рыцарь»).—По словамъ барона, «молодь», и ему «любы турниры, праздники». «Уединенье и праздность губятъ молодыхъ людей», говоритъ Г. объ Альбертѣ. «Ему прилично въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ». «Мы тотчасъ приучимъ его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ».—«Пришлите къ намъ его: онъ позабудетъ привычки, зарожденныя въ глуши», говоритъ Г. барону.—«Я вѣрю, вѣрю, благородный рыцарь таковъ, какъ вы, отца не обвинить безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало», встрѣчаетъ онъ Альбера.—«Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно: вы дѣду были другомъ; мой отецъ васъ уважалъ. И я всегда считалъ васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ, привѣтствуетъ онъ барона. — Спокойны будьте: вашего отца усовѣщу наединѣ безъ шума», общается онъ Альберу.—«У васъ, баронъ, есть дѣти?» обращается онъ съ вопросомъ къ барону. Когда же баронъ отвѣчаетъ отказомъ прислать сына ко двору («Я согласиться не могу на это...» «Увольте старика...»)—«Я требую, говоритъ герцогъ: откройте мнѣ причину отказа вашего».—«Что видѣлъ я? Что было предо мною? Сынъ принялъ вызовъ стараго отца! Въ какіе дни надѣлъ я на себя цѣпь герцоговъ! Молчите: вы, безумецъ, и ты, тигренокъ!—полно. (Сыну). Бросьте, отдайте мнѣ перчатку. (Отнимаетъ ее).»—«Такъ и впился въ нее когтями!... Извергъ! Подите: на глаза мои не смѣйте являться до тѣхъ поръ, пока я самъ не призову васъ, обращается Г. къ Альберту. — «Вы, старикъ несчастный, не стыдно-ль вамъ?» говоритъ онъ барону. — «Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!»

Герцъ, Карль («Сцены изъ рыц. временъ»). — «Подмастерье» Мартына, которому тотъ отдалъ «все свое имѣнье».

Герцъ, Юлія («Сцены изъ рыц. временъ»).—Дочь Томаса Фурста, жена Карла Герца. Ей Францъ просилъ Карла «отдать на память» «серебряную цѣпочку» и передать поклонъ.

Гильо («Евг. Онѣгинъ»).—«Слуга, французъ». Утромъ на звонокъ Онѣгина «вбѣгаетъ... халатъ и туфли предлагаетъ и подаетъ ему бѣлье».—Онѣгинъ беретъ его секундантомъ на дуэль съ Ленскимъ: «вотъ онъ—мой другъ, monsieur Guillot», говоритъ Он. Зарѣдкому: «хоть человекъ онъ неизвѣстный, зато, конечно, малый честный». Когда пистолеты были заряжены, «за ближній пень становится смущенный».

Гирей («Бахчисарайскій фонтанъ»).—Ханъ «повелитель горделивый» «съ гордою душой». «Мрачный, кровожадный» въ «буряхъ боевыхъ». Г. «скучаетъ бранной славой; устала грозная рука; война отъ мыслей далека». «Полонъ грусти умъ Гирея» «и ночи хладныя часы проводить мрачный, одинокій, съ тѣхъ поръ, какъ польская княжна въ его гаремъ заключена» (см. Марія). «Г. несчастную щадить: ея унынье, слезы, стоны тревожатъ хана краткій сонъ, и для нея смягчаетъ онъ гарема строгіе законы». «Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной печальный возмущать покой; гарема въ дальнемъ отдѣленѣ позволено ей жить одной».—Послѣ смерти Маріи «дворецъ угрюмый» Г. «оставилъ; съ толпой татаръ онъ злой набѣгъ опять направилъ»; но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ таится пламень безотрадный. Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ подьмлетъ саблю, и съ размаха недвижимъ остается, вдругъ, глядитъ съ безуміемъ вокругъ, блѣднѣетъ, будто полный страха, и что-то шепчетъ, и порой горючи слезы леть рѣкой». «Опустошивъ огнемъ войнѣ Кавказу близкія селенья и селы мирныя Россіи, въ Тавриду возвратился ханъ, и въ память горестной Маріи воздвигнулъ мраморный фонтанъ».

Критика: «Въ основѣ этой поэмы лежитъ мысль до того огромная, что она могла бы быть подь-силу только вполне развитшемуся и возмужавшему таланту; очень естественно, что Пушкинъ не совладалъ съ нею и, можетъ быть, оттого-то и былъ къ ней уже слишкомъ строгъ. Въ дикомъ татаринѣ, пресыщенномъ гаремной любовью, вдругъ вспыхиваетъ болѣе человѣческое и высокое чувство къ женщинѣ, которая чужда всего, что составляетъ прелесть владыки и что можетъ плѣнять вкусъ азіатскаго варвара».

«Марія взяла всю жизнь Гирея; встрѣча съ нею была для него

минутой перерожденія, и если онъ отъ новаго, невѣдомаго ему чувства, вдохнутаго ею, еще не сдѣлался ч е л о в ѣ к о м ѣ, то уже ж и в о т н о е въ немъ умерло, и онъ пересталъ быть татаринѣмъ *comme il faut*. Итакъ, мысль поэмы—перерожденіе (если не просвѣтлѣніе) дикой души черезъ высокое чувство любви. Мысль великая и глубокая!» (Б ѣ л и н с к і й, т. 8).

Гирць («Марія Шонинга»). — Уп. л. Трактирщикъ. На аукціонѣ, «послѣ смерти Шонинга», «купилъ двѣ серебряныхъ ложки, полдюжины салфетокъ и двѣ фарфоровыя чашки».

Глобова, Анна Савишна («Дубровскій»).—Вдова; «довольно простая, всѣми любимая за добрый и веселый нравъ»; пищитъ «толстымъ» голосомъ. Рассказываетъ на обѣдѣ у Троекурова, какъ ее посѣтилъ Дубровскій. Сына своего не балуетъ «да и не въ состояніи баловать», но «содержитъ» его «приличнымъ образомъ», дѣлясь какъ можетъ своими «доходишками».

Глобозъ, Ванюшка («Дубровскій»).—Офицеръ гвардіи. Сынъ Анны Савишны.

Глобовскій приказчикъ («Дубровскій»). — Утаиваетъ у Глобовой 2.000 руб. и лошадь, говоря, что его ограбилъ Дубровскій. За это Дубровскій увозитъ его и наказываетъ: приказчика «нашли на другой день въ лѣсу, при-
вязаннаго къ дубу и ободраннаго, какъ линку».

Годунова, Ксенія («Бор. Год.»).—«Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица». «Все плачетъ о мертвомъ женихѣ». «Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ, говоритъ она, цѣлуя его портретъ.—Не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилѣ на чужой сторонкѣ; никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ плакать буду».—«Забудешь Ивана королевича»—угѣшаетъ ее мамка.—«Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна».—«Братецъ, братецъ! кажется къ намъ бояре идутъ!» говоритъ она въ послѣдней сценѣ. «Ахъ братецъ, сердце замираетъ».

Годунова, Марія («Бор. Год.»).—Уп. л.

Годуновъ, Борисъ («Бор. Год.»).—«Татаринъ», «зять Малюты»—говоритъ о немъ Шуйскій.—По мнѣнію Басманова, Б. «высокій духъ державный»; по опредѣленію Аванасія Пушкина «имѣетъ умную голову»; онъ «смѣлъ»,—«не такъ то робокъ». Когда Шуйскій возвратился съ разслѣдованія дѣла объ убійствѣ Димитрія и могъ изблечить Бориса «единымъ словомъ», Г. его «смутилъ спокойствіемъ, безстыдностью неожиданной». «Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто правый,—рассказываетъ Шуйскій;—разспрашивалъ, въ подробности входилъ, и передъ нимъ я повторилъ нелѣпость, которую онъ самъ мнѣ нашепталъ».—«Такъ, рѣшено, не окажу я страха», говоритъ Б.; оправившись отъ испуга, овладѣвшаго имъ при неожиданной вѣсти о «Димитріи»,—«но презирать не должно ничего».—«Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!» восклицаетъ онъ, увидѣвъ географическую карту, которую сынъ его «изобразилъ такъ хитро на бумагѣ» и узнавъ отъ сына ея значеніе.—«Учись, мой сынъ! наука сокращаетъ намъ опыты быстротекущей жизни». Учись, мой сынъ! И легче и яснѣе державный трудъ ты будешь постигать».—«Будь милостивъ, доступенъ иноземцамъ, за-
вѣщаетъ онъ сыну,—довѣрчиво ихъ въ службу принимай».

Борисъ «съ давнихъ лѣтъ въ правленіи искушенъ». Царь Θεодоръ его «любилъ» и «дивно возвеличилъ», «на все глядѣлъ очами Годунова, всему внималъ ушами Годунова», причемъ Г. самъ сумѣлъ «и страхомъ, и любовью, и славою народъ очаровать».—Царь, по мнѣнію Г., долженъ быть «молчаливъ: не долженъ царскій голосъ на воздухъ теряться по пустому, какъ звонъ святой онъ долженъ лишь вѣщать велику скорбь или великій праздникъ»; привычка — душа державъ». Не надо «измѣнять теченія дѣлъ». При «вступленіи на престолъ», совѣтуетъ онъ сыну: «ослабъ державныя бразды, изъ рукъ не выпуская», «современемъ и понемногу ихъ вновь затягивай».—«Безумны мы, когда народный плескъ иль ярый вопль тревожитъ сердце наше». «Лишь строгостью мы можемъ неусыпной сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ, смиритель бурь, разумный

самодержецъ, такъ думалъ и его свирѣбный внукъ».—«Онъ править нами», жадуется бояринъ Аѳанасій Пушкинъ, «какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянуть)». «Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей? Насъ каждый день опала ожидаетъ, тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы, а тамъ, въ глуши, голодна смерть иль петля. Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?.. Заточены, замучены въ изгнаньи». «Если ты со мной хитришь, тебя постигнетъ злая казнь—говоритъ Г. Шуйскому,—такая казнь, что царь Иванъ Васильевичъ отъ ужаса во гробѣ содрогнется». «Мы дома, какъ Литвой, осажены невѣрными рабами—все языки, готовые продать, правительствомъ подкупленные воры. Зависимъ мы отъ перваго холопа, котораго захочемъ наказать,—говоритъ Аѳ. Пушкинъ.—«Нынче ко мнѣ чѣмъ свѣтъ дворецкій князь Василья и Пушкина слуга приплы съ доносомъ», докладываетъ Борису Семень Годуновъ:—«Поутру вчера къ нимъ въ домъ (къ Пушкину) прѣхалъ изъ Кракова гонецъ и черезъ часъ безъ грамоты отосланъ былъ обратно». Г. оставляетъ при выслушиваніи доносовъ и сына своего, будущаго правителя, Θεодора.—«Вотъ Юрьевъ день задумалъ уничтожить», негодуетъ на Г. Аѳан. Пушкинъ. «Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ, не смѣй согнать лѣнница! Радъ не радъ—корми его! Не смѣй переманить работника! Не то въ приказъ холопій».—«А легче ли народу? Спроси его. Попробуй самозванецъ имъ посулить старинный Юрьевъ день, такъ и пойдетъ потѣха».—«Я думалъ свой народъ въ довольствіи, во славѣ успокоить, щедротами любовь его сыскать, но отложилъ пустое попеченье»—говоритъ самъ Г.—«Живая власть для черни ненавистна,—они любятъ умѣютъ только мертвыхъ». «Милости не чувствуетъ народъ: твори добро—не скажетъ онъ спасибо».—«Много, много онъ еще добра Россіи сотворитъ, характеризуетъ дѣятельность Г., выдвинутый имъ, Басмановъ.—«Со строгостью храни уставъ церковный»—завѣщаетъ Г. сыну.—«Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность, онъ слабости даруетъ силу»... говоритъ Г., оставляя «неопытнаго» Θεодора «въ дни бурные». «О Боже, Боже! сейчасъ явлюсь передъ Тобой и душу мнѣ некогда очистить покаяньемъ!» тоскуетъ онъ. Передъ смертью принимаетъ «схиму».—Въ то же время, по словамъ «стольника»,—«кудесники, гадатели, колдуньи—вотъ его любимая бесѣда». «Все ворожить, какъ красная невѣста». «Кудесники ему сулятъ дни долгиѣ, дни власти безмятежной».—Въ семьѣ своей, учитъ Г. сына, «будь всегда главою; мать почитай, но властвуй самъ собой. Ты мужъ и царь».—Одна изъ первыхъ мыслей Г. при извѣстіи о самозванцѣ,—мысль, что дѣти его могутъ «лишиться наслѣдства».—Θеодоръ для Бориса—«дороже душевнаго спасенья»; что бы дать ему послѣднія наставленія Борисъ отлагаетъ предсмертную исповѣдь. Онъ клянется «головою сына»; онъ «прочитъ его въ цари», «съ малыхъ лѣтъ» заставлялъ «сидѣть въ думѣ», знакомя съ ходомъ «державнаго теченья». «Царевичъ можетъ знать, что вѣдаетъ князь Шуйскій»—заявляетъ онъ послѣднему. Но, при извѣстіи о «Димитріи», Г. удаляетъ Θεодора: «нельзя, мой сынъ, поди!»—«Я достигъ верховной власти—чѣмъ? Не спрашивай», говоритъ онъ сыну.—«Довольно, ты невиненъ, ты царствовать теперь по праву станешь, а я за «все одинъ отвѣчу Богу»...—«Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ»,—обращается Г. къ боярамъ, умирая: «друзья мои! при гробѣ васъ молю ему служить усердіемъ и правдой».—«Люби свою сестру», завѣщаетъ Б. Θεодору.—«Что, Ксенія? Что, милая моя?» обращается онъ къ дочери. «Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ? Дитя мое! Судьба мнѣ не судила виновникомъ быть вашего блаженства. Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса, я счастье твое не могъ устроить. Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?»

«О, тяжела ты, шапка Мономаха!»—воскликаетъ Борисъ на-единѣ съ собой. «Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ; предчувствую небесный громъ и горе».—Умереть «мнѣ подданнымъ во мракѣ надлежало-бы», признается онъ передъ Θεодоромъ. Для достиженія верховной власти имъ пролита «кровь царевича младенца»,—говоритъ Шуйскій. Борисъ «подкупалъ Чепчугова» для убійства, «подослалъ обоихъ Битяговскихъ съ Качаловымъ». По словамъ Пимепа, «злodeи подъ топоромъ покалялись и назвали Бориса». Передъ выборомъ на царство

Борисъ дѣлалъ видъ, что «его страшитъ сіяніе престола». «Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ, ни мольбамъ (патріарха и думныхъ бояръ), ни воплю всей Москвы, ни голосу великаго собора». Шуйскій характеризуетъ такъ это поведеніе Г.: «Борисъ еще поморщится немного, что пьяница предъ чаркою вина, и наконецъ, по милости своей, принять вѣнецъ смиренно согласится».—Будучи «избранъ всенародно», онъ заявляетъ: «Вы видѣли, что я приѣмлю власть великую со страхомъ и смиреньемъ».—Прошло шесть лѣтъ. «Шестой ужъ годъ я царствую спокойно»,—говоритъ Б.—«Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли мы смолоду влюбляемся и алчемъ утѣхъ любви, но только утолимъ сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ, ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся. Мнѣ счастья нѣтъ». Мечты о благѣ и любви народа развѣяны (см. выше). «Богъ насылалъ на землю нашу гладъ; народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая; я отворилъ имъ житницы; я разсыпалъ злато имъ: я имъ сыскалъ работы—они жъ меня бѣснующь проклинали. Пожарный огонь ихъ дома истреблялъ; я выстроилъ имъ новыя жилища: они меня пожаромъ упрекали. Вотъ черни судъ. Ищи жъ ея любви!». Отвѣтомъ на его заботы были «злоба» и «клевета».—«Кто ни умретъ,—я всѣхъ убійца тайный: я ускорилъ Θεодора кончину, я отравилъ свою сестру царицу, монахиню смиренную—все я! Я дочь свою мнилъ осчастливить бракомъ: какъ буря смерть уноситъ жениха.—И тутъ молва лукаво нарекаетъ виновникомъ дочерняго вдовства меня, мѣня, несчастнаго отца». «Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ среди мірскихъ печалей успокоить; ничто, ничто... едина развѣ совѣсть». «Здравая она восторжествуетъ надъ злобою, надъ темной клеветою; но если въ ней единое пятно, единое случайно завелось,—тогда бѣда: какъ язвой моровой душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ, какъ молоткомъ стучить въ ухахъ упрехомъ, и все тошнить, и голова кружится, и мальчики кровавые въ глазахъ... и радъ бѣжать, да некуда... ужасно!»—«Тринадцать лѣтъ мнѣ сряду все снилося убитое дитя—предчувствую небесный громъ и горе».—«Да, да, вотъ что! теперь я понимаю», почему снился этотъ сонъ, говоритъ Борисъ, услышавъ впервые о «воскреснувшемъ имени» Димитрія. «Вся кровь» ему «въ лицо кинулась и тяжело опускалась» при этомъ, извѣстїи.—«Ухъ, тяжело. Дай духъ переведу!»—слыхалъ! ли ты, чтобъ мертвые изъ гроба выходили допрашивать царей законныхъ?» Однако, Борисъ скоро оправляется: «Но кто же онъ, мой грозный супостатъ? Кто на меня? Пустое имя, тѣнь. Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?—Безумецъ я! Чего жъ я испугался? На призракъ сей подуй, и нѣтъ его».—«Но презирать не должно ничего». «Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ», говоритъ Г. сыну передъ смертью. «Онъ именовъ ужаснымъ ополченъ»—«повсюду имъ разосланныя письма», говоритъ Борисъ въ Царской Думѣ, посѣяли тревогу и сомнѣнье; на площадяхъ мятежный бродитъ шопоть, умы кипятъ. Ихъ нужно остудить. Предупредить желалъ бы казни я». Борисъ «удалился въ печальныя свои палаты, грозенъ и мраченъ».—Ждутъ казней», говоритъ Хрущовъ. «Но недугъ его грызеть». «Недавно двухъ бояръ казнилъ за то, что за столомъ они твое (Самозванца) здоровье пили тайно». «О тебѣ тамъ говорить не слишкомъ нынче смѣютъ», рассказываетъ плѣнникъ Самозванцу. «Кому языкъ отрѣжутъ, а кому и голову. Такая, право, притча, что день, то казнь. Тюрьмы биткомъ набиты. На площади, гдѣ человекъ три сойдутся,—глядь, лазутчикъ ужъ и вьется. А государь досужною порою доносчиковъ допрашиваетъ самъ».—«Я нынѣ долженъ былъ возстановить опалы, казни», признается Борисъ предъ смертью сыну. «Передо мной они дрожали въ страхѣ. Возвысить гласъ измѣна не дерзала». «Полно, пора смирить безумца!» объявляетъ Г. Царской Думѣ при вѣсти о походѣ Самозванца. «Мнѣ свейскій государь черезъ пословъ союзъ свой предложилъ; но не нужна намъ чуждая помощь: своихъ людей у насъ довольно разныхъ, чтобъ отразить измѣнниковъ и ляха. Я отказалъ». «Поѣзжайте, ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь нужна моимъ усерднымъ воеводамъ».—Но затѣмъ Борисъ отзываетъ Басманова, «наградивъ его заслуги честью и золотомъ». «Басмановъ въ думѣ теперь сидитъ», говоритъ

илѣнникъ. «Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе»,—замѣчаетъ Самозванецъ. Послѣ пораженія «подъ Сѣверскомъ» Борисъ «очень былъ встревоженъ», и «Шуйскаго послалъ начальствовать надъ войскомъ», вмѣсто раненаго Мстиславскаго. Послѣ побѣды, Борисъ говоритъ:—«Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ? мы тщетною побѣдой увѣнчались: онъ вновь собралъ разсѣянное войско». «Нѣтъ, недоуленъ я» героями нашими; и тутъ — «мысль важная родилась» въ умѣ Г.: онъ рѣшаетъ «презрѣть ропотъ знатной черни и уничтожить гибельный обычай» «мѣстничества». — «Пошлю тебя начальствовать надъ ними», говоритъ онъ Басманову; «не родъ, а умъ поставлю въ воеводы; пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужить». Смерть Г. не дала ему времени «сломить рогъ боярству родовому». — Умирая, Борисъ завѣщаетъ Феодору:—«Басманова пошли» начальствовать надъ войскомъ и «съ твердостью снеси боярскій ропотъ». Но Басмановъ, «возвеличенный» Феодоромъ, согласно завѣщанію, «предалъ» его. «Народъ и мы погибли безъ тебя», говоритъ Феодоръ умирающему Борису.

К р и т и к а. По мнѣнію Бѣлинскаго, у Г. «былъ только умъ и даровитость, но не было гениальности,—тогда какъ судьба поставила его въ такое положеніе, что гениальность была ему необходима. Будь онъ законный, наслѣдный царь,—онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ царей русскихъ: тогда ему не было бы никакой нужды быть реформаторомъ, и оставалось бы только хранить *statu quo*, улучшая, но не измѣняя его,—а для этого и безъ гениальности достало бы у него ума и способности—и онъ много сдѣлалъ бы полезнаго для Россіи. Но онъ былъ выскочка (*parvenu*) и потому долженъ былъ быть гениемъ или пастъ—и палъ... Ведя Русь по старой колеѣ, онъ самъ не могъ не споткнуться на той колеѣ, потому что старая Русь не могла простить ему того, что видѣла его бояриномъ прежде, чѣмъ увидѣла царемъ своимъ. Чтобъ утвердиться самому на престолѣ и упрочить его за своимъ потомствомъ,—ему надо было преобразовать, перевоспитать Русь, внести въ ея жизнь новые элементы. Но для этого у него не было никакой идеи, никакого принципа. Онъ былъ только умнѣе своего времени, но не выше его».

У великаго человѣка и сердце великое. Идя своей дорогой и опираясь на свою силу, онъ ничего не боится; онъ разить своихъ враговъ, но не мститъ имъ; въ ихъ паденіи для него заключается торжество его дѣла, а не удовлетвореніе обиженнаго самолюбія. Петръ Великій умѣлъ карать враговъ своего дѣла и умѣлъ прощать личныхъ враговъ, если видѣлъ, что они ему не опасны. Его кара была актомъ правосудія, а не дѣломъ личнаго мщенія, и онъ каралъ открыто, среди бѣлаго дня, но не отравлялъ во мракъ; принявъ публично доносъ, публично изслѣдовалъ дѣло и публично наказывалъ, если доносъ оказывался справедливымъ. Когда бунтъ стрѣлецкій заставилъ его воротиться изъ путешествія, — кровь стрѣльцовъ лилась рѣкой въ глазахъ грознаго царя, и онъ не боялся показаться тираномъ, потому что не былъ имъ. Не такъ дѣйствовалъ Годуновъ. Сперва онъ крѣпился, надѣясь лаской и милостью обнаружить тайныхъ враговъ и прекратить неблагоприятныя о себѣ толки; но, видя, что это не дѣйствуетъ—не вытерпѣлъ, и тогда настала эпоха террора, шпіонства, доносовъ, пытокъ и скоростижныхъ смертей... У Годунова не было великаго сердца, и потому онъ не могъ не мучиться подозрѣніями, не бояться крамолы, не увлекаться личнымъ мщеніемъ и наконецъ не сдѣлаться тираномъ. Словомъ, онъ былъ только замѣчательный, а не великій человѣкъ, умный и талантливый администраторъ, но не гений.

Итакъ, вѣрно понять Годунова исторически и поэтически—значитъ понять необходимость его паденія равно въ обоихъ случаяхъ—виновенъ ли онъ былъ въ смерти царевича, или невиненъ. А необходимость эта основана на томъ, что онъ не былъ гениальнымъ человѣкомъ, тогда какъ его положеніе непременно требовало отъ него гениальности». (Бѣлинскій. Соч. т. VIII).

Годуновъ, Семень Никитичъ («Бор. Год.»).—Приходитъ къ Борису «съ докладомъ»: «ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій князь Василья и Пушкина слуга пришли съ доносомъ». Когда Борисъ, выслушавъ доносъ, распоряжается: «гонца

(привъзжавшаго къ Пушкину) схватить»,—С. Г. отвѣчаетъ:—«Ужь послано въ догону». На слова Бориса:—«Сейчасъ послать за Шуйскимъ» (князь Васильемъ), «Государь! онъ здѣсь уже», говоритъ С. Г.

— **Годуновъ, Феодоръ** («Б о р. Г о д.»).—«Младъ и непорочень», по словамъ Бориса. — Позналъ «сладкій плодъ ученья». «Чертитъ географическую карту»: «чертежъ земли Московской; наше царство изъ края въ край». «Съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ» съ отцомъ «въ Думѣ, знаетъ ходъ державнаго теченья». «Царевичъ можетъ знать, что вѣдаетъ князь Шуйскій», заявляетъ Борисъ Шуйскому, принесшему «важную вѣсть». Ф. присутствуетъ при докладѣ Семена Годунова о доносахъ. Но, когда зашла рѣчь о Димитріи, Борисъ приказываетъ ему уйти. Борисъ Ф. «дороже душевнаго спасенья».—Видя, что отецъ умираетъ, Ф. воскликнулъ: «нѣтъ, нѣтъ, живи и царствуй долговѣчно. Народъ и мы погибли безъ тебя». Онъ принимаетъ власть «въ дни бурные». «Ты молодой, неопытный властитель, какъ управлять ты будешь подъ грозой?»... говоритъ ему Борисъ.—«Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность, онъ слабости даруетъ силу»; слѣдуя наставленіямъ отца, Ф. дѣлаетъ «любимцемъ» Басманова; Ф. «вознесъ» его, но Басмановъ «предательствомъ ужаснымъ заплатилъ его довѣренность».—Заключенный во дворцѣ, Ф. отвѣчаетъ нищему, попросившему милостыни:—«поди старикъ, я бѣднѣе тебя: ты на волѣ».

Голицынъ («Б о р. Г о д.»). — Уп. л.

Голицынъ, князь («К а п и т. д о ч к а»). — «Подъ крѣпостью Татищевой» Г. «разбилъ Пугачева, разсѣялъ его толпы, освободилъ Оренбургъ и, казалось, нанесъ бунту послѣдній и рѣшительный ударъ».

Голова («Р у с л. и Л ю д м.»). — «Живая голова», «чудо изъ чудесъ». «Громадой грозной и туманной» «надъ мрачной стенью возвышаясь», какъ «холмъ огромный», «безмолвіемъ окружена, пустыни сторожъ безымянный». «Удалому витязю», «дивнаго роста», но «немного простому», братъ (Черноморъ) коварно отсѣкъ голову и поставилъ ее сторожить мечъ, отъ котораго Черноморъ долженъ былъ погибнуть. Открываетъ смертельно ранившему ее Руслану тайну, какъ побѣдить Черномора. При видѣ Черномора, побѣжденнаго Русланомъ, «надулись ноздри, на щекахъ багровый огонь еще родился, и въ умирающихъ глазахъ послѣдній гнѣвъ изобразился. Въ смятеніи, въ бѣшенствѣ нѣмомъ она зубами скрежетала и брату хладнымъ языкомъ укоръ невнятный лепетала... Уже ея въ тотъ самый часъ кончалось долгое страданье».

Головинъ («А р а п ѣ П е т р а В е л и к а г о»).—Уп. л. «Позвалъ обѣдать» Ибрагима.

Гордіенко («П о л т а в а»).—Уп. л. Кошевой атаманъ запорожскихъ казаковъ, сторонникъ Мазепы. Казненъ въ 1708 году.

Горецкій, Григорій, князь («Н а у г л у м а л е н ь к о й п л о щ а д и»).—«Извѣстная скотина», по выраженію Володского, женатый на дочери пѣвчаго. Зинаида называетъ Г. «извѣстнымъ мерзавцемъ».

Горюхино («И с т. с е л а Г о р ю х и н а»).—Вотчина Бѣлкиныхъ.

Горюхинцы («И с т. с е л а Г о р ю х и н а»).—По описанію Бѣлкина, «обитатели Горюхина, большею частію, росту средняго, сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрые, волосы русые или рыжіе. Женщины отличаются носами, поднятыми нѣсколько вверхъ, выпуклыми скулами и дородностію». «Баба здоровенная», сіе выраженіе встрѣчается часто въ примѣчаніяхъ старосты къ ревижскимъ сказкамъ. «Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашнѣ), храбры, воинственны. Многіе изъ нихъ ходятъ одни на медвѣдя и славятся въ околodкѣ кулачными бойцами; всѣ вообще склонны къ чувственному наслажденію пиянства. Женщины, сверхъ домашнихъ работъ, раздѣляютъ съ мужчинами большую часть ихъ трудовъ и не уступятъ имъ въ отважности: рѣдкая изъ нихъ боится старосты. Онѣ составляютъ мощную, общественную стражу, неусыпно бодрствующую на барскомъ дворѣ, и называются копейщицами (отъ славянскаго слова копье). Главная обязанность копейщицъ—какъ можно чаще бить камнемъ

въ чугунную доску и тѣмъ устрашать злоумышленниковъ. Онѣ столь же цѣломудренны, какъ и прелестны; на покушенія дерзновеннаго, отвѣчаютъ сурово и выразительно.—«Жители Горюхина издавна производятъ обильный торгъ лыками, лукошками и лаптями. Сему способствуетъ рыка Сивка, черезъ которую весною переправляются они на челнокахъ, подобно древнимъ скандинавамъ, а въ прочее время года переходятъ въ бродъ, предварительно засучивъ портки до колѣнъ».—«Языкъ горюхинскій есть рѣшительно отрасль славянскаго, но столь же разнится отъ него, какъ и русскій; онъ исполненъ сокращеніями и усѣченіями; нѣкоторые звуки вовсе въ немъ уничтожены, или замѣнены другими. Однакожь, россиянину легко понять горюхинца, и обратно».—«Мужчины женятся обыкновенно на 13-мъ году, на дѣвушкахъ 20-ти лѣтнихъ. Жены били своихъ мужей въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ. Послѣ чего мужа уже начинаютъ бить женъ; и такимъ образомъ оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено».—«Одежда горюхинцевъ состояла изъ рубахи, надѣваемой сверхъ портокъ, что есть отличительный признакъ ихъ славянскаго происхожденія. Зимой носили они овчинные тулупы, но болѣе для красоты, нежели изъ настоящей нужды, ибо тулупъ обыкновенно надѣвали они на одно плечо и сбрасывали при малѣйшемъ трудѣ, требующемъ движенія».—«Науки, искусства и поэзія издревле находились въ Горюхинѣ въ довольно цвѣтущемъ состояніи... Музыка всегда была любимое искусство образованныхъ Г.; балалайка и волынка, услаждая чувство и сердце, и понынѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ ёлкою и изображеніемъ двуглаваго орла». Поэзія нѣкогда процвѣтала въ древнемъ Горюхинѣ. Доннынѣ стихотворенія Архина-Лысаго сохранились въ памяти потомства».

Графиня («Домикъ въ Коломнѣ»).—Ун. л. «Она была богата, молода». Представляла хладный идеаль тщеславія. «Ѣздила всегда» въ церковь къ Пекрову». «Входила въ церковь съ шумомъ, величаво; молилась гордо...» «Но сквозь надменность эту я читалъ иную повѣсть: долгія печали, смиренье жалобъ». «Она страдала, хотъ была прекрасна и молода; хотъ жизнь ея текла въ роскошной нѣгѣ; хотъ была подвластна фортуна ей; хотъ мода ей несла свой өиміамъ—она была несчастна». [По свидѣтельству Н. Маевскаго подъ именемъ графини Пушкинъ вывелъ граф. Екатерину Александровну Стройновскую, урожд. Буткевичъ. «Ист. Вѣстн.» 1880 г. № 10].

Графиня—ова. («Евг. Онѣгинъ»).—«Боимся мы графини — овой, какъ вы боитесь паука» (Альб. 2).

Графиня L («Арапъ Петра В.»).—См. Леонора, графиня.

Графиня *** **Анна Ѳедотовна** («Пиковая дама»).—Восьмидесятилѣтняя старуха. Не имѣла злой души, но была своенравна, какъ женщина избалованная свѣтомъ. По разсказу Томскаго, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ Ѣздила въ Парижъ и была тамъ въ большой модѣ. Народъ бѣгалъ за нею, чтобъ увидѣть la Vénus moscovite; Ришелье за нею волочился» и, по увѣренію Г., «онъ чуть было не застрѣлился отъ ея жестокости». Графиня не имѣла ни малѣйшаго притязанія на красоту, давно увядшую, но сохраняла всѣ привычки своей молодости, строго слѣдовала модамъ семидесятыхъ годовъ и одѣвалась такъ же долго, такъ же старательно, какъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, «хотъ въ этомъ нарядѣ и казалось «ужасна и безобразна». Она была «скупа и погружена въ холодный эгоизмъ, какъ и всѣ старые люди, отлюбившіе въ свой вѣкъ и чуждые настоящему. Она участвовала во всѣхъ суетностяхъ большого свѣта; таскалась на балы, гдѣ сидѣла въ углу, разрумяненная и одѣтая по старинной модѣ, какъ уродливое и необходимое украшеніе бальной залы; къ ней съ низкими поклонами подходили пріѣзжающіе гости, какъ по установленному обряду, и потомъ уже никто ею не занимался. У себя принимала она весь городъ, наблюдая строгій этикетъ и не узнавая никого въ лицо. Ея родственники давно смотрѣли на нее, какъ на отжившую»; во время выѣздовъ два лакея приподнимали старуху и просовывали въ дверцы кареты, но Г. имѣла обыкновеніе поминутно дѣлать въ каретѣ вопросы: кто это съ

нами встрѣтился? какъ зовутъ этотъ мостъ? что тамъ написано на вывѣскѣ? и сердилась когда ей отвѣчали «невпопадъ». Во время бессонныхъ ночей («Г. страдала бессонницей»), «сидѣла вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налево. Въ мутныхъ глазахъ ея изображалось совершенное отсутствіе мысли; смотря на нее, можно было-бы подумать, что качаніе страшной старухи происходило не отъ ея воли, но по дѣйствию скрытаго гальванизма». Увидя Германна, «это мертвое лицо измѣнилось неизъяснимо: губы перестали шевелиться, глаза оживились: передъ Г. стоялъ незнакомый мужчина», «она искала словъ для отвѣта». Напоминаніе Германна о Чаплицкомъ «видимо» смутило ее. «Черты ея изобразили сильное движеніе души; но она скоро впала въ прежнюю безчувственность». «При видѣ пистолета Г. во второй разъ оказала сильное чувство. Она закивала головою и подняла руку, какъ бы заслоняясь отъ выстрѣла».

Въ сотый разъ рассказывала «внуку своей анекдотъ» и требовала у него присылки новаго романа, «только, пожалуйста, не изъ нынѣшнихъ», т. е. такого романа, «гдѣ бы герой не давилъ ни отца, ни матери и гдѣ не было утопленныхъ тѣлъ». Изумилась, что «есть русскіе романы», выслушала въ чтеніи воспитанницы двѣ страницы, «зѣвнула» и велѣла отослать книги обратно. Покойный мужъ графини, по словамъ внука, «былъ родъ бабушкина дворецкаго». «Онъ ея боялся какъ огня». «Когда онъ отказался заплатить ея проигрышъ» Г. «дала ему пощечину и легла спать одна въ знакъ своей немилости». На другой день она велѣла позвать мужа, надѣясь, что домашнее наказаніе надъ нимъ подѣйствовало; она всегда была строга къ шалостямъ молодыхъ людей». Ея воспитанница была «домашней мученицей». Въ то время, какъ «многочисленная челядь» Г., разжирѣвъ и посѣдѣвъ въ ея передней и дѣвичьей, дѣлала что хотѣла, наперерывъ обкрадывая умирающую старуху», ея воспитанница «получала выговоры за лишній расходъ сахара». Приказывала заложить карету, заставляла воспитанницу читать вслухъ и сердилась, что воспитанница не одѣта.—Всегда надобно тебя ждать, это, матушка, несносно! и опять отмѣняла свое приказаніе:—Лизанька, мы не поѣдемъ: нечего было наряжаться!» но только что Лизавета Ивановна успѣла снять капоть и шляпу, какъ графиня послала за нею и велѣла тотчасъ подавать карету.

Графъ Л. («Арапъ Петра В.»).—Жена «не успѣла полюбить» его до свадьбы,—онъ и «впослѣдствіи о томъ не заботился». Жена измѣняла ему, а онъ «одинъ во всемъ Парижѣ ничего не зналъ и ничего не подозрѣвалъ». Когда настало время графинѣ разрѣшиться ребенкомъ Ибрагима, «графа нашли способъ удалить». «Онъ возвратился поздно, узналъ о счастливомъ разрѣшеніи супруги и былъ очень доволенъ».

Гребцы («Капит. дочка»).—Во время переправы черезъ Волгу Г. «вдругъ начали шептаться между собою». На вопросъ Гринева, «что такое», Г. отвѣчали: «не знаемъ, Богъ вѣсть». «Что бы это было? Парусъ не парусъ, мачта не мачта». По приказанію Гринева Г. «зацѣпили плоть багромъ и лодка» толкнулась о плывущую висѣлицу». Г. «равнодушно ожидали» Гринева, «удерживая плоть багромъ». «Одинъ изъ Г. повелъ» Гринева «къ выборному деревни». Последній принялъ было» Гринева «довольно грубо», но когда вожатый сказалъ ему тихо нѣсколько словъ, суровость выборнаго тотчасъ обратилась въ торопливую услужливость».

Григорій Отрепьевъ («Бор. Годъ»).—См. Самозванецъ.

Гринева, Авдотья Васильевна («Капит. дочка»).—Дочь «бѣднаго» симбирскаго «дворянина» Ю. По словамъ Савельича, «отроду кромѣ квасу въ ротъ ничего не изволила брать». Во время нападенія Швабрина «молча молилась Богу». Узнавъ о проказахъ Бопре, обольстившаго «непытность» Палашки и Акульки, «пожаловалась мужу, такъ какъ шутить этимъ не любила». По словамъ Марьи Ивановны, А. В. была для нея «болѣе чѣмъ» благодѣтельница. Сынъ «не сомнѣвался» «въ матушкиной нѣжности». А. В. «обнимала» Зурину, «называя его ангеломъ-избавителемъ». «Благосклонно смотрѣла на

нѣжныя отношенія Гринева и Марьи Ивановны; она же, въ радостныхъ слезахъ изъясляла» свое согласіе на ихъ бракъ. Услыша, что Марья Ивановна хочетъ отправиться въ Петербургъ, А. В. вначалѣ «очень огорчилась».—«Зачѣмъ тебѣ въ Петербургъ?» сказала она: неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты насъ покинуть?» Но потомъ «со слезами обняла её и молила Бога о благополучномъ концѣ замышленнаго дѣла». Горячо любить сына. Скорбѣла по поводу рѣшенія мужа отправить Петрушу на службу. При мысли «о скорой разлукѣ, слезы потекли по ея лицу». А. В. «отыскала паспортъ» Петра Андреевича, хранившійся въ ея шкатулкѣ вмѣстѣ съ сорочкою, въ которой его крестили, и вручила его дрожащею рукой».—«Не забудь, Андрей Петровичъ, сказала А. В. «поклониться отъ меня князю Б., — дескать надѣюсь, что онъ меня не оставитъ Петрушу своими милостями». Передъ отъѣздомъ Петра Андреевича на службу А. В. «въ слезахъ наказывала ему «беречь здоровье», а Савельичу «смотрѣть за дитятей». По словамъ Андрея Петровича Гринева, А. В. «узнавъ о поединкѣ Петра Андреевича съ Швабринымъ и о томъ, что Петръ Андреевичъ «раненъ» съ горести занемогла и слегла. Когда Петръ Андреевичъ вломился въ амбаръ, чтобъ спасти родителей, А. В. увидя его «ахнула и залилась слезами».—«Петруша, другъ мой! говорила она, какъ тебя Господь привелъ? Здоровъ ли ты? «Но «на минуту обрадованная» «появленіемъ» сына, А. В. впала въ отчаяніе, видя, что и ему пришлось раздѣлить погибель всей семьи». Знала «наизусть всѣ свѣчаи и обычаи своего мужа и старалась засунуть «Придворный календарь», какъ можно далѣе. «Испуганная отчаяніемъ мужа», послѣ приговора надъ сыномъ, «не смѣла при немъ плакать и старалась возратить ему бодрость, говоря о невѣрности молвы и о шаткости людскаго мнѣнія».

Гриневъ, Андрей Петровичъ («К а п и т. д о ч к а»).—Отставной премьеръ-маіоръ. Бодрое лицо А. П. покрыто было морщинками; глаза сверкали изъ-подъ сѣдыхъ бровей. Дворянинъ; помѣщикъ, имѣвшій «триста душъ крестьянъ». Жилъ «въ своей симбирской деревнѣ». «Въ молодости своей служилъ при графѣ Минихѣ». По словамъ генерала, «почтенный человѣкъ». Государыня Екатерина II, по утверженію князя Б., признавала за А. П. заслуги. Передъ отъѣздомъ сына на службу А. П. говорилъ ему: «Служи вѣрно, кому присягнешь; слушайся начальниковъ; за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отговаривайся, и помни пословицу: «береги платье снову, а честь смолоду».—«Не хотѣлъ вѣрить, чтобы «сынъ его» могъ быть замѣшанъ въ гнусномъ бунтѣ. Узнавъ отъ князя Б. приговоръ надъ сыномъ, впалъ въ уныніе. «Этотъ неожиданный ударъ едва не убилъ» его. «Онъ лишился обыкновенной своей твердости, и горестъ его (обыкновенно нѣмая) изливалась въ горькихъ жалобахъ. —«Какъ! повторялъ А. П., выходя изъ себя: сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачева! Боже мой праведный, до чего я дожилъ! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна: пращуръ мой умеръ на лобномъ мѣстѣ, отстаивая то, что почиталъ святынею совѣсти; отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ. Но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками, съ убійцами, съ бѣглыми холопьями!.. Стыдъ и срамъ нашему роду!..» «Всякое слово, напоминающее мнимое преступленіе сына, было А. П. тягостно и казалось колкимъ упрекомъ.—«Поѣзжай, матушка! сказалъ онъ Марьѣ Ивановнѣ со вздохомъ: мы твоему счастью помѣхи сдѣлать не хотимъ. Дай Богъ тебѣ въ женихи добраго человѣка, «не ошельмованнаго измѣнника». Въ деревнѣ, читалъ «Придворный Календарь», ежегодно имъ получаемый. «Эта книга имѣла всегда сильное на него вліяніе: никогда не перечитывалъ А. П. ее безъ особеннаго участія, и чтеніе это производило въ немъ всегда удивительное волненіе желчи». Жена А. Г., «знавшая наизусть всѣ свѣчаи и обычаи А. П., всегда старалась засунуть несчастную книгу, какъ можно подалѣе, и такимъ образомъ, «Придворный Календарь» не попадался ему на глаза иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. Зато, когда А. П. случайно его находилъ, то, бывало, по цѣлымъ часамъ не выпускалъ уже изъ своихъ рукъ. «При чтеніи

А. П. «изрѣдка» пожималъ «плечами» и повторялъ «вполголоса»: «генераль-поручикъ!.. Онъ у меня въ ротѣ былъ сержантомъ!.. Обоихъ російскихъ орденовъ кавалеръ!.. А давно ли мы?..»—На воспитаніе сына мало обращалъ вниманія, но, когда сыну минуло 12 лѣтъ, А. П. «въ это время нанялъ для него француза, мосье Бопре, котораго выписали изъ Москвы вмѣстѣ съ годовымъ запасомъ вина и прованскаго масла».—«Человѣкъ строгихъ правилъ» и не любилъ ни перемѣнять своихъ намѣреній, ни откладывать ихъ исполненіе.—«Пора Петрушу на службу». «Полно ему бѣгать по дѣвичьимъ, да лазать на голубятни». «Петруша въ Петербургъ не поѣдетъ». Чему научится онъ, служа въ Петербургѣ? Могать да повѣсничать? Нѣтъ, пускай послужитъ онъ въ арміи, да потянетъ ляжку, да понюхаетъ пороху, да будетъ солдатъ, а не шаматонъ въ гвардіи! Гдѣ его пашпортъ? Подай его сюда». «Расправа у Г. была коротка». Услыша отъ жены о проказахъ Бопре, А. П. «тотчасъ потребовалъ каналью француза. Доложили, что мосье давалъ Петру Андреевичу урокъ. А. П. пошелъ въ комнату Петра Андреевича. Въ это время Бопре спалъ на кровати сномъ невинности. «Увидя упражненія сына въ «географіи», «дернулъ его за ухо, потомъ подбѣжалъ къ Бопре, разбудилъ его очень неосторожно и сталъ осыпать укоризнами», потомъ «за воротъ приподнялъ его съ кровати, вытолкалъ изъ дверей и въ тотъ же день прогналъ со двора». «Несмотря на свою строгость А. П. былъ» «любимъ» дворовыми людьми и крестьянами» ибо былъ справедливъ и зналъ истинныя нужды подвластныхъ ему людей». Когда «крестьяне явились на барскій дворъ съ повинною, А. П. вышелъ къ нимъ на крыльцо». «При появленіи» А. П. «мужики стали на колѣни».—«Ну, что, дураки? сказалъ А. П. имъ: зачѣмъ вы вздумали бунтовать?—Виноваты, государь ты нашъ, отвѣчали они въ одинъ голосъ. «Тотъ виноваты! Напроказятъ, да сами не рады! Прощаю васъ для радости, что Богъ привелъ меня свидѣться съ сыномъ Петромъ Андреевичемъ. Ну, добро: повинную голову и мечъ не сѣчетъ. «Богъ далъ вѣдро. Пора бы сѣно убирать; а вы, дурачье, цѣлые три дня что дѣлали? Староста! Нарядить поголовно на сѣнокосъ; да смотри, рыжая бестія, чтобъ у меня къ Иванову дню все сѣно было въ копнахъ! Убирайтесь!» Въ минуты досады А. П. грозился Савельичу за недонесеніе о сынѣ, «не взирая на строгія приказанія»: «Я тебя, стараго пса, пошлю свиной пасти за утайку правды и потворство къ молодому человѣку».

На любовь сына смотрѣлъ «какъ на блажь молодого человѣка». И, въ отвѣтъ на просьбу благословить его на бракъ, писалъ: «не только ни моего благословенія, ни моего согласія дать я тебѣ не намѣренъ, но еще и собираюсь до тебя добратся, да за проказы твои проучить тебя путемъ, какъ мальчишку, несмотря на твой офицерскій чинъ: ибо ты показалъ, что шпагу носить еще не достоинъ, которая пожалована тебѣ на защиту отечества, а не для дуэлей съ такими же сорванцами, каковъ ты самъ. Немедленно буду писать къ Андрею Карловичу, прося его перевести тебя изъ Бѣлогорской крѣпости куда-нибудь подальше, гдѣ бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнавъ о твоёмъ поединкѣ и о томъ, что ты раненъ, съ горести занемогла и теперь лежитъ. Что изъ тебя будетъ?» Однако, невѣсту сына принялъ и пріютилъ у себя въ домѣ. По словамъ Марьи Ивановны, былъ для нея «болѣе чѣмъ благодѣтель». —«Полно врать, Марья Ивановна, говоритъ А. П.: «кто тебя пуститъ одну къ разбойникамъ? Сиди здѣсь и молчи. Умирать, такъ умирать ужъ вмѣстѣ». При встрѣчѣ съ сыномъ, сказалъ: «довольно ты проказилъ, и я на тебя порядкомъ былъ сердитъ. Но нечего поминать про старое. Надѣюсь, что теперь ты исправился и перебѣсился. Знаю, что ты служилъ, какъ надлежитъ честному офицеру. Спасибо, утѣшилъ меня, старика. Коли тебѣ обязанъ я буду избавленіемъ, то жизнь миѣ вдвое будетъ пріятнѣе».

—«Не сладимся, злодѣй», отвѣчала «старый воинъ» Швабрину «твердымъ голосомъ». Бодрое лицо его покрытое морщинками оживлено было удивительно. Глаза сверкали изъ подъ сѣдыхъ бровей. Обратясь къ сыну А. П. сказалъ: «теперь пора!» А. П. выстрѣлилъ, шагнулъ за пылающій порогъ и закричалъ: «За мной!» «Старый воинъ» говорилъ потомъ: «—Богъ помогъ дряхлой рукѣ моей наказать

злодѣя (Швабрина) и отомстить за кровь моего сына». По собственному признанію Г., «не таковскій» онъ «хозяинъ, чтобъ можно было въ амбары его «входить и выходить воровскими лазейками».

К р и т и к а. Г.—одно изъ замѣчательнѣйшихъ и типичнѣйшихъ лицъ въ нашей литературѣ, несмотря на то, что ему отведено въ «Капитанской дочкѣ» второстепенное мѣсто и что онъ обрисованъ авторомъ немногими, хотя и геніальными чертами. Андрей Петровичъ — это яркій представитель лучшей части нашего помѣстнаго дворянства, организованнаго и воспитаннаго Петромъ Великимъ въ суровой школѣ военныхъ походовъ и иныхъ «несносныхъ трудовъ» и жертвъ, которыми строилась и крѣпла его имперія.

«Пушкинъ не скрываетъ темныхъ сторонъ стараго Гринева: его самовластныхъ привычекъ, его суроваго, нѣсколько деспотическаго обращенія съ семьей и съ крестьянами, его наивнаго и невѣжественнаго взгляда на просвѣщеніе и науку, благодаря которому онъ могъ принять за образованнаго педагога даже Бопре. Всѣ эти недостатки сглаживаются здравымъ смысломъ Гринева, его практическимъ умомъ, его умѣньемъ повелѣвать, его способностью крѣпко держать въ рукахъ и свои семейныя дѣла и несложныя хозяйственныя и административныя дѣла своей деревни. Какъ мужъ, отецъ и помѣщикъ, Гринева мало отличался отъ своихъ предковъ, хотя и завелъ въ домъ учителя-француза. Онъ унаслѣдовалъ ихъ патриархальный взглядъ и неизмѣнно руководствовался имъ въ жизни». «Одна изъ главныхъ особенностей стараго Гринева — чувство собственного достоинства, вытекающее у него изъ глубокаго и крѣпко засѣвшаго уваженія къ предкамъ и званію дворянина. Гринева никогда не забываетъ о своемъ дворянскомъ происхожденіи и о своей связи со всѣмъ родомъ Гринева». — «Честь и нелицемѣрная преданность престолу и родинѣ, — вотъ къ чему сводится весь нравственный кодексъ стараго Гринева». [Н. Черныяевъ. «Кап. дочка»].

Гринева, Петръ Андреевичъ («Капитанская дочка»). — «Родился въ тотъ самый годъ, какъ окривѣла тетушка Настасья Герасимовна». «Почти въ утробѣ матери» былъ уже гвардіи сержантъ». «Съ пятилѣтняго возраста» отданъ былъ на руки стремянному Савельичу, «пожалованному въ дядьки». «Подъ его надзоромъ на двѣнадцатомъ году» «выучился грамотѣ и могъ съенъ здраво судить о свойствахъ борзого кобеля»; позднѣе «нанятъ былъ учитель-французъ», который, по контракту», обязался учить Г. «по-французски, по-нѣмецки и всѣмъ наукамъ»; учителя скоро «прогнали со двора и Г. жилъ недорослемъ, гоня голубей и играя въ чехарду съ дворовыми мальчишками», бѣгалъ «по дѣвичьимъ» да лазалъ «на голубятни». Когда Г. «минуло шестнадцать лѣтъ», отецъ рѣшилъ отправить его на службу. «Сержантъ» Семеновскаго полка уже воображалъ себя офицеромъ гвардіи, что, по мнѣнію Г., «было верхомъ благополучія человѣческаго». «Мысль о службѣ сливалась» у Г. «съ мыслями о свободѣ, объ удовольствіяхъ петербургской жизни»; но «всѣ блестящія надежды рушились», когда, по рѣшенію отца, «сержантъ Семеновскаго полка былъ отправленъ въ армію, въ полкъ», стоявшій «въ сторонѣ глухой и отдаленной». «Служба» тогда показала ему «тяжкимъ несчастіемъ». Гарнизонная служба представляла для Г. мало «привлекательности». Прибывъ въ Бѣлогорекую крѣпость, «впалъ въ уныніе», и его «взяла тоска». «Велъ себя, какъ мальчишка, вырвавшійся на волю». «Хотѣлъ доказать», что онъ уже не ребенокъ». Совершенно былъ убѣжденъ, что «надобно привыкать къ службѣ», «а для этого надобно умѣть играть» на билліардѣ и пить, и «кончилъ день такъ-же безпутно, какъ и началъ»: (ужиномъ «у Аринушки»).—«Что это-съ, сударь, съ тобою сдѣлалось?», встрѣтилъ Г. Савельичъ. «Гдѣ ты это нагрузился? Ахти, Господи! отроду такого грѣха не бывало!» «Другъ», Архипъ Савельичъ, называетъ онъ своего «дядьку»; но въ минуту раздраженія указываетъ ему его мѣсто: — Я твой господинъ, а ты мой слуга! «... Совѣтую не умничать, а дѣлать то, что тебѣ приказываютъ! говоритъ Г. «строго» Савельичу, но въ то же самое время ему «было жаль бѣднаго старика», и послѣ этого онъ долго «чувствовалъ себя виноватымъ передъ Савельичемъ», и это

его мучило. — «Ну, ну, Савельичъ, полно, помиримся, виновать. Я вчера напроказилъ, а тебя напрасно обидѣлъ. Обѣщаюсь впередъ вести себя умнѣе и слушаться тебя. Ну, не сердись, помиримся». «Чтобъ утѣшить бѣднаго Савельича», «далъ ему слово впередъ безъ его согласія не располагать ни одною копѣйкою». «Подавай сюда деньги (сто рублей, проигранные Зурину), или я тебя въ зашеи прогоню», говорилъ Г. тому же Савельичу наканунѣ. «Онъ не могъ спорить съ Савельичемъ». — «Прошу не умничать, сейчасъ неси сюда тулупъ», говоритъ Г. Савельичу. Предполагая, что Савельичъ извѣстилъ родителей о его поединкѣ съ Швабринымъ, Г. негодовалъ на Савельича; «взглянувъ на него грозно», Г. «сказалъ ему: видно тебѣ не довольно, что я благодаря тебѣ раненъ и цѣлый мѣсяцъ былъ на краю гроба; ты и мать мою хочешь уморить». «Кто просилъ тебя писать на меня доносы? Развѣ ты приставленъ ко мнѣ въ шпионы? Увидя, что Савельичъ отсталъ, т. к. «на своей хромой лошади не могъ ускакать отъ разбойниковъ», «отправился его выручать».

«Всякому человѣку готовъ помочь», по словамъ Марьи Ивановны; оставляя Савельичу половину денегъ, говорилъ: — Смотри же, не совѣстись и не скупись. Покуай, что тебѣ будетъ нужно, хоть въ три-дорога. Деньги эти я тебѣ дарю». Замѣтивъ, что иззябшій вожатый былъ «одѣтъ слишкомъ легко», «предложилъ вожатому чашку чаю» и «поднесъ» самъ ему «чашку». На просьбу вожатого попотчевать виномъ, Г. «съ охотой исполнилъ его желаніе», и «велѣлъ Савельичу дать ему полтину на водку», (деньги, согласно обѣщанію Гр., находились въ полномъ распоряженіи Савельича). Когда же дядька заупрямился, то приказываетъ выдать вожатому свой «заячій тулупъ», «т. к. ему было досадно», «что онъ не могъ отблагодарить человѣка, выручившаго» его, «если не изъ бѣды, то, по крайней мѣрѣ, изъ очень непріятнаго положенія». «Добро, сказалъ Г. Максимычу, прерывая споръ его съ Савельичемъ». «Благодари отъ меня того, кто тебя прислалъ; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратномъ пути и возьми себѣ на водку». «— Ахъ, я-было и забылъ благодарить тебя за лошадь и за тулупъ. Безъ тебя я не добрался бы до города и замерзъ бы на дорогѣ», говоритъ Г. Пугачеву. «Незамѣтнымъ образомъ Г. «привязался къ доброму семейству коменданта Миронова, даже къ кривому поручику Ивану Игнатьичу». «Поладилъ» съ Бопре и жилъ душа въ душу» со своимъ «менторомъ». «Жизнь въ Бѣлогорской крѣпости», которая раньше «мало имѣла» для Г. «привлекательности», вскорѣ же сдѣлалась для него «не только сносною, но даже пріятною», и мысль о переводѣ ужасала Г. Со Швабринымъ сошелся близко; и видѣлся «каждый день», но «часъ отъ часу бесѣда его становилась для» Г. «менѣе пріятною», «т. к. замѣчалъ въ немъ скрытую къ себѣ непріязнь». «Всегдашнія шутки его насчетъ коменданта» Г. «очень не нравились, особенно колкія замѣчанія о Марьѣ Ивановнѣ», но «будучи отъ природы незлопамятенъ», Г. «искренно простилъ Швабрину ихъ ссору и «рану имъ отъ него полученную». «Въ клеветѣ Швабрина Г. видѣлъ досаду оскорбленнаго самолюбія отвергнутой любви, и великодушно извинялъ своего несчастнаго соперника», котораго считалъ «гнуснымъ». На судѣ «не хотѣлъ торжествовать надъ уничтоженнымъ врагомъ, и обратилъ глаза въ другую сторону». Когда Швабрина отправляли въ Казань въ слѣдственную комиссію, Г. «видѣлъ изъ окна, какъ его уложили въ телѣгу. «Взоры» ихъ «встрѣтились», Швабринъ потупилъ голову, а Г. «отошелъ послѣшно отъ окна»; онъ «боялся показать видъ, что торжествуетъ надъ уничтоженіемъ и несчастіемъ недруга».

Дома жилъ «недорослемъ», но въ Бѣлогорской крѣпости «сталъ читать», и въ немъ «пробудилась охота къ литературѣ»; «упражнялся въ переводахъ, а иногда и въ сочиненіи стиховъ». Написалъ «пѣсенку»; остался ею очень «доволенъ». По словамъ самого Гринева, его стихи были «изрядны», и Александръ Петровичъ Сумароковъ, нѣсколько лѣтъ послѣ, очень ихъ похвалилъ». «Самолюбивый стихотворецъ», называлъ Г. Швабринъ. Послѣ того, какъ ему «удалось написать пѣсенку», «переписавъ» ее, «понесъ» къ Швабрину, «ожидая

похвалы, какъ дани», «непремѣнно слѣдующей». Когда же Швабринъ заявилъ, что «такіе стихи достойны учителя» его «Василія Кирилыча Тредьяковскаго и очень напоминаютъ «его любовные куплетцы», и началъ немилосердно разбирать каждый стихъ и каждое слово, издѣваясь надъ нимъ самымъ колкимъ образомъ», Г. «не вытерпѣлъ, вырвалъ изъ рукъ Швабрина свою «тетрадочку и сказалъ, что ужь отъ роду не покажетъ ему своихъ сочиненій». На склонѣ лѣтъ, (во время кроткаго царствованія Александра I), принялся за свои «семейственныя записки» и, сравнивая прошлое съ настоящимъ, не могъ «не дивиться быстрымъ успѣхамъ просвѣщенія и распространенію правилъ челоуѣколюбія. Молодой челоуѣкъ!» обращается Г. къ будущему читателю «Записокъ», «вспомни, что лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній». «Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безмысленный и безпощадный. Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужь люди жестокосердые, которымъ и своя шейка — копѣйка, и чужая головушка — полушка». «Простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными виселицѣ», ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ,—все потрясало меня какимъ-то пѣтическимъ ужасомъ», вспоминаетъ Г. Привѣтствовалъ «благодѣтельный указъ, уничтожившій пытку». «Думали, пишетъ онъ, что собственное признаніе преступника необходимо было для его полного обличенія—мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо если отрицаніе подсудимаго не признается за доказательство его невинности, то признаніе его и того менѣе должно быть доказательствомъ его виновности. Даже и нынѣ случается мнѣ слышать старыхъ судей, жалѣющихъ объ уничтоженіи варварскаго обычая. Въ наше же время никто не сомнѣвался въ необходимости пытки—ни судьи, ни подсудимые».

Общество Пугачева «сильно развлекало его воображеніе». На пирушкѣ у Пугачева присѣлъ «на край стола и не коснулся вина, которое налили ему въ стаканъ сосѣдъ». При переправѣ черезъ Волгу при видѣ висѣлицы «болѣзненное любопытство овладѣло» имъ. Г. хотѣлъ взглянуть на лицо висѣльниковъ. По приказанію Г. «гребцы зацѣпили плотъ багромъ, и лодка его толкнулась о плывущую висѣлицу». Г. «выпрыгнулъ и очутился между ужасными столбами».

Пугачевъ—«этотъ ужасный челоуѣкъ, извергъ, злодѣй для всѣхъ», явился въ иномъ видѣ предъ Г. «Сильное сочувствіе влекло» его къ Пугачеву. «Мысль о немъ неразлучна была» съ мыслью о пощадѣ, данной мнѣ, пишетъ Гр. въ одну изъ ужасныхъ минутъ моей жизни и объ избавленіи моей невѣсты изъ рукъ гнуснаго Швабрина». «Я пламенно желалъ вырвать его изъ среды злодѣевъ, которыми онъ предводительствовалъ, и спасти его голову, пока еще было время. Швабринъ и народъ, толпящійся около насъ, помѣшали мнѣ высказать все, чѣмъ исполнено было мое сердце». «— Не лучше ли тебѣ отстать отъ нихъ самому заблаговременно», «высказывается» Гр. Пугачеву,—«да прибѣгнуть къ милосердію государыни». Позднѣе, когда уже Пугачевъ былъ пойманъ, «странное чувство», признается Г., «отравляло мою радость: мысль о злодѣѣ, обрызганномъ кровью столькихъ невинныхъ жертвъ, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневолѣ. «Емеля, Емеля!—думалъ я съ досадою: зачѣмъ не наткнулся ты на штыкъ, или не подвернулся подъ картечь? Лучше ничего не могъ бы ты придумать». — ...«Богъ видитъ, что жизнью радъ бы я заплатилъ тебѣ за то, что ты для меня сдѣлалъ». — «Ты—мой благодѣтель. Доверши, какъ началъ: отпусти меня съ бѣдной сиротою, куда намъ Богъ путь укажетъ. А мы, гдѣ бы ты ни былъ и что-бы съ тобою ни случилось, каждый день будемъ Бога молить о спасеніи грѣшной твоей души...» говоритъ онъ Пугачеву.

«Съ трепетомъ» едва рѣшился распечатать отцовское письмо, плакалъ «горько-горько» при видѣ опустѣвшей кельи Марьи Ивановны, «упалъ въ обморокъ», во время свиданія съ дѣдушкой, но при осадѣ Бѣлогорской крѣпости,

вмѣстѣ съ комендантомъ «мигомъ» очутился «за крѣпостнымъ валомъ». Когда, раненый комендантъ былъ окруженъ бунтовщиками Г., «бросился было къ нему на помощь», «по нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили его и связали кушаками»; увидя мать и отца», заключенными въ амбарѣ, П. «спѣшилъ саблею разрѣзать узлы ихъ веревокъ». Обнаружилъ саблю и прислонился къ стѣнѣ у самой двери. «Не бойтесь, сказалъ онъ женщинамъ: есть надежда. А вы, батюшка, уже болѣе не стрѣляйте. Побережемъ послѣдній зарядъ». Г. «стоялъ на своемъ мѣстѣ, готовый изрубить перваго смельчака». Во время казней, ожидая своей очереди», «глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ своихъ великодушныхъ товарищей». Когда, послѣ освобожденія, Г. «снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣни» («цѣлуй, цѣлуй, говорили около него»), Пугачевъ протянулъ ему жилистую свою руку, Г. «предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію». «Признать бродягу государемъ былъ Г. не въ состояніи: это казалось ему малодушіемъ непростительнымъ». «— Слушай, скажу тебѣ всю правду. Разсуди, могу ли я признать въ тебѣ государя? Ты человекъ смысленный, ты самъ увидѣлъ бы, что я лукавствую». «— Кто же я таковъ, по твоему разумнію?». «— Богъ тебя знаетъ; но кто бы ты ни былъ, ты шутишь опасную шутку». На предложенія Пугачева послужить ему, Г. отвѣчалъ съ твердостью: «нѣтъ, я природный дворянинъ; я присягалъ государынѣ императрицѣ: тебѣ служить не могу. Коли ты въ самомъ дѣлѣ желаешь мнѣ добра, такъ отпусти меня въ Оренбургъ». «Голова моя въ твоей власти: отпустишь — спасибо; казнишь — Богъ тебѣ судья; а я сказалъ тебѣ правду». «Швабринь сказалъ тебѣ правду», отвѣчалъ Г. Пугачеву съ твердостью. «Самъ ты разсуди»: «можно ли было при твоихъ людяхъ объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы ее загрызли. Ничто бы не спасло». «Жить убійствомъ и разбоемъ, значить по мнѣ клевать мертвечину», сказалъ Г. Пугачеву. «Объявить сушу правду» рѣшился на судѣ, «полагая этотъ способъ оправданія самымъ простымъ, а вмѣстѣ и самымъ надежнымъ». «Совѣсть его была чиста; суда не боялся», и на судѣ спокойно отвѣчалъ, что «каковы ни были обвиненія, тяготѣющія на немъ» «онъ надѣется ихъ разсѣять чистосердечнымъ объясненіемъ истины»; Г. замѣтилъ съ негодованіемъ, «что онъ какъ офицеръ и дворянинъ ни въ какую службу къ Пугачеву вступать не могъ и никакихъ порученій отъ него принять не могъ»; «былъ глубоко оскорбленъ словами гвардейскаго офицера и съ жаромъ началъ свое оправданіе». Искренно сознается въ своихъ запискахъ, что (въ минуту освобожденія его Пугачевымъ отъ казни) «въ эту минуту не могу сказать, чтобъ я обрадовался своему избавленію, не скажу, однако жъ, что я о немъ сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны». Посланный Пугачевымъ въ Оренбургъ для объявленія «губернатору и всѣмъ генераламъ» о приближеніи къ городу «черезъ недѣлю» Пугачева, на совѣтѣ у генерала «въ короткихъ словахъ описавъ сперва Пугачева и шайку его, сказалъ утвердительно, что самозванцу способа не было устоять противу правильнаго оружія», за что присутствующими на совѣтѣ Г. былъ прозванъ «молокососомъ». На разспросы Пугачева (о тяжеломъ положеніи защитниковъ Оренбурга), Г., по долгу присяги, сталъ увѣрять, что все это пустые слухи, «что въ Оренбургѣ довольно всякихъ запасовъ». У Пугачева просилъ не требовать отъ него того, что противно «чести» и «христіанской совѣсти».

Когда Г. «накинули на шею петлю, сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ» своихъ «прегрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ близкихъ». Въ казанской тюрьмѣ «прибѣгнувъ къ утѣшенію всѣхъ скорбящихъ и впервые вкусивъ сладость молитвы, излиянной изъ чистаго, но растерзаннаго сердца, спокойно заснулъ, не заботясь о томъ, что съ нимъ будетъ».

По собственному признанію «не имѣлъ хладнокровія, какимъ хвалятся всегда тѣ, которые находились» въ его «положеніи». Наканунѣ поединка со Швабринымъ, «былъ расположенъ къ нѣжности и умиленію»; узнавъ о приближеніи Пугачева къ Бѣлогорской крѣпости «сердце у него такъ и замерло» («участь Марьи Ивановны живо представилась» Г.), но онъ сказалъ коменданту:

«— ...Долгъ нашъ защищать крѣпость до послѣдняго издыханія; объ этомъ и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщинъ. Отправьте ихъ въ Оренбургъ, если дорога еще свободна, или въ отдаленную, болѣе надежную крѣпость, куда злодѣи не успѣли бы достигнуть». «Всю ночь, наканунѣ приступа не спалъ и не раздѣвался». Узнавъ, что Марья Ивановна спрятана въ домѣ попады, Г. закричалъ: «Боже мой! да тамъ Пугачевъ!..» Г. «бросился вонъ изъ комнаты, мигомъ очутился на улицѣ и опрометью побѣжалъ въ домъ священника, ничего не видя и не чувствуя».

«Скромный любовникъ», «Донъ-Кихоть бѣлогорскій», по отзыву Швабрина; по собственнымъ словамъ «не могъ выразить сладостнаго чувства, когда Марья Ивановна, во время болѣзни Г. подошла къ нему. «— Марья Ивановна», сказалъ онъ ей, «будь моею женою, согласись на мое счастье». Г. «былъ въ упоеніи восторга». «Счастье воскресило меня. Она будетъ моя! Она меня любитъ. Эта мысль наполняла все мое существованіе», говоритъ Г. Письмо отца поразило Г. Когда Швабринъ грубо и дерзко отзывался о Марьѣ Ивановнѣ Мироновой, «съ трудомъ сдерживалъ свое негодованіе». «Ты лжешь, мерзавецъ! вскричалъ Г. въ бѣшенствѣ, на отвѣтъ Швабрина: ты лжешь самымъ безстыднымъ образомъ». На вызовъ Швабрина на дуэль, согласился «обрадовавшись». «Въ эту минуту готовъ былъ растерзать Швабрина». «Присутствіе Швабрина было несносно» для Г., но слова Швабрина показались «еще болѣе гнусными, когда, вмѣсто грубой и непристойной насмѣшки», Г. «увидѣлъ въ нихъ обдуманную клевету. Желаніе наказать дерзкаго злоязычника сдѣлалось въ Г. еще сильнѣе и онъ съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать удобнаго случая». Наканунѣ поединка «старался казаться веселымъ и равнодушнымъ, чтобы не подать никакого подозрѣнія и избѣгнуть докучливыхъ вопросовъ». «Долгъ требовалъ, чтобы» онъ «явился туда, гдѣ служба его могла еще быть полезна отечеству въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ...» (Онъ «чувствовалъ», что «долгъ чести требовалъ» его «присутствія въ полку императрицы»). «Но любовь сильно совѣтовала» ему «оставаться при Марьѣ Ивановнѣ и быть ей защитникомъ и покровителемъ». Онъ «вообразилъ себя ея рыцаремъ», «жаждалъ доказать, что былъ достоинъ ея довѣренности». Для Марьи Ивановны «готовъ на все». «—Что бы со мной ни было, вѣрь, что послѣдняя моя мысль и молитва будетъ о тебѣ!» говоритъ Г. при прощаньи съ невѣстой. Для освобожденія ея онъ мчится въ Оренбургъ просить у генерала «роту солдатъ», мчится одинъ съ Савельичемъ въ Бѣлогорскую крѣпость; узнавъ, что Марья Ивановна въ рукахъ у Швабрина, «готовился умертвить ее скорѣе, нежели вторично увидѣть въ рукахъ жестокаго человѣка». О себѣ онъ «почти не заботился», даже «участъ родителей» «не столько ужасала» его «какъ судьба Марьи Ивановны». «Жестокія выраженія» отца «глубоко оскорбили» Г. «Прибреженіе, съ какимъ отецъ упоминалъ о Марьѣ Ивановнѣ, казалось» ему «столь же непристойнымъ, какъ и несправедливымъ». Получивъ письмо отъ Марьи Ивановны съ просьбой о защитѣ, «опрометью» вбѣжалъ къ генералу. «— Ваше превосходительство, сказалъ Г. ему: прибѣгаю къ вамъ, какъ къ отцу родному; ради Бога, не откажите мнѣ въ моей просьбѣ, дѣло идетъ о счастіи всей моей жизни». Ваше превосходительство, прикажите взять мнѣ роту солдатъ и полсотни и пустите меня очистить Бѣлогорскую крѣпость. — Ручаюсь вамъ за успѣхъ, отвѣчалъ Г. съ жаромъ: только отпустите меня. «На судѣ хотѣлъ было объяснить мою связь съ Марьей Ивановной такъ же искренно, какъ и все прочее, но вдругъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Мнѣ пришло въ голову, что если назову ее, то комиссія потребуетъ ее къ отвѣту, и мысль впутать имя ея между гнусными извѣтми злодѣевъ и ее самое привести на очную съ ними ставку — эта ужасная мысль такъ» его «поразила, что Г. замялся и ступедался». «Выслушалъ Швабрина молча, и былъ доволенъ однимъ: имя» Марьи Ивановны «произнесено въ присутствіи комиссіи». Разсужденія Ивана Игнатьича о дуэли «не поколебали» Г. «Онъ остался при своемъ намѣреніи». Не подѣйствовали на него и «военныя разсужденія» генерала. Взять терпѣніе! вскричалъ Г. «внѣ себя,

а онъ между тѣмъ женится на Марьѣ Ивановнѣ». «— Скорѣе соглашусь я умереть, сказалъ онъ въ бѣшенствѣ, «нежели уступить». Когда Марья Ивановна хотѣла идти просить Швабрина освободить семью Гриневыхъ, «закричалъ съ сердцемъ: Ни за что! Знаете ли вы что васъ ожидаетъ». Г. «былъ, какъ сумасшедшій». «Милая Марья Ивановна! сказалъ» Г. «наконецъ: я почитаю васъ своею женою. Чудныя обстоятельства соединили насъ неразрывно: ничто на свѣтѣ не можетъ насъ разлучить». Много позднѣе, вспоминая объ этомъ, писалъ: «Наканунѣ похода» я «пришелъ къ родителямъ и по тогдашнему обыкновенію поклонился имъ въ ноги, прося ихъ благословенія на бракъ съ Марьей Ивановной. Старики» меня «подняли и въ радостныхъ слезахъ изъявили свое согласіе». Я «привелъ къ нимъ Марью Ивановну, блѣдную и трепещущую. Насъ благословили. Что чувствовалъ я, того не стану описывать. Кто бывалъ въ моемъ положеніи, тотъ и безъ того меня пойметъ. Кто не бывалъ, о томъ я только могу пожалѣть и совѣтовать, пока еще время не ушло, влюбиться и получить отъ родителей благословеніе». «Доселѣ этотъ вечеръ живеть въ моемъ воспоминаніи», говоритъ Г. «Я былъ счастливъ, счастливъ совершенно; а много ли такихъ минутъ въ бѣдной жизни человѣческой?».

А К р и т и к а: 1) Бѣлинскій считаетъ характеръ Г. «ничтожнымъ и безцвѣтнымъ», а «его роль Ахилла между людьми этого рода» «неудавшейся». По мнѣнію Черняева, «молодой Гриневъ такой же типичный представитель русскаго дворянства XVIII вѣка, какъ и Андрей Петровичъ. Различіе между ними сводится къ различію между отцами и дѣтьми, къ различію двухъ смежныхъ поколѣній. Между обоими Гриневыми много общаго, но Гриневъ-сынъ уже не носитъ отпечатка той суровости и простоты нравовъ, которыми отличается его отецъ. Онъ уже не приметъ какого-нибудь Бопре за человѣка, свѣдующаго во всѣхъ наукахъ. Гриневъ-отецъ съ великимъ трудомъ могъ написать дѣловое письмо, а его сынъ занимался литературой и оставилъ въ назиданіе потомству «семейственныя записки». У Петра Андреевича уже не было самовластныхъ привычекъ его отца. Вѣкъ Екатерины II наложилъ на него свой отпечатокъ и придалъ его нравственной фізіономіи, въ связи съ воспитаніемъ и съ нѣкоторыми событіями жизни, тѣ особенности, которыя его отличаютъ отъ Гринева-отца. Отъ отца Петръ Андреевичъ унаслѣдовалъ и безсознательно перенялъ мужество, твердость, сознаніе долга, чувство чести и умѣнье повелѣвать. Но на немъ сказалось и вліяніе его доброй и нѣжной матери. Въ немъ нѣтъ ни дряблости, ни сентиментальности; но его характеръ гораздо мягче отцовскаго. Пушкинъ не описываетъ семейной жизни Петра Андреевича, — но кто и самъ не догадается, что она рѣзко отличалась отъ семейной жизни Андрея Петровича, что Гриневъ-сынъ уже не такъ смотрѣлъ на жену, какъ Гриневъ-отецъ на Авдотью Васильевну, и Марія Ивановна, несмотря на свою кротость, пользовалась, какъ жена и мать, несравненно бѣльшимъ значеніемъ, чѣмъ старуха Гринева. Въ молодости Андрея Петровича былъ невозможенъ такой романъ, какой пережилъ его сынъ. Тѣ тонкія и сложныя чувства, которыя столь часто волновали душу Петра Андреевича, были непонятны его отцу». — «Гриневъ зналъ не много, но онъ былъ уменъ и любознательнъ, воспріимчивъ и, познакомившись со Швабринымъ, пользуется запасомъ его французскихъ книгъ, съ жадностью читаетъ и перечигываетъ ихъ, а затѣмъ и самъ начинаетъ пробовать свои силы по части переводовъ и сочинительства. Писательскій недугъ былъ свойственъ нашимъ самоучкамъ прошлаго столѣтія, и Гриневъ занималъ между ними не послѣднее мѣсто...» — «Молодой Гриневъ всю свою жизнь доказалъ, что онъ усвоилъ себѣ основное правило отцовской морали: «береги честь смолоду». Въ его жизни были промахи и увлеченія, но не было поступковъ, за которые ему приходилось бы краснѣть на старости лѣтъ и въ которыхъ ему тяжело было бы въ послѣдствіи сознаться». — «Искренность, смѣлость, великодушіе и чувство чести составляютъ основныя черты характера Гринева. Они спасли его отъ паденія и дѣлали его достойнымъ сыномъ стараго Гринева. Гриневъ не разъ обнаруживалъ способность отстаивать свои убѣжденія

до смерти». — «Нравственный обликъ Гринева дорисовывается общимъ тономъ его семейственныхъ записокъ, ихъ спокойнымъ, трезвымъ отношеніемъ къ людямъ и событіямъ, ихъ добродушнымъ юморомъ, ихъ свѣтлымъ и примиряющимъ взглядомъ на жизнь. Пушкинъ, видимо, хотѣлъ, чтобы между строкъ романа видѣлся привлекательный образъ бывалаго, умнаго и честнаго старика, много видѣвшаго и испытывшаго на своемъ вѣку и не безъ гордости и удовольствія рассказывающаго въ часы досуга о своемъ прошломъ дѣтямъ и внукамъ». [Н. Черныяевъ. «Калит. дочка»].

Гриша («Дубровскій»). — «Вѣрный» камердинеръ молодого Дубровскаго, сынъ Егоровны.

Гувернеръ («Пеламъ»). — Женевецъ. Пеламъ увѣрилъ Г., «что Анна Петровна была въ него влюблена. Надобно было видѣть цѣломудренное выраженіе лица его, съ нѣкоторою примѣсью лукаваго кокетства, когда А. П. косо поглядывала на него за столомъ, говоря вполголоса: «Экій обжора».

Гувернеры («Р. Пеламъ»). — Французы. «Первый мой гувернеръ, оказался пьяницей; второй, человекъ неглупый и не безъ свѣдѣній, имѣлъ такой бѣшеный нравъ, что однажды чуть не убилъ меня полѣномъ за то, что я пролилъ чернила на его жилетъ». «Третій, проживши у насъ цѣлый годъ, былъ сумасшедшій и въ домѣ тогда только догадались о томъ, когда пришелъ онъ жаловаться Аннѣ Петровнѣ на меня и на Мишеньку за то, что мы подговорили клоповъ всего дома не давать ему покою и что, сверхъ того, чертенокъ повадился вить гнѣзда въ его колпакѣ».

Д.

Д., княгиня («Египетск. ночи», набр. II). — У княгини Д. на дачѣ зашелъ разговоръ о Клеопатрѣ. Когда Вольская, «опустивъ чопорно огненные свои глаза», просила не рассказывать, — полноте, вскричала хозяйка съ нетерпѣніемъ: *Qui est-ce donc que l'on trompe ici?* Вчера мы смотрѣли Antony, а вонъ тамъ, у меня на каминѣ, валяется la Physiologie du Mariage. Нашли чѣмъ насъ пугать...».

Дальбергъ, баронъ («Египетск. ночи», набр. II). — «На дурномъ французскомъ языкѣ, очень дурно рассказывалъ извѣстный анекдотъ...».

Дама («Рославлевъ»). — Отъ ея имени ведутся записки. Въ 1811 году, къ которому относятся ея записки, въ первый разъ была вывезена «въ свѣтъ», и «шестнадцатилѣтняя дѣвушка» промѣняла «антросоли и учителей на непрерывные балы и визиты. Сблизилась съ Полиною «изъ угожденія» къ брату и «нечувствительно стала смотрѣть ея глазами и думать ея мыслями» Въ своихъ «запискахъ» явилась «защитницею тѣни» своей «бѣдной подруги» и бытописательницей тогдашняго московскаго общества, которое, по словамъ Д., «было довольно гадко».

Дворецкій («Арапъ Петра В.»). — Между «суетливой и многочисленной челядью» Ржевскаго, «отличался строгимъ взоромъ, толстымъ брюхомъ и величавой неподвижностью».

Дворецкій «Бор. Год.» — Д. Шуйскаго. Доноситъ Годунову о происходящемъ въ домѣ хозяина.

Димитрій («Бор. Год.»). — Царевичъ. «Семи лѣтъ» былъ «сгубленъ Борисомъ», «подославшимъ обоихъ Битяговскихъ съ Качаловымъ», — «невинный младенецъ». — Когда (трехъ) «укрывшихся злодѣевъ захватили и привели предъ теплый трупъ младенца», то «чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ» (Рассказъ Пимена). — «Три дня я трупъ его въ соборѣ посѣщала, всѣмъ Угличемъ туда сопровождаемый. Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало, растерзанныхъ народомъ, и по нимъ ужъ тлѣніе примѣтно проступило, но дѣтскій ликъ царевича былъ ясенъ и свѣжъ, и тихъ, какъ будто усыпленный; глубокая не запекалась язва,

черты-жъ лица совсѣмъ не измѣнились» (разсказъ Шуйскаго). — «Въ младыхъ лѣтахъ я ослѣпъ... Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленія... Разъ, въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ мнѣ говорить: встань, дѣдушка, поди ты въ Угличъ-градъ въ соборъ Преображенья; тамъ помолись ты надъ моей могилой, Богъ милостивъ, и я тебя прощу. Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ. Царевичъ я, Димитрій. Царь небесный пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ и я теперь — великій чудотворецъ. Иди, старикъ». «Вотъ Углича достигъ я... и только передъ я тихую молитву сотворилъ, глаза мои прозрѣли» (разсказъ старца-пастуха). По словамъ патріарха, «свѣдано, что многіе страдальцы спасеніе подобно обрѣтали у гробовой доски царевича», у «святыхъ мощей» его.

Девіерь («Арапъ Петра В.»). — «Генераль-полицеймейстеръ Петербурга».

Делоржъ, графъ («Скупой рыцарь»). — Уп. л. «Проклятый графъ Д.», называетъ его Альберъ. На поединкѣ съ Альберомъ «копьемъ своимъ тяжелымъ пробилъ» шлемъ Альбера «и мимо проскакалъ», но былъ, какъ маленькій пажъ, брошенъ противникомъ «на двадцать шаговъ».

Демьяновъ, Иванъ («Дубровскій»). — Приказчикъ Троекурова. Къ нему, по дорогѣ въ городъ, заѣзжалъ Шабашкинъ узнать, не будетъ ли какого приказанія отъ Троекурова.

Денщикъ («Капит. дочка»). — Д., «приставленный къ Гриневу».

Денщикъ («Пиковая дама»). — Денщикъ Германна; «возвращался съ ночной прогулки», «пьяный по своему обыкновенію».

Донна-Анна («Камен. Гость»). — «Прелестная вдова», убитаго Жуаномъ Командора. По словамъ монаха, «не можетъ и угодникъ въ ея красѣ чудесной не сознаться». «Ангель», «милое созданье», называетъ ее Жуанъ. «Бѣдная вдова, все помню я свою потерю», говоритъ о себѣ Д.-А. «—Я никого не вижу съ той поры, какъ овдовѣла»: «вдова должна и гробу быть вѣрна». «Воздвигла» «памятникъ» мужу и «пріѣзжаетъ каждый день» на кладбище «за упокой души его молиться и плакать», хотя «узами святыми» была связана съ мужемъ лишь потому, что «мать» ей «велѣла дать руку Донъ-Альвару»: «Мы были бѣдны, Донъ-Альваръ богатъ». «—Когда-бъ вы знали, какъ Донъ-Альваръ меня любилъ! О, Донъ-Альваръ, ужъ вѣрно не принялъ бы къ себѣ влюбленной дамы, когда-бъ онъ овдовѣлъ; онъ былъ бы вѣренъ супружеской любви»,... вспоминаетъ Д.-А.; говоритъ Жуану: «— Я грѣшу васъ слушая — мнѣ васъ любить нѣльзя». «—Полюбивъ меня вы предо мной и небомъ правы». По словамъ Жуана, «покойникъ» Д.-А. «взаперти держалъ». По словамъ монаха, Д.-А., никогда съ мужчиной не говоритъ. «Со мной иное дѣло — я монахъ». По признанью Д.-А. она «сердцемъ слаба». «Опять онъ здѣсь!» замѣчаетъ Д.-А., принимая Жуана за монаха и просить его «соединить» «свой голосъ» къ ея молениямъ. Внимаетъ «страннымъ рѣчамъ» Жуана. Когда же Жуанъ признается ей, что онъ «не монахъ», а «жертва страсти безнадежной», восклицаетъ: «—О, Боже мой! и здѣсь, при этомъ гробѣ! Подите прочь». «Подите прочь—вы человекъ опасный!» «Я слушать васъ боюсь». «Подите, здѣсь не мѣсто такимъ рѣчамъ, такимъ безумствамъ...» Къ Жуану, питаетъ «вражду по долгу чести»; на вопросъ его («что, если-бъ Донъ-Жуана вы встрѣтили?») отвѣчаетъ: «тогда бы я злодѣю кинжалъ вонзила въ сердце». «—Донна-Анна, гдѣ твой кинжалъ? Вотъ грудь моя». «—Діего! что вы?». «—Я не Діего,—я Жуанъ». «О, Боже! нѣтъ, не можетъ быть, не вѣрю...». «— Я Донъ-Жуанъ». «— Не правда». «— Я убилъ супруга твоего; и не жалѣю о томъ — и нѣтъ раскаянья во мнѣ». «— Что слышу я? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть». «— Я Донъ-Жуанъ, и я тебя люблю». «— Гдѣ я? Гдѣ я? Мнѣ дурно, дурно!» О Жуанѣ отзывается: «слыхала я, онъ хитрый человекъ»,... «безбожный развратитель», «сущій демонъ». «— Сколькихъ бѣдныхъ женщинъ вы погубили?» «И я повѣрю, чтобъ Донъ-Жуанъ влюбился въ первый разъ, чтобъ не искалъ во мнѣ онъ жертвы новой!» «Ужасная, убійственная тайна Жуана» мучитъ Д.-А. «Я страхъ, какъ любопытна», признается она сама. «— Кто знаетъ

вась? Но какъ могли придти сюда вы? Здѣсь узнать могли бы вась — и ваша смерть была бы неизбежна...» Называетъ Жуана «неосторожнымъ», даритъ ему «мирный поцѣлуй» и соглашается на новое свиданье.

К р и т и к а: 1) «Донья-Анна — такъ же истая испанка, какъ и Лаура, только въ другомъ родѣ. Та — баядера европейскихъ обществъ, а эта — ихъ матрона, обязанная обществомъ быть лицемѣрной и приученная къ лицемѣрству. Она дѣвочка; посѣщеніе монастырей, набожныя занятія и слезы надъ гробомъ мужа (суроваго старика, за котораго вышла насильно и котораго никогда не любила) суть единственная отрада, единственное утѣшеніе ея, бѣдной, безутѣшной вдовы... Но она женщина, и притомъ южная; страсть у нея — дѣло минуты, и ни позоръ общественнаго мнѣнія, ни лютая казнь не помѣшаютъ ей отдаться вполне тому, кто умѣлъ заставить ее полюбить...» [Б ѣ л и н с к і й, сочин. т. 8].

2) Донна-Анна и Лаура, «обѣ типичныя представительницы женственности, которая однимъ фактомъ своего существованія въ извѣстной степени оправдываетъ донъ-жуанство и обнаруживаетъ слишкомъ суровый приговоръ надъ нимъ. Оба явленія — мужское хищничество въ любви (см. Жуанъ «Критика») и крайнее развитіе женственности, со всѣми ея «чарами», соблазнами и слабостями — совершенно параллельны и соответственны; они другъ друга обусловливаютъ, и ихъ корни одинаково уходятъ въ глубокую доисторическую древность...» [Овсяннико-Куликовскій. «Пушкинъ»].

Дерори, m-sieur («Р. Пеламъ»). — «Учитель» отца Р. Пелама, «прстой и добрый старичокъ, очень хорошо знавшій французскую географію».

Дефоржъ («Дубровскій»). — Французъ, «съ видомъ смиреннымъ и терпѣливымъ», «не весьма достаточнаго состоянія». «Готовился было не въ учителя, а въ кондитеры», но попалъ «гувернеромъ» къ Троекурову. «Половину жалованья» Д. думаетъ отсылать матери, а «изъ остальныхъ денегъ, въ пять лѣтъ» мечтаетъ «сколотить маленькій капиталъ, достаточный для будущей» его «независимости» и пустить его «въ коммерческіе обороты». За 10,000 руб. Д. продаетъ всѣ свои документы Дубровскому, и даетъ «честное слово», «что все это останется» тайной, а самъ онъ уѣдетъ въ Парижъ.

Джансонъ («Пиръ во время чумы»). — Уп. л. По словамъ Предсѣдателя, Д. «выбылъ первый изъ круга» пирующихъ. По характеристикѣ молодого человѣка, «весельчакъ»; его «шутки, повѣсти смѣшныя, отвѣты острые и замѣчанья, столь ѣдкія въ ихъ важности забавной, застольную бесѣду оживляли...», и «общій хохотъ славилъ его рассказы». Д. «краснорѣчивѣйшій языкъ не умолкалъ еще во прахѣ гроба».

Діего-де-Кальвидо («Камен. Гость»). — Такъ называетъ себя Донъ-Жуанъ Доннѣ-Аннѣ (ср. III). «—Я не Діего,—я Жуанъ» (ср. IV).

Динь, Гаспаръ («Драм. Этюды»). — Кровельщикъ—увидя графа «со всей своей свитой» «скорѣе снялъ шляпу, и по стѣнкѣ сталъ пробираться до дверей». На вопросъ графа, «что онъ за человѣкъ», «проговорилъ: «Я кровельщикъ Г. Д., готовый къ вашимъ услугамъ, милостивый графъ, и сталъ пятиться къ дверямъ». На вопросъ графа, сколько Д. зарабатываетъ въ день, отвѣчалъ «осторожно:» милостивый графъ, день на день не похожъ, въ иной выработаешь пять и шесть копѣекъ, а въ другой ничего». На вопросъ графа, женатъ ли Д., отвѣчалъ ему смѣло: женатъ». И «рѣшился говорить всю правду, ничего не утаивая».

Долгорукой, Яновъ («Арапъ Петра В.»). — «Крутой совѣтникъ Петра», оспаривавшій его въ сенатѣ.

Долгоруковъ, Илья («Р. Пеламъ, прогр. — «Общество умныхъ» (Илья Долгоруковъ... и т. д.).

Донъ-Альваръ («Камен. Гость»). — См. Командоръ.

Донъ-Жуанъ — См. Жуанъ.

Дорошенко («Полтава»). Уп. л. «Когда бы старый Дорошенко, иль Самойловичъ молодой, иль нашъ Палѣй, иль Гордѣнко владѣли силой войсковой,

тогда бѣ въ снѣгахъ чужбины дальной не погибали казаки, и Малороссія печальной освобождалась ужь полки. Такъ, своеволиемъ пылая, роптада юность удалая, опасныхъ алча перемѣнь...»

Дороей («Родосл. I»). — Отъ Варлафа и «греческой княжны» «два сына рождены, Якубъ и Дороей... Дороей родилъ двѣнадцать сыновей».

Дравинь («Метель»). — Уп. л. «Отставной сорокалѣтній корнетъ». «Согласился съ охотою» быть свидѣтелемъ при бракосочетаніи Владиміра съ Маріей Гавриловной; «это приключеніе, увѣрялъ онъ, напоминало ему прежнее время и гусарскія проказы».

Дружко («Русалка»). — «Гдѣ чарочка? Всю ночь подъ окнами я буду развѣзжать, такъ укрѣпиться мнѣ виномъ не худо». — «Ухъ, спасибо! Все хорошо, не правда ль, обошлось? И свадьба хоть куда!» — «Ужъ эти дѣвушки! никакъ нельзя имъ не напроказить. Статочно ли дѣло мутить нарочно княжескую свадьбу!» Видитъ дѣвушку «подъ покрываломъ» и говоритъ: — «Юродивая, можетъ статься. Слуги, смѣясь надъ ней, ее, зная, окатили».

Дульская, княгиня («Полтава»). — Уп. л. «Ты», говоритъ Марія Мазепѣ, «пиль недавно, знаю, я, здоровье Дульской. Это новость; кто эта Дульская?» — «Друзей надежныхъ я имѣю. Княгиня Дульская, а съ нею мой іезуитъ да нишій сей къ концу мой замыселъ приводятъ», отвѣчаетъ Мазепа.

Дубровская («Дубровскій»). — Уп. л. Мать Владиміра. На портретѣ «живописецъ представилъ ее облокоченную на перила, въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, съ одною розою въ волосахъ». Ея письма сохранялъ Андрей Гавриловичъ. Ихъ «она описывала ему свою деревенскую жизнь и хозяйственныя занятія; съ пѣжностью сѣтовала на разлуку и призывала его домой, въ объятія доброй подруги. Въ одномъ изъ нихъ она извѣщала ему свое безпокойство на счетъ здоровья маленькаго Владиміра; въ другомъ она радовалась его раннимъ способностямъ и предрекала для него счастливую и блестящую будущность».

Дубровскій, Андрей Гавриловичъ («Дубровскій»). — Отставной поручикъ гвардіи. Ровесникъ и «ближайшій сосѣдъ» Троекурова, «мелкопомѣстный» владѣлецъ Кистеневки и 70 душъ. Послѣ 1762 года «принужденъ былъ выйти въ отставку» «съ разстроеннымъ состояніемъ». «Горячій охотникъ», даже Троекуровъ признавалъ въ Д. «опытнаго и тонкаго цѣнителя псовыхъ достоинствъ и безошибочнаго рѣшителя всѣхъ возможныхъ споровъ»; состояніе позволяло ему держать только двухъ гончихъ и одну борзую суку, но онъ «не щадилъ «ничего для приличнаго» содержанія сына, и молодой человѣкъ получалъ изъ дому болѣе, нежели долженъ былъ ожидать». Былъ бѣденъ, но независимъ. Когда Троекуровъ говаривалъ, что отдастъ за сына А. Г. свою дочь, Д. «качалъ головою и отвѣчалъ обыкновенно. «...мой Володька не женихъ Марьѣ Кирилловнѣ. Бѣдному дворянчику, каковъ онъ, лучше жениться на бѣдной дворяночкѣ, да быть главою въ домѣ, нежели сдѣлаться приказчикомъ избалованной бабенки». Самъ женился по любви и, послѣ смерти жены, «сохранялъ» у себя «пакетъ съ надписью: Письма моей жены». Онъ всегда «прямо высказывалъ свое мнѣніе, не заботясь о томъ противорѣчило ли оно мнѣніямъ» другихъ. «— Врядъ ли людямъ вашимъ житье такое, какъ вашимъ собакамъ, сказалъ онъ Троекурову». Никакихъ шутокъ ни отъ кого «терпѣть былъ не намѣренъ». «— Я не шутъ, а старинный дворянинъ!» сказалъ Д.; въ отвѣтъ на «дерзкое замѣчаніе холопа» Троекурова и смѣхъ хозяина, «поблѣднѣлъ, и не сказалъ на слова», но уѣхалъ домой». Слугу, посланнаго «воротить его непремѣнно», «не послушался и не хотѣлъ воротиться». Троекурову написалъ письмо, что «не намѣренъ пріѣхать въ Покровское, пока не выплютъ ему «псаря Парамошку съ повинною»; «а будетъ моя воля, прибавлялъ Д., наказать его или помиловать». Послѣ ссоры и суда съ Троекуровымъ, больной «старикъ, впавшій въ полное дѣтство», увидя за окномъ своего обидчика, «узналъ Кирилу Петровича; «ужасное смятеніе изобразилось на лицѣ его: багровый румянецъ заступилъ мѣсто обыкновенной блѣдности, глаза засверкали,

онъ произнесъ невнятные звуки». «Большой указывалъ пальцемъ на дворъ, съ видомъ ужаса и гнѣва. Онъ торопился подбирать полы своего халата, собираясь встать съ кресель, приподнялся и вдругъ упалъ». «Старикъ лежалъ безъ чувствъ, безъ дыханія: параличъ его ударилъ». Человѣкъ «горячій и неосмотрительный»; «увидя покровскихъ мужиковъ, ворующихъ его лѣсъ», пользуясь «разрывомъ, происшедшимъ между нимъ и его сосѣдомъ», «поймалъ одного изъ нихъ» и «рѣшился» проучить «прутьями», а захваченныхъ «лошадей отдать въ работу, приписавъ къ барскому скоту». Получивъ приглашеніе явиться въ судъ и представить документы, въ силу которыхъ онъ владѣеть сельцомъ Кистеневкой (документы эти «сгорѣли во время пожара»), «изумился и въ тотъ же день написалъ въ отвѣтъ довольно грубое отношеніе, въ которомъ объяснялъ, что сельцо Кистеневка досталась ему по смерти покойнаго его родителя, что онъ владѣеть имъ по праву наслѣдства, что Троекурову до него дѣла нѣтъ, и что всякое постороннее притязаніе на его собственность — есть ябеда и мошенничество», т. е. далъ возможность засѣдателю «поставить» себя «въ самое невыгодное положеніе», какъ человѣка, права «горячаго и неосмотрительнаго», который «мало толка знаетъ въ дѣлахъ». «Не имѣлъ опытности въ дѣлахъ тяжбныхъ», но «руководился б. ч. здравымъ смысломъ»: онъ могъ написать «довольно дѣльную бумагу», но мысль «сдѣлаться жертвой ябеды» (даже послѣ того, какъ Троекуровъ началъ противъ него дѣло) «не приходила ему въ голову». «Увѣренный въ своей правотѣ», «А. Г. мало заботился о дѣлѣ, не имѣлъ ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньгами, первый трунилъ надъ продажною совѣстью чернильнаго племени». Когда же въ судѣ секретарь «повторилъ ему приглашеніе» на бумагѣ «подписать свое полное и совершенное удовольствіе, или свое неудовольствіе», Д. молчалъ... вдругъ онъ поднималъ голову, глаза его засверкали, онъ топнулъ ногою, оттолкнулъ секретаря съ такою силою, что тотъ упалъ, схватилъ чернильницу, пустилъ ею въ засѣдателя и закричалъ дикимъ голосомъ: «Какъ, не почитать церковь Божию! Прочь, хамово племя!». Потомъ, обратясь къ Кириллѣ Петровичу: «Слыхано ли дѣло, ваше высокопревосходительство, продолжалъ онъ, псаи вводятъ борзыхъ собакъ въ Божию церковь! собаки бѣгаютъ по церкви! Я ихъ уже проучу!» «Его вывели и усадили въ сани». Послѣ суда слегъ и «силы его примѣтно ослабѣвали». «Онъ забывалъ свои прежнія занятія, рѣдко выходилъ изъ комнаты по цѣлымъ суткамъ». «Онъ былъ не въ состояніи думать о своихъ дѣлахъ, о хозяйственныхъ распоряженіяхъ». Егоровна «смотрѣла за нимъ, какъ за ребенкомъ, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать». «А. Г. повиновался ей и кромѣ ея не имѣлъ ни съ кѣмъ сношеній». «Радость» встрѣчи съ сыномъ «произвела въ больномъ слишкомъ сильное потрясеніе» и даже «нѣсколько дней спустя», А. Г. «былъ не въ состояніи дать ему нужныя объясненія»: «старикъ» впалъ «въ полное дѣтство».

К р и т и к а: «Д.-отецъ—лицо любопытное по своей литературной судьбѣ. Это—любимое некомическое лицо нашей комедіи XVIII в., ея Правдинъ, Стародумъ или какъ тамъ еще оно называлось. Но оно никогда не удавалось ей. Это потому, что екатерининская комедія хотѣла изобразить въ немъ человѣка стараго, петровскаго покроя, а при Екатеринѣ II такой покрой уже выводился. Пушкинъ отмѣтилъ его вскользь, двумя-тремя чертами, и однако онъ вышелъ у него живѣе и правдивѣе, чѣмъ въ комедіи XVIII в.». [В. К л ю ч е в с к і й. «Онѣг. и его предки»].

Дубровскій, Владиміръ Андреевичъ («Дубровскій»). — «Лишился матери въ малолѣтствѣ и былъ привезенъ въ Петербургъ на восьмомъ году своего возраста». Воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и выпущенъ былъ корнетомъ въ гвардію. «Онъ позволялъ себѣ роскошныя прихоти, игралъ, входилъ въ долги, (отецъ не щадилъ ничего для приличнаго его содержанія), и, не заботясь о будущемъ, иногда мимоходомъ думалъ, что, рано или поздно, ему придется взять богатую невѣсту». «Онъ тѣмъ болѣе любилъ семейственную жизнь, чѣмъ менѣе успѣлъ насладиться ея тихими радостями. Отца почти не зналъ, но за

всѣмъ тѣмъ онъ романически былъ къ нему привязанъ»; «долго не получая отъ отца никакого извѣстія, онъ и не подумалъ о немъ освѣдомиться, полагая его въ разъѣздахъ или хозяйственныхъ заботахъ», но по полученіи письма изъ деревни «упрекалъ себя въ преступномъ небреженіи». При вѣздѣ въ свою деревню, онъ смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ неописаннымъ: двѣнадцать лѣтъ онъ не видѣлъ своей деревни, но вспомнилъ тотъ «холмъ, на которомъ игралъ онъ съ маленькой Машей Троекуровой. Позднѣе, какъ начальникъ шайки», Д. «славился умомъ, отважностью и какимъ-то великодушіемъ Подъ именемъ Дефоржа (см. Д.), проникъ въ домъ Троекурова и сталъ гувернеромъ; при встрѣчѣ съ медвѣдемъ «въ пустой комнатѣ, онъ «не смутился, не побѣжалъ и ждалъ нападенія»; потомъ «вынулъ изъ кармана маленькій пистолетъ, вложилъ его въ ухо голодному звѣрю и выстрѣлилъ». Захватъ къ Аннѣ Савишнѣ и узнавъ исторію съ приказчикомъ, приказалъ позвать его; вынудилъ у него сознаніе въ утайкѣ денегъ и увезъ его съ собою. (См. глобовскій приказчикъ). Является спасителемъ Марьи Гавриловны. «— Тише! молчать! отвѣчалъ учитель чистымъ русскимъ языкомъ: молчать! или вы пропали. Я — Дубровскій! говоритъ онъ Спицыну; въ одной рукѣ онъ держалъ карманный пистолетъ, а другою отстегивалъ завѣтную суму»; (ночуя въ одной комнатѣ съ человѣкомъ, котораго онъ могъ почесть личнымъ своимъ врагомъ и однимъ изъ главныхъ виновниковъ своего бѣдствія, Д. не могъ удержаться отъ искушенія); «береть съ Марьи Кирилловны обѣщаніе «требовать» отъ него всего для ея спасенія»; и несмотря на погоню за нимъ, ждетъ отъ нея отвѣта. Дворовые Кистеневки говорили ему: «не выдай ты насъ, а мы ужъ за тебя станемъ!» Изъ показаній разбойниковъ «была извѣстна приверженность» ихъ къ Д. Въ домѣ Троекурова всѣ любили молодого учителя; онъ понравился Кир. Петр. своей пріятной наружностью и простымъ обращеніемъ; самъ Тр. былъ недоволенъ его молодостью, но полюбилъ его за смѣлое проворство на охотѣ, Марья Кирилловна — за неограниченное усердіе и рабскую внимательность, Саша — за снисходительность къ его шалостямъ, домашніе — за доброту и за щедрость, повидимому, несомнѣнную съ его состояніемъ. Самъ онъ, казалось, привязанъ былъ ко всему семейству и почиталъ уже себя членомъ его». Съ Марьей Кирилловной Д. «часто по цѣлымъ часамъ сживалъ» «за фортепіано», но не выходилъ изъ предѣловъ почтенія и строгой пристойности». Во время свиданія въ бесѣдкѣ у ручья, онъ говорилъ «тихимъ и печальнымъ голосомъ» и, «казалось, собирался съ духомъ». — Я не то, что вы предполагаете, продолжалъ онъ, по т у п я г о л о в у: я не французъ Дефоржъ, я—Дубровскій!» Та же застѣнчивость удержала его» освѣдомиться у кучера о Машѣ Троекуровой. Слѣдуетъ за нею въ ея «неосторожныхъ прогулкахъ», «около садовъ Покровскаго», «прокрадываясь отъ куста къ кусту, счастливый мыслію», что для нея «нѣтъ опасности» тамъ, гдѣ онъ «присутствуетъ тайно». «Сильно чувствовалъ свое одиночество». — «Знайте, что я рожденъ былъ для иного назначенія, что душа моя умѣла васъ любить, что никогда...», говоритъ Д. Марьѣ Кирилловнѣ, (въ домъ отца ея Д. пришелъ, по его собственному признанію, затѣмъ, чтобъ «совершить» «первый кровавый подвигъ»). Открывая Троекуровой тайну своего имени, Д. прибавляетъ, что онъ «тотъ несчастный, котораго вашъ отецъ, лишивъ куска хлѣба, выгналъ изъ отеческаго дома и послалъ грабить на большихъ дорогахъ».

По собственнымъ словамъ, «нападаетъ не на всякаго, а на извѣстныхъ богачей, да и тутъ дѣлится съ ними, а не грабить до-чиста. А въ убійствахъ никто его не обвиняетъ»; даже при нападеніи на кн. Верейскаго, послѣ того какъ самъ Д. былъ раненъ, люди его шайки (послѣ того, какъ Д. «успѣлъ сказать имъ нѣсколько словъ»), «поѣхали въ сторону», «не разграбя ничего и не проливъ ни одной капли крови въ отмщеніе за кровь своего атамана».

«Былъ пылокъ и честолюбивъ»; храбростью и гордымъ самолюбіемъ онъ докорилъ сердце Маши, даже Троекуровъ называлъ его, послѣ исторіи съ медвѣдемъ, «молодцомъ». «Не намѣренъ терпѣть обиду, за которую, по-моему зва-

нiю, не могу требовать удовлетворенiя», отвѣчаетъ Добровскiй-Дефоржъ Троекурову; тому же Кириллу Петровичу, прiѣхавшему въ Кистеневку, велитъ слугѣ передать, чтобъ онъ скорѣе убирался, пока я не велѣлъ его выпнать со двора», но на дерзость Шабашкина промолчалъ. Когда же толпа «стала напирать, на чиновниковъ, крикнулъ:

— «Стойте, дураки! что вы? Губите и себя, и меня; ступайте по дворамъ и оставьте меня въ покоѣ. Не бойтесь, государь милостивъ: я буду просить его—онъ насъ не обидитъ—мы всѣ его дѣти; а какъ ему за васъ будетъ заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать?» — «Послушай, Архипъ! оставь свои затѣи, не приказные виноваты. Засвѣти-ка фонарь, да ступай за мною»; «но страшныя мысли рождались въ его умѣ» предъ тѣмъ, какъ онъ рѣшилъ поджечь родной домъ, изъ котораго выгоняли Д. «Три недѣли» провелъ въ домѣ своего врага Троекурова, и «ходилъ около его дома, назначая, гдѣ вспыхнуть пожару, откуда войти въ его спальню, какъ пересѣчь всѣ пути его бѣгству»; но любовь къ дочери Троекурова измѣнила всѣ планы Д.—«Никогда злодѣйство не будетъ совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты, даже въ моихъ преступленiяхъ», обѣщаетъ Д. Троекуровой. «Три недѣли», проведенныя въ домѣ Троекурова, считаетъ «днями счастья», «отрадою печальной жизни». Онъ называетъ Марью Кирилловну «небеснымъ видѣнiемъ», смутившимъ его сердце», говорить, что, только благодаря ей, онъ «отказался отъ мщенiя, какъ отъ безумства»... Своимъ сообщникамъ Д. «объявилъ», «что намѣренъ навсегда ихъ оставить, совѣтовалъ и имъ перемѣнить образъ жизни: — Вы разбогатѣли подъ моимъ начальствомъ, каждый изъ васъ имѣетъ видъ, съ которымъ безопасно можетъ пробраться въ какую-нибудь отдаленную губернiю и тамъ провести остальную жизнь въ честныхъ трудахъ и въ изобилiи. Но вы всѣ—мошенники и, вѣроятно, не захотите оставить ваше ремесло». Послѣ этой рѣчи онъ оставилъ ихъ, взявъ съ собою одного **. «Дубровскiй скрылся за-границу».

К р и т и к а: 1) Бѣлинскiй считалъ Д. «лицомъ мелодраматическимъ и не возбуждающимъ къ себѣ участiя». 2) А. Яцимирскiй, находить, что «образъ Д., не чуждый книжныхъ чертъ, въ основѣ своей все-таки созданъ на основанiи дѣйствительности» [Пушкинъ, ред. С. Венгерова, стр. 278].

Дуня («Станціонный смотритель»). — Дочь смотрителя, «дѣвочка лѣтъ четырнадцати». По словамъ смотрителя, «такая разумная, такая проворная, вся въ покойницу-мать». «Красота ея» поразила проѣзжаго. «Маленькая кокетка со второго взгляда замѣтила впечатлѣнiе, произведенное ею...»; она потупила большiе голубые глаза», но «отвѣчала» «безо всякой робости, какъ дѣвушка, видѣвшая свѣтъ». При проходахъ, на просьбу позволить «ее поцѣловать», Д. «согласилась». По разсказу смотрителя, «ею домъ держался; что прибрать, что приготовить, за всѣмъ успѣвала». «Господа проѣзжiе нарочно останавливались, будто бы пообѣдать, или отужинать, а въ самомъ дѣлѣ только чтобъ на нее подолѣе поглядѣть. Бывало, баринъ, какой бы сердитый ни былъ, при ней утихаетъ и милостиво со мною разговариваетъ». Минскiй, ради Д., притворился больнымъ и пролежалъ два дня на станціи, а на третiй Д. уѣхала съ молодымъ гусаромъ. Увидя отца у себя на квартирѣ въ Петербургѣ, «съ крикомъ упала на полъ». Послѣ смерти отца посѣтила родовое село. По разсказу Ваньки, «прекрасная барыня», ѣхала въ каретѣ въ шесть лошадей, съ тремя маленькими барчатами и кормилицей, и съ черной моськой, и какъ ей сказали, что старый смотритель умеръ, такъ она заплакала и сказала дѣтямъ: «сидите смиренно, а я схожу на кладбище». Отъ предложенiя Ваньки проводить ее, отказалась и отвѣтила: «я сама дорогу знаю». У могилы отца легла «на землю и лежала здѣсь долго. А тамъ барыня пошла въ село и призвала попа, дала ему денегъ и поѣхала, а мнѣ дала пятакъ серебромъ... славная барыня!».

Дуня («Е в г. О н ѣ г.»).—«Всѣ дочекъ прочили своихъ» за Ленскаго «зовутъ сосѣда къ самовару, а Дуня разливаетъ чай; ей шепчутъ: «Дуня, при-

мѣчай!» Потомъ приносятъ и гитару и защищать она (Богъ мой!): «Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!»... (II, 12).

Дурина («Евг. Онѣгина»). — «Сосѣдка» Онѣгина. «Была весьма огорчена» его «уборомъ чуднымъ, безнравственнымъ и безразсуднымъ», когда онъ сталъ носить «русскую рубашку, платокъ шелковый кушакомъ, армякъ татарскій на распашку и шалку съ бѣлымъ козырькомъ». (II, 4 проп.).

Дьячекъ («Дубровскій»). — Скорѣе согласенъ «съ чортомъ возиться, нежели косо взглянуть на Кириллу Петровича». «— Какъ увидишь его — страхъ и ужасъ! а спина-то сама такъ и гнется, такъ и гнется».

Дьячекъ Горюхинскій («Ист. села Горюхина»). — Уп. л. Лѣтописецъ Горюхина, учитель Ив. Петр. Бѣлкина. Лѣтопись Д. отличалась глубокомысліемъ и велерѣчіемъ необыкновеннымъ»; первые листы рукописи ея, находившіяся «у попа, женатаго на дочери лѣтописца», были употреблены «дѣтьми священника на т. н. змѣи» (Бѣлкинъ прибрѣлъ рукопись «за четверть овса»).

Дѣвица («Егип. ночи»). — Во время представленія импровизатора, «некрасивая Д., по приказанію своей матери, со слезами на глазахъ, написала нѣсколько строкъ по-итальянски и, покраснѣвъ по уши, отдала ихъ импровизатору». Замѣтя, обращенное на себя «неблагодарное вниманіе дамъ», «такъ смутилась, что слезы повисли на ея рѣсницахъ...». Ср. К., графиня.

Е.

Евгеній («Мѣдн. садн.»). — «Безумецъ бѣдный». Ни звѣрь, ни человѣкъ, ни то, ни сѣ, — ни житель свѣта, ни призракъ мертвый». «Его смятенный умъ противъ ужасныхъ потрясеній не устоялъ»; «онъ оглушенъ былъ шумомъ внутренней тревоги»; ужасныхъ думъ безмолвно полонъ, онъ скитался». Весь день бродилъ пѣшкомъ; «питался, въ окошко поданнымъ, кускомъ, одежда ветхая на немъ рвалась, и тлѣла. Злыя дѣти бросали камни въ слѣдъ ему; нерѣдко кучерскія плети его стегали, потому что онъ не разбиралъ дороги ужъ никогда; казалось, — онъ не примѣчалъ». «Онъ скоро свѣту сталъ чуждъ», хотя въ минувши времена» прозваніе Евгенія, «б. м., и блистало, и подъ перомъ Карамзина въ родныхъ преданьяхъ прозвучало», «но нынѣ свѣтомъ и молвой оно забыто». («Прозванья намъ его не надо»). Когда-то жилъ въ Коломнѣ, въ пустынномъ уголкѣ, но «онъ къ себѣ домой не возвращался»; «спалъ на пристани». «Гдѣ-то» служилъ «всего два года»; былъ «бѣденъ» и «трудомъ» себѣ «онъ долженъ былъ доставить и независимость, и честь»; но и раньше дичился «знатныхъ» и не тужилъ ни о покойницѣ роднѣ, ни о забытой старинѣ. «Его мечта» была—Параша. Онъ думалъ устроить себѣ «смиранный уголокъ» и въ немъ Парашу успокоить. (Въ черновомъ наброскѣ мечты Евгенія переданы подробно: «кровать, два стула, шей горшокъ, да самъ большой... Чего мнѣ болѣе? не будемъ прихотей мы знать; по воскресеньямъ лѣтомъ въ полѣ съ Парашей буду я гулять; мѣстечко выпрошу; Парашѣ препоручу хозяйство наше и воспитаніе ребятъ... И станемъ жить, и такъ до гроба рука съ рукой дойдемъ мы оба, и звуки насъ похоронять»). Во время наводненія, «онъ страшился, бѣдный, не за себя». «На площади Петровой», «какъ будто околдованъ», какъ будто къ мрамору прикованъ», на звѣрѣ мраморномъ верхомъ, безъ шляпы, руки, сжавъ крестомъ, сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный Евгеній». Онъ не слыхалъ, какъ подымался валъ, ему подошвы подмывая, какъ дождь ему въ лицо хлесталъ, какъ вѣтеръ буйно завывая, съ него и шляпу вдругъ сорвалъ. Его отчаянные взоры на край одинъ наведены, недвижны были. Словно горы, изъ возмущенной глубины вставали волны тамъ и злились, тамъ буря выла, тамъ носились обломки... Боже, Боже! тамъ—увы! близехонько къ волнамъ, почти самаго залива—заборъ некрашеный, да ива и ветхій домикъ: тамъ онѣ, вдова

и дочь, его Параша; когда «вода сбыла», «через волны страшныя» Е. направляется на тотъ берегъ («и долго съ бурными волнами боролся опытный гребецъ и скрыться въ глубь межъ ихъ рядами всечасно съ дерзкими пловцами готовъ былъ чолнъ»). «Евгеній стремглавъ, не помня ничего, изнемогая отъ мученій, бѣжитъ» къ дому Парашы. «Онъ остановился; пошелъ назадъ — и воротился. Глядитъ... идетъ... еще глядитъ: вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ; вотъ ива. Были здѣсь ворота; снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ? И полнонь сумрачной заботы, все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ. Толкуетъ громко самъ съ собою — и вдругъ, удара въ лобъ рукою, захохоталъ». Съ той поры «его терзалъ какой-то сонъ; однажды «вспомнилъ живо онъ прошлый ужасъ; торопливо онъ всталъ, пошелъ бродить, и вдругъ остановился (на «площади Петровой») и вокругъ тихонько сталъ водить глазами съ болѣзненно тихой на лицѣ» Прояснились въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ и мѣсто, гдѣ потопа игралъ, гдѣ волны хищныя толпились, бунтуя злобно вокругъ него, и львовъ и площадь, и того, кто неподвижно возвышался во мракѣ мѣдною главою, тотъ чьею волей роковой надъ моремъ городъ основался». «Кругомъ подножія кумира безумецъ бѣдный обошелъ и взоры дикіе навелъ на ликъ державца полуміра. Стѣснилась грудь его. Чело къ рѣшеткѣ хладной прилегло, глаза подернулись туманомъ, по сердцу пламень пробѣжалъ, вскипѣла кровь; онъ мрачно сталъ предъ горделивымъ истуканомъ — и зубы стиснувъ, пальцы сжавъ, какъ обуянный силой черной: «Добро, строитель чудотворный!» шепнулъ онъ, злобно задрожавъ: «Ужо тебѣ!..» И вдругъ стремглавъ бѣжать пустился. Показалось ему, что грознаго царя, мгновенно гнѣвомъ возгоря, лицо тихонько обращалось... И онъ по площади пустой бѣжитъ, и слышитъ за собой, какъ-будто грома грохотанье, — тяжело-звонкое скаканье по потрясенной мостовой — и, озаренъ луною блѣдной, просггерши руку въ вышинѣ, за нимъ несется Всадникъ Мѣдный на звонко скачущемъ конѣ. И во всю ночь, безумецъ бѣдный куда стопы ни сбращалъ, за нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный съ тяжелымъ топотомъ скакалъ. И съ той поры, когда случалось идти той площадью ему, въ его лицѣ изображалось смятенье; къ сердцу своему онъ прижималъ поспѣшно руку, какъ бы его смиряя муку; картузь изношенный снималъ, смущенныхъ глазъ не подымалъ, и шелъ сторонкой». — На пустынномъ островкѣ, куда «наводненье», «играя занесло» домишко ветхій (Парашы), у его «порога» нашли Е. «и тутъ же хладный трупъ его похоронили, ради Бога».

Евгеній Онѣгинъ. — См. Онѣгинъ, Евгеній.

Евнухъ («Бахч. Фонтанъ»). — «Злой», «сѣдой евнухъ»; «Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ», гарема «сторожъ неотлучный». «Его ревнивый взоръ и слухъ за всѣми слѣдуетъ всечасно». «Все жадно замѣчаетъ онъ». «Его стараньемъ заведенъ порядокъ вѣчный. Воля хана ему единственный законъ; святую заповѣдь Корана не строже соблюдаетъ онъ. Его душа любви не проситъ; какъ истуканъ онъ переноситъ насмѣшки, ненависть, укоръ, обиды жалости нескромной, презрѣнье, просьбы, робкій взоръ и тихій вздохъ и ропоть томный. Ему извѣстенъ женскій нравъ; онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ и на свободѣ, и въ неволѣ; взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой не властны надъ его душой: онъ имъ уже не вѣритъ болѣ». «Онъ по гарему въ тѣмѣ ночной неслышными шагами бродитъ: ступая тихо по коврамъ, къ послушнымъ крадется дверямъ, отъ ложа къ ложу переходить»... «Страхъ прилежный тревожитъ въ немъ и спящій духъ. Измѣнъ всечасныхъ ожиданье покоя не даетъ уму»; «обманутый невѣрнымъ слухомъ, онъ пробуждается, дрожить, напуганнымъ прикинувъ ухомъ».

Егоровна («Дубровскій»). — «Добрая старуха», «вѣрная нянька» Вл. Дубровскаго. Во время болѣзни старика Дубровскаго, «сдѣлалась его нянькою. Она смотрѣла за нимъ, какъ за ребенкомъ, напоминала ему о времени пици и сна, кормила его, укладывала спать».

Езерскіе («Родосл.»). — «Фамилію свою ведутъ Езерскіе» отъ «Ондрея

по прозвищу Езерскаго». (1). «Езерскіе явились въ великой силѣ при дворѣ при Императорѣ Петрѣ»... (4).

Езерскій («Родосл.»). — См. Ондрей, Иванъ, Илья, Елизаръ, Варлаамъ.

Езерскій («Родосл.»). — «Происходилъ отъ тѣхъ вождей, чей въ древни вѣки парусъ дерзкій поработилъ брега морей». «Дѣдъ его, великій, имѣлъ двѣнадцать тысячъ душъ; изъ нихъ отцу его досталась осьмая часть, и та сполна была давно заложена и ежегодно продавалась». Самъ Е. былъ «чиновникъ», «коллежскій регистраторъ», и «жилъ жалованьемъ». «Одѣвался нерадиво; на немъ сидѣло все не такъ; всегда бывалъ застегнуть криво его зеленый узкій фракъ»; «но должно знать, что» онъ «былъ сочинитель и любовникъ». — Человѣкъ онъ былъ «благопристойный и простой», «малый дѣловой»; «просто гражданинъ столичный, какихъ встрѣчаемъ всюду тьму, ни по лицу, ни по уму, отъ нашей братьи не отличный».

Екатерина I. («Арапъ Петра В.»). — Императрица. «Женщина лѣтъ 35-ти, съ черными пронизательными глазами, «прекрасная собою, одѣтая по послѣдней парижской модѣ». Пріѣхавшаго изъ Парижа Ибрагима съ любопытствомъ спрашиваетъ о парижской жизни, праздникахъ и своенравныхъ модахъ. На ассамблеѣ Императрица, «блистая красотой и нарядомъ, прохаживалась между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая».

Екатерина II. («Капит. дочка»). — Императрица. «Ей казалось лѣтъ сорокъ». «Лицо ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую». Е. имѣла обыкновеніе «рано утромъ» «въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ» прогуливаться по саду. По словамъ Марьи Ивановны, «все» въ Е. «неволью привлекало сердце и внушало довѣрчивость». Когда въ саду собачка съ лаемъ побѣжала на встрѣчу Марьи Ивановнѣ, Е. сказала пріятнымъ голосомъ. «— Не бойтесь, она не укуситъ». Е. «пристально смотрѣла на Марью Ивановну и «первая прервала молчаніе». Узнавъ отъ Марьи Ивановны, что она дочь капитана Миронова и пріѣхала просить «милости» у государыни, Е. сказала голосомъ еще болѣе ласковымъ: «— Извините меня, если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю при дворѣ; изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь». Получивъ прошеніе отъ Марьи Ивановны, Е. «стала читать» его «про себя», «сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ, но вдругъ лицо ея перемѣнилось». «— Вы просите за Гринева», сказала Е. «— Императрица не можетъ его простить, онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй». На опроверженіе Марьи Ивановны, Е. «вся выпыхнувъ возразила»: «— Какъ неправда!» «Со вниманіемъ» «выслушала» Марью Ивановну и «спросила» потомъ: «— Гдѣ вы остановились?» «услыша, что у Анны Власьевны», промолвила съ улыбкою: а! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы не долго будете ждать отвѣта на ваше письмо». Е. приняла Марью Ивановну въ своей уборной, сидя «за своимъ туалетомъ». Е. подзвала ее и «ласково» «сказала съ улыбкою»: «— Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру». Когда Марья Ивановна, «заплакавъ, упала къ ногамъ императрицы», Е. «подняла ее и поцѣловала». «— Знаю, что вы не богаты, сказала она: но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе». «Облакавъ» Марью Ивановну, Е. «ее отпустила». Собственноручное письмо Е. къ отцу Гринева содержало «оправданіе его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова».

Елена *** («Отр. изъ ром. въ письм.»). — Уп. л. Въ нее былъ влюбленъ безъ памяти «Владиміръ Z. Онъ «сказалъ ей какую-то нѣжность, она пріняла ее за грубость и пожаловалась» «своей пріятельницѣ».

Елецкая («Пиковая Дама»). — Уп. л. Томскій восторгается ею: «какъ хороша была Е.!» (на балу у ***).

Елецкіе («Египетск. ночи», набр. I). — Князья «Рюриковой крови», нынѣ запашутъ сами и, встрѣчаясь другъ съ другомъ на своихъ бороздахъ, отряхиваютъ сохи и говорятъ: «Богъ помочъ, князь Антипъ! Скольکو твое княжое здорově сегодня напало? — Спасибо, князь Ерема Авдѣичъ.

Енимовна («Арапъ Петра В.»). — Дура при домѣ Ржевскаго. «Старая женщина, набѣленная и нарумяненная, убранная цвѣтами и мишурой, въ штофномъ роброндѣ, съ открытой шеей и грудью». Входитъ «припѣвая и подплясывая». Висмѣливаетъ все «нѣмецкое»; передразниваетъ «заморскую обезьяну» Корсакова. «Нѣсколько разъ вопрошаемая государемъ», приѣхавшимъ къ Ржевскому, «отвѣчала съ какой-то робкой холодностью, что вовсе не доказывало природной ея глупости».

Елизаръ Езерскій («Родосл. 2»). — «Со славой хоть съ урономъ, другою Езерскій, Елизаръ, упился кровію татаръ между Непрядвою и Дономъ, ударя съ тыла въ таборъ ихъ съ дружиной суздальцевъ своихъ».

Елисавета («Арапъ Петра В.»). — Великая княжна «Юная красавица, стройная, свѣжая, какъ роза».

Ефимьевъ («Бор. Год.»). — Дьякъ. «Довольно будетъ объявить о побѣгѣ (Отрепьева изъ монастыря) дьяку Смирнову или Ефимьеву».

Ж.

Жадино, село, гдѣ вѣнчалась Марья Гавриловна («Метель»).

Жаксонъ-миссъ («Барышня крестьянка»). — Гувернантка Лизы Муромской. «Сорокалѣтняя чопорная дѣвица». «Затягивалась «въ рюмочку». «Бѣлилась и сурьмила себѣ брови, два раза въ годъ перечитывала Памелу, получала двѣ тысячи рублей и умирала со скуки «въ варварской Россіи». «Рѣзвость и проказы» Лизы «приводили въ отчаяніе» Ж.; увидя Лизу набѣленной и насурьмленной ея бѣлилами, Ж. такъ разсердилась, что «насилу согласилась отпереть дверь и выслушать оправданіе» своей воспитанницы, и только «удостоившись, что Лиза «не думала поднять ее на смѣхъ, успокоилась и поцѣловала Лизу и въ залогъ примиренія подарила ей баночку англійскихъ бѣлилъ».

Жермень-Сень («Пиковая дама»). — Уп. л. Короткій знакомый графини ***. По разсказу Томскаго, «человѣкъ очень замѣчательный», «старый чудакъ» располагавшій «большими деньгами»; «выдавалъ себя за вѣчнаго жида, за изобрѣтателя жизненнаго элексира и философскаго камня, и прочая. Надъ нимъ смѣялись, какъ надъ шарлатаномъ, а Казанова въ своихъ запискахъ говорить, что онъ былъ шпионъ; впрочемъ Сень-Жермень, не смотря на свою тайственность, имѣлъ очень почтенную наружность и былъ въ обществѣ человѣкъ очень любезный». Послѣ проигрыша графини герцогу Орлеанскому, «открылъ ей тайну» трехъ картъ.

Жидъ («Скупой рыцарь»). — См. Соломонъ.

Житель («Капит. дочка»). Городской. «Отдалъ даромъ» Савельичу «тощую, хромую, клячу, не имѣя болѣе средствъ кормить ее»:

Жуанъ, донъ («Камеи. гость»). — Испанскій грандъ. «Изъ ссылки самовольно въ Мадридъ явился». По словамъ Ж., онъ «не государственный преступникъ»; король «удалилъ» его, «любя», чтобы Ж. «оставила въ покоѣ семья убитаго». Извѣстенъ всему Мадриду:—«Да, Донъ-Жуана мудрено признать! Такихъ, какъ онъ, такая бездна!» Его узнаетъ «первый сторожъ, гитана, или пьяный музыкантъ, иль свой же братъ, нахальный кавалеръ въ плащѣ, со шпагою подъ мышкой, въ шляпѣ», говоритъ Лепорелло. Монахъ именуетъ его «развратнымъ, безсовѣстнымъ, безбожнымъ Донъ-Жуаномъ». «Безбожникъ и мерзавецъ», отзывается о немъ Донъ-Карлосъ. «Злодѣемъ», «по долгу чести», считаетъ его Донна-

Анна. По ея словамъ, онъ «хитрый человекъ», «безбожный развратитель», «сушій демонъ». «Повѣса, дьяволъ», называетъ его въ глаза Лаура. «Молва, быть можетъ, не совсѣмъ неправа; на совѣсти усталой много зла, быть можетъ, тяготѣтъ, признается онъ самъ. Лаурѣ «поминутно» на языкъ приходитъ это имя». «Бѣшенный» Карлосъ ей нравится за то, что «напомнилъ» «Донъ-Жуана». «Ахъ если бѣ васъ могла я ненавидѣть!» восклицаетъ Донна-Анна, и своему врагу, «по долгу чести, дарить въ залогъ прощанья мирный поцѣлуй». «Вѣчныя проказы, а все не виновать»; «мой вѣрный другъ, мой вѣтрый любовникъ», говоритъ о Ж. Лаура. «Сколько бѣдныхъ женщинъ вы погубили?» спрашиваетъ Ж. Донна-Анна.—«Ни одной изъ нихъ я не любилъ», отвѣчаетъ ей Ж. «Въ нихъ жизни нѣтъ—все куклы восковыя», отзывается онъ о красавицахъ чужбины. Задумчиво говоритъ «о бѣдной Инезѣ» и соглашается съ Лепорелло, что «вслѣдъ за нею другія были», а живы будемъ, будутъ и другія». «Бѣдная Инеза! Ея ужъ нѣтъ! Какъ я любилъ ее!» Но тотчасъ признается, что «точно мало было въ ней истинно-прекраснаго». Глаза, одни глаза да взлядъ... Такого взляда ужъ никогда я не встрѣчалъ!» «Лаура, милый другъ!» «Я Лауры пришелъ искать въ Мадридѣ!» говоритъ онъ, цѣлуя Лауру. — «Если бѣ я прежде васъ узналъ, съ какимъ восторгомъ мой санъ, мои богатства, все бы отдалъ, все за единый, благосклонный взлядъ! Я былъ бы рабъ священной вашей воли! Всѣ ваши прихоти я бѣ изучалъ, чтобъ ихъ предупредить, чтобъ ваша жизнь была однимъ волшебствомъ непрерывнымъ!» «Лишь съ той поры, какъ увидѣлъ Донну-Анну, позналъ онъ «цѣну» мгновенной жизни и понялъ, что значить слово счастье». — «Съ тѣхъ поръ, какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось: мнѣ кажется, я весь переродился! Васъ полюбя, люблю я добродѣтель—и въ первый разъ смиренно передъ ней дрожащія колѣна преклоняю». Воображеніе Ж., по словамъ Лепорелло, «проворный живописецъ». «Ждетъ ночи и луны боится, и «летитъ» «по улицамъ знакомымъ, усы плащомъ закрывъ, а брови шляпой», прямо къ Лаурѣ. «Я только что приѣхалъ и то тихонько—я вѣдь не прощенъ, говоритъ онъ Лаурѣ. — «Такъ, я не монахъ», открываетъ онъ Доннѣ-Аннѣ. У Донны-Анны онъ требуетъ одного: «смерти». «Что если бѣ Донъ-Жуана вы встрѣтили?» — «Тогда бы я злодѣю кинжалъ вознила въ сердце». «Донна-Анна, гдѣ твой кинжалъ? Вотъ грудь моя!» — «Діего!» что вы! — «Я не Діего—я Жуанъ». — «Я Донъ-Жуанъ, и я тебя люблю!» — «Вели умру; вели дышать я буду лишь для тебя». «Что значить смерть? За сладкій мигъ свиданья безропотно отдамъ я жизнь!» говоритъ Ж. «Или желать кончины Донна-Анна, знакъ безумства?» — «Что дѣлать? онъ самъ того хотѣлъ», отвѣчаетъ Ж. на упрекъ Лауры въ убійствѣ Донъ-Карлоса. «Вставай, Лаура, кончено», говоритъ Ж. послѣ поединка. «Нагнулся мнѣ на шпагу онъ и замеръ, какъ на булавкѣ стрекоза», вспоминаетъ Ж. объ убитомъ Командорѣ. «Я убилъ супруга твоего; и не жалѣю я томъ, и гдѣтъ раскалянья во мнѣ», говоритъ онъ его вдовѣ. — «Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ?» спрашиваетъ Ж. статуя Командора. «Я? Нѣтъ!.. Я звалъ тебя и радъ, что вижу!»

Критика: «Отличіе людей такого рода, какъ донъ-Хуанъ, въ томъ и состоитъ, что они умѣютъ быть искренно-страстными въ самой жи и непритворно холодными въ самой страсти, когда это нужно. Донъ Хуанъ распоряжается своими чувствами, какъ полководецъ солдатами: не онъ у нихъ, а они у него во власти и служатъ ему къ достиженію цѣли». «Д. Х. посвятилъ свою жизнь наслаженію любовью, не отдавая ее однако же ни одной женщинѣ исключительно. Это путь ложный». Не говоря уже о томъ, что мужчинѣ невозможно наполнить всю жизнь свою одной любовью,—его одностороннее стремленіе не могло не обратиться въ безнравственную крайность, потому что для удовлетворенія ея онъ долженъ былъ губить женщинъ по ихъ положенію въ обществѣ—и онъ сдѣлалъ себѣ изъ этого ремесло. Оскорбленіе не условной, но истинно-нравственной идеи всегда влечетъ за собой наказаніе, разумѣется, нравственное же. Самымъ естественнымъ наказаніемъ донъ-Хуана могла бы быть истинная страсть къ женщинѣ, которая или не раздѣляла бы этой страсти, или сдѣлалась бы ея жертвой». [Б ѣ л и с к і й. Сочин. т. VIII].

Д. Н. Овсяннико-Куликовскій отмѣчаетъ важнѣйшія изъ психическихъ свойствъ «донъ-жуановскаго» типа; это, съ одной стороны, — смѣлость, наглость, настойчивость, съ другой — способность «героя» самому увлекаться и готовность затрачивать на любовныя предпріятія все свои душевныя силы — умъ, краснорѣчіе, находчивость и. т. д.; не послѣднее мѣсто въ ряду этихъ качествъ занимаетъ такъ-называемое «рыцарство» натуры, — очень условное «благородство» характера.

«Мужчина, щедро надѣленный этими качествами и не лишенный внѣшней красоты или, по крайней мѣрѣ, привлекательности, легко можетъ стать рабомъ любовной страсти, стать жертвою своего рода «маніи» — одерживать побѣды надъ женскими сердцами, «похищать любовь». Эта специфическая страсть имѣетъ свою психологію, во многомъ отличную отъ психологіи другихъ страстей. Одна изъ ея особенностей состоитъ въ томъ, что тутъ нѣтъ отдаленной, такъ сказать, «идеальной» цѣли, какъ у скупца — могущество, власть надъ людьми; здѣсь нѣтъ того «платоническаго» отношенія къ цѣли, которое столь часто наблюдается въ психологіи другихъ, преимущественно социальныхъ, страстей. Хищнику любви не довольно одного сознанія достижимости цѣли: ему необходимо самое достиженіе, безъ чего онъ будетъ считать игру проигранною. Съ этой стороны разсматриваемая страсть, имѣющая физиологическое основаніе, роднится съ такими физиологическими страстями, какъ обжорство, гастрономія, пьянство. Но, при всемъ томъ, цѣль стремленій «хищника любви», т. е. обладаніе женщиной, сама по себѣ не представляетъ для него всей своей заманчивости, если ея достиженіе слишкомъ легко, если оно не сопряжено съ затрудненіями, препятствіями, борьбой. «Донъ-Жуана» въ высокой степени увлекаетъ и занимаетъ сама борьба изъ-за женщины, сама охота на женщину. Тутъ ясно сказывается дѣйствіе особаго инстинкта, — отдаленнаго и перерожденнаго наслѣдія зоологической борьбы самцовъ и человѣческой — доисторической — борьбы половъ. Съ этой стороны «донъ-жуанство» входитъ въ группу тѣхъ страстей, въ основѣ которыхъ лежитъ какой-либо инстинктъ, унаслѣдованный отъ первобытной древности; такова напр. страсть охотника и страсть бродяжничества. Выше разсмотрѣнныя страсти, — зависть, скупость, властолюбіе и др., — въ эту группу не войдутъ; если въ ихъ психологіи и найдутся слѣды дѣйствія того или иного инстинкта, то все-таки ихъ нельзя разсматривать, какъ пробужденный инстинктъ, превратившійся въ страсть.

«Въ психологіи «донъ-жуанства», какъ страсти, весьма видную роль играютъ эстетическія и артистическія наклонности, какъ это замѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ страстяхъ, основанныхъ на инстинктѣ, напр. въ охотничьей. Ища борьбы, стремясь къ своей цѣли такъ, чтобы попутно упражнялись «донъ-жуанскія» качества, человѣкъ, одержимый этою страстью любовнаго хищничества, становится специалистомъ «науки страсти нѣжной», виртуозомъ любви, гастрономомъ любовныхъ ощущеній. Въ немъ развиваются вкусы и таланты артиста въ веденіи любовной интриги, онъ является превосходнымъ актеромъ, отлично входящимъ въ свою роль, онъ овладѣваетъ «пафосомъ» любовной «поэзіи», выступаетъ вдохновеннымъ импровизаторомъ любовной пѣсни. [«Пушкинъ»].

3.

Забѣла («Полтава»). — Уп. л. См. Гамалѣй.

Заленскій («Полтава»). — Уп. л. Одинъ изъ агентовъ Мазепы. Съ нимъ (Мазепой) «полномощный іезуитъ мятежь народный утверждаетъ и шаткій тронъ ему сулитъ. Во тьмѣ ночной они, какъ воры, ведутъ свои переговоры, измѣну цѣнять межъ собой, слагаютъ шифръ универсаловъ» (гетманскихъ манифестовъ), торгуютъ царской головой, торгуютъ клятвами вассаловъ». «Мой іезуитъ», называетъ З—аго Мазепа.

Завадовскій («Р. Пелла́мъ», пропр.). — См. вып. VI, стр. 99.

«Elegant». Un «mauvais sujet, des maîtresses, des dettes».—«Общество Zavadovski—les parasites, les actrices—sa mauvaise réputation, il devient amoureux». Enlèvement. ...Пелымовъ утѣшаетъ Истомину «du mariage de Zavadovski». «Vie splendide de Zavadovski. Il donne des diners et des bals. Embarras domestiques. Créanciers, jeu. (Zav... brigand...) La femme de Zavadovski (misère), le mari devenu (ami de) Θ. Орловъ. Ses nouveaux compagnons,—leurs exploits. Ils arrêtent dans la rue Pelham».

Зарема («Бахч. Фонтанъ»).—Любимая жена Гирея. Грузинка. «Вѣтѣни гарема расцвѣтала». Не знаетъ, «почему, какой судьбой», «край оставила родной»; лишь помнить «горы въ небесахъ, потоки жаркіе въ горахъ, непроходимыя дубравы, другой законъ, другіе нравы»; «море, и человекъ въ вышинѣ надъ парусами». «Между невольницами хана забыла вѣру прежнихъ дней», но въ покоѣ Маріи, «Пречистой дѣвы краткій ликъ, и крестъ, любви символъ священный» «родное что-то пробудило, все звуками забытыхъ дней невнятно вдругъ заговорило». «Звѣзда любви, краса гарема». «Кто съ тобою, грузинка, равенъ красотой? Вокругъ лилейнаго чела ты косу дважды обвила; твои плѣнительныя очи яснѣе дня, чернѣе ночи. Чей голосъ выразить сильнѣе порывы пламенныхъ желаній? Чей страстный поцѣлуй живѣй твоихъ язвительныхъ лобзаній? Какъ сердце, полное тобой, забьется для красоты чужой».—«Я прекрасна», «Во всемъ гаремѣ ты одна могла бѣ еще мнѣ быть опасна», говоритъ З. Маріи. Она «для страсти рождена». «Страхъ и горе» «чужды были» ей. вмѣстѣ съ Гиреемъ «въ непрерывномъ упоеньѣ они дышали счастьемъ», и З. была «безпечнѣй день отъ дня». Но, встрѣтя Марію, Гирей презрѣлъ красы З., «Гирей З. разлюбилъ», и съ этихъ вѣкъ «ничто не мило ей». З., «какъ пальма смятая грозой, поникла юной головою»; «тайный страхъ» проникъ въ сердце З., «стѣснилась грудь ея тоской». «Она идетъ ночью къ Маріи» («Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной печальный возмущать покой»), «и молить: сжался надо мной, не отвергай моихъ моленій!»—«Я шла къ тебѣ», говоритъ З. Маріи, спаси меня, въ моей судьбѣ одна надежда мнѣ осталась. «Я гибну». «Злобной ревности мученье», «языкъ мучительныхъ страстей» проснулись въ З.:—«Оставь Гирея мнѣ: онъ мой», «на мнѣ горять его лобзанья; онъ клятвы страшныя мнѣ далъ; давно все, все желанья Гирей съ моими сочеталъ! Меня убьетъ его измѣна». «Я плачу! видишь, я колѣна теперь склоняю предъ тобой, молю, винить тебя не смѣя: отдай мнѣ радость и покой, отдай мнѣ прежняго Гирея».—«Онъ мой; онъ ослѣпленъ тобою. Презрѣнемъ, просьбою, тоскою, чѣмъ хочешь отврати «его»... «Ты въ преступленьи не причастна, я знаю, не твоя вина», и напоминаетъ:—«Кинжаломъ я владѣю, я близъ Кавказа рождена!»— «Въ ту ночь, какъ умерла княжна (Марія) свершилось и ея страданье»: Зарема «гарема стражами нѣмыми въ пучину водъ опущена».

Зарѣцкій («Евг. Онѣгинъ»).—Секундантъ Ленскаго. «Нѣкогда буянь, картежный атаманъ, глава повѣсь, трибунъ трактирный». «Бывало онъ трунилъ забавно, умѣлъ морочить дурака и умнаго дурачить славно иль явно иль исподтишка, хоть и ему иныя штуки не проходили безъ науки, хоть иногда и самъ въ просакъ онъ попадался, какъ простакъ». «Умѣлъ онъ весело поспорить, остро и тупо отвѣчать, порой разчетливо повздорить», «друзей поссорить молодыхъ и на барьеръ поставить ихъ», и помириться ихъ заставить, дабы позавтракать втроемъ и послѣ тайно обезславить веселой шуткою, враньемъ. «Въ сраженьи разъ» «онъ отличился, смѣло въ грязь съ коня калмыцкаго свалясь, какъ зюзя пьяный и французамъ достался въ плѣнь». «Новѣйшій Регулъ, готовый вновь предаться узамъ, чтобъ каждымъ утромъ у Вери въ долгъ осушать бутылки три». — Бывало льстивый голосъ свѣта въ немъ злую храбрость выхвалялъ. Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета въ пяти саженьяхъ попадалъ». «Въ дуэляхъ, классикъ и педантъ, любилъ методу онъ изъ чувства и человекъ растянуть онъ позволялъ не какъ-нибудь, но въ строгихъ правилахъ искусства, по всемъ пре-

даньямъ старины». — «Теперь же — добрый и простой отецъ семейства», надежный другъ, помѣщикъ мирный и даже честный человекъ», «отъ бурь укрывшись подъ сѣнь черемухъ и акацій», З. «живетъ, какъ истинный мудрецъ: капусту садитъ, какъ Гораций, разводитъ утокъ и гусей и учитъ азбукъ дѣтей». — «Онъ механикъ деревенскій — знаетъ толкъ въ «жерновахъ». — Онѣгинъ «съ удовольствіемъ бывало видался съ нимъ», «любилъ и духъ его сужденій, и здравый толкъ о томъ, о семъ». З. «не глупъ; но Онѣгинъ «не уважаетъ сердца въ немъ». З. «велерѣчивъ», — по словамъ Онѣгина, «рѣчистъ», «золь, сплетникъ», «старый дуэлистъ». Вызовъ Ленскаго З. передаетъ Онѣгину, «ослабя взоръ». Отвѣтъ привозитъ Ленскому «торжественно». На дуэли «тридцать два шага отмѣривается съ точностью отмѣнной». «Съ изумленьемъ» спрашиваетъ Онѣгина: «гдѣ вашъ секунданта». Когда же Онѣгинъ, въ отвѣтъ представилъ ему «m-g Guillot», прибавивъ: «я не предвижу возраженій на представленіе мое», З. только «губу закусилъ» и вступилъ «въ важный разговоръ» съ m-g Guillot безъ «возраженій».

Земфира («Цыганы»). — «Молоденькая дочь» стараго цыгана и Мариулы, «черноокая З.», «Веселья дѣтскаго полна», она «привыкла къ дикой волѣ. «Я тверда, не боюсь ни ножа, ни огня», поетъ З. О жизни городовъ лишь знаетъ, что «тамъ огромныя палаты, тамъ разноцвѣтные ковры, тамъ игры, шумныя пиры, уборы дѣвъ тамъ такъ богаты». «Въ таборъ на ночь зазвала Алеко. «—Я ему подругой буду»... Онъ готовъ идти за мною всюду», говоритъ З. отцу. «Онъ будетъ мой—ктожь отъ меня его отгонитъ?». «Милымъ лепетаньемъ иль упоительнымъ лобзаньемъ «въ минуту разгонять умѣла» «задумчивость» Алеко. Ея любовь старый цыганъ сравниваетъ съ «вольной луною»: «на всю природу мимоходомъ равно сіянье льетъ она: заглянетъ въ облако любое, его такъ пышно озарить—и вотъ ужъ перешла въ другое, и то не долго посѣтитъ. Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ, промолвя: тамъ остановись!» По словамъ молодого цыгана, З. «робко» любитъ. Черезъ «два лѣта» «охладѣла» къ Алеко. «Ненавижу тебя, презираю тебя; я другого люблю, умираю любя;» поетъ З. «Умру любя»—послѣдній отвѣтъ ея Алеко. «—Не любишь? Мнѣ какое дѣло! Я пѣсню для себя пою», говоритъ она Алеко. «—Его любовь постыла мнѣ, мнѣ скучно, сердце воли просить», признается З. отцу. «—Такъ понялъ пѣсню ты мою!»—Ты сердиться воленъ, я пѣсню про тебя пою», говоритъ она Алеко, послѣ того какъ полюбила молодого цыгана.—«Нѣтъ, полно, не боюсь тебя, твои угрозы презираю, твое убійство проклиная», отвѣчаетъ она Алеко, убившему молодого цыгана.

К р и т и к а: «Консервативная, центростремительная сила Алеко встрѣтила центробѣжную силу З. Алеко остановился, привыкъ,—З. же продолжала быть черноокой цыганкой, непривыкающей, продолжала свой прихотливый и безпечный бѣгъ по жизни». «Она осталась честной въ самой невѣрности,—измѣнившаяся, но не измѣнница». (Айхенвальдъ. Силуэты, I).

Зизи («Евг. Онѣгинъ»).—«Строй рямокъ узкихъ, длинныхъ, podobныхъ таліи твоей, Зизи, кристалль души моей, предметъ стиховъ моихъ невѣрныхъ, любви приманчивый фіаль, ты, отъ кого я пьянъ бывалъ» (V, 32). (См. въ «Спискѣ» Вульфъ, Евпр. Ник.).

Зинаида Вольская («Гости съѣзжались на дачу»). — «Первая красавица въ Петербургѣ», по словамъ генераль-адъютанта, встрѣтившаго З. «на придворномъ балу». «Она была въ первомъ цвѣтѣ молодости. Правильныя черты, большіе черные глаза, живость, самая странность наряда—все поневолѣ привлекало вниманіе». «Четырнадцати лѣтъ она была прекрасна, читала романы и писала любовныя записки своему танцмейстеру». «Появленіе З.» въ свѣтѣ «надѣлало шуму», сама З. «горѣла нетерпѣніемъ быть замужемъ», чтобъ видѣть у себя весь городъ». Вышла замужъ за Вольскаго, который «ей не былъ противень». Ея искренность, неожиданныя проказы, дѣтское легкомысліе производили сначала пріятное впечатлѣніе, и даже свѣтъ былъ благодаренъ той, которая поминутно прерывала важное однообразіе аристократическаго круга». «Смѣялись ея

палостямъ, повторяли ея странныя выходки». Но годы шли, а души ея все еще было четырнадцать лѣтъ». «Стали роптать, нашли, что Вольская не имѣетъ никакого чувства приличія, свойственнаго ея полу. Женщины стали отъ нея удаляться, а мужчины приблизились. Сперва З. огорчилась, но потомъ подумала, что она не въ проигрышѣ, и утѣшилась». «Молва приписывала ей любовниковъ». (Б. «нѣсколько времени занималъ ея воображеніе», но «ей хотѣлось влюбиться въ Р.) З. «въ слезахъ негодованія рѣшилась возмутиться противъ власти несправедливаго свѣта». «Выбрала своимъ «наперсникомъ» Минскаго, которому повѣряла свои тайны. На дачѣ у Л. «около трехъ часовъ еряду» провела на балконѣ, находясь «наединѣ съ Минскимъ», явно показывая презрѣніе «къ ненавистнымъ условіямъ». Первая написала письмо Минскому, въ которомъ «жаловалась, умоляла, сама не зная о чемъ; разсыпалась въ пѣжностяхъ, ласковыхъ увѣреніяхъ и назначала ему вечеромъ свиданіе въ своей ложбѣ». — «Это ни на что не похоже!» заявила «важная графиня Г., когда З., не отвѣчая на тонкій мадригалъ генерала, вдругъ скользнула на балконѣ. «Въ ней много хорошаго и гораздо менѣе дурнаго, нежели думаютъ. Но страсти ее погубить». «Она ужасно вѣтрена!» отзывается о З. «сосѣдъ» графини. «Вѣтрена? Этого мало. Она ведетъ себя непростительно. Она можетъ не уважать себя сколько ей угодно, но свѣтъ еще не заслуживаетъ отъ нея такого пренебреженія», отвѣчала графиня. «Я люблю ее отъ души: она уморительно смѣшна», отзывается о З. Минскій, предвидѣвшій сближеніе съ З. — «связь безъ важныхъ послѣдствій, лишнюю женщину въ списокъ вѣтренныхъ своихъ любовницъ». З. признала его превосходство надъ собою и намѣрена была «сказать все», что имѣла на сердцѣ».

Зинаида («На углу маленькой площади»). — «Блѣдная дама», «Полюбивъ Володского, она почувствовала отвращеніе отъ своего мужа. сродное однѣмъ женщинамъ и понятное только имъ... «Объявила, что любить Володского и не хочетъ обманывать мужа и въ тайнѣ его безчестить и что она рѣшилась развестись». Послѣ разговора съ мужемъ, «не дала ему времени опомниться, въ тотъ же день переѣхала съ Англійской набережной въ Коломну и въ короткой записочкѣ увѣдомила обо всемъ Володского, ничего подобнаго не ожидавшаго».

Зинаиды - отецъ («Гости съѣзжались на дачу»). — Уп. л. «Человѣкъ дѣловой и разсѣянный». «Отдалъ» дочь на руки какой-то французкѣ, нанялъ учителей всякаго рода, и послѣ ужь объ ней не заботился». Когда же узналъ, что дочь въ четырнадцать лѣтъ начала читать романы и писать любовныя записки своему танцмейстеру», отказалъ танцмейстеру, и вывезъ ее въ свѣтъ, полагая, что воспитаніе ея кончено». Принялъ сватовство Вольскаго, т. е. «обрадовался случаю сбыть съ рукъ молодую невѣсту».

Зинаиды-мужъ («На углу маленькой площади»). «...Скорѣе удостовѣрился въ невѣрности своей жены. Это чрезвычайно его разстроило. Онъ не зналъ, на что рѣшиться: притвориться ничего не замѣчающимъ казалось ему глупымъ; смѣяться надъ несчастіемъ, столь обыкновеннымъ—презрительнымъ; сердиться не на шутку — слишкомъ шумнымъ; жаловаться съ видомъ глубоко оскорбленнаго чувства—слишкомъ смѣшнымъ. Къ счастью, жена его явилась ему на помощь» и сказала, что «она рѣшилась развестись». «Не могъ опомниться отъ такого чистосердечія» и «былъ встревоженъ ея стремительностью», но «она не дала ему времени опомниться».

Зуринъ Иванъ Ивановичъ («Капитанъ дочка»). — «Маіоръ»; «высокаго роста», «лѣтъ тридцати пяти съ длинными черными усами, въ халатѣ» «и съ трубкой въ зубахъ». «Находился въ Симбирскѣ при приѣмѣ рекрутовъ; стоялъ въ трактирѣ». Гриневъ называетъ З. бариномъ. Савельичъ же отзывается о З. какъ о разбойникѣ. «Пригласилъ» Гринева обѣдать съ нимъ вмѣстѣ, чѣмъ Богъ послалъ по-солдатски». «Велѣлъ подать пуншу и уговаривалъ Гринева попробовать», говоря, «что къ службѣ надобно привыкать, а безъ пуншу, что и служба». Такъ передавалъ «армейскіе анекдоты», что Гриневъ «со смѣху чуть не гаялся».

По убѣжденію З., онъ «честный офицеръ». Гринева считалъ З. «своимъ учителемъ» вызвался выучить Гринева «играть на бильярдѣ»; «громко ободрялъ» Гринева, «дивился» его «быстрымъ успѣхамъ, и послѣ нѣсколькихъ уроковъ предложилъ играть въ деньги, по одному грошу, не для выигрыша, а такъ чтобы только не играть даромъ»; но скоро «взглянулъ на часы, положилъ кій и объявилъ» Гринева, что послѣдній проигралъ сто рублей. На извиненія Гринева З. отвѣчалъ:—«Помилуй! не изволь и беспокоиться. Я могу и подождать. А покамѣстъ поѣдемъ къ Арипушкѣ». На слѣдующій день З. написалъ Гринева письмо: «Любезный Петръ Андреевичъ, пожалуйста, пришли мнѣ съ моимъ мальчикомъ сто рублей, которые ты мнѣ вчера проигралъ. Мнѣ крайняя нужда въ деньгахъ». Въ другой разъ «металъ, играя въ банкъ съ шестью гусарскими офицерами». «Не хочешь поставить карточку?» предлагаетъ З. Гринева. Игра, по мнѣнію З., необходима «для нашего брата служиваго». «Въ походѣ, напримѣръ, придешь въ мѣстечко, чѣмъ прикажешь заняться. Вѣдь не все же бить жидовъ. Поневоля пойдешь въ трактиръ и станешь играть на бильярдѣ. А для того надобно играть». «Играть даромъ»—«самая скверная привычка», утверждаетъ З. При первой встрѣчѣ отказъ Гринева «сыграть партію» показался З. «страннымъ», З. поглядѣлъ на Гринева «съ сожалѣніемъ». «Игралъ съ маркеромъ, который при выигрышѣ выпивалъ рюмку водки, а при проигрышѣ долженъ былъ лѣзть подъ бильярдъ». «Чѣмъ долѣе игра продолжалась, тѣмъ прогулки на четверенькахъ становились чаще, пока наконецъ маркеръ остался подъ бильярдомъ». З. «произнесъ падъ нимъ нѣсколько сильныхъ выраженій, въ видѣ надгробнаго слова».—Женитьба, по признанію З. «блажь».—«Женишься, ни за что пропадешь! говорилъ З. Гринева.—Эй, плюнь!» Узнавъ, что Гринева ѣдетъ съ дамой, спрашиваетъ: «Гдѣ же ты ее подцѣпилъ. Эхе, братъ». «При этихъ словахъ З. засвистѣлъ такъ выразительно, что всѣ захохотали». Когда докладываютъ З., что задержаны «государевъ кумъ» и его хозяйка. З. велитъ «кума» посадить въ «острогъ», а хозяйку привести къ себѣ. Узнавъ въ «кумѣ» Гринева изумился: Какъ! Такъ это о тебѣ мнѣ сейчасъ докладывали? Помилуй! Что-жъ это значить?» З. самъ вышелъ на улицу извиниться передъ Марьей Ивановной въ невольномъ недоразумѣніи и приказалъ вахмистру отвести ей лучшую квартиру въ городѣ». Получивъ приказъ арестовать Гринева З., «съ видомъ чрезвычайно озабоченнымъ», подаетъ ему бумагу, говоря: «маленькая неприятность». — Дѣлать нечего! сказалъ З.: долгъ «повиноваться приказу. Вѣроятно, слухъ о твоихъ дружескихъ путешествіяхъ съ Пугачевымъ какъ-нибудь да дошелъ до правительства. Надѣюсь, что дѣло не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій и что ты оправдаешься передъ комиссіей. Не унывай и отправляйся». З. дружески простился съ Гриневымъ. Когда же Савельичъ оповѣстилъ З. объ опасности, угрожающей старикамъ Гриневымъ. «прискакалъ во время и явился ихъ «ангеломъ избавителемъ», по словамъ Авдотьи Васильевны. Узнавъ, что Швабринъ раненъ отцомъ Гринева, сказалъ:—«Очень радъ. Гусары, возьмите его! Да сказать лѣкарю, чтобы онъ перевязалъ ему рану и берегъ его, какъ зѣницу ока. Швабрина надобно непременно представить въ секретную казанскую комиссію. Онъ одинъ изъ главныхъ преступниковъ, и показанія его должны быть важны...» Поймавъ главаря бунтовщиковъ, З. настоялъ на томъ, чтобы голова земскаго была на нѣсколько часовъ выставлена на шестѣ у кабака».

И.

Ибрагимъ («Арапъ Петра В.»).—«Молодой негръ», «крестникъ» и любимецъ Петра В. «Капитанъ французской артиллеріи («И. обучался въ парижскомъ военномъ училищѣ»); позднѣе капитанъ-лейтенантъ бомбардирской роты Преображенскаго полка». По первому впечатлѣнію Татьяны Аванасьевны, «черный дьяволъ».—Съ твоимъ ли пылкимъ, задумчивымъ и подозрительнымъ

характеромъ, съ твоимъ ли сплюснутымъ носомъ, вздутыми губами, съ этой ли шершавой головой бросаться во все опасности женитьбы? говорилъ ему Корсаковъ. На свою наружность указываетъ самъ И. царю (при сватаньи Ржевской), но Петръ не далъ ему досказать:—«Твоя наружность? Какой вздоръ! Чѣмъ ты не молодецъ?» «Появленіе И., его наружность, образованность и природный умъ возбуждали въ Парижѣ общее вниманіе». Герцогъ Орлеанскій удерживалъ его на французской службѣ, говоря: «останьтесь во Франціи, за которую вы уже пролили свою кровь, и будьте увѣрены, что и здѣсь ваши заслуги и дарованія не останутся безъ достойнаго вознагражденія». Петръ «всегда получалъ лестные отзывы насчетъ его успѣховъ и поведенія» и былъ чрезвычайно имъ доволенъ», «Снисходительствовалъ къ его просьбамъ, просилъ заботиться о своемъ здоровьи, благодарилъ за ревность къ ученію», «и не жалѣлъ для него своей казны, присовокупляя къ червонцамъ отеческіе совѣты и предостерегательныя наставленія». Царь самъ выѣхалъ «навстрѣчу» И., и на другой день послѣ его приѣзда въ Петербургъ, поздравилъ И. капитанъ-лейтенантомъ бомбардирской роты преображенскаго полка, въ коей онъ самъ былъ капитаномъ». Въ Парижѣ «все дамы, желали видѣть у себя *le négre du czar* и ловили его на перехватъ «и не одна красавица заглядывалась на него съ чувствомъ болѣе лестнымъ, нежели просто любопытство», «но предупрежденный И. или ничего не замѣчалъ, или видѣлъ одно лишь кокетство». «Сладостное вниманіе женщинъ» «не только не радовало его, но даже наполняло горечью и негодованіемъ». Онъ чувствовалъ, что онъ для нихъ родъ какого-то рѣдкаго звѣря, творенія особеннаго, чужого, случайно перенесеннаго въ міръ, не имѣющій съ нимъ ничего общаго. Онъ даже завидовалъ людямъ, никѣмъ не замѣченнымъ, и почиталъ ихъ ничтожество благополучіемъ».—«Отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ». Онъ видѣлъ, что на него смотрѣли «какъ на чудо», «и это любопытство, хотя и прикрытое видомъ благосклонности, оскорбляло его самолюбіе». «Мысль, что природа не создала его для взаимной страсти, избавила его отъ самонадѣянности и притязаній самолюбія, что придавало рѣдкую прелесть обращенію его съ женщинами». «Любовь не приходила ему на умъ». «Разговоръ его былъ простъ и важенъ». Корсаковъ дивился «терпѣнію» И., который «битый часъ слушалъ бредни о древности рода Лыковыхъ и Ржевскихъ и еще» присовокуплялъ «къ тому свои нравоучительныя примѣчанія». «Своимъ почтительнымъ и ласковымъ обхожденіемъ, кроткимъ и образованнымъ умомъ» онъ снискалъ не только дружество боярина Ржевскаго, «но и уваженіе князя Лыкова и благосклонность доброй Татьяны Аванасьевны, которая не разъ со вздохомъ говорила своему брату:—«Лучшаго жениха грѣхъ намъ и желать, а жаль, что онъ Арапъ!»—Князь Лыковъ говорилъ, «что изъ всехъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ», Царскій арапъ всехъ болѣе на человѣка походить». «Человѣкъ онъ степенный и порядочный», замѣчалъ Гаврила Аванасьевичъ. Въ продолженіи родовъ графини Л. «каждый стонъ ея раздиралъ душу Ибрагиму; каждый промежутокъ молчанія обливалъ его ужасомъ»; увидя новорожденнаго «чернаго младенца», сердце И. «билось сильно», онъ не имѣлъ «силы удержать своего восторга» и «благословилъ сына дрожащею рукою». Узнавъ отъ Корсакова, что графиня «взяла себѣ новаго любовника», впалъ «въ глубокое стѣсненное уныніе». «Онъ повторялъ себѣ: это я предвидѣлъ, это должно было случиться. Потомъ открылъ письмо графини (полное «страстными увѣреніями въ любви»), перечелъ его снова, повѣсилъ голову и горько заплакалъ». «Душа его была» утомлена страстями, праздностію, тайнымъ уныніемъ». Свою судьбу И. считалъ «бѣдственной судьбой негра, жалкаго творенія, едва достаиваемаго названія человѣка». —...Ты человѣкъ одинокій, безъ роду и племени, чужой для всехъ кромѣ одного меня. Умерь я сегодня, завтра что съ тобою будетъ, бѣдный мой арапъ! говоритъ ему Петръ. Посланный царемъ «въ чужіе края для приобрѣтенія свѣдѣній, необходимыхъ государству преобразованному», И. «не торопился» отъѣздомъ въ Россію. Онъ отговаривался то раною (полученной «въ испанской

войнѣ»), то желаніемъ усовершенствовать свои познанія, то недостаткомъ денегъ», но «не пропускалъ ни одного бала, ни одного праздника, ни одного первого представленія и предавался общему вихрю со всею пылкостью своихъ лѣтъ и своей породы», хотя «и Петръ, и темное чувство долга призывали его въ Россію». Въ двадцать семь лѣтъ «влюбился безъ памяти», «страстно» въ графиню Л. Еще «онъ не вѣдалъ ревности, но съ ужасомъ ее предчувствовалъ; онъ вообразилъ, что страданія разлуки должны быть менѣе мучительны». — «Ты должна была меня разлюбить; очарованіе должно было исчезнуть. Эта мысль, писалъ онъ въ письмѣ къ графинѣ, меня всегда преслѣдовала», но при прощаньи съ нею «глаза его потемнѣли, голова закружилась; онъ едва могъ выйти изъ комнаты»; въ Петербургѣ онъ «содрогался» отъ «ужасной» мысли объ измѣнѣ графини: ревность начинала бурлить въ африканской его крови и горячія слезы готовы были течь по его черному лицу». На вопросъ Петра, хочетъ ли И. жениться на дочери боярина Ржевскаго, отвѣчалъ: «если бъ я имѣлъ въ виду жениться, то согласится ли молодая дѣвушка и ея родственники?» — «Я женюсь, конечно, не изъ страсти, но по соображенію, и то, если она не имѣетъ отъ меня рѣшительнаго отвращенія», отвѣчалъ И. Корсакову, требовавшему, чтобъ И. сказалъ «по совѣсти», влюбленъ ли онъ «въ эту маленькую *mijaugée*». Онъ говорилъ самому себѣ: «развѣ можно вѣрить любви? развѣ существуетъ она въ женскомъ легкомысленномъ сердцѣ?» «Отъ жены я не стану требовать любви: буду довольствоваться ея вѣрностію, а дружбу приобрѣту постоянной нѣжностію, довѣренностію и снисхожденіемъ». Онъ принялъ совѣтъ Петра: «надобно тебѣ, говорилъ И. Петръ, пристроиться, пока есть еще время, найти опору въ новыхъ связяхъ, вступить въ союзъ съ русскимъ боярствомъ». «Свадьба съ молодою Ржевскою, рассуждалъ И., соединитъ меня къ гордому русскому дворянству, и я перестану быть пришельцемъ въ новомъ моемъ отечествѣ». Послѣ измѣны графини Леоноры, отказавшись навѣкъ отъ милыхъ обольщеній», онъ выбралъ инья обольщенія болѣе существенныя». По приѣздѣ въ Россію «мысль быть сподвижникомъ великаго человѣка и совокупно съ нимъ дѣйствовать на судьбу великаго народа—возбудила въ немъ въ первый разъ благородное чувство честолюбія». «Онъ день ото дня болѣе привязывался къ государю, лучше постигалъ его душу» и проводилъ дни однообразныя, но дѣятельныя», «окруженный дѣловыми бумагами». «Россія представлялась И. огромной мастерскою, гдѣ движутся однѣ машины, гдѣ каждый работникъ, подчиненный заведенному порядку, занятъ своимъ дѣломъ. Онъ почиталъ и себя обязаннымъ трудиться у собственнаго станка».

К р и т и к а: Ибрагимъ, къ сожалѣнію, остался недорисованнымъ въ неконечной повѣсти. Можно только догадываться по нѣкоторымъ штрихамъ, что изъ него имѣлъ выйти одинъ изъ петровскихъ дѣльцовъ,—людей хорошо намъ знакомыхъ по Нартовымъ, Неплюевымъ и др. Это—характеры рѣзкіе и жесткіе, но хрупкіе по недостатку гибкости, и потому неживучіе: они вымирали уже при Екатеринѣ II. [К л ю ч е в с к і й].

Иванъ («Б о р. Г о д.»). — «Когда народъ сталъ выходить (изъ собора), я внуку сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ царевича Димитрія. И мальчикъ повелъ меня». (Разсказъ старца-пастуха патріарху).

Иванъ («С к у п о й р ы ц а р ь»). — Слуга Альбера.

Иванъ Езерскій («Р о д о с л.», 2.). — Сынъ «Ондreja».

Иванъ Игнатьичъ («К а п и т. д о ч к а»). — «Гарнизонный поручикъ». Кривой старичокъ въ офицерскомъ мундирѣ. Ходилъ «подъ шведа и подъ турку: всего насмотрѣлся». «И матушка, говоритъ онъ капитаншѣ:—Богъ милостивъ; солдатъ у насъ довольно, пороху много, пушку я вычистилъ. Авось дадимъ отпоръ Пугачеву. Господь не выдастъ — свинья не съѣстъ!». «Исполнитель комендантскаго распоряженія». — «Иванъ Игнатьичъ!» обращается къ нему капитанша Миронова: «разбери Прохорова съ Устиньей, кто правъ, кто виноватъ. Да обоихъ и накажи». «По препорученію капитанши Мироновой», сидѣлъ «съ иглою въ рукахъ» и «нанизывалъ грибы для сушенія на зиму». «Держалъ»

«распяливъ на рукахъ» «нити», которыя разматывала капитанша. Во время приготовления къ дуэли Гринева со Швабринымъ, неожиданно «изъ-за скирда вдругъ появился» И. И. «и человекъ пять инвалидовъ». И. И. «потребоваль» ихъ къ коменданту и повелъ ихъ, въ торжествѣ, шагая съ удивительною важною». — Прѣдъ нападеніемъ Пугачева, «вытаскиваль изъ пушки тряпички, камешки, щепки, бабки и соръ всякаго рода, запаханный въ нее ребятишками». — Пугачъ пришелъ». — «Шлохо, Петръ Андреичъ! признается онъ Гриневу. Прѣдъ приступомъ, по приказанію капитана, навелъ «пушку». По увѣренію Швабрина, И. И. «былъ въ непозволительной связи съ капитаншей Мироновой», что, однако, «не имѣло», «и тѣни правдоподобія». — «Неутомимый вопрошатель». При явленіи Гринева въ крѣпости, «своимъ одинокимъ глазомъ поглядываль на него съ любопытствомъ». — «Смѣю спросить», вы въ какомъ полку изволили служить? — «А смѣю спросить, продолжалъ онъ: зачѣмъ изволили вы перейти изъ гвардіи въ гарнизонъ?» Чаятельно за неприличные гвардіи офицеру поступки? Когда Гринева просилъ И. И. быть секундантомъ, «никакъ не могъ понять» должность секунданта; слушалъ Гринева со вниманіемъ, вытараща на «него» свой единственный глазъ. — «Вы изволите говорить», сказалъ онъ Гриневу: «что хотите Алексѣя Иваныча заколотъ, и желаете, чтобъ я при томъ былъ свидѣтелемъ? Такъ ли? смѣю спросить. — Какъ вамъ угодно», «дѣлайте, какъ разумѣете. Да зачѣмъ же мнѣ тутъ быть свидѣтелемъ? Съ какой стати? Люди дерутся, — что за невидальщина, смѣю спросить?». — «Помилуйте, Петръ Андреичъ!» говорить онъ, «что это вы затѣяли! Вы съ Алексѣемъ Иванычемъ побрались? Велика бѣда! Брань на вороту не виснетъ. Онъ васъ побранилъ, а вы его выругайте; онъ васъ въ рыло, а вы его въ ухо, въ другое, въ третье, — и разойдитесь; а мы васъ ужъ примиримъ. А то доброе ли дѣло—заколотъ своего ближняго, смѣю спросить? И добро бъ ужъ закололи вы его: Богъ съ нимъ, съ Алексѣемъ Иванычемъ! я и самъ до него не охотникъ. Ну, а если онъ васъ просверлитъ? На что это будетъ похоже? Кто будетъ въ дуракахъ, смѣю спросить?» — «Воля ваша», «коли ужъ мнѣ и вмѣшиваться въ это дѣло, такъ развѣ пойти къ Ивану Кузьмичу, да донести ему, по долгу службы, что въ фортеціи умышляется злодѣйствіе, противное казенному интересу: не благоудно ли будетъ господину коменданту принять надлежащія мѣры». Гринева «насилу» «угговорилъ» его «ничего не говорить коменданту о замышляемомъ поединкѣ». И. И. далъ слово, но рѣшился отъ него отступить. «Василиса Егоровна вывѣдала все отъ» поручика; замѣтя, что проговорился, И. И. «закусилъ языкъ», и «не зналъ, что отвѣчать»; услыша дружественный разговоръ Гринева со Швабринымъ, вновь «отъ радости проболтался». — Давно бы такъ, «сказаль» И. И. Гриневу «съ довольнымъ видомъ»: худой миръ лучше доброй ссоры, а и не честенъ, такъ здоровъ». — «Слава Богу, что все такъ кончилось!» прибавилъ онъ, когда Василиса Егоровна «всѣмъ распорядилась, безъ вѣдома капитана». Когда И. И. вели къ Пугачеву, онъ сказалъ, повторяя слова Миронова: «Ты намъ не государь, ты, дядушка, — воръ и самозванецъ!» и «повисъ подлѣ своего стараго начальника».

Иванъ Ильичъ («П и к о в а я д а м а»). — Уп. л. Дядя Нарумова. По словамъ племянника, «разсказываль» ему и «увѣряль честию», что графиня дала Чаплицкому три карты.

Иванъ («Б о р. Г о д.»). — Королевичъ. Умершій женихъ Ксеніи Годуновой.

Иванъ Петровичъ («Е в т. О н ѣ г и н ѣ»). — Уп. л. . . . въ нихъ не видно перемѣны ... Иванъ Петровичъ также глупъ.

Игумень («Б о р. Г о д.»). — Рассказываетъ патриарху объ Отрепьевѣ. На слова патриарха: «этака ересь: буду царемъ на Москвѣ! ...Вѣдь это — ересь, отецъ игумень?» отвѣчаетъ: — «ересь, святой владыка, суцая ересь». Думаетъ, что, «зная, грамота далась ему (Отрепьеву) не отъ Господа Бога».

Изора («М о ц. и С а л ь е р и»). — Уп. л. «Даръ моей И., называсть Сальери ядъ, который всыпаетъ въ кубокъ Моцарту».

Илья Езерскій («Р о д о с л.» 2.). — Сынъ «Ондрея».

Импровизаторъ («Егип. ночи»). — «Неаполитанскій художникъ». «Быль высокаго росту, худошавъ и казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго его лица были выразительны: блѣдный, высокій лобъ, осѣненный черными клоками волосъ, черные, сверкающіе глаза, орлиный носъ и густая борода, окрѣжающая вдалыя желто-смуглыя щеки, обличали въ немъ иностранца». «Обстоятельства» принудили его оставить «отечество». Онъ пріѣхалъ въ Россію въ надеждѣ на свой талантъ». Къ Чарскому пришелъ въ такомъ «жалкомъ видѣ» («на немъ былъ черный фракъ, поблѣвшій уже по швамъ; панталоны лѣтнія, хотя на дворѣ стояла уже глубокая осень; подъ истертымъ чернымъ галстухомъ на желтоватой манишкѣ блестѣлъ фальшивый алмазь; шершавая шляпа, казалось, видала и ведро, и ненастье»), что «встрѣтятся съ этимъ челоѣкомъ въ лѣсу, вы приняли бы его за разбойника; въ обществѣ — за политическаго заговорщика; въ передней за шарлатана, торгующаго элексирами и мышьякомъ». Чарскій принялъ его за «кочующаго артиста», который «собирается дать нѣсколько концертовъ на віолончели и развозить по домамъ свои билеты». На вечерѣ «быль одѣтъ театрално»: «поэтъ въ одеждѣ фигляра». Явился къ Чарскому, о которомъ слышалъ, какъ о превосходномъ поэтѣ, какъ къ «собрату» за «дружескимъ вспоможеніемъ», но называетъ его «вашимъ превосходительствомъ». «Я блѣдный импровизаторъ!» говоритъ онъ о себѣ: «—Вы поэтъ какъ и я; а что ни говори, поэты славные ребята! говоритъ позднѣе И. тому-же Чарскому. На эстраду вышелъ «съ низкими поклонами» и, «изъяняясь на плохомъ французскомъ языкѣ», «робкимъ и смиреннымъ голосомъ» просилъ «назначить нѣсколько темъ», «умоляющимъ взоромъ» обводя кругомъ. — Когда Чарскій поручился, «если не за триумфъ», то «по крайней мѣрѣ за барышъ» вечера, изъявилъ «свою радость живыми движеніями». — «А это главное, вскричалъ итальянецъ», — «Какую цѣну можно будетъ назначить за билетъ, чтобы публикѣ не слишкомъ было тяжело, и чтобы я, между тѣмъ, не остался въ накладѣ?» спрашивалъ онъ Чарскаго, и въ то же время «тихое одобреніе» со стороны поэта считалъ «дороже» «цѣлой бури рукоплесканій». «Въ меркантильныхъ расчетахъ» обнаружилъ «дикую жадность», и «простодушную любовь къ прибыли», но, почувствовавъ «приближеніе бога», «гордо подымалъ голову и пылкіе стихи — выраженія мгновеннаго чувства — стройно излетали изъ устъ его», вызывая въ слушателяхъ «чувство восхищенія» и удивленія («какъ! чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашей собственностію, какъ будто вы съ нею носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно», говорилъ ему Чарскій). По словамъ самого И., «всякій талантъ неизяснимъ. Какимъ образомъ ваятель въ кускѣ каррарскаго мрамора видитъ сокрытаго Юпитера и выводитъ его на свѣтъ рѣзцомъ и молотомъ, раздробляя его оболочку? Почему мысль изъ головы поэта выходитъ уже вооруженная четырьмя приемами, размѣренная строками, однообразными стопами? Никто, кромѣ самого импровизатора, не можетъ понять эту быстроту впечатлѣній, эту тѣсную связь между собственнымъ вдохновеніемъ и чуждой внѣшнею волею, тщетно я самъ захотѣлъ бы это изяснить».

Инвалидъ («К а п и т. д о ч к а»). — При допросѣ башкирца, по приказанію коменданта, «взялъ его руки и, положивъ ихъ себѣ около шеи, поднялъ» башкирца на свои плечи».

Инвалидъ («К а п и т. д о ч к а»). — «Старый». «Въ передней коменданта И», «сидя на столѣ, нашивалъ синюю заплату на локоть зеленого мундира». — «Войди, батюшка», «наши дома, сказалъ И.» Гриневу. «Отъ имени Василисы Егоровны «позвалъ» Гринева «къ нимъ обѣдать». Въ домѣ коменданта И. вмѣстѣ съ Палашкой накрывали на столѣ.

Инеза («К а м. Г о с т ь»). — «Бѣдная Инеза!» вспоминаетъ о ней Донъ-Жуанъ. «Ея ужъ нѣтъ! «Какъ я любилъ ее!» «Странную пріятность я находилъ въ ея печальномъ взорѣ и помертвѣлыхъ губкахъ»... «Мало было въ ней истинно-прекраснаго. Глаза, одни глаза, да взглядъ... такого взгляда ужъ никогда я не встрѣчалъ! А голосъ у ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной»... Лепорелло «не

находилъ ее красавицей, но вспоминаеть «И. черноглазую». Три мѣсяца ухаживали вы за ней; насилу-то помогъ лукавый», говорить онъ Жуану.

Инезы-мужъ («Каменный гость»).—Упл. л. Быль, по словамъ Жуана, «негодяй суровый».

Ипсиланти, Александръ («Кирджали»).—Вождь «этеріи»; «быль лично храбръ, но не имѣлъ свойствъ, нужныхъ для роли, за которую взялся такъ горячо и такъ неосторожно» (И. «обнародоваль возстаніе» грековъ противъ турокъ). «Онъ не умѣлъ сладить съ людьми, которыми принужденъ былъ предводительствовать. Они не имѣли къ нему ни уваженія, ни довѣренности». «Послѣ несчастнаго сраженія, гдѣ погибъ цвѣтъ греческаго юношества», И. ускакаль къ границамъ Австріи и оттуда послалъ свое проклятіе людямъ, которыхъ называлъ ослушниками, трусами и негодяями» (эти трусы и негодяи, б. ч., погибли въ стѣнахъ монастыря Секу, или на берегахъ Прута, отчаянно защищаясь противу непріятеля, вдесятеро сильнѣйшаго!) О немъ см. также въ «Спискѣ», стр. 294.

Искра («Полтава»).—«Полтавскій полковникъ». Съ Кочубеемъ безстрашный И. за одно, и оба мыслятъ: «одолѣемъ; врага паденье рѣшено». На казнь въ одной «телѣгѣ» съ Кочубеемъ ѣхалъ «И. тихій, равнодушный, какъ агнецъ, жребію послушный».

Испанецъ («Гости съѣзжались на дачу»).—Путешественникъ. «Шатался по всему свѣту, представлялся во всѣхъ европейскихъ дворахъ, вездѣ посѣчалъ высшее общество, но нигдѣ не чувствовалъ себя такъ связаннымъ, такъ неловкимъ, какъ въ проклятомъ вашемъ аристократическомъ кругу», говорить И. Русскому. — «Всякій разъ, когда я вхожу въ залу княгини В. и вижу эти нѣмыя неподвижныя муміи, напоминающія мнѣ египетскія кладбища, какой-то холодъ меня пронизываетъ. Межъ ними нѣтъ ни одной моральной власти, ни одно имя не натвержено мнѣ славою, — предъ чѣмъ же я робѣю?» — Просить разрѣшить задачу: «что такое русская аристократія? Занимаясь важными законами, я вижу, что наслѣдственной аристократіи, основанной на недѣлимости имѣній, у васъ не существуетъ. Кажется, между вашимъ дворянствомъ существуетъ гражданское равенство, и доступъ къ оному ничѣмъ не ограниченъ. На чемъ же основывается ваша такъ называемая аристократія? Развѣ только на одной древности русскихъ замѣчательныхъ людей». Въ то же самое время онъ «живо наслаждался прелестью сѣверной ночи».

Исправникъ («Дубровскій»).—См. Тарасъ Алексѣевичъ.

Исправникъ («Дубровскій»).—Замѣнившій Тараса Алексѣевича. Въ первый разъ пріѣхалъ къ Троекурову на именины. Когда Троекуровъ предложилъ ему «показать свое удалство» и поймать Дубровскаго, И. «струсиль, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнесъ, наконецъ: — «постараемся ваше превосходительство». На слова Троекурова, что «разбой Дубровскаго — благодать для исправниковъ», «отвѣчалъ совершенно» смутившись: — «Сущая правда, ваше превосходительство». При И. находился «замаранный листъ» «примѣтъ Дубровскаго, составленныхъ по сказкамъ его бывшихъ людей». И. развернулъ его съ важностью и сталъ читать нараспѣвъ». Въ отвѣтъ на смѣхъ Троекурова («нечего сказать, умныя головушки приказныя») «смирненно положивъ въ карманъ свою бумагу, молча принялся за гуся съ капустой». Вторично пріѣхалъ къ Троекурову (для ареста Дефоржа-Дубровскаго) «вооруженный съ ногъ до головы» и отвѣчалъ гостямъ о причинѣ своего посѣщенія «съ видомъ таинственнымъ и суетливымъ». — «Всѣ примѣты», ваше превосходительство, сказалъ почтительно И. самому Троекурову. Послѣ того, какъ Дефоржа «не нашли», «И. казался въ дуракахъ». — Не съ твоимъ проворствомъ, братецъ, сказалъ ему Троекуровъ, поймать Дубровскаго... «— Отправляйся-ка восвояси, да впередъ будь расторопнѣе».

І.

Иезуитъ («Полтава»). — См. Заленскій.

Іоаннъ ІV. («Бор. Год.»). — «Царь Иванъ (не къ ночи будь помянуть)», говоритъ Гаврило Пушкинъ. «Свирѣпый внукъ Іоанна ІІІ», по характеристикѣ Б. Годунова; одинъ изъ «могущихъ Іоанновъ». — «Душа страдающая и бурная», по отзыву Пимена. — При немъ, по словамъ Аѳ. Пушкина, «жгли насъ на площади», а царь своимъ жезломъ подгрѣбалъ угли; «на полу кровавомъ всенародно пѣли каноны Іисусу». «Уставъ отъ гнѣвныхъ думъ и казней», рассказываетъ Пимень, — «царь Іоаннъ искалъ успокоенья въ подобіи монашескихъ трудовъ; его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный, монастыря видъ новый принималъ: кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ послушными являлись чернецами, а грозный царь — игумномъ богомольнымъ». «Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами (въ кельѣ) Грозный; мы передъ нимъ недвижимо стояли, и тихо онъ бесѣду съ нами велъ. Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ: «Отцы мои, желанный день придетъ — предстану здѣсь, алкающей спасенья... Вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный: прииду къ вамъ, преступникъ окаянный, и схиму здѣсь честную восприму къ стопамъ твоимъ, святой отецъ, припадши». Такъ говорилъ державный государь и сладко рѣчь изъ устъ его лилася и плакалъ онъ». «— Пимень самъ видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна».

Іордаки Олимпіоти («Кирджали»). — «Присовѣтоваль» Ипсиланти «удалиться и самъ заступилъ его мѣсто». (По словамъ Липранди, настоящее имя Іордаки было Іоргаки. «Капитанъ І., прозванный Олимпіотомъ, отъ шайки опустошавшей въ 1806 г. окрестности Олимпа» былъ въ ней писаремъ. «Русск. Арх.» 1866 г.]

К.

К. * графиня** («Египетск. ночи», набр. ІІ). — «Дурнушка». Во время разговора о Клеопатрѣ («Клеопатра была не пошлая кокетка и цѣнила себя не деньгами»), «постаралась придать важное выраженіе своему носу, похожему на луковицу, воткнутую въ рѣпу, и сказала: — «Есть и нынче женщины, которыя цѣнятъ себя подороже». — Что вы подъ этимъ разумѣете, графиня? — спросилъ молодой человекъ, съ трудомъ удерживая улыбку. «— Я разумѣю, — отвѣчала гр. К., — что женщина, которая себя уважаетъ, которая... Тутъ она запуталась...».

К. графъ («Египетск. ночи», набр. ІІ). — Польскій графъ, мужъ графини К., женившійся по расчету (говорять ошибочно). Во время словъ жены («Есть и нынче женщины, которыя цѣнятъ себя подороже») «покраснѣлъ, потушился и выпилъ свою чашку чаю».

Казакъ («Кавк. Плѣн.»). — «Ночной ауловъ раззоритель, рабовъ отважный избавитель».

Казакъ («Капит. дочка»). — Объявилъ Гриневу, что «де великій государь требуетъ» его «къ себѣ». О Пугачевѣ отзывается: «...по всему видно, что персона знатная: за обѣдомъ скушать изволилъ двухъ жареныхъ поросятъ, а парится такъ жарко, что и Тарасъ Курочкинъ не вытерпѣлъ, отдалъ вѣникъ Фомкѣ Бикбаеву, да насилу холодной водой откачался. Нечего сказать: всѣ признаки такіе важныя... А въ банѣ, слышно, показывалъ царскіе свои знаки на грудяхъ: на одной — двуглавый орелъ, величиною съ пятакъ, а на другой — персона его».

Казакъ («Капит. дочка»). — Измѣнникъ. «Держалъ надъ шалкою листъ бумаги». Когда «солдаты» «дали залпъ», «К. зашатался и свалился съ лошади».

Казакъ («К а п и т. д о ч к а»). — «Молодой»; «ударилъ» капитаншу Мионову «саблею по головѣ и она упала мертвая на ступени крыльца».

Казакъ («К а п и т. д о ч к а»). — У него «на копѣ была воткнута голова Юлая, которую, стряхнувъ, перекинулъ К. черезъ частоколъ».

Казачки («К а п и т. д о ч к а»). — «Двѣ молодыя дочери хозяина избы», гдѣ жилъ Пугачевъ; «накрыли столъ бѣлой скатертью, принесли хлѣба, ухи и нѣсколько штофовъ съ виномъ и пивомъ».

Казань («П о л т а в а»). — Одинъ «изъ полтавскихъ казаковъ», «презрѣнныхъ» Маріей. «Ее любилъ любовью страстной». «Онъ не безъ надеждъ ее любилъ, не докучалъ онъ ей мольбою: отказа бъ онъ не пережилъ»; «и ожиданіемъ страдалъ и краткой встрѣчей былъ утѣшенъ». «Имя нѣжное Маріи чуть лепеталъ еще языкъ» умирающаго. К. же доставленъ былъ «доносъ на гетмана-злодѣя царю Петру отъ Кочубея». Во время сраженія, «К. на гетмана стремился сквозь битву, съ саблею въ рукахъ, съ безумной яростью въ очахъ», но былъ убитъ выстрѣломъ Войнаровскаго.

Калмыкъ («Е в г. О н ѣ г и н ѣ»). — «Имъ настезь отворяетъ дверь въ очахъ, въ изорванномъ кафтанѣ, съ чулкомъ въ рукѣ, сѣдой калмыкъ».

Калмычка («К а п и т а н с к. д о ч к а»). — Уп. л. Старая. «Въ ребячествѣ» Пугачева «разсказывала» ему «сказку»: «Однажды орелъ спрашивалъ у ворона: «скажи, воронъ-птица, отчего живешь ты на бѣломъ свѣтѣ триста лѣтъ, а я всего-на-все только тридцать три года?» — «Оттого, батюшка, отвѣчалъ ему воронъ, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной». Орелъ подумалъ: давай, попробуемъ и мы питаться тѣмъ же. Хорошо. Полетѣли орелъ и воронъ. Вотъ завидѣли палую лошадь, спустились и сѣли. Воронъ сталъ клевать, да похваливать. Орелъ клюнулъ разъ, клюнулъ другой, махнулъ крыломъ и сказалъ ворону: «нѣтъ, братъ, воронъ; чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живой кровью; а тамъ — что Богъ дастъ!».

Камеръ-Ланей («К а п и т а н с к. д о ч к а»). — «Вошелъ съ объявленіемъ, что государыня изволилъ къ себѣ приглашать дѣвицу Мионову» и «что государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна, и въ томъ, въ чемъ ее «застанутъ».

Кантагони («К и р д ж а л и»). — Одинъ изъ арнаутовъ, отряда Кантакузина. «Человѣкъ очень толстый»; былъ «раненъ копьемъ въ брюхо. Онъ одной рукою поднялъ саблю, другою схватилъ за вражеское копье, всадилъ его въ себя глубже и такимъ образомъ могъ достать саблею своей убійцу, съ которымъ вмѣстѣ и повалился». [По замѣчанію Липранди, настоящая его фамилія — Кандогони]

Кантакузинъ, Георгій («К и р д ж а л и»). — Одинъ изъ начальниковъ отряда арнаутовъ. О немъ «можно повторить то же самое, что сказано объ Ипсиланти, (см.) «Наканунѣ сраженія подъ Скулянами, К. просилъ у русскаго правительства позволенія вступить въ нашъ карантинъ. Отрядъ остался безъ предводителя».

Капитана-исправника сынъ («М е т е л ь»). — Уп. л. Мальчикъ лѣтъ шестнадцати, недавно поступившій въ уланы. Вмѣстѣ съ Дравинымъ и землемѣромъ Шмитомъ согласился быть свидѣтелемъ при бракосочетаніи Владиміра съ Марьей Гавриловной и даже клялся «ему въ готовности жертвовать для него своею жизнью». «Маленькій уланъ» былъ скромень и сохранилъ тайну.

Капитанъ («К а п и т. д о ч к а»). — «Гвардейскій офицеръ»; «лѣтъ двадцати восьми, очень пріятной наружности, ловкій и свободный въ обращеніи». На допросѣ К. спросилъ Гринева: «— По какому случаю и въ какое время вошелъ онъ въ службу къ Пугачеву и по какимъ порученіямъ былъ» «имъ употребленъ?» На отвѣтъ же Гринева, что онъ никакихъ порученій отъ Пугачева «принять не могъ» К. «возразилъ»: «— Какимъ же образомъ», «дворянинъ и офицеръ одинъ пощаженъ самозванцемъ, между тѣмъ какъ всѣ его товарищи злодѣйски умерщвлены? Какимъ образомъ этотъ самый офицеръ и дворянинъ дружески пируетъ съ бунтовщиками, принимаетъ отъ главнаго злодѣя подарки, шубу, лошадь и полтину

денегъ? Отчего произошла такая дружба и на чемъ она основана, если не на измѣнѣ, или по крайней мѣрѣ на гнусномъ и преступномъ малодушіи? К. «потребоваль, чтобъ» Гринева «поставили на очную ставку съ главнымъ доносителемъ» — Швабринымъ.

Капраль («Капит. дочка»). — «Явился» къ Гриневу «съ донесеніемъ, что казаки ночью выстунили изъ крѣпости, взявъ съ собою насильно Юлая и что около крѣпости разтѣзжаютъ невѣдомые люди».

Караульный («Капит. дочка»). — Мужикъ съ дубиною. «Подшелъ» къ Гриневу и снялъ шапку, спрашивая паспортъ. На вопросъ: «— Что это значить», К. «отвѣчалъ, почесываясь»: «— Да мы, батюшка, бунтуемъ». К. объявилъ, «что родители Гринева содержатся «въ хлѣбномъ амбарѣ». Исполнить приказаніе Гринева («отворачивай, дуракъ, рогатину») «медилъ; получивъ отъ Гринева ударъ въ «ухо», «глядѣлъ» на него «съ глупымъ недоумѣніемъ».

Караульный («Капит. дочка»). — «По распоряженію Хлопуши» «отвѣлъ Гринева «въ приказную избу».

Карела («Бор. Год.»). — «Казакъ». «Посланъ съ Дона» къ Самозванцу, «отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ атамановъ, узрѣтъ твои царевы очи и кланяться тебѣ ихъ головами».

Карлосъ-Донъ («Камен. Гость»). Испанскій грандъ; братъ убитаго на поединкѣ Жуаномъ. «Угрюмый гость Лауры». «Ты бѣшенный!» называетъ его Лаура. Оскорбивъ Лауру, вскорѣ сознается: «я глупъ, что осердился». Оставшись наединѣ съ Лаурой, называетъ ее «милымъ демономъ» и спрашиваетъ: «который годъ тебѣ?»—«Осмынацать лѣтъ», отвѣчаетъ Лаура.—«Такъ молода... и будешь молода еще лѣтъ пять, иль шесть»... «Но, когда пора пройдетъ, когда твои глаза впадутъ и вѣки сморщась почернѣютъ, и сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ, и будутъ называть тебя старухой, тогда—что скажешь ты?» Не можетъ слышать равнодушно имени Жуана, убившаго на поединкѣ его брата.—«Твой Донъ-Жуанъ безбожникъ и мерзавецъ, а ты, ты дура», говоритъ онъ Лаурѣ. На угрозы Лауры позвать слугъ и «зарѣзать» К., отвѣчаетъ спокойно:—«зови же ихъ». Увидя Жуана, требуетъ поединка: «теперь, сейчасъ», и «падаетъ» мертвымъ отъ удара Жуана.

Карль XII («Полтава»). — Шведскій паладинъ. «Любовникъ бранной славы для шлема кинувшій вѣнецъ»; «вѣнчаннй славою бесполезной», «герой безумный», «суровый», «могучій», «отважный Карль»; «первый, грозный учитель Россіи «въ наукѣ славы». По словамъ Мазепы, «онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ, и легкомысленъ, и кичливъ, Богъ вѣсть какому счастью вѣрится; онъ силы новаго врага успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ — сложить ему свои рога». Передъ Полтавой «видитъ Карль могучій ужъ не разстроенныя тучи несчастныхъ нарвскихъ бѣглецовъ, а нить полковъ блестящихъ, стройныхъ, послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ, и рядъ незыблемый штыковъ». «Но онъ рѣшилъ: завтра бой». — «И передъ стройными рядами своихъ воинственныхъ дружинъ, несомый вѣрными слугами, въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ, страдая раной, Карль явился. Вожди героя шли за нимъ. Онъ въ думу тихо погрузился; смущенный взоръ изобразилъ необычайное волненіе: казалось, Карла приводилъ желанный бой въ недоумѣнье... Вдругъ слабымъ маніемъ руки на русскихъ двинулъ онъ полки». Мазепа, прежде ослѣпленный его отвагой и бѣглымъ счастіемъ побѣдъ, еще до боя «подъ Полтавой» называетъ К. «воинственнымъ бродягой». «Онъ мальчикъ бойкій и отважный; два, три сраженія разыграть, конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ, къ врагу на ужинъ прискакать, отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ; не хуже русскаго стрѣлка прокрасться въ ночь ко вражью стану; свалить, какъ нынче, казака и обмѣнять на рану рану; но не ему вести борьбу съ самодержавнымъ великаномъ. Какъ полкъ вертѣтся онъ судьбу принудить хочетъ барабаномъ». «Злобясь» видитъ Карль могучій «ужъ не разстроенныя тучи несчастныхъ нарвскихъ бѣглецовъ» (см. выше). «Опасность близкая и злоба даруютъ силы королю. Онъ рану тяжелую свою забылъ» (во время бѣгства). Подъ Бендерами онъ «отражалъ»

«одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ турецкой рати приступъ шумный, и бросилъ шпагу подъ бунчукъ».

Карль («Сцены изъ рыц. временъ»).—Герцъ, Карль.

Качаловъ («Бор. Год.»).—Уп. л. «Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ съ Качаловымъ?».

Кельць («Марія Шонингъ»).—Лѣкаръ; «добрый», по словамъ Маріи. Во время болѣзни Шонинга «цѣлые два дня не выходилъ изъ дома» Шонинга и «все распорядилъ».

Кирилль («Бор. Год.»).—Уп. л. «Кирилль многострадальный, мужъ праведный».

Кирилла Петровичъ Т. («Арапъ Петра В.»).—Былъ «въ Рязани воеводой», гдѣ нажилъ себѣ 3000 душъ и молодую жену, то и другое съ грѣхомъ пополамъ». Недоволенъ ассамблеями потому, «что съ тѣхъ поръ, какъ онѣ завелись, мужья не сладятъ съ женами; жены позабыли слово апостольское: жена да боится своего мужа; хлопчуть не о хозяйствѣ, а объ обновахъ; не думаютъ, какъ бы мужу угодить, а какъ бы пригнуться офицерамъ-вертопрахамъ». Считаетъ неприличнымъ «русской боярынь или боярышнѣ находиться вмѣстѣ съ нѣмцами-табачниками», «до ночи плясать и разговаривать съ молодыми мужчинами». «Былъ бы радъ запереть жену въ теремъ, а ее съ барабаннымъ боемъ требуютъ на асамблею; мужъ за плетку, а она за наряды». «—Разореніе русскому дворянству,—жалуется онъ».

Кирджали («К и р д ж а л и»).—«Былъ родомъ болгаръ». «Онъ казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго лица его были правильны и суровы. Онъ былъ высокаго росту, широкоплечъ, и вообще въ немъ изображалась необыкновенная физическая сила. Пестрая чалма наискось покрывала его голову, широкій поясъ охватывалъ тонкую поясицу; доломанъ изъ толстаго синяго сукна, широкія складки рубахи, падающія выше колѣнъ и красивыя туфли составляли остальной его нарядъ». «К. своими разбоями наводилъ ужасъ на всю Молдавію». Вдвоемъ (см. Михайлаки) они напали и разграбили «булгарское селеніе». «Когда Александръ Ипсиланти обнародовалъ возмущеніе и началъ набирать себѣ войска, К. привелъ къ нему нѣсколько старыхъ своихъ товарищей». Послѣ сраженія подъ Скулянами, когда семьсотъ человекъ арнаутовъ, албанцевъ, грековъ, болгаръ и всякаго сброду, не имѣющихъ понятія о военномъ искусствѣ, отступали «въ виду пятнадцати тысячъ турецкой конницы», К. былъ раненъ. Выданный русскими властями туркамъ, былъ приговоренъ «быть посажену на колъ», но обманулъ своихъ тюремщиковъ и бѣжалъ».

Кирилловна («В ы с т р ѣ л ь»).—Уп. л. Ключница Бѣлкина. Пересказала ему всѣ сказки, «которыя только могла запомнить».

Кистеневна («Д у б р о в с к і й»).—Имѣніе Дубровскихъ.

Клотильда («Сцены изъ рыц. временъ»).—Сестра Альберта; по словамъ брата, «она предобрая дѣвушка». Сердится на Ротенфельда, «который получилъ изъ рукъ К. награду», «за его неучтивость»: «Вотъ уже двѣ недѣли, какъ мы возвратились, а онъ и не думаетъ пріѣхать къ намъ», говоритъ К. Бертъ. — Графъ! я рада, что имѣю честь принимать васъ у себя! привѣтствуетъ она Ротенфельда. — Я влюблена! «— Прошу пустяковъ не выдумывать!» перебиваетъ Берту, сказавшю, что К. влюблена въ рыцаря. «— Ты все шутишь, а онъ и не думаетъ». «Я говорю, что графъ обо мнѣ и не думаетъ», признается она брату и спрашиваетъ: «долго ли пробудетъ графъ». «— Или ты дура, или Францъ дерзкая тварь!» отвѣчаетъ К. Бертъ, увѣряющей, что Францъ отъ К. «безъ ума». Проситъ брата прогнать Франца, который «осмѣлился ей нагрубить». На вопросъ Альберта («да что же онъ сдѣлалъ?»), отвѣчаетъ: «— Такъ, ничего». На ужинѣ у Ротенфельда проситъ рыцарей за Франца: «нельзя ль помиловать этого бѣднаго человѣка? Онъ уже довольно наказанъ и раной, и страхомъ висѣлицы».

Ключница («И с т. с е л а Г о р ю х и н а»).—См. К о р м и л и ц а.

Княгиня *** («Егип. ночи»). — Уп. л. Ея «зала» «была отдана въ распоряженіе импровизатора».

Княгиня («Русалка»). — «Всѣмъ взяла: умомъ, красою ненаглядной, обычаемъ и разумомъ». Говорить тоскуя:—«Когда бъ услышалъ Богъ мои молитвы и мнѣ послалъ дѣтей, къ себѣ тогда бъ умѣла вновь я мужа привязать...» Узнавъ, что князь одинъ «остался» «на берегу Днѣпра»:—«И князя вы осмѣлились оставить тамъ одного? Усердные вы слуги! Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите—сказать ему, что я прислала васъ! Ахъ, Боже мой! въ лѣсу ночной порою и дикій звѣрь, и лютый человекъ, и лѣшій бродить—долго ль до бѣды!—«Скорѣй зажги свѣчу передъ иконой!» обращается она къ мамкѣ.

Князь N. («Евг. Онегинъ»). — Мужъ Татьяны. См. Генераль.

Князь («Русалка»). — Дочери мельника говоритъ: «я весель всегда, когда тебя лишь вижу». По словамъ княгини, въ первое время послѣ свадьбы съ меня очей, бывало, не сводилъ, отъ меня на шагъ не отлучался». Дочери мельника общается: «Тебя я повезу въ мой свѣтлый теремъ, въ тайную свѣтлицу. И наряжу въ парчу и бархатъ алый!» Замысливъ жениться, ей «хотѣлъ языкъ засеребрить, чтобъ не прошла о немъ худая слава». — Возьми на память повязку—дай тебѣ я самъ надѣну, еще привезъ съ собою ожерелье—возьми его. Да вотъ еще: отцу я это посулилъ»; (отдаетъ ей «мѣшокъ съ золотомъ»). Оправдываетъ себя:—Князья не вольны, какъ дѣвицы: не по сердцу они себѣ подругъ берутъ, а по расчетамъ иныхъ людей, для выгоды чужой... Утѣшая дѣвушку, говоритъ:—«Мой милый другъ, ты знаешь «нѣтъ на свѣтѣ блаженства прочнаго: ни знатный родъ, ни красота, ни сила, ни богатство, ничто бѣды не можетъ миновать». Я не оставлю ни твоего ребенка, ни тебя. Со временемъ быть можетъ самъ пріѣзду васъ навѣститъ. Утѣшься, не крушишься. Дай обниму тебя въ послѣдній разъ. Въ сердцѣ я пошу печаль», говоритъ К.—«Ухъ кончено! душѣ, какъ будто легче. Я бури ждалъ, но дѣло обошлось довольно тихо», вздыхаетъ К. послѣ прощанья съ дочерью мельника.—«Я счастливъ былъ», говоритъ онъ, вспоминая позднѣе «красной юности любимую, хоть горестную повѣсть». На свадебномъ пиру, услыша «крикъ ревнивый» дѣвушки, боится, «что со стыда не будетъ знать куда и спрятаться». —«Она, я знаю, здѣсь. Она пропѣла эту пѣсню». Въ спальнѣ онъ видитъ ее «подъ покрываломъ», «выбѣгаетъ» и кричитъ:—«Держите! Гоните со двора ее долой! Вотъ слѣдъ ея—съ нея вода течетъ». —«Какъ смѣли надъ нею издѣваться», «ко мнѣ впустить ее!—«Женился»—«и все пошло не такъ». «Несносна» жены «заботливость» К. «Иль я ребенокъ, что шагу мнѣ ступить нельзя безъ няньки? спрашиваетъ К. «Ранехонько» «велить себѣ коня сѣдлатъ, да до ночи, Богъ вѣдаетъ, гдѣ ѣздить». —«Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ влечетъ меня невѣдомая сила», признается К. «На берегу Днѣпра ему все напоминаетъ «былое». «Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала, свободного, свободная любовь. Я счастливъ былъ. Безумецъ!.. И я могъ такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!..» —«Отецъ несчастный! говоритъ онъ о мельникѣ. Какъ ужасенъ онъ!» «И этому все я виною! Страшно ума лишиться! легче умереть». Видъ старика несчастнаго въ К. «раскаянья всѣ муки растворилъ». «Онъ ищетъ встрѣчи съ мельникомъ, упрасиваетъ его «оставить лѣсъ» и «переселиться» въ княжескій теремъ.

Командиръ, ротный («Евг. Онегинъ»). — «Созрѣвшихъ барышень кумиръ, уѣздныхъ магушекъ отрада», «пріѣхалъ» «изъ ближняго посада». «Вошелъ... Ахъ, радость, да какая! Музыка будетъ полковая! Полковникъ самъ ее послалъ».

Командоръ («Камен. Гость»). — Донъ-Альваръ, мужъ донны Анны, убитый на поединкѣ Жуаномъ. На памятникѣ «представленъ исполиномъ, но по словамъ Жуана, «малъ былъ и щедушенъ». «Здѣсь (у памятника), ставъ на цыпочки, не могъ бы руку до своего онъ носу дотянуть». Онъ былъ и «гордъ и смѣлъ» и духъ имѣлъ «суровый». Былъ «богатъ» и «ревнивъ». Жену свою онъ «взаперти держалъ», но онъ ее любилъ. «— О, Донъ-Альваръ, ужъ вѣрно не при-

цять бы къ себѣ, влюбленной дамы, когда бь онъ овдовѣлъ; онъ былъ бы вѣренъ супружеской любви», говорить о немъ Донна-Анна. «Когда за Эскурьяломъ мы сошлись — наткнулся мнѣ на шпагу онъ и замеръ, какъ на булавкѣ стрекоза», вспоминаеть Жуанъ.

Комендантъ («Капитанъ дочка»). — Назначенъ Пугачевымъ. Бородатый казакъ; при перемѣнѣ лошадей оказывалъ торопливыя услуги Гриневу, принимая его «какъ придворнаго временщика». «По словамъ К., въ ближайшемъ городкѣ «находился сильный отрядъ, идущій на соединеніе къ самозванцу».

Комендантъ («Капитанъ дочка»). — См. Мироновъ.

Комендантъ («Капитанъ дочка»). — К. Нижнеозерской крѣпости. «Тихій и скромный молодой человекъ». «Мѣсяца за два передъ» пугачевскимъ бунтомъ «проѣзжалъ К. изъ Оренбурга съ молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузьмича Миронова. Знакомый Гринева. Во время пугачевского бунта К. былъ повѣшенъ мятежниками.

Кормилица («Бор. Год.»). — «К. (царевича Димитрія) въ отчанинъ рыдаетъ» (послѣ его убіенія).

Кормилица Бѣлкина («Исторія села Горюхина»). — «Глупая старуха», на деревнѣ всѣмъ «кума». При встрѣчѣ съ Бѣлкинымъ послѣ восьмилѣтней разлуки, обняла его «съ плачемъ и рыданіемъ, какъ многострадальнаго Одиссея». Разговоры ея «состояли счетомъ изъ пятнадцати домашнихъ анекдотовъ», рассказываемыхъ ею всегда одинаково, но, по словамъ «друга и сосѣда Ив. П., за искусство рассказывать исторіи» была произведена въ ключницы и управительницы», хотя «она не умѣла никогда различить двадцатипятирублевой ассигнаціи отъ пятидесятирублевой». Послѣ смерти барина, часть его рукописей употребила «на разные домашнія потребности» и «всѣ окна своего «флигеля заклеила «первою частию романа, котораго онъ не кончилъ». [Ср. Кирилловна.]

Корсаковъ, Евграфъ Сергѣевичъ («Арапъ Петра В.»). — Уп. л. Покойный отецъ «молодого Корсакова» (Ивана Е.).

Корсаковъ, Иванъ Евграфовичъ («Арапъ Петра В.»). — «Молодой щеголь. Парижскій пріятель Ибрагима. Считаетъ себя недурнымъ собою, образомъ вкуса и щегольства. Шестъ лѣтъ провелъ въ Парижѣ, «въ вихрѣ большого свѣта». Вернулся «съ депешами» въ Петербургъ. «— Que diable est-ce que tout cela? — спрашивалъ К. вполголоса Ибрагима» на ассамблеѣ, «тарачилъ глаза и кусалъ себѣ губы». При представленіи царю, былъ очень огорченъ тѣмъ, что, стоя «на веревочной лѣстницѣ», «не имѣлъ довольно мѣста, чтобы сдѣлатьличный реверансъ»; называлъ государя «престраннымъ человекомъ» за то, что Петръ принялъ его съ депешами «на мачтѣ корабля» «въ какой-то холстяной фуфайкѣ», но вынесъ впечатлѣніе, что царь «былъ пораженъ вкусомъ и щегольствомъ его (Корсакова) наряда»; увѣренъ, что, «конечно, собою недурень», но допускаетъ, что есть люди «не хуже» его; полагаетъ, что онъ на самомъ дѣлѣ «благоразумнѣе», чѣмъ кажется и даетъ совѣты своему «ментору» Ибрагиму; удивляется, какъ Ибрагимъ «не умеръ со скуки въ этомъ варварскомъ Петербургѣ» и допытывается: «что здѣсь дѣлають? чѣмъ занимаются?». «Забывъ здѣшнія обыкновенія», чувствуетъ себя въ Петербургѣ «совершенно чужестранцемъ». На ассамблею явился разряженный (въ башмакахъ съ красными каблуками, въ голубыхъ бархатныхъ штанахъ, въ розовомъ кафтанѣ, шитомъ блестками, при шпагѣ и въ перчаткахъ; на головѣ его былъ напудренный парикъ), и получилъ отъ царя выговоръ: «— Послушай, Корсаковъ, — сказалъ ему Петръ, — штаны на тебѣ бархатные, какихъ и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это мотовство; смотри, чтобъ я съ тобой не побранился». «Приготовился блеснуть» въ менуэтѣ, «разлетѣлся» къ молодой красавицѣ и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцовать», за что былъ «наказанъ» и «долженъ былъ выпить кубокъ большого орла», т. е. «въ менуэтахъ право» выбора, «подобаеть дамѣ, а не кавалеру»; на другой день поѣхалъ извиняться къ Ржевскому и «прикатилъ къ нему прямо на дворъ». («Смотри, наказывалъ Петръ Ибрагиму, потѣшь его (Ржевскаго) бояр-

скую спѣсь: оставь сани у воротъ, пройди черезъ дворъ пѣшкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знатности — онъ будетъ о тебѣ безъ памяти»). — Дивлюсь твоему терпѣнію, говорилъ Корсаковъ Ибрагиму, битый часъ ты слушаешь бредни о древности рода Лыковыхъ и Ржевскихъ...». На твоёмъ мѣстѣ *jaugais planté la* стараго враля и весь его родъ...». Во время разговора Ибрагима съ Ржевскимъ, К. «растянувшись на пуховомъ диванѣ, слушалъ ихъ разсѣянно и дразнилъ заслуженную борзую собаку; наскуча симъ занятіемъ, онъ подошелъ къ зеркалу, обыкновенному прибѣжищу праздности...»; предъ зеркаломъ, отъѣзжая на ассамблею, «разъ десять перевернулся», прежде чѣмъ объявилъ, что онъ готовъ». Вручилъ Ибрагиму письмо графини Л. и, видя его «разсѣяніе», засмѣялся:—Вижу, сказалъ онъ, что тебѣ теперь не до меня». На вопросъ Ибрагима о графинѣ, отвѣчалъ: «— Она, разумѣется, очень огорчена была твоимъ отъѣздомъ; потомъ, разумѣется, мало-по-малу утѣшилась и взяла себѣ новаго любовника; знаешь кого? длиннаго маркиза К. Что же ты вытаращилъ свои арабскіе бѣлки? или это кажется тебѣ страннымъ? Развѣ ты не знаешь, что долгая печаль не въ природѣ человѣческой, особенно женской? Подумай объ этомъ хорошенько, а я пойду, отдохну съ дороги...» Совѣтуетъ Ибрагиму бросить «блажную мысль и не жениться» на Ржевской, т. к. «нелзя надѣяться на жѣнскую вѣрность», и не Ибрагиму «бросаться во всё опасности женитьбы». На холодный отвѣтъ Ибрагима («не твоя печаль чужихъ дѣтей качать»), «замѣтилъ смѣясь»: «—Смотри, Ибрагимъ, чтобъ тебѣ послѣ не пришлось эту пословицу доказывать на самомъ дѣлѣ, въ буквальномъ смыслѣ». «— Обезьяна заморская», называетъ К. Гаврила Аѳанасьевича. По словамъ кн. Лыкова «воротился на святую Русь скоморохомъ». Когда «дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать, кланяться во всё стороны, приговаривая: «мусье... мамзель... ассамблея... пардонъ», — «старый князь Лыковъ, отирая слезы отъ смѣха», сказалъ: — «ни дать, ни взять Корсаковъ».

К р и т и к а: «Это — русскій петиметръ XVIII в. великосвѣтскій русскій шалопай на европейскую ногу, «скоморохъ», по выраженію стараго кн. Лыкова въ Арапѣ, или «обезьяна, да не здѣшняя», какъ названъ онъ въ одной комедіи Сумарокова. Въ Арапѣ Петра В. онъ еще не на своемъ мѣстѣ, не вѣпору вернулся изъ-за моря и испытываетъ неудобства радо прилетѣвшей ласточки. Полная весна наступить для него въ женскія эпохи, при двухъ Аннахъ, двухъ Екатеринахъ и одной Елизаветѣ. При Петрѣ ему холодно и неловко въ его нарядномъ костюмѣ среди дѣловыхъ людей, которые скидали рабочіе куртки только по праздникамъ. Со временемъ онъ будетъ нужнымъ и важнымъ человѣкомъ въ праздномъ обществѣ; теперь онъ тутъ поневолѣ и Петръ колеетъ ему глаза его бархатными штанами, какихъ не носить царь». [В. К л ю ч е в с к і й. «Предки Олѣгина»].

Кочубей. («Полтава»).—«Генеральный судья», «Надменный вольнодумецъ», называетъ его Мазена. «Богатъ и славенъ», «богатъ и знатенъ». (Кругомъ Полтавы хутора—окружены его садами, и много у него добра, мѣховъ, атласа, серебра и на виду, и подъ замками). По словамъ Орлика, «не единый кладъ» Кочубеемъ въ Диканькѣ укрываемъ. По словамъ самого К., его «первый кладъ»—«честь»; другой—«честь дочери любимой» («прекрасной дочерью своею гордится старый Кочубей»); третій—«святая месть». Другъ и кумъ Мазены, и «съ нимъ онъ бранномъ пламени скакалъ»; «въ оны дни, какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ дѣлились чувствами они. Ихъ кони по полямъ побѣды скакали рядомъ сквозь огни; нерѣдко долгія бесѣды наединѣ они вели; предъ Кочубеемъ гетманъ скрытныи души мятежной, ненасытной отчасти бездну открывалъ... «такъ было сердце Кочубея въ то время предано ему»... На сватовство Мазены отвѣчаетъ отказомъ; послѣ того какъ Марія «забыла стыдъ и честь» «въ объятяхъ» Мазены, К. «предпримчивую злобу» «крѣпко въ сердцѣ затаилъ»: «въ безсиьной горести ко гробу теперь онъ мысли устремилъ. Онъ зла Мазены не желаетъ: всему виновна дочь одна; но онъ и дочери прощаетъ»... А между тѣмъ орлинымъ взоромъ въ кругу домашнемъ ищетъ

онъ себѣ товарищей отважныхъ, непоколебимыхъ, непродажныхъ». «Замысль иной волнуетъ сердце Кочубея». Онъ «проникъ» «умысль ужасный Мазепы» и пишетъ «доносъ на гетмана злодѣя царю Петру». «Я пощажу твою обитель», мыслить К. о Мазепѣ, ты не истлѣешь средь пожара, ты не издохнешь отъ удара казачьей сабли! Нѣтъ, злодѣй! Въ рукахъ московскихъ палачей, въ крови при тщетныхъ отрицаніяхъ, на дыбѣ корчась въ истязаньяхъ, ты проклянешь и день и часъ, когда ты дочь крестилъ у насъ». «Ударъ обдуманъ». «Врага паденье рѣшено». Выданный Петромъ «врагу царя на поруганье», «безъ боязни онъ мыслить объ ужасной казни: «о жизни не жалѣеть онъ. Что смерть ему? желанный сонъ». Его лишь «ужасаетъ: утратить жизнь—и съ нею честь, друзей съ собой на плаху вестъ, надъ гробомъ слышать ихъ проклятья, ложась безвиннымъ подъ топоръ, врага веселый встрѣтитъ взоръ и смерти кинуться въ объятъя, не завѣщая никому вражды къ злодѣю своему». Но «съ міромъ», съ небомъ примиренный, могучей вѣрой укрѣпленный» шелъ на казнь «безвинный Кочубей», и «крестясь» «на плаху» легъ.

Кочубей, Наталья («Р. Пеламъ», Прогр.).—«Вступаетъ въ переписку, съ Пеламомъ, предостерегаетъ его».

Кочубей-дочь («Полтава»).—См. Марія.

Кочубей-жена («Полтава»).—Когда послѣ побѣга Маріи, Кочубей «предпримчивую злобу» крѣпко въ сердцѣ затаилъ, «во всемъ открылся онъ женѣ». «Уже доносъ онъ грозный копить, и гнѣва женскаго полна, нетерпѣливая жена супруга злобнаго торопить». Въ день казни Кочубея «прокралась осторожно съ единой, слезною мольбой» къ дочери: «спаси отца!» «...Марія, бѣги, пади къ его (Мазепѣ) ногамъ. Спаси отца, будь ангелъ намъ». Рвись, требуй—гетманъ не откажетъ».

Красавица («Егип. ночи»).—Когда Импровизаторъ спросилъ «кому угодно будетъ вынуть тему», «молодая, величавая красавица» встала безъ всякаго смущенія и со всевозможной простотой опустила въ урну аристократическую ручку и вынула свертокъ». По предложенію Импровизатора, развернула бумажку и прочла вслухъ «тихимъ голосомъ»: «Cleopatra e i suoi amanti».

Красногорье—деревня Ленскаго.

Крестьянинъ («Капит. дочка»). «Сильный и здоровый малый, лѣтъ 20-ти». Висѣлъ «на перекладинѣ-висѣлицы, утвержденной на плоту», что плылъ «внизъ по Волгѣ». Надъ висѣлицею «прибита была черная доска, на которой бѣлыми буквами было написано: «Воры и бунтовщики».

Ксенія Годунова («Бор. Год.»).—См. Годунова, Ксенія.

Кузнецъ («Капит. дочка»).—По приказанію караульнаго офицера, надѣлъ Гриневу «на ноги цѣпь» и «заковалъ ее на-глухо».

Кузовъ, Семень («Капит. дочка»).—Уп. л. Половину избы К. (въ Бѣлогорской крѣпости) занималъ Гриневъ. Другая половина «занята была семьей К.».

Кузъна («Выстрѣлъ»).—Уп. л. Слуга Сильвіо.

Курбскій, князь («Бор. Год.»).—«Казанскій герой».—По словамъ самозванца, (обращеннымъ къ сыну К.) «—Великій умъ! Мужъ битвы и совѣта!». «—Своихъ обидъ ожесточенный мститель», онъ съ литовцами «явился подъ верхній городъ Ольгинъ». Но «съ той поры... молва объ немъ умолкла».—«Въ Волыніи провелъ онъ остатокъ жизни»,—разсказываетъ его сынъ,—«въ помѣстяхъ, дарованныхъ ему Баторіемъ. Уединенъ и тихъ, въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады; но мирный трудъ его не утѣшалъ: онъ юности своей отчизну помнилъ и до конца по ней онъ тосковалъ».—«Теперь твоя душа, о мой отецъ, утѣшилась»,—воскликаетъ сынъ его, «прискакавъ» къ русской границѣ,—«и въ гробѣ опальные возрадуются кости!. Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ», «...въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ за своего надежу-государя».

Курбскій, князь («Бор. Год.»).—Сынъ «казанскаго героя», по словамъ Самозванца, «красавецъ». «Воспитанъ въ изгнаньѣ». «Прискакавъ первый и

къ русской границѣ», восклицаетъ: «Вотъ, вотъ она, вотъ русская граница! Святая Русь! отечество! я твой! Чужбины прахъ съ презрѣнемъ отряжаю съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ новый; онъ мнѣ родной!» — К. веселится духомъ». «Въ немъ чистая душа радостью и славой разыгралась». «Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ, сей славный мечъ — гроза Казани темной, сей добрый мечъ — слуга царей московскихъ! Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ за своего надежу-государя». — «Теперь твоя душа, о мой отецъ, утѣшилась и въ гробѣ опальные возрадуются кости». — «Ужель и ты не веселишься духомъ?» спрашиваетъ онъ Самозванца. — «Вотъ наша Русь». — «Впередъ — и горе Годунову». — Во время битвы, К. «въ гущу боя врѣзался; тьмы сабель молодца, что зыбкія колосья, облѣпили, но мечъ его всѣхъ выше поднимался, а грозный кликъ всѣ клики заглушалъ». Здѣсь же онъ и «легъ на полѣ смерти».

Курилкинъ, Петръ Петровичъ («Гробовщикъ»). — Уп. л. Отставной сержантъ гвардіи. Онъ предсталъ предъ соннымъ П. въ видѣ «маленькаго скелета». Черепъ его ласково улыбался гробовщику! Клочки свѣтлозеленаго и краснаго сукна и ветхой холстины кой-гдѣ висѣли на немъ, какъ на шестѣ, а когти ногъ бились въ большихъ ботфортахъ, какъ пестики въ ступахъ». «Ты не узналъ меня, Прохоровъ, сказалъ скелетъ: помнишь-ли отставнаго сержанта гвардіи Петра Петровича Курилкина, того самаго, которому въ 1799 году, ты продалъ свой первый гробъ — и еще сосновый за дубовый». Съ симъ словомъ мертвецъ простеръ ему костяныя объятія; но Адрианъ, собравшись съ силами, закричалъ и оттолкнулъ его. Петръ Петровичъ пошатнулся, упалъ и весь разсыпался».

Курочкинъ, Тарасъ («Капит. дочка»). — Уп. л. Когда Пугачевъ парился въ банѣ, К. «не вытерпѣлъ, отдалъ вѣникъ Оомкѣ Бикбаеву, да насилу холодной водой откачался».

Кучеръ («Станц. смотритель»). — Кучеръ Минскаго. Указалъ Вырину, гдѣ живетъ Дуня («Да вотъ здѣсь, во второмъ этажѣ»).

Л.

Л., графъ («Гости съѣзжались на дачу»). — По словамъ Минскаго, Л., «такъ же необыкновенно уменъ, какъ необыкновенно дурень»; «et puis c'est un homme à grands sentiments». Тотъ же Минскій совѣтуетъ Вольской влюбиться въ Л.: «онъ будетъ ревнивъ и страстенъ, онъ будетъ васъ мучить и смѣшить — чего вамъ болѣе?». Къ Л. «на дачу» «съѣзжались гости».

Лакей («Станц. Смотритель»). — Военный лакей Минскаго. На просьбу Смотрителя «доложить его высокоблагородію, что старый солдатъ просить съ нимъ увидѣться», «чистя сапогъ на колодкѣ, объявилъ, что баринъ поживаетъ, и что прежде одиннадцати часовъ не принимаетъ никого».

Ларина Ольга («Евг. Онѣгинъ»). — См. Ольга.

Ларина, Rachette («Евг. Онѣгинъ»). — Въ юности «была одѣта по модѣ и всегда къ лицу»; «корсетъ носила очень узкій». «Русскій Н, какъ N французскій произносить умѣла въ носъ»; «звала Полиною Прасковью», «говорила на распѣвъ». «Писывала кровью въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ» «чувствительные стишки». Она была «отъ Ричардсона безъ ума». «Она любила Ричардсона не потому, чтобы прочла, не потому, чтобы Граддисона она Ловласу предпочла, но встаринукняжна Полина, ея московская кузина, твердила часто ей о нихъ. Въ то время былъ еще женихъ ея супругъ, но поневолѣ она вздыхала о другомъ, который сердцемъ и умомъ ей нравился гораздо болѣе». «Но не спросясь ея совѣта дѣвицу повезли къ вѣнцу и, чтобы ея разсѣять горе, разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ въ свою деревню». Въ деревнѣ, «Богъ знаетъ, кѣмъ окружена», она «рвалась и плакала сначала и съ мужемъ чуть не развелась». Но «потомъ хозяйствомъ занялась, привыкла и довольна стала». «Привычка усладила горе, неотразимое ничѣмъ. Открытіе большое вскорѣ ее утѣшило совсѣмъ: она межъ дѣломъ и досу-

гомъ открыла тайну, какъ супругомъ единовластно управлять, и все тогда пошло на статью». «Корсетъ, альбомъ, княжну Полину, стиховъ чувствительныхъ тетрадь она забыла,—стала звать Акулькой прежнюю Селину и обновила, наконецъ, на ватѣ плафортъ и чепецъ». «Она ѣзжала по работамъ, солила на зиму грибы, вела расходы, брила лбы, ходила въ баню по субботамъ, служанокъ била бсердясь». По ея «наказу», служанки, собирая ягоды въ кустахъ, «въ саду» «хоромъ пѣли» — «чтобъ барской ягоды тайкомъ, уста лукавые не ѣли и пѣньемъ были заняты». Она и мужъ «хранили въ жизни мирной привычки мирной старины». «У нихъ на масляницѣ жирной водились русскіе блины; два раза въ годъ они говѣли; любили круглыя качели, подблюдны пѣсни, хороводъ; въ день Троицынъ, когда народъ зѣвая слушаетъ молебень, умильно на пучекъ зари они роняли слезки три; имъ квасъ, какъ воздухъ былъ потребень, и за столомъ у нихъ гостямъ носили блюда по чинамъ». Когда потомъ старушка Ларина пріѣхала съ дочерью въ Москву и кузина спросила: «Кузина, помнишь Грандисона?». Ларина не сразу вспомнила его: «— Какъ, Грандисонъ?.. а, Грандисонъ! Да, помню, помню, «гдѣ же онъ?». Онѣгинъ, познакомъ съ ней, нашель, что «Ларина проста, но очень милая старушка».

К р и т и к а: Л. «стояла на высшей ступени жизни сравнительно съ своимъ супругомъ. До замужества она обожала Ричардсона, не потому, чтобъ прочла его, а потому, что отъ своей московской кузины наслышалась о Грандисонѣ. Помолвленная за Ларина, она втайнѣ вздыхала о другомъ. Но ее повезли къ вѣдцу, не спросившись ея совѣта. Въ деревнѣ мужа она сперва терзалась и рвалась, а потомъ привыкла къ своему положенью и даже стала имъ довольна, особенно съ тѣхъ поръ, какъ постигла тайну самовластно управлять мужемъ». «...Словомъ, Ларины жили чудесно, какъ живутъ на этомъ свѣтѣ цѣлые миллионы людей. Однообразие семейной ихъ жизни нарушалось гостями». [Бѣлинскій. Соч. т. VIII].

Ларина, Татьяна («Евг. Онѣгинъ»). — См. Татьяна.

Ларинъ, Дмитрій («Евг. Онѣгинъ»). — «Бригадиръ» съ «очаковской медалью». «Простой и добрый баринъ»; «добрый малый, въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый». — Онъ «въ книгахъ не видалъ вреда», но, «не читая никогда, ихъ почиталь пустой игрушкой». Женившись онъ, «разумный мужъ, уѣхаль вскорѣ въ свою деревню». Жена «открыла тайну, какъ супругомъ единовластно управлять». Мужъ любилъ ее сердечно, въ ея затѣи не входилъ, во всемъ ей вѣровалъ безопасно, а самъ въ халатѣ ѣлъ и пилъ. Покойно жизнь его катилась, подъ вечеръ иногда сходилась сосѣдей добрая семья, нецеремонные друзья—и потужить, и позлословить, и посмѣяться кой о чемъ». «Прикажутъ Ольгѣ чай готовить; тамъ ужинъ, тамъ и спать пора и гости ѣдутъ со двора». — «Онъ прочилъ Ольгу» за Ленскаго «и говорилъ: дождусь ли дня». Умеръ Л. «въ часъ предъ обѣдомъ, оплаканный своимъ сосѣдомъ, дѣтми и вѣрною женой чистосердечнѣй, чѣмъ иной». Ленскій «почтилъ его прахъ патриархальной» «надписью печальной» (См. «Ларина, R a c h e t t e»).

К р и т и к а: Л. — «не то, чтобы ужъ очень глупъ, да и не совсѣмъ уменъ; не то, чтобъ человекъ, да и не звѣрь, а что-то въ родѣ полипа, принадлежащаго въ одно и то же время двумъ царствамъ природы—растительному и животному». «...Миръ, вкушаемый подъ камнемъ, былъ продолженіемъ того же самаго мира, которымъ «добрый баринъ» наслаждался при жизни подъ татарскимъ халатомъ. Бываютъ на свѣтѣ такіе люди, въ жизни и счастья которыхъ смерть не производитъ ровно никакой переменны. Отецъ Татьяны принадлежалъ къ числу такихъ счастливецъ». [Бѣлинскій, т. VIII].

Ласточка («Арапъ Петра В.»). — Карлица. «Тридцатилѣтняя малютка» «на коротенькихъ ножкахъ», «чопорная и сморщенная», круглая какъ шарикъ». Очень любопытна: «она вмѣшивалась во все, знала все, хлопотала обо всемъ. Хитрымъ и вкрадчивымъ умомъ умѣла она пріобрѣсти любовь своихъ господъ и ненависть всего дома, которымъ управляла самовластно. Гаврила Авапасьевичъ слушалъ ея доносы, жалобы и мелочныя просьбы: Татьяна Ава-

насевна поминутно справлялась съ ея мнѣніями и руководилась ея совѣтами; а Наташа имѣла къ ней неограниченную привязанность и довѣряла ей всѣ свои мысли, всѣ движенія шестнадцатилѣтняго своего сердца». Наташа, узнавъ рѣшеніе отца выдать ее замужъ за Ибрагима, сейчасъ же посылаетъ за Л., которая хоть и искренно страдаетъ видя горе Наташи, но совѣтуетъ покориться волѣ родительской.

Лаура («К а м е н . г о с т ь»). — Актриса. Ей «осьмнадцать лѣтъ». «Милый демонъ!» называетъ ее Донъ-Карлосъ. «Милая плутовка», по словамъ Жуана, «Лаура, милый другъ!» говоритъ ей Жуанъ и, по пріѣздѣ въ Мадридъ, прямо къ ней бѣжитъ «явиться». Вокругъ нея, по словамъ Карлоса, поклонники толпятся, ее ласкаютъ, лелѣютъ, и дарятъ, и серенадами ночными тѣшатъ, и за нее другъ друга убиваютъ на перекресткахъ ночью». На вопросъ того же Карлоса, что будетъ, когда ея «пора пройдетъ», Л. отвѣчаетъ:—«тогда... зачѣмъ объ этомъ думать? что за разговоръ?... Приди—открой балконъ. Какъ небо тихо! Недвижимъ воздухъ; ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ; яркая луна блеститъ на синевѣ густой и темной, и сторожа кричатъ протяжно, ясно!.. А далеко на сѣверѣ, въ Парижѣ, быть можетъ, небо тучами покрыто, холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ. А намъ какое дѣло?» Живетъ минутою. На вопросъ Карлоса, любитъ ли она Жуана, спрашиваетъ: «въ сію минуту?»—«Донъ-Карлосъ, перестаньте! Вы не на улицѣ—вы у меня—извольте выйти вонъ!» говоритъ она Донъ-Карлосу передъ поединкомъ съ Жуаномъ. Оскорбленная Карлосомъ, назвавшемъ ее «дурой», а Жуана «безбожникомъ и мерзавцемъ», кричитъ:—«Ты съ ума сошелъ! Да я сейчасъ велю тебя зарѣзать моимъ слугамъ, хоть ты испанскій грандъ», но на извиненіе Карлоса («я глупъ, что осердился»), восклицаетъ: «Ага! самъ сознаешься, что ты глупъ. Такъ помиримся».—«Ты, бѣшенный, останься у меня», «останавливаетъ» она «Донъ-Карлоса». Во время поединка Донъ-Карлоса съ Жуаномъ, «кидается на постель».—«Что дѣлать мнѣ теперь, повѣса, дьяволъ? Куда я выброшу его?» обращается она къ Жуану.

«Чудно! неподобно!» восхищаются гости пѣніемъ Лауры.—«Благодаримъ, волшебница! ты сердце чаруешь намъ!»—«Какіе звуки! сколько въ нихъ души!»—«...Никогда съ такимъ ты совершенствомъ не играла! какъ роль свою ты вѣрно поняла!» говоритъ Л. первый гость. «Какъ развила ее! съ какою силой! замѣчаетъ другой».—«Съ какимъ искусствомъ!» прибавляетъ третій.—«Да, мнѣ удавалось сегодня каждое движеніе, слово; я вольно предавалась вдохновенію; слова лились, какъ будто ихъ рождала, не память робкая, но сердце», признаетъ сама Л. «Имя Жуана «поминутно» ей «приходитъ на языкъ». Оставляетъ у себя Карлоса за то, что онъ, «бѣшенный», напомнилъ ей Жуана, какъ «выбранный» ее и стиснулъ зубы съ скрежетомъ.—Такъ ты его любила?» спрашиваетъ Карлосъ. «Лаура дѣлаетъ утвердительный знакъ».—«Очень?»—«Очень».—«И любишь и теперь?»—«Въ сію минуту? Нѣтъ не люблю. Мнѣ двухъ любить нельзя. Теперь люблю тебя», отвѣчаетъ она, но «увидя Жуана, «кидается ему на шею». На вопросъ Жуана:—«А сколько разъ ты измѣняла мнѣ въ моемъ отсутствіи?» отвѣчаетъ вопросомъ:—«А ты, повѣса?»—«Мой вѣрный другъ, мой вѣтреный любовникъ», называетъ Л. Жуана.—«Эхъ, Донъ-Жаунъ, досадно, право. Вѣчныя проказы! А все не виновать».—«Откуда ты, давно ли здѣсь?» спрашиваетъ она (послѣ убійства Жуаномъ Карлоса); не вѣритъ, что Жуанъ «вспомнилъ тотчасъ о своей Лаурѣ»—«Другъ ты мой! Постой... при мертвомъ», отстраняетъ она поцѣлуй Жуана.—«Только, смотри, чтобъ не увидѣли тебя...» опасается Л. за Жуана, который открылъ ей, «что пріѣхалъ» въ Мадридъ «тихонько» («я вѣдь не прощенъ»).

К р и т и к а: «Л. — актриса, жрица искусства и наслажденія. Въ ней нѣтъ притворства и лицемѣрія; она вся наружу. Молодая и прекрасная, она не думаетъ о будущемъ и живетъ для настоящей минуты. Она вѣчно окружена мужчинами и обходится съ ними безъ церемоній, иногда даже съ какимъ-то граціознымъ цинизмомъ». [Б ѣ л и н с к і й . Соч. т. VIII]. (См. также Донна-Анна).

Ленскій, Владиміръ («Е в г. Он ѣ гин ѣ»). — «Помѣщикъ», владѣлецъ «Красногорья». «Богатъ». — «Безъ малаго восемнадцати лѣтъ». «Хорошъ собою, «красавецъ». «У него «кудри черныя до плечъ», «вѣчно вдохновенный взоръ». «Разговоръ» Л. «пылокъ», «рѣчь всегда восторженна». — Онъ «долгія лѣта» жилъ въ «дальнихъ странахъ», въ «Германіи туманной»; по возвращеніи казался «господамъ сосѣдственныхъ селеній» «полурусскимъ»; онъ вернулся съ «душою прямо Геттингенской». Л. былъ «поэтъ». Читалъ и понималъ, непонятныя Онѣгину, «сѣверныя поэмы». Рисовалъ «перомъ и красками слегка». — «Умъ» его былъ «еще въ сужденьяхъ зыбокъ», но въ душѣ жила «жажда знаній и труда». Онъ привезъ изъ Германіи «учености плоды: вольнолюбивыя мечты». «Цѣль жизни нашей для него была заманчивой загадкой; надъ ней онъ голову ломалъ и чудеса подозрѣвалъ». Онъ «забавлялъ мечтою сладкой сомнѣнья сердца своего». По словамъ Онѣгина, Л. «вѣрилъ міра совершенству». «Чтобъ ни было», думаетъ Л. предъ дуэлью, «правъ судьбы законъ. Паду ли я, стрѣлой пронзенный, иль мимо пролетитъ она, все благо: бдѣнія и сна приходитъ часъ опредѣленный; благословенъ и день заботъ, благословенъ и тьмы приходъ». Онъ былъ «поклонникъ Канта». Межъ Л. и Онѣгинымъ «все рождало споры и къ размышленію влекло: племеньъ минувшихъ договоры, плоды наукъ, добро и зло, и предразсудки вѣковые и гроба тайны роковыя»¹⁾. Л. «съ лирой странствовалъ на свѣтѣ». Въ стихахъ онъ изливаетъ душу въ ночь предъ дуэлью и читаетъ ихъ «вслухъ, въ лирическомъ жару». «Элегіи» Л. «текутъ рѣкой». «Поклонникъ славы и свободы», онъ и «писалъ бы оды, да Ольга не читала ихъ». «Онъ пѣлъ любовь, любви послушный», «тѣ дальнія страны, гдѣ въ лоно тишины лились его живыя слезы». «Онъ пѣлъ разлуку и печаль, и нѣчто, и туманну даль, и романтическія грезы; онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ». (Рисовалъ Л. въ альбомъ Ольги «сельски виды, надгробный камень, храмъ Киприды или на лирѣ голубка»). — «Элегіи» Л-го «полны истины живой». Онъ «не мадригалы пишетъ»; «его перо не блещетъ хладно остротой» — оно «любовью дышетъ»: «что ни замѣтитъ, ни услышитъ объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ». «Сводъ элегій» его могъ бы «представить нѣкогда» ему «всю повѣсть о его судьбѣ». Въ стихахъ Л. была «прелесть важной простоты». — «Такъ онъ писалъ, темно и вяло (что романтизмомъ мы зовемъ)» — говоритъ о его послѣднихъ стихахъ Пушкинъ. «Душа» Л. «воспламенилась» въ Германіи «поэтическимъ огнемъ Шиллера и Гете». «Музы возвышенныхъ искусства, счастливецъ, онъ не постыдилъ, онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ всегда возвышенныя чувства, порывы дѣвственной мечты»²⁾. «Пѣснь его была ясна, какъ мысли дѣвы простодушной, какъ сонъ младенца, какъ луна». Въ ночь передъ дуэлью Л. «Шиллера открылъ», но потомъ самъ «взялъ перо» и только «предъ зарею, склонясь усталой головою, задремалъ на модномъ словѣ идеаль». «Душа» поэта «не успѣла еще увянуть отъ хладнаго разврата свѣта». Онъ былъ «въ горячкѣ юныхъ лѣтъ», «во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ». «Его лелѣяла надежда и міра новый блескъ и шумъ еще плѣняли юный умъ». Въ волненьи бурныхъ думъ, онъ поклонялся «славѣ и свободѣ». «Негодование, сожалѣнье, ко благу чистая любовь и славы сладкое мученье въ немъ рано волновали кровь». Въ его душѣ жило «жаркое волненье, благородное стремленье и чувствъ, и мыслей молодыхъ, высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ». Онъ вѣрилъ, «что есть избранные», «священные

1) Въ пропущенныхъ «образцахъ стиховъ» Л. говоритъ: «когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа, отъ тлѣнья убѣжавъ, уносить мысли вѣчны, и память, и любовь въ пучины безконечны, — клянусь давно бы я оставилъ этотъ міръ: я сокрушилъ бы жизнь, уродливый кумиръ, и улетѣлъ въ страну свободы, наслажденій, въ страну гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій, гдѣ мысль одна живетъ въ небесной чистотѣ. — Но тщетно предаю обманчивой мечтѣ. Мой умъ упорствуетъ, надежду презираетъ... Меня ничтожествомъ могила ужасаетъ...» *Ред.*

2) Въ пропущ. строфахъ: «не пѣлъ порочной онъ забавы, не пѣлъ презрительныхъ пирцей: онъ оскорбитъ гнушался нравы прелестной лирою своей. Поклонникъ истиннаго счастья, не славилъ сѣти сладострастья... строгій Ленскій; его стихи, конечно, мать велѣла бѣ дочери читать.»

друзья, что ихъ безсмертная семья неотразимыми лучами когда-нибудь насъ озарить». — Въ сердцѣ Л-го жилъ «страхъ порока и стыда». «Совѣсть» его была «довѣрчива», и онъ «простоудшно обнажалъ» ее, «сердца исповѣдь любя». — Въ «дальнихъ странахъ» жизнь Л. текла на «лонѣ тишины». «— Я модный свѣтъ вашъ ненавижу; милѣе мнѣ домашній кругъ»,—говорить онъ Евгенію. «— Опять эклога!» — отвѣчаетъ тотъ. «Господь сосѣдственныхъ селеній ему не нравились пиры; бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной и «благоразумныхъ разговоровъ». Вернувшись на родину, Л. на кладбищѣ «въ слезахъ почтилъ прахъ патріархальный отца и матери надписью печальной». Тамъ же онъ «посѣтилъ смиренный памятникъ сосѣда» Ларина, «и вздохъ онъ пеплу посвятилъ; и долго сердцу грустно было», «и, полный искренней печалью, Вл. тутъ же начерталъ ему надгробный мадригалъ». — «Бѣдный Ленскій! Сердцемъ онъ для оной (домашней) жизни былъ рожденъ». — Душа Л. была еще «согрѣта привѣтомъ друга, лаской дѣвѣ». «Онъ вѣрилъ, что душа родная соединиться съ нимъ должна, что безотрадно изнывая его вседневно ждетъ она; онъ вѣрилъ, что друзья готовы за честь признать его оковы, что не дрогнетъ ихъ рука разбить сосудъ клеветника». Онъ «сердцемъ милый былъ невѣжда». Поселясь въ «пустынѣ» деревни, Л. «съ Онѣгинимъ желалъ сердечно знакомство покорооче свести». «Сперва взаимной разнотою они другъ другу были скучны». «Волна и камень, стихи и проза, ледъ и пламень не столь различны межъ собой». «Потомъ понравились; потомъ съѣзжались каждый день верхомъ и скоро стали неразлучны. Такъ люди ...отъ дѣлать нечего друзья». Л. и Онѣгинъ «дѣлили дружно трапезу, мысли и дѣла». «Настанетъ вечеръ деревенскій»—«Евгеній ждетъ: вотъ ѣдетъ Л. на тройкѣ чалыхъ лошадей», «давай обѣдать поскорѣй!». «Межъ ними все рождало споры и къ размышленію влекло». «Но чаще занимали страсти умы пустынниковъ моихъ». «Въ любви считаясь инвалидомъ, Онѣгинъ слушалъ съ важнымъ видомъ» мятежный языкъ» «любви», «исповѣдь сердца» Л-го. Онѣгинъ «всѣмъ сердцемъ юношу любилъ». — «Любви» Л-го «младая повѣсть» — это «обильный чувствами рассказъ, давно не новыми для насъ». — «Чуть, отрокъ, Ольгою плѣненный, сердечныхъ мукъ еще не зная, онъ былъ свидѣтель умиленный ея младенческихъ забавъ; въ тѣни хранительной дубравы онъ раздѣлялъ ея забавы и дѣтямъ прочили вѣнцы друзья-сосѣди, ихъ отцы». «Она поэту подарила младыхъ восторговъ первый сонъ, и мысль о ней одушевила его цѣвницы первый стонъ. Простите, игры золотыя! Онъ роци полюбилъ густыя, уединенье, тишину, и ночь, и звѣзды и луну». «Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта уже не любятъ; какъ одна безумная душа поэта еще любить осуждена: всегда, вездѣ одно мечтанье, одно привычное желанье, одна привычная печаль! Ни охлаждающая даль, ни долгія лѣта разлуки, ни музамъ данные часы, ни чужеземныя красы, ни шумъ веселый, ни науки души не измѣнили въ немъ». Вернувшись на родину, «часъ отъ часу плѣненный болѣ красами Ольги молодой, Владиміръ сладостной неволѣ предался полною душой. Онъ вѣчно съ ней...». «Уединясь отъ всѣхъ далеко, они надъ шахматной доской на столѣ облокотясь, порой сидятъ, задумавшись глубоко и Ленскій пѣшкою ладью беретъ въ разсѣяньи свою». «Приѣдетъ ли домой — и дома онъ занять Ольгою своей». — Но «душа» Л-го «согрѣта дѣвственнымъ огнемъ». Въ покоѣ Ольги «они сидятъ въ потемкахъ» двое; они въ саду рука съ рукой гуляютъ утренней порой; и что жъ? Любовью упоенный, въ смятеніи нѣжнаго стыда, онъ только смѣетъ иногда, улыбкой Ольги ободренный, развитымъ локономъ играть, иль край одежды цѣловать». «Онъ иногда читаетъ Олѣ нравоучительный романъ». ...а между тѣмъ двѣ, три страницы, (пустыя бредни, небылицы, опасныя для сердца дѣвѣ) онъ пропускаетъ покраснѣвъ». — «Ахъ, милый, какъ похорошѣли у Ольги плеча, что за грудь! Что за душа!» — восклицаетъ Л. передъ Онѣгинимъ. «Онъ веселъ былъ: чрезъ двѣ недѣли назначенъ былъ счастливый срокъ: и тайна брачныя постели, и сладостной любви вѣнокъ его восторговъ ожидали». «Гимена хлопоты, печали, зѣвоты хладная чреда ему не снились никогда». — «Онъ былъ любимъ... по крайней мѣрѣ, такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ». Но вотъ «дохнула буря». Онѣ-

гинь «въ досадѣ» на Ленскаго, обманомъ затащившаго его «на пирь огромный» (на именинахъ Татьяны), «надулся», «негодую поклялся его взбѣсить и ужь порядкомъ отомстить». Онѣгинь «надъ любовью робкой, нѣжной... подшутилъ... небрежно». — Во время вальса онъ, «втайнѣ усмѣхаясь, подходитъ къ Ольгѣ, быстро съ ней вертится около гостей, потомъ на стулъ ее сажаетъ, заводитъ рѣчь о томъ, о семь; спустя минуты двѣ, потомъ вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ». «Ленскій... не вѣритъ собственнымъ глазамъ». «Мазурка раздалась». «Проворный Онѣгинь съ Ольгою пошелъ; ведетъ ее, скользя небрежно, и, наклонясь, ей шепчетъ нѣжно какой-то пошлый мадригалъ, и руку жметъ — и запылалъ въ ея лицѣ самолюбивомъ румянецъ ярче». «Ленскій «все видѣлъ: вспыхнулъ самъ не свой». «Въ негодованіи ревнивомъ поэтъ конца мазурки ждетъ и въ котильонъ ее зоветъ». «Но ей нельзя... Ольга слово ужь дала Онѣгину». «О Боже, Боже! Что слышитъ онъ? Она могла... Возможно-ль?» — «Не въ силахъ» «пылкій мальчикъ», «ревнивецъ, снести удара... Выходитъ, требуетъ коня и скачетъ. Пистолетовъ пара, двѣ пули — больше ничего — вдругъ разрѣшатъ судьбу его». — Ольга «чуть лишь изъ пеленокъ, кокетка!...» Ужь хитрость вѣдаетъ она, ужь измѣнять научена!» Евгений — «развратитель», «червь презрѣнный, ядовитый, точащій лилеи стебелекъ». Л. посылаетъ Евгению «короткій вызовъ иль картель, въ которомъ «учтиво, съ ясностью холодной» «зоветъ» его «на дуэль». Онъ «ждетъ отвѣта», кипитъ враждой нетерпѣливой». «И вотъ сосѣдъ... привезъ отвѣтъ» Онѣгина. «Теперь ревнивцу то-то праздникъ! Онъ все боялся, чтобъ Онѣгинь не отшутился какъ-нибудь, уловку выдумавъ». «Завтра, злобно, врагамъ наслѣдственнымъ подобно, они» будутъ «готовить другъ другу гибель» — «Кокетку» же «кипящій Ленскій» «рѣшилъ ненавидѣть». «Не хотѣлъ предъ поединкомъ видѣть» Ольгу, на солнце, на часы смотрѣлъ, махнулъ рукою напослѣдокъ и очутился у сосѣдокъ». — «Онъ думалъ Оленьку смутить, своимъ пріѣздомъ поразить; не тутъ-то было: какъ и прежде, на встрѣчу бѣднаго пѣвца прыгнула Оленька съ крыльца; подобна вѣтренной надеждѣ, рѣзва, безпечна, весела, ну, точно та-же, какъ была. Зачѣмъ вечеръ такъ рано скрылись? — былъ первый Оленькинъ вопросъ». «Всѣ чувства въ Ленскомъ помутились и молча онъ повѣсилъ носъ. Исчезла ревность и досада предъ этой ясностію взгляда, предъ этой нѣжной простотой, предъ этой рѣзвою душой!... Онъ смотритъ въ сладкомъ умиленіи; онъ видитъ: онъ еще любимъ! Ужь онъ раскаянемъ томимъ, готовъ просить у ней прощенье, трепещетъ, не находитъ словъ: онъ счастливъ, онъ почти здоровъ... И вновь задумчивый, унылый предъ милой Ольгою своей, Владиміръ не имѣетъ силы вчерашній день напомнить ей». — «Весь вечеръ Ленскій былъ разсѣянъ, то молчаливъ, то веселъ вновь; но тотъ кто музами взлелѣянъ всегда таковъ; нахмуря бровь, садился онъ за клавикуды и бралъ на нихъ одни аккорды; къ Ольгѣ взоры устремивъ, шепталъ: неправда-ль, я счастливъ?» — Но поздно; время ѣхать. Сжалось въ немъ сердце, полное тоской, прощаясь съ дѣвкой молодой, оно какъ будто разрывалось. Она глядитъ ему въ лицо: «— Что съ вами?» «— Такъ, — и на крыльцо». — Онъ рѣшилъ: «не потерплю, чтобъ развратитель огнемъ и вздохомъ и похвалъ младое сердце искушалъ... Чтобъ двухъутренній цвѣтокъ увялъ, еще полураскрытый». — «Все это значило, друзья: съ пріятелемъ стрѣляюсь я». «Домой пріѣхавъ, пистолеты онъ осмотрѣлъ, потомъ вложилъ опять ихъ въ ящикъ, и раздѣтый при свѣчкѣ Шиллера открылъ; но мысль одна его объемлетъ, въ немъ сердце грустное не дремлетъ: съ неизяснимой красотой онъ видитъ Ольгу предъ собой. Владиміръ книгу закрываетъ, беретъ перо; его стихи, полны любовной чепухи, звучатъ и льются». И только «предъ зарею», «усталый» задремалъ надъ ними Ленскій. На дуэли онъ «нетерпѣливо» ждетъ Евгения. «Хладнокровно, еще не цѣля, два врага походкой твердой, тихо, ровно четыре перешли шага». И вотъ «пробили часы урочные»: «Цвѣтъ прекрасный увялъ на утренней зарѣ, потухъ огонь на алтарѣ». «Быть можетъ, онъ для блага міра иль хоть для славы былъ рожденъ; его умолкнувшая лира, гремучій непрерывный звонъ въ вѣкахъ поднять могла. Поэта, быть можетъ, на ступеняхъ свѣта ждала высокая ступень. Его страдальческая

тѣнь, быть можетъ, унесла съ собою святую тайну, и для насъ погибъ животворящій гласъ, и за могильною чертою къ ней не домчится гимнъ временъ, благословенія племень...». «А можетъ быть и то: поэта обыкновенный ждалъ удѣлъ. Прошли бы юности лѣта, въ немъ пылъ души бы охладѣлъ. Во многомъ онъ бы измѣнился, разстался бы съ музами, женился; въ деревнѣ, счастливъ и рогать, носилъ бы стеганный халатъ; узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ, подагру бы въ сорокъ лѣтъ имѣлъ, пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ и, наконецъ, въ своей постели скончался бы посреди дѣтей, плаксивыхъ бабъ и лѣкарей».

К р и т и к а: «Въ Ленскомъ Пушкинъ изобразилъ характеръ совершенно противоположный характеру Онѣгина, характеръ совершенно отвлеченный, совершенно чуждый дѣйствительности. Тогда это было совершенно новое явленіе, и люди такого рода тогда дѣйствительно начали появляться въ русскомъ обществѣ». «Ленскій былъ романтикъ и по натурѣ, и по духу времени. Нѣтъ нужды говорить, что это было существо доступное всему прекрасному, высокому, душа чистая и благородная. Но въ то же время «онъ сердцемъ милый былъ невѣжда», вѣчно толкуя о жизни, никогда не зналъ ея. Дѣйствительность на него не имѣла вліянія: его радости и печали были созданиемъ его фантазіи. Онъ полюбилъ Ольгу, — и что ему была за нужда, что она не понимала его, что, вышедши замужъ, она сдѣлалась бы вторымъ исправленнымъ изданіемъ своей маменьки, что ей все равно было выйти — и за поэта, товарища ея дѣтскихъ игръ, и за довольнаго собой и своей лошадыю улана? — Ленскій украсилъ ее достоинствами и совершенствами, приписалъ ей чувства и мысли, которыхъ въ ней не было и о которыхъ она и не заботилась. Существо доброе, милое, веселое — Ольга была очаровательна, какъ и всѣ «барышни», пока онъ еще не сдѣлались «барынями»; а Ленскій видѣлъ въ ней фею, сильфиду, романтическую мечту, нимало не подозрѣвая будущей барыни. Онъ написалъ «надгробный мадригалъ» старику Ларину, въ которомъ, вѣрный себѣ, безъ всякой ироніи, умѣлъ найти поэтическую сторону. Въ простомъ желаніи Онѣгина подшутить надъ нимъ онъ увидѣлъ и измѣну, и обольщеніе, и кровавую обиду. Результатомъ всего этого была его смерть, заранѣе воспѣтая имъ въ туманно-романтическихъ стихахъ». «Въ немъ было много хорошаго, но лучше всего то, что онъ былъ молодъ и во-время для своей репутаціи умеръ. Это не была одна изъ тѣхъ натуръ, для которыхъ жить — значить развиваться и идти впередъ. Это, повторяемъ, былъ романтикъ, и больше ничего. Останься онъ живъ, Пушкину нечего было бы съ нимъ дѣлать, кромѣ какъ распространить на цѣлую главу то, что онъ такъ полно высказалъ въ одной строфѣ. Люди, подобные Ленскому, при всѣхъ ихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, не хороши тѣмъ, что они или перерождаются въ совершенныхъ филистеровъ, или, если сохранять навсегда свой первоначальный типъ, дѣлаются этими устарѣлыми мистиками и мечтателями, которые такъ же непріятны, какъ и старыя идеальныя дѣвы, и которые больше враги всякаго прогресса, нежели люди просто, безъ претензій, пошлые. Вѣчно копясь въ самихъ себѣ и становя себя центромъ міра, они спокойно смотрятъ на все, что дѣлается въ мірѣ, и твердятъ о томъ, что счастье внутри насъ, что должно стремиться душой въ надзвѣздную сторону мечтаній и не думать о суетахъ этой земли, гдѣ есть и голодъ, и нужда, и... Ленскіе не перевелись и теперь; они только переродились. Въ нихъ уже не осталось ничего, что такъ обаятельно прекрасно было въ Ленскомъ; въ нихъ нѣтъ дѣвственной чистоты сердца, въ нихъ только претензіи на великость и страсть марать бумагу. Всѣ они поэты, и стихотворный балластъ въ журналахъ доставляется одними ими. Словомъ, это теперь самые неспособные, самые пустые и пошлые люди». [Бѣлинскій. Соч. т. VIII].

2) «Этотъ типъ сложился во второй половинѣ XVIII вѣка, въ туманной Германіи» и нѣсколько позже, къ концу того же вѣка, ярко обрисовался и у насъ. Съ его появленіемъ у насъ начинается переломъ русской литературы отъ французскаго псевдоклассицизма къ нѣмецкому романтизму. Карамзинъ стоитъ во главѣ этого новаго періода русской литературы: онъ же былъ несомнѣннымъ прародителемъ огромной толпы всѣхъ этихъ Ленскихъ «полурусскихъ» юношей-

идеалистовъ, пѣвцовъ своей «прекрасной души». «Хотя между Карамзинымъ и Ленскимъ разстояніе въ тридцать лѣтъ, однако черты ихъ до того поразительно близки, что характеристика Ленскаго, сдѣланная Пушкинымъ, почти безъ измѣненія можетъ быть приложена къ Карамзину, какимъ онъ былъ передъ путешествіемъ за границу: оба были поклонниками «туманной Германіи», оба увлекались и Кантомъ и вольнолюбивыми мечтами, у обоихъ былъ «духъ пылкій и довольно странный», всегда восторженная рѣчь и кудри черныя до плечъ»... (С и л о в с к і й. Пушкинъ).

3) Наоборотъ, Н. А. Котляревскій, характеризуя Л. какъ «чистѣйшаго сентименталиста», замѣчаетъ: «понять эту душу очень нетрудно, несмотря на всѣ туманности ея изліяній. Въ характеристикѣ, которая дана Пушкинымъ, только нѣкоторыя частности возбуждаютъ сомнѣніе. Неясно, на примѣръ, какимъ образомъ Л. попалъ въ поклонники Канта, когда въ тѣ годы объ этомъ философѣ у насъ почти ничего не знали и когда философія Канта вообще такъ мало говоритъ сентиментальной душѣ. Далѣе, изъ самаго романа никакъ нельзя ничего узнать о «вольнолюбивыхъ» мечтахъ Л., но сентименталисту александровской эпохи полагалось имѣть таковыя; за-то «учености плоды» могли смѣло отсутствовать, да и Ленскій, кажется, не пользовался ими. Во всемъ остальномъ символъ сентиментальной вѣры воспроизведенъ въ этой характеристикѣ полностью и точно, съ тѣмъ чувствомъ художественной мѣры, съ какимъ парадированы и образцово сентиментальные стихи, которые Л. читалъ Онѣгину изъ своихъ «сѣверныхъ поэмъ». («Пушк. въ алекс. эпоху»).

Леонора, графиня («Арапъ Петра В.»). — «Была уже не въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, славилась еще своею красотою. Семнадцати лѣтъ, при выходѣ ея изъ монастыря, выдали ее за человѣка, котораго она не успѣла полюбить и который въ послѣдствіи о томъ не заботился. Молва приписывала ей любовниковъ, но, по снисходительному уложенію свѣта, она пользовалась добрымъ именемъ, ибо нельзя было упрекнуть ее въ какомъ-нибудь смѣшномъ или соблазнительномъ приключеніи. Домъ ея былъ самый модный: у нея соединялось лучшее парижское общество». Когда Мервиль, котораго считали ея прежнимъ любовникомъ, представилъ графинѣ Ибрагима, она приняла его «учтиво, но безъ всякаго особеннаго вниманія». Но скоро «онъ понравился графинѣ Л., которой надоѣли важныя шутки и тонкіе намеки французскаго остроумія». «Ибрагимъ часто бывалъ у нея». «Ея обхожденіе съ нимъ было такъ просто, такъ непринужденно, что невозможно было въ ней подозрѣвать и тѣни кокетства или насмѣшливости». Любовь Ибрагима, «безъ надеждъ и требованій», тронула сердце графини. «Въ присутствіи Ибрагима, графиня слѣдовала за всѣми его движеніями, вслушивалась во всѣ его рѣчи; безъ него она задумывалась и впадала въ обыкновенную свою разсѣянность». «И, наконецъ, увлеченная силою страсти, ею же внушенной, изнемогая подъ ея вліяніемъ, она отдалась восхищенному Ибрагиму...» Новая связь графини вызвала сплетни и насмѣшки, которыя удручали графиню, привыкшую къ уваженію свѣта». Скоро «обнаружилось слѣдствіе неосторожной любви», «графиня видѣла неминуемую гибель и съ отчаяніемъ ожидала ее». За два дня до родовъ графиню «уговорили уступить въ чужія руки «ея младенца» и замѣнить его другимъ. «Своей правна и легкомысленна». «Ибрагимъ предвидѣлъ уже минуту ея охлажденія» и разстался съ нею, даже не предупредивъ ея объ этомъ. Графиня «сначала очень была огорчена» отъѣздомъ Ибрагима; потомъ «мало-по-малу утѣшилась и взяла себѣ новаго любовника», но въ то же время письмо Ибрагиму заканчивается «страстными увѣреніями въ любви» и заклинаніями «хоть изрѣдка ей писать, если ужъ не было для нихъ надежды снова увидѣться когда-нибудь».

Лепорелло («Камен. гость»). Слуга Жуана («мой баринъ, Донъ Жуанъ»...), участникъ его походовъ. — «Ого! вотъ какъ! молва о Донъ-Жуанѣ и въ мирный монастырь проникла даже: отшельники хвалу ему поютъ», говоритъ Л. монаху. Приглашаетъ, по приказанію Жуана, пожаловать «преславную, прекрасную статую» (Командора). «Милый Л.», называетъ его Жуанъ. Знаетъ всѣ похо-

жденія барина, помнить «Инезу черноглазую», которую онъ «не находилъ красавицей» и одобряетъ выборъ Лауры. На задумчивую рѣчь Жуана объ Инезѣ, отвѣчаетъ:—«Что жъ? вслѣдъ за нею и другія были», «а живы будемъ, будутъ и другія». «Недолго насъ покойницы тревожатъ».—«У васъ воображеніе въ минуту дорисуетъ остальное; оно у васъ проворнѣй живописца. Вамъ все равно съ чего бы ни начать, съ бровей ли, съ ногъ ли», замѣчаетъ Л., на рѣчь Жуана о Доннѣ-Аннѣ («ея совсѣмъ не видно подъ вдовымъ чернымъ покрываломъ; чуть узенькую пятку я замѣтилъ») — «О, вдовы, всѣ вы таковы!» говоритъ Л., узнавъ о свиданіи, назначенномъ Жуану Донной-Анной. Своимъ житьемъ недоволенъ:—«Проклятое житье! Да долго ль будетъ мнѣ съ нимъ возиться! Право, нѣтъ ужъ силъ!» «Сидѣли бъ вы спокойно тамъ! (въ ссылкѣ)» отвѣчаетъ онъ Жуану. На вопросъ монаха, знакомъ ли ему Жуанъ, отвѣчаетъ:—«Намъ? Нимало. А гдѣ-то онъ теперь?» и прибавляетъ:—«Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. «Всѣхъ бы ихъ развратниковъ, въ одинъ мѣшокъ да въ море».—«Молчите я нарочно».—говоритъ онъ Жуану.—«А Командоръ? что скажетъ онъ объ этомъ?» спрашиваетъ Л. Жуанна, послѣ того какъ узнаетъ, что Донна-Анна (вдова убитаго Жуаномъ) ему назначила свиданіе. На приказаніе Жуана, просить «пожаловать» статую Командора «къ Доннѣ-Аннѣ», откликается:—«Охота вамъ шутить, и съ кѣмъ?»—«Ай, ай! Ай, ай умру!» кричитъ Л., когда статуя «киваетъ головой въ знакъ согласія»—«Статуя... ай!» «Подите сами», приглашаетъ Л. Жуана.—«Что? я говорилъ... замѣчаетъ онъ, когда статуя киваетъ опять».

Лидина («Египетск. ночи»). — «Вдова по разводу». Когда Алексѣй Ивановичъ, по просьбѣ присутствующихъ, заговорилъ о Клеопатрѣ, «— Ахъ, нѣтъ не рассказывайте! — прервала его Л.», «опустивъ чопорно огненные свои глаза». Въ теченіи разсказа «все время сидѣла молча, опустивъ глаза».

Лидинъ («Гр. Нулинъ»). — Уп. л. Сосѣдъ Натальи Павловны, «помѣщикъ двадцати-трехъ лѣтъ». Онъ «болѣе всего» смѣялся съ Нат. Павловной, когда та «всему сосѣдству описала» подвигъ графа Нулина.

Лиза («Баркрестъ»). — Дочь Муромскаго, его «единственное и слѣдственно балованное дитя», семнадцатилѣтняя дѣвушка. «Черные глаза оживляли ея смуглое и очень пріятное лицо». Одна изъ тѣхъ «уѣздныхъ барышень, воспитанныхъ «на чистомъ воздухѣ, въ тѣни своихъ садовыхъ яблонь», которыя «знаніе жизни почерпаютъ изъ книжекъ. Уединеніе, свобода и чтеніе романовъ въ нихъ развиваютъ чувства и страсти»; главное ихъ существенное достоинство: «особенность характера, самобытность».

Лизвета Ивановна («Пикдама»). — Воспитанница графини ***. Молодая дѣвушка со «свѣжимъ личикомъ и черными глазами». «Была пренесчастное созданіе», «домашняя мученица». «Она разливала чай и получала выговоры за лишній расходъ сахара; она вслухъ читала романы — и виновата была во всѣхъ ошибкахъ автора; она сопровождала княгиню въ ея прогулкахъ — и отвѣчала за погоду и за мостовую. Ей было назначено жалованье, которое никогда не доплачивали; между тѣмъ требовали отъ нея, чтобъ она одѣта была какъ и всѣ, то-есть какъ очень немногія. Въ свѣтѣ играла она самую жалкую роль. Всѣ ее знали, и никто не замѣчалъ; на балахъ она танцевала только тогда, когда не доставало *vis-à-vis* и дамы брали ее подъ руку всякій разъ, какъ имъ нужно было идти въ уборную поправить что-нибудь въ своемъ нарядѣ. «Она была самолюбива, живо чувствовала свое положеніе». «Дерзость» Германна (написавшаго ей письмо) ужаснула ее и Л. И. дала ему понять, что знакомство ихъ не должно было начаться такимъ образомъ». Второе письмо «разорвала на мелкіе клочки». — «Это письмо писано вѣрно не ко мнѣ», сказала Л. И. дѣвушкѣ, принесшей письмо. «Она про него забыла», но при второй встрѣчѣ, «у самага подъѣзда», «испугалась сама не зная чего и сѣла въ карету съ трепетомъ неизъяснимымъ», «мучась любопытствомъ и волнуемая чувствомъ совершенно новымъ»... «Черезъ недѣлю она ему улыбнулась». Письмо Германна («признаніе въ любви») «прочитала» «и была имъ очень довольна», но оно «безпокоило ее чрезвычайно». Его «дер-

зость ужасала. Настойчивость Германа покорила Л. И. «Каждый день» получая отъ него письма, «уже не думала ихъ отсылать: она упивалась ими, стала на нихъ отвѣчать — и ея записки часъ отъ часу становились длиннѣе и пѣжнѣе». «Наконецъ, она бросила ему въ окошко» письмо, назначая свиданіе. Она упрекала себя въ неосторожномъ поведеніи, не знала что дѣлать».

«Сколько разъ, оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она уходила плакать въ бѣдной своей комнатѣ, гдѣ стояли ширмы, оклеенныя обоями, комодъ, зеркальце и крашенная кровать и гдѣ сальная свѣча темно горѣла въ мѣдномъ шандалѣ». — Здѣсь же «подъ окошкомъ стояли пальцы», за которыми Л. И. занималась работой. «Молодая мечтательница», воспитанная «на новѣйшихъ романахъ», съ нетерпѣніемъ ожидала избавителя; но молодые люди, расчетливые въ вѣтренномъ своемъ тщеславіи, не удостоивали ее вниманія, хотя Лизавета Ивановна была во сто разъ милѣе наглыхъ и холодныхъ невѣсть, около которыхъ они увивались».

«Слова Томскаго» о Германнѣ («мазурочная болтовня») «глубоко заронились въ душу молодой мечтательницы. Портретъ, набросанный Томскимъ, сходствовалъ съ изображеніемъ, составленнымъ ею самою, и благодаря новѣйшимъ романамъ, это уже пошлое лицо пугало и плѣняло ея воображеніе».

Послѣ того, какъ Германнъ сказалъ ей, что «графиня умерла», «и кажется, продолжалъ Германнъ, я причиною ея смерти», слова Томскаго раздались въ ея душѣ: у этого человѣка, по крайней мѣрѣ, три злодѣйства на душѣ!» Она называетъ Германна «чудовищемъ», себя «слѣпой помощницей разбойника, убійцы старой ея благодѣтельница». При отпѣваніи графини, послѣ того, какъ Германнъ «навзничъ грянулся о землю», въ то же время Л. И. вынесли въ обморокъ на паперть». Впослѣдствіи Л. И. вышла замужъ «за сына бывшего управителя старой графини».

Лизаньна («Пиковая Дама»). — См. Лизавета Ивановна.

Луиза («Пиръ во время чумы»). — «Погибшее, но милое созданье». «Въ ней», «по языку судя, мужское сердце», но при видѣ «телѣги, наполненной мертвыми тѣлами», Л. дѣлается дурно. Ей снится «ужасный демонъ», «весь черный, бѣлоглазый». — «Онъ звалъ меня въ свою телѣжку. Въ ней лежали мертвые — и лепетали ужасную, невѣдомую рѣчь. Скажите мнѣ, во мнѣ ли это было? Проѣхала ли телѣга».

Лукерья Львовна («Евг. Онѣгинъ»). Уп. л. «Все бѣлится», какъ прежде.

Любовь Петровна («Евг. Онѣгинъ»). — Уп. л. «Все также лжетъ» (какъ прежде).

Людмила («Русли Людм.»). — «Княжна», дочь Владиміра-Красное Солнце, невѣста Руслана, дѣвушка въ «семнадцать лѣтъ». «Лазурный, пышный сарафанъ, одѣлъ Л. стройный станъ». «Ея пріятный голосъ», «двѣ ножки чудо изъ чудесъ», «красы достойныя небесъ». «Она чувствительна, скромна, любви супружеской вѣрна, немножко вѣтрена»... Ей судьба послала даръ обворожать сердца и взоры; ея улыбка, разговоры «любви рождаютъ жаръ». «Въ страшномъ замкѣ колдуна», «княжна съ постели соскочила, сѣдого карлу за колпакъ, рукою быстрой ухватила, дрожащій занесла кулакъ, и въ страхѣ завизжала такъ, что всѣхъ араповъ оглушила». «Ни камни ожерелья, ни сарафанъ, ни перловъ рядъ, ни пѣсни лести и веселья ея души не веселятъ». «Душой летитъ за наслажденіемъ. «Гдѣ милый», шепчетъ, «гдѣ супругъ?» «Съ вѣрнаго стекла, вздыхая, не сводила взора, и дѣвицѣ пришло на умъ, въ волненіи своенравныхъ думъ, примѣрить шапку Черномора». «И шапку стараго злодѣя, надѣла задомъ напередъ». «Вдали отъ милаго, въ неволѣ, зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣе? О, ты, чья гибельная страсть меня терзаетъ и лелѣетъ! Мнѣ не страшна злодѣя власть: Л. умереть умѣетъ!» «Не стану ѣсть, не буду слушать, умру среди твоихъ садовъ!» «Подумала — и стала кушать». «Въ слезахъ на воды шумныя взглянула, рыдая въ грудь, въ волнахъ, рѣшилась утонуть — однако, въ воды не прыгнула».

и далѣ продолжала путь», но увидя Руслана призракъ, довърчиво «стрѣлою къ супругу плѣнница летить, въ слезахъ трепеща говорить: «ты здѣсь... ты раненъ, что съ тобою? «Любовь и тайная мечта Руслановъ образъ ей приносятъ, и съ томнымъ шепотомъ уста супруга имя произносятъ».

К р и т и к а: «Собственное имя героини поэмы, задуманной поэтомъ, кажется, ранѣе героя — Людмила — одно изъ излюбленныхъ именъ русской литературы конца XVIII и начала XIX вѣка; такъ называется героиня въ балладѣ Карамзина «Раиса», написанной въ 1791 году, главная героиня поэмы Николая Радищева «Алеша Поповичъ», сказки Жуковского «Три пояса» и баллады «Людмила» его же. Имя Людмилы впервые называетъ Пушкинъ въ посланіи «Къ сестрѣ» 1814 года». [П. Х а л а н с к і й. «Харьк. Сборн.»].

Лыковъ, Борисъ Алексѣевичъ («Арапъ Петра В.»). — Князь. «Семидесятилѣтній бояринъ», тестъ Ржевскаго. По его словамъ, русскіе молодые люди возвращаются «изъ Нѣметчины на святую Русь скоморохами», научившись только «шаркать, болтать Богъ вѣсть на какомъ нарѣчїи, не почитать старшихъ, да волочится за чужими женами». Гордится своимъ происхожденіемъ; узнавъ что Петръ сватаетъ Наташу за Ибрагима, съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства восклицаетъ: «Какъ! Наташу, внучку мою, выдать за купленнаго арапа?».

Ляхъ («Борисъ Год.»). — «Когда самозванецъ объявилъ на завтра бой съ войсками Бориса, восклицаетъ: «На завтра бой! Ихъ тысячь пятьдесятъ, а насъ всего едва-ль пятнадцать тысячь. Съ ума сошелъ».

Ляхъ, другой («Бор. Год.») — заявляетъ: «Полякъ одинъ пятьсотъ москалей вызвать можетъ». Русскій плѣнникъ говоритъ ему: «Да, вызовешь! а какъ дойдетъ до драки, такъ убѣжишь отъ одного, хвастунъ» и ляхъ возражаетъ: «Когда-бъ ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ, то я тебя (указывая на свою саблю) вотъ этимъ бы смирилъ». Плѣнникъ въ отвѣтъ показываетъ кулакъ: «нашъ братъ-русакъ безъ сабли обойдется: «не хочешь ли вотъ этого, безмозглый?» — Ляхъ гордо смотритъ на него и молча отходить. Всѣ смѣются.

Лѣкаръ («Арапъ Петра В.»). — Нѣмецъ «въ черномъ кафтанѣ, въ ученомъ парикѣ».

Лѣкаръ уѣздный («Пред. къ повѣсти Бѣлкина»). — Человѣкъ весьма искусный, «особенно въ лѣченіи закоренѣлыхъ болѣзней, какъ-то мозолей и т. п.». Несмотря на «неусыпныя старанія» Л., простуда И. П. Бѣлкина обратилась «въ горячку», отъ которой тотъ и скончался.

Лѣкаръ («Капит. Дочка»). — Уп. л. Л. по приказанію Зурина, долженъ былъ перевязать «рану» Швабрину и «беречь его, какъ зѣницу ока».

Лѣкаръ («Станц. смотритель»). — Нѣмецъ; былъ вызванъ изъ города къ больному Минскому, на почтовую станцію. Л. «пощупалъ пульсъ больного, поговорилъ съ нимъ по-нѣмецки, и по-русски и объявилъ, что ему нужно одно спокойствіе, и что дня черезъ два ему можно будетъ отправиться въ дорогу». Получивъ «25 рублей за визитъ», согласился на предложеніе Минскаго отобѣдать; оба ѣли съ большимъ аппетитомъ, выпили бутылку вина и разстались очень довольны другъ другомъ». Онъ же лѣчилъ смотрителя», когда тотъ занемогъ «сильной горячкой». Л. увѣрилъ старика, будто «молодой человѣкъ (Минскій) былъ совсѣмъ здоровъ, и что тогда еще догадывался онъ (лѣкаръ) о его зломъ намѣреніи, но молчалъ, опасаясь его нагайки».

М.

М* («Р. Пеламъ»). — «Дворянинъ». — «Пребываніе его подъ отеческою кровлею не оставило ничего прїятнаго въ его воображеніи». «Отецъ имѣлъ 5,000 душъ... и жилъ не хуже гр. Шереметева, хотя былъ ровно въ 20 разъ бѣднѣе». Мать умерла въ «младенчествѣ» М*, а года два послѣ смерти матери его, Анна Петровна Вирлацкая, виновница этой смерти поселилась въ домѣ

отца М*». Вирлацкая считала М* «несноснымъ мальчишкой». «Я былъ рѣзвъ, лѣнивъ и вспыльчивъ», — говорить о себѣ М*. — «но чувствителенъ и честолюбивъ, и ласкою отъ меня всего можно было добиться. Къ несчастію, всякій вмѣшивался въ мое воспитаніе и никто не умѣлъ за меня взяться». — М*. былъ «оставленъ на попеченіе французовъ, которыхъ безпрестанно принимали и отпускали. Первый его «гувернеръ оказался пьяницей; второй... имѣлъ бѣшенный нравъ; третій... сумасшедшій и т. д. «Надъ учителями я смѣялся и проказилъ. — говорить М*. — «Не было у насъ ни одного (гувернера), котораго бы въ двѣ недѣли по его вступленіи въ должность не обратилъ бы я въ домашняго шута». — «Отецъ, конечно, меня любилъ, но вовсе обо мнѣ не беспокоился». «Съ отцомъ доходило часто дѣло до ручныхъ объясненій, которыя съ обѣихъ сторонъ оканчивались слезами». — «Съ Анной Петровной бранился зубъ за зубъ». «Съ Мишенькой имѣлъ безпрестанныя ссоры и драки». — «Пятнадцати лѣтъ» М*, по настоянію Вирлацкой, былъ отправленъ «за границу въ университетъ». «Университетская жизнь моя, оставила «пріятныя воспоминанія, которыя, если ихъ разобратъ, относятся къ происшествіямъ ничтожнымъ, иногда неприятнымъ; но молодость — великій чародѣй». «Дорого бы я далъ, говорить М*, чтобъ сидѣть за кружкою пива, въ облакахъ табачнаго дыма, съ дубиною въ рукахъ и съ засаленной бархатной фуражкой на головѣ. Дорого бы я далъ за мою комнату, вѣчно полную народа, и Богъ знаетъ какого народа, за наши латинскія пѣсни, студенческіе поединки и ссоры съ филистрами». Хотя «вольное университетское ученіе принесло больше пользы» М*, нежели домашніе уроки», «но, вообще», онъ «выучился порядочно только фехтованію и дѣланію пунша». — Такъ какъ изъ дому деньги получались «въ разные неположенные сроки», то «это пріучило его къ долгамъ и безпечности». — Черезъ «три года» М* «получилъ отъ отца изъ Петербурга приказаніе оставить университетъ и ѣхать въ Россію служить». — «При отъѣздѣ» М* «далъ прощальный пиръ, на которомъ поклялся быть вѣчно вѣрнымъ дружбѣ и человѣчеству и никогда не принимать должности цензора».

Мавруша («Домикъ въ Коломнѣ»). — Кухарка, которую «привела» Параша послѣ смерти Ѳеклы. «Высокая, собою недурная». Говоритъ «смирненно и свободно». По словамъ матери Параша, «глядитъ плутовкой». «Въ кухаркѣ толку довольно мало: то переварить, то пережарить, то съ посудой полку уронить; вѣчно все пересолить. Шить сядетъ—не умѣетъ взять иголку; ее брать — она себѣ молчитъ; вездѣ во всемъ ужъ какъ-нибудь подгадитъ». Когда вдова застала М. «предъ зеркальцемъ Параша, «та второпяхъ, съ намыленной щекой черезъ старуху (вдовью честь обидя) прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо, да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо». «Маврушки съ тѣхъ поръ какъ не было — простылъ и слѣдъ; ушла, не взявъ въ уплату ни полущки и не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ». [См. «Перечень»: «Дом. въ Кол.»].

Мазепа («Полтава»).—Гетманъ; «вождь Украйны», «малороссійскій владыка». «Онъ старъ, онъ удрученъ годами, войной, заботой и трудами»; «труды и годы угасили въ немъ прежній дѣятельный жаръ», «твердили юноши». По словамъ Маріи, «онъ прекрасенъ»: въ его глазахъ блеститъ любовь, въ его рѣчахъ такая нѣга, его усы бѣлѣе снѣга, онъ носитъ «власти знакъ». Для Маріи его «кудрявая сѣдины, его глубокія морщины, его блестящій впалый взоръ, его лукавый разговоръ» «всего дороже». «Своими чудными очами» ее старикъ заморозилъ. Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя, «чувства въ немъ кипятъ»; не дремлетъ его коварная душа». Думы въ ней, плоды подавленныхъ страстей, лежатъ погружены глубоко».

«Немногимъ, можетъ быть, извѣстно что «духъ его неукротимъ, что радъ и честно и безчестно вредить онъ недругамъ своимъ; что ни единой онъ обиды съ тѣхъ поръ, какъ живъ не забывалъ, что далеко преступны виды старикъ надменный простиралъ; что онъ не вѣдаетъ святыни, что онъ не помнитъ благодѣятели, что онъ не любитъ ничего, что кровь готовъ онъ лить какъ воду, что презираетъ онъ свободу, что нѣтъ отчизны для него».

— «Марія, вѣрь: тебя люблю я больше славы, больше власти», говоритъ Мазепа Маріи, но ея любовь ему тяжка:—«Ахъ вижу я: кому судьбою волненья жизни суждены, тотъ стой одинъ передъ грозою, не призывай къ себѣ жены: въ одну телѣгу впрячь не можно коня и трепетную лань. Забылся я неосторожно—теперь плачу безумства дань». Въ немъ «любовникъ Гетману уступить».

— «Давно горю стѣсненной злобой», признается М. передъ полтавской битвой Орлику, «отмстить себѣ я клятву далъ; носилъ ее—какъ мать во чревѣ младенца носить». Петру я посланъ въ наказанье; я тернъ въ листьяхъ его вѣнца. Онъ далъ бы грады родовые и жизни лучшіе часы, чтобъ снова, какъ во дни бывые держать Мазепу за усы». Издавна умыселъ ужасный взлелѣялъ тайно злой старикъ въ душѣ своей, но оставался долго «послушнымъ подданнымъ Петра». Когда вокругъ Мазепы раздавался мятежный крикъ: пора, пора! храня суровость обычайну, спокойно вѣдалъ онъ Украину, молвъ, казалось, не внималъ, и равнодушно пировалъ». («Старость ходить осторожно и подозрительно глядить: чего нельзя и что возможно еще не вдругъ она рѣшитъ»).—«И знаетъ Богъ и видитъ свѣтъ,—къ царю возносить гласъ покорный» Мазепа—«онъ, бѣдный Гетманъ, двадцать лѣтъ царю служилъ душою вѣрной». Твердѣе въ умыслѣ своемъ, онъ козни продолжаетъ»: «думой думу развѣвая, вѣрнѣй готовить онъ ударъ». Кочубею (съ которымъ «въ оны дни, какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ дѣлились чувствами они») «Гетманъ скрытнѣй души мятежной, ненасытной отъ части бездну раскрывалъ» и о грядущихъ измѣненьяхъ, переговорахъ, возмущеньяхъ въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ».—«Давно замыслили мы дѣло», открывається Мазепа Маріи, «благое время намъ приспѣло; борьбы великой близокъ часъ. Безъ милой вольности и славы склоняли долго мы главы подъ покровительствомъ Варшавы, подъ самовластіемъ Москвы. Но независимой державой Украинѣ быть уже пора—и знамя вольности кровавой я подымаю на Петра».—«Въ немъ не слабѣетъ воля злая, неутомимъ преступный жаръ», но, «чтобъ обмануть вѣрнѣй глаза враждебнаго сомнѣнья, онъ, окружась толпой врачей, на ложѣ мнимаго мученья стоная, молитъ исцѣленья». «Уже готовъ онъ скоро бранный міръ оставить; святой обрядъ онъ хочетъ править, онъ архипастыря зоветъ къ одру сомнительной кончины, и на коварныя сѣдины елей таинственный течеть». «Но чѣмъ Мазепа злѣй, чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и лживѣй, тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй и въ обхожденіи простѣй».

«Какъ онъ умѣетъ самовластно сердца привлечь и разгадать, умами править безопасно, чужія тайны разрѣшать! Съ какой довѣрчивостью лживой, какъ добродушно на пирахъ со старцами старикъ болтливый жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ, свободу славить съ своевольнымъ, поносить власти съ недовольнымъ, съ ожесточеннымъ слезы леть, съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ! «И день насталь»: «теперь онъ мощный врагъ Петра». «Онъ перешель, онъ измѣнилъ, къ ногамъ онъ Карлу положилъ бунчукъ покорный». Теперь онъ, бодрый, предъ полками сверкаетъ гордыми очами и саблей машетъ—и къ Деснѣ проворно мчится на конѣ. Онъ «прямъ, и здравъ, и молодъ сталъ».

К р и т и к а: «М. не можетъ считаться героемъ «Полтавы». «Герой, какого бы ни было поэтического произведенія, если оно только не въ комическомъ духѣ, долженъ возбуждать къ себѣ сильное участіе со стороны читателя. Если-бъ этотъ герой былъ даже злодѣй, — и тогда онъ долженъ дѣйствовать на читателя силой своей воли, грандіозностью своего мрачнаго духа. Но въ Мазепѣ мы видимъ одну низость интригана, состарѣвшагося въ козняхъ. Чувствуя это, Пушкинъ хотѣлъ дать прочное основаніе своей поэмѣ и дѣйствіямъ Мазепы въ чувствѣ мщенія, которымъ поклялся Мазепа Петру за личную обиду со стороны послѣдняго. Мы узнаемъ это изъ разговора Мазепы съ Орликомъ наканунѣ полтавской битвы: «Нѣтъ, поздно. Русскому царю со мной мириться невозможно» и т. д.

«Нѣтъ нужды говорить о художественномъ достоинствѣ этого разсказа: въ немъ виденъ великій мастеръ. Все въ немъ дышитъ нравами тѣхъ временъ, все

вѣрно исторіи. Но хотя этотъ разсказъ и основанъ на историческомъ преданіи, онъ тѣмъ не менѣе нисколько не поясняетъ характера Мазепы, не даетъ единства дѣйствию поэмы. Можно основать поэму на паѳосѣ дикаго, безщаднаго мщенія; но это мщеніе въ такомъ случаѣ должно быть рычагомъ всѣхъ дѣйстви лица, должно быть цѣлью самому себѣ. Такое мщеніе не разбираетъ средствъ, не боится препятствія и не колеблется отъ страха неудачи. Но Мазепа былъ очень расчетливъ для такого мщенія; если-бъ онъ зналъ, что его измѣна не удастся, — мало того, если-бъ онъ наканунѣ полтавской битвы, предвидя ея развязку, могъ еще разъ обмануть Петра и разыграть роль невиннаго, — онъ перешелъ бы на сторону Петра. Нѣтъ, на измѣну подвигла его надежда успѣха, надежда получить изъ рукъ шведскаго короля хотя и вассальскую, хотя только съ призракомъ самобытности, однако все же корону. Это ли мщеніе? Нѣтъ, мщеніе видитъ одно — своего врага, и готово вмѣстѣ съ нимъ броситься въ бездну, погубить врага хотя бы цѣной собственной гибели. Слова Мазепы, что «русскому царю поздно мириться», могутъ быть приняты не за что иное, какъ за хвастовство отчаянія. Петръ былъ совсѣмъ не такой человѣкъ, который удостоилъ бы Мазепу чести видѣть въ немъ своего врага и рѣшился бы, даже ради спасенія своего царства, мириться съ нимъ: онъ видѣлъ въ Мазепѣ не болѣе, какъ возмутившагося своего подданнаго, измѣнника. Мазепа этого не могъ не знать къ своему несчастью: онъ былъ человѣкъ ума тонкаго и хитраго». [Б ѣ л и н с к і й. Сочин., т. 8].

Маіоръ («К и р д ж а л и»). — См. Хорчевскій.

Максимычъ («К а п и т. Д о ч к а»). — Урядникъ; молодой и статный казакъ. По словамъ Акулины Памфиловны, Палаша заставляетъ М. «плясать по своей дудкѣ». На совѣщаніи у коменданта М. «стоялъ у дверей». На вопросъ «все ли благополучно», отвѣчалъ:—«Все, слава Богу», «только капраль Прохоровъ подрался въ банѣ съ Устиньей Негулиной за шайку горячей воды». Юлай «называетъ М. «лукавымъ». Посланный «съ порученіемъ развѣдать хорошенько обо всемъ по сосѣднимъ селеніямъ и крѣпостямъ», «возвратился черезъ два дня и объявилъ, что въ степи, верстъ за шестьдесятъ отъ крѣпости, видѣлъ онъ множество огней и слышалъ отъ башкирцевъ, что идетъ невѣдомая сила. Впрочемъ, не могъ сказать ничего положительнаго, потому что ѣхать далѣе побоялся». На замѣчаніе коменданта о ненадежности казаковъ, «усмѣхнулся»; «объявилъ своимъ товарищамъ, что онъ былъ у бунтовщиковъ, представлялся самому ихъ предводителю, который допустилъ его къ свѣей рукѣ и долго съ нимъ разговаривалъ». За ложныя показанія былъ посаженъ «подъ караулъ», но «бѣжалъ» «при помощи своихъ единомышленниковъ». Пугачеву указалъ на Ивана Кузьмича. — «Ваше благородіе!» отецъ нашъ жалуется вамъ лошадь и шубу съ своего плеча (къ сѣдлу привязанъ былъ овчинный тулупъ). Да еще, промолвилъ, запинаясь, М.: жалуется онъ вамъ... полтину денегъ... да я растерялъ ее» дорогою; простите великодушно, говоритъ онъ Гриневу. На вопросъ Савельича: («А что же у тебя побрякиваетъ за пазухой? Безсовѣстный!»), М. «возразилъ», «ни мало не смутясь: — «Богъ съ тобой, старинушка! Это брэнчить уздечка, а не полтина». Когда Гриневъ посоветовалъ М. «растерянную полтину» «подобрать на возвратномъ пути» и взять «себѣ на водку», «отвѣчалъ:» — «Очень благодаренъ, ваше благородіе», вѣчно за васъ буду Бога молить». При этихъ словахъ М. поскакалъ назадъ, держась одной рукой за пазуху». Онъ же привезъ въ Оренбургъ Гриневу письмо отъ Маріи Ивановны, т. к. общался Палашѣ ужъ какъ-нибудь и его «доставить».

Мальчикъ («К а п и т. д о ч к а»).—«Подаль» Петру Андреевичу Гриневу «записку отъ Зурина».

Мальчикъ («Б о р. Г о д.»).—Читаетъ молитву о царѣ передъ ужиномъ у Шуйскаго.

Мамка («Б о р. Г о д.»).—Мамка Ксеніи Годуновой. «И, царевна! Дѣвица плачетъ, что роса падаетъ: взойдетъ солнце росу высушить. Будетъ у тебя дру-

гой женихъ — и прекрасный, привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана Королевича», утѣшаетъ М. Ксенію.

Мамка («Б о р. Г о д.»). — Мамка царевича Димитрія. «Безбожная предательница».

Мамка («Р у с а л к а»). Мамка княгини. Утѣшаетъ ее въ тоскѣ по мужѣ: Княгиношка! мужчина,—что пѣтухъ: Кури-куку! махъ, махъ крыломъ, и прочь! А женщина — что бѣдная насѣдка: Сиди себѣ, да выводи цыплятъ. Пока женихъ,—ужь онъ не насидится, не пьетъ, не ѣстъ, глядитъ,—не наглядится; женился—и заботы настаютъ: то надобно сосѣдей навѣстить, то на охоту ѣхать съ соколами, то на войну нелегкая несетъ; туда, сюда,—а дома не сидится». «Да на кого тебя онъ промѣняетъ? Ты всею взяла: умою, красую ненаглядной, обычаемъ и разумомъ». «Ну въ комъ ему найти, какъ не въ тебѣ сокровище такое?» На желаніе княгини зажечь свѣчу передъ иконою, — «Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу», отвѣчаетъ М.

Маржереть («Б о р. Г о д.»). — «Капитанъ». Въ битвѣ «подъ Сѣверскимъ» гонитъ назадъ бѣглецовъ: «куда, куда! Allons!.. Попелъ назадъ.

Маріула («Ц ы г а н ы»). — Уп. л. Жена стараго цыгана; «брося маленькую дочь», ушла за «чуждымъ таборомъ».

Марія («Б а х ч. ф о н т.»). — «Нѣжная Марія». «Юная» плѣнница Гирея; «польская княжна». «... Милою красой она цвѣла въ странѣ родной». «Все въ ней плѣняло: тихій нравъ, движенія стройныя, живыя и очи томно-голубыя. Природы милые дары она искусствомъ украшала; она домашніе пиры волшебной арфой оживляла»... «Сѣдой отецъ гордился ею и звалъ отрадою своею». «Толпы вельможъ и богачей руки Маріиной искали, и много юношей по ней въ страданіѣ тайномъ изнывали. Но въ тишинѣ души своей она любви еще не знала, и независимый досугъ въ отцовскомъ замкѣ, межъ подругъ, однѣмъ забавамъ посвящала». Во дворцѣ Гирея, «гдѣ самъ ханъ боится дѣвы плѣнной печальный возмущать покой», Маріи «все напоминаетъ о близкой лучшей сторонѣ». «Въ неволѣ тихой увядая, Марія плачетъ и груститъ». «Невинной дѣвѣ непонятенъ языкъ мучительныхъ страстей; но голосъ ихъ ей смутно внятень, онъ страннень, онъ ужасень ей». «Что ждетъ ее?» «Ужели ей остатокъ горькихъ, юныхъ дней провести заложницей презрѣнной?» «Что дѣлать ей въ пустынѣ міра? Ужъ ей пора, Марію ждуть и въ небеса, за лоно міра родной улыбкою зовутъ». Убитая Заремой, Марія «мгновенно» «почила».

К р и т и к а: Въ М.—все европейское, романтическое: это дѣва среднихъ вѣковъ, существо кроткое, скромное, дѣтски благочестивое. И чувство, внушенное ею Гирею, есть чувство романтическое, рыцарское...». Бѣлинскій, т. VIII).

Марія («П о л т а в а»). — Дочь и «гордость» Кочубея. «Краса черкасскихъ дочерей», «въ Полтавѣ нѣтъ красавицы, Маріи равной». «Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ, взлелѣянный въ тѣни дубравной, какъ тополь кievскихъ высотъ, она стройна. Ея движенія то лебедя пустынныхъ водъ напоминаютъ плавный ходъ, то лани быстрыя стремленья. Какъ пѣна, грудь ея бѣла; вокругъ высокаго чела, какъ тучи, локоны чернѣютъ; звѣздой блестятъ ея глаза; ея уста, какъ роза рдѣютъ».—Вездѣ прославилась она дѣвицей скромной и разумной. За то завидныхъ жениховъ ей шлетъ Украина и Россія; но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ, бѣжитъ пугливая Марія. Всѣмъ женихамъ отказъ!—«... Тихо за столомъ она лишь гетману внимала, когда бесѣда ликовала и чаша пѣнилась виномъ»; «она всегда пѣвала тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ, когда онъ бѣденъ былъ и малъ, когда молва его не знала».

«... Съ не женскою душой она любила конный строй, и бранный звонъ литавръ, и клики предъ бунчукомъ и булавою малороссійскаго владыки...». По словамъ Маріи, «онъ прекрасень: въ его глазахъ блеститъ любовь, въ его рѣчахъ такая нѣга! Его усы бѣлѣе снѣга». «Своими чудными очами» ее «старикъ заморозилъ, своими тихими рѣчами» въ ней онъ «совѣсть усыпилъ». Его кудря-

выя сѣдины, его глубокія морщины, его блестящій впалый взоръ, его лукавый разговоръ» для М. «всего, всего, дороже»,—Послѣ отказа гетману, просившему руки Маріи, «цѣлые два дня, то молча плача, то стѣня, Марія не пила, не ѣла, шатаясь, блѣдная, какъ тѣнь, не зная сна. На третій день ея свѣтлица опустѣла»: «соблазномъ постланное ложе» М. «отчей сѣни предпочла». «Властью непонятной» М. къ душѣ Мазепы «привлечена», ей въ жертву отдана». «Что стыдъ Маріи? что молва? что для нея мірскія пени, когда склоняется въ колѣни къ ней старца гордая глава! Когда съ ней гетманъ забываетъ судьбы своей и трудъ и шумъ, иль тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ, ей, дѣвѣ робкой, открываетъ!» На гетмана «съ благоговѣньемъ М. возводитъ ослѣпленный взоръ, его лелѣетъ «съ умиленьемъ» и «дней невинныхъ ей не жаль». «— Семейю стараюсь я забыть мою. Я стала ей чужой». «— Всѣмъ, всѣмъ готова тебѣ я жертвовать повѣрь!» — признается она Мазепѣ. Но «душу пылкую» ея «волнуютъ, ослѣпляютъ страсти». Когда «любовь смиренная» Маріи встрѣчаетъ «хладную суровость» со стороны Мазепы, Марія «удивлена, оскорблена» и «чуть дыша» «говоритъ съ негодованіемъ»: «— Послушай, гетманъ: для тебя я позабыла все на свѣтѣ. Навѣкъ однажды полюбя, одно имѣла я въ предметъ — твою любовь: Я для нея сгубила счастье мое. Но ни о чемъ я не жалѣю! ты помнишь: въ страшной тишинѣ, въ ту ночь, какъ стала я твоею, меня любить ты клялся мнѣ. Зачѣмъ же ты меня не любишь?». На увѣренія Мазепы («Марія, вѣрь: тебя люблю я больше славы, больше власти»), отвѣчаетъ. «— Неправда; ты со мной хитришь. Давно-ль мы были неразлучны? Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь, теперь тебѣ онѣ докучны». Она ревнуетъ его къ Дульской, требуя прямого отвѣта: «— Нѣтъ, объяснись безъ отговорокъ, и просто, прямо отвѣчай». Когда же Мазепа дѣлаетъ ей «важныя признанья», открываетъ «тайны гордыхъ думъ», ея «мечтанія разсѣяны». «— Я близъ тебя не знаю страха—ты ты такъ могущъ!». Узнавъ о замыслахъ Мазепы, восклицаетъ: «— О, милый мой, ты будешь царь земли родной! Твоимъ сѣдинамъ, какъ пристанетъ корона царская!». — А если плаха? — Съ тобой на плаху, если такъ. Ахъ, пережить тебя могу ли? Но нѣтъ, ты носишь власти знакъ». — Меня ты любишь? «— Я! люблю ли?». На вопросъ Мазепы: («Скажи: отецъ или супругъ тебѣ дороже?») Марія медлитъ съ отвѣтомъ: «Къ чему вопросъ такой? Тревожитъ меня напрасно онъ», и на повтореніе вопроса Мазепой («Такъ я дороже тебѣ отца?»), отвѣчаетъ: «— Рѣши ты самъ...» «— Ахъ, полно! сердце не смущай! Ты искуситель!» Но увидя блѣдность Мазепы прибавляетъ: «О, не сердись! всѣмъ, всѣмъ готова тебѣ я жертвовать; но страшны мнѣ слова такія...». Узнавъ о казни отца, М. «падаетъ на ложе, какъ хладный падаетъ мертвецъ». Вихрю мыслей предана», она лишь помнитъ «поле... праздникъ... шумный... чернь... и мертвыя тѣла... Она уже не узнаетъ любимыя черты въ Мазепѣ: «— Я принимала за другого тебя, старикъ! Оставь меня. Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ. Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ: въ его глазахъ блеститъ любовь, въ его рѣчахъ такая нѣга! Его усы бѣлѣе снѣга...», «а на твоихъ засохла кровь». Послѣ встрѣчи Мазепы «на брегѣ синяго Днѣпра» съ Маріей («Вихрю мыслей предана», Марія стояла предъ Мазепой «съ развитыми власами, сверкая впалыми власами, вся въ рубищѣ, худа, блѣдна»), «слѣдъ ея существованья пропалъ, какъ-будто звукъ пустой». «Преданья объ ней молчатъ». «Ея страданья, ея судьба, ея конецъ непроницаемою тьмою отъ насъ закрыты».

К р и т и к а: «Творческая кисть Пушкина нарисовала намъ не одинъ женскій портретъ, но ничего лучше не создала она лица Маріи. Что передъ ней эта препрославленная и столько восхищавшая всѣхъ и теперь еще многихъ восхищающая Татьяна — это смѣшеніе деревенской мечтательницы съ городскимъ благоразуміемъ». «Въ историческомъ фактѣ любви Мазепы и Маріи Пушкинъ воспользовался только идеей любви старика къ молодой дѣвушкѣ и молодой дѣвушки къ старику». «Подобное явленіе рѣдко, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно. Важность его заключается въ законахъ человѣческаго духа, и потому по рѣдкости его можно находить удивительнымъ, но нельзя находить неестественнымъ. Самая обыкно-

венная женщина видитъ въ мужчинѣ своего защитника и покровителя; отдаваясь ему — сознательно или бессознательно, но во всякомъ случаѣ она дѣлаетъ обмѣнъ красоты и прелести на силу и мужество. Послѣ этого, очень естественно, если бываютъ женскія натуры, которыя, будучи исполнены страстей и энтузіазма, до безумія увлекаются нравственнымъ могуществомъ мужчины, украшеннымъ властью и славой, — увлекаются имъ безъ соображенія неравенства лѣтъ. Для такой женщины сами сѣдины прекрасны, и чѣмъ круче нравъ старика, тѣмъ за большее счастье и честь для себя считаетъ она вліяніемъ своей красоты и своей любви укрощать его порывы, дѣлать его ровнѣе и мягче. Само безобразіе этого старика — красота въ глазахъ ея. Вотъ почему, кроткая, робкая Дездемона такъ беззавѣтно отдалась старому воину, суровому мавру — великому Отелло. Въ Маріи Пушкина это еще понятнѣе: ибо Марія, при всей непосредственности и неразвитости ея сознанія, одарена характеромъ гордымъ, твердымъ, рѣшительнымъ. Она была достойна слить свою судьбу не съ такимъ злодѣемъ, какъ Мазепа, но съ героемъ въ истинномъ значеніи этого слова. И какъ бы ни велика была разница ихъ лѣтъ, — ихъ союзъ былъ бы самый естественный, самый разумный. Ошибка Маріи состояла въ томъ, что она въ душѣ, готовой на все злое для достиженія своихъ цѣлей, думала увидѣть душу великую, дерзость безнравственности приняла за могущество героизма. Эта ошибка была ея несчастьемъ, но не виной: Марія, какъ женщина, велика въ этой ошибкѣ». «Нельзя довольно надивиться богатству и роскоши красокъ, которыми изобразилъ поэтъ эту страстную и грандіозную любовь этой женщины. Здѣсь Пушкинъ, какъ поэтъ, вознесся на высоту, доступную только художникамъ первой величины. Глубоко вонзилъ онъ свой художественный взоръ въ тайну великаго женскаго сердца и ввелъ насъ въ его святилище, чтобъ внѣшнее сдѣлать для насъ выраженіемъ внутренняго, въ фактѣ дѣйствительности открыть общій законъ, въ явленіи — мысль...». «Но нигдѣ личность Маріи не возвышается въ поэмѣ Пушкина до такой апопеезы, какъ въ сценѣ ея объясненія съ Мазепой, — сценѣ, написанной истинно Шекспировскою кистью. Когда Мазепа, чтобъ разсѣять ревнивыя подозрѣнія Маріи, принужденъ былъ открыть ей свои дерзкіе замыслы, она все забываетъ: нѣтъ больше сомнѣній, нѣтъ безпокойства; мало того, что она вѣритъ ему, вѣритъ, что онъ не обманываетъ ея: она вѣритъ, что онъ не обманывается и въ своихъ надеждахъ... Ея ли женскому уму, воспитанному въ затворничествѣ, обреченному на отчужденіе отъ дѣйствительной жизни, ей ли знать, какъ опасны такія стремленія, и чѣмъ оканчиваются они! Она знаетъ одно, вѣритъ одному, — что онъ, ея возлюбленный такъ много, что не можетъ не достигъ всего, чего бы только захотѣлъ. Блескъ короны на сѣдыхъ кудряхъ любовника уже ослѣпилъ ея очи, — и она восклицаетъ съ увѣренностью дитяти, сильнаго и разумнаго одной любовью, но не знаніемъ жизни: «О, милый мой, ты будешь царь земли родной! Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ корона царская!». Вникните во всю эту сцену, разберите въ ней всякую подробность, взвѣсьте каждое слово: какая глубина, какая истина и вмѣстѣ съ тѣмъ какая простота! Этоть отвѣтъ Маріи: «Я! люблю ли?», это желаніе уклониться отъ отвѣта на вопросъ, уже рѣшенный сердцемъ, но все еще страшный для нея — кто дороже: любовникъ или отецъ, и кого изъ нихъ принесла бы она въ жертву для спасенія другого — и потомъ, рѣшительный отвѣтъ при видѣ гнѣва любовника... какъ все это драматически, и сколько тутъ знанія женскаго сердца». «Явленіе сумасшедшей Маріи, неумѣстное въ ходѣ поэмы и даже мелодраматическое, какъ средство испугать совѣсть Мазепы, превосходно, какъ дополненіе портрета этой женщины. Послѣднія слова ея безумной рѣчи исполнены столько же трагическаго ужаса, сколько и глубокаго психологическаго смысла». [Бѣлинскій. Соч. т. VIII].

Марія Шонингъ—См. Шонингъ, Марія.

Маркеръ («Капит. дочка»). — Уп. л. Съ нимъ игралъ Зуринъ на бильярдѣ. М. «при выигрышѣ выпивалъ рюмку водки, и при проигрышѣ долженъ былъ лѣзть подъ бильярдъ. Чѣмъ долѣе игра продолжалась, тѣмъ прогулки на

четверенькахъ становились чаще, пока, наконецъ, М. остался подъ бильярдомъ». Зуринъ «произнесъ надъ нимъ нѣсколько сильныхъ выраженій, въ видѣ надгробнаго слова». Играя съ Зуринымъ, Гриневъ «бранилъ М., который считалъ Богу вѣдаетъ какъ».

Маркизь Р. («Арапъ Петра В.»). — Уп. л. «Новый любовникъ» графини Л.; «длинный маркизь Р.».

Мартынь («Сцены изъ рыц. временъ»). — Отецъ Франца; купецъ, старикъ за пятьдесятъ лѣтъ, владѣлецъ «лавки, убранной сверху до низу испанскими сукнами». По собственнымъ словамъ, «нажилъ состояніе» «бережливостію, терпѣніемъ, трудолюбіемъ». «Не промѣняетъ лавки» на «голые, каменные замки, гдѣ рыцари съ голоду свищутъ, да побрякиваютъ шпорами». «Слава Богу, нынче по большимъ дорогамъ не такъ легко наживаться», отзывается М. о баронѣ Раулѣ. Грозитъ, если сынъ не перемѣнится и не отстанетъ «отъ дворянъ», выгнать его «изъ дому» и назначить наслѣдникомъ своего «подмастерья». За знакомство съ рыцарями и нежеланіе работать, лишилъ сына «наслѣдства». Бертольда считаетъ «сумасбродомъ», но даетъ ему деньги на алхимическіе опыты, «—Сто пятьдесятъ гульденовъ... Боже мой! и еще въ такія крутыя времена!», вздыхаетъ М., но покоряется, т.к. Бертольдъ иначе обѣщаетъ «открыть великую тайну» алхиміи графу Раулю. — Убирайся къ чорту съ своимъ *perpetuum mobile*, говоритъ М. Бертольду. «—Ты требуешь денегъ на дѣло, а говоришь Богъ знаетъ что». «— Мнѣ чортъ ли въ истинѣ? Мнѣ нужно золото», заявляетъ М., желая съ помощью Бертольда «сдѣлаться первымъ изъ земныхъ богачей». «Осердился на приказчика и выпилъ сгоряча три бутылки пива, оттого и умеръ», по словамъ Карла Герца, которому М. завѣщалъ «все свое наслѣдіе».

Маршалъ ассамблеи («Арапъ Петра В.»). — «Толстый господинъ съ толстымъ букетомъ на груди»; суетливо распоряжается танцами и порядкомъ на ассамблеѣ.

Малюта («Бор. Годуновъ»). — «Зять Малюты, зять палача» — Борисъ Годуновъ.

Марія Гавриловна Р*.** («Метель»). — Дочь Гаврилы Гавриловича, стройная, блѣдная, сомнадцатилѣтняя дѣвица; «богатая невѣста». «Была воспитана на французскихъ романахъ и слѣдственно влюблена»; «Предметъ, избранный ею, былъ блѣдный армейскій подпрапорщикъ (См. Владиміръ Николаевичъ). Родители, замѣтивъ ихъ взаимную склонность, запретили дочери о немъ и думать», но М. Г. переписывалась съ нимъ и «всякій день» видалась наединѣ въ сосновой рошѣ или у старой часовни». Мысль о побѣгѣ «весьма понравилась романтическому воображенію Марьи Гавриловны», но «она долго колебалась; множество плановъ было отвергнуто. Наконецъ, она согласилась»: ѣхать за пять верстъ отъ Ненародова, въ село Жадрино, прямо въ церковь, гдѣ ужъ Владиміръ долженъ былъ дожидаться. Въ ожиданіи жениха, она «сидѣла на лавочкѣ въ темномъ углу церкви», слабо освѣщенной двумя или тремя свѣчами; «дѣвушка терла ей виски». Во время вѣнчанья «трое мужчинъ и горничная поддерживали невѣсту и заняты были только ею. Послѣ вѣнца, когда М. Г. «обратила» къ мужу «блѣдное свое лицо, она вдругъ вскрикнула: «Ай, не онъ! не онъ! и упала безъ памяти». «Память о Владимірѣ казалась священной для Маши: она берегла все, что могло его напомнить: книги, имъ нѣкогда прочитанныя, его рисунки, ноты, стихи, имъ переписанныя для нея». «Женихи кружились» около милой и богатой невѣсты, но она никому не подавала и малѣйшей надежды». На уговоръ матери «выбрать себѣ друга», она качала головой и задумывалась». См. Бурминъ.

Марья Ивановна (Капит. дочка). — См. Миронова, М. И.

Марья Ильинишна Т. («Арапъ Петра В.»). — Жена Кирилла Петровича. Ей «вовсе не нравились ни похвалы старинѣ, ни порицанія новѣйшихъ обычаевъ». Когда мужъ ея возмущался ассамблеями, «М. И. сидѣла какъ на иголкахъ; языкъ у нея такъ и свербѣлъ; наконецъ, она не вытерпѣла, и обратясь къ

мужу спросила его съ кисленькой улыбкой, что находитъ онъ дурного въ ассамблеяхъ?».

Матильда («Пиръ во время чумы»).— Уп. л. Умершая жена Вальсингама. «Святое чадо свѣта», называетъ ее Вальсингамъ. «Матильды чистый духъ тебя зоветъ!» говоритъ священникъ Вальсингаму.

Маша Томская («Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля»).— Дочь Кат. Петр. Томской, «дѣвушка лѣтъ 18-ти, стройная и высокая, съ блѣднымъ прекраснымъ лицомъ и черными огненными глазами». Ѣдетъ съ матерью на Кавказъ, т. к. «доктора объявили, что М. нужны желѣзные воды.

Маша («О трывокъ изъ романа въ письмахъ»).— Деревенская знакомая Лизы. «Стройная, меланхолическая дѣвушка лѣтъ семнадцати, воспитанная на романахъ и на чистомъ воздухѣ Она цѣлый день въ полѣ съ книгою въ рукахъ, окружена дворовыми собаками, говоритъ о погодѣ нараспѣвъ, и съ чувствомъ подчуеетъ варенье». «У нея» Лиза нашла «цѣлый шкафъ, наполненный старыми романами». По словамъ Вл. З. эта «дѣвушка, выросшая подъ яблонями, воспитанная между скирдами, природой и нянюшками, гораздо милѣ нашихъ однообразныхъ красавицъ».

Маши-мать («О трывокъ изъ романа въ письмахъ»).— «Толстая, веселая баба, большая охотница до виста».

Маши-отецъ («О трывокъ изъ романа въ письмахъ»).— «Хлѣбосоль».

Мейеръ, Карль Ивановичъ («Ист. села Горюхина»).— Содержатель пансіона въ Москвѣ, гдѣ «не болѣе трехъ мѣсяцевъ» пробылъ Ив. Петр. Бѣлкинъ, «играя въ ланту»; это была «единственная наука, въ коей» онъ приобрѣлъ достаточное познаніе «во время пребыванія» «въ пансіонѣ» Мейера.

Мельникъ («Р у с а л к а»).— «Мнѣ покою ни днемъ, ни ночью нѣтъ; а тамъ посмотришь: то здѣсь, то тамъ нужна еще починка, гдѣ гниль, гдѣ течь». На слова дочери о томъ, что труды князя «всѣхъ трудовъ» «тяжелѣе», возражаетъ: «— Когда князья трудятся? И что ихъ трудъ? Травить лисицъ и зайцевъ, да пировать, да обирать сосѣдей, да подговаривать васъ бѣдныхъ дурь. Онъ самъ работаетъ — куда какъ жалко? А за меня вода!» Встрѣчаетъ князя: «— Милостивый князь, добро пожаловать! Давно, давно твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали. Пойду тебѣ готовить угощенье!». «— Ты знаешь, я на васъ гляжу сквозь пальцы и волю вамъ даю: сиди одна» «хоть всю ночь, до пѣтуховъ — ни слова не скажу», замѣчаетъ М. дочери. «Одно ты у меня дитя на свѣтѣ, одна отрада въ старости моей...» говоритъ М. дочери, но журить ее: «— Охъ, то-то всѣ вы, дѣвки молодая, всѣ глупы вы! Ужъ если подвернулся къ вамъ человекъ завидный, не простой, такъ должно вамъ его себѣ упрочить. А чѣмъ? Разумнымъ, честнымъ поведеніемъ заманивать, то строгостью, то лаской, порою исподволь, обинякомъ о свадьбѣ заговаривать, а пуще беречь свою дѣвическую честь — безцѣнное сокровище; она — что слово: разъ упустишь, не воротишь. А коли нѣтъ на свадьбу ужъ надежды, то все-таки, по крайней мѣрѣ, можно какой-нибудь барышъ себѣ, иль пользу роднымъ да выгадать; подумать надо: «Не вѣчно жъ будетъ онъ меня любить и баловать меня». «— Эй дочь, смотри не будь такая дура, не прозѣвай ты счастья своего, не упускай ты князя, да проста не погуби сама себя». «Старый скряга». «— Вотъ если бъ ты у князя умѣла выпросить на перестройку хоть нѣсколько деньжонокъ, было-бъ лучше», замѣчаетъ онъ дочери. Увидя княжескіе подарки, радуется: «Ба, ба, ба! Какая повязка! Вся въ каменьяхъ дорогихъ! Такъ и горитъ! И бусы... Ну, скажу, подарокъ царскій. Ахъ онъ благодѣтель... а это что? мѣшечекъ! Ужъ не деньги ль?...». На слова дочери: «— Тебѣ отдать велѣлъ онъ это серебро за то, что былъ хорошъ ты до него, что дочку за нимъ пускалъ таскаться, что ее держалъ не строго... Впрокъ тебѣ пойдетъ моя погибель!» М. отвѣчаетъ: «— До чего я дожилъ! Что Богъ привелъ услышать! Грѣхъ тебѣ такъ упрекать отца родного». «Богъ наказалъ меня за то, что слабо я выполнялъ отцовскій долгъ», признается М. Послѣ смерти дочери, «мысли

въ немъ разбѣяны, какъ тучи послѣ бури». «— Что за мельникъ!» Я здѣшній воронъ», а не мельникъ», говорилъ М. князю. Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ, а денежки отдалъ на сохраненіе русалкѣ, вѣщей дочери моей; онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты, ихъ рыбка одноглазка сторожить». Вспоминаетъ «чудный случай», когда (ты помнишь?) бросилась она въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ и съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ почувствовалъ: два сильныя крыла мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ и въ воздухѣ сдержали. Съ той поры, то здѣсь, то тамъ летаю, то кляю корову мертвую, то на могилахъ сплужу да каркаю». На вопросъ князя, «кто жъ за тобою смотритъ?» М. отвѣчаетъ: «— Да, за мною присматривать не худо: старъ я сталъ и шаловливъ. За мной, спасибо, смотритъ Русалочка — внучка». На зовъ князя пойти въ его теремъ и жить съ нимъ: «— Въ теремъ! Нѣтъ спасибо! заманишь, а потомъ меня, пожалуй, удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ и сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ.

К р и т и к а: М., человекъ не злой, не развратный, но слабый сколько по любви къ дочери, столько можетъ быть и по страху къ княжескому могуществу, сквозь пальцы смотрѣлъ на связь своей дочери съ княземъ. Какъ человекъ хладнокровный, какъ мужчина, онъ тотчасъ понялъ, почему посѣщенія князя на мельницу сдѣлались рѣже, и видя, что стараго ужъ не воротить, совѣтуетъ дочери воспользоваться хоть матеріальными выгодами этой связи». [Б ѣ л и н с к і й. Соч. т. VIII].

Мельника-дочь («Р у с а л к а»).—Встрѣчаетъ князя послѣ долгой разлуки: «— Не стыдно ли тебѣ такъ долго мучить меня пустымъ, жестокимъ ожиданьемъ? Чего мнѣ въ голову не приходило? Какимъ себя я страхомъ не пугала? То думала, что конь тебя занесъ въ болото или пропасть; что медвѣдь тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ; что боленъ ты; что разлюбилъ меня... Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ и любишь все попрежнему меня, неправда ли?... Не смотря на увѣренія князя («По прежнему, мой ангелъ! Нѣтъ, больше прежняго») замѣчаетъ его «печаль тяжелую». «— Ты чѣмъ-нибудь встревоженъ вѣрно? Чѣмъ же? Ужъ не сердитъ ли на меня?...». — Больно мнѣ съ тобою не грустить одною грустью. — Тайну мнѣ повѣдай! Позволишь—буду плакать, не позволишь, ни слезинкой я тебѣ не досажу. Не понимая намековъ князя ей «ужъ страшно». Она чувствуетъ, что «судьба грозитъ», «готовить» «невѣдомое горе, разлуку, можетъ быть». Но на слова князя («Ты угадала: разлука намъ судьбою суждена»), отвѣчаетъ: «— Кто насъ разлучитъ? Развѣ за тобою идти во слѣдъ я всюду не властна? Я мальчикомъ одѣнусь; вѣрно буду тебѣ служить дорогою, въ походѣ иль на войнѣ; войны я не боюсь, лишь видѣла бъ тебя». Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю! Иль вывѣдать мои ты мысли хочешь, или со мной пустую шутку шутишь...» — Пстой, теперь я понимаю все: ты женишься? (Князь молчитъ). Ты женишься?» Беретъ отъ князя «въ руки мѣшокъ съ золотомъ» и съ трудомъ припоминаетъ то, «что сказать должна» была. «— Для тебя я все готова... Нѣтъ не то... Пстой... нельзя, чтобы навѣки, въ самомъ дѣлѣ, меня ты могъ покинуть... Все не то... Да, вспомнила: сегодня у меня ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся». — Князь «бури ждалъ, но дѣло обошлось довольно тихо». Послѣ ухода князя «она остается недвижною». «— Да что же ты стоишь, не отвѣчаешь, не вымолвишь словечка? Али ты отъ радости неожиданной одурѣла, иль на тебя столбнякъ нашелъ?» спрашиваетъ дочь Мельникъ. Она вся полна своими мыслями: «— Не вѣрю, не можетъ быть... я такъ его любила... Или онъ звѣръ? Или сердце у него косматое!». «— Родимый, онъ уѣхалъ! Вонъ онъ скачетъ! И я безумная, его пустила! Я за полы его не уцѣпилась! Я не повисла на уздѣ коня! Пускай же бѣ онъ съ досады отрубилъ мнѣ руки по локоть; пускай бы тутъ же онъ растопталъ меня своимъ конемъ». «Князья невольны, какъ дѣвицы: не по сердцу они берутъ жену себѣ», повторяетъ она слова князя. «— А вольно имъ, небось, подманивать, божиться, плакать». «Имъ вольно бѣдныхъ дѣвушекъ учить съ полуночи на свистъ ихъ подыматься, и до зари за мельницей сидѣть! Имъ любо сердце княжеское тѣшить бѣдами нашими! А тамъ прощай: Ступай, голубушка, куда захочешь: люби, кого замыслишь!»

«— На кого онъ меня промѣнялъ? О, я скажу, отстань отъ насъ! ты видишь: двѣ волчихи не водятся въ одномъ оврагѣ...» «И могъ онъ, какъ добрый человѣкъ, со мной прощаться, и мнѣ давать подарки! Каково? И деньги! Выкупить себя онъ думалъ!» «Онъ мнѣ хотѣлъ языкъ засеребрить, чтобъ не прошла о немъ худая слава и не дошла до молодой жены». Обращаясь къ отцу она прибавляетъ: «— Тебѣ отдать велѣлъ онъ это серебро, за то, что былъ хорошъ ты до него, что дочку съ нимъ пускалъ таскаться, что держалъ ее не строго... Въ прокъ тебѣ пойдетъ моя погибель». («Отдаетъ ему мѣшокъ»). Ожерелье, которое привезъ ей князь въ послѣднее свиданье, «какъ «холодная змѣя ей шею давить...». «— Змѣей, змѣю онъ меня—не жемчугомъ опуталъ (Рветъ съ себя жемчугъ). Такъ бы я разорвала тебя, я мою — злодѣйку, проклятую разлучницу мою!». «Снимаетъ съ себя повязку: Вотъ вѣнецъ мой, вѣнецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ лукавый врагъ, когда я отреклася отъ всего, чѣмъ прежде дорожила! Мы развѣнчались. Стинь ты, мой вѣнецъ! (Бросаетъ повязку въ Днѣпръ). «Теперь все кончено!...» (Бросается въ рѣку). См. Р у с а л к а.

К р и т и к а: Дочь мельника — «существо любящее и страстное, привязчивое, слѣдовательно обреченное на несчастіе и гибель». [Б ѣ л и н с к і й. Соч. т. VIII].

Меньшиковъ («Арапъ Петра В.»).—Во дворцѣ Ибрагимъ, въ числѣ «особъ приближенныхъ къ государю», «узналъ великолѣпнаго князя М., который, увидя арана, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился». На другой день, когда Ибрагимъ былъ пожалованъ «капитанъ-лейтенантомъ бомбардирской роты», «надменный М. дружески пожалъ ему руку». Петръ называлъ его «плутомъ и «Данилычемъ» и, потряхивая дубинкой, общался перевѣдаться съ нимъ «за его проказы».

Мервиль («Арапъ Петра В.»).—Молодой французъ, представившій Ибрагима графинѣ Л. Почитался, «вообще, послѣднимъ ея любовникомъ, что и старался онъ дать почувствовать всѣми способами». «Первый замѣтилъ» «взаимную склонность» Ибрагима и графини Л., «и поздравилъ Ибрагима».

Мери («Пиръ во время чумы»).—Шотландка. «Погибшее, но милое созданье. По словамъ Луизы, «она» увѣрена, что взоръ слезливый ея неотразимъ: а если бъ тоже о смѣхѣ думала своемъ, то вѣрно все-бъ улыбалась». М. именуетъ Луизу сестрой «печали и позора». «Сестра моей печали и позора, прилягъ на грудь мою», обращается она къ Луизѣ, потерявшей сознанье. «Задумчивая Мери», называетъ ее предсѣдатель пира; онъ говорить, что «голосъ» М. выводитъ звуки родимыхъ пѣсень съ дикимъ совершенствомъ». Вспоминаетъ, что ея «родители» «свою любили слушать Мери»; во время пѣнья она самой себѣ внимаетъ «поющей у родимаго порога». «Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ былъ голосомъ невинности», говорить М.

Мими (Д у б р о в с к і й). — Уп. л. Гувернантка Маши Троекуровой. «Добрая дѣвушка»; пользовалась «большой довѣренностью и благосклонностью» Троекурова, но «никогда во зло не употребляла вліянія, которое, видимо, имѣла надъ» нимъ. Принуждена была переѣхать въ другое помѣстье Троекурова, «когда слѣдствія дружества» ея съ нимъ «оказались слишкомъ явными». «Оставила по себѣ память довольно пріятную» и «черноглазаго мальчика», «напоминавшаго полуденныя черты» ея. (См. С а ш а).

Мизинчиковъ («Евг. О н ѣ г и н ѣ»). — «Симъ уборомъ (Евгенія) чуднымъ, безнравственнымъ и безразсуднымъ былъ весьма огорченъ...» «Мизинчиковъ».

Милославскіе («Бор. Годуновъ»). — «Друзья» Шуйскаго.

Мина («М. Шонингъ»).—Уп. л. Дочь Гарлинъ. По словамъ матери, «она годомъ старше» брата (См. Франкъ), «очень понятлива и, кажется, будетъ хороша собою».

Милославскій («Арапъ Петра В.»). — Уп. л. «Богатъ и глупъ».

Минскій («Гости съ ѣзжались на дачу»). «Наперникъ Воль-

ской, которую «подстрекалъ своими «одобреніями и совѣтомъ». «М. угадывалъ ея сердце. Самолюбіе его было тронутъ» и «онъ предвидѣлъ связь безъ всякихъ важныхъ послѣдствій, лишнюю женщину въ списокъ вѣтренныхъ своихъ любовницъ» и хладнокровно обдумывалъ свою побѣду». На слова молодого офицера («Кажется, теперь твоя очередь») отвѣчалъ: «Вовсе нѣтъ. Она (Вольская) занята; я просто ея наперсникъ, или что вамъ угодно. Но я люблю ее отъ души: она уморительно смѣшна». Письмо Вольской «распечаталъ», «зѣвая» и «пожалъ плечами». На «нѣжныя и ласковыя увѣренія» «отвѣчаетъ ей въ двухъ словахъ, извиняясь скучными необходимыми дѣлами». Считаетъ себя принадлежащимъ къ «свѣтской черни», и не называетъ себя «аристократомъ», т. к. этимъ насмѣшилъ бы многихъ», хотя, по словамъ М., дворянство его «теряется» въ отдаленной древности и имена предковъ «встрѣчаются на всѣхъ страницахъ исторіи нашей». «Въ первой молодости «порочнымъ своимъ поведеніемъ заслужилъ» «порицаніе свѣта, который наказалъ его клеветами». «М. оставилъ его, притворясь равнодушнымъ. Страсти на время заглушили въ его сердцѣ угрызенія самолюбія: но усмиренный опытами, явился онъ вновь на сцену общества и принесъ ему не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность эгоизма. Онъ не любилъ свѣта, но и не презиралъ, ибо зналъ необходимость его одобренія. Со всѣмъ тѣмъ уважая себя вообще, онъ не щадилъ его въ особенности, и каждого члена его готовъ былъ принести въ жертву своему злопамятному самолюбію. Разговору съ испанцемъ о русскомъ обществѣ даетъ «сатирическое направленіе» и «съ видимымъ самодовольствомъ небреженія», отзываясь о русскомъ обществѣ: «Что наше общество? Тѣже лица каждый день вмѣстѣ; а есть ли между ними что-нибудь похожее на искренность, на благорасположеніе и близость сношеній, на все, что составляетъ прелесть общежитія?» «Наши разговоры»—«сухія извѣстія изъ арміи, которыя завтра же прочтете вы въ газетахъ, толки о новомъ посредственномъ актерѣ, изрѣдка — соблазнительный анекдотъ, рассказанный безъ всякой веселости. Волочиться почитаемъ мы за дурной тонъ и извиняемъ его только въ старикахъ. Недоброжелательство есть «черта нашихъ нравовъ: въ народѣ выражается она насмѣшливостью, въ высшемъ кругу невниманіемъ и холодностью». «Древнее русское дворянство, по мнѣнію М., упало въ безвѣстность», стало «дворянской чернью», а «настоящая аристократія наша съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древность рода ихъ восходитъ до Петра и до Елизаветы. Деньщики, пѣвчіе, хохлы—вотъ ихъ родоначальники». «Прошедшее для насъ не существуетъ». «Мы гордимся не славою предковъ, ночиномъ какого-нибудь дяди-дурака и баломъ двоюродной сестры». Неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости, замѣчаетъ М.

Минскій («С т а н ц. с м о т р и т.»).—«Молодой стройный гусаръ, съ черненькими усиками». Ротмистръ. На станціи при извѣстїи, что лошади всѣ «въ разгонѣ», «возвысилъ» «голосъ и нагайку». Когда смотритель пробрался въ домъ дочери, М. «подошелъ къ нему, дрожа отъ гнѣва».—«Чего тебѣ надобно?» сказалъ онъ ему, стиснувъ зубы: «что ты за мною всюду крадешься какъ разбойникъ? или хочешь меня зарѣзать? Пошелъ вонъ!» и сильной рукою схвативъ старика за воротъ, вытолкнулъ его на лѣстницу; на станціи прибѣгъ къ хитрости; смотритель нашелъ его «почти безъ памяти лежащаго на лавкѣ: ему сдѣлалось дурно, голова разболѣлась, невозможно было ѣхать». «На другой день послалъ челоуѣка верхомъ въ городъ за лѣкаремъ». «При смотрителѣ охалъ и не говорилъ почти ни слова, однако же выпилъ двѣ чашки кофе, и, охая, заказалъ себѣ обѣдъ». «Онъ поминутно просилъ пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленнаго лимонада. Больной обмакивалъ губы и всякій разъ, возвращая кружку, въ знакъ благодарности, слабой своею рукою пожималъ Дуношкину руку». Лѣкаря, съ которымъ М. «поговорилъ по нѣмецки», вручилъ 25 рублей за визитъ и пригласилъ его отобѣдать; оба ѣли съ большимъ аппетитомъ и «выпили бутылку вина». Былъ «чрезвычайно веселъ, безъ умолку шутилъ то съ Дунею, то со смо-

тритемь; насвистывалъ пѣсни, разговаривалъ съ проѣзжими, вписывалъ ихъ подорожныя въ почтовую книгу». При появленіи смотрителя въ Петербургъ въ Демутовомъ трактарѣ (гдѣ М. жилъ), «вышелъ самъ къ нему въ халатѣ, въ красной скуфьѣ. «Что, братъ, тебѣ надобно?» спросилъ онъ его, не узнавъ, взглянулъ на него быстро, вспыхнулъ, взялъ его за руку, повелъ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь.—«Что сдѣлано, того не воротить», сказалъ М. въ крайнемъ замѣшательствѣ: «виноватъ передъ тобою и радъ просить у тебя прощенія; но не думай, чтобъ я Дуню могъ покинуть: она будетъ счастлива, даю тебѣ честное слово. Зачѣмъ тебѣ ее? Она меня любить: она отвыкла отъ прежняго своего состоянія; ни ты, ни она—вы не забудете того, что случилось». Потомъ, «сунувъ ему что-то въ рукавъ», онъ отворилъ дверь. «Смотритель увидѣлъ за обшлагомъ своего рукава свертокъ бумагъ»: «нѣсколько пятидесяти-рублевыхъ смятыхъ ассигнацій». Въ тотъ же день М. сидѣлъ у Дуни «въ задумчивости».

Миронова, Василиса Егоровна (Капит. дочка),—«Комендантша». «Старушка въ тѣлогрѣйкѣ и съ платкомъ на головѣ», владѣлица одной крѣпостной крестьянки. «По собственному признанію, живетъ «помаленьку». «Одна бѣда: Маша—дѣвка на выданьи, а какое у ней приданое? частый грѣбень, да вѣникъ, да алтынъ денегъ (прости Богъ), съ чѣмъ въ баню сходить». Узнавъ, что у родителей Гринева триста душъ крестьянъ, сказала:—«Легко-ли! Вѣдь есть же на свѣтѣ богатые люди!».

По словамъ Швабрина, «прехрабрая дама». По утвержденію же капитана Миронова, «баба не робкаго десятка». «Мастерица грибы солить». Гринева приняла какъ родного:—«Ты, мой батюшка, «не печалься, что тебя упекли въ наше захоlustье. Не ты первый, не ты послѣдній. Стерпится, слюбится. Швабринъ, Алексѣй Ивановичъ, вотъ уже пятый годъ какъ къ намъ переведенъ за смертоубійство. Богъ знаетъ, какой грѣхъ его попуталъ; онъ, изволишь видѣть, поѣхалъ за городъ съ однимъ поручикомъ, да взяли съ собою шпаги, да и ну другъ въ друга пырять, а Алексѣй Ивановичъ и закололъ поручика, да еще при двухъ свидѣтеляхъ! Что прикажешь дѣлать? На грѣхъ мастера нѣтъ».

На вопросъ Гринева, «не страшно оставаться въ крѣпости, подверженной «опасностямъ», отвѣчала:—«Привычка, мой батюшка. Тому лѣтъ двѣнадцатъ, какъ насъ изъ полка перевели сюда и не приведи Господи, какъ я боялась проклятыхъ этихъ нехристей! Какъ завижу, бывало, рысьи шапки, да какъ заслышу ихъ визгъ, вѣришь ли, отецъ мой, сердце такъ и замретъ! А теперь такъ привыкла, что и съ мѣста не тронусь, какъ придутъ намъ сказать, что злодѣи около крѣпости рыщутъ».—«И пустое», говоритъ В. Е., «гдѣ такая крѣпость, куда бы пули не залетали? Чѣмъ Бѣлогорская надежна? Слава Богу, двадцать второй годъ въ ней проживаемъ. Видали и башкирцевъ и киргизцевъ: авось и отъ Пугачева отсидимся». Въ отвѣтъ на воззваніе Пугачева, воскликнула:—«Каковъ мошенникъ», «что смѣетъ еще намъ предлагать! Выйти къ нему навстрѣчу и положить къ ногамъ его знамена! Ахъ онъ, собачій сынъ! Да развѣ не знаетъ онъ, что мы уже сорокъ лѣтъ въ службѣ, и всего, слава Богу, насмотрѣлись? Неужто нашлись такіе командиры, которые послушались разбойника?». Услыша о нападеніяхъ Пугачева, «задыхаясь и съ видомъ чрезвычайно встревоженнымъ», сказала мужу:—«Батюшка, бѣда! Нижнеозерная взята сегодня утромъ. Работникъ отца Герасима сейчасъ оттуда воротился. Онъ видѣлъ, какъ ее брали. Комендантъ и всѣ офицеры перевѣшаны. Всѣ солдаты взяты въ плѣнъ. Того и гляди, злодѣи будутъ сюда». На увѣщанія мужа, въ виду грозящей опасности, уѣхать въ Оренбургъ, отвѣчаетъ: «А меня и во снѣ не проси,—не поѣду; нечего мнѣ подъ старость лѣтъ разставаться съ тобою, да искать одинокой могилы на чужой сторонѣ. вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать». Пе-

редъ приступомъ «явилась на валу». — «Ну, что, каково идетъ баталія? Гдѣ же непріятель?» Присмирѣвшая подъ пулями, потомъ обратилась къ мужу: — «Иванъ Кузьмичъ, въ животъ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу». «Поцѣлуемся жъ и мы», «прощай, мой Иванъ Кузьмичъ. Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила!» Послѣ взятія крѣпости мятежниками, просила отвести ее къ мужу; увидя коменданта на висѣлицѣ, «закричала въ изступленіи»: — «Злодѣи! что вы съ нимъ сдѣлали?» и назвала въ глаза Пугачева «бѣглымъ каторжникомъ».

«Управляла мужемъ»; «на дѣла службы смотрѣла, какъ на хозяйскія и управляла крѣпостью точно какъ своимъ домомъ». — «Да развѣ мужъ и жена не одинъ духъ и не одна плоть», говорила Василиса Егоровна. Приказываетъ уряднику отвести «г. офицеру (Гриневу) квартиру да почище». «Иванъ Игнатьичъ! разбери Прохорова съ Устиньей, кто правъ, кто виноватъ. Да обоихъ и накажи», приказываетъ комендантша. Узнавъ о предполагаемой дуэли между Гриневымъ и Швабринымъ, «всѣмъ распорядилась, безъ вѣдома коменданта». «На что это похоже? какъ? что? Въ нашей крѣпости заводитъ смертоубійство! Иванъ Кузьмичъ, сейчасъ ихъ подь арестъ! Петръ Андреичъ! Алексѣй Иванычъ! подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги въ чуланъ. Петръ Андреичъ! этого я отъ тебя не ожидала, какъ тебѣ не совѣстно? Добро, Алексѣй Иванычъ: онъ за душегубство и изъ гвардіи высланъ, онъ и въ Господа Бога не вѣруеть; а ты-то что? туда же лѣзешь?» распекала она Гринева за поединокъ. «Иванъ Кузьмичъ! что ты зѣваешь? Сейчасъ рассади ихъ по разнымъ угламъ на хлѣбъ и на воду, чтобъ у нихъ дурь-то прошла; да пусть отецъ Герасимъ наложитъ на нихъ эпитимію, чтобъ молили у Бога прощенія, да каялись передъ людьми». — «Только слова, что солдатъ учишь, — ни имъ служба не дается, ни ты въ ней толку не вѣдаешь. Сидѣлъ бы дома, да Богу молился, такъ было бы лучше». — «Слава Богу ученье не уйдетъ; успѣетъ накричаться!» ворчала она, когда Иванъ Кузьмичъ такъ «заучился», что забылъ и гостей и то, «что щи на столѣ стынутъ». — «Что же, мой батюшка, кушанье давно подано, а тебя не дозовешься!» встрѣчаетъ она мужа. «Своимъ «ворчаніемъ» усыпляла мужа, дремавшего на диванѣ. «Не умолкала ни на минуту, и осыпала «Гринева» вопросами; кто его «родители, живы ли они, гдѣ живутъ и каково ихъ состояніе?» Всякая «тайна мучила ея дамское любопытство». Услыша, что «попадья получила важныя извѣстія, которыя содержитъ въ великой тайнѣ», тотчасъ захотѣла отправиться въ гости къ попадѣ; узнавъ, о совѣщаніи, бывшемъ въ ея отсутствіи, «приступила къ мужу съ допросомъ». Во всю ночь не могла заснуть и никакъ не могла догадаться, что бы такое было въ головѣ ея мужа, о чемъ бы ей нельзя было знать. «Что бы значили эти военныя приготовленія? — думала «комендантша» — ужъ не ждутъ ли нападенія отъ киргизцевъ? Но неужто Иванъ Кузьмичъ сталъ бы отъ меня таить такіе пустяки?» Она кликнула Ивана Игнатьича съ твердымъ намѣреніемъ вывѣдать отъ него тайну. «Не охотница до розыска», но допрашивала «какъ судья, начинающій слѣдствіе вопросами посторонними, чтобы сперва усыпить осторожность отвѣтчика». Подозвавъ Ивана Игнатьича, «сдѣлала ему нѣсколько замѣчаній касательно хозяйства. Потомъ, помолчавъ нѣсколько минутъ», «глубоко вздохнула и сказала, качая головою»: — «Господи, Боже мой! Вишь, какія новости! что изъ этого будетъ?» Послѣ спросила: — «А что за человекъ этотъ Пугачевъ?» Принудила поручика во всемъ признаться, давъ ему слово не рассказывать о томъ никому». — «Не тебѣ бы хитрить», да лихъ не проведешь, говоритъ она мужу, полно врать» «Заставила Гринева и Швабрина примириться «и другъ-друга поцѣловать». Сокрушалась о Палашкѣ (запертой комендантомъ во время совѣщанія въ чуланѣ): — «За что бѣдная дѣвка про-

сидѣла въ чуланѣ?... Скорбѣла объ участи дочери:—«Хорошо, коли найдется добрый человекъ, а то сиди въ дѣвкахъ вѣковѣчною невѣстою». Передъ осадой крѣпости хлопотала «увести» дочь «куда-нибудь изъ дому, а то услышитъ крикъ, перепугается, и боялась какъ бы дочь «не занемогла», услыша о бунтѣ.

Миронova, Марья Ивановна («Капит. дочка»).—«Дѣвушка лѣтъ семнадцати, круглолицая, румяная, съ свѣтлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши». „Одѣвалась просто и мило».—«Маша дѣвка на выданьи, а приданое» у ней «частый гребень, да вѣникъ да алтынъ денегъ», говоритъ мать; по утверженію Савельича, «такой невѣстѣ» не надобно и приданого“. Савельичъ называетъ М. И. «добрый барышней и ангеломъ Божиимъ». Родители Гринева, которые были противъ брака сына съ М. И., «вскорѣ» къ ней искренно привязались, «потому что нельзя было ее узнать и не любить», прибавляетъ Гринева. Письмо Екатерины II къ старому Гриневу «содержало похвалы уму и сердцу Маріи Ивановны. «Въ высшей степени одарена была скромностью и осторожностью», «безъ притворной застѣнчивости». При первой встрѣчѣ съ Гриневымъ «сѣла въ уголь и стала шить», но, когда полюбила Гринева, «безъ всякаго жеманства призналась» ему въ своей «сердечной склонности» и «сказала, что ея родители, конечно, рады будутъ ея счастію. — Но, подумай хорошенько, прибавила она: со стороны твоихъ родныхъ не будетъ ли препятствія? — Нѣтъ, Петръ Андреичъ“, говоритъ М. И. Гриневу — я не выйду за тебя безъ благословенія твоихъ родителей. Безъ ихъ «благословенія не будетъ тебѣ счастія». «Прочитавъ» отвѣтъ родителей Гринева, сказала дрожащимъ голосомъ:— «Видно, мнѣ не судьба... Родные ваши не хотятъ меня въ свою семью. Будь во всемъ воля Господня! Богъ лучше нашего знаетъ, что намъ надобно. Дѣлать нечего, Петръ Андреичъ, будьте хоть вы счастливы».—«Коли найдешь себѣ суженую, коли полюбишь другую,—Богъ съ тобою, Петръ Андреичъ; а я за васъ обоихъ».. Разставаясь съ Гриневымъ, М. И. заплакала. —Прощайте, Петръ Андреичъ, сказала она тихимъ голосомъ: придется ли намъ увидѣться или нѣтъ,—Богъ одинъ это знаетъ; но вѣкъ не забуду васъ; до могилы ты одинъ останешься въ моемъ сердцѣ». Узвавъ о дуэли между Швабринымъ и Гриневымъ, сразу рѣшила, что не Гринева «зачинщикъ ссоры»:—«Вѣрно, виноватъ Алексѣй Ивановичъ!» На вопросъ Гринева («а почему вы такъ думаете, М. И.?) отвѣчала: «—Да такъ... онъ такой насмѣшникъ! Я не люблю Алексѣя Ивановича. Онъ мнѣ очень противенъ; а странно: ни за что бъ я не хотѣла, чтобы и я ему такъ же не нравилась Это меня беспокоило бы страхъ». Отрыла Гринева, что Швабринъ за ней сватался. —«Алексѣй Ивановичъ, конечно, человекъ умный и хорошей фамилии и имѣетъ состояніе; но какъ подумаю, что надобно будетъ подъ вѣнцомъ при всѣхъ съ нимъ поцѣловаться... ни за что! ни за какія благополучія!»—«Какъ мужчины странны! За одно слово, о которомъ черезъ недѣлю вѣрно бъ они позабыли, они готовы рѣзаться и жертвовать не только жизнью, но и совѣстью, и благополучіемъ тѣхъ, которые..» Узнавъ черезъ Палашу, что Максимычъ часто Гринева «издали видитъ на вылазкахъ, пеняетъ ему:—«вы совсѣмъ себя не бережете и не думаете о тѣхъ, которые за васъ со слезами Бога молятъ». При словахъ матери о ней какъ о «вѣковѣчной невѣстѣ», «вся покраснѣла и даже слезы капнули на ея тарелку», но сватовство Швабрина отклонила. Когда же онъ, пользуясь ея «беззащитнымъ положеніемъ», «принуждалъ М. И. выйти за него замужъ», писала Гриневу:—«Мнѣ легче было бы умереть нежели сдѣлаться женою такого человека, каковъ Алексѣй Ивановичъ: онъ мнѣ не мужъ. Я никогда не буду его женою. Я лучше рѣшилась умереть и умру, если меня не избавятъ». «Батюшка, Петръ Андреичъ! писала М. Ив.—а Гринева, вы одинъ у меня покровитель; заступитесь за

меня бѣдную. Упросите генерала и всѣхъ командировъ прислать къ намъ поскорѣе сикурсу, да прїѣзжайте сами, если можете». И подписалась: «вамъ покорная бѣдная сирота Марья Миронова».

Когда Зуринымъ назвалъ ее «невѣстой Гринева», покраснѣла по уши, но когда Гриневъ сказалъ, что онъ почитаетъ её «своею женою», «выслушала» его «просто, безъ притворной застѣнчивости, безъ затѣйливыхъ отговорокъ». Она чувствовала, что судьба «ея соединена съ» его, и «поцѣловала» его «при всѣхъ».

«Трусиха»; по словамъ матери, «не можетъ слышать выстрѣла изъ ружья, такъ и затрепещетъ»; отъ пушечной пальбы (въ день именинъ Василісы Егоровны) «чуть на тотъ свѣтъ не отправилась»; при полученіи извѣстія о взятіи Нижнеозерной, М. И. «сдѣлалось дурно», но во время осады Бѣлогорской крѣпости «слѣдовала всюду за матерью и не хотѣла отстать отъ нея»;—передъ нападеніемъ Швабринъ «стояла съ ангельскимъ спокойствіемъ, ожидая рѣшенія своей участи»; замѣтя, что амбаръ былъ подожженъ и «дымъ началъ пробиваться изъ-подъ щелей порога, М. И. подошла къ Гриневу «и, тихо взявъ его за руку, сказала:—«Полно, Петръ Андреичъ! Не губите за меня и себя и родителей. Швабринъ меня послушаетъ. Выпусти меня!». На вопросъ Гринева:—«Знаете ли, что васъ ожидаетъ?» отвѣчала спокойно:—«Безчестія я не перенесу. Но, м. б., я спасу моего благодѣтеля и семью, такъ великодушно «презрѣвшихъ мое сиротство». Позднѣ объявила Гриневымъ, что необходимость заставляетъ ее ѣхать въ Петербургъ, и отправилась одна «просить о правосудіи» у сильныхъ людей какъ дочь человѣка, пострадавшаго за свою вѣрность».

«Мысль увидѣть Императрицу лицомъ къ лицу такъ утешала М. И., что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ», но когда Императрица сказала, что Гриневъ «измѣнникъ», «вскрикнула»:—«Ахъ, неправда! Неправда, ей Богу, неправда! Я знаю все, я все вамъ расскажу. Онъ для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не захотѣлъ запутать меня».

Узнавъ объ арестѣ Гринева, «хотя сильно была встревожена, но молчала». Мучилась болѣе всѣхъ», т. к. была увѣрена, что Гриневъ «могъ бы оправдаться, когда бы только захотѣлъ; она догадывалась объ истинѣ и почитала себя виновницей «его несчастія». Она скрывала ото всѣхъ свои слезы и страданія, и «непрестанно думала о средствахъ «спасти» Гринева; уѣзжая въ Петербургъ только «отчасти объяснила» Гриневой «свои предположенія». Получивъ отъ Екатерины II собственноручное письмо, въ которомъ императрица извѣщала отца Гринева объ оправданіи его сына, въ тотъ же день», «не полюбопытствовавъ «взглянуть» на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню». «Въ высшей степени одарена была скромностью и осторожностью», но «безъ притворной застѣнчивости». Письмо Екатерины II къ старому Гриневу содержало похвалы уму и сердцу Марьи Ивановны.

К р и т и к а: «... Глубоко задуманный, сложный и возвышенный характеръ и гениально обрисованный типъ чудной русской дѣвушки конца прошлаго столѣтія». «И въ бытовомъ и психологическомъ отношеніи Марья Ивановна представляетъ громадный интересъ и должна быть отнесена къ числу величайшихъ созданій Пушкинскаго творчества».—«Пушкинская Татьяна сильнѣе поражаетъ воображеніе. Отъ ея скорбно-задумчиваго облика такъ и вѣетъ романтизмомъ и чарующею прелестью; за-то кроткое лицо Марьи Ивановны окружено ореоломъ чистоты и поэзіи и даже, можно сказать, святости. Марья Ивановна съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ Татьяна, можетъ быть названа идеаломъ русской женщины, ибо въ ея натурѣ, въ ея стремленіяхъ и во всемъ складѣ ея ума и характера не было ничего

не русскаго, вычитаннаго изъ иностранныхъ книгъ и, вообще навѣяннаго иноземными вліяніями. Всѣми своими помыслами и влеченіями Марья Ивановна связана съ русскимъ бытомъ». «М. И. исключительная и богато-одаренная натура, представляющая сочетаніе самыхъ противоположныхъ элементовъ и очень сложный, не легко понимаемый характеръ. Чуткость сердца, впечатлительность и женственность составляютъ прежде всего бросающіеся особенности Марьи Ивановны. Она очень самолюбива и живо чувствуетъ горечь обиды. «Но Марья Ивановна не имѣла ничего общаго съ хилыми и дряблыми натурами. Она была рѣшительна и смѣла въ своихъ поступкахъ, когда ей нужно было опредѣлить свои отношенія къ людямъ. Она не любила прибѣгать къ чужимъ совѣтамъ; она умѣла дѣйствовать самостоятельно, тщательно обдумывала каждый свой шагъ, и, разъ принявъ какое-нибудь рѣшеніе, уже не отступала отъ него».

«Она мало говорила, но много думала; въ ней не было скрытности, вытекающей изъ недовѣрчиваго отношенія къ людямъ; но она рано привыкла жить внутреннею жизнью, оставаться наединѣ съ собою и со своими мыслями. Сосредоточенная, вдумчивая и нѣсколько замкнутая въ себя, она поражаетъ своею наблюдательностью и способностью угадывать людей и ихъ побужденія. Внимательно и зорко слѣдя за движеніями своего сердца и за голосомъ своей совѣсти, она безъ особаго труда постигла самыя затаенныя побужденія и свойства окружающихъ ее лицъ».

«Владѣя ключомъ отъ своей души, она безъ труда отмыкала этимъ ключомъ и души другихъ. Въ Марьѣ Ивановнѣ не было ни малѣйшей аффектаціи; она не умѣла рисоваться. Марья Ивановна—сама искренность и простота. Она не только не выставляла своихъ чувствъ напоказъ, а стыдилась выразить ихъ открыто». «Проникнутая восторженною, экзальтированою вѣрой и глубокимъ сознаниемъ долга, Марья Ивановна не терялась въ самыя тяжелыя минуты жизни, ибо у нея всегда была путеводная звѣзда, съ которой она не сводила глазъ и которая не давала ей сбиться съ прямой дороги. [Н. Черныяевъ. «Капит. дочка»].

Мионовъ, Иванъ Кузьмичъ («Капитанская дочка»).—Комендантъ Бѣлогорской крѣпости; «капитанъ, вышедшій въ офицеры изъ солдатскихъ дѣтей». «Сорокъ лѣтъ въ службѣ». «Бодрый старикъ» высокаго роста; дома ходитъ въ колпакъ и въ китайчатомъ халатѣ. Необразованный и простой. «Хорошій офицеръ», по отзыву генерала Р.; «удалая солдатская головушка», по словамъ жены, извѣдалъ «штыки прусскіе» и «пули турецкія». Мятужники прозвали его «гарнизонной крысой». «По собственной охотѣ училъ иногда солдатъ, но еще не могъ добиться, чтобы всѣ они знали, которая сторона правая, которая лѣвая». «Только слава, что солдатъ» учитъ; «ни имъ служба не дается, ни тебѣ въ ней толку» не вѣдать, «говорила Василиса Егорова.

По сравненію Швабрина, какъ «стихотворцамъ нуженъ слушатель», такъ капитану «графинчикъ водки предъ обѣдомъ». По утвержденію самого капитана, «всѣ стихотворцы безпутные и горькіе пьяницы». «Дружески» совѣтуетъ Гриневу «оставить стихотворство, какъ дѣло службѣ противное и ни къ чему доброму не ведущее».—«Самый честный простой человекъ», «прямодушный и правдивый».—«Не тебѣ хитрить», говоритъ М. жена. Съ Гриневымъ обходился «ласково»; дѣлая ему выговоръ за поединокъ, сказалъ:—«Эхъ, Петръ Андреичъ! надлежало бы мнѣ посадить тебя подъ арестъ, да ты ужъ и безъ того наказанъ. А Алексѣй Иванычъ у меня таки сидитъ въ хлѣбномъ магазинѣ подъ карауломъ, и шпага его подъ замкомъ у Василисы Егоровны. Пускай онъ себѣ надумается, да раскается».

«Жена имъ управляла, что «согласовалось съ его безпечностью». Когда Василиса Егоровна приказала «разсадить Швабрина и Гринева по

разнымъ угламъ на хлѣбъ, да на воду, чтобы у нихъ дурь-то прошла», «вполнѣ соглашался съ своею супругою и приговаривалъ:—«а, слышь ты, Василиса Егоровна правду говорить. Поединки формально запрещены въ воинскомъ артикулѣ»; лишь съ согласія своей супруги рѣшился освободить Швабрина; подъ давленіемъ жены иногда «не зналъ на что рѣшиться», и часто «дремалъ» на диванѣ, «усыпляемый ворчаніемъ своей супруги». Когда капитанша приступила къ М. «съ допросомъ», «ни мало не смутился и бодро отвѣчалъ своей любопытной сожительницѣ», но къ вопросу капитанши («А для чего жъ было тебѣ запирать Палашку?») «не былъ приготовленъ»: «запутался и пробормоталъ что-то очень нескладное». «Хотя и очень уважалъ свою супругу, но ни за что на свѣтѣ не открылъ бы ей тайны, ввѣренной ему по службѣ». «Это не бабье дѣло». «Получивъ письмо отъ генерала» съ извѣщеніемъ о Пугачевскомъ бунтѣ, довольно искуснымъ образомъ выпроводилъ Василису Егоровну, сказавъ ей будто бы отецъ Герасимъ получилъ изъ Оренбурга какія-то чудныя извѣстія, которыя содержитъ въ великой тайнѣ». Оставшись полнымъ хозяиномъ, тотчасъ послалъ за офицерами, «а Палашку заперъ въ чуланъ, чтобы она не могла подслушать». Когда пришлось вторично «спровадить» жену, то «не нашелъ другого способа кромѣ какъ единожды уже имъ употребленнаго»:—«Слышь ты, Василиса Егоровна, сказалъ М. ей покашливая: отецъ Герасимъ получилъ, говорятъ, изъ города...»; узнавъ, что женѣ извѣстна тайна совѣщанія, «вытаращилъ глаза».—«Ну, «матушка, сказалъ онъ: коли ты уже все знаешь, такъ, пожалуй, оставайся, мы потолкуемъ и при тебѣ». Передъ осадой Пугачевымъ Бѣлогорской крѣпости, былъ спокоенъ.—«Пустяки! говорилъ М.: у насъ давно ничего не слыхать. Башкирцы—народъ напуганный, да и киргизы проучены. Небось на насъ не сунутся; а сунутся, такъ я такую задамъ острастку, что лѣтъ на десять угомоню». Получивъ черезъ капрала воззваніе Пугачева, М. «прочелъ про себя и разорвалъ его на клочки. На вопросъ капитанши: «Неужто нашлись такіе командиры, которые послушались разбойника?» отвѣчалъ:—«Кажется, не должно бы»; послѣ письма отъ генерала, созвалъ офицеровъ, «заперъ двери, всѣхъ усадилъ, вынулъ изъ кармана бумагу и сказалъ имъ: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишетъ генералъ». Тутъ онъ надѣлъ очки и прочелъ письмо. «Принять надлежащія мѣры!» проговорилъ М., «снимая очки и складывая бумагу. Слышь ты, легко сказать. Злодѣй-то, видно, силенъ: а у насъ всего сто тридцать человекъ, не считая казаковъ, на которыхъ плоха надежда, не въ укоръ буди тебѣ сказано, Максимычъ. Однако, дѣлать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры, въ случаѣ нападенія запирайте ворота да выводите солдатъ. Ты, Максимычъ, смотри крѣпко за своими казаками. Пушку осмотрѣть, да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите все это втайнѣ, чтобъ въ крѣпости никто не могъ о томъ узнать преждевременно».—«Что же ты молчишь? говоритъ М. башкирцу: «али по-русски не разумѣешь? Юлай, спроси-ка у него по вашему, кто его подослалъ въ нашу крѣпость?»—«Явши, сказалъ М., ты у меня заговоришь. Ребята! снимите-ка съ него дурацкій полосатый халатъ, да выстрочите ему спину. Смотри жъ, Юлай: хорошенько его». «Онъ не скрылъ отъ жены опасности: «Хорошо, коли отсидимся, или дождемся сикурса; ну, а коли злодѣи возьмутъ крѣпость?» и прибавилъ:—Машѣ здѣсь оставаться негоже. Отправимъ ее въ Оренбургъ, къ ея крестной матери: тамъ и войска, и пушекъ довольно, и стѣна каменная. Да в тебѣ совѣтовалъ бы съ нею туда же отправиться; даромъ, что ты старуха, а, посмотри, что съ тобою будетъ, коли возьмутъ фортецію приступомъ». Передъ приступомъ обнялъ свою старуху. Перекрестилъ дочь трижды; потомъ поднялъ и поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ:—Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человекъ, дай Богъ

вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ жили мы съ Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе».—«Коли успѣешь», наказываетъ онъ женѣ, «надѣнь на Машу сарафанъ».

«Близость опасности одушевляла стараго воина бодростью необыкновенной». Въ ожиданіи приступа, М. «расхаживаль передъ своимъ малочисленнымъ строемъ», ободрилъ свое войско, говоря солдатамъ:—«Ну, дѣтушки, постоимъ сегодня за матушку - государыню и докажемъ всему свѣту, что мы люди бравые и присяжные».—«Вотъ я васъ! закричалъ М., «ребята стрѣляй! велѣлъ Ивану Игнатьичу «навести пушку», и «самъ приставилъ фатиль». «Подпустилъ бунтовщиковъ на самое близкое разстояніе и вдругъ выпалилъ опять».—Теперь стойте крѣпко, будетъ приступъ».—«Ну, ребята, теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ. Ребята за, мной.» «Что же вы дѣтушки, стойте», закричалъ «М., умирать такъ умирать, дѣло служивое». Когда М. привели къ Пугачеву, «изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ»:—«Ты мнѣ не государь, ты—воръ и самозванецъ». По приказанію Пугачева, М. вздернули на воздухъ».

Митюшка («Родосл.»).—Кто бы ни былъ вашъ родоначальникъ, — Мстиславъ, князь Курбскій, иль Ермакъ, или Митюшка цѣловальникъ».

Мисаиль («Бор. Годуновъ»). «Бродяга въ видѣ чернеца». По словамъ Варлаама, «мы, отецъ Мисаиль да я грѣшный, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ и не думаемъ: Литва ли, Русь-ли, что гудокъ, что гусли все намъ равно, было бы вино».—«У насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка—пьемъ до донушка»; къ словамъ Варлаама М. приговариваетъ: «Складно сказано, отецъ Варлаамъ».—Приставъ, подозрѣвая, что у него есть деньги, хочетъ М. обвинить въ томъ, что онъ злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ».

Михайлаки («Кирджали»).—Арнаутъ. Въмѣстѣ съ Кирджали «напали вдвоемъ на болгарское селеніе. Они зажгли его съ двухъ концовъ и стали переходить изъ хижины въ хижину. Кирджали рѣзалъ, а М. несъ добычу».

Михельсонъ, Иванъ Ивановичъ («Капит. дочка»). — Генераль; преслѣдовалъ Пугачева, когда тотъ «бѣжалъ»

Мишенька («Р. Пеламъ»).—Сынъ Вирладкой. «Мнѣ подвели, рассказываетъ Р. Пеламъ, мальчика, въ красной курточкѣ съ манжетами и сказали, что онъ мнѣ братецъ... Мишенька шаркнулъ направо, шаркнулъ налѣво и хотѣлъ поиграть моимъ ружьецомъ; я вырвалъ игрушку изъ его рукъ. М. заплакалъ и отецъ поставилъ меня въ уголь, подаривъ братцу мое ружье». «Съ Мишенькой» Р. Пеламъ «имѣлъ безпрестанныя ссоры и драки».

Мнишекъ («Бор. Год.»).—«Гостепріимный замокъ его», «въ Самборѣ», «пышностью блистаетъ благородной».—«Мы старики, говоритъ М., Прелестныхъ рукъ не ждемъ и не пѣлуемъ... Охъ, не забылъ старинныхъ я проказъ! теперь не то, не то, что прежде было. И молодежь, ей-ей не такъ смѣла; и красота не такъ ужъ весела;... все какъ-то приуныло».—«Пойдемъ, товарищъ мой, венгерскаго, обросшую травой, велимъ открыть бутылку вѣнговую, да въ уголку потянемъ-ка вдвоемъ душистый сокъ, струю какъ жиръ густую, а между тѣмъ посудимъ кой о чемъ».—«Думалъ ты, что дочь моя царицей будетъ, а?» «какова, скажи, моя Марина? я только ей промолвилъ: ну, смотри! не упускай Димитрія!.. и вотъ все конечно, ужъ онъ въ ея сѣтяхъ».

Мнишекъ, Марина («Бор. Год.»).—«Прелестная Марина», какъ говоритъ о ней Самозванецъ. «Кто смѣетъ красотою равняться здѣсь съ моею госпожею?»—спрашиваетъ Рузя. «На балѣ, говорятъ, какъ солнце вы блистали: мужчины ахали, красавицы шептали»... «говорятъ, на васъ кто ни взглянулъ, тотъ и влюбился». «Въ то время, кажется, васъ видѣлъ въ первый разъ Хоткевичъ молодой, что послѣ застрѣлился».—«Царевичъ... не могъ утаить восторга своего», увидѣвъ Марину: «Онъ влюбленъ». «Вотъжъ ѣсяцъ»,

какъ оставя Краковъ, забывъ войну, московскій тронъ, въ гостяхъ у вась пируетъ онъ и бѣситъ русскихъ и поляковъ». — «Какова, скажи, моя Марина?» — говоритъ Мнишекъ: «я только ей промолвилъ: Ну, 'смотри! Не упускай Дмитрія!.. и вотъ все кончено, ужъ онъ въ ея сѣтяхъ». По мнѣнію Самозванца, у нея «надменный умъ», который можно «обольстить», «назвавъ ее московскою царицей». «Она для него» «надменная Марина», «гордая полячка». — «Ты развѣ думаешь, царицей буду я?» спрашиваетъ она Рузю, въ отвѣтъ на ея восхваленія. — Услышавъ слухи о томъ, что Самозванецъ бѣглый «дьячекъ», М. говоритъ себѣ: — «Мнѣ должно все узнать»... Придя на свиданіе къ Самозванцу, М. сразу же объявляетъ: — «я здѣсь тебѣ назначила свиданье не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи любовника. Слова не нужны. Вѣрю, что любишь ты; но слушай: я рѣшилась съ твоей судьбой и бурной, и невѣрной, соединить судьбу мою; то вправѣ, я требовать, Дмитрій, одного: я требую, чтобъ ты души своей мнѣ тайныя открылъ теперь надежды, намѣренья и даже опасенья; чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло пуститься въ жизнь — не съ дѣтской слѣпотой, не какъ раба желаній легкихъ мужа, наложница безмолвная твоя; но какъ тебя достойная супруга, помощница московскаго царя». — «Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно», взываетъ къ ней Самозванецъ. — «Не время, князь: ты медлишь, и межъ тѣмъ приверженность твоихъ клеветовъ стынетъ; часъ отъ часу опасность и труды становятся опаснѣй и труднѣе; ужъ носятся сомнительные слухи, ужъ новизна смѣняетъ новизну; а Годуновъ свои пріемлетъ мѣры»... — «Въ глухой стѣнѣ, въ землянкѣ бѣдной, ты, ты замѣнишь мнѣ царскую корону», говоритъ ей Дмитрій. «Что безъ твоей любви мнѣ жизнь и славы блескъ; и русская держава?» — «Стыдись», отвѣчаетъ М., «не забывай высокаго святого назначенья: тебѣ твой санъ дороже долженъ быть всѣхъ радостей, всѣхъ оболъщеній жизни. Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять» — «Не юношѣ кипящему безумно, плѣненному моею красотой, — знай, отдаю торжественно я руку наслѣднику московскаго престола, царевичу, спасенному судьбой», — прямо заявляетъ М. — «Дмитрій, ты и быть инымъ не можешь; другого мнѣ любить нельзя», возражаетъ М., послѣ того какъ Самозванецъ въ «досадѣ» открываетъ ей истину о себѣ. — «Встань, бѣдный самозванецъ, говоритъ она, «бросившемуся на колѣни» Лжедмитрію. «Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ, какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой, тщеславное мнѣ сердце умилишь?». «У ногъ своихъ видала я рыцарей и графовъ благородныхъ»... Ты, «дерзкій», «достоинъ петли». — И когда Самозванецъ подчеркиваетъ, что «одна любовь принудила его все высказать», — М. отвѣчаетъ: — «чѣмъ хвалится, безумецъ! кто требовалъ признанья твоего? Ужъ если ты, бродяга безымянный, могъ ослѣпить чудесно два народа; такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты достоинъ быть успѣха своего и свой обманъ отважный обезпечить упорною, глубокой, вѣчной тайной. — Могу-ль, скажи, предаться я тебѣ, могу-ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій, соединить судьбу мою съ твоею, когда, ты самъ съ такой простотой, такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?». — Онъ изъ любви со мною проболтался!» — насмѣхается Марина. — «Дивлюсь я: какъ передъ моимъ отцомъ изъ дружбы ты доселѣ не открылся, отъ радости — предъ нашимъ королемъ или еще предъ паномъ Вишневецкимъ, ихъ вѣрнаго усердія слуги?». М. грозитъ ему, «дерзостный обманъ заранѣе предъ всѣми обнаружить»; но Самозванецъ указываетъ ей, что «ни король, ни папа, ни вельможи не думаютъ о правдѣ словъ» его: — «Я предлогъ раздоровъ и войны. Имъ это лишь и нужно; и тебя, мятежница, повѣрь, молчать заставятъ. Прощай». — Марина останавливаетъ его: — «Постой, царевичъ. Наконецъ я слышу рѣчь не мальчика, но мужа. Съ тобою, князь, она меня мирить. Безумный твой порывъ я забываю и вижу вновь Дмитрія. Но слушай: пора, пора! Проснись, не медли болѣ, веди полки скорѣе на Москву;

очисти Кремль, садись на тронъ Московскій—тогда за мной шли брачнаго посла; но, слышитъ Богъ, пока твоя нога не оперлась на тронныя ступени, пока тобой не сверженъ Годуновъ, любви рѣчей не буду слушать я.— «Змѣя, змѣя!»—говоритъ, оставшись послѣ этой бесѣды Самозванецъ, «и путаешь, и вѣтсея, и ползешь, скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ... Она меня чуть-чуть не погубила».

Молчановъ («Бор. Год.»).—Входитъ съ Мосальскимъ и др. въ «домъ Борисовъ», къ дѣтямъ Годунова.

Монахъ («Камен. Гостъ»).—Называетъ Жуана «развратнымъ, безсовѣстнымъ, безбожнымъ», но его не узнаетъ. «Его здѣсь нѣтъ. Онъ въ ссылкѣ далеко», отвѣчаетъ М. на вопросъ Лепорелло и спрашиваетъ: «онъ вамъ знакомъ, быть можетъ?» На разспросы Донъ-Жуана о Доннѣ-Аннѣ, говоритъ:—«Мы красотю женской, отшельники, прельщаться не должны; но глатъ грѣшно: не можетъ и угодникъ въ ея красѣ чудесной не сознаться».— «О, Дона-Анна никогда съ мужчиной не говоритъ»;—«со мной иное дѣло—я монахъ».

Монахъ («Кирджали»).—«Бѣглый монахъ; въ его домѣ, въ Кишиневѣ, полиція поймала Кирджали».

Мордвиновъ («Р. Пеламъ», Прогр.).—«Мордвиновъ, его общество».

Мосальскій («Бор. Год.»).—«Бояринъ». Входитъ съ Голицынымъ и др. въ «домъ Борисовъ». Оттуда раздаются «визгъ», «женскій голосъ»; «двери заперты—крики замолкли, шумъ продолжается». М. «появляется на крыльцѣ»: «Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Феодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (Народъ въ ужасѣ молчитъ), что жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!» (Народъ безмолвствуетъ).

Моцартъ («Моц. и Сальери»).—По словамъ Сальери, «какъ нѣкій херувимъ, онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ».—«Ты, Моцартъ, богъ и самъ того не знаешь».—«Ба! право? можетъ быть», отвѣчаетъ М. Считаетъ и себя и Сальери въ числѣ немногихъ «избранныхъ, счастливецвъ праздныхъ, пренебрегающихъ презрѣнной пользой, единаго прекраснаго жрецовъ» и пьетъ за искренній союзъ, связующій Моцарта и Сальери, двухъ сыновей гармоніи. Сальери, въ противоположность себѣ, называетъ М. «безумцемъ», «гулякой празднымъ». Приводитъ изъ трактира «слѣпое скрипача», чтобъ «угостить» Сальери «его искусствомъ», и самъ хохочетъ, когда «старикъ играетъ арію изъ (моцартовскаго) Донъ-Жуана; послѣ того, какъ возмущенный Сальери гонитъ старика, останавливаетъ слѣпое:—«Постой же: вотъ тебѣ; пей за мое здоровье». Садится самъ за фортепяно, чтобъ слышать «мнѣнье» Сальери, по поводу своей «бездѣлицы»:—«намедни ночью безсонница меня томила, и въ голову пришли мнѣ двѣ-три мысли. Сегодня я ихъ набросалъ». «Странный случай» его тревожитъ и онъ рассказываетъ о немъ Сальери:—«Недѣли три тому, пришелъ я поздно домой, сказали мнѣ, что заходилъ за мною кто-то. Отчего—не знаю, всю ночь я думалъ: кто бы это былъ? и что ему во мнѣ? На завтра тотъ-же зашелъ, и не засталъ меня, на третій день игралъ я на полу съ мальчишкой. Кликнули меня; я вышелъ. Человѣкъ одѣтый въ черномъ, учтиво поклонившись, заказалъ мнѣ Requiem и скрылся. Съѣлъ я тотчасъ и сталъ писать—и съ той поры за мною не приходилъ мой черный человѣкъ; а я и радъ: мнѣ было бѣ жаль разстаться съ моей работой, хоть совсѣмъ готовъ ужъ Requiem». «Requiem» его «тревожитъ», и М. «совѣстно признаться», что день и ночь покоя не даетъ ему «черный человѣкъ». «За мною всюду какъ тѣнь онъ гонится. Вотъ и теперь, мнѣ кажется, онъ съ нами самъ третьей сидитъ». Предчувствуя близость смерти, не видитъ зависти къ себѣ со стороны Сальери, готовящаго ему отраву. Сальери—«геній», а геній и злодѣйство—двѣ вещи несомѣст-

ныя». Когда Сальери (бросившій «ядъ въ стаканъ Моцарта»), слушаетъ его игру и плачетъ, М. говоритъ:—«Когда бы всё такъ чувствовали силу гармоніи! Но нѣтъ: тогда бъ не могъ и міръ существовать; никто бъ не сталъ заботиться о нуждахъ низкой жизни—всѣ предались бы вольному искусству!».

Критика: 1) «Въ лицѣ М. Пушкинъ представилъ типъ непосредственной геніальности, которая проявляетъ себя безъ усилий, безъ разсчета на успѣхъ, нисколько не подозрѣвая своего величія. Нельзя сказать, чтобъ всѣ геніи были таковы; но такіе особенно невыносимы для талантовъ въ родѣ Сальери. Какъ умъ, какъ сознание, Сальери гораздо выше М.; но какъ сила, какъ непосредственная творческая сила, онъ ничто передъ нимъ... И потому самая простота М., его неспособность цѣнить самого себя, еще больше раздражаютъ Сальери. Онъ не тому завидуетъ, что М. выше его,—превосходство онъ могъ бы вынести, благо «М. является со всею простотою, веселостью, шутливостью, съ возможнымъ отсутствіемъ всѣхъ претензій, какъ геній, по своему простодушію не подозрѣвающимъ собственнаго величія или не видящій въ немъ ничего особеннаго». [Бѣлинскій, Сочин., т. 8.]

2) «М.—bon enfant, «добрый малый, непосредственная натура», чловѣкъ простодушно и наивно живущій,—и со стороны кажется, будто онъ и творить шутя, между дѣломъ и бездѣльемъ, не мудрствуя, не священнодѣйствуя». Онъ сознаетъ себя «геніемъ», но это сознание не играетъ большой роли въ его внутреннемъ мірѣ; онъ какъ бы едва замѣчаетъ свою геніальность и не эксплуатируетъ ея преимуществъ. Онъ охотно зачисляетъ въ ряды геніевъ и Сальери, зачислитъ и многихъ другихъ, не выдѣляя себя изъ ихъ уровня, не превознося себя надъ другими». [Овсяннико-Куликовскій. Пушкинъ].

Мстиславскій («Бор. Год.»).—Раненъ подъ Новгородъ-Сѣверскимъ. Борись «встревоженъ» его раной и потерей сраженія».

Мужикъ («Капит. дочка»).—Передовой караульный Пугачева. Когда Гринева и Савельича «привели» «къ избѣ, стоявшей на углу перекрестка», «сказалъ»: «вотъ и дворецъ», «сейчасъ объ васъ доложимъ»; «вошелъ въ избу» и воротившись заявилъ Гриневу:—«Ступай, нашъ батюшка велѣлъ впустить офицера».

Мужикъ («Капит. дочка»).—«Главный» изъ передовыхъ караульныхъ Пугачева. «Объявилъ» Гриневу и Савельичу, «что онъ поведетъ сейчасъ» ихъ «къ государю».—А нашъ батюшка: воленъ приказать,—сейчасъ ли васъ повѣситъ, али дождатся свѣта Божія».

Мужикъ («Капит. дочка»).—Передовой караульный Пугачева. При въѣздѣ Гринева въ Вѣлогорскую крѣпость, «схватилъ лошадь» его «за узду». Гринева «ударилъ» М. саблей «по головѣ; шапка спасла его, однако, М. зашатался и выпустилъ изъ рукъ узду».

Муравьевъ, Никита («Р. Пеламъ», Прогр.).—«Общество умныхъ (... Никита Муравьевъ etc..)

Муромская («Бар-крестьянка»).—См. Лиза.

Муромскій, Григорій Ивановичъ («Барышня-крестьянка»).—Помѣщикъ; владѣлецъ Прилучина, сосѣдъ Берестова. «Настоящій русскій баринъ. Промотавъ въ Москвѣ большую часть имѣнія своего, и на ту пору овдовѣвъ, уѣхалъ онъ въ послѣднюю свою деревню, гдѣ продолжалъ проказничать, но уже въ новомъ родѣ. Развелъ онъ англійскій садъ, на который тратилъ почти всѣ остальные доходы. Конюхи его были одѣты англійскими жокеями. У дочери его «(которую онъ звалъ «на англійскій манеръ Бетси»), была мадамъ—англичанка. Поля свои обрабатывалъ онъ по-англійской методѣ». Въ его рѣчи часто попадались англійскія слова; «несмотря на зна-

чительное уменьшеніе расходовъ, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; онъ и въ деревнѣ находилъ способъ входить въ новые долги; со всѣмъ тѣмъ почитался человѣкомъ неглупымъ, ибо первый изъ помѣщиковъ своей губерніи догадался заложить имѣніе въ опекунскій совѣтъ—оборотъ, казавшійся въ то время чрезвычайно сложнымъ и смѣлымъ».

Н.

Н. Н. («Евг. Онѣгинъ».)— Уп. л. «Да, возразилъ Н. Н. суровый, боимся мы графини—овой, какъ вы боитесь паука» («Альб.»).

Наградскій («Р. Пеламъ».)—«Явленіе княгини Хованской съ Наградскимъ, мои (Пелама) спибки съ нимъ, его сплетни» (Прогр. I).

Наина («Русл. и Людм.».)—«Какъ милый цвѣтъ уединенья», «межъ подругъ она гремѣла красотю». «Надменная» пастушка любви признанья пастуха «съ гордостью внимала, лишь прелести свои любя»; когда же ей «семьдесятъ» ужъ «било», «сѣдое божество» воспыало «новой страстью» къ старцу-пастуху. «Старушка дряхлая, сѣдая, глазами впалыми сверкая, съ горбомъ, съ трясушей головой, — печальной ветхости картина», — «скрививъ улыбкой страшный ротъ», «мигала томными глазами» и «могильнымъ голосомъ бормотала» «любви признанье»; «сквозь кашель продолжала тяжелый, страстный разговоръ»:—«Проснулись чувства, я сгораю, томлюсь желаньями любви.. приди въ объятія мои... О милый, милый, умираю!..» «Чувства прежнія свои старушка не забыла, и пламя позднее любви съ досады въ злобу превратила». «Голосъ скорбный чести меня къ отомщенію зоветъ», говоритъ отверженная Н. Финну.—Содѣйствуетъ Черномору, котораго зоветъ: «собратъ издавна чтимый мной». «Н. помогаетъ Фарлафу напасть на спящаго Руслана и похитить Людмилу.

Народъ («Бор. Год.».)—«Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами! Будь намъ отецъ, нашъ царь»,—«воетъ и плачетъ» народъ, «на колѣняхъ умоляя принять царскую власть» Бориса.—«Одинъ (изъ народа, тихо): О чемъ мы плачемъ? Другой. А какъ намъ знать? то вѣдаютъ бояре—не намъ чета». «Всѣ плачутъ—заплачемъ братъ и мы».—«Вѣнецъ за нимъ! Онъ—царь, онъ согласился?.. Борисъ—нашъ царь! Да здравствуетъ Борисъ!»—Въ концѣ драмы «мужикъ на амвонѣ» кричитъ:—«Народъ! Народъ! въ Кремль! Въ царскія палаты! ступай вязать Борисова щенка»;—народъ «несется толпою»: «вязать, топить! Да здравствуетъ Дмитрій! да гибнетъ родъ Бориса Годунова!».—Когда бояре вошли послѣ этого въ дворецъ — послышался «шумъ», «тревога» «визгъ», «женскій голосъ», а потомъ «крики замолкли» и Мосальскій «появился на крыльцѣ», говоря:—«Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Θεодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы».—«Народъ въ ужасѣ молчитъ».—«Что жъ вы молчите? кричите: да здравствуетъ царь Дмитрій Иоанновичъ!»—«Народъ безмолствуетъ».

По словамъ Шуйскаго, «безсмысленная чернь измѣнчива, мятежна, суевѣрна, легко пустой надеждѣ предана, мгновенному внушенію послушна».—«Всегда народъ къ смятенію тайно склоненъ», говоритъ Басмановъ.—«Лишь строгостью мы можемъ неусыпной сдержать народъ», думаетъ Борисъ: «Такъ думалъ Іоаннъ, смиритель бурь, разумный самодержецъ». Чернь «для истины глуха и равнодушна, а баснями питается». «Ей нравится безстыдная отвага»,—характеризуетъ ее Шуйскій. Борисъ приходитъ къ заключенію, что «безумны мы, когда народный плескъ иль ярый вопль тревожить сердце наше».—Онъ «думалъ свой народъ въ довольствіи, во славѣ успокоить, щедротами любовь его сыскать,—но отложилъ пустое попеченье».—«Богъ посылалъ на землю нашу гладъ; народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая; я отво-

рилъ имъ житницы, говоритъ Борисъ, я злато рассыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы: они жъ меня, бѣснующься, проклинали!» «Пожарный огонь ихъ дома истребилъ: я выстроилъ имъ новыя жилища; они жъ меня пожаромъ упрекали». «Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!». «Живая власть для черни ненавистна. Они любить умѣютъ только мертвыхъ». «Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ: твори добро—не скажетъ онъ спасибо; грабъ и казни—тебѣ не будетъ хуже».—Передъ вступленіемъ на престолъ Борисъ сумѣлъ «и страхомъ, и любовью, и словомъ народъ очаровать»; по вступленіи онъ велитъ «сзывать весь нашъ народъ на пиръ». Ссылается при вѣсти о появленіи Димитрія на то, что «избранъ всенародно». Совѣтуетъ сыну выбрать совѣтника «любимаго народомъ, а въ боярахъ почтеннаго народомъ или славой».—«Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ? Не войскомъ, не польскою подмогой, а мнѣніемъ, —да, мнѣніемъ народнымъ», говоритъ Аѳ. Пушкинъ.

Нарумовъ («Пиковая дама»).—Конногвардеецъ. У него въ домѣ «однажды играли въ карты»; на разсказъ Томскаго возразилъ:—«Какъ! У тебя есть бабушка, которая угадываетъ три карты сряду, а ты до сихъ поръ не перенялъ у ней ея кабалистики?» Томскій проситъ позволенія графини представить ей Н.—Нарумовъ.; онъ же привезъ Германна къ Чекалинскому.

Нарумовъ. Первоначально (въ черновомъ наброскѣ «Дубровскаго»), подъ фамиліей Н—а, былъ изображенъ Троекуровъ. [См. ст. В. Е. Якушкина «Рукописи П. въ Румянц. музеѣ». Р. Ст. 1884 г., 7.

Настасья Герасимовна («Капит. дочка»).—«Тетушка» Гриневыхъ; «окривѣла въ тотъ самый годъ», когда родился Петруша.

Настя («Барышня-крестьянка»).—Горничная Лизы. Въ Прилучинѣ была «лицомъ гораздо болѣе значительнымъ, нежели любая наперсница во французской трагедіи». Лиза «очень любила ее, открывала ей все свои тайны, вмѣстѣ съ нею обдумывала свои затѣи». «Была постарше» Лизы, но столь-же вѣтрена, какъ и ея барышня. Когда Лиза, чтобы увидѣть молодого Берестова, высказала желаніе нарядиться крестьянкой, Настя одобрила ея планъ и съ ея помощью Лиза «скроила себѣ рубашку и сарафанъ». Въ новой роли она «заслужила полное одобреніе Насти». При помощи Н., Лиза получила «маленькіе пестрые лапти», т. е. Н. сняла мѣрку съ Лизиной ноги, сбѣгала въ поле къ Трофиму пастуху и заказала ему пару лаптей по той мѣркѣ; она же помогала Лизѣ во всѣхъ ея проказахъ.

Nathalie (Кочубей) («Пеламъ». Прогр.).—«Вступаетъ въ переписку съ Пелымовымъ, (когда онъ сталъ въ глазахъ свѣта un mauvais sujet.), предостерегаетъ его etc» (прогр. III). «Il reçoit la première lettre au sortir de chez la Istomine qu'il console du mariage de Zavadovski» (IV).

Натали Павловны мужъ («Гр. Нулинъ»). «Его довольное лицо пріятной важностью сіяетъ». Убѣждаетъ гр. Нулина остаться обѣдать: «Жена и я—гостямъ мы рады!» Узнавъ о подвигѣ графа, очень этимъ оскорблялся: онъ говорилъ, что графъ дуракъ, молокососъ; что если такъ, то графа онъ визжать заставитъ, что псами онъ его затравитъ».

Наталя Павловна («Гр. Нулинъ»).—Жила «въ глуши печальной, но одѣвалась къ модѣ очень близко». У ней «довольно круглый, полный станъ, пріятный голосъ, прямо женскій, лица румянецъ деревенскій». Нулинъ, «о Парижѣ забывая, дивится какъ она мила!» Н. П. совсѣмъ «своей хозяйственной частью не занималась, затѣмъ, что не въ отеческомъ законѣ она воспитана была, а въ благородномъ пансіонѣ у эмигрантки Фалбала». «Внимательно читала» романъ классическій, старинный, отмѣнно длинный, длинный, длинный, правоучительный и чинный, безъ романтическихъ затѣй».—«А что театръ?» «Какой писатель нынче въ модѣ? Какія талы нынче въ модѣ? спрашиваетъ гр. Нулина и замѣчаетъ, что у насъ въ Россіи также подражаютъ Дарлин-

куру и Ламартину, что у нея въ домѣ получается «Телеграфъ». На другой день, послѣ «подвига» гр. Нулина, который Н. П. позднѣе «всему сосѣдству описала», «проказница младая, насмѣшливый потупя взоръ и губки алыя кусая, заводитъ скромно разговоръ о томъ, о семь»...

К р и т и к а: Наталья Павловна—типъ молодой помѣщицы новыхъ временъ, которая воспитывалась въ пансіонѣ, въ дѣлѣ моды не отстаётъ отъ вѣка, хотя живетъ въ глуши, о хозяйствѣ не имѣетъ никакого понятія, читаетъ чувствительные романы и зѣваетъ въ обществѣ своего мужа—истиннаго типа степного медвѣдя и псаля» (Бѣлинскій).

Наталья Гавриловна («Арапъ Петра В.»).—См. Ржевская, Н. Г.

Начальникъ карантина («Кирджали») — «Сорокъ лѣтъ» служилъ въ военной службѣ, но «отроду не слыхиваль свиста пуль». Когда (при сраженіи арнаутовъ съ турками подъ Скулянами) «нѣсколько ихъ прожужжали мимо его ушей», «старичокъ ужасно разсердился и разбранилъ за то маіора»; «находившагося при карантинѣ» (см. Хорчевскій). [По замѣчанію Липранди (Русск. Арх. 1866 г.) этотъ «начальникъ всѣхъ бессарабскихъ карантинъ» былъ д. с. с. Навроцкій].

Нащокинъ («Записки Нащокина»). См. «Списокъ», стр. 217.

Негулина Устинья («Капитанская дочка»). Уп. л. Съ ней «капраль Прохоровъ подрался въ банѣ за шайку горячей воды».

Ненародово—имѣніе Гаврил. Гаврил. Р*** («Метель»); Н. же названо имѣніе сосѣда Бѣлкина (пред. къ пов. Бѣлкина).

Неѣловъ («Р. Пеламъ»). (упом.—прогр. II).

Никодимъ («Бор. Год.»). Уп. л. Инокъ Чудова монастыря. «Ты Никодимъ, ты Сергій, ты Кирилль, вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный», говоритъ Іоаннъ Грозный.

Николка («Бор. Год.»). См. Юродивый.

Нищій («Полтава»), Уп. л. «Какой-то нищій во дворецъ (Мазепы) невѣдомо отколѣ ходить, и Орликъ, гетмановъ дѣлецъ, его приводитъ и уводитъ». [Пушкинъ въ примѣчаніяхъ къ поэмѣ (12) называетъ этого Н. болгарскимъ архіепископомъ, однимъ изъ трехъ главныхъ агентовъ «Мазепиной измѣны». См. Дульская и Іезуитъ].

Норовой («Р. Пеламъ»). Н-го «обыгрываетъ шайка Ѡ. Орлова», и онъ «получаетъ пощечину». — Отецъ Пеламъ «ссорится съ Орловымъ изъ-за Норового» и «выгоняетъ его».

Нулинъ, графъ («Графъ Нулинъ»).—«Святую Русь бранить, дивится, какъ можно жить въ ея снѣгахъ, жалѣетъ о Парижѣ», «гдѣ промоталъ онъ въ вихрѣ моды свои грядущіе доходы». Узнавъ отъ Натальи Павловны, что и въ Россіи «также подражаютъ Дарлинкуру и Ламартину, восклицаетъ: «—Нѣтъ! право? такъ и у насъ умъ развиваться начинается. Дай Богъ, чтобъ просвѣтились мы!» Ведетъ непринужденный разговоръ о театрѣ, литературѣ и модахъ, поетъ «прелестный водевиль». «Себя казать, какъ чудный звѣрь, въ Петрополь ѣдетъ онъ теперь съ запасомъ фраковъ и жилетовъ, шляпъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ, булавокъ, запонокъ, лорнетовъ, цвѣтныхъ платковъ, чулковъ à jour, съ ужасной книжкою Гизота, съ тетрадю злыхъ каррикатуръ, съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта, съ bons-mots парижскаго двора, съ послѣдней пѣснью Беранжера, съ мотивами Россини, Пера et cetera et cetera». «Неразрѣзанный романъ» Вальтеръ-Скотта, въ постелѣ лежатъ, глазами пробѣгаетъ онъ.

К р и т и к а: «Въ лицѣ графа Нулина поэтъ съ неподражаемымъ мастерствомъ изобразилъ одного изъ тѣхъ пустыхъ людей высшаго свѣтскаго круга, которые такъ обыкновенны въ жизни». [Бѣлинскій. Сочин., т. 8].

Няня («Евг. Онегинъ»).—Няня Лариныхъ. «Филиппевна». (Въ пропущ. XXI строфѣ, гл. II—«Фаддеевна»).—«Съ платкомъ на головѣ сѣдой, старушка

въ длинной тѣлогрѣйкѣ». Имѣеть «внука». «Вѣнчалась», потому что, «такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня моложе былъ меня, мой свѣтъ, а было мнѣ тринадцать лѣтъ. Недѣли двѣ ходила къ моей роднѣ и наконецъ благословилъ меня отецъ. Я горько плакала со страха, мнѣ съ плачемъ косу расплели и съ пѣньемъ въ церковь повели. И вотъ ввели въ семью чужую». «Въ эти лѣта мы не слыхали про любовь, а то бы согнала со свѣта меня покойница свекровь». «Бывало, я востра (была)», говоритъ она Танѣ: «Бывало въ памяти своей» она хранила не мало старинныхъ былей, небылицъ, про злыхъ духовъ и про дѣвицъ». «А нынѣ» все ей стало «темно».... «что знала, то забыла. Пришла худая череда!.. Зашибло». «Ужъ я стара, стара, тупѣеть разумъ», сознается она. «Я нынче стала безтолкова». Она «недогадлива». Во время дѣтства Ольги, Филиппевна «собирала для нея на широкой лугъ всѣхъ маленькихъ ея подругъ» ¹⁾. Таня по ея «совѣту», собирается на Святкахъ «ночью ворожить»; «влюбясь» въ Онѣгина, сообщаетъ ей одной свою тайну: «я... знаешь няня... влюблена», но старушка, не понимаетъ Тани и твердитъ:—«Сердечный другъ, ты не здорова», «Господь помилуй и спаси! Чего ты хочешь попроси... Дай окроплю святой водою, ты вся горюшь». ... «И няня дѣвушку съ мольбой крестила дряхлою рукой». На зарѣ ей «Филиппевна сѣдая приноситъ на подносѣ чай.—Пора, дитя мое, вставай! Да ты, красавица, готова! О пташка ранняя моя! Вечоръ ужъ какъ боялась я! Да, слава Богу, ты здорова!»—«Безтолковая старушка» посылаетъ внука съ письмомъ Татьяны къ Онѣгину. Ставъ княгиней, Татьяна «сейчасъ отдать бы рада... весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ за полку книгъ, за дикій садъ... да за смиренное кладбище, гдѣ нынче крестъ, и тѣнь вѣтвей надъ бѣдной нянею моею».

О.

Оберъ-Секретарь («Капит. дочка»).—«Молодой малый въ капральскомъ мундирѣ». При вызовѣ Пугачева, «проворно побѣжалъ» къ нему и «громогласно сталъ по складамъ читать» реестръ, поданный Савельичемъ.

Овошникова («Р. Пеламъ»).—«Всеволожскій и Овошникова». (Прогр. II.).

Олимпіоти («Кирджали»).—См. Иордаки, О.

Ольга, княгиня («Родосл.»).—«При Ольгѣ» «Варлафъ пріялъ крещеніе въ Царьградѣ».

Ольга Ларина («Евг. Онѣгинъ»).—Младшая дочь Лариныхъ. По словамъ Ленскаго, — она «ребенокъ еще»; «двухъ-утренній цвѣтокъ... еще полураскрытый». Она «какъ поцѣлуй любви мила»; «полна невинной прелести», «привлекаетъ очи» «красотой». У нея «льняные локоны», «глаза, какъ небо голубое», «румяная свѣжесть» лица. Къ Татьянѣ утромъ О. «влетаетъ... Авроры сѣверной алѣй». «Кругла, красна лицомъ она», отзывается о ней Евгеній.—У нея «звонкій голосъ». «Какъ похорошѣли, у Ольги плечи, что за грудь!» — восторгается Ленскій, «она легче ласточки». «Движенья, голосъ, легкій станъ, все—въ Ольгѣ... но любой романъ возьмите и найдете, вѣрно, ея портретъ. Онъ очень милъ, я прежде самъ его любилъ, но надо-ѣлъ онъ мнѣ безмѣрно». — «Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ», говоритъ о ней Евгеній.— Въ дѣтствѣ [«ни дура англійской породы, ни своенравная мамзель... не баловали Ольги милой: Ѡдеевна рукою хилой ея качала колыбель... Она жъ за Ольгою ходила, стлала ей дѣтскую постель, «Помилуй

¹⁾ Въ пропущ. XXI стр. II гл.: она «рукою хилой качала колыбель» Ольги. «Она жъ за Ольгою ходила, стлала ей дѣтскую постель, «Помилуй мя» читать учила, Вову средь ночи говорила, по-утру наливала чай, и баловала невзначай».

мя» читать учила, Бову средь ночи говорила, поутру наливала чай, и баловала невзначай]. Для развеченія О. «няня собирала на широкой лугъ всѣхъ маленькихъ ея подругъ»; онѣ «играли въ горѣлки». Звучалъ «звонкій смѣхъ и шумъ ихъ вѣтреныхъ утѣхъ». «Въ тѣни хранительной дубравы», проходили «младенческія забавы» ея. Ихъ раздѣлилъ «чуть отрокъ» Ленскій. Она возросла «въ глуши, подъ сѣнію смиренной» [«вдали веселій, связей вредныхъ»] и «цвѣла, какъ ландышъ потаенный, не знаемый въ травѣ глухой ни мотыльками, ни пчелой». Выросши О. завела «альбомъ», какіе бываютъ вообще у «уѣздныхъ барышень». «Тутъ непременно вы найдете два сердца, факель и цвѣтки». «На первомъ листикѣ встрѣчаешь: *Qu'écrite vous sur ces tablettes?* и подпись: *t. à. v. Annete*, а на послѣднемъ прочитаешь: «кто любитъ болѣе тебя, пусть пишетъ далѣе меня».... «Одѣ» Ольга «не читала». Умѣла играть «въ шахматы». «Разливала чай» въ домѣ родителей. По характеру О., въ своей «нѣжной простотѣ», «какъ жизнь поэта простодушна». Она «всегда скромна, всегда послушна», «всегда какъ утро весела»; «безпечна»; «подобна вѣтренной надеждѣ». «Душа ея рѣзва». «Рѣзвая Ольга» «влетаетъ», какъ ласточка, въ комнату Татьяны; «прыгаетъ съ крыльца на встрѣчу» Ленскому. «Лицо» у нея «самолюбивое». Ее плѣняетъ «лесть любовная»; она кажется Ленскому, въ порывѣ ревности, кокеткою». Еще въ дѣтствѣ ей и Ленскому «прочили вѣнцы друзья сосѣди, ихъ отцы». По пріѣздѣ Ленскаго онѣ былъ объявленъ женихомъ. Они «вѣчно» вмѣстѣ. «Въ ея покоѣ они сидятъ въ потемкахъ двое; они въ саду рука съ рукой гуляютъ утренней порой». Ольга «иногда ободряетъ улыбкой», «любовью упоеннаго», робкаго жениха и тогда онѣ дерзаетъ «развитымъ локономъ играть иль край одежды цѣловать».—«Онѣ былъ любимъ... по крайней мѣрѣ онѣ думалъ такъ». «Но вотъ, дохнула буря»: Онѣгиня, желая отомстить Ленскому, приглашаетъ О. на вальсъ, «потомъ на стулъ ее сажаютъ, заводятъ рѣчь о томъ, о семъ; спустя минуты двѣ потомъ вновь съ нею вальсъ онѣ продолжаетъ; всѣ въ изумленіи». Во время мазурки Евгений «ведетъ ее... и наклоняясь ей шепчетъ нѣжно какой то пошлый мадригалъ и руку жметъ». И «въ ея лицѣ самолюбивомъ румянецъ ярче запылалъ». Послѣ этого она даетъ Евгению слово на котильонъ и отказывается въ танцѣ Ленскому. Поведеніе Онѣгина съ нею кажется «страннымъ» даже Татьянѣ. Для Ленскаго это «ударъ», который онѣ «не въ силахъ снести». «Пистолетовъ пара, двѣ пули—больше ничего—вдругъ разрѣшать судьбу его». Это—«измѣна», «развращеніе»—находилъ Ленскій.—Рѣшивъ поѣхать передъ поединкомъ къ сосѣдкамъ, онѣ «думалъ Оленьку смутить, своимъ пріѣздомъ поразить». «Не тутъ-то было; какъ и прежде, на встрѣчу бѣднаго пѣвца, прыгнула Оленька съ крыльца»... весела, рѣзва, съ «яснымъ взглядомъ», «ну, точно та-же, какъ была». «Зачѣмъ вечеръ такъ поздно скрылись?» былъ первый Оленькинъ вопросъ... Послѣ смерти Ленскаго Ольга нѣкоторое время ходила съ Татьяной вечеромъ къ его памятнику, «и на могилѣ, при лунѣ, обнявшись плакали онѣ». Но «не долго она плакала, изнывая». «Увы! невѣста молодая, своей печали не вѣрна! Другой «привлекъ ея вниманье». ... «Уланъ умѣлъ ее плѣнить, уланъ любимъ ея душою... И вотъ, ужъ съ нимъ предъ алтаремъ она стыдливо подъ вѣнцомъ стоитъ съ поникшей головою, съ огнемъ въ потупленныхъ очахъ, съ улыбкой легкой на устахъ»... (см. Уланъ). «Скоро звонкій голосъ Оли въ семействѣ Лариныхъ умолкъ. Уланъ, своей невольникъ доли, былъ долженъ ѣхать въ полкъ», и увезъ съ собою Ольгу.

К р и т и к а: «Ольга—существо простое, непосредственное, которое никогда ни о чемъ не разсуждало, ни о чемъ не спрашивало, которому все было ясно и понятно по привычкѣ, и которое все зависѣло отъ привычки. Она очень плакала о смерти Ленскаго, но скоро утѣшилась, вышла за

улана и изъ граціозной и милой дѣвочки сдѣлалась дюжинной барыней, повторивъ собою свою маменьку, съ небольшими измѣненіями, которыхъ требовало время. [Бѣлинскій Сочин., т. 8].

Ольга, княжна («Отр. изъ ром. въ письмахъ»).—Племянница Авдотьи Андреевны; воспитывалась въ ея домѣ вмѣстѣ съ Лизой. Владиміръ З. сочинилъ надпись къ портрету княжны О.: «Глупа и скучна etc».

Ольги отецъ («Отр. изъ ром. въ письмахъ»).—По словамъ Саши, «былъ всѣмъ обязанъ» отцу Лизы и «дружба ихъ была столь же священна, какъ самое близкое родство».

Ондрей («Родосл.»).—«Ондрей, по прозвищу Езерскій, родилъ Ивана и Илью, и въ лаврѣ схимился Печерской».

Онѣгина-отецъ («Евг. Онѣгинъ»).—«Служивъ отлично, благородно, жилъ долгами». «Давалъ три бала ежегодно», «отдавалъ земли въ залогъ» и «промотался наконецъ». Когда онъ «скончался, передъ Онѣгинымъ собрался заимодавцевъ жадный полкъ», и Евгенийъ «наслѣдство предоставилъ имъ, большой потери въ томъ не видя».

Онѣгинъ-дядя («Евг. Онѣгинъ»).—«Деревенскій старожилъ. Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился, въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ»... «Въ воскресенья, рассказываетъ ключница, со мной, бывало, подъ окномъ, надѣвъ очки, играть изволилъ въ дурачки». Въ комнатѣ его Онѣгинъ не увидѣлъ «нигдѣ ни пятнышка чернилъ»; отворивъ шкафы, «въ одномъ нашелъ тетрадь расхода, въ другомъ наливкою цѣлый строй, кувшины съ яблочной водой и календарь восьмого года: старикъ, имѣя много дѣлъ, въ инныя книги не глядѣлъ».—«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ», думалъ Евгенийъ, отправляясь къ умирающему старику, «когда не въ шутку занемогъ, онъ уважать себя заставлялъ».

Онѣгинъ, Евгенийъ («Евгений Онѣгинъ»).—«Родился на берегахъ Невы». Онѣгинъ «помѣщикъ», «заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель хозяинъ полный», «роскоши дитя». «Молодъ»: къ концу романа ему «26 годовъ». «Умень». Въ дѣтствѣ Евгенийъ «былъ рѣзвъ и милъ»; «сперва madame за нимъ ходила», потомъ «ее смѣнилъ» «monsieur l'Abbé, французъ убогій», обучавшій и воспитавшій Онѣгина. Училъ онъ Евгенія «всему шутя», («чтобъ не измучилось дитя»). Въ результатѣ Е. Онѣгинъ «по французски совершенно могъ изъясняться и писать»; «зналъ довольно по-латыни, чтобъ эпиграфы разбирать, потолковать объ Ювеналѣ, въ концѣ письма поставить vale, да помнилъ, хоть не безъ грѣха, изъ Энеиды два стиха». — Изъ области искусствъ—Онѣгинъ умѣлъ «мурлыкать Benedetta, или «Idol mio»; былъ «злымъ законодателемъ театра», гдѣ «каждый, критикой дыша, готовъ охлопать entreechat, обшикать Федру, Клеопатру, Моину вызвать,—для того, чтобъ только слышали его»; любилъ онъ въ ранней юности балетъ. Что касается поэзіи, то Онѣгинъ «не могъ постичь «стиховъ російскихъ механизма», «не могъ ямба отъ хорея отличить». Пушкинъ называетъ его своимъ «безтолковымъ» ученикомъ въ поэзіи. Когда Ленскій читалъ ему «отрывки сѣверныхъ поэмъ», Онѣгинъ ихъ «немного понималъ»¹⁾. Онъ «бранилъ» Гомера и Теоокрита. Однако, могъ «упиваться дыханьемъ ночи благосклонной»; его «плѣняли вдалекѣ рожокъ и пѣсни удалыя», когда «лодка, веслами махая», плыла по дремлющей Невѣ»... — Изъ области наукъ Евгенийъ «читалъ Адама Смита и былъ глубокой экономъ», т. е. умѣлъ судить о томъ, какъ государство богатѣетъ и чѣмъ живетъ, и почему не нужно золота ему, когда простой

¹⁾ Сравни „Альбомъ Он.“ 7 и 15: Онѣгинъ пишетъ: „конечно, сѣверные звуки ласкаютъ мой привычный слухъ; ихъ любить мой славянскій духъ; ихъ музыкой сердечны муки усыплены; но дорожить одними ль звуками пить?“. „Туманскій правъ, когда такъ вѣрно васъ сравнилъ онъ съ радугою живою“ и т. д. *Ред.*

продуктъ имѣть». Онъ «рыться не имѣлъ охоты въ хронологической пыли бытописанія земли; но дней минувшихъ анекдоты, отъ Ромула до нашихъ дней, хранилъ онъ въ памяти своей».—У него былъ «счастливый талантъ безъ принужденія въ разговорѣ коснуться до всего слегка: съ ученымъ видомъ знатока, хранить молчанье въ важномъ спорѣ и возбуждать улыбку дамъ огнемъ неожиданныхъ эпиграммъ». «Мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь»; воспитывая Евгенія, M-r l'Abbé ему «не доучалъ моралью строгой, слегка за шалости бранилъ и въ Лѣтній садъ гулять водилъ». Онъгинъ научился «кланяться непринужденно» и «легко мазурку танцовать». Въ «кабинетѣ» юноши было все, «чѣмъ для прихоти обильной торгуетъ Лондонъ щепетильный»...; «все, что въ Парижѣ вкусъ голодный»... «изобрѣтаетъ для забавъ, для роскоши, для нѣги модной». Тамъ былъ «янтарь на трубкахъ Цареграда, — фарфоръ и бронза на столѣ и, чувству изнѣженныхъ отрада, духи въ граненомъ хрусталѣ; гребенки, пилочки стальные, прямые ножницы, кривые и щетки тридцати родовъ, и для ногтей, и для зубовъ». «Боясь ревнивыхъ осужденій», Евгеній «былъ педантъ въ одеждѣ». Онъ «три часа, по крайней мѣрѣ, предъ зеркалами проводилъ и изъ уборной выходилъ, подобный вѣтреной Венерѣ». «Туалетъ» его всегда «въ послѣднемъ вкусѣ»; «модъ воспитанникъ примѣрный», Онъгинъ былъ «что называютъ франтъ». Входя въ театрѣ, онъ прежде всего «окидываетъ взоромъ» «лица и уборы». По натурѣ юный Онъгинъ былъ «порядка врагъ и расточитель»; «пылкій повѣса». Ему нравились «брань и сабля, и свинецъ». Онъ вращался «въ кругу товарищей презрѣнныхъ», друзей, съ которыми его соединяла возможность вмѣстѣ «beef-steaks и страсбургскій пирогъ шампанской обливать бутылкой и сыпать острыя слова, когда болѣла голова».—Онъ былъ «непостоянный обожатель очаровательныхъ актрисъ, почетный гражданинъ кулисъ»; знакомы были ему и «красотки молодья, которыхъ позднею порой уносятъ дрожки удалыя по петербургской мостовой».

День Онъгина въ Петербургѣ проходилъ такъ: «бывало онъ еще въ постели, къ нему записочки несутъ: три дома на вечеръ зовутъ». «Съ кого начнетъ онъ? все равно—вездѣ поспѣтъ немудрено». «Въ утреннемъ уборѣ»... Онъгинъ «ѣдетъ на бульваръ и тамъ гуляетъ на просторѣ», вплоть до обѣда. Обѣдать Евг. «мчится къ Talon»: «онъ увѣренъ, что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ, вошелъ—и пробка въ потолокъ, вина кометы брызнулъ токъ, предъ нимъ roast-beef окровавленный, и трюфли—роскошь юныхъ лѣтъ, французской кухни лучшей цвѣтъ, и Страсбурга пирогъ неглинный межъ сыромъ лимбургскимъ живымъ и ананасомъ золотымъ. Еще бокаловъ жажда просить залить горячій жиръ котлетъ; но звонъ брегета имъ доносить, что новый начался балетъ». «Онъгинъ полетѣлъ къ театру». «Входитъ: идетъ межъ креселъ по ногамъ, двойной лорнетъ, скосясь, наводитъ на ложи незнакомыхъ дамъ... Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ раскланялся, потомъ на сцену въ большомъ разсѣяньи взглянулъ»...—«Еще амуры, черти, змѣи на сценѣ скачутъ и шумятъ, ... а ужъ Онъгинъ вышелъ вонъ: домой одѣться ѣдетъ онъ». Одѣвшись, Онъгинъ «стремглавъ скачетъ» на балъ «въ великолѣпный домъ». Потомъ «полусонный въ постелю съ бала ѣдетъ онъ» въ то время, какъ «Петербургъ неугомонный ужъ барабаномъ пробужденъ». «Шумомъ бала утомленный, и утро въ полночь обратя», Онъгинъ «спитъ спокойно»; «проснется за полдень, и снова до утра жизнь его готова одна образна и пестра и завтра тоже, что вчера». «Преданный бездѣлю», «свободный, въ лучшемъ цвѣтѣ лѣтъ, ... среди всеневныхъ наслажденій», Онъгинъ не былъ «счастливъ». «Лѣнь» его была «тоскующей». Сначала «цѣлый день» «развлекала его» «наука страсти нѣжной», которую воспѣлъ Навонъ: «Въ первой юности» «въ немъ чувствій пылъ горѣлъ». Онъ былъ «жертвой бурныхъ заблужденій и необузданныхъ страстей»:

«влюблялся въ красавицъ»; но, по собственнымъ словамъ, носилъ въ душѣ, «идеаль» женщины. [«R. С. какъ ангель хороша»—отмѣчаетъ онъ въ своемъ альбомѣ. «Какая вольность въ обхожденъи! Въ улыбкѣ, въ томномъ глазѣ движенъи какая нѣга и душа!» «Вчера у В., оставя пиръ, R. С. летѣла какъ зефиръ, не внемля жалобамъ, и пенямъ; а мы по лакѳовымъ ступенямъ летѣли шумною толпой за одалиской молодой. Послѣднй звукъ послѣдней рѣчи я отъ нея поймать успѣлъ, я чернымъ сободемъ одѣлъ ея блистающія плечи; на кудри милой головы я шаль зеленую накинулъ; я предъ Венерою Невы толпу влюбленную раздвинулъ» (Альб., 5—9)].

«Въ наукѣ страсти нѣжной» Евгеній «истинный былъ геній», она была «для него измлада, и трудъ, и мука, и отрада». Какъ рано могъ онъ лицемерить, таить надежду, ревновать, разувѣрять, заставить вѣрять, казаться мрачнымъ, изнывать, являться гордымъ и послушнымъ, внимательнымъ или равнодушнымъ, какъ томно былъ онъ молчаливъ, какъ пламенно краснорѣчивъ, въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ! однимъ дыша, одно любя, какъ онъ умѣлъ забыть себя! какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ, стыдливъ и дерзокъ, а порой блисталъ послушною слезой! Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ, шутя невинность изумлять, пугать отчаяньемъ готовымъ, пріятной лестью забавлять, ловить минуту умиленья, невинныхъ лѣтъ предубѣжденья умомъ и страстью побѣждать, невольной ласки ожидать, молить и требовать признанья, подслушать сердца первый звукъ, преслѣдовать любовь и—вдругъ добиться тайнаго свиданья, и послѣ ей наединѣ давать уроки въ тишинѣ! Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить сердца кокетокъ записныхъ! Когда жъ хотѣлось уничтожить ему соперниковъ своихъ, какъ онъ язвительно злословилъ! Какія сѣти имъ готовилъ! Но вы, блаженные мужья, съ нимъ оставались вы друзья».

Однако, «красавицы недолго были предметъ его привычныхъ думъ». «Чувства рано въ немъ остыли». «Измѣны утомить успѣли». «Любовная наука... достойна старыхъ обезьянъ хваленыхъ дѣдовскихъ временъ». «Кому не скучно лицемерить, различно повторять одно, стараться важно въ томъ увѣрять, въ чемъ всѣ увѣрены давно; все тѣ же слышать возраженья, уничтожать предразсужденья, которыхъ не было и нѣтъ у дѣвочки въ тринадцать лѣтъ! Кого не утомить угрозы, моленья, клятвы, мнимый страхъ, записки на шести листахъ, обманы, сплетни, кольца, слезы, надзоры тетокъ, матерей и дружба тяжкая мужей».—Евгенія, «избалованнаго привычкой жизни», «томило медленно желанье», «томилъ и вѣтреныи успѣхъ». Онъ смѣхомъ подавлялъ зѣвоту. «Въ шумѣ и въ тиши онъ внималъ роптанье вѣчное души». Душевная пустота его стала томить въ концѣ концовъ. Имъ овладѣлъ «недугъ», «подобный англійскому сплину, короче русская хандра»; она, «жестокая», «за нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ, поймала, за воротъ взяла и въ темный уголъ заперла».—«Евг. началъ томиться жизнью», «вовсе охладѣлъ къ ней». Душа его стала «холодной и лѣнивой». — «Причудницы большого свѣта! всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ». «Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся, а волочился какъ нибудь; откажутъ—мигомъ утѣшался; измѣнять—радъ былъ отдохнуть. Онъ ихъ искалъ безъ упоенья, а оставлялъ безъ сожалѣнья, чуть помня ихъ любовь и злость. «Покинулъ онъ и «красотокъ молодыхъ».—«Друзья и дружба ему надѣли». «И разлюбилъ онъ наконецъ и брань, и саблю, и свинецъ». «Шумъ свѣта наскучилъ ему». «Какъ Child-Harold угрюмый, томный въ гостиныхъ появлялся онъ; ни сплетни свѣта, ни бостонъ, ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный, ничто не трогало его, не замѣчалъ онъ ничего». Тогда Онѣгина сталъ «тревожить призракъ невозвратимыхъ дней»; «грызла змѣя воспоминаній». Воспоминались «прежнихъ лѣтъ романы», прежняя «любовь», и Онѣгинъ уносился «мечтой къ началу жизни молодой». «Съ душою, полной

сожалѣній, Евгений «грустно думалъ, что напрасно была намъ молодость дана, что измѣняли ей всечасно, что обманула насъ она; что наши лучшія желанья, что наши свѣжія мечтанья истлѣли быстрой чередой, какъ листья осенью гнилой. Несносно видѣть предъ собою однихъ обѣдовъ длинный рядъ, глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ, и вслѣдъ за чинною толпою идти, не раздѣляя съ ней ни общихъ мнѣній, ни страстей!» Пытаясь хотя чѣмъ нибудь заполнить томившую его «душевную пустоту», «отступникъ бурныхъ наслажденій, дома заперся, зѣвая за перо взялся, хотѣлъ писать, но трудъ упорный ему былъ тошенъ; ничего не вышло изъ пера его». «Усѣлся онъ съ похвальной цѣлью себѣ присвоить умъ чужой», «отрядомъ книгъ уставилъ полку, читалъ, читалъ, а все безъ толку: тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ; въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ; на всѣхъ различныя вериги; и устарѣла старина, и старымъ бредитъ новизна. Какъ женщину, онъ оставилъ книги, и полку съ пыльной ихъ семьей задернулъ траурной тафтой». Только «нѣсколько твореній онъ изъ опалы исключилъ: Пѣвца Гяура и Жуана, да съ нимъ еще два-три романа, въ которыхъ отразился вѣкъ, и современный человекъ изображенъ довольно вѣрно съ его безнравственной душой, себялюбивой и сухой, мечтанью предавшой безмѣрно, съ его озлобленнымъ умомъ, кипящимъ въ дѣйстви пустомъ. «Онъ читалъ книги внимательно: «на поляхъ» были «черты карандаша», «хранили многія страницы отмѣтку рѣзкую ногтей. Оныгинъ отмѣчалъ «мысли», которыми бывалъ «пораженъ», съ которыми «молча соглашался онъ: «вездѣ Оныгина душа себя невольно выражаетъ то краткимъ словомъ, то крестомъ, то вопросительнымъ крючкомъ». Онъ возилъ эти книги съ собою. Въ комнатѣ его висѣлъ «портретъ лорда Байрона» и стояла статуя Наполеона. Онъ не нашелъ забвенія въ книгахъ, и рѣшилъ уже было «увидѣть дальнія страны», но судьба привела его въ деревню, и онъ «очень радъ былъ» прежній путь переименить на что-нибудь. «Деревня», гдѣ поселился онъ, «была прелестный уголокъ; тамъ другъ невинныхъ наслажденій благословить бы небо могъ». Но Евгений не спасся и въ ней отъ скуки. «Два дня ему казались новы уединенныя поля, прохлада сумрачной дубровы, журчанье тихаго ручья; на третій—роща, холмъ и поле его не занимали болѣ; потомъ ужъ наводили сонъ; потомъ, увидѣлъ ясно онъ, что и въ деревнѣ скука та же, хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ, ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ. Хандра ждала его на стражѣ, и бѣгала за нимъ она, какъ тѣнь, или вѣрная жена. «Бѣглець свѣта и людей», Оныгинъ сталъ жить въ деревнѣ «отшельникомъ», «анакоретомъ». «Сначала всѣ къ нему ѣзжали; но, такъ какъ съ задняго крыльца обыкновенно подавали ему донского жеребца, заслышавъ ихъ домашни дроги—поступкомъ оскорбляясь такимъ—всѣ дружбу прекратили съ нимъ». «Говорятъ, вы нелюдимъ»,—пишетъ ему Татьяна.— Оныгинъ совершенно «условіи свѣта сбросилъ бремя». «Носилъ онъ русскую рубашку, платокъ шелковый кушакомъ, армякъ татарскій на распашку и шапку съ бѣлымъ козырькомъ». «Онъ въ томъ покоѣ поселился, гдѣ деревенскій старожилъ лѣтъ 40 съ ключницей бранился, въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ». Здѣсь онъ устроилъ себѣ келью модную. Въ ней были: «столъ» «съ лампадой» и «груда книгъ, и подъ окномъ кровать, покрытая ковромъ, и лорда Байрона портретъ, и столбикъ съ куклою чугунной подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ, съ руками сжатыми крестомъ». Тутъ «почивалъ онъ, кофій кушалъ, приказчика доклады слушалъ и книжку поутру читалъ»... День «празднаго» «анакорета» слагался такъ: «въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ и отправлялся налегкѣ къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ; пѣвцу Гюльнары подражая, сей Геллеспонтъ переплывалъ, потомъ свой кофе выпивалъ, плохой журналъ перебирая, и одѣвался... Прогулки, чтенье, сонъ глубокой, лѣсная тѣнь, журчанье струй, порой бѣлянки черноокой молодой и свѣжій поцѣлуй,

уздѣ послушный конь ретивый, обѣдъ довольно прихотливый, бутылка свѣтлаго вина, уединенье, тишина: вотъ жизнь Онъгина святая; и нечувствительно онъ ей предался, красныхъ лѣтнихъ дней въ безпечной нѣгѣ не считая, забывая и городъ, и друзей, и скуку праздничныхъ затѣй. Знакомство съ Таней не внесло въ эту жизнь ничего новаго. Таня для него только «дѣвчонкой нѣжной», «уѣздной барышней», «смиренной и простой». Она ему «не нравилась».

Когда пришла скучная осень — «прямымъ Евгеній Чайльдъ-Гарольдъ вдаль въ задумчивую лѣнь: со сна садился въ ванну съ льдомъ и послѣ, дома цѣлый день, одинъ въ расчеты погруженный, тупымъ кіемъ вооруженный, онъ на бильярдѣ въ два шара играетъ съ самаго утра; настанетъ вечеръ деревенскій, бильярдъ оставленъ, кій забытъ, передъ каминомъ столъ накрытъ, Евгеній ждетъ: вотъ ѣдетъ Ленскій на тройкѣ чалыхъ лошадей; давай обѣдать поскорѣй! Послѣ—когда «вечерняя находитъ мгла», «каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ еще шипитъ среди стола»—«бесѣда съ другомъ».

Отшельникомъ празднымъ и унылымъ Онъгинъ покинулъ селенье, гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ... «Убивъ на поединкѣ друга, доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ, до двадцати шести годовъ, томясь бездѣйствіемъ досуга» онъ, «безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ, «ничѣмъ заняться не умѣлъ»¹⁾. «Имъ овладѣло безпокойство, охота къ перемѣнѣ мѣстъ»; онъ «началъ странствіе безъ цѣли», и вотъ «проснулся разъ онъ патріотомъ дождливой, скучною порой». Россія», «мгновенно ему понравилась отчужденно, и рѣшено—ужь онъ влюбленъ, ужь Русью только бредитъ онъ! Ужь онъ Европу ненавидитъ съ ея политикой сухой, съ ея развратной суетой. Онъгинъ ѣдетъ; онъ увидитъ святую Русь: ея поля, пустыни, грады и моря». Приѣхавъ онъ въ «Новгородъ великій»—«тоска, тоска! спѣшитъ Евгеній скорѣе далѣе»... По гордымъ волжскимъ берегамъ онъ скачетъ сонный»... «...Москва Онъгина встрѣчаетъ». «Тоска, тоска!»—...Онъ въ Нижній хочетъ».—Тоска!... Предъ нимъ торговый Астрахань открылся». Тоска! Онъ ѣдетъ на Кавказъ, въ Крымъ, воображенью край священный»...—«Тоска, тоска! «Когда бы грузъ меня гнетущій былъ страсть, несчастіе», записываетъ Онъгинъ въ альбомъ. «Такъ напряженіемъ воли твердой мы страсть безумную смиримъ, бѣду снесемъ душою гордой, печаль надеждой усладимъ... Но скуку? чѣмъ ее смиримъ?» (Альб., 11) «Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?—» горько размышляетъ онъ, у «струй цѣлебныхъ» Машука. «Зачѣмъ не хилый я старикъ, какъ этотъ бѣдный откупщикъ, зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель, я не лежу въ параличѣ? Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ хоть ревматизма?—Ахъ, создатель! И я, какъ эти господа, надежду могъ бы знать тогда! Блаженъ, кто старъ! Блаженъ, кто боленъ! Надъ нимъ лежитъ судьбы рука. Но я здоровъ, я молодъ, воленъ, чего мнѣ ждать? тоска, тоска!..» И «путешествія ему, какъ все на свѣтѣ, надобли». Возвратясь въ Петербургъ и попавъ на балъ,—«для всѣхъ казался онъ чужимъ. Мелькали лица передъ нимъ какъ рой докучныхъ привидѣній»... Но тутъ ожидала его «буря осени холодной», изъ тѣхъ, что «въ болото обращаютъ лугъ и обнажаютъ лѣсъ вокругъ». «Инвалидъ въ любви», «модный тиранъ», думавшій, что «мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата», «влюбился какъ дитя». На балу онъ встрѣтилъ Татьяну, но уже не «дѣвчонку нѣжную—а величавую, небрежную законодательницу залъ», «не несмѣлую влюбленную, бѣдную, простую дѣвочку, но равнодушную княгиню, но непреступную богиню роскош-

¹⁾ Въ „Путеш. Он.“ сказано нѣсколько иначе: Евг. „безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ быть чѣмъ нибудь давно хотѣлъ“.

ной царственной Невы». «Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести и—и не могъ». Во время tête à tête въ домѣ Татьяны—«слова нейдутъ изъ устъ Онѣгина. Угрюмый, неловкій, онъ едва, едва ей отвѣчаетъ... Она сидитъ спокойна и вольна».—Ужель это «та самая Татьяна, которой онъ наединѣ, въ глухой далекой сторонѣ, въ благомъ пылу правоученья, читалъ когда-то наставленья,—та, отъ которой онъ хранитъ письмо, гдѣ сердце говоритъ... Та дѣвочка... иль это сонъ? Та дѣвочка, которой онъ пренебрегалъ въ смиренной долѣ? Ужели съ нимъ сей часъ была такъ равнодушна и смѣла?» «И онъ ей когда-то сердце волновалъ! Объ немъ она, во мракѣ ночи, «бывало, дѣвственно груститъ, къ лунѣ подъемлетъ томно очи, мечтая съ нимъ когда нибудь свершить смиренно жизни путь». «Что съ нимъ? Въ какомъ онъ странномъ снѣ? Что шевельнулось въ глубинѣ души холодной и лѣнливой? Досада? Суетность? Иль вновь, забота юности, любовь?»—Татьяна потомъ объясняетъ чувство Евгенія такъ: «что къ моимъ ногамъ васъ привело? какал малость! Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ быть чувства мелкаго рабомъ?» «Въ пустынь, вдали отъ суетной молвы, я вамъ не нравилась... что жъ нынѣ меня преслѣдуете вы? ..Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ теперь являться я должна; что я богата и знатна; что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ; что насъ за то ласкаетъ дворъ? Не потому ль, что мой позоръ теперь бы всѣми былъ замѣченъ и могъ бы въ обществѣ принести вамъ соблазнительную честь?» «Какъ дитя влюбленъ; въ тоскѣ любовныхъ помышленій и день и ночь проводитъ онъ. Ума не внемля строгимъ пенямъ, къ ея крыльцу стекляннымъ сѣнямъ онъ подѣзжаетъ каждый день; за ней онъ гонится какъ тѣнь; онъ счастливъ, если ей накинетъ боа пушистый на плечо, или коснется горячо ея руки, или раздвинетъ предъ нею пестрый полкъ ливрей, или платокъ подниметъ ей». «Но она его не замѣчаетъ, какъ онъ ни бейся, хоть умри».

«Блѣднѣтъ Онѣгинъ начинаетъ», «сохнетъ» и «едва ль ужъ не чахоткою страдаетъ». «Заранѣ писать ко прадѣдамъ готовъ о скорой встрѣчѣ; а Татьянѣ и дѣла нѣтъ». Онъ «пишетъ страстное посланье»: «хоть толку мало вообще онъ видѣлъ въ письмахъ не вотще; но знать сердечное страданье уже пришло ему не въ мочь».—«Вѣкъ ужъ мой измѣренъ», пишетъ онъ; «мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ»; «чтобъ продлилась жизнь моя, я утромъ долженъ быть увѣренъ, что съ вами днесъ увижусь я». «Все рѣшено, я въ вашей волѣ».—Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье. Второму, третьему письму отвѣта нѣтъ. При встрѣчѣ—на лицѣ Татьяны «лишь гнѣва слѣдъ», «негодование».—«Надежды нѣтъ!» Евгеній «прокликаетъ свое безумство». Вспоминаетъ прежнее средство развлечения: «отъ свѣта вновь отрекся» онъ, и заперся въ своемъ «молчаливомъ кабинетѣ». «Сталъ вновь читать онъ безъ разбора»: прочелъ «Гиббона, Руссо, Манзони, Гердера, Шамфора, Madame de Stael, Биша, Тиссо, прочелъ скептическаго Белля, прочелъ творенья Фонтенеля, прочелъ изъ нашихъ кой-кого, не отвергая ничего: и альманахи, и журналы». «Глаза его читали, но мысли были далеко; мечты, желанія, печали тѣснились въ душу глубоко. Онъ межъ печатными строками читалъ духовными глазами другія строки. Въ нихъ-то онъ былъ совершенно углубленъ. То были тайныя преданья сердечной, темной старины, ни съ чѣмъ несвязанные сны, угрозы, толки, предсказанья, иль длинной сказки вздоръ живой, иль письма дѣвы молодой. И постепенно въ усыпленье и чувствъ, и думъ впадаетъ онъ, а передъ нимъ воображенье свой пестрый мечетъ фараонъ...». «И все она!» «Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ, что чуть съ ума не своротилъ или не сдѣлался поэтомъ». Онѣгинъ провелъ всю зиму «какъ сурокъ», въ запертыхъ покояхъ; «глубоко погруженный въ свое безумство», онъ «мчится къ ней, къ своей Татьянѣ», и получаетъ отъ нея рѣшительную отповѣдь:—«А счастье было такъ возможно, такъ близко!»

Все время въ продолженіи романа, Онѣгинъ остается «повѣсой»: сперва «повѣсою пылкимъ», потомъ «повѣсою угрюмымъ». Характеръ его полонъ противорѣчій. Въ то время, какъ онъ сталъ «появляться въ гостиныхъ» «какъ Chied-Harold угрюмый, томный, и сдѣлался «угрюмымъ повѣсою», умъ его былъ уже «рѣзокъ и охлажденъ». Ему «все на свѣтѣ надоѣло». Мѣста, по которымъ онъ ѣдетъ—«глупыя мѣста»; луна—«эта глупая луна на этомъ глупомъ небосклонѣ»; вездѣ «все скука та же».—Однако, въ бесѣдахъ съ Ленскимъ «межъ ними все рождало споры и къ размышленію влекло: время минувшихъ договоры, плоды наукъ, добро и зло, и предразсудки вѣковые, и гроба тайны роковыя, судьба и жизнь—въ свою чреду все подвергалось ихъ суду».—Людей Онѣгинъ «вообще презиралъ». «Своихъ обыкновеній не измѣнялъ въ угоду имъ». Однако, изъ-за «общественнаго мнѣнья», «шопота, хохотни глупцовъ», онъ не рѣшается отказаться отъ дуэли съ другомъ. («Конечно презирать не трудно отдѣльно каждаго глупца»,—отмѣчаетъ онъ въ альбомѣ: «сердиться также безразсудно и на отдѣльнаго срамца. Но чудно! Всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно»). «Правиль нѣтъ безъ исключеній», поэтому Онѣгинъ «иныхъ очень отличаетъ и въ чужѣ уважаетъ чувство». И даже Ларина, на его взглядъ, «проста, но очень милая старушка».—Споръ Онѣгина «извѣтеленъ»; «шутка съ желчью пополамъ»; «эпиграммы мрачны и полны злостью». («Мнѣ говорили всѣ, что я васъ буду ненавидѣть»,—говоритъ ему Р. С.—«За что?»—«За рѣзкій разговоръ, за легкомысленное мнѣнье о всемъ, за колкое презрѣнье ко всѣмъ»). Но въ бесѣдахъ съ Ленскимъ Онѣгинъ «охлаждающее слово въ устахъ старался удержать и думалъ: глупо мнѣ мѣшать его минутному блаженству... Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ и юный жаръ, и юный бредъ». «Смущенье, усталость и томный видъ» Тани на именинахъ ему внушаютъ жалость».—Онѣгинъ убѣжденъ, что «ушелъ отъ мятежной власти страстей»; онъ «говоритъ о нихъ съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья»; считаетъ себя въ любви инвалидомъ: «мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата, не обновлю души своей, говоритъ онъ».—О «дѣвахъ» онъ не высокаго мнѣнія: «смѣнить не разъ младая дѣва мечтами легкой мечты, такъ деревцо свои листы мѣняетъ каждою весною. Такъ видно небомъ суждено». («Умна восточная система и правъ обычай стариковъ»—пишетъ онъ въ альбомѣ о «нашихъ дамахъ»: «онѣ родились для гарема или для неволи...»). Но въ то же время его «живо трогаетъ» «языкъ дѣвическихъ мечтаній». И по прочтеніи письма Татьяны, «быть можетъ, чувствій пылъ старинный имъ на минуту овладѣлъ». Потомъ онъ влюбляется въ нее «какъ дитя».—«При словѣ «дружба», говоритъ поэтъ. «взглянувъ другъ на друга, какъ цитероновы авгуры, мы (съ Евгениемъ) размѣялись тишкомъ» и, однако, Онѣгинъ «всѣмъ сердцемъ любитъ» Ленскаго: «они часы досуга и дѣла дѣляютъ дружно»; «они неразлучны».—Недовольный и изъ-за мелкаго повода Ленскимъ, Онѣгинъ «на дуэль» на него и «клянется взбѣсить», и «заранѣ торжествуетъ». Онъ «небрежно подшучиваетъ» надъ любовью Л., хотя и знаетъ, что она «робка и нѣжна»;—получивъ вызовъ онъ «съ перваго движенія» говоритъ, «что онъ всегда готовъ»,—а въ душѣ раскаивается, «обвиняетъ себя во многомъ». Ночью передъ дуэлью съ другомъ «спитъ глубоко»,—а убивъ Ленскаго—«сраженъ страшнымъ восклицаніемъ: «убить!». «Окровавленная тѣнь» друга «является» ему потомъ «каждый день».—«Въ немъ есть»,—по словамъ Татьяны,—и гордость, и прямая честь». «Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ быть чувства мелкаго рабомъ?» удивляется Татьяна. Онѣгинъ «не разъ являетъ души прямое благородство», и въ то же время сознательно готовится къ «низкому коварству», «готовится денегъ ради на вздохи, скуку и обманъ» у постели больного дяди. Приѣхавъ въ деревню онъ, «чтобъ только время проводить», прибѣгнувъ къ рѣдкому въ то время средству: «въ своей глуши, мудрецъ пустынный, яремъ онъ барщины старинной оброкомъ

легкимъ замѣнилъ, и небо рабъ благословилъ».—«Людей недоброхотство... не щадило ничего» въ Онѣгинѣ. «Враги его, друзья его... его честили такъ и сякъ» («Меня не любятъ и клеветуютъ»—пишетъ онъ: «въ кругу мужчинъ несносенъ я, дѣвчонки предо мной трепещутъ, косятся дамы на меня»). Но на дѣлѣ «сноснѣе многихъ былъ Евгенийъ». («Вы надо мной смѣяться властны — говоритъ Р. С., «но вовсе вы не такъ опасны; и знали ль вы до сей поры, что просто очень вы добры») ¹⁾.

Критика: 1) «О.—добрый малый, но, при этомъ, недюжинный человекъ. Онъ не годится въ геніи, не лѣзетъ въ великіе люди, но бездѣятельность и пошлость жизни душатъ его, онъ даже не знаетъ, чего ему надо, чего ему хочется; но онъ знаетъ, и очень хорошо знаетъ, что ему не надо, что ему не хочется того, чѣмъ такъ довольна, такъ счастлива самолюбивая посредственность. И за то-то эта самолюбивая посредственность не только провозгласила его «безнравственнымъ», но и отняла у него страсть сердца, теплоту души, доступность всему доброму и прекрасному». «О. не холодный, не сухой, не бездушный человекъ, но мы до сихъ поръ избѣгали слова эгоистъ, и, такъ какъ избытокъ чувства, потребность изящнаго не исключаетъ эгоизма, то мы скажемъ теперь, что О. страдающій эгоистъ. Эгоисты бываютъ двухъ родовъ. Эгоисты перваго разряда—люди безъ всякихъ заносчивыхъ или мечтательныхъ притязаній; они не понимаютъ, какъ можетъ человекъ любить кого-нибудь кромѣ самого себя, и потому они нисколько не стараются не скрывать своей пламенной любви къ собственнымъ ихъ особамъ; если ихъ дѣла идутъ плохо—они худощавы, блѣдны, злы, низки, подлы, предатели, клеветники; если ихъ дѣла идутъ хорошо—они толсты, жирны, румяны, веселы, добры, выгодами дѣлиться ни съ кѣмъ не станутъ, но угощать готовы не только полезныхъ, даже и вовсе беспо-

¹⁾ Въ первой главѣ «Евг. Он.» Пушкинъ упоминаетъ, что «подружился» съ Онѣгинымъ. «Мнѣ нравились его черты», говоритъ П., «я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ; страстей игру мы знали оба; томилъ жизнь обоихъ настъ; въ обоихъ сердца жаръ погасъ; обоихъ ожидала злоба слѣпой фортуны и людей на самомъ утрѣ нашихъ дней». («Мнѣ было грустно, тяжело, больно,»—пишетъ Пушкинъ въ выброшенныхъ строфахъ, «—но, одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ, онъ сочеталъ меня невольно своей таинственной судьбѣ... Мою задумчивую младость онъ для восторговъ охладилъ. Я неписанную сладость въ его бесѣдахъ находилъ. Я сталъ взирать его очами; открылъ я жизни бѣдной кладь, въ замѣну прежнихъ заблужденій, въ замѣну вѣры и надеждъ для легкомысленныхъ невѣждъ»). Изъ главы VII мы узнаемъ, что Татьяна, читая въ деревнѣ книги Он., «начала понемногу понимать . . . того, по комъ она вадыхать осуждена судьбою властной». «Что жъ онъ? Ужели подражанье, ничтожный призракъ, иль еще москвичъ въ Гарольдомъ плащѣ, чужихъ причудъ истолкованье, словъ модныхъ полный лексиконъ?.. Ужъ не пародія ли онъ? Ужель загадку разрѣшила? ужели слово найдено?—Въ путеш. О.:—«Наскуча или слыть Мельмотомъ, иль маской щеголять иной, проснулся разъ онъ (Евг.) патриотомъ».—Но, въ главѣ VIII, Пушкинъ влагаетъ подобную характеристику въ уста порицателей Онѣгина: «Все тотъ-же-ль онъ, иль усмирился? Иль корчить такъ же чудака? Скажите, чѣмъ онъ возвратился? Что намъ представить онъ пока? Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ, космополитомъ, патриотомъ, Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой, иль маской щегольнетъ иной? Иль просто будетъ добрый малый, какъ вы да я, какъ пѣлый свѣтъ? По крайней мѣрѣ, мой совѣтъ: отстать отъ моды обветшалой. Довольно онъ морочилъ свѣтъ...» Знакомъ онъ вамъ? «И да, и нѣтъ».—Зачѣмъ же такъ неблагоприятно вы отзываетесь о немъ?». «За то ль,—отвѣчаетъ авторъ, что мы неугомонно хлопочемъ, судимъ обо всемъ; что пылкихъ душъ неосторожность самолюбивую ничтожность иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ; что умъ, любя просторъ, тѣснитъ; что слишкомъ часто разговоры принять мы рады за дѣла; что глупость вѣтрена и зла; что важнымъ людямъ—важны вздоры, и что посредственность одна намъ по плечу и не странна?». «Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ, несосно (согласитесь въ томъ) между людей благоразумныхъ прослыть притворнымъ чудакомъ, или печальнымъ сумасбродомъ, иль сатаническимъ уродомъ, иль даже «Демономъ» моимъ». (Ср. ниже „Прототипы“: Онѣгинъ).

лезныхъ имъ людей. Это эгоисты по натурѣ или по причинѣ дурного воспитанія. Эгоисты второго разряда почти никогда не бываютъ толсты и румяны; по большей части этотъ народъ больной и всегда скучающій. Бросаясь всюду, вездѣ ища то счастья, то развѣянія, они нигдѣ не находятъ ни того ни другого съ той минуты, какъ оболъщенія юности оставляютъ ихъ. Эти люди часто доходятъ до страсти къ добрымъ дѣйствіямъ, до самоотверженія въ пользу ближнихъ; но бѣда въ томъ, что они и въ добрѣ хотятъ искать то счастья, то развлеченія, тогда какъ въ добрѣ слѣдовало бы имъ искать только добра. Если подобные люди живутъ въ обществѣ, представляющемъ полную возможность для каждаго изъ его членовъ стремиться своею дѣятельностью къ осуществленію идеала истины и блага,—о нихъ безъ запинки можно сказать, что суетность и мелкое самолюбіе, заглушивъ въ нихъ добрые элементы, сдѣлали ихъ эгоистами. Но нашъ Онѣгинъ не принадлежитъ ни къ тому ни къ другому разряду эгоистовъ. Его можно назвать эгоистомъ поневолѣ; въ его эгоизмѣ должно видѣть то, что древніе называли *fatum*. [Вѣлискій. Соч., т. 8].

2) По словамъ Овсяннико-Куликовскаго [Ист. р. инт., т. I], Онѣгинъ, какъ Чацкій, прежде всего—представитель образованнаго общества 20-хъ годовъ, именно той его части, въ которой по преимуществу сосредоточивалось броженіе и движеніе умовъ въ ту эпоху. Но между Чацкимъ и Онѣгинымъ есть важное различіе: первый принадлежалъ къ лучшимъ людямъ эпохи, второй—человѣкъ, непогимъ лишь возвышающійся надъ среднимъ уровнемъ свѣтскихъ, по тогдашнему образованныхъ и затронутыхъ идеями вѣка молодыхъ людей. Онъ уменъ, но въ умѣ его нѣтъ ни глубокомыслія, ни возвышенности; «идеологія» не чужда ему, и онъ, пожалуй, имѣетъ нѣкоторое право смотрѣть на свою среду, на «толпу» (своего «круга, на «свѣтскую чернь», какъ тогда выражались) сверху внизъ, съ презрѣніемъ; но онъ, несомнѣнно, злоупотребляетъ этимъ «правомъ» потому что, во многихъ отношеніяхъ онъ—значительно ниже лучшихъ людей эпохи: въ немъ не могли бы узнать себя ни Н. И. Тургеневъ, ни Велевитиновъ, ни кн. Сергѣй Волконскій, ни кн. Трубецкой, ни Пущинъ и т. д. За то многіе другіе, стоявшіе ближе къ среднему уровню, легко находили въ Онѣгинѣ свои черты, свою позу и фразу, свой складъ ума «холоднаго» и «озлобленнаго», свои душевныя противорѣчія. По характеристикѣ Овсяннико-Куликовскаго, О. «лишний человѣкъ», а «лишняго человѣка» создаетъ совмѣстное дѣйствіе двухъ факторовъ, которые могутъ быть налицо гдѣ угодно и при весьма различныхъ условіяхъ общественной жизни. Одинъ—это плохая психическая организація человѣка, наслѣдственная или благопріобрѣтенная, выражающаяся въ недостаткѣ душевной энергіи, въ вялости чувства и мысли, въ неспособности къ упорному и правильному труду, въ отсутствіи инициативы. Это мы и видимъ въ Онѣгинѣ. Второй факторъ—это умственный, идейный и моральный разладъ между личностью и средой. И это мы находимъ въ Онѣгинѣ, который отъ своихъ отсталъ, а къ другому кругу, къ широкой средѣ, темной и патріархально-невѣжественной, пристать, разумѣется, не могъ. Вспомнимъ его жизнь въ деревенской глуши, гдѣ только въ спорахъ съ юнымъ Ленскимъ онъ и могъ отвести душу. Онѣгины въ тогдашнемъ обществѣ, какъ провинціальномъ, такъ и столичномъ, были, повидимому, болѣе одинокими и «чужими», чѣмъ позже—Печорины и еще позже—Рудины. Иногда бывало достаточно одного изъ указанныхъ факторовъ для того, чтобы человѣкъ сталъ «лишнимъ».

3) Онѣгинъ — «характеръ дѣйствительный, въ томъ смыслѣ, что въ немъ нѣтъ ничего мечтательнаго, фантастическаго, что онъ могъ быть счастливъ или несчастливъ только въ дѣйствительности и черезъ дѣйствительность. Вникая въ психологію Онѣгина, Рудина, Лаврецкаго, мы замѣ-

чаемъ одну черту, имъ общую и въ то же время характеризующую ихъ— какъ русскихъ: это слабость дѣйствующей воли, отсутствіе духа инициативы, невыдержанность въ трудѣ, въ систематическомъ преслѣдованіи какой-либо цѣли въ жизни. Жизнь этихъ людей, по самому характеру ея, по ея психологическому строю, совсѣмъ не похожа на жизнь западно-европейскихъ культурныхъ дѣятелей: у послѣднихъ жизнь—такъ или иначе программа,—человѣкъ ставитъ себѣ цѣль и идетъ къ ней, борется, стремится, торжествуетъ или погибаетъ; во всякомъ случаѣ онъ—работникъ цивилизаціи, а не дилетантъ культуры и мысли, каковы наши Онъгины, Рудины и Лавреціе. Жизнь нашихъ дѣятелей, обобщенныхъ въ этихъ образахъ, сбивалась на пассивное существованіе человѣка, у котораго есть идеи или даже идеалы, но нѣтъ ни цѣлей, ни дѣятельности. Ихъ душевный обиходъ опредѣляется развитымъ умомъ, умственными интересами, добрыми намѣреніями, благородными стремленіями, тонкостью мысли чувства, неудовлетворенностью и уныніемъ. Правда, все это само по себѣ составляетъ нѣчто по своему значительное и цѣнное, это—цѣлый душевный капиталъ. Но это—капиталъ, не пущенный въ оборотъ, это—запасъ душевной силы, не направляемой дѣятельной и методической волею. Въ своемъ болѣе крайнемъ выраженіи такой душевный укладъ проявляется безцѣльнымъ скитальчествомъ, лѣнью и вѣчной скукою, тоскою существованія. Онъгинъ—вѣчный странникъ и «лишній человѣкъ» [Овс.-Куликовскій. «Пушкинъ»]. По мнѣнію того же критика, въ Онъгинѣ бытовое «не только не находится въ какомъ-либо противорѣчій съ національнымъ, но даже можетъ быть разсматриваемо—какъ частный случай, какъ особое, историческое выраженіе національнаго. 4) Онъгинъ, по опредѣленію Ключевского, «наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ», а такой наслѣдникъ обыкновенно послѣдній въ родѣ. У него есть и черты подражанія въ манерахъ, и Гарольдовъ плащъ на плечахъ, и полный лексиконъ модныхъ словъ на языкѣ; но все это—не существенныя черты, а накладныя прикрасы, бѣлила и румяна, которыми прикрывались и замазывались значки безпотомственной смерти». «Это не столько типъ, сколько гримаса, не столько характеръ, сколько поза, и, притомъ, чрезвычайно неловкая и фальшивая, созданная цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ позъ, все такихъ же неловкихъ и фальшивыхъ. Да, Онъгинъ не былъ печальною случайностью, нечаянною ошибкой: у него была своя генеалогія, свои предки, которые наслѣдственно изъ рода въ родъ передавали прибрѣтаемые ими умственные и нравственные вывихи и искривленія». «Это были неестественныя позы, нервныя, судорожныя жесты, вызывавшіеся мѣстными неловкостями общихъ положеній. Эти неловкости чувствовались далеко не всѣми; но жесты и мины тѣхъ, къ которымъ чувствовалъ, были всѣмъ замѣтны, бросались всѣмъ въ глаза, запоминались надолго, становились предметомъ художественнаго воспроизведенія. Люди, которые испытывали эти неловкости, не были какіе-либо особые люди,—были какъ и всѣ; но ихъ фізіономіи и манеры не были похожи на общепринятые. Это были не герои времени, а только сильно подчеркнутые отдѣльные номера, стоявшіе въ ряду другихъ,—общія мѣста, напечатанныя курсивомъ. Такъ какъ масса современниковъ, усѣвшихся болѣе или менѣе удобно, рѣдко догадывалась о причинѣ этихъ ненормальностей и считала ихъ капризами отдѣльныхъ лицъ, не хотѣвшихъ сидѣть, какъ сидѣли всѣ, то эти несчастныя жертвы неудобныхъ позицій слыли за чудаковъ, даже иногда «печальныхъ и опасныхъ». Между тѣмъ, жизнь текла своимъ чередомъ; среда, изъ которой выдѣлялись эти чудаки, сидѣла прямо и спокойно, какъ ее усаживала исторія». По мнѣнію Ключевского, «Онъгинъ—образъ, въ которомъ художественно воспроизведена мѣстная неловкость одного изъ положеній русскаго общества. Это не общій или господствующій типъ времени, а типическое исключеніе». [В. О. Ключевскій. «Онъгинъ и его предки»].

5) Достоевскій героиней романа считалъ не Онѣгина, а Татьяну. Онѣгинъ, по мнѣнію Достоевскаго, «нравственный эмбрионъ», «отвлеченный чело-
вѣкъ», «безпокойный мечтатель во всю жизнь»; онъ «русскій скиталецъ». Пушкинъ, отмѣтивъ типъ русскаго скитальца до нашихъ дней и въ наши дни, первый угадалъ его «геніальнымъ чутьемъ своимъ съ исторической судьбой его и съ огромнымъ значеніемъ его въ нашей грядущей судьбѣ»... [Дн. Писат. за 1880 г.]. 6) Добролюбовъ видѣлъ въ Онѣгинѣ «родовыя черты обломовскаго типа». Ср. Обломовъ «Сл. Лит. Типовъ», вып. 9-ый. 7) По мнѣнію Н. А. Котляревскаго, О. «нельзя сказать, чтобы эта личность была яркая, съ рѣзко выраженнымъ характеромъ и ясными взглядами. Въ ней много недосказаннаго и неопредѣленнаго. Такая неопредѣленность, впрочемъ, и была нужна автору, п. ч. въ ней-то главнымъ образомъ и заключалась типичность этого лица и характерность того настроенія, носителемъ котораго являлся онъ, и на нѣкоторое время его ближайшій другъ—самъ Пушкинъ» [Лит. напр. въ Алекс. эпоху].

См. также ниже: «Прототицы», ср. «Сл. Лит. Типовъ», в. в. 3, 6 и 9 — «Печоринъ», «Чацкій» и «Обломовъ».

Орлеанскій, герцогъ («Арапъ Петра В.»).—«Соединяя многія блестящія качества съ пороками всякаго рода, къ несчастію, не имѣлъ и тѣни лицемѣрія. Оргіи Пале-Рояля не были тайною для Парижа». «Регентъ приглашалъ» Ибрагима «на свои веселые вечера». Онъ же вручилъ Ибрагиму письмо (Петра I) и «приказалъ прочесть на досугъ». Узнавъ о намѣреніи Ибрагима «немедленно отправиться въ Россію, уговаривалъ его остаться во Франціи, пребываніе въ которой сдѣлало Ибрагима «равно чуждымъ климату и жизни полудикой Россіи».

Орлеанскій, герцогъ («Пик. дама»). — Ему графиня *** «проиграла на слово что-то очень много».

Орликъ («Полтава»). — «Гетмановъ дѣлецъ», «свирѣпый О.» «Орликъ мой», называетъ его Мазепа. «Злой холопъ», по словамъ Кочубея. «Указуетъ» Кочубею «последній долгъ»: открыть, скрытые имъ клады.—«Шутить не время. Дай отвѣтъ, когда не хочешь пытки новой: гдѣ спряталъ деньги?» требуетъ О. отъ Кочубея. Молчаніе Кочубея прерываетъ: — «Ну, въ пытку. Гей, палачь!» На тревогу Мазепы предъ полтавскимъ сраженіемъ, отвѣчаетъ:—«Время не ушло съ Петромъ опять войти въ сношенія: еще поправить можно зло. Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья, царь не отвергнетъ примиренія».

Орлова («Р. Пел.»).—Жена Ѳ. Орлова.—«Бѣдная вѣтрена дѣвушка». Ор. «увозитъ ее» «въ деревню». Ея несчастное положеніе — бѣдность — развратъ мужа—она влюбляется въ Пелама—связь ея съ нимъ—подозрѣнія мужа—смерть Ѳ. Орлова».

Орловъ, Алексѣй («Р. Пеламъ.»).—Р. Пеламъ «обращается къ Ал. Орлову изъ крѣпости» (прогр. III.); «(оправданъ) освобожденъ по покровительству Ал. Орлова (прогр. II.)».

Орловъ Ѳ. («Рус. Пеламъ.»).—«Élégant, un Zavadovski. Un mauvais sujet, des maîtresses, des dettes.—Пеламъ знакомится съ нимъ «dans la mauvaise société» (прогр. III); встрѣчаетъ «въ обществѣ актрисъ и литераторовъ» (пр. II). Въ «шайкѣ» Ѳ. Орлова ведется «фальшивая игра», «игра навѣрное». «Дуэль Орл. съ двоюроднымъ братомъ Шереметева».—О. «влюбляется въ бѣдную вѣтрена дѣвушку» и «увозитъ ее». «Первые года роскошь». «Несчастливая жизнь жены Ѳ. Орл.». «Развратъ мужа». „Il cherche distractions chez sa première maîtresse», «devient escroc et duelliste».—«Бѣдность». О. «доходитъ до нищеты и разбойничества».

Офицеръ («Капит. дочка»).—По приказанію О., Гриневу «надѣли на ноги цѣпь» и «отвели въ тюрьму».

II.

Павловъ («Р. Целамъ»).—«Игроки. Орловъ, Павловъ» (Прогр. II).

Палаша («Капитанская дочка»).—Дѣвка бойкая, «которая и урядника заставляеть плясать по своей дудкѣ». Максимычъ говоритъ Гриневу, «что онъ общался П. ужъ какъ нибудь да ему «доставить» письмо. По словамъ Акулины Памфиловны, Марья Ивановна имѣла съ нею всегдашнія сношенія черезъ П. Комендантъ, желая скрыть тайну, «заперъ П. въ чуланъ, чтобъ она не могла подслушать». Горячо предана Марья Ивановнѣ; при освобожденіи послѣдней, «очень смѣло втерлась въ комнату и стала ухаживать за своей барышней». «Барышня жива», говоритъ П. Гриневу, «она спрятана у Акулины Памфиловны. П. «прибѣжала» къ послѣдней и, по просьбѣ Гринева, вызвала «тихонько» попастью. Послѣ осады крѣпости, блѣдная и трепещущая П., всплеснувъ руками, сказала Гриневу:—«какой денекъ! Какія страсти!».

Палашка («Капитанская дочка»).—Уп. л. Прачка; толстая и рябая дѣвка». П. кинулась Авдотѣ Васильевнѣ Гриневой «въ ноги, винясь въ преступной слабости и съ плачемъ жалуясь на мусье, оболъстившаго» ея «неопытность».

Палѣй («Полтава»).—«Старикъ Палѣй», «Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій»; «изъ мрака ссылки», появляется на полтавскомъ полѣ сраженія близъ московскаго царя. «Двумя поддержанъ казаками, сердечной ревностью горя, онъ окомъ опытнымъ героя взираетъ на волненье боя. Ужъ на коня не вскочить онъ: одряхъ, въ изгнанѣ сиротѣя, и казаки на кличъ Палѣя не налетятъ со всѣхъ сторонъ! Но что жъ его сверкнули очи, и гнѣвомъ, будто мглою ночи, покрылось старое чело? Что возмутить его могло? Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ врага Мазепу, и въ сей мигъ свои лѣта возненавидѣлъ обезоруженный старикъ?» См. ниже, Дорощенко.

Парамоновъ, Степанъ («Капитанская дочка»).—Уп. л. «Полковой цирюльникъ», который лѣчилъ раненаго въ грудь Гринева. По словамъ послѣдняго, П. при его лѣченіи «не умничаль».

Парамошка («Дубровскій»).—Псарь Троекурова. «Обидѣлся» на слова Дубровскаго Троекурову (врядъ ли людямъ вашимъ житье такое, какъ вашимъ собакамъ): — «Мы на свое житье, сказалъ онъ, благодаря Бога и барина не жалуемся, а что правда иному и барину не худо бы промѣнять усадьбу свою на любую здѣшнюю кануру (на троекуровской псарнѣ): ему было бы и сытнѣе и теплѣе». Въ письмѣ къ Троекурову старый Дубровскій писалъ, что «до тѣхъ поръ не намѣренъ пріѣхать въ Покровское, пока» Троекуровъ не вышлетъ ему «псаря П. съ повинною».

Парасковья Петровна («Метель»).—Жена Гаврилы Гавриловича, мать Марьи Гавриловны. Играла по пяти копѣекъ въ бостонъ». Во время болѣзни дочери не отходила «отъ ея постели»; изъ безпрестаннаго бреда больной могла понять только, что «дочь ея смертельно влюблена во Владимира Николаевича» и что, вѣроятно, любовь была причиною ея болѣзни». Она совѣтовалась со своимъ мужемъ, съ нѣкоторыми сосѣдами, и наконецъ единогласно всѣ рѣшили, что видно такова была судьба Маріи Гавриловны, что суженаго конемъ не объѣдешь, что бѣдность не порокъ».

Параша («Домикъ въ Коломнѣ»).—«Прекрасная дѣвица: глаза и брови—темные какъ ночь, сама бѣла, нѣжна, какъ голубица». «Коса змией на гребнѣ роговомъ, изъ-за ушей змией кудри русы, косыночка крестъ-на-крестъ, иль узломъ, на тонкой шеѣ восковыя бусы». П. «мирно жизнь» вела, «не думая о балахъ, о Парижѣ, ни о дворѣ». Она «умѣла

мыть и гладить, шить и плести; всё въ домѣ правила одна Параша; поручено ей было счеты вести, при ней варилась грешневая каша».—«Въ ней вкусъ былъ образованный. Она читала сочиненья Эмина (см. «Списокъ»). Играть умѣла также на гитарѣ и пѣла: «Стонетъ сизый голубокъ» и «Выду ль я»... и то, что ужъ постарѣ... Лѣтнимъ вечеромъ въ окно подолгу «на луну» «смотрѣла», и «предъ ея окномъ» «вздили гвардейцы черноусы»; «простая бѣдная Параша» «прельщать умѣла ихъ безъ помощи нарядовъ дорогихъ». Она «весь обѣгала домъ, то у окна, то во дворѣ мелькала, и кто бы ни проѣхалъ, иль ни шелъ, всѣхъ успѣвала видѣть».

Параша («Графъ Нулинъ»).—«Наперсница затѣй» Натальи Павловны. «Шьетъ, моетъ, вѣсти переносить, изношенныхъ капотовъ просить, порою съ бариномъ шалить, порой на барина кричить, и лжетъ предъ барыней отважно». Съ Натальей Павловной, «она толкуетъ важно о графѣ, о дѣлахъ его—не пропускаетъ ничего—Богъ вѣсть, развѣдать какъ успѣла».

Параша («Мѣдн. Всадн.»).—Уп. л. «Мечта» Евгенія, его невѣста. Жила съ матерью въ ветхомъ домикѣ, «почти у самаго залива».

Параши-мать («Домикъ въ Коломнѣ»).—Вдова. «Бѣдная старушка»; жила у «Покрова» въ смиренной лачужкѣ, «за самой будкой».—«Точь въ точь въ картинахъ Рембрандта такія лица». «Носила чепчикъ и очки»; «днемъ она чулокъ вязала, а вечеромъ, за маленькимъ столомъ, раскладывала карты и гадала». «По воскресеньямъ лѣтомъ и зимою вдова ходила къ Покрову и становилась предъ толпою у крылоса налѣво». Послѣ внезапной смерти Θεелы, «подумала, что два-три дня, не долѣ—жить можно безъ кухарки; что нельзя предать свою трапезу Божьей волѣ». Новой кухаркѣ даетъ совѣтъ: «гоняй мужчинъ», «ходи за мной, за дочерью моею; усердна будь; присчитывать не смѣй». Мавруша понравилась ей за то, что готова была служить за всякую цѣну («все, что будетъ вамъ угодно»), но старуха недовѣрчиво отнеслась къ «плутовкѣ». «Въ церкви вдругъ на старую вдову нашель испугъ. Она подумала: «въ Маврушѣ ловкой, зачѣмъ къ пирожному припала страсть? Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой! Не вздумала ль она насъ обокрасть, да улизнуть? Вотъ, будемъ мы съ обновкой для праздника! Ахти, какая страсть!» Такъ думая старушка обмирала, и наконецъ, не вытерпѣвъ, сказала:—«Стой тутъ, Параша. Я схожу домой». «Мнѣ что-то страшно». «Съ паперти долой чуть-чуть» «старушка не слетѣла; въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой». Увидя, какъ «предъ зеркальцемъ Параша чинно сидя, кухарка брилась», вдова успѣла лишь произнести:—«Ахъ, ахъ!» и шлепнулась».—«Ахъ, Пашенька моя! Маврушка... Что, что съ ней?» Кухарка наша... опомнись досель не въ силахъ я... за зеркальцемъ... вся въ мыль... «Воля ваша мнѣ, право, ничего понять нельзя; да гдѣ жъ Мавруша?»—«Ахъ, она разбойникъ! Она здѣсь брилась!.. точно мой покойникъ!»...

Пастухъ («Бор. Год.»).—«Маститый старецъ». «Въ молодыхъ лѣтахъ ослѣпъ». «Напрасно лѣчилъ и зелиемъ, и тайнымъ нашептываньемъ; напрасно ходилъ на поклоненье въ обители къ великимъ чудотворцамъ; напрасно изъ кладезей святыхъ кропилъ водой цѣлебной темны очи». «Не посылалъ Господь ему исцѣленья». Онъ «къ тьмѣ своей привыкъ и даже сны ему виданныхъ вещей ужъ не являли, снились только звуки»; онъ «утратилъ ужъ надежду».—Но «въ старости» ужъ «разъ, въ глубокомъ снѣ», рассказываетъ онъ, «я слышу, дѣтскій голосъ мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди ты въ Угличъ-градъ, въ соборъ Преображенья; тамъ помолись ты надъ моею могилой, Богъ милостивъ—и я тебя прощу. Но кто-же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ. Царевичъ я Димитрій. Царь небесный пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ, и я теперь—великій чудотворецъ». «Проснулся я и думалъ: что-жъ? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Богъ мнѣ

позднее даруетъ исцѣленье. Пойду—и въ путь отправился далекій. Вотъ Углича достигъ я, прихожу въ святой соборъ и слушаю обѣдню, и, разгораясь душой усердной, плачу такъ сладостно, какъ-будто слѣпота изъ глазъ моихъ слезами вытекала. Когда народъ сталъ выходить, я внуку сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ царевича Димитрія. И мальчикъ повелъ меня—и только передъ гробомъ я тихую молитву сотворилъ, глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ и Божій свѣтъ, и внука, и могилку».

Пастушка («Русланъ и Людмила»).—Подруга Ратмира. «Младая дѣва. Стройный станъ, власы небрежно распущены, улыбка, тихій взоръ очей, и грудь и плечи обнажены—все мило, все плѣняетъ въ ней». По словамъ Ратмира: «Моей счастливой перемѣны она виновницей была; она мнѣ—жизнь, она мнѣ—радость! Она мнѣ возвратила вновь мою утраченную младость, и миръ, и чистую любовь».

Патерь («Бор. Год»).—«Патерь Черниковскій». На обѣщанье Самозванца привести народъ и всю восточную церковь подъ «власть намѣстника Петра», даетъ совѣтъ: — «Вспомоществуй тебѣ святой Игнатій, когда придутъ иныя времена. А между тѣмъ небесной благодати таи въ душѣ, царевичъ, сѣмена; притворствоваться предъ оглашеннымъ свѣтомъ намъ иногда духовный долгъ велить: твои слова, дѣянья судятъ люди; намѣренья единый видить Богъ».

Патріархъ («Бор. Год»). — «Твой (Бориса) вѣрный богомолецъ, въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія».—«Ужъ эти мнѣ грамотей!» восклицаетъ онъ, услышавъ о бѣгствѣ Отрепьева. «Что еще выдумалъ: буду царемъ на Москвѣ! Ахъ, онъ—сосудъ дьявольскій! Однако, нечего царю и докладывать объ этомъ: что тревожить отца-государя?.. Этакъ ересь: буду царемъ на Москвѣ!.. Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это—ересь, отецъ игуменъ?»—«Пострѣлъ окаянный»; «бѣсовскій сынъ, растрига окаянный», отзывается П. о Самозванцѣ.—«Духъ милости и кроткаго терпѣнья въ душѣ твоей, великій государь» (отвѣчаетъ онъ Борису, заявившему, что «умы кипятъ .. ихъ нужно остудить; предупредить желалъ бы казни я»); «ты грѣшному погибели не хочешь, ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье». Чтобы «остудить умы», взволнованные именемъ Лжедимитрія, онъ предлагаетъ Борису («убійцѣ» царевича) «разоблачить обманъ безбожнаго злодѣя»—и «мощь бѣсовъ исчезнетъ, яко прахъ». Разказавъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ у гроба Димитрія, прибавляетъ:—«вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи (Димитрія) перенести, поставить ихъ въ соборѣ Архангельскомъ». Борисъ, слушая, «блѣднѣлъ и крупный потъ съ лица его закапалъ», но «выручилъ князь Шуйскій».

Пахомовна («Дубровскій»).—Жена станціоннаго смотрителя. «Смотрительша»; была исполнена великимъ неудовольствіемъ, когда Дефоржъ, не спросивъ себѣ «ни чаю, ни кофею», сидѣлъ на станціи и «посвистывалъ». Вотъ Богъ послалъ свистуна, говорила она вполголоса: эхъ посвистываетъ! чтобъ лопнулъ, окаянный басурманъ».—Да, отпусти ты его, Сидорычъ. Охота тебѣ держать. Дай ему лошадей, провались онъ къ чорту!» (П. вѣрила въ «примѣту», что «свистъ денежку выживаетъ»). Когда послѣ отбѣзда Дубровскаго, «смотритель обратился къ женѣ съ восклицаніемъ («П—а! знаешь ли ты что? вѣдь это былъ Дубровскій»), смотрительша опрометью кинулась въ окошко, но было уже поздно: Дубровскій былъ ужъ далеко. Она принялась бранить мужа:—«Бога ты не боишься, зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ того прежде, я бы хоть взглянула на Дубровскаго, а теперь жди, чтобъ онъ опять завернулъ. Безсовѣтный ты, право, безсовѣтный!»

Пашковы («Р. Пеламаъ»).—«Большое общество—семья Пашковыхъ... etc»—(прогр. II).

Пелагея Николавна («Евг. Онегинъ»).—«У Пелагеи Николавны

все тотъ же другъ, мосье Финмушъ, и тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ».

Пелагеи Николавны мужъ («Е в г. О н ѣ г и н ѣ»).—«Все клуба членъ исправный, все такъ-же смиренъ, такъ же глухъ, и такъ же ѣсть и пить за двухъ».

Пелама братъ («Про гр. П. П е л а м а»).—«Зарывается въ канцеляріи, отрывается отъ своей матери — является въ дурномъ обществѣ по страсти къ деньгамъ».—«Въ игрѣ получаетъ пощечину—дуэль,—братъ Пел. струсиль», онъ «дѣлается врагомъ Пелымову, выходитъ въ люди (въ секретари Чуполея), преслѣдуетъ тайно своего брата». Онъ «чернить его въ глазахъ правительства».—«Донось,—судъ,—тайный непріятель (Пелама).—Письмо къ брату, отвѣтъ Тартюфа». Онъ «сватается за невѣсту Пелама и женится на ней». (Ср. Наградскій, Норовой, Мишенька, двоюродный братъ Пелама).

Пелама мать («Р. П е л а м ѣ»).—«Женщина съ необыкновеннымъ умомъ и сердцемъ». «Она была старѣ мужа нѣсколькими годами».—Отецъ Р. Пелама «женился» на ней «противъ воли семейства», но потомъ «она успѣла примирить мужа съ его семействомъ, въ которомъ ее полюбили».—Мужъ ея «вошелъ въ связь съ женщиной извѣстной въ свѣтѣ своей красотой и любовными похождениями. «Мать моя, говоритъ Р. Пеламъ, знала все, и молчала. Душевные страданія разстроили ея здоровье: она слегла и уже не встала». — Умирая «пѣловала» сына «и плакала».

Пелама-отецъ («Р. П е л а м ѣ»).—«Имѣлъ пять тысячъ душъ»; «былъ пожалованъ сержантомъ, когда еще бабушка (Р. Пелама) была имъ брюхата». «Кромѣ французской ореографіи, кажется, ничего основательно не зналъ». Характера былъ «легкомысленнаго и непостояннаго». «Жилъ не хуже гр. Шереметева, хотя былъ ровно въ 20 разъ бѣднѣ». «Москвичи помнятъ еще его обѣды, домашній театръ и роговую музыку». «Женился противъ воли родителей на дѣвушкѣ, которая была старѣ его нѣсколькими годами; въ тотъ же годъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву». «Первые годы супружества были счастливы». Но потомъ «онъ вошелъ въ связь съ женщиной, извѣстной въ свѣтѣ своей красотой и любовными похождениями. Она для него развелась съ мужемъ, который уступилъ ее отцу моему за 10000 и потомъ обѣдывалъ у насъ довольно часто». Когда умирала жена, онъ, присутствуя при этомъ, «рыдалъ громко». Послѣ смерти жены женщина, «виновница ея смерти, поселилась въ его домѣ».—«Сына онъ, конечно, любилъ, но вовсе о немъ не беспокоился и оставилъ на попеченіе французовъ», гувернеровъ. У сына «съ отцомъ доходило часто дѣло до ручныхъ объясненій, которыя съ обѣихъ сторонъ оканчивались слезами».

Пелама-отецъ (п ро г р а м м ы Р. П е л а м а.).—«Frivole въ русскомъ родѣ». «Il reçoit bonne compagnie en fait d'hommes et mauvaise en fait de femmes» (IV). «Отецъ не занимается» Пеламомъ, «но любитъ ссориться съ нимъ изъ-за Норового—отецъ назначаетъ ему 1000 въ годъ и выгоняетъ его. Умираетъ въ нищетѣ—сынъ его хоронитъ (III).

Пеламъ, Русскій («Р. П е л а м ѣ»).—См. М*.

Пеламъ, Русскій («Про гр. Р. П е л .»).—«Сынъ барина», «воспитанъ у отца семью французами, нѣмцами, шведами, англичанами». «Пеламъ выходитъ въ службу и свѣтъ». «Свѣтская жизнь петербургская, балы, скука большого свѣта, происходящая отъ бранчивости женщинъ». «Свѣтъ» «наскучилъ» Пеламу; онъ, «по примѣру молодежи, удаляется въ холостую компанію, дружится съ Zavadovski и «Θ. Орловымъ». «Вдается въ дурное общество».—«Общество Zavadovskij—les parasites, les actrices,—sa mauvaise réputation».—Пеламъ вступаетъ «въ связь съ тенцоркой на счетъ гр. Завадовскаго». Дружа съ «Θ. Орловымъ», «помогаетъ ему увести любовницу»,—отказывается отъ игры фальшивой. «Несчастное положеніе» увезенной дѣвушки—«бѣдность—развратъ мужа—она влюбляется въ Пелама—связь ея

съ нимъ—подозрѣнія мужа». Пел. «продолжаетъ безцутную жизнь», «devient aux yeux du monde un mauvais sujet».

C'est alors qu'il est en correspondance avec Nathalie (Кочубей). Il reçoit la première lettre au sortir de chez la Istomine qu'il console du mariage de Zavadovski. «La porte de Чоколей lui est refusé, il ne la voit qu'au théâtre (ou) il apprend que son frère est secrétaire du Чоколей» (Прогр. IV).

«Пеламъ влюбляется въ женщину высшаго общества—любовь въ большемъ свѣтѣ» (Прогр. I).—«Перемѣна» Пел. «Онъ ссорится съ танцоркой». (прогр. II). «Онъ сватается, ему отказываютъ—онъ ѣдетъ въ деревню».—«Разбой». (Убіѣство Θ . Орловымъ Щепочкина). «Пел. узнаетъ обо всемъ и укрываетъ Θ . Орл. у себя» (прогр. II); «devient l'exécuteur testamentaire de Θ . Орловъ—попадаетъ въ подозрѣніе. Онъ даетъ ломбард. билетъ (носить часы Щепочкина).—III). «Доносъ—судъ.—Тайный непріятель». Двоюродный братъ его (см. Норовой) «дѣлается врагомъ П., выходитъ въ люди (въ секретари Чуполея), преслѣдуетъ тайно своего брата», «чернить его въ глазахъ правительства», «письмо къ брату, отвѣтъ Тартюфа».—Братъ «сватается за его невѣсту и женится на ней». «Отчаянье». Пел. «высланъ изъ города» (II), посаженъ «въ крѣпость» (III). «(Оправданъ) освобожденъ по покровительству Алексѣя Орлова и выѣхалъ изъ города. Болѣзнь душевная—сплетни свѣта—уединенная жизнь— Θ . Орловъ пойманъ въ разбой, Пеламъ оправданъ и получаетъ позволеніе ѣхать въ Петерб.». (Ср. Пелымовъ, Батуриный *).

Пелгамъ, леди («Отрывокъ изъ романа въ письмахъ»).—«Пріѣзжая англичанка. На рѣчи Алексѣя, П. отвѣчаетъ «съ видомъ невиннаго удивленія и маленькимъ восклицаніемъ: о ло!».

Пикарь («Графъ Нулина»).—«Monsieur Picard», слуга-французъ гр. Нулина.

Переплетчикъ («Гробовщикъ»).—Одинъ изъ гостей Готлиба; съ его помощью, послѣ пира, былъ отведенъ Юрко «въ будку», хотя лицо самого П. «казалось въ красненькомъ сафьяновомъ переплетѣ».

Петровна («Дубровскій»).—См. Егоровна. [Въ гл. VII-ой опредѣленно указывается, что, вмѣстѣ съ Дубровскимъ «пропали неизвѣстно куда» «няня Егоровна, дворовый челоуѣкъ Григорій, кучеръ Антонъ и кузнецъ Архипъ. Въ послѣдней 19-ой главѣ неизвѣстно откуда появляется «старуха въ бѣломъ чепцѣ, опрятно и чопорно одѣтая», которую Степка именуетъ Петровной. Она выходитъ изъ шалаша Дубровскаго.—«Полно тебѣ, Степка, сказала она сердито: баринъ поживаетъ, а ты знай горла-нишь: нѣтъ у васъ ни совѣсти ни жалости».—«Виновать, Петровна, отвѣчалъ Степка». Ясно, что это несомнѣнная авторская обмолвка, объясняемая тѣмъ, что рукопись Дубровскаго, писанная на скоро, не получила дальнѣйшей отдѣлки; тѣмъ не менѣе во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина эта обмолвка прошла незамѣченной. Ред.]

Петрушка Еремѣевъ («Ист. села Горюхина»).—Послѣ выкупа отцомъ Антона Тимофеева, приказчикъ «приказалъ заковать «въ желѣзы». П. Е., но его откупилъ отецъ за 68 рублей.

Петръ I («Арапъ Петра В.»).—Капитанъ «бомбардирской роты преобразенскаго полка». «Могучій, грозный преобразователь Россіи». «Челоуѣкъ высокаго роста въ зеленомъ кафтанѣ». «Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твердому его разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣятельности». Ибрагимъ видалъ Петра въ сенатѣ, оспариваемаго Бутурли-

*; Возстановить точно фабулу Р. Пелама по отличающимся другъ отъ друга программамъ нельзя. Нами выбраны только черты изъ разныхъ программъ, служащія такъ или иначе для характеристики, запуманныхъ Пушкинымъ, типовъ.

нымъ и Долгорукимъ, «разбирающаго важные вопросы законодательства; въ адмиралтейской коллегіи, утверждающаго морское величіе Россіи»; видалъ «его съ Теофаномъ, Гаврииломъ Бужинскимъ и Копіевичемъ; въ часы отдохновенія, разсматривающаго переводы иностранныхъ публицистовъ, или посѣщающаго фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинетъ ученаго». Въ свободное время читалъ «Гамбургскія газеты». «Посреди обширныхъ своихъ трудовъ, не переставалъ освѣдомляться о своемъ любимцѣ крестникѣ арапѣ». «Послѣ обѣда государь, по русскому обыкновению, отдыхалъ «часа» «два». Затѣмъ, забирался «въ токарнѣ» и занимался «государственными дѣлами». Онъ по очереди работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генераль-полицмейстеромъ Девиеромъ, и «на ряду съ этимъ успѣвалъ продиктовать» «нѣсколько указовъ и рѣшеній». «По окончаніи трудовъ, Петръ вынулъ карманную книжку, дабы справиться, все ли имъ предполагаемое на сей день исполнено». Корсакова, прибывшаго изъ Парижа «съ депешами», принялъ «въ какой-то холстяной фуфайкѣ, на мачтѣ корабля». «Посмотримъ, не забылъ ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску, говоритъ онъ Ибрагиму въ день его пріѣзда изъ Франціи, да ступай за мною». — «Здорово господа! сказалъ Петръ съ веселымъ лицомъ», «громозвучнымъ голосомъ», привѣтствуя Лыкова и его гостей («слуги разбѣгались, какъ одурѣлые, гости перетрусились»).— «Что же? я вамъ помѣшалъ? вы обѣдали? прошу садиться опять, а мнѣ Гаврила Аѳанасьевичъ, дай-ка анисовой водки»; «выпивъ» «золотую чарочку», закусилъ кренделемъ и вторично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ»; «сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ щей». «Государевъ денщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками, ибо П. «никогда не употреблялъ другого прибора, кромѣ своего». Дома, во дворцѣ «никто въ ласковомъ и гостепріимномъ хозяйнѣ не могъ бы подозрѣвать героя полтавскаго». «Во время обѣда» «разговаривалъ съ Ибрагимомъ о разныхъ предметахъ, спрашивалъ его объ испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое»; «вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и рассказывалъ ихъ съ «добродушіемъ и веселостью». Самъ выѣхалъ на встрѣчу Ибрагиму и въ ожиданіи его провелъ ночь «въ ямской избѣ». — «Вели же твою повозку везти за нами, а самъ садись со мной и поѣдешь ко мнѣ», говоритъ П. Ибрагиму. «По окончаніи трудовъ», «выходя изъ токарни, сказалъ Ибрагиму:— «Ужъ поздно; ты, я чай, усталъ, ночуй здѣсь, какъ бывало въ старину; завтра я тебя разбужу». Въ домѣ Лыкова «по нѣмецки разговаривалъ» съ плѣннымъ шведомъ о походѣ 1701 года». — На ассамблеяхъ «игралъ въ шашки» съ какимъ-нибудь «англійскимъ шкиперомъ», и «они усердно салютовали другъ друга залпами табачнаго дыма», былъ «большой охотникъ лично присутствовать», когда «маршалъ ассамблеи» заставлялъ провинившагося выпивать «кубокъ большого орла». — Ага! сказалъ Петръ, увидя Корсакова, «попался, братъ. Изволь же мосье пить и не морщиться». «Крайне бережливый въ собственныхъ своихъ расходахъ», замѣтя «щеголя» Корсакова, говоритъ:— «Послушай, Корсаковъ», «штаны-то» на тебѣ бархатные, какихъ и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это мотовство; смотри, чтобъ я съ тобой не побранился». Послалъ Ибрагима «въ чужіе края для пріобрѣтенія свѣдѣній, необходимыхъ государству преобразованному»; «просилъ» его «заботиться о своемъ здоровьѣ, благодарилъ за ревность къ ученію—и» «не жалѣлъ для него своей казны, присовокупляя къ червонцамъ отеческіе совѣты и предостерегательныя наставленія». «Имѣлъ широкую душу»; „угадывая истинную причину“ «отсутствія» Ибрагима, «писалъ герцогу, что онъ ни въ чемъ неволить» своего воспитанника «не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію,

или нѣтъ; но что, во всякомъ случаѣ, онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца».—«Ты человекъ одинокій, безъ роду и племени, чужой для всѣхъ, кромѣ одного меня. Умри я сегодня, завтра что съ тобою будетъ, бѣдный мой арапъ? Надобно тебѣ пристроиться, пока есть еще время, найти опору въ новыхъ связяхъ, вступить въ союзъ съ русскимъ боярствомъ». «Я самъ буду твоимъ сватомъ».—«Все братъ кончено!» «я тебя сосваталъ. Завтра поѣзжай къ своему тестю, но, смотри, потѣшь его боярскую спѣсь: оставь сани у воротъ, пройди черезъ дворъ пѣшкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знатности—и онъ будетъ отъ тебя безъ памяти», совѣтуетъ П. Ибрагиму.

Петръ Великій («Полтава»).—«Герой Полтавы». «Царь суровый, по словамъ Мазепы». Предъ сраженіемъ «свыше вдохновенный раздался звучный гласъ Петра: «За дѣло съ Богомъ!» «Его глаза сіяютъ. Лицъ его ужасенъ. Движенія быстры. Онъ прекрасенъ, онъ весь какъ Божія гроза». «И онъ промчался предъ полками могучъ и радостенъ какъ бой. Онъ поле пожиралъ очами». Послѣ побѣды, «пируетъ Петръ». И гордъ и ясенъ и славы полонъ взоръ его. И царскій пиръ его прекрасенъ: при кликахъ войска своего, въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ своихъ вождей, вождей чужихъ, и славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ, и за учителей своихъ заздравный кубокъ подымаетъ».—«Предубѣжденный въ вѣрности Мазепы, гнушаясь мнимой клеветой, доносъ оставя безъ вниманья, самъ царь Гуду (Мазепу) утѣшалъ и злобу шумомъ наказанья смирить надолго общалъ». Послѣ измѣны Мазепы, «съ береговъ пустынныхъ Енисея семейства Искры, Кочубея поспѣшно призваны Петромъ. Онъ съ ними слезы проливаетъ, онъ ихъ, лаская, осыпаетъ и новой честью и добромъ». По велѣнію П, «анасемой» Мазепѣ «гремитъ соборъ».

Пивоварова жена («Станц. смотритель»).—Поселилась съ мужемъ, послѣ смерти смотрителя въ его домѣ; на вопросъ Бѣлкина о причинѣ смерти смотрителя: «спился, батюшка, отвѣчала она». И велѣла Ванькѣ проводить «барина» на кладбище и указать «смотрителю могилу».

Picard («Графъ Нулинъ»).—Слуга-французъ графа Нулина.—«Allons courage! говоритъ барину П., послѣ того какъ коляска свернулась «на бокъ». «Шумитъ, хлопчетъ». На ночь приноситъ графу «графинь, серебряный стаканъ, сигару, бронзовый свѣтильникъ, щипцы съ пружиною, будильникъ и неразрѣзанный романъ». При отъѣздѣ, «ужъ подкрѣпивъ себя стаканомъ, П. кряхтитъ за чемоданомъ», и «все скоро уложилъ».

Пимень («Бор. Год.».—«Старикъ» съ «высокимъ челомъ», со «спокойнымъ», «смирненнымъ величавымъ видомъ». «Вразумленъ книжному искусству».—«Многихъ лѣтъ свидѣтель».—«Я долго жилъ и многимъ наслаждался, говоритъ онъ».—По словамъ Григорія, П. «весело провелъ свою младость. Воевалъ подъ башнями Казани, рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ, видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна», «пировалъ за царскою трапезой»—но, говоритъ Пимень, «насъ издали плѣняютъ слава, роскошь и женская лукавая любовь»; я «съ той поры лишь вѣдаю блаженство какъ въ монастырь Господь меня привелъ». Но и «донинѣ, если я, невольною дремотой обезсиленъ, не сотворю молитвы долгой къ ночи, мой старый сонъ не тихъ и не безстрашенъ: мнѣ грезятся то шумные пиры, то ратный станъ, то схватки боевыя, безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ». Внося прошлое въ свою лѣтопись, П. «на старости сызнова живетъ». «Минувшее проходить предо мною»... говоритъ онъ.—«Давно ль оно неслось, событій полно, волнуясь какъ море-окіянь? Теперь оно безмолвно и спокойно»... «Немного лицъ сохранила память» его, «немного словъ доходитъ» до него; все «прочее погубило безвозвратно». Но онъ считаетъ «лѣтопись» свою «долгомъ, завѣщаннымъ отъ Бога»: «не даромъ многихъ лѣтъ свидѣтелемъ Господь меня

поставилъ и книжному искусству вразумилъ». Пусть «вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной минушую судьбу». Пусть «своихъ царей великихъ поминаютъ за ихъ труды, за славу, за добро, а за грѣхи и темныя дѣянья Спасителя смиренно умоляютъ». «Въ часы свободныя отъ подвиговъ духовныхъ» онъ творить «свой трудъ, усердный, безыменный». «Все передъ лампадой старикъ сидитъ да пишетъ», говоритъ проснувшись Григорій; «знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей».—«Звонятъ къ заутренѣ»—говоритъ П., окончивъ писанье,—«Благослови Господь своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій (уходить)». Въ лѣтописи своей П. «описываетъ, не мудрствуя лукаво, все то, чему свидѣтель въ жизни былъ: войну и миръ, управу государей, угодниковъ святаго чудеса, пророчества и знаменья небесны». «Спокойно», «смиренно, величаво» изображаетъ онъ «и темное владычество татаръ», и «казни свирѣпыя Иоанна», и «бурное новгородское вѣче», и «славу отечества». «Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый, спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва».—Онъ хочетъ закончить лѣтопись свою «повѣстью плачевной» объ убіеніи Димитрія. «Съ тѣхъ поръ я мало вникалъ въ дѣла мірскія».—«О страшное, невиданное горе!.. прогнѣвали мы Бога, согрѣшили; владыкою себѣ царзубійцу мы нарекли».—«Борись, Борисъ! говоритъ Григорій: «все предъ тобой трепещетъ, ничто тебѣ не смѣетъ и напомнить о жребіи несчастнаго младенца; а между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ, и не уйдешь ты отъ суда мірскаго». П. самъ «видѣлъ это злое дѣло». Когда «злodeвъ захватили и привели предъ теплый трупъ младенца», то, «чудо, вдругъ мертвецъ затрепеталъ». «Въ часъ кончины» Θεодора рассказываетъ П. «свершилось неслыханное чудо: къ его одру, царю едину зримый, явился мужъ необычайно свѣтелъ и началъ съ нимъ бесѣдовать Θεодоръ... Когда же онъ представился, палаты исполнились сватымъ благоуханьемъ и ликъ его, какъ солнце просіялъ». «Богъ возлюбилъ смиреніе царя (Θеодора)»—говоритъ П., «и Русь при немъ во славу безмятежной утѣшилась».—«Свѣтъ грѣшенъ», по мнѣнію Пимена, счастье лишь въ томъ, чтобъ «познать ничтожество земной суеты».—«Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ. Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ противъ нихъ? Никто».—«А что же? Часто золотой венецъ тяжелъ имъ становился; они его мѣняли на клубукъ». Иоаннъ Грозный «искалъ успокоенья въ подобіи монашескихъ трудовъ». «Усталый отъ гнѣвныхъ думъ и казней», давалъ онъ «обѣтъ духовный» «воспринять честную схиму». «Такъ говорилъ державный государь»—рассказываетъ П.—«и сладко рѣчь изъ устъ его лилася, и плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились, да ниспошлетъ Господь любовь и миръ душѣ его, страдающей и бурной. А сынъ его Θεодоръ? На престолѣ воздыхалъ о мирномъ житіи отшельника».—«Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ покинулъ ты, что мало искушеній послалъ тебѣ Всевышній», обращается онъ къ Григорію.

К р и т и к а: По опредѣленію Айхенвальда, «Пимень въ прошломъ былъ Григорій. Если не сотворитъ благочестивый монахъ молитвы долгой къ ночи, его старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ (какъ трогательно!), и чудятся то ему шумныя пиры, то ратный станъ, то схватки боевыя, безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ. И онъ знаетъ, что такое «женская лукавая любовь»,— онъ долго жилъ и многимъ наслаждался; у него была своя Марина. Теперь, въ кельѣ Чудова монастыря, когда уже догораетъ его тихая лампада, онъ далекъ отъ своего юнаго безумства; но въ дѣйствительности грѣшная явь Григорія и безгрѣшный сонъ Пимена, это—явленія одного порядка. Пимень тоже когда-то стремился къ трону, испытывалъ обаяніе мірскихъ чаръ,—а теперь, благодарный Богу за книжное искусство и за долгую жизнь (долголѣтіе обязываетъ), онъ свой престолъ воздвигнулъ въ кельѣ; свои верхов-

ныя и властолюбивыя надежды, свою мечту онъ претворилъ въ молитву, преодолѣлъ бурныя потѣхи юныхъ лѣтъ и сдѣлался лѣтописцемъ, не царемъ, а свидѣтелемъ о царяхъ. Онъ отказался не только отъ власти, но и отъ имени, и трудъ его—«безъимянный». И вотъ онъ сидитъ передъ угасающей лампадой и пишетъ,—его святая грамотность! Она дала ему вторую жизнь, безсмертіе на землѣ, и доносятся къ нему замирающіе отголоски прежнихъ словъ и блѣднѣющія очертанія прежнихъ лицъ—последніе всплески жизненнаго моря-окіана. Историкъ воскрешаетъ и воскресаетъ». [Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русск. писателей, т. I].

Плѣнникъ («Бор. Год.»).—См. Рожновъ.

Плѣнникъ («Кавк. Плѣн.»).—«Невольникъ чести безпощадной», «отступникъ свѣта», «другъ природы»; «одной» свободы онъ искалъ въ подлунномъ мірѣ. «Безпечной смѣлости» его черкесы грозные дивились; «вблизи видалъ онъ свой конецъ на поединкахъ, твердый, хладный, встрѣчая гибельный свинецъ». «Любилъ онъ прежде игры славы и жаждой гибели горѣлъ». «Пламенную младость онъ гордо началъ безъ заботъ, позналъ онъ радость, много милаго любилъ, обнялъ грозное страданье, бурной жизнью погубилъ надежду, радость и желанье, и лучшихъ дней воспоминанье въ увядшемъ сердцѣ заключилъ», и «умеръ» онъ «для счастья, надежды призракъ улетѣлъ»; «отвыкъ отъ сладострастья, для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ». «Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ, и зналъ невѣрной жизни цѣну. Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну, въ мечтахъ любви—безумный сонъ, наскучивъ жертвой быть привычной давно презрѣнной суеты, и непріязни двуязычной, и простодушной клеветы». «Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ, тоска любви безъ упованья». («Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной, любилъ одинъ, страдалъ одинъ»). «Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать любви младенческой, открытой» черкешенки; «съ безмолвнымъ сожалѣньемъ на дѣву страстную взиралъ и полный тяжкихъ размышленій словамъ любви ея внималъ». «Забудь меня—твоей любви, твоихъ восторговъ я не стою», говоритъ онъ черкешенкѣ. «Безъ упованья, безъ желаній, я вяну жертвою страстей. Ты видишь слѣдъ любви несчастной, душевной бури слѣдъ ужасный. Оставь меня, но пожалѣй о скорбной участи моей!».—«Недолго женскую любовь печалить хладная разлука—пройдетъ любовь, настанетъ скука, красавица полюбитъ вновь».—«Я твой на вѣки, я твой до гроба!—Ужасный край оставимъ оба. Бѣги со мной!» и «къ черкешенкѣ простеръ онъ руки», когда цѣпъ на ногахъ П. «распалась».

Критика: По выраженію Бѣлинскаго, Плѣнникъ—это «герой того времени». «Кавказскій плѣнникъ» Пушкина засталъ общество въ періодѣ его отрочества и почти на переходѣ изъ отрочества въ юношество. Главное лицо его поэмы было «полнымъ выраженіемъ этого состоянія общества. И Пушкинъ былъ самъ этимъ плѣнникомъ, но только на ту пору, пока писалъ его. Осуществить въ творческомъ произведеніи идеаль, мучившій поэта, какъ его собственный недугъ,—для поэта значитъ навсегда освободиться отъ него. Это же лицо является и въ слѣдующихъ поэмахъ Пушкина, но уже не такимъ, какъ въ «Кавказскомъ плѣнникѣ»: слѣдя за нимъ, вы безпрестанно застаёте его въ новомъ моментѣ развитія, и видите, что онъ движется, идетъ впередъ, дѣлается сознательнѣе, а потому и интереснѣе для васъ».

Поводова, Прасковья Ивановна («Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля»).—Старая дама, знакомая Томской, жившая на Арбатѣ. Узнавъ объ отъѣздѣ Томской на Кавказъ, сказала:—«На Кавказъ! да вѣдь это ужасъ какъ далеко. Охота тебѣ тащиться Богъ вѣдаетъ зачѣмъ?». («Далеко мнѣ до тебя тащиться съ Басманной на Арбатъ!» говорила она же Томской). Машѣ наказываетъ: «...Да, смотри, воротись у меня съ Кавказа».

румяная, здоровая, а Богъ дастъ и замужняя». На возраженіе Томской (Да за кого выйти ей на Кавказъ? Развѣ за черкесскаго князя?), отвѣчаетъ:— Что ты, мать моя! За черкеса—сохрани ее Богъ! Да вѣдь они—что турки да бухарцы—нехристи; они ее забрѣютъ да запрутъ. Нѣтъ, мало ли нашихъ военныхъ въ тамошнемъ краю; а имъ-то женщины въ диковинку; наткнется на какого-нибудь холостого генерала».—«Съ приданымъ все-таки лучше, мать моя, разсуждаетъ П. о невѣстахъ.

Покровское («Дубровскій»).—Имѣніе Троекурова.

Полежаевъ, Иванъ («Капит. дочка»).—Уп. л. «Кумъ» Мироновой.

Полина, княжна («Евг. Он.»). «Московская кузина» Лариной; «встарину твердила ей часто» о Ричардсонѣ, о Грандисонѣ и Ловласѣ». Выйдя замужъ Ларина скоро «забыла... княжну Полину».—Позднѣе, въ Москвѣ, Лариныхъ встрѣчаетъ въ гостиной крикъ княжны, простертой на диванѣ. Старухи съ плачемъ обнялись...—«Охъ, силы нѣтъ... устала грудь... Мнѣ тяжела теперь и радость не только грусть... душа моя, ужъ никуда негодна я... подъ старость жизнь такая гадость... и тутъ, совсѣмъ утомлена, въ слезахъ раскашлялась она». [Полина четвертый годъ «больна въ чахоткѣ»].

Полина, княжна («Пиковая дама»).—Уп. л. «Молодая княжна».

Полина («Рославлевъ»).—Княжна. «Являлась вездѣ; она окружена была поклонниками. Съ нею любезничали; но она скучала, и скука придавала ей видъ гордости и холодности». «Это чрезвычайно шло къ греческому (правильному и смуглому) ея лицу и чернымъ бровямъ». «Въ ней было много страннаго и еще болѣе привлекательнаго». У нея были «необыкновенныя качества души и мужественная возвышенность ума». Скромная и молчаливая, П. «чрезвычайно много читала безъ всякаго разбора». «Французская словесность отъ Монтескье» до романовъ Кребильона была ей знакома. Руссо знала она наизусть и «была безъ памяти отъ m-me de Staël». «Съ трудомъ разбирала русскую печать и, вѣроятно, ничего не читала, не исключая и стиховъ, поднесенныхъ ей московскими стихотворцами». Но когда, за обѣдомъ въ честь m-me de Staël, дядя «изъ уваженія къ иностранкѣ вздумалъ смѣяться надъ русскими бородами», П. назвала его старымъ шутомъ». Во время нашествія Наполеона, занималась одною политикою ничего не читая кромѣ газетъ, Растопчинскихъ афишекъ, и не открывала ни одной книги. Цѣлые часы проводила она, облокотясь на карту Россіи, расчитывая версты, слѣдуя за быстрыми движеніями войскъ, и «жадно слушала сужденія плѣннаго француза (Синекура), «основанныя на знаніи дѣла и безпристрастности». Къ окружающему обществу, «къ свѣтской черни», П. относилась съ негодованіемъ и презрѣніемъ. За обѣдомъ, даннымъ ея отцомъ, въ честь m-me Staël, была «въ отчаяніи»: ни одной, мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ теченіи цѣлыхъ трехъ часовъ. Тупыя лица, тупая важность!». «Что могли понять эти обезьяны просвѣщенія?» отзывается П. о русскомъ обществѣ. «Когда m-me de Staël «кинула» каламбуръ», лицо П. «пылало и слезы показались на ея глазахъ». Когда же «гостиныя наполнились патріотами», «гонителями французскаго языка», «такая проворная перемѣна и трусость выводили ее изъ терпѣнія». «Она всюду «нарочно говорила по-французски»; за столомъ, въ присутствіи слугъ, нарочно оспаривала патріотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновыхъ войскъ, о его военномъ геніи», была въ восхищеніи отъ графа «Мамонова» и о его «патріотическихъ жертвованій». Въ обществахъ «злословили» будто m-me de Staël—шпіонъ Наполеона, а П. «доставляла ей нужныя свѣдѣнія».—Какъ я ее люблю! Какъ ненавижу ея гонителя!» (Наполеона), говорила сама Полина. Когда же «спѣшили укорить ее въ приверженности ко врагу отечества, П. презрительно улыбалась».—«Дай Богъ, чтобы всѣ русскіе любили свое отечество, какъ я его люблю!» отвѣчала

Полина: «Для нѣкоторыхъ людей», сказала она жениху, «и честь, и отечество—все бездѣлица. Братья ихъ умираютъ на полѣ сраженія, а они дурачатся въ гостинныхъ. Не знаю, найдется ли женщина, довольно низкая, чтобъ позволить такимъ фиглярамъ притворяться передъ нею въ любви». Но «дерзость» Алексѣя, съ которой онъ ей отвѣтилъ: «Знайте, что кто шутить съ женщиною, тотъ можетъ не шутить передъ лицомъ отечества и его непріателемъ», ей понравилась. На замѣчаніе подруги («женщины на войну не ходятъ и имъ дѣла нѣтъ до Бонапарта»), «глаза» П. «засверкали»:—«Стыдись», сказала она: «развѣ женщины не имѣютъ отечества? развѣ нѣтъ у нихъ отцовъ, братьевъ, мужей? развѣ кровь русская для насъ чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобы насъ на балѣ вертели въ экосезахъ, а дома заставляли вышивать по канвѣ собачекъ? Нѣтъ! Я знаю какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное». «Я не признаю униженія, къ которому присуждаютъ насъ». Она вспоминала Шарлотту Кордэ, Марю Посадницу, княгиню Дашкову.—«Чѣмъ я ниже ихъ? Ужь, вѣрно, не смѣлостію души и рѣшительностію», говорила П. Ненависть ея къ Наполеону была такъ сильна, что она «объявила о своемъ намѣреніи уйти изъ деревни, явиться въ фр. лагерь, добратся до Наполеона и тамъ убить его изъ своихъ рукъ». Подругѣ „не трудно было убѣдить“ Полину „въ безумствѣ такого предпріятія, но мысль о Шарлоттѣ Кордэ долго ее не оставляла.

«Москва взята!» «Благородные, просвѣщенные французы» «ознаменовали свое торжество достойнымъ образомъ. Они зажгли Москву», говоритъ она Синекуру, но узнавъ, что сами «русскіе зажгли Москву», П. не могла «опомниться». — «Если такъ...» сказала она, «о, мнѣ можно гордиться именемъ россіянки! Вселенная изумится великой жертвѣ! Теперь и паденіе наше мнѣ не страшно—честь наша спасена; никогда Европа не осмѣлится уже бороться съ народомъ, который рубитъ самъ себѣ руки и жжетъ свою столицу». Когда же она узнала объ отступленіи Наполеона и о геройски сожженной Москвѣ, П. съ видомъ вдохновеннымъ сказала подругѣ:—«Твой братъ... не въ плѣну—радуйся: онъ убить за спасеніе Россіи». Въ убитомъ женихѣ (см. Алексѣй), въ котораго она «не была влюблена», котораго считала «препустымъ человѣкомъ», П. видѣла теперь мученика, героя.

К р и т и к а: По мнѣнію Венгерова, „въ ряду прекрасныхъ женскихъ образовъ, нарисованныхъ Пушкинымъ“, образъ Полины достоинъ «самаго пристальнаго вниманія». «Полина не террористка, не Юдиѣ и не Шарлотта Кордэ уже по одному тому, что она своего намѣренія не привела въ исполненіе. Подругѣ „не трудно было убѣдить (Полину) въ безумствѣ такого предпріятія“. Настоящую Шарлотту Кордэ никто не убѣдилъ. Предъ нами, слѣдовательно, лишь настроеніе. Но какъ настроеніе, замыселъ Полины несомнѣнно чрезвычайно знаменателенъ. Онъ показываетъ, какой остроты достигло въ ней напряженіе гражданскаго чувства. „Полина — эта прямая родоначальница позднѣйшихъ героинь русской общественности—всѣмъ своимъ существомъ говоритъ намъ, что, по мнѣнію Пушкина и женщина должна принять участіе въ устроеніи судьбы родины». [Венгеровъ, «Пушкинъ», т. IV].

Полины-дядя («Рославлевъ»).—Уп. л. «Старый, несносный шутъ «Одинъ изъ числа тѣхъ, которыхъ Полина звала «обезьянами просвѣщенія» и свѣтской чернью. Изъ угожденія къ иностранкѣ (къ г-жѣ Стааль) вздумалъ было смѣяться надъ русскими бородами». Позднѣе, когда «всѣ заклились говорить по-французски», «закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ свои саратовскія деревни, Д. насмѣхался надъ «робостію m-me de Staël:—Будьте спокойны, сударыня: Наполеонъ воюетъ противъ Россіи, а не противъ васъ».

Полины-мать («Рославлевъ»).—Уп. л. Княгиня. «Женщина степенная и отличалась важностью и здравымъ смысломъ».

Полины-отецъ («Рославлевъ»). — Князь; «былъ заслуженный человекъ, т. е. ѣздилъ цугомъ и носилъ ключъ и звѣзду, впрочемъ былъ вѣтренъ и простъ и «довольно легкомысленъ». Въ его «библіотекѣ не было ни одной русской книги, кромѣ сочиненій Сумарокова». Въ деревнѣ только и «думалъ, чтобы жить» «какъ можно болѣе по-московскому, давалъ обѣды, завелъ théâtre de société, гдѣ разыгрывались французскія proverbes, и всячески старался разнообразить «удовольствія». Когда же «прибыло въ городъ нѣсколько плѣнныхъ французовъ», «князь обрадовался новымъ лицамъ—и выпросилъ у губернатора позволеніе помѣстить ихъ у себя» [Всѣ эти французы были «фанатически преданы Наполеону»]. Во время пріѣзда въ Москву m-me Staël [Наполеонъ боролся съ нею, «какъ съ непріятельской силой»], тотъ же князь, знакомый со Стааль еще по Парижу, далъ ей обѣдъ, на который «скликалъ всѣхъ московскихъ умниковъ». Когда за обѣдомъ «вырвалось у ней двусмысліе» и «всѣ подхватили его, захохотали», князь былъ «внѣ себя отъ радости».

Полякъ («Бор. Год.»).—См. «Собаньскій».

Помѣщикъ-польскій («Выстрѣлъ»).—Уп. л. У него «на балѣ» графъ В. «далъ» Сильвіо «пощечину».

Попъ («Исторія села Горюхина»). — Былъ женатъ «на дочери дьячка»-лѣтописца. Продалъ Бѣлкину за четверть овса рукопись лѣтописи, «первые листы» которой «были выдраны и употреблены дѣтьми священника на т. н. змѣи».

Портной («Капит. дочка»).—«Ротный П.». Во время присяги Пугачеву, «вооруженный тупыми своими ножницами, рѣзалъ у жителей косы».

Поэтъ («Бор. Год.»). — «Приближается кланяясь низко, и хватаетъ Гришку за полу».—«Великій принцъ, свѣтлѣйшій королевичъ!» («подаетъ ему бумагу»).—«Примите благосклонно сей бѣдный плодъ усерднаго труда» («латинскіе стихи»). Въ награду получаетъ «перстень».

Предсѣдатель («Пиръ во время чумы»).—Вальсингамъ. «Достойный» предсѣдатель «безбожнаго пира» безумцевъ. Поетъ сложенный имъ гимнъ въ честь чумы. «Мнѣ странная пришла охота къ рѣзамъ впервые въ жизни!» говоритъ П. По его словамъ, «юность любить радость». Священнику отвѣчаетъ:—«Не могу, не долженъ я за тобой идти: я здѣсь удержанъ отчаяньемъ (смертью матери и жены), воспоминаемъ страшнымъ, сознаемъ незаконья моего, и ужасомъ той мертвой пустоты, которую въ моемъ дому встрѣчаю, и новостію сихъ бѣшеныхъ веселій и благодатнымъ ядомъ этой чаши, и ласками (прости меня Господь) погибшаго, но милого созданья...» «Поздно слышу голосъ твой, меня зовущій; признаю усилія меня спасти... Старикъ! иди же съ миромъ; но проклять будь, кто за тобой поидетъ». По мнѣнію П.: «Есть упоеніе въ бою и бездны мрачной на краю, и въ разъяренномъ океанѣ средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы, и въ аравійскомъ ураганѣ, и въ дуновеніи чумы! Все, все, что гибелью грозитъ, для сердца смертнаго таитъ неизъяснимы наслажденья—безсмертья, можетъ быть, залогъ! И счастливъ тотъ, кто средь волненія ихъ обрѣтаетъ и вѣдать могъ».

Приказчикъ («Дубровскій»).—См. Глобовскій приказчикъ.

Приказчикъ («Исторія села Горюхина»).—Повѣренный помѣщика Н. Н., присланный въ Горюхино «для поступленія въ управленіе онаго». Тотчасъ по прибытіи, «повелительнымъ голосомъ», потребовалъ старосту Трифона. Послѣ прочтенія грамоты помѣщика «во всеуслышаніе мира», растопыря ноги на подобіе хера и подбоченясь на подобіе ферта, произнесъ слѣдующую краткую и выразительную рѣчь:—«Смотрите жъ вы (горюхинцы) у меня, не очень умничайте—вы, я знаю, народъ избалованный; да я, небось, выбью дурь изъ вашихъ головъ скорѣе вчерашняго хмеля». Принявъ «бразды

правленія», потребовалъ опись крестьянамъ, раздѣлилъ ихъ на богачей и бѣдныхъ, и приступилъ къ исполненію своей политической системы». «Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе; чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смиреннѣе. Вслѣдствіе сего *** старался о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1. Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостію. 2. Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню; если же, по его расчетамъ, трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что сіи платили имъ добровольную дань; а отдаваемые въ холопство имѣли полное право откупаться, заплатя сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство же было торжествомъ корыстолюбивому правителю, ибо отъ онаго по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока наконецъ выборъ не падалъ на негодяя или разореннаго. Мирскія сходки были уничтожены. Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглый годъ сряду. Въ три года Горюхино совершенно обнищало». Получилъ отъ горюхинцевъ прозвище «окаяннаго».

Прилучино («Б а р ы ш н я - к р е с т ь я н к а»).—Село, имѣніе Муромскаго.

Приставъ второй («Б о р . Г о д .»).—«Алеха». «При немъ» «царскій указъ». — «Парень-то, кажется, голъ; съ него взять нечего; за то старцы... говоритъ онъ первому приставу. «Да, помнится, двадцать» (лѣтъ Отрепьеву), — вспоминаетъ онъ при чтеніи указа Варлаамомъ: «такъ и намъ было сказано».

Приставъ первый («Б о р . Г о д .»).—«Значительно всматривается въ Мисаила».—«Алеха, при тебѣ ли царскій указъ?» спрашиваетъ онъ второго пристава. «Изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ ли ты это? — обращается онъ къ Мисаилу.—«Не слыхалъ. Ладно. А этого бѣглаго еретика царь приказалъ изловить и повѣсить, знаешь ли ты это?» И убѣдившись, что ни Варлаамъ, ни Мисаилъ, читать не умѣютъ, заявляетъ: «Такъ вотъ тебѣ царскій указъ». — «Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ—ты». Узнавъ, что Григорій грамотный, приставъ, неожиданный этого, спрашиваетъ: «вотъ на... у кого же ты научился?» Когда Григорій прочелъ: «царь повелѣлъ изловить его», приставъ добавляетъ: «и повѣсить».—Тутъ не сказано: повѣсить.—«Врешь! Не всякое слово въ строку пишется. Читай: «изловить и повѣсить».—Когда примѣты, прочитанныя Григоріемъ, оказались подходящими къ Варлааму, приставъ кричитъ: «Ребята! Здѣсь Гришка! Держите его! Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ»...

Пристава («Б о р . Г о д .»). — «На заставахъ царскихъ», «сторожевые» П. «Отъ этихъ приставовъ только и толку, что притѣсняють прохожихъ да обируютъ насъ, бѣдныхъ», говоритъ хозяйка корчмы. «Здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода нѣтъ». «Ахъ вотъ они, проклятые, дозоромъ идутъ». — «Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ и вина, и хлѣба, и невѣдомо чего—чтобъ имъ издохнуть, окаяннымъ! Чтобъ имъ»...

Прохоровы, Акулина и Дарья («Г р о б о в щ и к ѣ»).—Дочери гробовщика. На обѣдъ къ Шульцу явились въ «европейскомъ нарядѣ»; надѣли обѣ «желтыя шляпки и красныя башмаки, что бывало у нихъ только въ торжественные случаи». На пиру онѣ «чинились».

Прохоровъ, Адрианъ («Г р о б о в щ и к ѣ»).—«Старый гробовщикъ»; ходилъ въ русскомъ кафтанѣ. Надъ воротами его «желтаго домика» на Никитской высилась «вывѣска, изображающая дороднаго амура съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ, съ подписью: «Здѣсь продаются и обиваются гробы простые и крашенные, также отдаются на прокатъ и починяются старые». «Въ теченіи восемнадцати лѣтъ онъ прожилъ въ «лачужкѣ», продавая гробы сосновые за дубовые, божась по обыкновенію своему, что онъ лишняго не возъ-

метъ», пока не приобрѣлъ на Никитской «желтаго домика», «такъ давно соблазнявшаго его воображеніе и наконецъ купленнаго имъ за порядочную сумму». Въ квартирѣ Пр., «въ кухнѣ и гостиной», помѣщались издѣлія хозяина: гробы всѣхъ цвѣтовъ и всякаго размѣра; также шкафы съ траурными шляпами, матеріями и факелами. Все у него «было заведено въ самомъ строгомъ порядкѣ», и «нравъ» «совершенно соотвѣтствовалъ мрачному его ремеслу»: П. «обыкновенно» былъ угрюмъ и задумчивъ и погруженъ въ печальныя размышленія «о неминуемыхъ расходахъ» на мантии и шляпы, «ибо давній запасъ гробовыхъ нарядовъ приходилъ у него въ жалкое состояніе», а «старая купчиха Трюхина», на которой «онъ надѣялся выместить убытокъ», все не умирала, хотя «уже около года находилась при смерти»; даже во снѣ ему видѣлись люди, лежащіе, какъ Трюхина, на столѣ, или «погребенные его стараніями», пристававшіе къ нему «съ бранью и угрозами». «Онъ разрѣшалъ молчаніе развѣ только для того, чтобъ журить своихъ дочерей, когда заставлялъ ихъ безъ дѣла, глазѣющихъ въ окно на прохожихъ, или чтобъ запрашивать за свои произведенія преувеличенную цѣну, у тѣхъ, которые имѣли несчастье (а иногда и удовольствіе) нуждаться». На замѣчаніе сапожника Шульца о выгодности промысла П. («мертвый безъ гроба не живетъ»), отвѣчалъ:—Сущая правда», «однако-жъ, если живому не на-что купить сапогъ, то не прогнѣвайся, ходитъ онъ и босой; а нищій мертвецъ и даромъ беретъ себѣ гробъ. На пиру у Шульца П. «тотчасъ познакомился» съ будочникомъ (см. Юрко), какъ съ человѣкомъ, въ котормъ рано или поздно можетъ случиться имѣть нужду», и за обѣдомъ «ему уступалъ» («Юрко ѣлъ за четверыхъ»), «пилъ съ усердіемъ», и «до того развеселился, что самъ предложилъ какой-то шутливый тостъ». Однако, когда Юрко предложилъ П. выпить «за здоровье своихъ мертвецовъ», «гробовщикъ почелъ себя обиженнымъ и нахмурился», и съ пира «пришелъ домой пьянъ и сердитъ». «Что-жъ это въ самомъ дѣлѣ, разсуждалъ онъ вслухъ: чѣмъ ремесло мое не честнѣе прочихъ? развѣ гробовщикъ—братъ палачу? Чему смѣются басурмане? развѣ гробовщикъ—гаэръ святочный? Хотѣлось было мнѣ позвать ихъ на новоселье, задать имъ пиръ горой; инъ не бывать же тому! А созову я тѣхъ, на которыхъ работаю: мертвецовъ православныхъ».—«Что ты, батюшка? сказала работница, которая въ это время разувала его: что ты это городишь? Перекрестись. Созывать мертвыхъ на новоселье! Экая страсть!»—«Ей Богу, созову, продолжалъ Адрианъ, и на завтрашній-же день. Милости просимъ, мои благодѣтели, завтра вечеромъ у меня попить; угощу чѣмъ Богъ послалъ». Но, увидя во снѣ своихъ «благодѣтелей», слыша ихъ «брань и угрозы», обращенныя къ нему, П. «лишился чувствъ» и, даже послѣ пробужденія, «съ ужасомъ» вспоминалъ происшедшее во снѣ.

Прохоровъ («Капит. дочка»).—Уп. л. «Капраль»; подрался въ банѣ съ Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

Пугачевъ, Емельянъ («Капит. дочка»).—«Самозванецъ», принявшій «на себя» имя покойнаго императора Петра III. «Лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь; живые, большіе «ястребинные» глаза такъ и бѣгали. Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. «Черты лица, правильныя», «не изъявляли ничего свирѣпаго». По утверженію Андрея Карловича Р., «донской казакъ», «раскольникъ», «убѣжавшій изъ-подъ караула». По словамъ одного казака, у П. «всѣ приемы важны». «А въ банѣ» «показывалъ царскіе свои знаки на грудяхъ: на одной—двуглавый орелъ, величиною съ пятакъ, а на другой—персона его». «По всему видно, что персона знатная»: за обѣдомъ скушать изволилъ двухъ жареныхъ поросятъ, а парится такъ жарко, что Тарасъ Курочкинъ не вытерпѣлъ, отдалъ вѣникъ Оомкѣ Бикбаеву, да насилу холодной водой откачался». «Капитанша» Миронова назы-

вала П. «бѣглымъ каторжникомъ».—«Сторона мнѣ знакомая, славу Богу, исхожена и извѣзжена вдоль и поперекъ», говорилъ самъ П. объ оренбургскихъ степяхъ».—«Ну, думалъ ли, ваше благородіе, что человекъ, который вывелъ тебя къ умету, былъ самъ великій государь? спрашиваетъ Гринева П. По словамъ Гринева, П. «далъ себя знать»; шатался по постояннымъ дворамъ, осаждалъ крѣпости и потрясалъ государствомъ». Савельичъ отзывался о немъ какъ о «злодѣѣ» и «пьяницѣ оголтѣломъ». Гриневъ встрѣтилъ П. «во время бурана въ одномъ худенькомъ армякѣ». Наружность его съ перваго взгляда Гриневу «показалась замѣчательной», «волоса его были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ оборванный армякъ и татарскіе шаровары». Савельича поразили «окаянныя плечища П.», когда П. «сталъ примѣривать подаренный ему Гриневымъ тулупъ; послѣдній оказался «немножко узокъ», однако онъ «кое-какъ умудрился и надѣлъ его, распоровъ по швамъ».—Въ Бердской слободѣ на Пугачевѣ былъ красный казакскій кафтанъ, обшитый галунами. Высокая соболья шалка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза». Онъ самъ металъ въ народъ изъ мѣшка мѣдныя деньги «пригоршнями». «Чай не казакское питье, говорилъ П., прося Гринева поднести ему «станчикъ». «Былъ тулупъ, да что грѣха таить, заложилъ вечеръ у цѣловальника!» признавался Пугачевъ. Любилъ попить «со своими товарищами». На военныхъ совѣщаніяхъ дѣло не обходилось безъ попойки, порой «оргія П. продолжалась до глубокой ночи». На одной изъ такихъ оргій, «хмель началъ одолевать П. и онъ задремалъ, сидя на своемъ мѣстѣ».

«Неграмотный. — «Что ты такъ мудроно пишешь? Наши свѣтлыя очи не могутъ тутъ ничего разобрать», говоритъ П. Савельичу, подавшему ему реестръ. Выдаетъ Гриневу «пропускъ, подписанный каракульками». Называетъ своихъ наперсниковъ «енералами», а за глаза «пьяницами» (моя пьяница). Въ обращеніи Пугачева сказывалась «поддѣльная важность». При приемѣ Гринева «сидѣлъ подъ образами, въ красномъ кафтанѣ, въ высокой шапкѣ и важно подбочась».—«Господа енералы», провозгласилъ важно П.: полно вамъ ссориться. Не бѣда, если бы всѣ оренбургскія собаки дрыгали ногами подъ одной перекладной: бѣда если наши кобели межъ собою перегрызутся. Ну, помиритесь».—«Ребята мои умничаютъ!» замѣчалъ П. Не терпитъ своеволія. «Кто изъ моихъ людей смѣетъ обижать сироту», кричитъ П., «будь онъ семи пядей во лбу, а отъ суда моего не уйдетъ». «Я проучу Швабрина (поставленнаго имъ же самимъ комендантомъ Бѣлогорской крѣпости). Онъ узнаетъ каково у меня своевольничать и обижать народъ. Я его повѣшу!» говоритъ П.—«И ты смѣлъ меня обманывать», кричитъ П. на Швабрина: «знаешь ли, бездѣльникъ, чего ты достоинъ?». Но узнавъ, объ обманѣ попадья относительно М. И. Мироновой, П. «смѣясь», «сказалъ»:—«Хорошо сдѣлала кумушка попадья, что обманула ихъ». «Мои пьяницы не пощадили бы бѣдной дѣвушки».—«Милую тебя на сей разъ», но знай, что при первой винѣ тебѣ припомнится и эта», говоритъ П. Швабрину. По собственному признанію, «не такой еще кровопійца, какъ говорятъ о немъ».

Бѣдилъ впереди шайки, «на бѣломъ конѣ», «въ красномъ кафтанѣ съ обнаженной саблей въ рукѣ». Когда мятежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились, П. «остался одинъ впереди; онъ махалъ саблею и съ жаромъ ихъ уговаривалъ». Говоритъ, что воюетъ «хоть куда».—«Знаютъ ли у васъ въ Оренбургѣ о сраженіи подъ Юзеевой? Сорокъ енераловъ убито, четыре арміи взято въ полонъ», спрашиваетъ П. Гринева.—«Какъ ты думаешь:—пруссскій король могъ ли бы со мною потягаться? допрашиваетъ Пугачевъ Гринева. На вопросъ послѣдняго, «управился ли бы онъ съ Фредрикомъ?» П. отвѣчалъ:—съ Ѳедоромъ Ѳедорычемъ? «А какъ же нѣтъ? Съ вашими енералами, вѣдь, я же управляюсь; а они его бивали. Доселѣ оружіе мое было счастливо. Дай срокъ, то ли еще будетъ, какъ поѣду на

Москву». Въ воззваніи «объявлялъ о своемъ намѣреніи немедленно идти на Бѣлогорскую крѣпость, приглашалъ казаковъ и солдатъ въ свою шайку, а командировъ увѣщевалъ не сопротивляться, угрожая казнью въ противномъ случаѣ».—«Слушай», обращается П. къ Гриневу, «ступай сейчасъ же въ Оренбургъ и объяви отъ меня губернатору и всѣмъ генераламъ, чтобъ ожидали меня къ себѣ черезъ недѣлю. Посовѣтуй имъ встрѣтить меня съ дѣтской любовью и послушаніемъ, не то не избѣжать имъ лютой казни».—По утвержденію Гринева, П. «былъ ужаснымъ человѣкомъ, извергомъ, злодѣемъ для всѣхъ «кромѣ одного» Гринева, котораго сильное сочувствіе влекло къ Пугачеву».—«Я пламенно желалъ вырвать его изъ среды злодѣевъ, которыми онъ предводительствовалъ, и спасти его голову, пока еще было время», отзывается о П. Гринева. По словамъ Савельича, «злодѣй таки жаловалъ» Гринева.—«Вѣкъ не забуду вашихъ милостей», сказалъ ему Пугачевъ, принимая «заячій тулупъ». «Долгъ платежомъ красенъ», говоритъ П. Гриневу. По собственнымъ словамъ, онъ съ Гриневымъ «старые пріатели».—«Ты крѣпко предо мной виноватъ», говоритъ П. Гриневу; но я помиловалъ тебя за твою добродѣтель, за то, что ты оказалъ мнѣ услугу, когда привужденъ я былъ скрываться отъ своихъ недруговъ».—«Ты видѣлъ, что мои ребята смотрѣли на тебя косо; а старикъ и сегодня настаивалъ на томъ, что ты шпионъ, и что надобно тебя пытать и повѣсить; но я не согласился», «помня твой стаканъ вина и заячій тулупъ». Но при упоминаніи о заячемъ тулупѣ со стороны Савельича, П. сверкнувъ огненными глазами.—«Это что еще!».—«Какъ ты смѣлъ лѣзть ко мнѣ съ такими пустяками!» вскричалъ онъ, выхватя бумагу изъ рукъ секретаря и бросивъ ее въ лицо Савельичу.—«Глупый старикъ! Ихъ обобрали: экая бѣда! Да ты долженъ, старый хрычъ, вѣчно Бога молить за меня да за моихъ ребятъ, за то, что ты и съ барининомъ-то своимъ не висите здѣсь вмѣстѣ съ моими слушниками... Заячій тулупъ! Я те дамъ заячій тулупъ! Да знаешь ли ты, что я съ тебя живого кожу велю содрать на тулупы?». Но «въ припадкѣ великодушья», прислалъ Гриневу «лошадь, шубу со своего плеча и полтину денегъ».—«А, старый хрычъ! Опять Богъ далъ свидѣться. Ну, садись на облучекъ», говоритъ П. Савельичу. При первой встрѣчѣ съ Пугачевымъ, Гринева поразили въ немъ «смѣтливость и тонкость чутья».—«Улица моя тѣсна, воли мнѣ мало. Ребята мои умничаютъ. Они—воры. Мнѣ должно держать ухо востро: при первой неудачѣ, они свою шею выкупаютъ моею головою», признается П. Гриневу.—«Поздно мнѣ каяться», отвѣчаетъ П., «для меня не будетъ помилованія. Буду продолжать, какъ началъ». На отказъ Гринева поцѣловать ему руку, говоритъ «съ усмѣшкой»:—«Его благородіе, знать, одурѣлъ отъ радости. Подымите его».—«Что, ваше благородіе?» продолжалъ П.: «струсилъ ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебѣ веревку на шею? Я чаю, небо съ овчинку показалось... А покачался бы на перекладнѣ, если-бъ не твой слуга». На слова Гринева, что онъ надѣялся не только на его пощадку, «но и на помощь!», П. отвѣчаетъ: «и ты правъ, ей Богу правъ!». «Разскажи-ка мнѣ теперь, какое тебѣ дѣло до той дѣвушки, которую Швабринъ обижаетъ? Ужъ не зазноба ли сердцу молодецкому, а?». Узнавъ, что Марья Ивановна невѣста Гринева, закричалъ:—«Твоя невѣста. Что жъ ты прежде не сказалъ? Да мы тебя женимъ и на свадьбѣ твоей попируемъ!»—«Что, ваше благородіе?» говоритъ, смѣясь, П.: «выручили красную дѣвицу! Какъ думаешь, не послать ли за попомъ, да не заставить ли его обвѣнчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженнымъ отцомъ, Швабринъ дружкою; закутимъ, запьемъ—и ворота запремъ!» «Поддѣльная важность П. вдругъ исчезала при встрѣчахъ съ Гриневымъ, котораго П. именовалъ «ваше благородіе».—«А, ваше благородіе! Какъ поживаешь? Зачѣмъ тебя Богъ принесъ? спрашиваетъ П.—въ Гринева.—«Добро пожаловать!

Честь и мѣсто, милости просимъ», встрѣчаетъ онъ Гринева въ другой разъ.—«Говори смѣло при нихъ», говоритъ П. Гринева, указывая на своихъ приближенныхъ. Взявъ «на себя видъ важный и таинственный» П. сказалъ Гринева:—«Ну, думалъ ли ты, ваше благородіе, что человѣкъ, который вывелъ къ умету, былъ самъ великій государь?». Оставшись «глазъ на глазъ» П. «смотрѣлъ на Гринева «пристально, изрѣдка прищуривая лѣвый глазъ съ удивительнымъ выраженіемъ плутовства и насмѣшливости». «Наконецъ П. засмѣялся и съ такой непритворной веселостью, что и Гринева «глядя на него сталъ смѣяться, самъ не зная «чему». «Ась, ваше благородіе? сказалъ П. Гринева, подмигивая: фельдмаршалъ мой, кажется, говоритъ дѣло, какъ ты думаешь?». «Такъ ты не вѣришь, чтобъ я былъ государь Петръ Ѳедоровичъ, ну, добро. А развѣ нѣтъ удачи удальцу». «Какъ знать? Авось и удастся. Гришка Отрепьевъ, вѣдь, поцарствовалъ же надъ Москвою», говоритъ П. Гринева. «Слушай», продолжалъ П. «съ какимъ-то дикимъ вдохновеніемъ: расскажу тебѣ сказку, которую въ ребячествѣ мнѣ рассказывала старая калмычка. Однажды орелъ спрашивалъ у ворона: «скажи, воронъ-птица, отчего живешь ты на бѣломъ свѣтѣ триста лѣтъ, а я всего-на-все только тридцать три года?»—«Оттого, батюшка, отвѣчалъ ему воронъ, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной». Орелъ подумалъ: давай, попробуемъ и мы питаться тѣмъ же. Хорошо. Полетѣли орелъ и воронъ. Вотъ завидѣли палую лошадь, спустились и сѣли. Воронъ сталъ клевать, да похваливать. Орелъ клюнулъ разъ, клюнулъ другой, махнулъ крыломъ и сказалъ ворону: «нѣтъ, братъ, воронъ; чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живой кровью; а тамъ—что Богъ дастъ!»—Какова калмыцкая сказка?».—«Послужи мнѣ вѣрой и правдою, и я тебя пожалую и въ фельдмаршалы, и въ князья». «Объщаешься ли служить мнѣ съ усердіемъ».—«Объщаешься ли, по крайней мѣрѣ, противъ меня не служить?» На искреннее признаніе Гринева П. «отвѣтилъ, ударя» его «по плечу»:—«казнить, такъ казнить, миловать, такъ миловать. Ступай себѣ на всѣ четыре стороны и дѣлай, что хочешь». «На просьбу Гринева отпустить его съ бѣдной сиротою», П. отвѣтилъ:—«Инь быть по твоему», «возьми себѣ свою красавицу, вези ее куда хочешь, и дай вамъ Богъ любовь да совѣтъ!» Во время казни П. «узналъ» Гринева «въ толпѣ и кивнулъ ему головою».

Пустяковъ («Евг. О н ѣ г и н ѣ»).—«Съ своей супругою дородной пріѣхалъ толстый Пустяковъ» (на именины Татьяны). Въ гостиной «храпить тяжелый Пустяковъ съ своей тяжелой половиной» (VI, 2).

Пушкинъ, Аванасій Михайловичъ («Бор. Год.»).—«Бояринъ». Дядя «Гаврилы Пушкина».—«Вечоръ онъ (Шуйскій) угощалъ своихъ друзей... разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ наединѣ съ хозяиномъ остался и долго съ нимъ бесѣдовалъ еще».—Насилу убрались;—говоритъ П. Шуйскому: ну, князь Василій Ивановичъ, я ужъ думалъ, что намъ не удастся и переговорить», «ты человѣкъ разумный; всегда съ тобой бесѣдовать я радъ, и если что меня подѣ часъ тревожитъ, не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ».—Къ Пушкину «въ домъ пріѣхалъ изъ Кракова гонецъ» и черезъ часъ безъ грамоты отосланъ былъ обратно.—«Чудеса да и только! говоритъ онъ Шуйскому:—«Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ изъ Кракова гонца прислалъ сегодня съ вѣстію, что «тамъ Димитрій появился»,—«кто-бъ ни былъ онъ, спасенный ли царевичъ... иль смѣлый плутъ, безстыдный самозванецъ», но «если до народа дойдетъ» эта вѣсть—«то быть грозѣ великой!» «Такой грозѣ, что врядъ царю Борису сдержатъ вѣнецъ на умной головѣ». «Подѣломъ ему»—негодуетъ на Бориса А. Пушкинъ. «Онъ править нами, какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянуть)». «Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей? Насъ каждый день опала ожидаетъ».—«Легко ль скажи: мы дома, какъ Литвой, осажены невѣрными рабами, все языки, готовые про-

дать, правительствомъ подкупленные воры». — «Вотъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить: не властны мы въ помѣстїяхъ своихъ, не смѣи согнать лѣнивца! Радъ не радъ — корми его! Не смѣи перемѣнить работника! Не то — въ приказъ холопій. Ну слыхано-ль хоть при царѣ Иванѣ такое зло?» — «А легче ли народу? Спроси его. Попробуй самозванецъ имъ посулить старинный Юрьевъ день, такъ и пойдетъ потѣха». — «Противенъ мнѣ родъ Пушкина мятежный», говоритъ о немъ Борисъ.

Пушкинъ, Гаврила («Бор. Год.»). — Присылаетъ дядѣ, Афан. Пушкину, «изъ Кракова гонца» съ вѣстью о «появленіи тамъ Димитрія». Принадлежитъ къ числу «друзей» самозванца. — «Между васъ я вижу новы лица», говоритъ самозванецъ, смотря на толпу русскихъ и поляковъ. «Они пришли у милости твоей просить меча и службы», отвѣчаетъ П.: — «Послѣ неудачной битвы сопровождаетъ самозванца въ лѣсу. — «Пріятный сонъ, царевичъ!» говоритъ онъ при «ляхахъ», и про себя, когда самозванецъ уснулъ: «разбитый въ прахъ, спасаяся побѣгомъ, безпеченъ онъ, какъ глупое дитя: хранить его, конечно, провидѣнье; и мы, друзья, не станемъ унывать». — Самозванецъ посылаетъ П. къ Басманову, чтобы склонить послѣдняго на свою сторону. — Сперва П. передаетъ предложеніе самозванца «дружбы», «и перваго по немъ сана въ московскомъ царствѣ». Затѣмъ заявляетъ, что Димитрій «законнѣйшій» наслѣдникъ». На слова Басманова («Пустого мнѣ не говори! я знаю, кто онъ такой»), возражаетъ: — «я за это не стою: быть можетъ, онъ Димитрій настоящій, быть можетъ, онъ и самозванецъ; только я вѣдаю, что рано или поздно ему Москву уступить сынъ Борисовъ». — Откровенно признаетъ, что у самозванца «не наберешь» и восьми тысячъ войска. — «Я самъ скажу, что войско наше дрянъ... Но знаешь, чѣмъ сильны мы, Басмановъ? Не войскомъ, нѣтъ, не польскою подмогой, а мнѣніемъ — да, мнѣніемъ народнымъ... Нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить... со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей не устоишь; не лучше ли тебѣ дать первому примѣръ благо-разумный: Димитрія царемъ провозгласить и тѣмъ ему навѣки услужить». — Посланный къ «народу» въ Москву, П. говоритъ: «Московскіе граждане! Вамъ кланяться царевичъ приказалъ. — Вы знаете ль, какъ промыселъ небесный царевича отъ рукъ убійцы спасъ; онъ шелъ казнить злодѣя своего, но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса. — Димитрію Россія покорилась; Басмановъ самъ, съ раскаяньемъ усерднымъ, свои полки привелъ ему къ присягѣ». — «Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ. Въ угоду ли семейству Годуновыхъ подымете вы руку на царя законнаго, на внука Мономаха?» — «Московскіе граждане! Міръ вѣдаетъ сколь много вы терпѣли подъ властію жестокаго пришельца... Димитрій же васъ жаловать намѣренъ, бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ, гостей, купцовъ и весь честной народъ». — «Но онъ идетъ на царственный престолъ своихъ отцовъ въ сопровожденіи грозномъ. Не гнѣвайте жъ царя и бойтесь Бога, цѣлуйте крестъ законному владыкѣ». — («Что толковать? Бояринъ правду молвилъ», отвѣчаетъ народъ).

Пушкины («Бор. Год.»). — «Противенъ мнѣ родъ Пушкина мятежный», — говоритъ Борисъ Годуновъ.

Пыхтинъ («Евг. Онѣгинъ»). — «Гусаръ». «Гостилъ» у Лариныхъ. «Ужъ какъ онъ Танею прельщался, какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался! Я думала: пойдетъ авось; куда!» — жалуется старушка Ларина.

Пѣтушковъ, Иванъ («Евг. Онѣгинъ»). — «Отставной канцеляристъ». «Уѣздный франтикъ», «Парисъ окружныхъ городковъ». «Обрадованъ музыки громомъ, оставя чашку чаю съ ромомъ», онъ «подходить» приглашать на танцы. Во время танца «подковы, шпоры Пѣтушкова... стучать». — Онъ сватался къ Татьянѣ, но получилъ «отказъ».

Р.

Р., маркизъ («Арапъ Петра В.»).—«Длинный маркизъ» Р.; новый любовникъ графини Леоноры.

Р. С. («Евг. Онегинъ»).—Р. С., какъ ангелъ, хороша: какая вольность въ обхожденьи! Въ улыбкѣ, въ томномъ глазѣ движеніи какая нѣга и душа (Альб., 1). Вчера, у В. оставя пиръ, Р. С. легла какъ зефиръ, не внемля жалобамъ, и пенямъ»; а мы по лаковымъ ступенямъ за ода-лиской молодой. Послѣдній звукъ послѣдней рѣчи я отъ нея поймать успѣлъ; я чернымъ соболемъ одѣлъ ея блистающія плечи; на кудри милой головы я шаль зеленую накинулъ; я предъ Венерою Невы толпу влюбленную раздвинулъ». (Альб. 9). «Вечоръ сказала мнѣ Р. С.:—Давно я васъ желала видѣть.—«Зачѣмъ?».—Мнѣ говорили всѣ, что я васъ буду ненави-дѣть»... «Вы совсѣмъ не такъ опасны; и знали ль вы до сей поры, что про-сто очень вы добры?» (Альб. 6).

Рагузинскій («Арапъ Петра В.»).—Во дворцѣ, въ числѣ «особъ приближенныхъ къ государю», «пришедшихъ съ докладами и за приказа-ніями», Ибрагимъ узналъ «молодого Р., бывшаго своего товарища».

Разбойника братъ («Братъ Я Разб.»).—Въ бреду говорить о братѣ:—«Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашенъ меня въ дремучій лѣсъ сма-нили, и ночью тамъ», «убійству первый научилъ?» «Въ цѣпяхъ, за душ-ными стѣнами», «вынести» меньше «брата могъ»:—«онъ изнемогъ». Въ забвеньѣ, жаркой головою склоняясь къ «плечу» брата, «онъ умиралъ, твердя всечасно: «Мнѣ душно здѣсь... Я въ лѣсъ хочу»... .. «Предъ нимъ толпи-лись привидѣнья, грозя перстомъ издалека. Всѣхъ чаще образъ старика, давно зарѣзаннаго», «ему на мысли приходилъ»; онъ брата такъ «молилъ»: «Братъ! сжался надъ его слезами! Не рѣжь его на старость лѣтъ... Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ... Пусти его—онъ не опасенъ; въ немъ крови капли теплой нѣтъ... Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами, не мучь его... авось, мольбами смягчитъ за насъ онъ Божій гнѣвъ!..» Онъ «видѣлъ пляски мертвецовъ, въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ; то слышалъ ихъ ужасный шопоть, то вдругъ погони близкій топоть, и дико взгляды его сверкалъ, стояли волосы горою, и весь, какъ листь, онъ трепеталъ; то мнилъ ужъ ви-дѣть предъ собою на площадяхъ толпы людей, и страшный ходъ до мѣста казни, и кнутъ, и грозныхъ палачей»... Такъ «проводилъ» онъ «дни и ночи». «Но молодость свое взяла: вновь силы» «возвратились; болѣзнь ужасная прошла». Послѣ бѣгства, «и трудъ, и волнь осенній хладъ недавнихъ силъ его лишили: опять недугъ его сломилъ». «Три дня больной не говорилъ и не смыкалъ очей дремотой; въ четвертый грустною заботой, казалось, онъ исполненъ былъ; «пожалъ» брату «руку», и на его груди «уснулъ».

Разбойникъ («Братъ Я Разб.»).—«Свирѣпый ликъ»; «угрюмый», «одинокій»; духъ его «окаменѣлъ жестокий» «и въ сердцѣ жалость умерла», но «на беззащитныя сѣдины не подымается рука». Брата «старше былъ пятью годами». Ихъ «вскормила чуждая семья» («не оставалось у сиретъ ни бѣдной хижины, на поля»). «Дѣтямъ жизнь была не въ радость»: «знали пужды гласъ, сносили горькое презрѣнье, и рано волновало» ихъ «жесто-кой зависти мученье»; наскучила имъ «эта доля, и согласились межъ собой» «жребій испытать иной: въ товарищи себѣ» они «взяли булатный ножъ, да темну ночь; забыли робость и печали, а совѣсть отогнали прочь». «Бывало, вспоминаетъ Р., только мѣсяць ясный взойдетъ и станетъ средь небесъ, изъ подземелья мы въ лѣсъ идемъ на промыселъ опасный. За деревомъ сидимъ и ждемъ: идетъ ли поздною дорогой богатый жидъ иль попъ убогій—все наше, все себѣ беремъ! Зимой, бывало, въ ночь глухую заложимъ тройку удалую, поемъ и свищемъ, и стрѣлой летимъ надъ снѣжной глубиной. Кто

не боялся нашей встрѣчи? Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи—туда! Къ воротамъ! и стучимъ, хозяйку громко вызываемъ, вошли—все даромъ: пьемъ, ѣдимъ, и красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ...—«Недолго братья пировали: «кузнецы» ихъ «другъ ко другу приковали, и стража отвела въ острогъ». Въ неволѣ «сильнѣй взяла тоска по прежней долѣ; душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ, алкала воздуха полей». «Однажды», когда «въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы собирали вмѣстѣ подаянье», братья «согласились» бѣжать,—«и съ береговъ высокихъ бухъ!—поплыли въ водахъ глубокихъ. Цѣпями общими» гремятъ, бьютъ «волны дружными ногами»; на песчанномъ «островкѣ» «оковы камнемъ» разбиваютъ, «другъ съ друга» рвутъ «кочки одеждъ, отягощенные водою»... Погоню видятъ «за собою, но смѣло, полные надеждъ», сидятъ и ждутъ. «Одинъ» изъ стражей «пошелъ ко дну, другому «въ голову» «два камня полетѣли»... «онъ утонулъ». «За нами гнаться не посмѣли», говоритъ Р., «мы береговъ достичь успѣли и въ лѣсъ ушли». Послѣ смерти брата, Р. «три ночи съ нимъ не разставался, все ждалъ, очнется ли мертвецъ, и горько плакалъ. Наконецъ, взявъ заступъ, грѣшную молитву надъ братней ямой совершилъ, и тѣло въ землю схоронилъ... Потомъ на прежнюю ловитву пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣтъ ужъ не дождусь—ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ! Пирь, веселые ночлеги и наши буйные набѣги—могила брата все взяла».

Ратмиръ («Русл. и Людм.»).—Соперникъ Руслана, молодой хазарскій ханъ»; «въ немъ кровь играетъ молодая, огня, надежды полонъ взоръ». На свадебномъ пиру Людмилы сидитъ безмолвень, «въ унынѣ, съ пасмурнымъ челомъ», въ душѣ тая «любви и ненависти ядъ». Отправляясь на поиски Людмилы, «въ умѣ своемъ уже Людмилу обнимая, едва не плюшетъ надъ сѣдломъ». Въ замкѣ на скалѣ, «въ кругу прелестныхъ дѣвъ», «восторгомъ» «упоенный, уже забылъ Людмилы плѣнной недавно милыя красы». Р. «оставилъ теремъ ихъ веселый», и «въ пустынѣ безмятежной», «въ объятіяхъ подруги нѣжной», «сложилъ и мечъ, и шлемъ тяжелый, забылъ и славу и враговъ». «Душѣ наскучилъ, говоритъ Р., бранной славы пустой и гибельный призракъ». «Теперь, утративъ жажду брани, пересталъ платить безумству дани». «Невинныя забавы, любовь и мирныя дубравы милѣе сердцу во сто кратъ», «вѣрнымъ счастьемъ богатъ, я все забылъ, товарищъ милый, все, даже прелести Людмилы!» «Моя подруга мнѣ мила!» «Отшельникъ мирный и безвѣстный, остался въ счастливой глуши. «Руслану счастья, побѣдъ, и славы, и любви желаетъ, и думы гордыхъ юныхъ лѣтъ невольной грустью оживляетъ».

Рауль, баронъ («Сцены изъ рыц. временъ»).—Уп. л. Ему Бертольдъ хотѣлъ открыть «великую тайну» алхиміи, если Р. дастъ денегъ «для послѣдняго и рѣшительнаго опыта». По словамъ Мартына, «вассалы его разорены», и Р. негдѣ взять денегъ.

Репнинъ («Полтава»).—Уп. л. См. Боуръ.

Ржевская, Наталья Гавриловна («Арапъ Петра В.»).—«Молодая красавица», съ голубыми глазами. Ей было семнадцать лѣтъ отъ роду ¹⁾. «Еще ребенкомъ лишилась она матери»; «была воспитана по старинному, т. е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сѣнными дѣвушками; шила золотомъ и не знала грамоты», но пожелала «учиться пляскамъ нѣмецкимъ» и «славилась на ассамблеяхъ лучшею танцовщицей». Между молодыми гостями на ассамблеѣ Р. особенно понравилась Корсакову. Узнавъ, что отецъ рѣшилъ ее выдать за арапа, падаетъ въ обморокъ и заболѣваетъ горячкой. Въ бреду она зоветъ Валерьяна (см., котораго любить). Узнавъ, «что тайна ея сердца извѣстна отцу», она утѣшается надеждой «умереть прежде совершенія ненавистнаго брака»; по совѣту Ла-

1) Гл. IV. Въ гл. 3-ей сказано: „ей было около шестнадцати лѣтъ“. Ред.

сточки, покоряется «своему жребію», хотя при видѣ арапа и представляется ей «весь ужасъ будущаго». «Наташа имѣла къ «Ласточкѣ неограниченную привязанность и довѣряла ей всѣ свои мысли, всѣ движенія шестнадцатилѣтняго своего сердца».

Ржевская, Татьяна Аванасьевна («Арапъ Петра В.»).—«Старшая сестра» Гаврилы Аван., «сердечно имъ уважаемая». «Старушка», «въ бѣломъ широкомъ чепцѣ съ темными лентами». Т. А. «поминутно справлялась съ мнѣніями» Ласточки «и руководилась ея совѣтами».

Ржевскій, Гаврила Аванасьевичъ («Арапъ Петра В.»).—«Коренной русской баринъ», «пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго». «Происходилъ отъ древняго боярскаго рода, владѣлъ огромнымъ имѣніемъ, былъ хлѣбосоль, любилъ соколиную охоту, дворня его была многочисленна»; «не терпѣлъ нѣмецкаго духа и старался въ домашнемъ быту сохранить обычай любезной ему старины». «Человѣкъ стараго покроя».—«Нынѣ служба наша не нужна, хоть, можетъ быть, православный русской дворянинъ стоитъ нынѣшнихъ новичковъ, блинниковъ да бусурмановъ», говоритъ Р. Но среди нихъ Р. отличилъ Ибрагима. Когда Петръ пріѣхалъ сватать Наташу, Р. «изъ почтенія и радости, ничего не ѣлъ», при отъѣздѣ царя самъ ему подаль «красный его тулупъ, проводилъ его до саней и на крыльцѣ еще благодарилъ за оказанную честь». Наше «холопые дѣло повиняться» царю во всемъ. Отправляя Ибрагима къ Р., Петръ совѣтуетъ: «потѣшь его боярскую спѣсь: оставь сани у воротъ, пройди черезъ дворъ пѣшкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знатности,—и онъ будетъ отъ тебя безъ памяти». Р., дѣйствительно, остается «безъ ума» отъ «царскаго арапа».

Ришелье, герцогъ («Арапъ Петра В.»).—Уп. л. «Алкивиадъ» новѣйшихъ Аѳинъ» (Парижа). Его «проказы» «принадлежать исторіи и даютъ понятіе о нравахъ сего времени».

Рогдай («Вадимъ»).—«Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ, являлся» онъ «въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ» и принесъ Вадиму вѣсть изъ Новгорода: «Народъ нетерпѣливый, старинной вольности питомецъ горделивый, досадуя, влачитъ позорный свой яремъ». «Уныніе вездѣ: торговли шумъ утихъ, встревожены умы—и пламя тлѣетъ въ нихъ. Младые граждане кипятъ и негодуютъ. Вадимъ! они тебя съ надеждой именуютъ». «Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ», говоритъ В.

Рогдай («Русл. и Людм.»).—«Неукротимый», «Руси древній удалецъ»; «кровавыхъ битвъ искатель», «надежда кіевлянъ», «воитель смѣлый, мечомъ раздвинувшій предѣлы богатыхъ кіевскихъ полей». «Завистникъ злостный» Руслана. «Людмилы мрачный обожатель» «съ пасмурнымъ челомъ». На пиру у князя, «страшась невѣдомой судьбы и мучась ревностью напрасной, всѣхъ больше безпокоенъ онъ, и часто взоръ его ужасный на князя мрачно устремленъ». На поиски Людмилы онъ ѣдетъ «въ глубокую думу погруженный,—злой духъ тревожилъ, и смущалъ его тоскующую душу» и витязь пасмурный шепталъ: «Убью!.. преграды всѣ разрушу... Русланъ!.. узнаешь ты меня... теперь—то дѣвица поплачетъ»... Принимаетъ Фарлафа за Руслана и вступаетъ съ нимъ въ бой. «Напрасно онъ вдоль Днѣпровскихъ береговъ искалъ соперника слѣдовъ». Завидѣвъ «въ полѣ чистомъ» князя, «поднявъ копье, летитъ со свистомъ» и «кричитъ»: «Готовься, другъ, на смертну сѣчу; теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ; а тамъ ищи своихъ невѣсть»; «но сила измѣнила» Р., и онъ «въ пустынь свой нашелъ конецъ».

Рожновъ («Бор. Год.»).—«Московский дворянинъ». «Съ мѣсяцъ будетъ, какъ на службѣ» у Бориса. «Недѣли двѣ по битвѣ» «подъ Сѣверскимъ» «прибылъ» въ войско «изъ Москвы».—«Не совѣстно, Рожновъ, что на меня ты поднялъ мечъ?»—спрашиваетъ его Самозванецъ.—«Какъ быть, не наша воля», отвѣчаетъ Р.—Ну, что въ Москвѣ?—«Все, слава Богу,

тихо».—Что? Ждутъ меня?—«Богъ знаетъ; о тебѣ тамъ говорить не слишкомъ смѣютъ. Кому языкъ отрѣжутъ, кому и голову»...—Ну, войско что?—«Что съ нимъ? Одѣто, сыто, довольно всѣмъ».—Да много ли его?—«Богъ вѣдаетъ». А будетъ тысячъ съ тридцать?—«Да, наберешь и тысячъ пятьдесятъ».—Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?—«А говорятъ о милости твоей, что ты, дескать (будь не во гнѣвѣ), и воръ, а молодецъ». Когда ляхъ хвастается, что-де «полякъ одинъ пятьсотъ москалей вызвать можетъ», Р. отвѣчаетъ:—«Да, вызовешь! а какъ дойдетъ до драки, такъ убѣжишь отъ одного, хвастунъ».—«Когда бѣ ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ, то я тебя вотъ этимъ бы смирилъ», говоритъ ляхъ, «указывая на свою саблю». Рожн.: «Нашъ братъ-русакъ безъ сабли обойдется: не хочешь ли вотъ этого, безмозглый!» («Показываетъ кулакъ. Ляхъ гордо смотритъ на него и молча отходитъ. Всѣ смѣются»).

Розень В. («Бор Год»).—«Капитанъ». Командуетъ «нѣмцами» въ битвѣ «подъ Сѣверскимъ». Односложно отвѣчаетъ на рѣчи говорливаго Маржерета: «Es ist Schande». «Sie haben Recht». «Ja». «Jch glaube das». «Sehr gut. Halt».

Розень («Полтава»).—Уп. л., одинъ изъ генераловъ Карла XII. («Уходитъ Розень сквозъ тѣснины»...).

Ротенфельдъ, графъ («Сцены изъ рыц. временъ»).—

Рыцарь Клотильды; у него въ замкѣ пируютъ рыцари. На просьбу Клотильды «помиловать» Франца, отвѣчаетъ: «Да вы не знаете подлаго народа. Если не пугнуть ихъ порядкомъ, да пощадить ихъ предводителя, то они завтра же взбунтуются опять». За пѣсню предлагаетъ Францу «кубокъ вина», и прибавляетъ: — «А все-таки я тебя повѣшу». Даетъ «честное слово», что запретъ Франца въ тюрьму и на заступничество Клотильды, отвѣчаетъ: — «Клотильда! я далъ честное слово!».

Ротберхъ, фрау («М. Шонингъ»).—Уп. л. — «Какая комедянтка!» сказала Р., когда Маріи «стало дурно» и она опустилась на колѣни, чтобы издала проститься съ гробомъ своего отца.

Рузя («Бор Год»).—«Убираетъ» Марину Мнишекъ. «Ты до свѣта готова пустяки болтать», говоритъ ей Марина.—«Позвольте, напередъ рѣшите выборъ трудный»,—отвѣчаетъ Р. госпожѣ. «Что вы надѣнете, жемчужную ли нить, иль полумѣсяцъ изумрудный?»—«Алмазный мой вѣнецъ». —«Прекрасно! Помните, его вы надѣвали, когда изволили вы ѣздить во дворецъ? На балѣ, говорятъ, какъ солнце вы блистали... Въ то время, кажется, васъ видѣлъ въ первый разъ Хоткевичъ молодой, что послѣ застрѣлился... Сегодня вашъ отецъ надѣется на васъ. Царевичъ видѣлъ васъ не даромъ... Надобно сразить его рѣшительнымъ ударомъ».—«Ахъ, Боже мой! дождусь ли дня? Не правда ли, когда въ свою столицу Димитрій повезетъ московскую царицу, вы не оставите меня?»—«Знаете ли вы, что говорятъ о немъ въ народѣ? Что будго онъ дьячекъ, бѣжавшій изъ Москвы, извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ». «О, я не вѣрю имъ. Я только говорю, что долженъ онъ, конечно, благословлять еще судьбу, когда сердечно вы предпочли его другимъ».

Русалка («Русалка»).—Царица русалокъ, бывшая дочь мельника; «бросилась безъ памяти» «въ воду», «и въ глубинѣ Днѣпра-рѣки очнулась русалкою холодной и могучей». «Восемь долгихъ лѣтъ каждый день о мщеніи» помышляетъ. Говоритъ дочкѣ-русалочкѣ: «Нынче на тебя надѣюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня придетъ мужчина. Стереди его и выдь ему навстрѣчу. Онъ намъ близокъ—онъ твой отецъ». «Къ нему нѣжнѣе приласкайся и Расскажи все то, что отъ меня ты знаешь про свое рожденье, также и про меня». «Скажи, что жду къ себѣ». «Нынѣ, кажется, мой часъ насталъ». Русалкамъ наказываетъ: «Оставьте пряжу, сестры. Солнце сѣло! Столбомъ луна блеститъ надъ нами. Полно! Плывите вверхъ, подъ

небомъ поиграть да никого не трогайте сегодня: ни пѣшехода щекотать не смѣйте, ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчать травой и тиной, ни ребенка въ воду заманивать разказами о рыбакахъ». См. Мельника-дочь.

Русалка («Русалка»).—«Веселой толпою, съ глубокаго дна, мы почью всплываемъ: насъ грѣть луна!... Любо намъ порой почною дно рѣчное покидать, любо вольной головою высь рѣчную разрѣзать, подавать другъ дружкѣ голосъ, воздухъ звонкій раздражать и зеленый влажный волосъ въ немъ сушить и отряхать. Тихе! птичка подѣ кустами встрепенулася во мглѣ. Между мѣсяцемъ и нами кто-то ходитъ по землѣ. Нѣтъ, пора, пора, пора! Ожидаетъ насъ царица, наша строгая сестра».

Русалочка («Русалка»).—Дочь Русалки-мельничихи. «Прелестное дитя»; «на землю выходила» «къ дѣду» и къ князю, своему отцу.

Русалка («Русл. и Людм.»).—Рогдая «на хладны перси приняла и, жадно витязя лобзая, на дно со смѣхомъ увлекла».

Русалки («Русл. и Людм.»).—«Тихо на вѣтвяхъ качаясь, витязя младого съ улыбкой хитрой на устахъ манять, не говоря ни слова»...

Русланъ («Русл. и Людм.»).—«Князь», супругъ Людмилы; «рыцарь» «храбрый», «духомъ твердый», «могучій богатырь», «злыхъ козней истребитель». «Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдный; копье сіяетъ, какъ звѣзда; струится кровь съ кольчуги мѣдной». Когда «наститъ» его Рогдай, «грозою помчался князь ему навстрѣчу», «вскипѣвъ, желѣзною рукой съ сѣдла наѣздника срываетъ, подъемлетъ, держитъ надъ собой—и въ волны съ берега бросаетъ», и «грозою восклицаетъ»: «Погибни!» «завистникъ злобный!» Головъ «грозитъ» «молча копіемъ», и, «задрожавъ, булатъ холодный» вонзаетъ «въ дерзостный языкъ»; «какъ ястребъ, богатырь летитъ съ поднятой, грозою десницей, и въ щеку тяжелой руковицей съ размаха голову разить»; но услыша «главы молящій жалкій стонъ», «тихо мечъ онъ опускаетъ; въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ, и мщенье бурное падетъ въ душѣ, моленьемъ усмиренной». Р. «то бьется» «съ богатыремъ, то съ вѣдьмою, то съ великаномъ», «но тайнымъ промысломъ хранимъ, безстрастный витязь невредимъ». «Местью пламенья», «чародѣя на сѣчу грозну» вызываетъ»; «съ Черноморомъ, съ мучителемъ жены своей, Р. не знаетъ договора».—«Что, хищникъ, гдѣ твоя краса? Гдѣ сила?»—«Знай нашихъ!»... «молвилъ онъ жестоко» и на шлемъ высокой сѣдые вяжетъ волоса».—Въ отвѣтъ на утѣшеніе Финна Р. «старцу палъ къ ногамъ, и въ радости лобзаетъ руку». «Одна Людмила съ нимъ»; Р. «унынемъ какъ убить; мысль о потерянной невѣстѣ его терзаетъ и мертвитъ», но онъ «томился молчаливо, и мысль, и память потерявъ»; увидя вновь Людмилу, «падаетъ къ ногамъ подруги вѣрной, забывенной, цѣлуетъ руки, сѣти рветъ, любви восторга слезы льетъ», «съ нея не сводитъ глазъ»; «въ забвеньѣ сладкомъ ловитъ онъ ея волшебное дыханье, улыбку, слезы, нѣжный стонъ и сонныхъ персей волнованье», «и въ цѣломудренномъ мечтаньѣ, смиривъ нескромное желанье, свое блаженство находилъ». «Старцемъ оживленный» (послѣ нападенія Фарлафа, увезшаго Людмилу), Р. «черезъ поля, черезъ дубравы», «живой и здравый», летитъ къ Людмилѣ спящей», помня «тайный даръ кольца» (даннаго ему Финномъ).

С.

Савельичъ («Дубровскій»). — Уп. л. Покровскій пономарь.

Савельичъ («Капит. дочка»). — Архипъ Савельичъ. «Стремяной Гриневыхъ», за трезвое поведеніе пожалованный въ дядки къ пятилѣтнему Петру Андреевичу. Подѣ надзоромъ С. Гриневъ «выучился грамотѣ и могъ трезво разсуждать о свойствахъ борзаго кобеля». Гринева, отпавленнаго въ полкъ, считалъ все еще малолѣтнимъ, и твердо помнилъ

наказъ барыни: «смотри́ть за дитятей». Больше всего боялся, что скажетъ барыня, коли дитя занеможетъ». — А что скажетъ батюшка, а матушка что подумаетъ?» «Какъ покажусь я на глаза господамъ?» — задеаетъ вопросы С. — «Ты видишь, что дитя еще не смыслить, а ты и радъ его обобратъ, простоты его ради», говоритъ С. вожатому. — «Дитя хочеть жениться! съ видомъ изумленія неописаннаго», воскликнулъ С., услыша о намѣреніи Гринева. Всюду слѣдовалъ за своимъ бариномъ. — «Стой! Стой!» кричалъ С., увидя Гринева, ѣхавшаго вмѣстѣ съ Пугачевымъ въ Бѣлогорскую крѣпость. — «Что это ты, сударь? ччтобъ я тебя пустилъ одного! Да этого и во снѣ не проси. Коли ты ужъ рѣшился ѣхать, то я хотя пѣшкомъ, да пойду за тобой, а тебя не покину. Ччтобъ я сталъ безъ тебя сидѣть за каменной стѣной! Да развѣ я съ ума сошелъ? Воля твоя, сударь, а я отъ тебя не отстану». — «Какъ же я тебя-то покину? Кто за тобой будетъ ходить?» говорилъ онъ. Послѣ кутежа Гринева въ Симбирскѣ повторялъ съ сокрушеніемъ: — «Господи Владыко! Ничего кушать не изволить...» «И головкѣ то тяжело, и кушать не хочется!» Совѣтовалъ выпить «огуречнаго разсолу съ медомъ, и всего бы лучше опохмелиться полстаканчикомъ настойки». — «И охота не слушаться, говорилъ онъ сердито, воротился бы на постоянный дворъ, накушался-бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря бѣ утихла, отпиривился бы далѣе. И куда спѣшить? добро бы на свадьбу». Когда больной Гринева, наконецъ, «пришелъ въ сознаніе», С. «ахнулъ». «Радость изобразилась на его лицѣ». — Опомился! опомился! повторялъ онъ. Слава тебѣ, Владыко! Ну, батюшка, Петръ Андреичъ! Напугалъ ты меня! легко ли? пятыя сутки!» На рассказы Гринева, С. «замоталъ» головою, и заткнулъ себѣ уши. «Вѣсть о свободѣ» Гринева, помилованнаго Пугачевымъ, обрадовала его несказанно. — «Слава тебѣ, Владыко! сказалъ онъ, перекрестившись». Въ отсутствіе барина «горевалъ» по немъ; сопровождая Марью Ивановну въ Петербургъ, утѣшался, по крайней мѣрѣ, мыслью, что служить нареченной его «невѣстѣ». Узнавъ о дуэли со Швабринымъ, «бѣжалъ», ччтобъ «заслонить грудью» Гринева «ствѣ шпаги Алексѣя Ивановича». Когда же Гринева вели на висѣлицу, С., лежа въ ногахъ у Пугачева, говорилъ: — Отецъ родной! Что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ, а для примѣра и страха ради, вели повѣсить хоть меня старика». «Старость проклятая помѣшала» С. поспѣть во время на дуэль со Швабринымъ, но когда разбойники напали на имѣніе Гриневыхъ, С. «побѣжалъ въ конюшню, гдѣ стояла Швабрина лошадь», осѣдлалъ ее и незаметнымъ образомъ поскакалъ, «ччтобъ сообщить объ опасности». Гринева пенялъ: — «Охота тебѣ, сударь, перевѣдываться съ пьяными разбойниками! Боярское ли это дѣло? Неровень часъ: ни за что пропадешь. И добро бы ужъ ходилъ ты на турку, или на шведа, а то грѣхъ и сказать на кого». На рѣшеніе Гринева ѣхать въ Бѣлогорскую крѣпость для спасенія Марьи Ивановны, сказалъ дрожащимъ голосомъ: — «Батюшка, Петръ Андреичъ, побойся Бога! Какъ тебѣ пускаться въ дорогу въ нынѣшнее время, когда никуда проѣзда нѣтъ отъ разбойниковъ! Пожалѣй ты хоть своихъ родителей, коли самъ себя не жалѣешь. Куда тебѣ ѣхать? зачѣмъ? Погоди маленько: войска придуть, переловятъ мошенниковъ, тогда поѣзжай себѣ хоть на всѣ четыре стороны». «Сидя на тощей, хромой клячѣ, едва могъ слѣдовать за» Гриневымъ «издали», и кричалъ поминутно: — Потихе, сударь, ради Бога, потихе! Проклятая кляченка моя не успѣваетъ за твоимъ долгоногимъ бѣсомъ. Куда спѣшить? Добро бы на миръ, а то подъ обухъ, того и гляди... Однако, не побоялся Пугачеву «подать листъ бумаги» — «реестръ барскому добру, раскраденному злодѣями», «крякнулъ, и сталъ объясняться». Сразу запримѣтилъ въ атаманѣ казаковъ того пьяницу, который выманилъ у Гринева «тулупъ на постояломъ»

дворѣ»; но, во время присяги Пугачеву, шенталь стоя за Гриневымъ и толкая его: — «Батюшка, Петръ Андреичъ, не упрямясь! Что тебѣ стоить? плюнь, да поцѣлуй у злод... (тьфу!), поцѣлуй у него ручку!» Пугачевъ называлъ его «старымъ хрычемъ». Савельичъ считалъ Пугачева, «воромъ и мошенникомъ», «Емелькой и злодѣемъ», но когда тотъ помиловалъ Гринева, С. говоритъ Пугачеву: — «Спасибо, государь, спасибо, отецъ родной!» «Дай Богъ тебѣ сто лѣтъ здравствовать за то, что меня, старика, призрѣлъ и успокоилъ. Вѣкъ за тебя буду Бога молить, а о заячемъ тулупѣ и упоминать уже не стану.» По словамъ Гринева, С. «мудрено было унять, когда бывало примется за проповѣдь». — «Рано, Петръ Андреевичъ», говоритъ С. Гринева качая головою: «рано начинаешь гулять. И въ кого ты пошелъ?» Вспоминалъ о Бопре и говорилъ:—«Ничего сказать: добру наставилъ, собачій сынъ». И нужно было нанимать въ дядьки басурмана, какъ будто у барина не стало и своихъ людей!» «Онъ (Бопре), научилъ тебя тыкаться желѣзными вертелами, да притопывать, какъ будто тыканіемъ убережешься отъ злого челоуѣка! Нужно было нанимать мусье, да тратить лишнія деньги!» Замѣтя у Гринева «несомнѣнные признаки» опьяненія, С. «ахнулъ» — «Что это сударь съ тобой сдѣлалось? сказалъ С. ему жалкимъ голосомъ: «гдѣ ты это нагрузился? Ахти, Господи! отроду такого грѣха не бывало!» — «Кажется, ни батюшка, ни дѣдушка, пьяницами не бывали; о матушкѣ и говорить нечего: отроду кромѣ квасу, въ ротъ ничего не изволила брать». Самъ былъ «трезваго поведенія»; по мнѣнію С., «челоуѣкъ пьющій ни на что негоденъ». На молодого Гринева часто «ворчалъ», но родителямъ его отписывалъ, что про него, кромѣ хорошаго, нечего и писать. Командиры, слышно, имъ довольны; а у Василисы Егоровны онъ какъ родной сынъ. А что съ нимъ случилась такая оказія (дуэль), то былъ молодцу не вкорь: конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается». Старался «не помутить сына съ отцомъ», и не былъ доносчикомъ «на своего барина. Позднѣе лишь упоминалъ, что баринъ бывалъ въ гостяхъ у Емельки Пугачева, и что де злодѣй его таки жаловалъ; но клялся что ни о какой измѣнѣ онъ и не слыхивалъ». — «А что скажетъ батюшка, а матушка что подумаетъ?» говоритъ онъ, услыша отъ Гринева объ его намѣреніи жениться? На упреки Гринева (за доносъ), сказалъ: «чуть не зарыдавъ»: — «Помилуй, сударь, что это изволишь говорить...» — Я писалъ на тебя доносы, Царю Небесный!» «отвѣчалъ» С. «со слезами». Разсерженный сидѣлъ «угрюмо», «отворотясь», отъ барина, и «молчалъ, изрѣдка, только покрякивая». На обѣщаніе Гринева «впредь безъ его согласія не располагать ни одной копѣйкою», С. «мало-по-малу успокоился, хотя все еще изрѣдка ворчалъ про себя, качая головою: сто рублей! легко ли дѣло!» Когда же Гринева обратился «къ другу Архипу Савельичу», и просилъ его быть «ходатаемъ» предъ отцомъ за него, и невѣсту, С. «былъ тронуть». — «Охъ, батюшка ты мой, Петръ Андреичъ», сказалъ онъ,—хоть и раненько задумалъ ты жениться, да за то Марья Ивановна «такая добрая барышня, что грѣхъ и пропустить оказію. Инъ быть по-твоему! Провожу ее, ангела Божія и рабски буду доносить твоимъ родителямъ, что такой невѣстѣ ненадобно и приданаго».

Во всемъ винилъ прежде всего самого себя. Послѣ исторіи съ Зуринымъ въ Симбирскѣ сказалъ съ глубокимъ вздохомъ: — «Эхъ, батюшка, Петръ Андреичъ, сержусь то я на самого себя—самъ я кругомъ виноватъ. Какъ мнѣ было оставлять тебя одного въ трактирѣ. Что дѣлать? Грѣхъ попуталъ: вздумалъ забрести къ дьячихѣ, повидаться съ кумою. Такъ то: зашелъ къ кумѣ, да и засѣлъ въ тюрьмѣ. Бѣда, да и только.»

Называлъ себя «вѣрнымъ холопомъ», и въ письмѣ кланялся «рабски» барину, но когда тотъ называлъ его «старымъ песомъ и пригрозилъ «сослать» «свиной пасти», отвѣчалъ:—«я не старый песъ, а вѣрный вашъ слуга.

господскихъ приказаній слушаюсь и усердно вамъ всегда служилъ и дожилъ до сѣдыхъ волосъ»; подъ письмомъ подписался такъ: «вѣрный холопъ вашъ Архипъ Савельевъ.» — «Вотъ до чего дожилъ, вотъ какихъ милостей дослужился отъ своихъ господъ! Я и старый песь и свинопасъ!..» жалуется онъ молодому Гриневу. — «Когда же Гриневъ послѣ проигрыша Зурину началъ кричать на С., «заплакалъ» и поглядѣлъ на него съ глубокой горестью». «Неизмѣненъ въ своихъ привычкахъ». Послѣ помилованія Гринева Пугачевымъ, говоритъ:—«Я тебѣ кое-что заготовилъ, покушай-ка, батюшка, да и почивай себѣ до утра, какъ у Христа за пазушкой». «Былъ упрямъ и спорить съ нимъ нечего было». — «Воля твоя, сударь, а денегъ не выдамъ», отвѣчалъ онъ Гриневу. Пугачеву подалъ реестръ и на его вопросъ («что это значитъ? сказалъ, нахмураясь, Пугачевъ»), отвѣчалъ:—«прикажи читать далѣе». — Прикажи ужъ дочитать». На угрозу Пугачева съ живого С. «содрать кожу», — «Какъ изволишь, отвѣчалъ С., я человекъ подневольный, и за барское добро долженъ отвѣчать». «Былъ и денегъ, и бѣлья, и дѣлъ» Гринева «рачитель». Когда Гриневъ заявилъ, что задолжалъ Зурину сто рублей, С. пришелъ «въ большое изумленіе»:—«Батюшка, Петръ Андреевичъ, произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ: не умори меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутилъ, что у насъ и денегъ то такихъ не водится. Сто рублей! Боже ты, милостивый! Скажи, что тебѣ родители крѣпко-на-крѣпко заказали играть, окромѣ, какъ въ орѣхи». Когда же Гриневъ потребовалъ «дать» вожатому «полтину на водку», «нахмурился»: — «Полтину на водку! за что это? За то, что ты же изволилъ подвезти его къ постоялому двору? Воля твоя, сударь: нѣтъ у насъ лишнихъ полтинъ. Всякому давать на водку, такъ самому скоро придется голодать». На приказаніе Гринева отдать вожатому заячій тулупъ, воскликнулъ: — Помилуй, батюшка, Петръ Андреевичъ, зачѣмъ ему твой заячій тулупъ? Онъ пропѣетъ его, собака, въ первомъ кабакѣ!» С. чуть не завылъ, услышавъ, какъ нитки «затрещали», когда Пугачевъ напялилъ тулупъ «на свои окаянныя плечища». — «Тулупчикъ совѣмъ новешенькій, а онъ, бестія, его такъ и распоролъ», вспоминаетъ С. нѣсколько разъ позднѣе. Въ отвѣтъ на извиненія урядника въ потерѣ денегъ, «по смотрѣлъ на него косо и проворчалъ: — «Растерялъ дорогою! А что же у тебя побрякиваетъ за пазухой? Безсовѣстный!» Относительно поданнаго Пугачеву «реэстра» (см. выше), говорилъ съ гордостью, что «не даромъ подалъ мошеннику челобитье; вору-то стало совѣстно». — «Хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулупъ не стоятъ и половины того, что они, мошенники, у насъ украли, и того, что ты ему самъ изволилъ пожаловать, да все же пригодится; а съ лихой собаки хоть шерсти клокъ». — Смѣйся, а какъ придется намъ сызнава заводиться всѣмъ хозяйствомъ, такъ посмотримъ и смѣшно ли будетъ!» говорилъ С. Гриневу. — «Мошенники, какъ тамъ ни шарили, а я все-таки умѣлъ утаить», и С. «вынулъ изъ кармана длинный кошелекъ, полный серебра».

Критика: «С. принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ созданій Пушкинскаго генія. Забыть его тому, кто хотя бѣгло пробѣжитъ «Капитанскую дочку», нѣтъ никакой возможности. Комично-наивный, добродушно-трогательный образъ стараго дядьки сразу и неизгладимо врѣзывается въ память». «Внутренній міръ Савельича простъ и несложенъ, но онъ озаренъ свѣтомъ безхитростной и чистой души». — «Въ Савельичѣ нѣтъ и тѣни нравственнаго холопства. Несмотря на почтительный тонъ, которымъ онъ привыкъ говорить со своими господами, С. держалъ себя по-своему очень независимо и, конечно, былъ бы удивленъ, если бы ему сказали, что онъ несчастное существо, что онъ живетъ подъ страшнымъ гнетомъ, и что ему было бы гораздо лучше скоротать свой вѣкъ гдѣ-нибудь вдали отъ Гриневыхъ. Порвать всякія связи между Савельичемъ и барскою усадьбой зна-

чило бы лишить его жизнь всякаго смысла, ибо на семьѣ Гриневыхъ сосредоточились всѣ его привязанности». [Н. Черняевъ: «Кал. дочка»]. Ср. «Прототипы».

Савельичъ («Р. Пеламъ»). — «Старый» «камердинеръ» отца Р. Пелама.

Садовникъ («Капит. дочка»). — Старикъ; помогаль въ саду генералу Р. укутывать «яблони теплой соломой».

Салтыковъ, Михайла («Бор. Год.»). — Одинъ изъ «друзей» Шуйскаго.

Сальери («Моц. и Сальери»). — «Родился я съ любовію къ искусству», говоритъ самъ С. «Отвергъ я рано праздныя забавы; науки, чуждыя музыкѣ, были постылы мнѣ; упрямо и надменно отъ нихъ отрекъся я и предался одной музыкѣ». «Ремесло поставилъ я подножіемъ искусству». «Звуки умертвивъ, музыку я разъялъ, какъ трупъ. Повѣрилъ я алгеброй гармонію», и, «въ наукѣ искушенный», «дерзнулъ» «предаться нѣгѣ творческой мечты». «Нерѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ два-три дня, забывъ и сонъ, и пищу, вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья, я, вспоминаетъ С., жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ, какъ мысль моя и звуки, мной рожденны, пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали!» «Усильнымъ, напряженнымъ постоянствомъ я, наконецъ, въ искусствѣ безграничномъ достигнулъ степени высокой». Моцартъ называетъ С. «геніемъ»; самъ С. считаетъ себя «жрецомъ, служителемъ музыки», хотя и зоветъ свою славу «глухою». «Геній и злодѣйство—двѣ вещи несомѣстныя», говоритъ Моцартъ; повторяя его слова, С. задаетъ вопросъ: «ужель онъ правъ, и я не геній?» — «Неправда; а Бонаротти? или это сказка тупой, бессмысленной толпы—и не былъ убійцею создатель Ватикана?» сомнѣвается самъ С. — «Когда бы всѣ такъ чувствовали силу гармоніи!» восклицаетъ Моцартъ, обращаясь къ Сальери, котораго считаетъ «другомъ»; Моцартъ пьетъ за искренній союзъ «двухъ сыновей гармоніи», дѣлится съ С. «мыслями». — «Хотѣлось твое мнѣ слышать мнѣнне», говоритъ ему Моцартъ, по поводу новой пьесы, которую онъ набросалъ «намедни ночью». Жизнь кажется С. несносной «раной». Онъ «мало» любитъ «жизнь», но вѣритъ, что, «быть можетъ, жизнь принесетъ незалные дары»; быть можетъ, посѣтитъ его «восторгъ, и творческая ночь, и вдохновенье». «Ребенкомъ будучи, вспоминаетъ С., когда высоко звучалъ органъ въ старинной церкви нашей, я слушалъ и заслушивался—слезы невольныя и сладкія текли». Слушая Requiem Моцарта, «плачетъ»: — «продолжай, спиши еще наполнить звуками мнѣ душу»... просить С. Моцарта. «Жрецъ» музыки, онъ любитъ искусство: — «Нѣтъ, мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный мнѣ пачкаетъ Маддону Рафаэля; мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный пародіей безчеститъ Алигьери», отвѣчаетъ онъ Моцарту, который привелъ «изъ трактира» слѣпного скрипача, чтобы «угостить» С. «его искусствомъ». — «Ты съ этимъ шелъ ко мнѣ и могъ остановиться у трактира и слушать скрипача слѣпого!—Боже, ты, Моцартъ, недостойнъ самъ себя, обращается С. къ Моцарту, прослушавъ его новую пьесу.

— «Слава мнѣ «улыбнулась», признается С.; — «я въ сердцахъ людей нашелъ созвучіе своимъ созданьямъ. Я счастливъ былъ: я наслаждался мирно своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой; также трудами и успѣхами друзей, товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ. Нѣтъ, никогда я зависти не зналъ! О, никогда!» говоритъ С. «Когда великій Глюкъ явился» и открылъ «глубокія, плѣнительныя тайны»; С. «бросилъ» все, «что прежде зналъ, и пошелъ «бодро вслѣдъ за нимъ безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался, и встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную». Онъ «зависти не зналъ», «когда Пиччини плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ парижанъ», «когда услышалъ въ первый разъ» Ифигеніи начальны звуки» Онъ ждалъ, быть

можетъ, новый Гайдень сотворить великое». — «Какая глубина! Какая смѣлость и какая стройность! Ты, Моцартъ, Богъ, и самъ того не знаешь; я знаю, я», говоритъ онъ Моцарту. «Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ когда-нибудь завистникомъ презрѣннымъ, змѣей, людьми растоптанною, вживѣ песокъ и пыль грызущею безсильно? Никто!»... «А нынѣ», признается себѣ С., я нынѣ завистникъ! «Обиду» (свою глухую славу и высоту Моцарта) онъ чувствуетъ глубоко: «—О, небо! гдѣ-жъ правота, когда священный даръ, когда бессмертный гений—не въ награду любви горящей, самоотверженья, трудовъ, усердія, моленій посланъ, а озаряетъ голову безумца, гуляки празднаго? О, Моцартъ, Моцартъ!» «Нѣтъ правды на землѣ. Но правды нѣтъ и выше». Для С. «такъ это ясно, какъ простая гамма». Въ Моцартѣ С. нашель «новаго Гайдена», который его «восторгомъ дивно упоилъ» и «своего врага». «Я завидую, глубоко мучительно завидую», признается С.; онъ считаетъ себя избраннымъ судьбой, «чтобъ его (Моцарта) «остановить»—«не то мы всѣ погibli, мы всѣ жрецы, служители музыки, не я одинъ»...—«Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ и новой высоты достигнетъ? Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство?»—«Нѣтъ! оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ: наслѣдника намъ не оставитъ онъ. Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ, онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ, чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣтъ!»—«... И полно! Что за страхъ ребячій! Разсѣй пустую думу!» утѣшаетъ С. Моцарта, послѣ его признанія, что онъ пишетъ «Requiem», и ему «день и ночь покоя не даетъ» «черный челоуѣкъ». «—Какъ мысли черныя къ тебѣ придутъ, откупори шампанскаго бутылку, иль перечти «Женитьбу Фигаро», совѣтуетъ онъ Моцарту. «Такъ улетай же, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше», думаетъ С. «Завѣтный даръ любви («послѣдній даръ моей Изоры»), переходи сегодня въ чашу дружбы», С. бросаетъ ядъ въ стаканъ Моцарта, и пьетъ «за искренній союзъ двухъ сыновей гармоніи». «—Ты заснешь надолго, Моцартъ!» думаетъ С. и подъ звуки моцартовскаго Requiem'a «впервые льетъ» такія слезы: «и больно, и пріятно, какъ будто совершилъ я долгъ, какъ будто ножъ цѣлебный миѣ отсѣкъ страдавпій членъ».

К р и т и к а: «Есть организациі несчастныя, недоконченныя, одаренныя сильными талантомъ, пожираемыя сильной страстью къ искусству и къ славѣ. Любя искусство для искусства, онѣ приносятъ ему въ жертву всю жизнь, всѣ радости, всѣ надежды свои; съ невѣроятнымъ самоотверженіемъ предаются его изученію, готовы пойти въ рабство, закабалить себя на нѣсколько лѣтъ какому-нибудь художнику, лишь бы онъ открылъ тайны своего искусства. Если такой челоуѣкъ положительно бездаренъ и ограниченъ, изъ него выходитъ самодовольный Тредьяковскій, который и живетъ, и умираетъ съ убѣжденіемъ, что онъ—великій гений. Но если это челоуѣкъ дѣйствительно съ талантомъ, а главное—съ замѣчательнымъ умомъ, съ способностью глубоко чувствовать, понимать и цѣнить искусство—изъ него выходитъ С.»—«У С. своя логика; на его сторонѣ своего рода справедливость, парадоксальная въ отношеніи къ истинѣ, но для него самого оправдываемая жгучими страданіями его страсти къ искусству, вознагражденной славою. Изъ всѣхъ болѣзненныхъ стремленій, страстей, странностей самыя ужасныя тѣ, съ которыми родится челоуѣкъ, которыя, какъ проклятіе, получилъ онъ при рожденіи вмѣстѣ съ своей кровью, своими нервами, своимъ мозгомъ. Такой челоуѣкъ—всегда лицо трагическое; онъ можетъ быть отвратителенъ, ужасенъ, но не смѣшонъ. Его страсть—родъ помѣшательства при здоровомъ состояніи разсудка. С. такъ уменъ, такъ любитъ музыку и такъ понимаетъ ее, что сейчасъ понялъ, что Моцартъ—гений, и что онъ, С.,—ничто передъ нимъ. С. былъ гордъ, благороденъ и никому не завидовалъ. Приобрѣтенная имъ слава была счастіемъ его жизни; онъ ничего

больше не требоваль у судьбы,—вдруг видит онъ «безумца, гуляку празднаго», на челѣ котораго горитъ помазаніе свыше»... (Бѣлинскій. Соч., т. 8).

«С., по самой натурѣ своей, принадлежитъ къ числу тѣхъ рабовъ излюбленной идеи, которыхъ называютъ фанатиками». — «Всю жизнь онъ посвятилъ любимому искусству и служилъ ему съ тѣмъ фанатизмомъ, съ какимъ сектантъ служитъ своему Богу и проповѣдуетъ свою религію, съ какимъ политическій фанатикъ преслѣдуетъ свою идею, точно онъ на привязи у нея, и готовъ жертвовать собою и другими для ея осуществленія. Это—«психологическая картина» болѣзни, которую мы вправѣ назвать болѣзнью одноидейности и внутреннимъ рабствомъ. Все разнообразіе человѣческихъ интересовъ и стремленій для такой природы—исчезаетъ,—вся душевная жизнь стягивается къ одному пункту; за предѣлами излюбленнаго дѣла или властной идеи человекъ ничего не хочетъ знать; перспектива человечества не видна ему; куда ни взглянетъ онъ, всюду его взоръ упирается въ непроницаемыя стѣны, которыми его идея, его дѣло отгорожены отъ всего остального міра. С. (въ изображеніи Пушкина), «жрецъ музыки», отгороженъ отъ міра гранями своей профессіи, какъ сектантъ отрѣзанъ отъ «невѣрныхъ», какъ политическій фанатикъ—отъ всѣхъ, не раздѣляющихъ его «идеологіи» и программы». — «Фанатизмъ С. принадлежитъ къ одному изъ худшихъ его видовъ,—къ профессиональному: человекъ поработченъ не отвлеченной идеей, не идеаломъ, напр., религіознымъ, моральнымъ, политическимъ, а своей профессіей, избраннымъ занятіемъ и мыслью о своихъ успѣхахъ на этомъ поприщѣ». — «С. не производитъ отталкивающаго впечатлѣнія: онъ не жалокъ, не смѣшонъ, не противенъ; онъ скорѣе вызываетъ въ насъ чувство состраданія, смѣшанное съ уваженіемъ; нельзя презирать его; онъ—мученикъ, онъ—несчастный человекъ, онъ—жертва своей горькой участи, и психологія его зависти и исторія его преступленія—настоящая и глубокая драма» (Овсяннико-Куликовскій «Пушкинъ»).

Самозванецъ («Бор. Год.»). — «Изъ роду Отрепьевыхъ, галицкихъ боярскихъ дѣтей». «Лѣтъ ему отъ роду 20»; «ростомъ малъ, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекѣ бородавка, на лбу другая». «Смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздаль, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ, наконецъ, пришелъ» «въ Чудовъ монастырь». «Игуменъ», «видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, «писалъ каноны святымъ», «читалъ наши лѣтописи». Онъ зналъ и «о темномъ владычествѣ татаръ», и о «бурномъ новгородскомъ вѣчѣ». Пименъ предполагалъ «передать ему свой трудъ»—писаніе лѣтописи. «Весело провелъ свою ты младость!»—говоритъ Гр. Пимену. «Ты воевалъ подъ башнями Казани, ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ, ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна! счастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ по келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ! Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ, не пировать за царскою трапезой? Успѣлъ бы я... на старость лѣтъ отъ суеты, отъ міра отложиться». — «Что за скука, что за горе наше бѣдное житье!»—говоритъ Гр.: «День приходитъ, день проходитъ—видно, слышно все одно: только видишь черныя рясы, только слышишь колоколь. Днемъ, зѣвая, бродишь; дѣлать нечего—соснешь; ночью долгою до свѣта все не спится чернецу. Сномъ забудешься; такъ думу грезы черныя мутятъ; радъ, что въ колоколь ударятъ, что разбудятъ костылемъ... Нѣтъ, не вытерплю! Нѣтъ мочи. Черезъ ограду, да бѣгомъ! Міръ великъ: мнѣ путь-дорога на четыре стороны, поминай, какъ звали». «Хоть-бы, ханъ опять нагрянулъ, хоть Литва-бы поднялась—такъ и быть, пошелъ бы съ ними, перевѣдаться мечомъ!»—«Монашеской неволею

скучая»—говорить потомъ С. Маринѣ—«подъ клобукомъ свой замысель отважный обдумаль я», «бѣдный черноризецъ», «готовиль міру чудо».—«Мой покой, бѣсовское мечтанье тревожило и врагъ меня мутиль»,—говорить онъ Пимену.—«Мнѣ снилось, что лѣстница крутая вела меня на башню; съ высоты мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ; внизу народъ на площади кипѣлъ и на меня указываль со смѣхомъ; и стыдно мнѣ, и страшно становилось—и падая стремглавъ, я пробуждался... И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ. Не чудно-ли?».—«Давно, честный отецъ, хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти Димитрія царевича; въ то время ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ». «Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убиенный?»—«Онъ былъ бы твой ровесникъ»—отвѣчаетъ Пимень.—«Что еще выдумаль»,—негодуетъ, узнавъ о бѣгствѣ Отрепьева, патриархъ»: «буду царемъ на Москвѣ! Ахъ, онъ—сосудъ дьявольскій!» [Пропущ. сл.: «Злой чернецъ»—говорить Григорію: «послушай: если дѣло затѣвать, такъ затѣвать...» «Если бъ я былъ такъ же молодъ, какъ и ты, если бъ усь не пробивала ужъ лихая сѣдина... Ты царевичу ровесникъ... Понимаешь?—«Понимаю».—«Рѣшено,—говорить Григорій. «Я—Димитрій, я царевичъ»].

Григ. «изъ келии бѣжалъ къ украинцамъ въ ихъ буйные курени». Потомъ «слугою былъ у Вишневецкаго»; «на одрѣ болѣзни открылся духовному отцу (что онъ Царевичъ Димитрій); «гордый панъ, сію провѣдавъ тайну, ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра и съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду».—С. «владѣть конемъ и саблей научился».—Бесѣдуя съ поэтомъ С. восклицаетъ:—«что вижу я? Латинскіе стихи... Мнѣ знакомъ латинской музы голосъ, и я люблю парнасскіе цвѣты... *Musa gloriae coronat gloriaeque musam*».—«Видъ его приятенъ и царская порода въ немъ видна», отзывается о С. «дама» на балу у Мнишковъ».—С. «умень» (по соображенію Гаврилы Пушкина).—Онъ, «бродяга безыменный, могъ ослѣпить чудесно два народа».—«Знай»,—говорить С. Маринѣ, «что ни король, ни папа, ни вельможи не думаютъ о правдѣ словъ моихъ. Димитрій я, иль нѣтъ—имъ, что за дѣло? Но я предлогъ раздоровъ и войны. Имъ это лишь и нужно»—С. «привѣтливъ, ловокъ». «По нраву всѣмъ». «Московскихъ бѣглецовъ обворожилъ».—«Радъ вамъ, дѣти»,—обращается онъ къ бѣглецамъ.—«Ко мнѣ, друзья. Но, кто, скажи мнѣ... красавецъ сей?»—Князь Курбскій.—«Имя громко! Ты—родственникъ казанскому герою?» «Онъ живъ еще? «Великій умъ». Несчастный вождь!..» «Приблизься, Курбскій... Руку! Не странно-ли? сынъ Курбскаго ведетъ на тронъ, кого? Да—сына Іоанна!..»—«Мужайтесь, безвинные страдальцы»,—говорить онъ опальнымъ.—«Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы, а тамъ уже Борисъ со мной и съ вами расплатится».—«Я зналъ донцовъ»,—говорить онъ донскому казаку... не сомнѣвался видѣть въ своихъ рядахъ казацкіи бунчуки...—Мы вѣдаемъ, что нынѣ казаки неправедно притѣснены, «гонимы» и т. д.—«Ты, кто такой?»—«Сабаньскій, шляхтичъ вольный».—Хвала и честь, свободы чадо! Впередъ ему треть жалованья выдать». «Латинскіе попы съ нимъ заодно»,—сообщаетъ Гаврила Пушкинъ.—«Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ весь мой народъ и вся восточна церковь признаютъ власть намѣстника Петра»,—говорить С. іезуиту Черниковскому.—«Нѣтъ, легче мнѣ... хитрить съ придворнымъ іезуитомъ»,—размышляетъ онъ потомъ, послѣ бесѣды съ Мариной.—«Король ласкаетъ» самозванца.—«Я, кажется, рожденъ не боязливый»,—говорить о себѣ С. «Предъ смертію душа не содрогалась; мнѣ вѣчная неволя угрожала, за мной гналась—я духомъ не смутился».—*Ce diable de Samosvanets... est un bougre qui a du poil au col*,—отзывается о немъ въ битвѣ Маржеретъ. Въ «русскомъ станѣ» считаютъ С., хотъ и всромъ, а молодцомъ».—«Поздравляю васъ: на завтра бой»,—говорить онъ. «Ихъ тысячъ пятьдесятъ, а насъ всего едва-ль пятнадцать тысячъ:

съ ума сошелъ»,—говоритъ ляхъ. «Измѣнники, злодѣи, запорожцы, Проклятые! Вы, вы сгубили насъ! Не выдержать и трехъ минутъ отпора!»,—негодуетъ онъ послѣ пораженія.—«Я ихъ, ужю! десятого повѣшу! Разбойники!»—«Кто тамъ ни виновать, но все-таки мы начисто разбиты, истреблены»,—говоритъ Гаврило Пушкинъ...—А гдѣ-то намъ сегодня ночевать?»—«Да, здѣсь, въ лѣсу»,—отвѣчаетъ С. «Чѣмъ это не ночлегъ? Чѣмъ свѣтъ,—мы въ путь; къ обѣду будемъ въ Рыльскѣ. Спокойна ночь. (Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засыпаетъ)».—«Прятный сонъ, царевичъ!»—По словамъ Гавр. Пушкина «разбитый въ прахъ, спасаяся побѣгомъ, безпечень онъ, какъ глупое дитя: хранить его, конечно, Провидѣнье».—«Мой бѣдный конь!»—жалѣетъ С. павшаго во время «бѣгства» коня.—«Ну, вотъ, о чемъ жалѣетъ,—думаетъ про себя Г. П.—«объ лошади, когда все наше войско побито въ прахъ!»—«Мой бѣдный конь!»—не можетъ успокоиться С.—«Пусть на волѣ издохнетъ онъ. (Разсѣдываетъ коня)».—«Я было снялъ передовую рать»,—разсказываетъ онъ,—«да нѣмцы насъ порядковъ отразили. А молодцы! Ей-Богу, молодцы!» Узнавъ, что Басмановъ отозванъ Борисомъ изъ войска,—говоритъ: «онъ въ войскѣ былъ нужнѣе».—«Какъ врагъ великодушный, Борису я желаю смерти скорой: не то—бѣда злодѣю!»—заявляетъ онъ.—«Стократъ священный союзъ меча и лиры»,—говоритъ онъ поэту: «единный лавръ ихъ дружно обвиваетъ».

Влюбленный въ Марину С. «вотъ мѣсяць, какъ оставя Краковъ, забывъ войну, московскій тронъ», «пируетъ» у Мнишка «и бѣситъ русскихъ и поляковъ». «Панна Мнишекъ... держитъ его въ плѣну». «Приверженность его клеветовъ стынеть, часъ-отъ-часу опасность и труды становятся опаснѣй и труднѣе». Идя на свиданіе съ Мариной С. «обдумывалъ все, что ей скажетъ, какъ обольстить ея надменный умъ, какъ назоветъ московскою царицей»;—но часъ насталь—и ничего не помнитъ, не находитъ затверженныхъ рѣчей, любовь мутитъ его воображенье».—Когда «надменная Марина» желаетъ свести свиданье къ дѣловой бесѣдѣ (Я здѣсь тебѣ назначила свиданье не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи любовника), то С. перебиваетъ ее: «О, выслушай моленія любви!»—«Теперь гляжу я равнодушно на тронъ, на царственную власть. Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь, и славы блескъ, и русская держава? Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной, ты замѣнишь мнѣ царскую корону».—«Забудь, что видишь предъ собой царевича.—Марина! зри во мнѣ любовника, избраннаго тобою, счастливаго своимъ единымъ взоромъ».—«Не говори, что санъ, а не меня избрала ты.—Марина! ты не знаешь, какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь?.. Скажи: когда бъ не царское рожденье назначила слѣпая мнѣ судьба.. тогда бы...»... «о, страшное сомнѣнье!» «Тогда бъ любила ль ты меня?»—Марина отвѣчаетъ на это рѣшительно:—«Знай, отдаю торжественно я руку наслѣднику московскаго престола, царевичу, спасенному судьбой». «Димитрій ты и быть инымъ не можешь; другого мнѣ любить нельзя».—Тогда С. въ «порывѣ досады», «не желая дѣлиться съ мертвецомъ любовницей, ему принадлежащей», рѣзко высказываетъ «всю истину»:—«я бѣдный черноризецъ... явился къ вамъ, Димитріемъ назвался, и поляковъ безмозглыхъ обманулъ. Что скажешь ты, надменная Марина? Довольна ль ты признаніемъ моимъ?» Однако, тотчасъ же С. раскаивается въ этомъ признаніи:—«куда завлекъ меня порывъ досады!» «Что сдѣлалъ я, безумецъ?» «Съ такимъ трудомъ устроенное счастье я, можетъ быть, навѣки погубилъ». «Любовь, любовь ревнивая, слѣпая, одна любовь принудила меня все высказать». Марина «меня чуть-чуть не погубила»,—говоритъ онъ послѣ свиданья. Онъ принимаетъ требованіе Марины: «слышитъ Богъ, пока твоя нога не оперлась на тронныя ступени... любви рѣчей не буду слушать я». Обѣщая иезуиту привести и «народъ, и всю восточну церковь подѣ

власть папы, С. «хитрить».—Переступая съ войскомъ черезъ русскую границу, «ѣдетъ тихо съ поникшей головою»:—«я васъ веду на братьевъ; и Литву позвалъ на Русь; я въ красную Москву кажу врагамъ завѣтную дорогу!—Кровь русская, о, Курбскій, потечетъ!»—Побѣдивъ Борисовыхъ воеводъ, останавливаетъ рѣзню:—«Ударить отбой! Мы побѣдили. Довольно Щадите русскую кровь! отбой!»—С. сознаетъ, что «въ немъ доблести таятся, можетъ быть, достойныя московскаго престола». Онъ говоритъ о «судьбѣ своей, обширныхъ заботахъ». По его словамъ, «въ келіи», «подъ клобукомъ», онъ «готовилъ міру чудо».—«Все за меня—и люди, и судьба!»—восклицаетъ онъ. «Тѣнь Грознаго меня усыновила, Димитріемъ изъ гроба нарекла, вокругъ меня народы возмutilа и въ жертву мнѣ Бориса обрела. Царевичъ—я».

Самойловичъ («Полтава»).—Уп. л. См. Дорошенко.

Сафіанось («Кирджали»).—Арнаутъ изъ отряда Кантакузина; «растрѣлявъ подъ Скулянами всю свою картечь, пришелъ» въ карантинъ, «отбирая у раненыхъ для послѣднихъ зарядовъ пуговицы, гвозди, цѣпочки и набалдашники съ ятагановъ»; у Кирджали С. взялъ послѣдніе «двадцать бешлыковъ». «Послѣднимъ покинулъ турецкій берегъ» и былъ убитъ во время переправы.

[По словамъ Липранди, фамилія С. была Софіано; С. приходился братомъ офицеру, состоявшему на русской службѣ. «Русск. Арх.» 1886 г.]

Сашенька («Отрывокъ изъ романа въ письмахъ»).—Подруга Лизы, сообщавшая ей въ деревню петербургскія новости; не надѣялась со своимъ «нетерпѣніемъ» прочесть Ричардсона, т. к. «и въ Вальтеръ-Скоттѣ» находила «лишнія страницы», «милая сваха» Лизы.

Саша («Дубровскій»).—Сынъ мамзель Мими и Троекурова: «Черноглазый мальчикъ, шалунъ лѣтъ девяти, напоминавшій полуденныя черты мамзель Мими;» воспитывался при отцѣ «и признанъ былъ его сыномъ, несмотря на то, что множество босыхъ ребятишекъ, какъ двѣ капли воды похожихъ на Кирилу Петровича, бѣгали предъ его окнами и считались дворовыми». Кирила Петровичъ выписалъ изъ Москвы для своего маленькаго Саши французскаго учителя. «Повѣса», по словамъ отца. Былъ очень привязанъ къ сестрѣ. Папенька сердитъ и запретилъ всему дому васъ слушаться; повелите мнѣ сдѣлать, что вамъ угодно, и я для васъ все сдѣлаю»,—говоритъ С. сестрѣ. Получивъ отъ Марьи Гавриловны кольцо, «во весь духъ пустился бѣжать и въ три минуты очутился у завѣтнаго дерева», изъ-за кольца вступилъ въ борьбу съ Митей и «закричалъ во все горло:—«Воры, воры! сюда, сюда!» Послѣ того, какъ Степанъ освободилъ его изъ рукъ Мити, С. успѣлъ вскочить и оправиться.—«Ты меня схватилъ подъ мышки,—сказалъ онъ Митѣ: а то бы никогда меня не повалилъ. Отдай сейчасъ кольцо и убирайся! При допросѣ отца «смутился, спутался», но повторилъ:— Папенька, прикажите ему отдать кольцо».

Сваха («Русалка»).—«Да, слава Богу, все хорошо: одно нехорошо...» «не къ добру пропѣли эту пѣсню, не свадебную, а Богъ вѣсть какую». Увидя дѣвушку «подъ покрываломъ», причитаетъ: «Охъ, сердце замираетъ. Нѣтъ, это не къ добру». «Охъ, сердце не на мѣстѣ. Не въ пору сладили мы эту свадьбу».

Секретарь («Капит. дочка»).—Сидѣлъ у окошка, за особымъ столомъ, «съ перомъ за ухомъ, наклонясь надъ бумагою, готовый записывать показанія» Гринева.

Свать («Русалка»).—«Веселую мы свадебку сыграли. «Ну, говоритъ С.,—здравствуй, князь съ княгиней молодой! Дай Богъ вамъ жить въ любви да совѣтѣ, а намъ у васъ почаще шировать!»—привѣтствуетъ С. новобрачныхъ.—«Что-жь, красныя дѣвицы, вы примолкли? Что-жь, бѣлыя лебедушки, притихли? Али всѣ пѣсенки вы переиѣли? Аль горлышки отъ

пѣнья пересохла?»—«Насмѣшницы, ужь выбрали вы пѣсню! На, на, возьмите, не корите свата».

Секундантъ («Выстрѣль»)—Единственный С., сопровождавшій гр. Б.

Семень Петровичъ («Евг. Онѣгинъ»)—«С. П. также скупъ» (VII, 45).

Сержантъ («Капит. дочка».—«Услышавъ, что Гриневъ пріѣхалъ (въ Оренбургъ) изъ Бѣлогорской крѣпости, «повель» его «прямо въ домъ генерала».

Сильвіо («Выстрѣль»)—«Ему было около тридцати пяти лѣтъ», хотя его «почитали старикомъ». «Онъ казался русскимъ, а носилъ иностранное имя». «Мрачная блѣдность, сверкающіе глаза» «придавали ему» иногда «видъ настоящаго дьявола». Принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, «коихъ» «наружность удаляетъ» всякое «подозрѣніе» «на робость». «Нѣкогда» «служилъ въ гусарахъ, и даже счастливо», но вышелъ «въ «отставку». «Былъ первымъ буяномъ по арміи», «перепилъ славнаго Бурцева». «Товарищи» его обожали, а полковые командиры «смотрѣли на него, какъ на необходимое зло...» «Его обыкновенная угрюмость, крутой нравъ, злой языкъ имѣли сильное вліяніе на молодые» «умы».—«Я мало уважаю постороннеемнѣіе»,—говорилъ С. «На всѣхъ дуэляхъ» «были свидетелемъ «или дѣйствующимъ лицомъ», но когда разговоръ «касался» «поединковъ», то С. никогда въ него не вмѣшивался. На вопросъ, случилось ли ему драться, отвѣчалъ онъ сухо, что случилось, но въ подробности не входилъ, и видно было, что таковыя вопросы были ему неприяты». Главное упражненіе его состояло въ стрѣльбѣ изъ пистолета. Стѣны его комнаты были всѣ источены пулями, всѣ въ скважинахъ, какъ соты пчелиныя». Искусство, до коего достигъ онъ, было неимовѣрно, и если бы онъ вызвался пулей сбить грушу съ фуражки кого бы то ни было, никто бъ «не усомнился подставить ему своей головы». «Богатое собраніе пистолетовъ было единственною роскошью бѣдной мазанки, гдѣ онъ жилъ». Поселился, «въ бѣдномъ мѣстечкѣ», гдѣ «никто не зналъ ни его состоянія, ни его доходовъ, и никто не осмѣливался о томъ его спрашивать». Жилъ онъ вмѣстѣ бѣдно и расточительно: ходилъ вѣчно пѣшкомъ, «въ изношенномъ черномъ сюртукѣ», «а держалъ открытый столъ для всѣхъ офицеровъ» мѣстнаго «полка. Правда, обѣдъ его стоялъ изъ двухъ или трехъ блюдовъ, изготовленныхъ отставнымъ солдатомъ, но шампанское лилось притомъ рѣкою». «У него водились книги, большею частью военныя, да романы. Онъ охотно давалъ ихъ читать, никогда не требуя ихъ назадъ; зато никогда не возвращалъ хозяину книги, имъ занятой», въ карты «никогда почти не игралъ» и «имѣлъ обыкновеніе за игрою хранить совершенное молчаніе, никогда не спорилъ и не объяснялся. Если партнеру случалось обсчитаться, то онъ тотчасъ или доплачивалъ остальное, или записывалъ лишнее». Привыкъ первенствовать смолоду; когда, по пріѣздѣ графа Б., «первенство» «поколебалось», С. «сталъ искать съ нимъ ссоры».—«Онъ шутилъ: а я злобствовалъ»,—признается С. Во время бала у польскаго помѣщика сказалъ графу «какую-то плоскую глупость», за что «получилъ пощечину, но съ тѣхъ поръ не прошло ни одного дня», чтобы С. «не думалъ о мщеніи». На оскорбленіе Р** «удовольствовался» очень легкимъ объясненіемъ и помирился», такъ какъ, считалъ, что не имѣетъ «права подвергать себя смерти», пока не отмщена обида гр. Б. — «Нынѣ часть мой насталь»,—говоритъ С., получивъ извѣстіе о скоромъ вступленіи гр. Б. «въ законный бракъ съ молодой и прекрасной дѣвушкой».—Выстрѣлъ за мной. Я пріѣхалъ разрядить мой пистолетъ; готовъ ли ты?—спрашиваетъ С. графа и предлагаетъ «бросить жребій», такъ какъ не привыкъ цѣлить въ безоружнаго». На первой дуэли, «волненіе злобы было такъ сильно, что С. не понадѣялся

на вѣрность руки и, чтобы дать себѣ время «остыть», уступилъ графу первый выстрѣлъ». Когда графъ вторично стоялъ подь пистолетомъ С., послѣдній «глядѣлъ на него жадно, стараясь уловить, хотя бы одну тѣнь безпокойства». «Я доволенъ: я видѣлъ твое смятеніе, твою робость; я заставилъ тебя выстрѣлить по мнѣ. Съ меня довольно! Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совѣсти». Онъ «остановился въ дверяхъ, оглянулся на прострѣленную» «картину, выстрѣлилъ въ нее, почти не цѣлясь, и скрылся». [«Сказываютъ, что С. во время возмущенія Александра Ипсиланти предводительствовалъ отрядомъ этеристовъ и былъ убитъ въ сраженіи подь Скулянами»].

Сидорычъ («Дубровскій»).—Смотритель почтовой станціи. Послѣ отъѣзда «молодого человѣка въ военной шинели и въ бѣлой фуражкѣ», узналъ въ немъ Дубровскаго.

Синекуръ («Рославлевъ»).—Одинъ изъ четырехъ плѣнныхъ французовъ, проживавшій въ домѣ отца Полины. «Человѣкъ чрезвычайно примѣчательный». «Ему было тогда двадцать пять лѣтъ. Онъ принадлежалъ къ хорошему дому. Лицо его было приятно, тонъ очень хорошій». «Онъ говорилъ мало; но рѣчи его были основательны», «сужденія» основаны на знаніи дѣла и безпристрастіи»; когда Полина спросила его, убѣжденъ-ли онъ въ непобѣдимости Наполеона (которому С. «былъ фанатически» преданъ), «нѣсколько помолчавъ, отвѣчалъ, что «въ его положеніи откровенность была бы затруднительна». Онъ «первый могъ ясно» «истолковать» Полинѣ «военныя дѣйствія и движенія войскъ». На настоятельное требованіе Полины, признался, что стремленіе французскихъ войскъ въ сердце Россіи могло сдѣлаться для нихъ опаснымъ, что походъ 1812 года, кажется, конченъ, но не представляетъ ничего рѣшительнаго.—«Тѣмъ хуже для насъ,—отвѣчалъ С., на возраженіе Полины («Конченъ!» «А Наполеонъ все еще идетъ впередъ, а мы все отступаемъ»).—«Боже мой! онъ погибъ!»—сказалъ С., узнавъ о пожарѣ Москвы. «Какъ? развѣ вы не видите, что пожаръ Москвы есть гибель всему французскому войску, что Наполеону нигдѣ нечѣмъ будетъ держаться, что онъ принужденъ будетъ скорѣе отступить сквозь разоренную, опустѣвшую дорогу, съ войскомъ разстроеннымъ и недовольнымъ. И вы могли думать, что французы сами изрыли себѣ адъ-русскіе, русскіе зажгли Москву!—Теперь все рѣшено: ваше отечество вышло изъ опасности; но что будетъ съ нашимъ императоромъ!». Ласки принималъ онъ съ благородною скромностію». «Необыкновенныя качества» Полины и «ея красота» сдѣлали на него сильное впечатлѣніе, но когда подруга Полины, «смѣясь, дала ему замѣтить, что положеніе его самое романическое», С. отвѣтилъ:—«Нѣтъ», «княжна видитъ во мнѣ врага Россіи и никогда не сомасится оставить свое отечество».

Скотинины («Евг. Онѣгинъ»).—«Помѣщики». «Чета сѣдая съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая отъ тридцати до двухъ годовъ (V, 26).

Скрипачъ («Моц. и Сал.»).—«Слѣпой старикъ, котораго привелъ Моцартъ, чтобы «угостить» Сальери его искусствомъ»—«Смѣшнѣе отроду ты ничего не слыхивалъ!»—говоритъ Моцартъ. «Играетъ арію изъ Донъ-Жуана, Моцартъ хохочетъ». Когда Сальери выгоняетъ старика, Моцартъ удерживаетъ его:—«Постой же: вотъ тебѣ; пей за мое здоровье».

Смирновъ («Бор. Год.»).—«Дьякъ». По мнѣнію патріарха, достаточно объявить о побѣгѣ Отрепьева «дьяку Смирнову».

Собанскій («Бор. Год.»).—«Ты кто такой?»—спрашиваетъ Самозванецъ.—Собанскій, шляхтичъ вольный.—«Хвала и честь тебѣ, свободы чадо! Впередъ ему третъ жалованья выдать».

Соколовъ, Аванасій (Капит. дочка).—См. Хлопуша.

Соломонъ («Скупой рыцарь»). «Ростовщикъ». — «А, пріятель! проклятый жидъ, почтенный Соломонъ», встрѣчаетъ его Альбертъ.

«Бездѣльникъ Соломонъ». По словамъ Ивана отказывается «взаимы давать» Альберу «денегъ безъ заклада», «кряхтитъ, да жметъся», «жметъся, да кряхтитъ». Говоритъ Альберу: «Ваше слово, пока вы живы, много, много значить. Всѣ сундуки фламандскихъ богачей, какъ талисманъ оно вамъ отопретъ. Но если вы его передадите мнѣ, бѣдному еврею, а межъ тѣмъ умрете (Боже сохрани), тогда въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ ключу съ брошенной шкатулки въ море». — «Ахъ, милостивый рыцарь, клянусь вамъ, радъ бы... право, не могу. Гдѣ денегъ взять? Весь разорился я, все рыцарямъ усердно помогая. Никто не платитъ». На требованіе Альбера высыпать сотню червонцевъ, восклицаетъ: — «Сотню! Когда-бъ имѣлъ я сто червонцевъ!» — «Я... я шутилъ. Я, деньги вамъ принесъ», говоритъ онъ на угрозы Альбера («...я тебя сейчасъ же на воротахъ повѣшу»). «Деньги, по словамъ С., всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны; но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ, и не жалѣя шлетъ туда-сюда. Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ и бережетъ ихъ, какъ зѣницу ока». О баронѣ отзывается: — «баронъ здоровъ. Богъ дастъ, лѣтъ десять, двадцать, и двадцать пять, и тридцать проживетъ», но на возраженіе Альбера уже говоритъ: — «да, на бароновыхъ похоронахъ прольется больше денегъ, нежели слезъ». — «Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство», желаетъ С. Альберу. «Дни наши сочтены не нами», и намекаетъ, что есть у него «знакомый старичекъ еврей, аптекаръ бѣдный». «Онъ составляетъ капли... право, чудно, какъ дѣйствуютъ онѣ»... «Въ стаканъ воды подлить... Трехъ капель будетъ, ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно; а человекъ безъ рѣзи въ животѣ, безъ тошноты, безъ боли умираетъ». — «Я хотѣлъ... быть можетъ, вы... я думалъ, что ужъ барону время умереть»... Замѣта гнѣвъ Альберта, говоритъ: — «Виновать, простите, я шутилъ».

Сорохтинъ («Египетск. ночи» набр. II). — Дремалъ «въ Гамбсовыхъ креслахъ», на вечерѣ у графа Д.

Спицынъ, Антонъ Пафнутаевичъ («Дубровскій»). — Сосѣдъ Троекурова. «Толстый мужчина, лѣтъ 50-ти, съ круглымъ и рябымъ лицомъ, украшеннымъ тройнымъ подбородкомъ». «—Эхъ, бѣда! ты, мусье, по-русски еще не выучился. Же ве, муа, ше ву куше, понимаешь ли? говоритъ онъ Дефоржу и остался «очень довольный своими свѣдѣніями во французскомъ языкѣ». Жилъ, по словамъ Троекурова, «свинья свиньей», «никого» не принималъ, своихъ мужиковъ «обдиралъ» и «знай только» копилъ деньги. На такую характеристику хозяина «пробормоталъ улыбаясь»: — «Вы все изволите шутить, батюшка Кирилла Петровичъ», «а мы, ей-Богу, разорились,—и Антонъ Пафнутаичъ сталъ заѣдать барскую шутку хозяина жирнымъ кускомъ кулебяки.», такъ какъ любилъ «покушать». Хотя и былъ «богомолень», но «въ удовольствіе» Троекурова показалъ на судѣ, что Дубровскіе владѣли Кистеневкой безъ всякаго на то права». Призвалъ «Господа въ свидѣтели», что его красная шкатулка пуста, «и не лгаль и не согрѣшилъ»: «нѣкогда въ ней хранившіяся ассигнаціи перешли въ кожаную сумку, которую носилъ онъ на груди подъ рубашкой». Питалъ «ко всему недовѣрчивость и вѣчную боязнь». Разсказъ о встрѣчѣ съ медвѣдемъ Дефоржа «не могъ вспомнить безъ содраганія». За обѣдомъ у Троекурова разговоры «разбойничьи» взволновали его воображеніе». Онъ одинъ сидѣлъ пасмуренъ и молчаливъ на своемъ мѣстѣ, ѣлъ разсѣянно, и казался чрезвычайно безпокоенъ, такъ какъ «былъ не изъ храбраго десятка», и боялся Дубровскаго; въ гости къ Троекурову «ѣхалъ ближнимъ путемъ черезъ Кистеневскій лѣсъ» «не осмѣлился, а пустился въ объѣздъ». — «Покойникъ (царство ему небесное), т. е. разоренный Спицынымъ, Дубровскій, общалъ съ нимъ «по-свойски раздѣлаться, а сынокъ, говоритъ С., пожалуй, сдержитъ слово батюшкино». Увидя предъ собой Дефоржа съ пистолетомъ въ рукѣ, «произ-

несъ» трепещущимъ голосомъ:—«Кесъ ке се, мусье, кесъ ке се?». Узнавъ, что предъ нимъ Дубровский, С. «обмеръ».

Стааль М-me de Staël («Рославлевъ»).—По словамъ автора записокъ (см. Дама) благородная, добрая m-me de Staël, «столь же добродушная, сколько и гениальная. Полина была безъ памяти отъ славной женщины», которую считала «необыкновенной». «Московскіе умники, созванные на обѣдъ въ честь ея, были большею частью недовольны ею: они видѣли въ ней пятидесятилѣтнюю толстую бабу, одѣтую не по лѣтамъ». Въ другомъ, «очень порядочномъ обществѣ», говорили, что она ни. что иное, какъ шпионъ Наполеоновъ»; дядюшка Полины насмѣхался надъ ея робостію при приближеніи французской арміи». За обѣдомъ она сидѣла на первомъ мѣстѣ, сблукотаясь на столъ, свертывая и развертывая прекрасными пальцами трубочку изъ бумаги. Она казалась не въ духѣ; нѣсколько разъ принималась говорить и не могла разговориться; «наконецъ, вырвалось у нея двусмысліе и даже довольно смѣлое». Когда дядюшка Полины, «изъ угожденія къ иностранкѣ, вздумалъ было смѣяться надъ русскими бородами», ствѣтила:—«Народъ, который тому сто лѣтъ, отстоялъ свою бороду, отстоять въ наше время и свою голову». За обѣдомъ у князя среди «тупыхъ лицъ и тупой важности» «замѣтила смущеніе Полины», и «черные глаза» С. «остановились» на дѣвушкѣ, которой она черезъ нѣсколько дней написала дружескую записку, называя Полину «ma chère enfant».

Станиславъ («Полтава»).—Уп. л. Король польскій.

Султанъ («Полтава»).—Уп. л.

Станціонный смотритель («Станц. смотр.»).—См. Выринъ, Симеонъ.

Старикъ («Цыганы»). См. «Цыганъ».

Староста («Капит. дочка»).—Деревенскій С. Гринева, «рыжая бестія».

Староста («Капит. дочка»).—С. деревни **. Объявилъ Гриневу, что на той сторонѣ Волги «всѣ деревни взбунтовались; шайки пугачевскія бродятъ вездѣ».

Старшина («Капит. дочка»).—«Подаль» Пугачеву «мѣшокъ съ мѣдными деньгами» для раздачи народу».

Старшина («Капит. дочка»).—«Казакъ», «лѣтъ пятидесяти», собутыльникъ Пугачева. Послѣдній называлъ С. «то графомъ, то Тимошеичемъ, а «иногда» величалъ «его дядюшкою».

Старуха («Бор. Год.»).—Вступается за юродиваго, отгоня мальчишекъ.—«Отвяжитесь отъ него, бѣсенята. Помолись, блаженный, за меня, грѣшную».—«Вотъ тебѣ копѣечка; помяни же меня».

Старуха («Капит. дочка»).—«Стоя на крыльцѣ съ корытомъ, кликала свиней, которыя отвѣчали ей дружелюбнымъ хрюканьемъ».

Старуха («Русл. и Людм.»).—См. «Наина».

Степанъ («Дубровскій»).—Садовникъ Троекурова; во время борьбы Мити съ Сашей, вступился за послѣдняго, говоря:—«Ахъ, ты, рыжая бестія, да какъ ты смѣешь бить маленькаго барина?» Онъ же повелѣлъ пѣвника на барскій дворъ. Ему же отдается приказъ сѣзать для Саши «хорошенькую, свѣжую розгу».

Степка («Дубровскій»).—Караульщикъ укрѣпленія Дубровскаго. Сидѣлъ «на валу, подлѣ маленькой пушки», «поджавъ подъ себя ноги. Онъ вставлялъ заплатку въ нѣкоторую часть своей одежды, владѣя иглою съ искусствомъ, обличающимъ опытнаго портного, и поминутно поглядывалъ на всѣ стороны»; «кончивъ свою работу, отряхнулъ свою рухлядь, полюбовался заплатою, прикололъ къ рукаву иголку, сѣлъ на пушку верхомъ и запѣлъ во все горло меланхолическую старинную пѣсню: «Не шуми ты, мать зелена дубровушка». Остановленный Егоровной («баринъ

почиваетъ, а ты, знай, горлаишь»), извинился и сталъ расхаживать по валу». Когда же «въ укрѣпленіи сдѣлалась тревога», Степка просунулъ «голову въ окшко. — Батюшка, Владиміръ Андреевичъ!—закричалъ онъ: наши знакъ подають—насъ ищуть».

Стольники два («Бор. Год.»).—«Гдѣ Государь?»—Въ своей опочивальнѣ онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.—«Такъ; вотъ его любимая бесѣда... все ворожить, какъ красная невѣста. Желалъ бы знать, о чемъ гадаеть онъ?»—Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

Сторожъ («Капит. дочка»).—«Тюремный С.; «разбудилъ» Гринева «съ объявленіемъ», что его требуютъ въ комиссію».

Стража («Бор. Год.»).—«У крыльца» «дома Борисова» гонить нищаго:—«Поди прочь; не велѣно говорить съ заключенными».

Суринъ («Пик. дама»).—Одинъ изъ гостей Нарумова; по словамъ послѣдняго, «твердость» С. въ игрѣ «удивительна». По собственному признанію, «несчастливъ»: «играю мирандоломъ, никогда не горячусь, ничѣмъ меня съ толку не собьешь, а все проигрываюсь!».

Т.

Т*, Кирилла Петровичъ** («Арапъ Петра В.»).—См. Кирилла Петровичъ Т***.

Т*, Марья Ильинишна** («Арапъ Петра В.»).—Жена Кирилла Петровича. Слушая «похвалы старинѣ» и порицаніе «новѣйшихъ обычаевъ» (во время обѣда у Ржевскаго), «сидѣла, какъ на иголкахъ; языкъ у нея такъ и свербѣлъ, наконецъ, она не вытерпѣла» («скромность почиталась тогда необходимой принадлежностью молодой женщины»), и, обратясь къ мужу, спросила его съ кисленькой улыбкой, что находить онъ дурного въ ассамблеяхъ?».

Тазитъ («Галубъ»).—«Отрокъ стройный». «Я бѣденъ—но могучъ и молодъ, мнѣ трудъ легокъ. Я удалю отъ нашей сакли тощій голодь», говорить Т. отцу своей невѣсты. «Ты голову преклонишь къ его могучему плечу, свою потерю имъ замѣнишь, говорить Галубу о Т. старикъ, которому Галубъ поручилъ сдѣлать воспитаньемъ» изъ сына «храбраго чеченца». «Одинъ и сирѣ живу дарно я», признается Т. «Среди родимаго аула онъ какъ чужой; онъ цѣлый день въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ. Такъ въ саклѣ пойманный олень все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ. Онъ любитъ по крутымъ скаламъ скользить, ползти тропой кремнистой, внимая бурѣ голосистой и въ безднѣ воющимъ волнамъ. Онъ иногда до поздней ночи сидитъ печалень подъ горой, недвижно въ даль уставя очи, опершись на руку glavой». Въ ущельѣ скалъ, гдѣ прорванъ каменистый берегъ и путь открытъ на Даріаль», онъ «слушалъ Терекъ». «Онъ дикость прежнюю хранить», «въ мечтаньяхъ своеволенъ». Съ юношами онъ «забавъ наѣздничьихъ не дѣлитъ, верхомъ не мчится вдоль стремнинъ, изъ лука звонкаго не цѣлитъ». По словамъ отца Т. не научился «какъ пашкой добываютъ злато» (онъ пропускаетъ одинокаго торговца армянина и бѣжавшаго раба отца и даже убійцу брата, т. к. убійца былъ одинъ, израненъ, безоруженъ), «онъ только знаетъ безъ трудовъ внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды... Любви «не властный превозмочь», онъ пилъ огонь отравы сладкой». «—Благослови любовь мою». «Тебѣ я буду сынъ и другъ послушный, преданный и нѣжный, твоимъ сынамъ кунакъ надежный, а ей—приверженный супругъ»...—говоритъ Т. отцу невѣсты.—«Ты не чеченецъ, ты старуха, ты трусь, ты рабъ, ты армянинъ!» проклинаетъ Галубъ Т., забывшаго «долгъ крови».

Танцмейстеръ («Арапъ Петра В.»).—Плѣнный шведскій офицеръ, жившій въ домѣ Ржевскаго въ тѣсной каморкѣ «съ однимъ окошеч-

комъ». «Имѣлъ лѣтъ 50 отъ роду; правая нога была у него прострѣлена подъ Нарвою, и потому была не весьма способна къ менуэтамъ и курантамъ, зато лѣвая съ удивительнымъ искусствомъ и легкостью выдѣлывала самыя трудныя па». Его ученица—Наталья Гавриловна—«славилась на ассамблеяхъ лучшею танцовщицей». На стѣнѣ «каморки» Т. висѣлъ старый синій мундиръ и его ровесница треугольная шляпа; надъ нею тремя гвоздиками прибита была «лубочная картина, изображающая Карла XII верхомъ». «Плѣнный Т.» «въ колпакѣ и китайскомъ шлафрокѣ» услаждалъ скуку зимняго вечера, наигрывая на флейтѣ старинныя шведскіе марши».

Тарасовъ, Леха («Исторія села Горюхина»).—Послѣ выкупа Антона Тимоеева и Петрушки Еремѣева, приказчикъ, по словамъ горюхинскаго лѣтописца, «хотѣлъ сковать Леху Тарасова, но тотъ бѣжалъ въ лѣсъ».

Тарасъ Григорычъ («Дубровскій»).—Исправникъ, высокій и толстый мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ краснымъ носомъ и въ усахъ, «съ охриплымъ голосомъ». «Веселый» человекъ и «замысловатый чиновникъ». По отзыву Троекурова, «не промахъ, не розиня»: онъ бы деньги съ Дубровскаго взять-то бы взялъ, да и самого не выпустилъ. Таковъ былъ «обычай» у Т. Г. Объявляя крестьянамъ Кистеневки «рѣшеніе ^{***} уѣзднаго суда, отпускалъ острые шутки и хохоталъ. Увидя молодого Дубровскаго «крякнулъ». На вопросъ Дубровскаго (что это значитъ?) отвѣтилъ: «мы пріѣхали вводить во владѣніе Кириллу Петровича Троекурова и просить иныхъ прочихъ убираться по-добру, по-здорову».—Кто тамъ смѣлъ ротъ разинуть! сказалъ грозно исправникъ», обращаясь къ крестьянамъ.—Баринъ, вашъ Кирилла Петровичъ Троекуровъ... слышите ли, олухи?—Да, это бунтъ! закричалъ исправникъ: гей, староста, сюда!»—«Отыщи сей же часъ, кто смѣлъ со мною разговаривать; я его! Когда же толпа двинулась на него, бросился «въ сѣни» и заперъ «за собою дверь». Сгорѣлъ въ домѣ Дубровскаго.

Татаринъ («Капит. дочка»).—«Широкоплечій» кучеръ тройки, на которой Пугачевъ съ Гриневымъ ѣхалъ въ Бѣлогорскую крѣпость. «На дорогѣ Т. «затянулъ унылую пѣсню».

Татьяна Ларина («Евг. Онѣгинъ»).—«Старшая дочь» Лариныхъ, еще «дѣвочка» на взглядъ Онѣгина; ужъ «не дитя», по мнѣнію матери, «никто-бъ ее назвать прекрасной не могъ»; она «не привлекаетъ очей красотою и свѣжестью румяной». При появленіи ея въ московскомъ театрѣ «не обратились на нее ни дамъ ревнивыя лорнеты, ни трубки модныхъ знатоковъ». На балу въ Москвѣ она сидитъ, «не замѣчаема никѣмъ».—У нея «прелестныя плечи», «прелестныя пальчики». «Московскія кузины» находятъ, что она «очень недурна», хотя и «блѣдна и худа». «Блѣдный цвѣтъ ея» и «видъ унылый» подмѣчаетъ и Онѣгинъ.

Въ Москвѣ одинъ какой-то шутъ печальный ее находитъ идеальной». Московскія «дѣвы» считаютъ Т. «что-то странной, провинціальной и жеманной». Сама она боится поѣздки въ Москву; боится «на судъ взыскательному свѣту представить ясныя черты провинціальной простоты и запоздалые наряды, и запоздалый складъ рѣчей! Московскихъ франтовъ и цирцей привлечь насмѣшливыя взгляды! О, страхъ! нѣтъ, лучше и вѣрнѣй въ глуши лѣсовъ остаться ей»... Татьяна «уѣздная барышня», «бѣдная», «простая», «несмѣлая», «смиренная», «вѣрила преданьямъ простонародной старины и снамъ, и карточнымъ гаданьямъ и предсказаньямъ луны». «Таинственно ей всѣ предметы провозглашали что-нибудь, предчувствія тѣснили грудь. Жеманный котъ, на печкѣ сидя, мурлыча, лапкой рыльце мыль: то несомнѣнный знакъ ей былъ, что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя молодой двурогій зикъ луны на небѣ съ лѣвой стороны, она дрожала и блѣднѣла; когда жъ падающая звѣзда по небу темному летѣла и рассыпалася, тогда въ смятенѣ

Таня торопилась, пока звезда еще катилась, желанье сердца ей шепнуть. Когда случалось гдѣ-нибудь ей встрѣтить чернаго монаха, или быстрый заяцъ межъ полей перебѣгалъ дорогу ей—не зная, что начать со страха, предчувствій горестныхъ полна, ждала несчастья ужъ она». Что жъ? тайну прелесть находила и въ самомъ ужасѣ она».—Послѣ крещенскаго сна ее долго «тревожить сновидѣнья. Не зная, какъ его понять, мечтанья страшнаго значенья Татьяна хочетъ отыскать». Она «дней нѣсколько потомъ все беспокоилась о томъ». «Ея любимецъ»—«Мартынъ Задека, глава халдейскихъ мудрецовъ, гадатель, толкователь сновъ». «Онъ отрады во всѣхъ печаляхъ ей дарить и безотлучно съ нею спать». Библиотека ея состоитъ изъ «полки книгъ», съ произведеніями Ричардсона, Руссо, г-жи Коттэнъ и т. п.—французскихъ романовъ [Т. «по-русски плохо знала, романовъ нашихъ не читала и выражалась съ трудомъ на языкѣ своемъ родномъ»]. Полка пополнялась «кочующими купцами», привозившими въ «забытое селенье» разрозненную «Мальвину», «Мартына Задеку» и т. п. Татьяна жила «въ глуши лѣсовъ», «въ глуши забытаго селенья» и ей дорогъ былъ этотъ «милый, тихій свѣтъ» съ его «жизнью полевой». Ей дороги «свои роща и луга», и «дикій садъ», и «свои цвѣты», «уединенный уголокъ, гдѣ льется свѣтлый ручеекъ»; «знакомыхъ горъ вершины, знакомые лѣса, мирныя долины».—«Она любила на балконѣ предупреждать зари восходъ». «Русская душою, сама не зная почему», она любила русскую зиму съ ея холодною красою». Когда было рѣшено ѣхать въ Москву, «вставая съ первыми лучами теперь она въ поля слѣшить», прощается, озирая ихъ умиленными очами». «Еи прогулки длятся долѣ. Теперь то холмикъ, то ручей останавливаютъ поневолѣ Татьяну прелестью своею; она, какъ съ давними друзьями, съ своими рощами, лугами еще бесѣдовать слѣшить»... «Простите, мирныя мѣста! Прости, пріютъ уединенный! Увижу-ль васъ?»—«Прости и ты, моя свобода»,—говоритъ она, уѣзжая—«и слезъ ручей у Тани льется изъ очей». Въ Москвѣ Танѣ «нехорошо на новосельѣ». Утромъ «садится она», по обыкновенію, «у окна». «Предъ нею незнакомый дворъ, конюшня, кухня и заборъ». На балу «ей душно»... «Мысль ея далече бродитъ: забыть и свѣтъ, и шумный балъ»... «Она мечтой, стремится къ жизни полевой, въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ»... Бесѣды въ гостиныхъ кажутся ей «безсвязнымъ, пошлымъ вздоромъ»; все въ людяхъ здѣсь «блѣдно и равнодушно». Когда Т. стала «княгиней N»—внѣшній видъ ея совершенно измѣнился. Въ ней «нельзя было найти и слѣдовъ Татьяны прежней». «Съ головы до ногъ никто бы въ ней найти не могъ того, что модой самовластной въ высококомъ лондонскомъ кругу зовется vulgar». «Она была не тороплива, не холодна, не говорлива, безъ взора наглаго для всѣхъ, безъ притязаній на успѣхъ, безъ этихъ маленькихъ ужимокъ, безъ притязательныхъ затѣй... Все тихо, просто было въ ней. Она, казалось, вѣрный снимокъ du comme il faut»... Изъ «бѣдной» «уѣздной барышни», «смирной, несмѣлой и простой», она стала «неприступною богиней роскошной царственной Невы», «величавой, небрежной законодательницей залъ». Когда она входитъ «на балъ»—«толпа колеблется и по залѣ бѣжитъ шопоть». «Къ ней дамы подвигаются ближе, старушки улыбаются ей; мужчины кланяются ниже, ловятъ взоръ ея очей; дѣвицы проходятъ «тише предъ ней по залѣ». Сама Т. цѣнитъ мнѣніе свѣта: когда «влюбленный» Онѣгинъ сталъ «слѣдовать за ней, какъ тѣнь» и писать письма, она не выдала ничѣмъ другихъ чувствъ, но «на липѣ ея» можно было прочесть «слѣдъ боязни тайной, чтобъ мужъ или свѣтъ не угадалъ проказы слабости случайной, всего, что мой Онѣгинъ зналъ».—Т. «твердо вошла въ свою роль». Однако, все же это была лишь «роль». Въ душѣ ея продолжала жить «прежняя Таня, бѣдная Таня». «съ мечтами, съ сердцемъ прежнихъ дней». «Мнѣ Онѣгинъ. говоритъ она Е—ю, «пышность эта, постылой жизни мишура.

мои успѣхи въ вихрь свѣта, мой модный домъ и вечера—что въ нихъ? Сейчасъ отдавъ я рада всю эту ветошь маскарада, весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадь за полку книгъ, за дикій садъ, за наше бѣдное жилище, за тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ, Онѣгинъ, видѣла я васъ, за за смиренное кладбище, гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей надъ бѣдной нянею моею».

Была отъ природы «мечтательницей милой». «Задумчивость» была ея «подругой отъ самыхъ колыбельныхъ дней». Въ дѣтствѣ «дѣтскія проказы ей были чужды». «Когда няня собирала для Ольги на широкой дугъ всѣхъ маленькихъ ея подругъ, она въ горѣлки не играла, ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ, и шумъ ихъ вѣтреныхъ утѣхъ». «Куклы, даже въ эти годы, Т. въ руки не брала, про вѣсти города и моды съ ней разговоровъ не вела». «Ея изнѣженные пальцы не знали иглъ; склонясь на пальцы, узоромъ шелковымъ она не оживляла полотна». «Ея сердце плѣняли страшные рассказы зимою въ темнотѣ ночей».—«Она ласкаться не умѣла къ отцу и матери своей». Ставъ послѣ княгиней, она вспоминаетъ въ бесѣдѣ съ Онѣгнымъ не ихъ могилы, а кладбище, гдѣ лежитъ ея «бѣдная няня».

«Дика, печальна, молчалива, какъ лань лѣсная боязлива, она въ семьѣ своей родной казалась дѣвочкой чужой», хотя одарена «сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ». «Долю» свою она считаетъ «несчастной». «Вообрази, я здѣсь одна—пишетъ она Евгению;—меня никто не понимаетъ. Разсудокъ мой изнемогаетъ и молча гибнуть я должна». «Течение сельскаго досуга улаживаетъ ей» только «задумчивость мечтами». «Ей рано» стали нравиться романы. Они ей замѣняли все». Днемъ она «бродитъ» съ ними «въ саду» или «въ тишинѣ лѣсовъ»; ночью завѣтный «томъ лежитъ у нея подъ подушкой». Это были, но большей части, устарѣвшіе уже въ то время романы, въ которыхъ «пламенный творецъ, свой слогъ на важный ладъ настроя, являлъ намъ своего героя, какъ совершенства образецъ. Онъ одарялъ предметъ любимый, всегда неправедно гонимый, душой чувствительной, умомъ, и привлекательнымъ лицомъ. Питая жаръ чистѣйшей страсти всегда восторженный герой готовъ былъ жертвовать собой, и при концѣ послѣдней части всегда наказанъ былъ порокомъ, добру достойный былъ рѣнокъ». Тая «влюблялась въ обманы» этихъ романовъ— въ «Больмара», «Грандисона», «Малекъ-Аделя», и ей мечтался свой герой «совершенства образецъ».—«Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся... незримый ты мнѣ былъ ужъ милъ, твой чудный взоръ меня томилъ, въ душѣ твой голосъ раздавался давно»... Незримый «герой» «говоритъ съ нею въ тиши» въ высочайшія минуты жизни,—когда она въ молитвахъ улаживаетъ тоску волнующей души, когда она «помогаетъ бѣднымъ».—«Вся жизнь моя была залогомъ свиданья вѣрнаго съ тобой», пишетъ она «герою». Его «посылаетъ ей Богъ»: «то въ высшемъ суждено совѣтъ, то воля неба», вѣритъ Т. Подъ вліяніемъ чтенія «давно ея воображенье, стгорая нѣгой и тоской, алкало пищи роковой; давно сердечное томленье тѣснило ей младую грудь; душа ждала... кого-нибудь... «И дождалась».—«Герой» явился:—Онѣгинъ», жившій совершеннымъ «анакоретомъ», неожиданно пріѣхалъ къ Ларинымъ. «Пошла догадка за догадкой»: «всѣ» стали «Татьянѣ прочить жениха». Т. «слушала съ досадой такія сплетни, но тайкомъ съ неизяснимою отрадой неволью думаетъ о томъ; и въ сердцѣ дума заронила: пора пришла—она влюбилась... Открылись очи; она сказала: это онъ». Въ письмѣ же къ Онѣгину сама Т. рассказываетъ такъ: «ты чуть вошелъ—я вмигъ узнала, вся обомлѣла, запылала и въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!»—«Онъ!» «Для мечтательницы милой облеклись въ единый образъ» и «Малекъ-Адель, и де-Линаръ, и любовникъ Юлій Вольмаръ, и Вертеръ, мученикъ мятежный, и неподобный Грандисонъ»—все это въ одномъ Онѣгинѣ

слилось.—«Вообрази, я здѣсь одна», «молча гибнуть я должна» (см. выше) пишетъ Т. свесму «герою». «Судьбу мою отнынѣ я тебѣ вручаю, передъ тобою слезы лью, твоей защиты умоляю».—«Въ это самое мгновенье не ты-ли, милое видѣнье, въ прозрачной темнотѣ мелькнуль, прикинуль тихо къ изголовью? Не ты-ль съ отрадой и любовью слова надежды мнѣ шепнуль? Кто ты, мой ангель-ли хранитель или коварный искушитель?»—«Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ, до гроба ты—хранитель мой» Это «онъ»! «Въ милой простотѣ» Т. «не вѣдаетъ обмана и вѣрить избранной мечтѣ». И вотъ, «теперь и дни и ночи и жаркій, одинокій сонъ, —все полно имъ; все дѣвъ милой безъ умолку волшебной силой твердитъ о немъ. Докучны ей и звуки ласковыхъ рѣчей, и взоръ заботливой прислуги. Въ уныніе погружена, гостей не слушаетъ она и проклинаетъ ихъ досуги, ихъ неожиданный прїѣздъ и продолжительный присѣсть».—«Теперь съ какимъ она вниманьемъ перечитываетъ «сладостный романъ. Съ какимъ живымъ очарованьемъ пьетъ оболстительный обманъ!» «Она бродитъ съ опасною книгой въ тишинѣ лѣсовъ, одна» и «воображаетъ себя героиней своихъ возлюбленныхъ творцовъ—Кларисой, Юліей, Дельфиной». Вездѣ ея воображенью представляются «пріюты счастливыхъ свиданій». Она «въ ослѣпительной надеждѣ блаженство темное зоветъ, нѣгу жизни узнаетъ, пьетъ волшебный ядъ желаній». Она ищетъ въ романѣ «и находитъ свой тайный жаръ, свои мечты, плоды сердечной полноты»; вздыхаетъ, и себѣ присвоя чужой восторгъ, чужую грусть, въ забвеньи шепчетъ наизусть письмо для милаго героя»... «Тоска любви Т. гонитъ, и въ садъ идетъ она грустить, и вдругъ недвижны очи клонить, и лѣнь ей далѣе ступить: приподнялася грудь, ланиты мгновеннымъ пламенемъ залиты, дыханье замерло въ устахъ, и въ слухъ шумъ, и блескъ въ очахъ»...—«Я влюблена»—шепчетъ она нянѣ.—«Сердечный другъ, ты не здорова?—Оставь меня, я влюблена»—...И тутъ «вдругъ мысль въ ея умѣ родилась: она пишетъ свое «необдуманное письмо»: («Кто ей внушалъ и эту нѣжность и словъ любезную небрежность? Кто ей внушалъ умильный вздоръ, безумный сердца разговоръ и увлекательный, и вредный?... Я не могу понять.....») Т. пишетъ письмо «стыдомъ и страхомъ замирая», страшится его «перечестъ». Отправивъ письмо, она полна надеждъ и мученій. «Блѣдна, какъ тѣнь, съ утра одѣта, Т. ждетъ». «Но день протекъ—и нѣтъ отвѣта. Другой насталь: все нѣтъ, какъ нѣтъ». Когда прїѣхалъ Ленскій, и старушка Ларина случайно спросила объ Евгеніи, «Т., вспыхнувъ, задрожала». Услышавъ, что Опѣгинъ «сегодня быть общалъ», «Т. потупила взоръ, какъ будто слыша злой укоръ». Вечеромъ «Г. предъ окномъ стояла, на стекла хладныя дыша, задумавшись, моя душа, прелестнымъ пальчикомъ писала на отуманенномъ стеклѣ, завѣтный вензель О да Е. И, между тѣмъ, душа въ ней ныла, и слезъ былъ полонъ томный взоръ». «Вдругъ, топотъ... кровь ея застыла... вотъ ближе... скачуть... и на дворъ Евгеній! «Ахъ!» и легче тѣни, Татьяна прыгъ въ другія сѣни, съ крыльца на дворъ и прямо въ садъ; летитъ, летитъ; взглянуть назадъ не смѣетъ; мигомъ обѣжала куртины, мостики, лужокъ, аллею къ озеру, лѣсокъ, кусты, сирень переломала, по цвѣтникамъ летя къ ручью и, задыхаясь, на скамью упала». Онѣгинъ «прервалъ ея тяжелый сонъ» своею «проповѣдью».—Когда послѣ этого онъ «подалъ руку ей»,—«печально, (какъ говорится, машинально) Т. молча оперлася; головкой томною склоняся, пошла домой».—Этотъ «часъ», кажется ей еще годы спустя «страшнымъ»...—«Боже! стынетъ кровь, какъ только вспомню взглядъ холодный и эту проповѣдь».—Но любовь Т. не прошла: «Татьяна любить не шутя—и предается безусловно любви, какъ милое дитя». «Любви безумныя страданья не перестали волновать молодой души, печали жадной; нѣтъ, пуще страстью безотрадной Татьяна бѣдная

горить; ея постели сонъ бѣжить; здоровье, жизни цвѣтъ и сладость, улыбка, дѣвственный покой, пропало все, что звукъ пустой, и меркнетъ милой Тани младость: такъ одѣваетъ бури тѣнь едва рождающійся день. Увы, Татьяна увядасть; блѣднѣть, гаснетъ—и молчить! ничто ея не занимаетъ, ея души не шевелитъ». «Неожиданное» появленіе Онѣгина на ея именинахъ привело ея въ смятеніе: «утренней луны блѣднѣй и трепетнѣй гонимой лани, темнѣющихъ очей она не подымаетъ: пышетъ бурно въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно, она привѣтствій двухъ друзей не слышетъ, слезы изъ очей хотятъ ужь капать; уже готова бѣдняжка въ обморокъ упасть»—Странный «нѣжный взоръ» Онѣгина на минуту «оживляетъ сердце» ей, но тотчасъ затѣмъ Онѣгинъ начинаетъ ухаживать за Ольгой. «Его неожиданнымъ появленіемъ, мгновенной нѣжностью очей и страннымъ съ Ольгой поведеніемъ, до глубины души своей она проникнута; не можетъ никакъ понять своего «героя», тревожитъ ея ревнивая тоска, какъ будто холодная рука ей сердце жметъ, какъ будто бездна подъ ней чернѣетъ и шумитъ... «Погибну, Таня говоритъ: но гибель отъ него любезна, я не ропщу: зачѣмъ роптать? не можетъ онъ мнѣ счастья дать». Смерть Ленскаго не убила ея любви. Наоборотъ, «въ одиночествѣ жестокомъ», послѣ отъѣзда Ольги, «сильнѣе страсть ея горитъ, и объ Онѣгинѣ далеко въ ея сердце громче говорить. Она его не будетъ видѣть; она должна въ немъ ненавидѣть убійцу брата своего». Но, войдя въ покинутый домъ Онѣгина, Т. взоромъ умиленнымъ вокругъ себя на все глядитъ; и все ей кажется безцѣннымъ, все душу томную живить полумучительной отрадой». На утро посѣтивъ снова домъ Евгенія, «забывъ на время все на свѣтѣ, она долго плачетъ», но «любовь» свою Т. скрываетъ отъ всѣхъ, «хранитъ завѣтный кладъ и слезъ и счастья и не дѣлится имъ ни съ кѣмъ». Она «изнываетъ тайно». Въ «кельѣ модной» Евгенія Т. нашла новыя книги, не похожія на ея старыя романы. «Показался выборъ ихъ ей страненъ». «Чтенію предалася Татьяна жадною душой, и ей открылся міръ иной». «Британской музы небылицы тревожатъ сонъ отроковицы, и сталъ теперь ея кумиръ, или задумчивый Вампиръ, или Мельмотъ, бродяга мрачный, или Вѣчный жидъ, или Корсаръ, или таинственный Сбогаръ. Лордъ Байронъ прихотью удачной облекъ въ унылый романтизмъ и безнадежный эгоизмъ». Въ книгахъ Онѣгина «хранили многія страницы отмѣтку рѣдкую ногтей. Глаза внимательной дѣвицы устремлены на нихъ живѣй. Татьяна видитъ съ трепетаніемъ, какою мыслью, замѣчаніемъ бывалъ Евгений пораженъ, съ чѣмъ молча соглашался онъ. На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ черты его карандаша: вездѣ Онѣгина душа себя невольно выражаетъ, то краткимъ словомъ, то крестомъ, то вопросительнымъ значкомъ». «И начинаетъ понемногу» «Татьяна понимать» «того, по комъ она вздыхать осуждена судьбою властной: чудакъ печальный и опасный, созданье ада или небесъ, сей ангелъ, сей надменный бѣсъ, что-жъ онъ? Ужели, подражанье, ничтожный призракъ, или еще москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ, чужихъ причудъ истолкованье, словъ модныхъ полный лексиконъ?... Ужъ не пародія-ли онъ? Ужель загадку разрѣшила? Ужели слово найдено?» Несмотря на это, Т. и теперь все-таки «любитъ» Онѣгина. Въ Москвѣ на балахъ и т. п. «мечты» ея уносятся къ «мѣстамъ, гдѣ онъ являлся ей»: только «надежды» больше нѣтъ, и для нея стали «всѣ жребіи равны»...

Ставъ княг. Н. и встрѣтившись снова съ Евг., Т. совершенно равнодушна къ нему по виду. «Она его не замѣчаетъ, какъ онъ ни бейся, хоть умри, и порою вовсе не замѣтитъ, порой однимъ поклономъ встрѣтитъ». Въ отвѣтъ на его частыя письма—«въ лицѣ лишь гнѣва слѣдъ». — Богатая опытомъ свѣтской жизни, Т. теперь еще больше поняла Онѣгина и его «внезапную любовь».—«Онѣгинъ, я была моложе, я лучше, кажется, была, и я любила васъ; и что же? Что въ сердцѣ вашемъ я нашла, какой отвѣтъ?

Одну суровость...» «Тогда—неправда ли?—въ пустынь, вдали отъ суетной молвы, я вамъ не нравилась».—«Что жъ нынѣ меня преслѣдуете вы?.. «Зачѣмъ у васъ я на примѣтъ?» Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ теперь являться я должна, что я богата и знатна... Не потому ль, что мой позоръ теперь бы всеми былъ замѣченъ и могъ бы въ обществѣ принести вамъ соблазнительную честь?»—И, несмотря на все это, въ душѣ она продолжаетъ все такъ же любить Онѣгина. Ей все дороги «тѣ мѣста», гдѣ она «видѣла его въ первый разъ». Надъ письмами Евгенія она сидитъ «и тихо слезы льетъ рѣкой, опершись на руку щекой». Въ ней продолжаетъ жить «прежняя Таня, бѣдная Таня», «простая дѣва съ сердцемъ и мечтамъ прежнихъ дней». Въ ея душѣ—«нѣмыя страданія»:—«А счастье было такъ возможно, такъ близко!..»—«Я васъ люблю—къ чему лукавить?»—говоритъ она Онѣгину.

«Мечтательница Татьяна одарена (наряду съ «воображеніемъ живымъ») «живымъ умомъ» и «разсудкомъ». Разсудокъ говоритъ и въ ея письмѣ:—«Быть можетъ, это все пустое, обманъ неопытной души, и суждено совсѣмъ иное», говоритъ она. «Зачѣмъ вы посѣтили насъ? Въ глуши забытаго селенья я никогда бѣ не знала васъ; не знала бѣ горькаго мученья. Души неопытной волненья смиривъ современемъ (какъ знать), по сердцу я нашла бы друга».—Мы—ничѣмъ мы не блестимъ, хоть вамъ и рады простодушно», сознаетъ она положеніе своей семьи и свое, несмотря на жизнь среди «мечтаній». Письмо ея, по мнѣнію Онѣгина, написано «съ такимъ умомъ». Т., прочитавъ книги Онѣгина, не только «поняла» ихъ, но и поняла Онѣгина изъ нихъ. Когда она стала «княгинеею», то сумѣла «быстро въ роль свою войти» и заслужить уваженіе «свѣта». Въ ея салонѣ, несмотря на то, что тамъ были «необходимые глупцы», «легкій вздоръ сверкалъ безъ глупаго жеманства», и его «прерывалъ разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ, безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педантства», «не пугая ничьихъ ушей свободной живостью своей».—Наряду съ «живымъ умомъ», Т. одарена «волею». Еще въ деревнѣ, во время «траги-нервическаго припадка» при «нежданномъ появленіи» Онѣгина, «разсудка власть» у нея «превозмогаетъ»: она не «упала въ обморокъ», а «сквозь зубы два слова молвила тихомъ и усидѣла за столомъ». Когда же она позднѣе встрѣтилась съ Онѣгинымъ, будучи уже княгинеею N, ей ужъ «ничто не измѣняетъ». «Какъ сильно ни была она удивлена, поражена, у ней и бровь не шевельнулась, не сжала даже губъ она»; «въ ней сохранился тотъ же тонъ, былъ такъ же тихъ ея поклонъ».—Даже «зоркій взглядъ» Онѣгина не могъ открыть ни ея «любви къ нему, ни ея «нѣмыхъ страданій». Т. побѣждаетъ свою любовь. Отвѣтъ ея Онѣгину звучитъ непреклонной волей.—Еще въ деревнѣ, во время «мечтаній», предъ Татьяной носился нравственный идеалъ долга. «Какъ знать?—пишетъ она Евгенію: можетъ быть, «по сердцу я нашла бы друга, была бы вѣрная супруга и добродѣтельная мать». Въ послѣдней главѣ романа Т. осуществляетъ этотъ идеалъ:—«Вы должны, я васъ прошу меня оставить...—Я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна». «Татьяны милый идеалъ»,—такъ называетъ созданный имъ типъ Пушкинъ.

Критика: 1) «Татьяна—существо исключительное, натура глубокая, любящая, страстная. Любовь для нея могла быть или величайшимъ блаженствомъ, или величайшимъ бѣдствіемъ жизни, безъ всякой примирительной середины. При счастіи взаимности, любовь такой женщины—ровное, свѣтлое пламя; въ противномъ случаѣ,—упорное пламя, которому сила воли, можетъ быть, не позволить прорваться наружу, но которое тѣмъ разрушительнѣе и жгучѣе, чѣмъ больше оно сдавлено внутри. Счастливая жена, Татьяна спокойно, но тѣмъ не менѣе страстно и глубоко, любила бы своего мужа, вполне пожертвовала бы собою дѣтямъ, вся отдалась бы

своимъ материнскимъ обязанностямъ, но не по разсудку, а опять по страсти, и въ этой жертвѣ, въ строгомъ выполненіи своихъ обязанностей нашла бы свое величайшее наслажденіе, свое верховное блаженство. И все это безъ фразъ, безъ разсужденій, съ этимъ спокойствіемъ, съ этимъ внѣшнимъ безстрастіемъ, съ этой наружной холодностью, которыя составляютъ достоинство и величіе глубокихъ и сильныхъ натуръ». [Бѣлинскій. Соч., т. 8].

2) «Татьяна положительный типъ, а не отрицательный, это типъ положительной красоты, это апопееозъ русской женщины, и ей предназначилъ поэтъ высказать мысль поэмы въ знаменитой сценѣ послѣ встрѣчи Татьяны съ Онѣгинымъ. Можно даже сказать, что такой красоты положительный типъ русской женщины почти уже не повторялся въ нашей художественной литературѣ—кромѣ развѣ образа Лизы въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» Тургенева». [Достоевскій. Соч., т. X].

3) «Татьяна вышла у Пушкина сильнѣе духомъ, чѣмъ Онѣгинъ, но поэтъ вовсе не имѣлъ въ виду представить свою героиню, какъ образецъ сильнаго женскаго характера. вмѣстѣ съ тѣмъ, и столь необходимая въ данномъ случаѣ идеализація образа сдѣлана Пушкинымъ съ большою сдержанностью. Татьяна не поставлена на пьедесталъ. Въ созданіи этого образа Пушкинъ остается все тѣмъ же реалистомъ, не покидающимъ почвы дѣйствительности, какимъ онъ обнаружился въ Онѣгинѣ, столь же мало идеализированнымъ». «Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что художественный образъ пушкинской Татьяны останется въ нашей литературѣ навсегда. Послѣ него былъ созданъ цѣлый рядъ женскихъ характеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ къ первостепеннымъ созданіямъ искусства. Но ни блестящій сонмъ тургеневскихъ женщинъ, ни женскія натуры, такъ глубоко разработанныя Л. Н. Толстымъ, ни другіе образы, которые, не будучи первостепенными созданіями искусства, однако, способны заинтересовать насъ, по своему содержанію, больше Татьяны,—всѣ они, вмѣстѣ взятые, не могли до сихъ поръ заставить насъ забыть Татьяну Пушкина». [Д. Овсянико-Куликовскій. Ист. р. Инт., т. I].

Терентъичъ («Станціонный смотритель»).—См. Выринъ.

Терешка («Метель»).—Уп. л. «Надежный» кучеръ Влад. Никол. Былъ отправленъ, для увоза Марьи Гавриловны въ Пенародово «съ тройкой и съ подробнымъ, обстоятельнымъ наказомъ». «Никогда ничего лишняго не высказывалъ, даже и во хмелю»

Терентій («Исторія села Горюхина»).—Горюхинскій «земскій» и «грамотей», «человѣкъ необыкновенный». (Жилъ «около 1767 г.»). Умѣлъ, «писать не только правою, но и лѣвою рукою» и «прославился въ околоткѣ сочиненіями всякаго рода».

Тимофей («Исторія села Горюхина»).—Старикъ, отецъ Антона Тимофеева, посаженнаго «въ желѣзы» приказчикомъ. Откупилъ сына за сто рублей.

Томская, Екатерина Петровна («Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля»).—Дама «лѣтъ 45-ти». Передъ отъѣздомъ на Кавказъ («доктора объявили», что ея дочери «нужны желѣзные воды, а для ея «здоровья необходимы горячія ванны»), пересматривала «счетныя книги» и «показывала видъ, будто бы хозяйственныя тайны были ей коротко знакомы; но ея вопросы и замѣчанія обнаруживали ея барское невѣдѣніе и возбуждали изрѣдка» улыбку на лицѣ управителя; «обрадовалась случаю прервать свои совѣщанія» (пріѣздъ Поводовой) и «для больной женщины оказалась очень дѣятельной и проворной», показывая гостѣ «новую дорожную карету».—Что за карета—игрушка, загляднѣе! Вся въ ящикахъ... и чего тутъ нѣтъ: постеля, туалетъ, погребокъ, аптечка,

кухня, сервизъ», говорила Т. Сама «вошла въ карету», «показала всѣ ея тайны, удобства, перерыла въ ней всѣ подушки, выдвинула всѣ ящики, всѣ зеркала, выворотила всѣ сумки». На пожеланіе Поводовой Машѣ жениха, «отвѣтила со вздохомъ»:—«Пошли намъ Богъ только здоровье», «а женихи не уйдуть. Слава Богу, Маша еще молода, приданое есть, а добрый человекъ полюбитъ, такъ и безъ приданого возьметъ».

Томскій («Пик дама»).—«Молодой офицеръ». Paul, какъ звалъ его графиня. Внукъ графини **; передаетъ анекдотъ о трехъ картахъ, увѣряя, что его «разсказывалъ» ему дядя, графъ Иванъ Ильичъ, и въ его истинности «увѣрялъ» «честью».

Тимошка («Дубровскій»).—Уп. л. «Штабъ лѣкарь» Троекурова. «Подъ присмотромъ» Т. находился «лазаретъ для больныхъ собакъ».

Траубенбергъ («Капит. дочка»).— Уп. л. Генераль-майоръ; «чтобы привести войско къ должному повиновенію», предпринялъ «строгія мѣры». Это послужило причиной возмущенія яицкихъ казаковъ и послѣдовало «варварское убіеніе Т.».

Трафилина, Марья Алексѣевна («Пред. къ повѣст. Бѣлкина»).—Ближайшая родственница и наслѣдница Ив. Петр. Бѣлкина, съ которымъ Т. вовсе не была знакома.

Трафилина, Пелагея Гавриловна («Пред. къ повѣст. Бѣлкина»).—Дѣвичья фамилія матери Ив. Петр. Бѣлкина.

Трифонъ («Исторія села Горюхина»).—Послѣдній горюхинскій «сановникъ»; староста, «народомъ избранный»; за «плутовское потворство» былъ отстраненъ «отъ должности» помѣщикомъ особой грамотой на имя Т. Во время пріѣзда въ Горюхино «повѣреннаго» помѣщика «находился въ увеселительномъ зданіи» («кабакомъ въ просторѣчьи» именуемомъ), откуда двое старшинъ почтительно вывели его подъ руки». На утро стоялъ подлѣ повѣреннаго безъ шапки «съ видомъ глубокаго подобострастія и глубокой горести». Приказываетъ земскому прочесть грамоту барина «во услышаніе міра». «Сію грозно-вѣщую грамоту» Т. хранилъ «въ кивотѣ вмѣстѣ съ другими памятниками владычества его надъ Горюхинымъ».

Троекурова, Марья Гавриловна («Дубровскій»).—Дочь Кир. Петровича, «семнадцатилѣтняя дѣвушка»; красота ея была въ полномъ цвѣтѣ. «Не имѣла подругъ и выросла въ полномъ уединеніи», «рѣдко» являясь «среди гостей» отца. «Воспитаніе ея, начатое нѣкогда подъ руководствомъ мамзель Мими», было закончено на романахъ «французскихъ писателей XVIII вѣка; воспитана была въ аристократическихъ предразсудкахъ (для нея «учитель былъ родъ слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиной»), но «давно ожидала признанія» со стороны учителя (Дефоржа), «желая и опасаясь его». «Ей пріятно было бы услышать подтвержденіе того, о чемъ она догадывалась; и она чувствовала, что ей было бы неприлично слышать такое объясненіе отъ человека, который по состоянію своему не долженъ былъ надѣяться когда-нибудь получить ея руку. Она рѣшилась идти на свиданіе, но колебалась въ одномъ: какимъ образомъ приметъ она признаніе учителя—съ аристократическимъ ли негодованіемъ, съ увѣщаніемъ ли дружбы, съ веселыми шутками, или съ безмолвнымъ участіемъ». «Пылкая мечтательница, налитанная таинственными ужасами Радклифъ». Вмѣстѣ со многими барышнями «въ тайнѣ», «особенно» «доброжелательствовала Дубровскому, видя въ немъ героя романическаго».

Расправа учителя съ медвѣдемъ произвела еще большее впечатлѣніе на Марью Кирилловну. «Любопытство ея было сильно возбуждено». «Воображеніе ея было поражено: она видѣла мертваго медвѣдя и Дефоржа, спокойно стоящаго надъ нимъ и спокойно съ нею разговаривающаго. Она

видѣла, что храбрость и гордое самолюбіе не исключительно принадлежать одному сословію, и съ тѣхъ поръ стала оказывать молодому учителю уваженіе, которое часъ отъ часу становилось внимательнѣе. Между ними основались нѣкоторыя сношенія». «Маша въ него влюбилась, сама еще въ томъ не признаваясь», чувствуя «съ невольной досадой», что ея «собственное сердце не было равнодушно къ достоинствамъ молодого француза». Когда учитель «подалъ ей украдкой записку, М. К., не успѣвъ одуматься, приняла ее и раскаялась въ ту же минуту». При встрѣчѣ съ учителемъ, «отвѣчала заготовленною фразой»:—«Надѣюсь, что вы не заставите меня раскаяться въ моей спусходительности». На слова Дефоржа «не отвѣчала ничего». Въ этихъ словахъ видѣла она предисловіе къ ожидаемому признанію». Узнавъ, что учитель не Дефоржъ, а Дубровскій, М. К. «вскрикнула», потомъ «плакала молча». Узнавъ, что Дубровскаго ищутъ, М. К. «была ни жива, ни мертва»; придя въ свою комнату, «она бросилась въ постель и зарыдала въ истерическомъ припадкѣ». Бракъ съ кн. Верейскимъ «пугалъ ее, какъ плаха, какъ могила». «Нѣтъ! нѣтъ! повторяла она въ отчаяніи, лучше въ монастырь, лучше пойду за Дубровскаго». Выбираетъ его своимъ «защитникомъ». Обвиненная противъ воли съ кн. Верейскимъ, говоритъ явившемуся Дубровскому:—«Поздно! я обвинена, я жена князя Верейскаго». «Я согласилась, я дала клятву», возразила она съ твердостью.—«Князь мой мужъ, прикажите освободить его и оставьте меня съ нимъ. Я не обманывала, я ждала васъ до послѣдней минуты... но теперь, говорю вамъ, теперь поздно. Пустите насъ»...

[Согласно авторской ремаркѣ, Маша Троекурова была двумя годами старше Дубр. (гл. III). Въ гл. VIII говорится: «въ эпоху нами описываемую» Машѣ было семнадцать лѣтъ», а слѣдовательно Дубровскому—девятнадцать. Но, по утверженію Троекурова (гл. IX), Дубровскій былъ старше его дочери на пять лѣтъ («знаю навѣрно, что Д. пятью годами старше моей Маши», «... а слѣдственно ему около двадцати трехъ»; «по примѣтамъ» исправника (гл. IX) Дубровскому двадцать два года].

Троекуровъ, Кирилла Петровичъ («Дубровскій»).—«Старинный русскій бояринъ», «отставной генералъ аншефъ», «ближайшій сосѣдь Дубровскаго». «Пятидесятилѣтній старикъ», «избалованный всѣмъ, что только окружало его», «надменный съ людьми самаго высшаго званія». «Его богатство, знатный родъ и связи давали ему большой вѣсъ въ губерніи, гдѣ находилось его имѣніе»; «привыкъ давать полную волю каждому порыву пылкаго своего права и всѣмъ затѣямъ довольно ограниченнаго ума». «Сосѣди рады были угождать его прихотямъ; губернскіе чиновники трепетали при его имени:—«Здорово... какъ бишь тебя зовутъ? сказалъ Т. на поклонъ засѣдателя.—Ну, что? Вѣдь не до свѣту же тебѣ здѣсь оставаться; домъ мой не харчевня, говоритъ онъ исправнику, явившемуся арестовать Дефоржа-Дубровскаго».—«Убирайся, знаешь, куда, со своимъ примѣтами, я тебѣ моего француза не выдамъ, покамѣстъ самъ не разберу дѣла».—«Нечего сказать, умныя головушки приказныя!»—отзывался Т. о чиновникахъ; онъ «трунилъ надъ продажною совѣстью чернильнаго племени», подкупая судей и толкуя вкривъ и вкось всѣ возможные указы».—«Какіе тебѣ документы? На то указы. Въ томъ то сила, чтобы безо всякаго права отнять имѣніе у Дубровскаго»,—говорилъ онъ Шабашкину.—«Ну, смотри же, я полагаюсь на твое усердіе, а въ благодарности моей иожешь быть увѣренъ». Исправника Т. называетъ «розиней», говоря, что «покамѣстъ у насъ будутъ исправники заодно съ ворами, до тѣхъ поръ не будетъ Дубровскій пойманъ».—«Не съ твоимъ проворствомъ, братецъ, поймать Дубровскаго, если ужъ это Дубровскій. Отправляйся-ка восвояси, да впередъ будь расторопнѣе»,—наказываетъ онъ исправнику.—«При каждой вѣсти о новомъ грабительствѣ Дубровскаго», «Т. торжествовалъ» и «разсы-

пался намеками на счетъ губернатора, исправниковъ и ротныхъ командировъ, отъ коихъ Дубровскій уходилъ всегда невредимо».

«Такъ, видно, придется мнѣ взяться за дѣло, не дожидаясь помощи отъ начальства здѣшняго», добавляетъ Т. Послѣ того, какъ «помѣстья Т. были пощажены Дубровскимъ», съ обыкновенной своей надменностью «приписывалъ сіе исключеніе страху, который умѣлъ онъ внушить всей губерніи, также и отмѣнно хорошей полиціи, имъ заведенной въ его деревняхъ». Поймавъ дворового мальчика Дубровскихъ, Кир. Петр. «думалъ», что нашелъ горячіе слѣды Дубровскаго, и онъ отъ него уже «не увернется». «— Я поймалъ Дубровскаго»,—сказалъ онъ исправнику,—т. е. не Дубровскаго, а одного изъ его шайки. Сейчасъ его приведутъ. Онъ намъ пособить поймать самого атамана», но вмѣсто «грознаго разбойника», выставилъ передъ исправникомъ «тринадцатилѣтняго мальчика довольно слабой паружности».

«Былъ великій хлѣбосоль, а несмотря на необыкновенную силу физическихъ способностей, раза два въ недѣлю страдалъ отъ обжорства, и каждый вечеръ былъ навеселѣ. Рѣдкая дѣвушка изъ его дворовыхъ избѣгала сластолюбивыхъ покушеній» Т. «Въ одномъ изъ флигелей его дома жили шестнадцать горничныхъ, занимаясь рукодѣліями, собственными ихъ полу. Окна во флигель были загорожены деревянною рѣшеткою; двери запирались замками, отъ коихъ ключи хранились у Т. «Молодые затворницы въ положенные часы ходили въ садъ и прогуливались подъ надзоромъ двухъ старухъ. «Отъ-времени-до-времени» Т. «выдавалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ замужъ, и новыя поступали на ихъ мѣсто». «Множество босыхъ ребятшекъ, какъ двѣ капли воды похожихъ на Кир. Петр., бѣгали передъ его окнами и «считались дворовыми». Воспитательницѣ Мампи, «мамзель Мими», «Кир. Петр. оказывалъ большую довѣренность и благосклонность», но «принужденъ» былъ наконецъ выслать мамзель «тихонько въ другое помѣстье, когда слѣдствія сего дружества оказались слишкомъ явными»; «казалось, онъ «любилъ ее болѣе прочихъ, и черноглазый мальчикъ», «напоминающій полуденныя черты мамзель Мими, воспитывался при Кир. Петр. и признанъ былъ его сыномъ». Т. нанятому учителю черезъ дочь передаетъ условіе: «чтобъ онъ за дѣвушками не осмѣливался волочиться», «не то я его, собачьяго сына»... Т. «ничего не читалъ», кромѣ «Современной Поварихи»; во время необыкновеннаго волненія мыслей расхаживалъ «взадъ и впередъ», насвистывая: «громъ побѣды раздавайся». Всегдашнія занятія Т. состояли въ разѣздахъ около пространныхъ его владѣній, въ продолжительныхъ пирахъ и въ проказахъ, ежедневно притомъ изобрѣтаемыхъ, жертвою коихъ бывалъ обыкновенно какой-нибудь новый знакомецъ, хотя и старичные пріатели не всегда ихъ избѣгали». «На дворѣ у Кир. Петр. воспитывались обыкновенно нѣсколько медвѣжатъ и составляли одну изъ главныхъ забавъ покровскаго помѣщика». «Онъ «по цѣлымъ часамъ возился съ ними, стравливая ихъ съ кошками и щенятами». «Случалось, что въ телѣгу впрягали пару медвѣдей, волею и неволею сажали въ нее гостей, и пускали ихъ скакать на волю Божию. Но лучшею шуткою почиталось у К. П. слѣдующая: проголодавшася медвѣдя запрутъ, бывало, въ пустой комнатѣ, привязавъ его веревкою за кольцо, ввинченное въ стѣну. Веревка была длинною почти во всю комнату, такъ что одинъ только противоположный уголь могъ быть безопаснымъ отъ нападенія страшнаго звѣря. Приводили обыкновенно новичка къ дверямъ этой комнаты, печально вталкивали его къ медвѣдю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наединѣ съ косматымъ пустыннымъ. Бѣдный гость, съ оборванной полою, съ оцарапанной рукою, скоро отыскивалъ безопасный уголь, но принужденъ былъ иногда цѣлые три часа стоять, прижавшись къ стѣнѣ, и видѣть, какъ разъяренный звѣрь въ двухъ шагахъ отъ него прыгалъ, становился

на дыбы, ревѣлъ, рвался и силился до него дотянуться». «Черезъ нѣсколько дней послѣ приѣзда учителя», Т. угостилъ и его «медвѣжьей комнатою». «Имѣлъ счастливую способность тщеславиться всѣмъ, что только ни окружало его»: «гордился» своимъ псарнымъ дворомъ, какъ «прекраснымъ заведеніемъ, и никогда не упустилъ случая похвастать онымъ предъ своими гостями». Когда же учитель застрѣлилъ медвѣдя и заявилъ, что «всегда» носить при себѣ пистолеты, потому что не намѣренъ терпѣть обиду, за которую, по «своему» званію «не можетъ» требовать удовлетворенія, Т., «обратясь къ своимъ людямъ, сказалъ: «— Каковъ молодець, не струсилъ, ей-Богу, не струсилъ». При гостяхъ «съ великимъ удовольствіемъ сталъ рассказывать подвигъ своего француза». Т. «принималъ всѣ знаки подобострастія, какъ надлежащую дань»; «отъ роду» не удостоивалъ «никого своимъ посѣщеніемъ», но «никто не дерзалъ отказываться отъ его приглашеній или въ извѣстные дни не являться должнымъ почтеніемъ въ село Покровское». «Былъ чрезвычайно доволенъ» «посѣщеніемъ», князя Верейскаго, «принявъ оное знакомъ уваженія отъ человѣка, знающаго свѣтъ», и «принималъ tous les frais князя, какъ знаки уваженія и желанія ему угодить». «Съ крестьянами и дворовыми обходился онъ строго и своенравно»; тѣхъ изъ своихъ сосѣдей, «которые пытались выйти изъ должнаго повиновенія, пугнулъ ихъ такъ, что навсегда стбилъ охоту къ такимъ покушеніямъ. На слова француза-учителя, что онъ «надѣется заслужить уваженіе, даже если откажутъ ему въ благосклонности», Кир. Петр. отвѣтилъ: «Не нужно для него ни благосклонности, ни уваженія. Дѣло его ходить за Сашей и учить грамматикѣ да географіи... Съ Дубровскимъ «нѣкогда» былъ онъ товарищемъ «по службѣ», «заѣзжалъ запросто въ «его домишко» и хотѣлъ отдать сею Машу за его «Володьку», «даромъ», что Дубровскій «голь, какъ соколъ», но на «дерзкое замѣчаніе своего холопа» Дубровскому, «громко засмѣялся»; письмо Дубровскаго разсердило его «своею сущностью». «Вотъ я его! наплачется онъ у меня! Узнаетъ, каково идти на Т.!». Въ отвѣтъ на просьбу Дубровскаго выслать Тимошку «съ повинною», разсердился, изливая свою досаду «въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ». Когда же, «Дубровскій «поймалъ» «покровскихъ» крестьянъ, «ворующихъ у него лѣсъ», и рѣшился, «вопреки всѣмъ понятіямъ о правѣ войны, проучить своихъ плѣнниковъ дубьемъ», Т. «вышелъ изъ себя и въ первую минуту гнѣва хотѣлъ было со всѣми своими дворовыми учинить нападеніе на Кистеневку (такъ называлась деревня его сосѣда), разорить ее до тла и осадить самого помѣщика въ его усадьбѣ; такіе подвиги были ему не въ диковинку». Недаромъ, дьячекъ Покровской церкви скорѣе согласенъ былъ «съ чертомъ возиться, нежели косо взглянуть на Кириллу Петровича».—«Какъ увидишь его—страхъ, ужасъ! а спина-то сама такъ и гнется, такъ и гнется», говорилъ дьячекъ.

«Любилъ» дочь «до безумія, но обходился съ нею со свойственнымъ ему своенравіемъ, то стараясь угождать малѣйшимъ ея прихотямъ, то пугая ее суровымъ, а иногда жестокимъ обращеніемъ». На вопросъ князя «согласна ли» Маша «сдѣлать его счастье»? Т. отвѣчала: «— Согласна, конечно, согласна», «дѣвушка трудно выговорить это слово».—«Ну, дѣти поцѣлуйтесь и будьте счастливы». Когда же Маша заплакала, Кир. Петр. «сказалъ»: «— Пошла, пошла, пошла!» «осуши свои слезы и воротись къ намъ веселенька». «Онѣ всѣ плачутъ при помолвкѣ», «это у нихъ ужъ такъ заведено». Узнавъ отъ Верейскаго, что Маша просила его отказаться отъ ея руки, сказалъ: «Все это вздоръ, слышишь ли? Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счастья. Слезы тебѣ не помогутъ; послѣ-завтра будетъ твоя свадьба». — Да знаешь ли ты, что я съ тобой сдѣлаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смѣешь меня страдать защитникомъ! Посмотримъ, кто будетъ этотъ защитникъ». Когда же Маша про-

изнесла имя Владиміра Дубровскаго, К. П. подумаль, что она сошла съ ума, и глядѣлъ на нее съ изумленіемъ. «Добро!» сказалъ онъ ей, послѣ нѣкотораго молчанія: жди себѣ, кого хочешь, въ избавители, а покамѣстъ сиди въ этой комнатѣ—ты изъ нея не выйдешь до самой свадьбы». «Даль строгое приказаніе не выпускать ее изъ ея комнаты и смотрѣть за тѣмъ, чтобы никто съ нею не говорилъ», «попу «велѣно было» «не отлучаться изъ деревни ни подь какимъ предлогомъ». Въ день свадьбы, «взявъ со стола образъ», сказалъ дочери «тронутымъ голосомъ»: «подойди ко мнѣ, Маша», «благословляю тебя»..., и «спѣшилъ ее благословить». Отъ природы не былъ онъ корыстолюбивъ; но «желаніе мести завлекло слишкомъ далеко (въ дѣлѣ Дубровскаго); совѣсть его роптала. Онъ зналъ, въ какомъ состояніи находился его противникъ, старый товарищъ его молодости, и побѣда не радовала его сердца». «Внезапное сумасшествіе Дубровскаго сильно подѣйствовало на его воображеніе». «Удовлетворенное мщеніе и властолюбіе заглушали до нѣкоторой степени чувства болѣе благородныя, но послѣднія, наконецъ, восторжествовали. Онъ рѣшился помириться со старымъ своимъ сосѣдомъ, уничтожить слѣды ссоры, возвратитъ ему его достояніе». «Воспоминанія, возбуждаемыя въ немъ погорѣлою усадьбой, были ему неприяты». На вопросъ Верейскаго «нахмурился» и «отвѣчалъ, что земля теперь его, что прежде она принадлежала Дубровскому», который былъ «порядочный разбойникъ».

К р и т и к а: Т.—«постарѣвшій петиметръ въ отставкѣ, пріѣхавшій въ деревню дурить на досугѣ. У младшихъ петровскихъ дѣльцовъ часто бывали такія дѣти. Живя въ болѣе распущенное время, они теряли знаніе и выдержку отцовъ, не теряя ихъ аппетитовъ и вкусовъ. Невѣжественный и грубый, Т. однако старается дать дочери модное воспитаніе съ гувернеромъ-французомъ и выдаетъ замужъ за самаго моднаго барина. Т—ы родились при Елизаветѣ, процвѣтали въ столицѣ, дурили по захоlustьямъ при Екатеринѣ II, но посѣяны они еще при Аннахъ. Это—миніатюрныя провинціальныя пародіи временщиковъ столицы, которыхъ превосходно характеризоваль гр. Н. Панинъ, назвавъ «припадочными людьми». Какъ увидишь его, Т., говорилъ мѣстный дьячекъ,—страхъ и ужасъ! а спина то сама такъ и гнется, такъ и гнется». (К л ю ч е в с к і й. Онѣгинъ и его предки).

Трофимъ («Б а р ы ш н я-к р е с т ь я н к а»).—Пастухъ Муромскихъ. По заказу Насти, сплелъ для Лизы «маленькіе пестрые лапти»; по утру, проходя съ деревенскимъ стадомъ «мимо барскаго дома», Т. ихъ передалъ Настѣ, за что и «получилъ отъ нея полтину въ награжденіе».

Трубецкой («Б о р и с ь Г о д у н о в ь»).—Уп. л.—«Поѣзжайте, ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь нужна моимъ усерднымъ воеводамъ. Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ» (слова Б. Годунова).

Трубецкой Сергѣй («Р. П е л а м ь»).—«Общество умныхъ».

Трике («Е в г. О н ѣ г и н ь»). «Мосье Трике», «въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ», «Острякъ». «Недавно изъ Тамбова». Пріѣхаль на именины Татьяны «съ семьей Панфила Харликова»,—«какъ истинный французъ, Т. въ карманѣ привезъ куплетъ Татьянѣ на голосъ, знаемый дѣтми: Reveillez-vous belle endormie». Межь ветхихъ пѣсенъ альманаха былъ напечатанъ сей куплетъ; Трике, догадливый поэтъ, его на свѣтъ явилъ изъ праха и смѣло, вмѣсто belle Nina, поставилъ belle Tatiana».—«И вотъ съ осанкой важной, куплетомъ, мучимый давно, Трике встаетъ: предъ нимъ собранье хранить глубокое молчанье. Татьяна чуть жива; Трике, къ ней обратясь, съ листкомъ въ рукѣ, запѣлъ фальшивя. Плески, клики его привѣтствуютъ. Она пѣвцу присѣсть принуждена; поэтъ же скромный, хоть великій, ея здоровье первый пьетъ и ей куплетъ передаетъ». Послѣ бала «Мосье Трике въ фуфайкѣ, въ старомъ колпакѣ», «улегся» на ночь «на полу».

Трюхина («Гробовщикъ»).—Уп. л. Старая купчиха, жившая на Разгуляѣ и «уже около года находившаяся при смерти». Прохоровъ на ней «надѣялся выместить убытокъ». Она же видѣлась гробовщику во снѣ уже «лежащая на столѣ, желтая, какъ воскъ, но еще не обезображенная глѣніемъ».

Тугилово («Барышня-крестьянка»).—Имѣніе Берестова.

Тюремщикъ («Драматическіе этюды»). «Простыхъ людей, слава Богу, мы вѣшаемъ каждую пятницу, и никогда съ ними никакихъ хлопотъ», разсуждаетъ Т., «но чортъ побори знатныхъ господъ». «Начальство поминутно меня требуетъ: все ли у тебя исправно? да не ушелъ ли онъ? да доволенъ-ли онъ?» «А съ тѣхъ поръ, какъ судьи приговорили его къ смерти, такъ тюрьма моя сдѣлалась трактиромъ—ей Богу, трактиромъ». «Всѣ лѣзутъ съ ними прощаться; отпирай всякому, да смотри за всѣми, да не смѣй никого обидѣть, и хоть бы что-нибудь въ руку перепало—да нѣтъ, все народъ благородный—свободень отъ всѣхъ податей».

У.

Уланъ («Евг. Онѣгинъ»).—Младой уланъ, затянутъ, степенъ и румянъ, красуясь черными усами, нагнувъ «широкія плеча» и гордо шпорами звуча,—настигаетъ Ольгу у могилы Ленскаго. «Она на война взглянула: горѣлъ досадою взоръ его. И тихо руку протянула и не сказала ничего. И молча Ленскаго невѣста отъ сиротѣющаго мѣста съ нимъ удалилась. У. «увлекъ вниманье» Ольги и «успѣлъ ея страданье любовной лестью усыпить. У. умѣлъ ее плѣнить, У. любимъ ея душою». «И вотъ ужъ съ нимъ предъ алтаремъ она» «стоитъ» «подъ вѣнцомъ».—Вскорѣ «У., своей невольникъ доли, былъ долженъ ѣхать въ полкъ» и увезъ съ собой Ольгу.

Управитель («Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля»).—Толстый У. Томской, съ величавымъ лицомъ. «Стоялъ» передъ Томской «съ руками за спиной и выдвинувъ правую ногу». «Вопросы и замѣчанія» барыни у него «возбуждали изрѣдка едва замѣтную улыбку», но У. «однако-жъ съ большою снисходительностью подробно входилъ во всѣ требуемыя объясненія».

Управителя сынъ («Пиковая дама»).—Уп. л. «Очень любезный молодой человекъ». Онъ «гдѣ-то служить и имѣетъ порядочное состояніе». За него «вышла замужъ», послѣ смерти графини, Лизавета Ивановна.

Урядникъ («Капит. дочка»).—«Принесъ Гриневу пропускъ», подписанный каракульками Пугачева.

Ф.

Фалбала («Графъ Нулинъ»).—Уп. л. «Въ благородномъ пансіонѣ у эмигрантки Ф.», «воспитана была» Наталья Павловна.

Фарлафъ («Русл. и Людм.»).—Соперникъ Руслана, «витязь молодой»; «злодѣй»; «крикунъ» надменный, въ пирахъ никѣмъ не побѣжденный, но воинъ скромный среди мечей. «Робкій витязь. «Шумъ малѣйшій по дубравѣ, полетъ синицы, ропотъ водъ его бросали въ жаръ и въ потъ». Отправляясь на поиски Людмилы, глядя сѣсиво и важно подбочась, Ф. надувшись, ѣхалъ за Русланомъ. «—Насилу я на волю вырвался, друзья! Ну, скоро-ль, встрѣчусь съ великаномъ? Ужъ то-то крови будетъ течь, ужъ, то-то жертвъ любви ревнивой!... Повеселись, мой вѣрный мечъ, повеселись, мой конь ретивый!» Увидя всадника въ полѣ Ф., покинувъ свой обѣдъ, копье, кольчугу, шлемъ, перчатки, вскочилъ въ сѣдло и безъ оглядки летитъ». «Узнавъ во всадникѣ Рогдая, со страха, скорчась, обмиралъ и

вѣрной смерти ожидая, коня еще быстрѣе гналъ. Такъ точно заяцъ горопливый, прижавши уши боязливо, по кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса скачками мчится ото пса». «Вверхъ ногами свалился тяжко въ грязный ровъ, земли не взвидѣлъ съ небесами, и смерть принять ужъ былъ готовъ». «Ф. съ боязнью глядитъ» на спящаго Руслана: «въ немъ сердце замерло. дрожить; изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ, тихонько обнажаетъ мечъ, готовясь витязя безъ боя съ размаха на-двое разсѣчь». «Герою въ грудь рукой презрѣнной вонзаетъ трижды хладну сталь... И мчится боязливо вдаль съ своей добычей драгоцѣнной (Людмилой). «Людмила спитъ!» «Я такъ нашель ее недавно въ пустынныхъ муромскихъ лѣсахъ у злого лѣшаго въ рукахъ; тамъ совершилось дѣло славно: три дня мы билися; луна надъ боемъ трижды подымалась; онъ палъ, а юная княжна мнѣ въ руки сонною досталась», говоритъ Ф. князю, но узнавъ Руслана (оживленнаго Финномъ) въ Ф. кровь остыла, взоръ погасъ, въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ, и палъ безъ чувствъ онъ на колѣна.

Филиппъ, баронъ («Скуп. рыцарь»). «Покойный герцогъ» «звалъ меня всегда Филиппомъ»,—вспоминаетъ Баронъ. Герцогъ называетъ его «вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ». По словамъ Альбера, «не слугъ и не друзей» «видитъ» въ деньгахъ, «а господъ». Онъ служитъ имъ «какъ алжирскій рабъ, какъ песъ цѣпной». Самъ Баронъ, всыпая золото въ сундукъ, говоритъ:—«Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать, служа страстямъ и нуждамъ челоуѣка. Усните здѣсь сномъ силы и покоя, какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!..»—«Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья съ какой-нибудь развратницей лукавой, иль дурой, имъ обманутой, такъ я весь день минуты ждалъ, когда сойду въ подвалъ мой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ».—«Я каждый разъ, когда хочу сундукъ мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепеть. Не страхъ, но «сердце мнѣ тѣснить невѣдомое чувство»; «пріятно и страшно вмѣстѣ». По словамъ Альбера, «въ нетопленной конурѣ живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки, всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ. А золото спокойно въ сундукахъ лежитъ себѣ». «Счастливыи день! говоритъ самъ Баронъ, могу сегодня я въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще не полный) горсть золота накопленнаго всыпать.—«Мнѣ развѣ даромъ это все досталось, иль шутя, какъ игроку, который гремитъ костями, да груды загребаетъ. Кто знаетъ сколько горькихъ воздержаній, обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ, дневныхъ заботъ, ночей бессонныхъ мнѣ все это стоило?» На приглашеніе герцога возобновить знакомство, отвѣчаетъ:—«старъ, государь, я нынче. Вы молоды; вамъ любы турниры, праздники. А я на нихъ ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я готовъ, кряхтя, взлѣзть снова на коня; еще достанетъ силы старый мечъ за васъ рукой дрожащей обнажить». «О, нѣтъ! кого бояться мнѣ?»—«При мнѣ мой добрый мечъ: за злато отвѣчаетъ честной булатъ», говоритъ Баронъ наединѣ. Въ подвалѣ зажигаетъ свѣчки, стираетъ сундуки одинъ за другимъ.—«Я царствую!.. Какой волшебный блескъ! Послушна мнѣ, сильна моя держава, въ ней счастье, въ ней чистота моя и слава! Я царствую»...—«Что не подвластно мнѣ? Какъ нѣкій демонъ стелѣ править міромъ я могу; лишь захочу — воздвигнутся чертоги, въ великолѣпные мои сады сбѣгутся нифмы рѣзвою толпою; и музы данныя мнѣ принесутъ, и вольный геній мнѣ поработится, и добродѣтели и бессонный трудъ смиренно будутъ ждать моей награды. Я свистну—и крики послушно, робко вползетъ окровавленное злодѣйство, и руку обудетъ мнѣ лизать, и въ очи смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли. Мнѣ все послушно, я же—ничему; я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ, и знаю мощь мою: съ меня довольно сего сознанія».—«Да, на бароновыхъ дворонахъ прольется больше денегъ, нежели слезъ», говоритъ Баронъ. Самъ баронъ признается, что свое богатство онъ «кровью приобрѣлъ»;

желовѣсный представитель» «человѣческихъ заботъ, обмановъ, слезъ, моленій и проклятій». «Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ, пролитые за есе, что здѣсь хранится, изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ, то былъ бы вновь потопъ—я захлебнулся-бъ въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ». На приглашеніе Герцогомъ Альбера ко двору, отвѣчаетъ: «мой сынъ не любитъ шумной свѣтской жизни; онъ дикаго и сумрачнаго нрава». Когда же Герцогъ настаиваетъ—«хмурится» и говорить о сынѣ то, что желалъ бы утаить:—«Онъ, Государь, къ несчастью недостоинъ вашего вниманья. Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ, въ порокахъ низкихъ...» и, наконецъ, взводитъ на Альбера «злое преступленіе»: «Онъ... онъ меня хотѣлъ убить».—Доказывать не стану я, хоть знаю, что точно смерти жаждетъ онъ моей, хоть знаю то, что покушался онъ меня...»—«Что?»—«Обокрасть». На слова Альбера: «Баронъ, вы лжете!»—«Вы лжець!» бросаетъ перчатку:—«Такъ подыми жъ, и мечъ насъ разсуди». Сына держать, «какъ мышъ, рожденную въ подпольѣ», заставляетъ его терпѣть «стыдъ горькой бѣдности». «Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ свое богатство, а тамъ, посмотримъ, станетъ ли несчастный расточать, что кровью приобрѣлъ. Барона тревожитъ мысль, что Альберъ—его «наслѣдникъ, безумецъ, расточитель молодой, развратниковъ разгульный собесѣдникъ»—въ подвалъ «сойдетъ», подъ эти мирные, нѣмые своды, съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ, укравъ ключи у трупа моего, онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ и потекутъ сокровища мои въ атласные, дырявые карманы. Онъ разобьетъ священные сосуды, онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ—онъ расточитъ... А по какому праву?»—«О, еслибъ могъ я отъ взоровъ недостойныхъ скрыть подвалъ!.. о если бъ изъ могилы придти я могъ, сторожевою тѣнью сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ сокровища мои хранить, какъ нынѣ!» «Гдѣ ключи? Ключи, ключи мои!» послѣднія слова умирающаго Барона.

К р и т и к а: 1) Бѣлинскій называетъ Барона «отверженцемъ чело-вѣчества». «Идеаль скупца одинъ, но типы его безконечно различны. Плюшкинъ Гоголя гадокъ, отвратителенъ, это—лицо комическое; баронъ Пушкина ужасенъ—это лицо трагическое. Оба они страшно истинны. Это не то, что скупой Мольера—реторическое олицетвореніе скупости, карри-катура, памфлетъ. Нѣтъ, это лица страшно истинныя, заставляющія содра-гаться за чело-вѣческую природу. Оба они пожираемы одною гнусною страстью, все-таки нисколько одинъ на другого не похожи, потому что и тотъ и другой—не аллегорическое олицетвореніе выражаемой ими идеи, но живыя лица, въ которыхъ общій порокъ выразился индивидуально, лично». «Золото—кумиръ этого чело-вѣка, онъ исполненъ къ нему поэтическаго чувства, говоритъ о немъ языкомъ благоговѣнія, служить ему, какъ пре-данный, усердный жрецъ! Расточитъ его наслѣдство, по его мнѣнію, значить разбить священные сосуды, напоитъ грязь царскимъ елеемъ... Онъ смотритъ еще на золото, какъ молодой, пылкій чело-вѣкъ на женщину, кото-рую онъ страстно любитъ, обладаніе которой онъ купилъ цѣною страшнаго преступленія, и которая тѣмъ дороже ему. Онъ хотѣлъ бы спрятать ее отъ «недостойныхъ взоровъ», его ужасаетъ мысль, чтобы она не принадлежала кому-нибудь послѣ его смерти». [Бѣлинскій. Соч., т. 8].

2) По словамъ Овсяннико-Куликовскаго, «весь душевный процессъ—превращеніе барона въ скупца—можно сказать, изслѣдованъ Пушкинымъ во всѣхъ его тайникахъ; раскрытъ его патологическій характеръ; объяснено важное въ психологіи чело-вѣка явленіе, состоящее въ томъ, что одно сознаніе возможности обладать желаемымъ способно замѣнить собою самый фактъ обладанія; ясно очерчена роль воображенія въ этомъ процессѣ». По мнѣ-нію критика, Баронъ—«настоящій мономанъ (хотя бы и не въ точномъ психіатрическомъ смыслѣ слова. Страсть убила въ немъ всѣ другія

желанія, искалѣчила его душу. Это искалѣченіе или опустошеніе души ошибочно принимается имъ за нѣкій подъемъ духа, который будто бы воспарилъ выше всякихъ желаній и слабостей человѣческихъ, точно онъ, скупой—великій мудрецъ, а не психопатъ. Эта иллюзія и служитъ причиною того, что человѣкъ считаетъ себя вполне удовлетвореннымъ однимъ лишь сознаніемъ достижимости желаній, самое же достиженіе ихъ ему не нужно». [«Пушкинъ».] См. ниже: «Прототипы».

Финнъ («Русл. Людм.»).—«Природный Ф.», «бывшій пастухъ. Давно «забылъ отчизны дальной угрюмый край», «давно» оставилъ «финскія поля», чтобъ «бранной славой заслужить вниманье гордое Наины». («Цари чужбины страшились дерзости моей, говоритъ Ф. Руслану). Въ ученѣ колдуновъ провелъ невидимые годы» и «тайну страшную природы» свѣтлой мыслию постигъ». Двадцать лѣтъ «одинъ во мракъ старой жизни» вянетъ; живетъ «въ своемъ уединенѣ съ разочарованной душой, и въ мірѣ старцу утѣшенье: природа, мудрость и покой». «Вѣщій Ф.», духовъ могучій властелинъ». У него «ясный видъ, спокойный взоръ, брада сѣдая». Даетъ Руслану «завѣтное кольцо». «Юснися имъ чела Людмилы, и тайныхъ чаръ исчезнуть силы».

Финмушъ («Евг. Онѣгинъ»). «Мосье Финмушъ». «Другъ Пелагеи Николаевны» (VII, 45).

Фляновъ («Евг. Онѣгинъ»).—«Отставной совѣтникъ», «тяжелый сплетникъ, старый плутъ, обжора, взяточникъ и шутъ». «Фляновъ, не совсѣмъ здоровый» (послѣ ужина), «на стульяхъ улегся въ столовой».

Франкъ («Марія Шонингъ»).—Уп. л. сынъ Гарлинъ. По словамъ матери, «становится молодцомъ» и ужь «бѣгаетъ за дѣвочками»,—«а ему нѣтъ еще и трехъ лѣтъ».

Францъ («Сцены изъ рыцарскихъ временъ»).—Мѣщанинъ, сынъ богатаго купца; «миннезингеръ» и «все, что вамъ угодно»; «сочиняя глупыя пѣсни», ничего не дѣлаетъ, по словамъ отца: «Лѣнливецъ, даромъ хлѣбъ ѣшь да небо коптишь»; тебѣ бы только гулять съ господами», укоряетъ Ф. отецъ. «Добрый малый», но «вспыльчивый»; когда «отецъ грозился» его «выгнать и лишить наслѣдства», Ф. отвѣчаетъ:—Твоя воля, батюшка! Дѣлай, какъ хочешь». Узнавъ, что отецъ послѣ смерти «отдалъ все свое имѣніе»... подмастерью Карлу, восклицаетъ:—«Отецъ мой умеръ! Невозможно!»—«Бѣдный, бѣдный старикъ!.. И мнѣ не дали знать, что онъ боленъ; можетъ быть, онъ умеръ съ горести: онъ меня любилъ, онъ чувствовалъ сильно». «Онъ меня бы благословилъ». Спокойно говоритъ Карлу:—«Владѣй себѣ моимъ наслѣдствомъ, Карлъ; я у тебя его не требую», кланяясь Юліи и вотъ, отдай ей эту серебряную цѣпочку отъ меня на память»; не любитъ «своего состоянія».—«Чортъ поberi наше состояніе! Отецъ у меня богатъ, а мнѣ какое дѣло? Дворянинъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ зазубреннаго меча да заржавѣвшаго шлема, счастливѣе и почетнѣе отца моего: отецъ мой сымаетъ передъ нимъ шляпу, а тотъ и не смотритъ на него. Деньги! Потому что деньги достались ему не дешево, такъ онъ и думаетъ, что въ деньгахъ вся сила. Какъ не такъ!» «Деньги рыцарю не нужны: на то есть мѣщане. Какъ прижметъ ихъ, такъ у нихъ и забрызжетъ кровь червонцами». Рыцарь, по его мнѣнію, «воленъ, какъ соколъ, онъ никогда не горбился надъ счетами, онъ идетъ прямо и гордо; онъ скажетъ слово,—ему вѣрятъ...» Полагаетъ, что лучше быть послѣднимъ министрелемъ; этого, по крайней мѣрѣ, въ замки принимаютъ: госпожа слушаетъ его пѣсни, наливаетъ ему чашу и подноситъ изъ своихъ рукъ. Ф. «безъ ума» отъ Клотильды; онъ мечтаетъ, какъ бы попасть въ баронскій замокъ или на турниръ», гдѣ «будетъ и Клотильда»; ему грезится: «дамы обсядутъ кругомъ, трепеща за своихъ рыцарей; трубы затрубятъ,

выступать герольды, рыцари объѣдутъ поле, преклоняя копыя предъ благосклонной красавицей. Трубы опять затрубятъ, рыцари разъѣдутся, помчатся другъ на друга... дамы ахнутъ».—«Боже мой! и никогда не пояду я пыли на турнирѣ, никогда герольдъ не возгласитъ моего имени, презрѣннаго мѣщанскаго имени, никогда Клотильда не ахнетъ»; услыша предложеніе Альберта поступить къ нему на службу, задумывается.—«Какъ мнѣ не задуматься? Сейчасъ отецъ грозился меня выгнать и лишить наслѣдства»; желаніе попасть «въ баронскій замокъ» побѣждаетъ: онъ поступаетъ слугою къ Альберту. Въ замкѣ Ф. «не видитъ никого, кромѣ Клотильды, «когда онъ служитъ за столомъ», и Клотильда уронить «платокъ, онъ всѣхъ проворнѣе его подыметъ». «Когда» Клотильда садится на коня, онъ «всегда держитъ» ей «стремя». На вопросъ Клотильды («Не правда ли, что, если тебя помилуютъ, то уже болѣе бунтовать не станешь?») Ф. «въ чрезвычайномъ смущеніи» только можетъ проговорить:—«Сударыня... сударыня...»—Однако жъ, я ей обязанъ жизнью!» восклицаетъ Ф. послѣ заступничества за него Клотильды. «Грубянь». «предерзкая тварь», по выраженію Клотильды. На предложеніе Альберта, поступить къ нему конюшимъ, Ф. задаетъ вопросъ: «Вы не будете давать мнѣ пощечинъ?» и прибавляетъ: «И то правда: коли случится такой грѣхъ, посмотримъ, кто кого...» На приказаніе Альберта:—«Францъ! разуи графа», отвѣчаетъ:—«Я не всемірный слуга, чтобы всякаго разувать».—«Я тебя прогоню», грозитъ ему Альбертъ.—«Я самъ готовъ оставить замокъ». Приговоренный къ висѣлицѣ, «не унываетъ»; на просьбу рыцарей что-нибудь спѣть, отвѣчаетъ:—«Пожалуй, я вамъ спою моего сочиненія. Голосъ мой не дрожитъ, а языкъ поворачивается». «Честь для него дороже денегъ». Вспоминая о жизни въ замкѣ, онъ говоритъ:—«Я унизился въ собственныхъ глазахъ моихъ; я сдѣлался слугою того, кто былъ моимъ товарищемъ; я привыкъ сносить дѣтскія обиды глупаго, избалованнаго повѣсы; я не примѣчалъ ничего... Я, который не хотѣлъ зависить отъ отца, я сталъ зависить отъ чужого».—«Развѣ мѣщанинъ не достоинъ дышать однимъ воздухомъ съ дворяниномъ? Развѣ не всѣ мы произошли отъ Адама?» разсуждаетъ Ф. «О, я самъ отищу, отищу!» говоритъ онъ, выгнанный изъ замка Барона; подымаетъ на рыцарей вассаловъ и становится во главѣ ихъ. Помиланный отъ висѣлицы и проговоренный къ вѣчному заключенію, Ф. восклицаетъ:—«Какъ! вѣчное заключеніе! Да по мнѣ лучше умереть!»

Францъ («Марія Шонингъ»).—Мужъ Анны Гарлинъ. Инвалидъ съ деревянной ногой. «Въ хозяйствѣ ничего не смыслить: настоящій ребенокъ»; по словамъ жены, «любитъ выпить стаканъ вина, и все еще не досказалъ «исторію о своихъ походахъ».

Фуфлыгина графиня. («На углу маленькой площади»).—Уп. л. По словамъ Володского, «взяточница, толстая, наглая дура».

Х.

Ханъ («Полтава»).—Уп. л. [Крымскій ханъ Кази-Гирей, предлажавшій Мазепѣ «соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на русское войско»].

Харитонъ («Дубровскій»).—Поваръ. «Единственный кистеневскій грамотей»; ему продиктовала Егоровна письмо къ молодому Дубровскому (о болѣзни Андрея Гавриловича).

Харликова («Евг. Онѣгинъ»).—Дочь Панфила Харликова. «Невѣста переспѣлыхъ лѣтъ».

Харликовъ, Панфилъ («Евг. Онѣгинъ»).—Уп. л. См. ниже.

Харлова, Лизавета («Капит. дочка»).—Уп. л. Швабринъ

грозился Маріи Ивановнѣ, что съ ней «то же будетъ, что съ Лизаветой Харловой».

Хлопуша («К а п и т. д о ч к а»). — Наперсникъ Пугачева. Последній называлъ Х. генераломъ. «Былъ высокаго роста, дородень и широкоплечъ»; казался лѣтъ 45-ти. Густая рыжая борода, сѣрые сверкающіе глаза, носъ безъ ноздрей и красноватая пятна на лбу и на щекахъ придавали его рябому широкому лицу выраженіе неизъяснимое. Онъ былъ въ красной рубахѣ, въ киргизскомъ халатѣ и въ казацкихъ шароварахъ». Бѣлобородовъ далъ Х. прозвище: «рванья ноздри»—«Я тебѣ дамъ» «рванья ноздри», закричалъ Х., «смотри, чтобы я тебѣ бородашки не вырвалъ. Ссылный преступникъ, три раза бѣжавшій изъ сибирскихъ рудниковъ; по собственному признанію, «грѣшенъ»; рука его повинна въ пролитой христіанской крови. Но онъ «губилъ супротивника, а не гостя; на вольномъ перепутьѣ да въ темномъ лѣсу, а не дома, сидя за печью; кистенемъ и обухомъ, а не бабьимъ наговоромъ».—«Полно, Наумычъ», сказалъ Х. Бѣлобородову, «тебѣ бы все душишь да рѣзать». На угрозы Пугачева повѣсить Швабрина Х. отвѣтилъ хриплымъ голосомъ:—«Прикажи слово молвить: ты поторопился пазначить Швабрина въ коменданты крѣпости, а теперь торопишься его вѣшать. Ты ужъ оскорбилъ казаковъ, посадивъ дворянина имъ въ начальники; не пугай же дворянъ, казня ихъ по первому наговору». На совѣщаніи Х. ссорился съ Бѣлобородовымъ и называлъ послѣдняго «старымъ хрычомъ». «По распоряженію Х-ши Гринева былъ отведенъ «въ приказную избу».

Хованская, княгиня («Р. П е л а м ѣ»). — «Явленіе княгини Хованской съ Наградскимъ» (въ домъ отца Р. Пелама).—(прогр. IV).—«Мать его (брата Пелымова)—княгиня Хованская — расточаетъ деньги». (Прогр. III.). Ср. Вирлацкая.

Ходаковскій («Р о д о с л.»)—См. «Списокъ», стр. 250.

Хозяинъ («К а п и т. д о ч к а»).—Х. постоялаго двора. «Родомъ яицкій казакъ», «казался лѣтъ шестидесяти, еще свѣжій и бодрый»; ввелъ Гринева «въ горницу тѣсную, но довольно чистую». Велъ съ Пугачевымъ «иносказательный» разговоръ: стали было къ вечернѣ звонить, да попадья не велить: попъ въ гостяхъ, черти на погостѣ» (Разговоръ шелъ «о дѣлахъ яицкаго войска, въ то время только что усмиренного послѣ бунта 1772 года). По словамъ Гринева, при расплатѣ Х. «взялъ» съ нихъ «такую умѣренную плату, что Савельичъ не заспорилъ».

Хозяйка («Б о р. Г о д.»).—Х. корчмы. «Чѣмъ-то мнѣ васъ почитать, старцы честные?»—спрашиваетъ она Варлаама и Мисаила. По ихъ требованію, выносить «вина»:—«Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье».—«Господь, помилуй и спаси!» плачетъ Х. услыша жалобы Варлаама приставамъ; негодуетъ на приставовъ:—«Ахъ, они, окаянные мучители! и старца-то въ покоѣ не оставляютъ!»—«Пристава» «обижаютъ насъ бѣдныхъ», говоритъ она. «Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ и вина, и хлѣба, и невѣдомо чего, чтобъ имъ издохнуть, окаяннымъ! Чтобъ имъ...»—«Ахъ, вотъ они, проклятые! дозоромъ идутъ». «Добро пожаловать, гости дорогіе, милости просимъ!» — привѣтствуетъ Х. приставовъ.

Хорчевскій («К и р д ж а л и»).—«Маіоръ охотскаго пѣхотнаго полка». Разбраненный начальникомъ карантиновъ (за то, что турки на другомъ берегу начали «дѣйствовать картечью» противъ арнаутовъ), «не зная, что дѣлать, побѣжалъ къ рѣкѣ, за которой гарцовали делибаши, и погрозилъ имъ пальцемъ. Делибаши, увидя это, повернулись и ускакали, а за ними и весь турецкій отрядъ» [Липранди («Русск. Арх.» 1866 г.) нѣсколько иначе излагаетъ это событіе и называетъ Хорчевскаго его настоящей фамиліей—Карчевскимъ].

Хоткевичъ («Бор. год.»). — Уп. л. «Х. молодой, что послѣ застрѣлился», — вспоминаетъ о немъ Рузя.

Хрущовъ («Бор. год.»). — «Бьетъ челомъ» самозванцу: — «Такъ, государь, отецъ нашъ. Мы твои. Мы изъ Москвы, опальные бѣжали къ тебѣ, нашъ царь, — и за тебя готовы главами лечь, да будутъ наши трупы на царскій тронъ ступенями тебѣ».

Хрущовъ («Пеламъ»). — «Общество умныхъ» (II прогн).

Ц.

Царица (Бор. год.). — «Смиренная монахиня», «царица», — вдова Теодора Иоанновича, «сестра» Годунова.

Царь («Бор. Год.»). — См. Годуновъ, Борисъ.

Цыганъ молодой («Цыгане»). — «Красавецъ молодой», убитый Алеко.

Цыганъ старый «На вешнемъ солнцѣ грѣтъ ужъ остывающую кровь». Въ его умѣ минувши лѣта часъ отъ часу темнѣй, темнѣй. «Что было, то не будетъ вновь», говоритъ Ц.; но пѣсня Земфиры, которую «пѣвала Мариула», «заронилась глубоко въ памяти» Ц. Ожидая Земфиру, онъ передъ углями сидитъ, согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ и въ поле дальнее глядитъ», «и стынетъ убогій ужинъ старика». Когда Земфира приводитъ гостя, — встрѣчаетъ Алеко: «Я радъ. Остаешься до утра подъ сѣнью нашего шатра, или пробудь у насъ и долѣ, какъ ты захочешь. Я готовъ съ тобою дѣлить и хлѣбъ, и кровь. Будь нашъ, привыкни къ нашей долѣ, бродящей бѣдности и волѣ, а завтра, съ утренней зарей, въ одной телѣгѣ мы поѣдемъ; примись за промыселъ любой: желѣзо куй, иль пѣсни пой и села обходи съ медвѣдемъ!» Онъ знаетъ, что «не всегда мила свобода, тому, кто къ нѣгѣ приученъ» — «Ты для него дороже міра», — говоритъ Ц., обращаясь къ Земфирѣ. — «Ты любишь горестно и трудно, а сердце женское шутя», утѣшаетъ онъ Алеко. По словамъ Ц., «вольнѣе птицы младость, кто въ силахъ удержать любовь?». «Кто сердцу юной дѣвы скажетъ: люби одно, не измѣнись!» — «Не плачь, тоска тебя погубитъ, — утѣшаетъ онъ Алеко. «Твое унынье безразсудно». Алеко называетъ «другомъ»; припоминая «старую печаль», ему рассказываетъ «повѣсть о самомъ себѣ», когда онъ «молодъ былъ». — «Моя душа въ то время радостно кипѣла», — говоритъ Ц. — «Ахъ, быстро молодость моя звѣздой падучею мелькнула, но ты, пора любви, минула еще быстрѣе: только годъ меня любила Мариула». Съ этихъ поръ ему «постылы» всѣ дѣвы міра; «межъ ними никогда мой взоръ не выбиралъ себѣ подруги, и одинокіе досуги уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ».

Послѣ того, какъ Алеко сталъ «убійцей», обращается къ нему съ требованіемъ: «Оставь насъ, гордый человекъ! Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ; мы не терзаемъ, не казимъ, не нужно крови намъ и стоновъ: но жить съ убійцей не хотимъ. Ты не рожденъ для дикой воли, ты для себя лишь хочешь воли; ужасенъ намъ свой будетъ гласъ: мы робки и добры душою, иль золь и смѣль — оставь же насъ; прости! да будетъ миръ съ тобою».

К р и т и к а: Сопоставляя Алеко со Ст. цыг., Бѣлинскій говоритъ: «и какъ великъ, какъ истинно (т. е. внутренно, духовно) свободенъ передъ нимъ старый цыганъ, этотъ сынъ природы, бѣдности, незнающій въ простотѣ сердца никакихъ теорій нравственности». «Это одно изъ такихъ лицъ, созданіемъ котораго можетъ гордиться всякая литература. Есть въ этомъ цыганѣ что-то патриархальное. У него нѣтъ мыслей: онъ мыслитъ чувствомъ, — и какъ истинны, глубоки, человѣчны его чувства! Языкъ его исполненъ поэзіи. Въ тонѣ рѣчи его столько простоты, наивности, достоинства, самоотрицанія (*résination*), кротости, теплоты и елейности. И какъ вѣренъ онъ

себѣ во всемъ,—тогда ли, какъ рассказываетъ своимъ простодушнымъ языкомъ преданіе объ Овидіи; или когда въ исполненной дикаго огня, дикой страсти и дикой поэзіи пѣсни Земфиры припоминаетъ стараго друга; или когда, утѣшая Алеко въ охлажденіи Земфиры, по своему, но такъ вѣрно и истинно объясняетъ ему натуру и права женскаго сердца и рассказываетъ трогательную повѣсть о самомъ себѣ, о своей любви къ Маріулѣ и ея измѣнѣ, которую онъ въ своей цыганской простотѣ, такъ человѣчно, такъ гуманно нашель совершенно законной... Но въ сценѣ похоронъ и прощанія съ Алеко онъ является, самъ того не подозрѣвая въ своей цыганской дикости, въ истинно-трагическомъ величіи».

Цѣловальникъ («Капит. дочка»).—Уп. л. «Ему Пугачевъ» заложилъ» свой «тулупъ».

Ч.

Чаплицкій («Пиковая дама»).—Уп. л. Въ молодости проигралъ «около трехсотъ тысячъ»; графиня «сжалилась надъ Ч. и, по словамъ Томскаго, «дала ему три карты съ тѣмъ, чтобы онъ поставилъ ихъ одну за другою и взяла съ него честное слово впредь уже никогда не играть». Ч. «отыгрался и остался еще въ выигрышѣ».—«Умеръ въ нищетѣ, промотавъ миллионы».

Чарскій («Егип. ночи»).—Одинъ изъ коренныхъ жителей Петербурга, одаренный «талантомъ и душой». «Ему не было еще тридцати лѣтъ». «Онъ не былъ женатъ; служба не обременяла его. Покойный дядя его, бывшій вице-губернаторомъ въ хорошее время, оставилъ ему порядочное имѣніе. Жизнь его была очень пріятна», «но онъ имѣлъ несчастье писать и печатать стихи». «Въ журналахъ звали его поэтомъ, а въ лакейскихъ—сочинителемъ». «Ч. употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сгладить съ себя несчастное прозвище». «Въ кабинетѣ его, убранномъ какъ дамская спальня, ничто не напоминало писателя». «Ч. былъ въ отчаяніи, если кто-нибудь изъ свѣтскихъ его друзей заставлялъ его съ перомъ въ рукахъ». «Онъ избѣгалъ общества своей братіи—литераторовъ, и предпочиталъ имъ свѣтскихъ людей, даже самыхъ пустыхъ». «Разговоръ его былъ самый пошлый и никогда не касался литературы». «Онъ прикидывался то страстнымъ охотникомъ до лошадей, то отчаяннымъ игрокомъ, то самымъ тонкимъ гастрономомъ, хотя никакъ не могъ различить горской породы отъ арабской, никогда не помнилъ козырей и втайнѣ предпочиталъ печеный картофель всевозможнымъ изобрѣтеніямъ французской кухни. Онъ велъ жизнь самую разсѣянную; торчалъ на всѣхъ балахъ, объѣдался на всѣхъ дипломатическихъ обѣдахъ и былъ на всякомъ званомъ обѣдѣ; «всегда наблюдалъ самую послѣднюю моду съ робостью и суевѣріемъ молодого москвича, въ первый разъ отъ роду пріѣхавшаго въ Петербургъ». Когда «неаполитанецъ» просилъ Ч. «оказать ему» «дружеское вспоможеніе», какъ «своему собрату», то «невозможно было нанести тщеславію Ч. оскорбленія болѣе чувствительнаго»; «онъ слѣсиво взглянулъ на того, кто называлъ его собратомъ» и проговорилъ:—«Вѣроятно, вамъ сказали въ шутку, будто я великій стихотворецъ. Правда, я когда то написалъ нѣсколько плохихъ эпиграммъ; но, слава Богу, съ господами стихотворцами ничего общаго не имѣю и имѣть не хочу», «я не поэтъ». «Званіе поэтовъ у насъ не существуетъ»,—говоритъ Ч. итальянцу. «Наши поэты не пользуются покровительствомъ господъ; наши поэты сами господа, и если наши меценаты (чортъ ихъ побери!) этого не знаютъ, тѣмъ хуже для нихъ. У насъ нѣтъ оборванныхъ аббатовъ, которыхъ музыкантъ бралъ бы съ улицы для сочиненія libretto. У насъ поэты не ходятъ пѣшкомъ изъ дому въ домъ, выпрашивая себѣ вспоможенія». «Однако жъ, онъ былъ поэтъ, и страсть его была неодолима. Когда находила на него такая

дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе); Ч. зализался въ своемъ кабинетъ и писалъ съ утра до поздней ночи. Онъ признавался искреннимъ друзьямъ, что только тогда и зналъ истинное счастье». «Блестящая импровизація итальянца оставила въ Ч. «чувство восхищенія»; онъ молчалъ изумленный и растроганный. «Удивительно!»—сказалъ онъ.—«Какъ! чужая мысль чуть коснулась вашего слуха, и уже стала вашею собственностью, какъ будто вы съ нею носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно. Итакъ, для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого безпокойства, которое предшествуетъ вдохновенію? Удивительно, удивительно!»... «Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсень; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ»,—такую тему предлагаетъ Ч. для импровизаціи итальянцу. «Непріятно было Ч. съ высоты поэзіи вдругъ упасть подъ лавку конторщика» и пуститься «съ итальянцемъ въ меркантильные расчеты» его возможныхъ доходовъ съ продажи билетовъ»; «непріятно было видѣть поэта въ одеждѣ заѣзжаго фитляра», но онъ замѣтилъ, что нарядъ, который показался ему такъ неприличенъ, не произвелъ того же дѣйствія на публику; самъ Ч. не нашелъ ничего смѣшного въ итальянцѣ, когда увидѣлъ его на подмосткахъ». «Вопреки мелочамъ своего характера, имѣлъ сердце доброе и благородное». «Устыдился раздражительности своего самолюбія» (при встрѣчѣ съ импровизаторомъ), почувствовавъ всю жестокость своего обхожденія.—«Зачѣмъ же вы прежде не сказали, что вы импровизаторъ?» Ч. «сжалъ ему руку съ чувствомъ искренняго раскаянія» «и въ тотъ же вечеръ поѣхалъ за него хлопотать». На другой день онъ сидѣлъ «въ темномъ нечистомъ» номерѣ трактира и слушалъ импровизацію итальянца. См. Прототины.

Ченалинскій («П и к о в а я д а м а»).—«Человѣкъ лѣтъ шестидесяти, самой почтенной наружности; голова покрыта серебряной сѣдиною, полное и свѣжее лицо изображало добродушіе; глаза блистали, оживленные всегдашнею улыбкою». Провелъ «весь вѣкъ за картами»; нажилъ «нѣкогда милліоны, выигрывая векселя и проигрывая чистыя деньги». Долговременная опытность заслужила ему довѣренность товарищей, а открытый домъ, славный поваръ, ласковость и веселость приобрѣли уваженіе публики. «Подъ предсѣдательствомъ славнаго Ч—аго въ Москвѣ составилось общество богатыхъ игроковъ». Къ нему въ домъ Нарумовъ привезъ Германна.

Человѣкъ молодой («П и р ь в о в р е м я ч у м ы»).—Много насъ еще въ живыхъ, и намъ причины нѣтъ печалиться»,—говоритъ онъ, предлагая выпить въ память ушедшаго «въ холодныя, подземныя жилища» Джаксона «съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ, какъ будто бы былъ онъ живъ». Предложеніе Вальсингама «въ молчаніи выпить въ честь» Джанксона принимаетъ, восклицая: «Да будетъ такъ!» Онъ же предлагаетъ Вальсингаму спѣть «буйную вакхическую пѣснь, рожденную за чашею кипящей» (Въ отвѣтъ на его предложеніе Вальсингамъ поетъ «гимнъ въ честь чумы»).

Черкесъ («К а в к а з с к і й п л ѣ н н и к ъ»).—Гроза безпечныхъ казаковъ» Ч. «проворный», «въ косматой шалкѣ, въ буркѣ черной», «оружіемъ обвѣшанъ». «На немъ броня, пищаль, колчанъ, кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ и шашка, вѣчная подруга его трудовъ, его досуга». Къ лукѣ склоняясь, на стремяна ногою стройной опираясь, металъ по волѣ скакуна, къ войнѣ». Ничто его не тяготитъ, ничто не брякнетъ: пѣшій, конный—все тотъ же онъ, все тотъ же видъ непобѣдимый, непреклонный». «Его богатство—конь ретивый, питомецъ горскихъ табуновъ, товарищъ вѣрный, терпѣливый. Въ пещерѣ иль травѣ глухой коварный хищникъ съ нимъ таится. И вдругъ внезапною стрѣлой, завидя путника, стремится; въ одно мгновеніе вѣрный бой рѣшитъ ударъ его могучій, и странника въ ущелье горъ уже влечетъ арканъ летучій». «Все путь ему—болото, борь, кусты, утесы и

овраги». «Ухвативъ рогатый пень, въ рѣку низверженный грозною», «Ч., на корни вѣковые, на вѣтки вѣшаетъ кругомъ свои доспѣхи боевые—щитъ, бурку, панцырь и шоломъ, колчанъ и лукъ—и въ быстры волны за нимъ брошается потомъ, неутомимый и безмолвный».

Черкешенка («Кавказскій плѣнникъ»).—«Ч. младая», съ «неумолимой красотой». «Никто донинѣ»,—говоритъ она,—«не цѣловаль моихъ очей; къ моей постели одинокой, черкесъ молодой и черноокій не крался въ тишинѣ ночной». «Меня отецъ и братъ суровый немилому продать хотятъ въ чужой аулъ цѣною злата; но умолю отца и брата, не то найду кинжалъ иль ядъ!.. Полюбивъ плѣнника, «впервые дѣвственной душой она любила, знала счастье».—«Непостижимой чудной силой къ тебѣ я вся привлечена, люблю тебя, невольникъ милый, душа тобой упоена»... «Узнавъ же о его любви къ другой, Ч. говоритъ:—«Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде явился ты моимъ очамъ; понятны мнѣ твои страданья, не смѣйся горестямъ моимъ!»—«Ты воленъ!»—(она освобождаетъ плѣнника отъ оковъ).—«Бѣги!»; но взглядъ ея безумной любви порывъ изобразилъ». «Она страдала». На зовъ плѣнника («бѣги со мной»...), отвѣчаетъ:—«Нѣтъ, русскій, нѣтъ! Она исчезла, жизни сладость—я знала все, я знала радость, и все прошло, пропалъ и слѣдъ; возможно ль: ты любилъ другую... Найди ее! Люби ее! О чемъ же я еще тоскую, о чемъ уныніе мое?.. Прости! любви благословенья съ тобою будутъ каждый часъ. Прости—забуди мои мученья, дай руку мнѣ... въ послѣдній разъ».

Чернецъ («Бор. Год»).—«Злой». «Усъ» его «пробиваетъ ужъ лихая сѣдина»...—««Правда,—ваше горькое житье, вы разгульные, лихіе, молодые чернецы», говоритъ онъ Григорію. Тотъ мечтаетъ: — «что когда-бы нашъ царевичъ изъ могилы вдругъ воскресъ» и позвалъ воевать противъ Бориса. — Чернецъ на это отвѣчаетъ: «Полно, не болтай пустого. Мертвыхъ намъ не воскресить... Но послушай: если дѣло затѣвать, такъ затѣвать»... «Если-бъ я былъ такъ же молодъ, какъ и ты... понимаешь?» — «Слушай, глупый нашъ народъ легковѣренъ, радъ дивиться чудесамъ и новизнѣ, а бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ. Племя древняго варяга и теперь любезно всѣмъ. Ты царевича ровесникъ... Если ты хитеръ и твердъ... Понимаешь?» — «Дай мнѣ руку — будешь царь».

Черниковскій («Бор. Год»). — см. Патерь.

Чепчуговъ («Бор. Год»). — Борисъ «подкупалъ напрасно Чепчугова» (убить царевича Димитрія).

Черноморъ («Русл. и Людм.»).—«Старшій братъ» «голова». «Колдунъ», «горбатый карликъ», «волшебникъ страшный», «красавицъ давній похититель, полночныхъ обладатель горъ». Онъ звѣзды сводитъ съ небосклона, онъ свистнетъ — задрожитъ луна; но противъ времени закона его наука не сильна». «Умень, какъ бѣсъ, и золь ужасно», и все-жъ онъ «былъ смѣшонъ». «Семейства нашего позоръ», говоритъ о немъ «голова». — «Мрачныхъ козней не боюсь: противникъ слабый мнѣ не страшень; говоритъ самъ Ч. «Сей благодатной бородой недаромъ Ч. украшенъ. Доколь власовъ ея сѣдыхъ враждебный мечъ не перерубить, никто изъ витязей, лихихъ, никто изъ смертныхъ не погубитъ малѣйшихъ замысловъ моихъ», но побѣжденный Русланомъ, проситъ:—«Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ; скажи—спущусь, куда велишь...» «Русланъ отсѣкъ бороду Черномору»; «лишенный силы чародѣйства, былъ принятъ Карла во дворецъ».

Чечель («Полтава»). — Уп. л. «На плахѣ гибнетъ Ч. смѣлый». [«Чечель отчаянно защищалъ Батуричь противъ войскъ Меньшикова»].

Чиловникъ («Капит. дочка»). — Коллежскій совѣтникъ, директоръ «таможни», толстый и румяный старичекъ «въ глазетовомъ кафтанѣ». Ч. «сталъ разспрашивать» Гринева «о судьбѣ Ивана Кузь-

мича, «котораго называлъ кумомъ»; «часто прерывалъ» «рѣчь» Гринева дополнительными вопросами и нравоучительными замѣчаніями, которые если и не обличали въ Ч. «человѣка свѣдущаго въ военномъ искусствѣ, то, по крайней мѣрѣ, обнаруживали смѣтливость и природный умъ». Во время военного совѣта, на вопросъ генерала, «какъ дѣйствовать противу мятежниковъ», «поспѣшно допилъ третью свою чашку, значительно разбавленную ромомъ, и отвѣчалъ генералу»: «—Я думаю, ваше превосходительство, что не должно дѣйствовать ни наступательно, ни оборонительно... «двигайтесь подкупательно». «И тогда», «будь я киргизскій баронъ, а не коллежскій совѣтникъ, если эти воры не выдадутъ намъ своего атамана, скованнаго по рукамъ и ногамъ».

Чиновникъ полицейскій («К и р д ж а л и»).—«Краснорожіи старичекъ въ полиняломъ мундирѣ, на которомъ болтались три пуговицы». У воротъ острога онъ «прищепилъ оловянными очками багровую шишку, замѣнявшую у него носъ, развернулъ бумагу и, гнуся, началъ читать на молдаванскомъ языкѣ», «время отъ времени», «надменно» взглядывая «на скованнаго Кирджали»; кончивъ «свое чтеніе», онъ «сложилъ бумагу, грозно прикрикнулъ на народъ, приказалъ ему раздаться, и велѣлъ подвести каруцу» (низенькую, плетеную телѣжку). Когда Кирджали «заплакалъ и повалился въ ноги полицейскаго чиновника», загремѣвъ своими цѣпами, Ч., «испугавшись отскочилъ». На вопросъ, что ему говорилъ Кирджали, «отвѣчалъ, смѣясь: — онъ, видите-сь, просилъ меня, чтобы я позаботился о его женѣ и ребенкѣ»... «онъ боится, чтобъ и они изъ-за него не пострадали. Народъ глухой-сь».

Чумаковъ («К а п и т. д о ч к а»). — Старшина. «Молодой», «стройный и красивый» казакъ, «субутыльникъ Пугачева». «Налилъ» «Гриневу стаканъ простого вина», «затянулъ тонкимъ гласкомъ заунывную бурлацкую пѣсню».

Чуполей («Р. П е л а м ъ»).—Братъ Пелымова «выходить въ люди (въ секретари Чуполея): (прогр. III). Въ программѣ IV—Чоколей. Ср. Кочубей».

Ш.

Шабашкинъ («Д у б р о в с к і й»). — «Засѣдатель». Велъ дѣло Троекурова противъ Дубровскаго; «хлопоталъ, дѣйствуя отъ его имени, страшая и подкупая судей и толкуя вкривь и вкосъ всевозможные указы». «Стоялъ предъ Кириллой Петровичемъ, отвѣшивая поклонъ за поклономъ и съ благовѣніемъ ожидая, что онъ ему скажетъ»; «отказался отъ водки и сталъ слушать» Троекурова «со всевозможнымъ вниманіемъ». При молодомъ Дубровскомъ Ш. «съ картузомъ на головѣ стоялъ подбочась и гордо взирая около себя:«—Мы васъ не знаемъ, да и знать не хотимъ», говорилъ Ш. Позднѣ «съ униженными поклонами сталъ благодарить Дубровскаго за его милостивое заступленіе» (защиту отъ кистеневскихъ крестьянъ) и просилъ сдѣлать «такую милость» для ночлега «постлатъ хоть сѣна въ гостиной».—«Чѣмъ свѣтъ мы отправимся во-свояси», прибавилъ Ш. «Благодаря проворству» Ш., дѣйствовавшаго «по законамъ», Дубровскій былъ поставленъ «въ свое невыгодное положеніе», а Троекуровъ получилъ «совершенное удовольствіе». Кистеневка, по рѣшенію уѣзднаго суда, была укрѣплена за Троекуровымъ. «Охотникъ» до бабъ, по словамъ исправника. Сгорѣлъ въ домѣ Дубровскаго.

Шагинъ («А р а п ѣ П е т р а В.»). — По словамъ Т. А. Ржевской, «вѣтрогонъ, слишкомъ понабрался нѣмецкаго духу».

Швабринъ, Алексѣй Ивановичъ («К а л и т. д о ч к а»).—«Молодой офицеръ невысокаго роста, съ лицомъ смуглымъ и отмѣнно некрасивымъ»,

«волосы» его были «черны, какъ смоль». Служилъ въ гвардіи, но за дуэль «пятый годъ, какъ переведенъ» въ Бѣлогорскую крѣпость. Изъяснялся по-французски, имѣлъ у себя «нѣсколько французскихъ книгъ». «Очень не глупъ», а по словамъ Марьи Ивановны, «умный». По словамъ Гринева, «одинъ въ крѣпости могъ оцѣнить произведенія стихотворца». Василиса Егоровна утверждала, что Ш. «въ Господа Бога не вѣруеть» и «за душегубство» былъ высланъ изъ гвардіи.—Я не охотникъ до Ш., говорилъ Иванъ Игнатьевичъ. Машѣ онъ былъ «очень противенъ».—«Проворенъ нечего сказать!» отзывалась о Ш. попадья, а генералъ Р. позднѣе звалъ его «превеликій Shelm» и грозился разстрѣлять Ш. «на парашетѣ крѣпости». Ш. «сказнить не бѣда!» говорилъ также и Бѣлородовъ. Зуринъ считалъ его однимъ «изъ главныхъ преступниковъ». «Насмѣшникъ!» отзывалась о Ш. Марья Ивановна. Гринева называлъ его «дерзкимъ злоязычникомъ», способнымъ на «обдуманную клевету». Въ клеветѣ на Марью Ивановну вымещалъ «досаду оскорбленнаго самолюбія и отвергнутой любви», донесъ старику Гриневу о поведеніи сына, такъ какъ «имѣлъ выгоду въ доносахъ, вслѣдствіе котораго могло быть удаленіе» Гринева «изъ крѣпости и разрывъ съ комендантскимъ семействомъ»; обнаруживалъ «безстыдство въ разговорѣ съ Гриневымъ при постороннихъ, хотя никто, кромѣ Гринева, и не повялъ его грубыхъ обиняковъ».—«Мы было поспорили довольно крупно съ Петромъ Андреевичемъ» Гриневымъ «за сущую бездѣлицу: за пѣсенку, Василиса Егоровна».—«Петръ Андреевичъ сочинилъ недавно пѣсню и сегодня запѣлъ ее при мнѣ, а я затаилъ мою любимую: Капитанская дочь, не ходи гулять въ полночь. Вышла разладица. Петръ Андреевичъ было и разсердился, но потомъ разсудилъ, что всякъ воленъ пѣть, что кому угодно. Тѣмъ дѣло и кончилось». На упреки Василисы Егоровны за поединокъ «сказалъ ей хладнокровно»:—«При всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, не могу не замѣтить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая насъ вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузьмичу; это его дѣло». «Извините меня» сказалъ Ш. Гриневу, «что я безъ церемоніи прихожу съ вами познакомиться. Вчера узналъ я о вашемъ приѣздѣ; желаніе увидѣть, наконецъ, человѣческое лицо, такъ овладѣло мною, что я не вытерпѣлъ. Вы это поймете, когда проживете здѣсь нѣсколько времени». «Разговоръ Ш. былъ остеръ и занимателенъ»; «съ большой веселостью описалъ» Гриневу «семейство коменданта»: «Капитанскую дочку описалъ совершенной дурочкой». Увѣрялъ, что «по опыту» знаетъ нравъ Марьи Ивановны и совѣтовалъ Гриневу послушаться «дружескаго» слова:—«коли ты хочешь успѣть, то совѣтую дѣйствовать не пѣсенками»—«Ежели ты хочешь, чтобъ Маша Миронова ходила къ тебѣ въ сумерки, то вмѣсто нѣжныхъ стишковъ подари ей пару серегъ». Утверждалъ, «что стихотворцамъ нуженъ слушатель, какъ Ивану Кузьмичу графинчикъ водки передъ обѣдомъ». Объ Иванѣ Игнатьичѣ «выдумалъ, будто бы онъ былъ въ nepозволительной связи съ Василисой Егоровной», «что не имѣло и тѣни правдоподобія». Но Ш. «объ этомъ не беспокоился». Самого Гринева называлъ «самолюбивымъ стихотворцемъ» и «Донъ-Кихотомъ Бѣлогорскимъ». Прослушавъ «пѣсню» Гринева, объявилъ ему, что «пѣсня не хороша»; назвалъ его «самолюбивымъ стихотворцемъ» и утверждалъ, что стихи Гринева «достойны учителя» его—«Василія Кириллыча Тредьяковскаго и очень напоминаютъ ему его любовные куплетцы». —А кто эта Маша, передъ которой ты изъяснялся въ нѣжной страсти и любовной напасти. Ужъ не Марья ли Ивановна? спросилъ Ш. Гринева. Замѣтивъ «взаимную склонность» Капитанской дочки и Гринева, «старался отвлечь ихъ «другъ отъ друга» и сообщилъ старику Гриневу о «поведеніи» его сына. Когда Гринева назвалъ Ш. мерзавцемъ, Ш. перемѣнился въ лицѣ. —«Это тебѣ такъ не пройдетъ, сказалъ онъ, стиснувъ Гринева руки, «вы мнѣ дадите сатисфакцію». Зачѣмъ намъ

секунданты», отвѣтилъ Ш. Гриневу: «безъ нихъ обойдемся». «Вы своей кровью будете отвѣчать за вашу дерзость. Но за нами, вѣроятно, станутъ присматриваться. Нѣсколько дней намъ должно будетъ притворяться», говоритъ Ш. Гриневу, послѣ того какъ ихъ дуэль была предупреждена. «Зачѣмъ откладывать?» однажды сказалъ Ш., «за нами не смотря, сойдемъ къ рѣкѣ. Тамъ никто намъ не помѣшаетъ». На вопросъ Гринева о бунтѣ, Ш. отвѣчалъ: — «Богъ знаетъ, посмотримъ, важнаго покамѣстъ еще ничего не вижу. Если же»... Тутъ онъ задумался и въ разсѣяніи сталъ насвистывать французскую арію. Передъ приступомъ Ш. «стоялъ» на валу и «пристально глядѣлъ на непріятеля». Послѣ взятія крѣпости, «среди мятежныхъ старшинъ стоялъ Ш., онъ былъ остриженъ «въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ и отрастилъ себѣ бороду». При вѣздѣ Пугачева, Ш. «встрѣтилъ его на крыльцѣ. Онъ помогъ ему вылѣзти изъ кибитки и «въ подлыхъ выраженіяхъ изъяслялъ свою радость и усердіе». «Трусилъ» передъ Пугачевымъ. Когда Пугачевъ вмѣстѣ съ Гриневымъ приѣхали въ крѣпость освободить Марью Ивановну, Ш. «казался самъ не свой». Въ отвѣтъ на угрозы Пугачева, «упалъ на колѣни». На допросѣ Ш. былъ ужасно худъ и блѣденъ. Волосы его «совершенно посѣдѣли; длинная борода была всклокочена. Онъ повторилъ обвиненія своимъ слабымъ, но смѣлымъ голосомъ». Марья Ивановна, къ которой въ сердцѣ его «таилась искра любви» стала «невиннымъ предметомъ ненависти Ш. «Облеченный властью отъ самозванца въ крѣпости, гдѣ оставалась дѣвушка, Ш. «принудилъ о. Герасима выдать ее ему, застрашавъ Пугачевымъ». Ш. принуждалъ Марью Ивановну выйти за него за мужъ»; говорилъ, «что спасъ ей жизнь», и обходился съ нею «очень жестоко». По словамъ Марьи Ивановны, грозился: «коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезетъ меня въ лагерь къ злодѣю» и со мною-де тоже будетъ, что съ Лизаветой Харловой». На вопросъ Пугачева: — «Скажи, братецъ, какую дѣвушку ты держишь подъ карауломъ», Ш. поблѣднѣлъ, какъ мертвый.—«Государь», сказалъ Ш. дрожащимъ голосомъ, «она не подъ карауломъ», «она больна... она въ свѣтлицѣ».—«Государь, вы властны требовать отъ меня, что вамъ угодно, но не прикажите постороннему входить въ спальню къ женѣ моей», отвѣтилъ Ш. «У дверей свѣтлицы» Ш. остановился и сказалъ прерывистымъ голосомъ:—Государь, предупреждаю васъ, что она въ бѣлой горячкѣ и третій день, какъ бредитъ безъ умолку». —«Марья Ивановна не извиняюсь передъ вами: вамъ, вѣроятно, не скучно въ потемкахъ съ вашимъ рыцаремъ», говоритъ Ш., передъ тѣмъ какъ отдать приказъ о поджогѣ амбара. Когда попадья сказала Пугачеву, что М. Ив. ея племянница, Ш. «такъ взглянулъ» на попадью, «какъ бы ножомъ насквозь», «однако не выдалъ» и «прикрылъ обманъ Акулины Памфиловны». На судѣ имя Марьи Ивановны не было произнесено Ш., но когда Гринева явился на выручку невѣсты, Ш. донесъ Пугачеву «въ изступленіи»:—Государь, я виноватъ, я вамъ солгалъ; но и Гринева васъ обманываетъ. Эта дѣвушка не племянница здѣшняго попа, она—дочь Ивана Миронова, который казненъ при взятіи здѣшней крѣпости». Послѣ дуэли Ш. «изъявилъ глубокое сожалѣніе о томъ, что случилось между ними»; признавался, что кругомъ виноватъ и просилъ Гр. забыть о прошедшемъ, но на судѣ «отворотился съ выраженіемъ искренней злобы и притворной насмѣшливости». —Что надумались ли вы? Сдаются ли добровольно въ мои руки? Видите, черезъ пять минутъ васъ изжарятъ», кричалъ онъ, стоя у дверей амбара въ имѣніи Гриневыхъ. Пристрѣленный старикомъ Гриневымъ, «одной рукой прижималъ онъ раненный бокъ, лицо его изображало мученія и злобу. Онъ медленно поднялъ голову, взглянулъ на Гринева и произнесъ слабымъ и невнятнымъ голосомъ:—«вѣшать его и всѣхъ, кромѣ нея». На судѣ показалъ, что Гринева «отраженъ былъ отъ Пугачева въ Оренбургъ шпиономъ; еже-

дневно выѣзжалъ на перестрѣлки, чтобъ передавать письменныя извѣстія о всемъ, что дѣлалось въ городѣ; что, наконецъ, явно передался самозванцу, разѣзжалъ съ нимъ изъ крѣпости въ крѣпость, стараясь всячески губить товарищей-измѣнниковъ, чтобы занимать ихъ мѣста и пользоваться наградами, раздаваемыми отъ самозванца». Выйдя изъ зала суда, Ш. усмѣхнулся злобною усмѣшкой и, приподнявъ свои цѣпи, опередилъ Гринева «и ускорилъ свои шаги».

Шереметева двоюродный братъ («Р. Пеламъ», прогр.). — «Дуэль Э. Орлова съ двоюроднымъ братомъ Шереметева».

Шереметевъ («Арапъ Петра В.»). — «Освѣдомился о своихъ парижскихъ знакомыхъ» у Ибрагима.

Шереметевъ (Бор. Год.). — «Бояринъ». Водить съ Мосальскимъ въ домъ Борисовъ». См. Мосальскій.

Шереметевъ («Полтава»). — Одинъ изъ птенцовъ «гнѣзда Петрова». «Счастья баловень безродный, полудержавный властелинъ». Ср. Боуеръ; см. также «Списокъ», стр. 253.

Шереметевъ графъ («Р. Пеламъ»). — «Дворянъ», «имѣющихъ, пять тысячъ душъ», «покойный гр. Ш. называлъ мелкомѣстными, удивляясь отъ чистаго сердца, какимъ образомъ они могутъ жить».

Шестуновы («Бор. Год.»). — «Бояринъ». Входитъ съ Мосальроды гдѣ? Гдѣ Сицкіе князья, гдѣ Шестуновы...? Заточены, замучены, въ изгнаньи».

Шишкинъ («Р. Пеламъ»). — (Упом.—прогр. П.).

Шкиперъ англійскій («Арапъ Петра В.»). — «Широкоплечій» мужчина; на ассамблеѣ игралъ съ Петромъ въ шашки, «усердно» салютуя «залпами табачнаго дыма».

Шлипенбахъ («Полтава»). — Уп. у. Генераль Карла XII; «Сдается пылкій Ш.».

Шмидтъ, Каролина («М. Шонингъ»). — Дѣвушка сильно наруганная, «вида скромнаго и смиреннаго»; купила на аукціонѣ кровать, «на которой умеръ Шонингъ».

Шмитъ («Метель»). — Уп. л. «Землемѣръ въ усахъ и шпорахъ». Вмѣстѣ съ Дравинымъ и сыномъ капитана исправника, вызвался быть свидѣтелемъ брака Владимира, и поклялся «въ готовности жертвовать за него жизнью».

Шонингъ, Марія («Марія Шонингъ»). — «Дочь нюренбергскаго рабочаго, лишилась отца на 17-мъ году; «бѣдность заставила ее отослать единственную свою служанку, Анну Гарлинъ»; послѣ смерти отца Ш. осталась безъ крова. Анна, которую Марія считала доброй снисходительной подругой, приютила ее у себя, несмотря на всю свою бѣдность; но однажды Ш. «вдругъ ушла изъ дому». «Она была захвачена ночнымъ обходомъ», и когда «капраль велѣлъ солдатамъ» высѣчь ее, «Ш. вскричала, что она виновна въ дѣтоубійствѣ». Судьѣ объявила, что она родила при помощи Анны Гарлинъ, которая и похоронила ея ребенка гдѣ-то въ лѣсу». На допросѣ сказала своей мнимой сообщницѣ: Анна, признайся въ томъ, чего отъ тебя требуютъ! Добрая моя Анна, для насъ все будетъ кончено, а Франкъ и Нани будутъ помѣщены въ сиротскій приютъ». «Обѣихъ приговорили къ смертной казни». «Еще минута, и мы будемъ тамъ (на небѣ). Мужайся, еще одна минута, и мы явимся предъ Богомъ!» «Она сказала Аннѣ и объявила палачу: «она (Анна) невинна, я показала ложь».

Шуйскій князь, Василій Ивановичъ («Бор. Год.»). — Человѣкъ «холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ». — «Ты, человѣкъ разумный», говоритъ Ш. А. Пушкинъ: — «Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ и, если что меня подъ часъ тревожитъ, не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ». Ш., по мнѣнію

Бориса, «совѣтникъ надежный».—Передъ избраніемъ Бориса, Воротынскій сомнѣвается, «чѣмъ кончится тревога»; но для Шуйскаго это «узнать немудрено: народъ еще повоюетъ да поплачетъ, Борисъ еще поморщится немного, что пьяница предъ чаркою вина, и, наконецъ, по милости своей, принять вѣнецъ смиренно согласится». При извѣстии о появленіи Самозванца, Ш. сейчасъ же соображаетъ: «Сомнѣнья нѣтъ, что это—самозванецъ, но, признаюсь, опасность немала. Вѣсть важная! И если до народа она дойдетъ, то быть грозѣ великой!»—Когда, при предложеніи патріарха перенести въ Москву «святая мощи» Димитрія, «государь блѣднѣлъ и крупный потъ съ лица закапалъ», а иные бояре «не смѣли глазъ поднять, не смѣли вздохнуть, не только шевелиться», князь Шуйскій выручилъ», сказавъ: «святый отецъ, кто вѣдаетъ пути Всевышняго? Не мнѣ его судить. Нетлѣнный совѣтъ и силу чудотворца, онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ; но надлежитъ народную молву изслѣдовать прилежно и безстрастно; а въ бурныя-ль смятенія времена намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ? Не скажутъ-ли, что мы святыню дерзко въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ».—...«Самъ вижу я: необходимо слухъ, разсѣянный разстригой, уничтожить; но есть на то иныя средства—проще». Предлагаютъ «самъ явиться на площади народной» и «уговорить, усовѣстить безумцевъ». Воротынскій считаетъ Ш-го «лукавымъ царедворцемъ». Борисъ говоритъ, что Ш. «лукавъ». «Ему не должно довѣрять», что онъ «уклопчивъ».—«Посланный изслѣдовать на мѣстѣ дѣло» объ убійствѣ Димитрія, онъ «могъ единымъ словомъ изобличить открытаго злодѣя, но не сдѣлалъ этого:—Я «не глупецъ и въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ». — «Нечисто, князь», замѣчаетъ на это Воротынскій.—Когда Воротынскій (послѣ избранія Бориса) напоминаетъ предсказаніе Ш-го и весь ихъ разговоръ,—Шуйскій отвѣчаетъ:—«Не помню ничего». «Теперь не время помнить, совѣтую порой и забывать. А, впрочемъ, я злословіемъ притворнымъ тогда желалъ тебя лишь испытать». «Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей».—Въ домѣ его, послѣ ужина, мальчикъ читаетъ особую длинную молитву «о нашемъ государѣ, объ избранномъ Тобой, благочестивомъ и т. д. Да здравіемъ цвѣтетъ его семья, да осѣнитъ ея драгія вѣтви весь міръ земной»: позднѣе тотъ же Ш. выслушиваетъ сочувственно жалобы Аѳонасія Пушкина на Бориса: «врядъ царю Борису сдержатъ вѣнецъ на умной головѣ. И подѣломъ ему!» Когда Аѳ. Пушкинъ сообщаетъ ему вѣсть о «явленіи Димитрія» и высказываетъ предположеніе, что теперь можетъ «пойти потѣха», Ш., разспросивъ подробности, говоритъ: — «Правъ ты, Пушкинъ. Но знаешь ли? объ этомъ обо всемъ, мы помолчимъ до времени».—Но, на слѣдующее же утро, «пришелъ самъ» къ Борису, такъ какъ его «долгъ повѣдать вѣсть важную (о самозванцѣ), и все время старается рѣшить вопросъ, знаетъ уже эту новость Б., или нѣтъ? На вопросъ,—«...чѣмъ опасенъ онъ», Ш. отвѣчаетъ осторожною рѣчью, подготавливая къ имепи самозванца: «конечно, царь, сильна твоя держава, ты милостью, радѣньемъ и щедротой усыновилъ сердца твоихъ рабовъ; но знаешь самъ: бессмысленная чернь измѣнчива, мятежна, суевѣрна, легко пустой надеждѣ предана, мгновенному внушенію послушна, для истины глуха и равнодушна, а баснями питается она. Ей правится безстыдная отвага; такъ если сей нежданный бродяга литовскую границу перейдетъ, — къ нему толпу безумцевъ привлечетъ, Димитрія воскреснувшее имя». «Дерзну ли я, лукавить предъ тобою?» говоритъ онъ Борису. По словамъ Ш-го, онъ потому «не уничтожилъ» «злодѣя», убійцу Димитрія, что Борисъ, «признаюсь, тогда меня смутилъ спокойствіемъ, безстыдностью неожиданной... и передъ нимъ я повторилъ нелѣпость, которую мнѣ самъ онъ нашепталъ». «Онъ смѣлъ, вотъ все,—а мы...», говоритъ Ш. о Борисѣ. Борисъ отзывается о немъ такъ же: Ш. «смѣлъ». — «Не хвастаюсь, а еѣ

случаѣ, конечно, никакая казнь меня не устраситъ»—заявляетъ самъ Ш.—«Давай народъ искусно волновать», — подговариваетъ опъ Воротынского:—«пускай они оставляютъ Годунова, своихъ князей у нихъ довольно; пусть себѣ въ цари любого изберутъ»; мы имѣли бъ право наследовать Θεодору «болѣе, чѣмъ Годуновъ»; мы природные князья и Рюриковой крови».— Ш., по словамъ Бориса, принадлежитъ къ числу лицъ «любимыхъ народомъ», почтенныхъ народомъ или славой».

Шульць, Готлибъ («Гр об ов щ и к ѣ»). — Сосѣдъ Адриана Прохорова, жившій на Никитской «въ домикѣ» противъ окошекъ гробовщика. «Человѣкъ, въ которомъ съ перваго взгляда можно было узнать нѣмца-ремесленника»; «говорилъ тѣмъ русскимъ нарѣчіемъ, которое мы безъ смѣха слышать не можемъ». Нравъ имѣлъ «открытый» и, придя къ Прохорову, «познакомиться», тотчасъ же пригласилъ гробовщика и «его дочекъ» «отобѣдать у себя по-пріятельски, по случаю своей серебряной свадьбы». Первый тостъ на пиру громко произнесъ по-русски: «За здоровье моей доброй Луизы!» и нѣжно поцѣловалъ свѣжее лицо сорокалѣтней своей подруги!

Шульцы, Лотхень и Луиза («Гр об ов щ и к ѣ»). — Семнадцатилѣтняя дочка и жена Готлиба; «обѣдая съ гостями всѣ вмѣстѣ, угощали и помогали кухаркѣ служить».

Щ. Э.

Щелкановъ («Бор. Год.»). — «Верховный» «думный дьякъ». Выходитъ къ народу «сказать рѣшеніе Думы». Проситъ отъ лица Собора, Бориса принять царство.

Щепочкинъ («Р. Пеламъ»). — «Ө. Орловъ... Зарѣзываетъ Щепочкина». Пелымовъ «узнаетъ отъ него (Ө. Орлова) о убійствѣ Щ». «Онъ даетъ ломбар. билетъ (носить часы) Щепочкина». (Прогр. II и III).

Элиза К. («Евг. Он ѣ г и н ѣ»). — Уп. л.

Ю. Я. Ө

Юлай («Капит. дочка»). — «Крещенный калмыкъ»; «сдѣлалъ важное донесеніе», и былъ назначенъ на мѣсто урядника. Позднѣ «насилно» выведенъ взбунтовавшимися казаками «изъ крѣпости». Во время приступа у одного изъ казаковъ «на копѣй воткнута голова Ю.».

Юлія Фурстъ («Сцены изъ рыц. временъ»). — См. Герць, Юлія.

Юрко («Гр об ов щ и к ѣ»). — Будочникъ. «Одинъ изъ русскихъ чиновниковъ»; «чухонецъ»; умѣлъ «пріобрѣсти, несмотря на свое смиренное званіе, особенную благосклонность» Шульца. «Лѣтъ двадцать пять служилъ онъ въ семъ званіи вѣрой и правдою». Пожаръ двѣнадцатаго года, уничтоживъ первопрестольную столицу, истребилъ и его жалкую будку. Но тотчасъ по изгнаніи врага на ея мѣстѣ явилась новая, сѣренькая съ бѣлыми колонками дорического срдена, и Ю. сталъ опять расхаживать около нея съ сѣкирой и въ бронѣ сермяжной. Онъ былъ знакомъ большей части нѣмцевъ, живущихъ около Никитскихъ воротъ: инымъ изъ нихъ случалось даже ночевать у Ю., съ воскресенья на понедѣльникъ». На пиру у Шульца, «ѣлъ за четверыхъ», когда же былъ принятъ тостъ булочника (за здоровье тѣхъ, на которыхъ мы работаемъ — unseger Kundleute!) Ю. «закричалъ обратясь къ своему сосѣду (Гробовщику): что-же? пей, батюшка, за здоровье своихъ мертвецовъ!». Послѣ пира булочникъ и переплетчикъ «подъ руки отвели Ю. въ его будку». На другой день по-утру Ю. уже забѣгалъ къ Прохорову «съ объявленіемъ, что сегодня частный именинникъ».

Юродивый («Бор. Год.»). — «Въ желѣзной шапкѣ, обвѣшанный веригами.—«Николка, Николка, желѣзный колпакъ!... тррр...» дразнить его мальчишки. Просить у застывшейся за него старушки: «дай, дай, дай копѣчку». — «Садится на землю и поетъ: мѣсяць ѣдетъ, котенокъ плачетъ, Юродивый, вставай, Богу помолися». — А, у меня копѣчка», говоритъ въ отвѣтъ на приставање мальчишекъ. «Взяли мою копѣчку, обижаютъ юродиваго», плачетъ онъ, послѣ того, какъ мальчишки отняли у него копѣчку. ... — «Борись, Борись (обращается онъ къ проходящему царю). — «Николку дѣти обижаютъ»... — «Николку маленькія дѣти обижаютъ... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ маленькаго царевича». — На просьбу Бориса, молиться за него, бросаетъ ему вслѣдъ: — «нѣтъ, нѣтъ! Нельзя молиться за царя-Ирода: Богородица не велить».

Яковъ («Сцены изъ рыц. временъ»). — Уп. л. Конюшій гр. Альберта. Повалился отъ удара желѣзной перчатки графа, «да ужъ и не всталъ».

Якубъ («Родосл.»). Сынъ Варлафа. «Въ засадѣ убить Я.».

Ямщикъ («Капит. дочка»). — «Благодаря болтливости Я., Гринева «принимали, какъ придворнаго временщика». Когда кибитка была остановлена «караульными», на вопросъ ихъ, «кто ѣдетъ», Я. отвѣчалъ: «государевъ кумъ со своею хозяйшкою».

Ясуновскій («Отрывки неизд. повѣстей», I). — Полякъ. На вечерѣ у гусара ** «держалъ маленькій банкъ для препровожденія времени и важно передергивалъ по двѣ карты».

Вадеевна («Евг. Онегинъ»). См. Няня.

Ведотовна («Дубровскій»). — Попадья.

Векла («Домикъ въ Коломнѣ»). — «Страпуха, добрая старуха, давно лишенная чутья и слуха». Служила у вдовы «въ кухаркахъ десять лѣтъ, ни разу долга чести не наруша». Однажды, «возвратясь изъ бани жаркой, слегла. Напрасно чаемъ и виномъ, и уксусомъ, и мятною припаркой ее лѣчили. Въ ночь предъ Рождествомъ она скончалась». «Въ тотъ же день пришли за ней, и гробъ на Охту отвезли». «Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ же болѣ коть-Васька».

Теодоръ Іоанновичъ («Борись Годуновъ»). — По словамъ Пимена, «на престолѣ онъ воздыхалъ о мирномъ житіи молчальника. Онъ царскіе чертоги преобразилъ въ молитвенную келью; тамъ тяжкія державныя печали святой души его не возмущали». Борись называетъ его «ангеломъ царемъ», «благимъ и праведникомъ». Для Бориса Ѳ. былъ «отцомъ державнымъ»; онъ его «дивно возвеличилъ». — По словамъ Шуйскаго, Ѳ. «на все глядѣлъ очами Годунова, всему внималъ ушами Годунова; пускай его-бы увѣрилъ я во всемъ, — Борись тотчасъ его-бы разувѣрилъ, а тамъ меня жъ сослани-бъ въ заточенье, да въ добрый часъ, какъ дядю моего, въ глухой тюрьмѣ тихонько задавили». — «Богъ возлюбилъ смиреніе царя (Ѳ), и Русь при немъ во славу безмятежной утѣшилась», говоритъ Пимень. — «А въ часъ его кончины совершилось неслыханное чудо: къ его одру, царю едину зримый, явился мужъ необычайно свѣтелъ, и началъ съ нимъ бесѣдовать Теодоръ и называть великимъ патриархомъ». — «Когда же онъ преставился, палаты исполнились святымъ благоуханьемъ и ликъ его, какъ солнце, просіялъ». — «Ужъ не видать такого намъ царя».

С П И С О КЪ

лицъ, именъ и предметовъ.

Абамелень, Анна Давыдовна, въ замужествѣ Баратынская (жена Ираклія Абрамовича Б. † 1889 г.). Ей посвящена пьеса П.: «Когда-то, помню, съ умиленьемъ, я смѣлъ васъ няньчить съ восхищеньемъ» (1832 г.).

Абрамово, село Ниж. губ. Арз. у., почт. станція; на А. адресовались письма въ Болдино.

Авзонія = Италія. «Сыны А. счастливой» «Евг. Он.» — Пут.

Автомедонъ — небесный возничій. («Авт—ны наши бойки» «Евг. Он.» VII, 35).

Агамемнонь, сынъ Атрея и Эропы, братъ Менелая, герой Троянской войны. (Гомеръ). Съ А. ср. Александръ I. («На возвращеніе Имп. Ал.» (1814), «19 окт. 1836 г.»).

Аглая Грамонъ, см. Д а в ы д о в а.

Адель, см. Д а в ы д о в а, А д е л ь.

Адеркасъ, Борисъ Антоновичъ († 1831). Псковскій (позднѣе воронежскій) губернаторъ. Подъ его наблюденіе былъ отправленъ Пушкинъ. См. А. недоставленное письмо поэта, ходатайствовавшего (1824 г.), «ради спокойствія отца и своего собственнаго, о переводѣ въ одну изъ крѣпостей». Въ 1825 г., во время посѣщенія Пушкинымъ Пскова, «принялъ его очень мило». Въ 1826 г., препровождая гр. Паулуччи прошеніе Пушкина объ отпускѣ для лѣченія въ Москву или чужіе края, писалъ, что Пушкинъ «ведетъ себя хорошо», но высказывался противъ дозволенія ему выѣхать за границу. И. В а с и л е в ь. Слѣды пребыванія П—а въ Псковской губ. Слб. 1899.

Адонись, синонимъ красиваго юноши. «Юрьеву» (1818).

Азія. Пушкину пришлось жить въ Бессарабіи «по-азіатски» (Вяз. изъ Одессы 1823). «Надобно, писалъ онъ въ дек. того же года Турген., подобно мнѣ провести три года въ душномъ азіатскомъ заточеніи, чтобы почувствовать цѣну и не вольнаго европейскаго воздуха» (т. е. одесскаго).

Азя — уменьшенное имя Алекс. Ник. Гончаровой (Женѣ 1835 г., 14 и 25 сентября).

Аидъ — подземное царство, обитель мертвыхъ. («Кинжалъ») 1821.

Академическій Словарь, или «Слов. Рос. Акад.» 1769—1784; второе изд. 1806 — 1822. По поводу его изданія см. «Анекдоты». О немъ: «Евг. Он.», I, 26 и прим. самого поэта къ «Он.». (8).

Академія, см. Россійская Академія.

Аксаковъ, Сергій Тимофеевичъ (1791—1859). — Его статья «О значеніи поэзіи Пушкина» въ «Моск. Вѣстн.» 1831 г. Сочин. т. IV. См. Н. Н о с к о в ь. «Словарь Литер. типовъ». Вып. V.

Аладьинъ, Егоръ Васильевичъ († 1860). — Стихотворецъ и беллетристъ, издатель «Невскаго Альманаха» 1824 — 1833 г.). См. Н. Н. «при посылкѣ Н. А.» (1824).

Александра Θεодоровна (1798 — 1860). Супруга Императора Николая I. Въ

первоначальной редакціи восьмой пѣсни «Евг. Он.» (строфа 16) подъ именемъ: Лалла-Рукъ изображена Имп. Алекс. Θεод. («И въ залѣ яркой и богатой, когда въ умолкшій тѣсный кругъ, подобно лиліи крылатой, колеблясь входитъ Лалла-Рукъ и надъ поникшею толпою, сіяетъ царственной главою, и тихо вѣетъ и скользитъ звѣзда — харита межъ харить...»). Въ отрывкахъ изъ дневника П. (1834 г.) приведенъ разговоръ П. съ А. Θε. и его признаніе: «я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уже 35 лѣтъ, и даже 36». О ней см. Ш и л д е р ъ, Н. К. «Императоръ Николай I», Спб.

Александръ Павловичъ (1777—1824), — Императоръ всероссійскій. «Достойный внукъ Екатерины» (Восп. въ Ц. Селѣ). Пушкинъ-лицеистъ увлекался «героемъ», который «несетъ врагу не гибель», но «спасенье» и «благотворный міръ» народамъ. Побѣдитель Наполеона въ глазахъ юноши поэта былъ «грознымъ ангеломъ» («Бова») принесшимъ «міръ землѣ и радость небесамъ» (Н. на Эльбѣ). «Царя-спасителя», «освободителя отъ рабскихъ узъ», «Россіи божество» воспѣваетъ ода «На возвращеніе Г. И. изъ Парижа». Пушкинъ въ пьесѣ «Принцу Оранскому» называетъ А. «благословеннымъ». Въ пьесахъ «На возвращеніе» и позднѣе 19 окт. 1836 г. А. сравнивается съ Агамемнономъ. Иное отношеніе П.: «Noel» (1818), «Эпиграмма» (1824), «Передъ бюстомъ Торвальдсена» (1829), «Воображаемый разговоръ съ Имп. Александромъ I» (1831). По признанію П. онъ все время «подсвистывалъ Александру до его гроба». См. также «Памятникъ». По словамъ Гринева, благодаря кроткому царствованію И. А. пошли успѣхи «просвѣщенія» и распространеніе «правилъ челоуѣколюбія» (Кап. Дочка).

Алексѣевъ, Александръ Ильичъ. — Штабсъ-капитанъ л.-г. Конно-егерскаго полка. Былъ привлеченъ къ дѣлу о распространеніи запрещеннаго отрывка изъ элегіи «Андрей Шенъ» (1826). Привезенный изъ Новгорода въ Москву и помѣщенный во время слѣдствія въ тюремномъ замкѣ, А. на вопросы слѣдователей, какъ попалъ къ нему пушкинскій отрывокъ, отвѣчалъ, что рѣшительно этого не помнить. За записательство и за передачу рукописей Молчанову (см.) былъ отданъ подъ судъ. Дѣло тянулось шесть мѣсяцевъ и закончилось приговоромъ Комиссіи военнаго суда предать А. смертной казни. Этотъ приговоръ, «примѣняясь къ монаршему милосердію», былъ смягченъ. Аудиторіатскій департаментъ приговорилъ А. къ мѣсяцу крѣпости и переводу въ армію. (См. П. Щ е г о л е в ъ. «Пушкинъ» вв. XI, стр. 7—44).

Алексѣевъ, Николай Степановичъ. Служилъ при генералѣ Инзовѣ. Пушкинъ жилъ вмѣстѣ съ А. въ одной квартирѣ въ Кишиневѣ. Ему посвящены пьесы: «Мой милый, какъ несправедливы твои ревнивыя мечты» (1821) и «Не притворяйся, милый другъ» (1822). А. гордился дружбой Пушкина. Письма Алекс. въ сборникѣ П. П. Б а р т е н е в а «Пушкинъ», I. О немъ въ изд. Лит. Фонда I, 249 и подробнѣе въ Запискахъ И. П. Л и п р а н д и, «Русск. Арх.» 1866 г. стр. 1222.

Али (Алій) см. Омаръ.

Алигери, см. Данте.

Альманахи получили широкое распространеніе въ двадцатыхъ годахъ. Помимо чисто-литературныхъ изданій, какъ «Полярная Звѣзда» Бестужева, «Мнемосина» Одоевскаго, «Сѣверные цвѣты» Дельвига и др. появилось масса сборниковъ, изданныхъ лицами имѣвшими съ литературой очень мало общаго. Такія изданія служили лишь средствомъ для обогащенія предприимчивыхъ людей на счетъ литературной братіи. Пушкинъ возсталъ противъ «лавочниковъ литературы» и «альманашной грязи» (см. письмо Погодину, 1827 г.). Въ сценахъ «Альманашникъ» (1830 г.) Пушкинъ зло высмѣялъ этихъ «любителей легкой наживы», которые не только выпрашивали даромъ пьесы у литераторовъ, но и перепечатывали ихъ труды безъ вѣдома авторовъ, какъ это сдѣлали Бестужевъ-Рюминъ (см.) или Б. Θε. Федоровъ съ пьесами Пушкина.

Альбанъ, Франческо (1578—1660). — Итальянскій живописецъ. Уп. «Къ живописцу» (1814), «Сонъ» (1816), «Евг. Он.» V, 40.

Альбионъ, древнее названіе Великобританіи. Н. П. Кривцову (1818), «Евг. Он.» I, 49.

Альфieri, Витторіо (1749 — 1803). — Авторъ книги «О тираніи» и многихъ итальянскихъ трагедій. Переводъ изъ его трагедіи Филиппъ II (монологъ Изабеллы) слѣланъ Пушкинымъ въ 1827 г.

Алябьева, Александра Васильевна, въ замужествѣ Кирѣева (1812 — 1891). — Московская красавица. «Къ Вельможѣ».

Аминь-Оглу. Поэтъ-янычаръ; лицо вымышленное Пушкинымъ.

Амурь-Эротъ. «Красавицѣ», «Къ Натальѣ», «Городокъ» (А. воспитаны «Верже, Парни съ Грекуромъ»), «Къ М. А. Дельвигъ», «Фавнъ и Пастушка», «Амуръ и Гименей», («Малютка бѣдокуръ»), «Фіаль Анакреона» («Коварный»), «Сонъ», «Элегія» («Амуръ! ужъ я не твой!» 18, 17); «Щербинину», «Н. И. Кривцову (1818), Баратынскому (1821). См. также Эротъ.

Анакреонъ, греческій поэтъ (5-й вѣкъ до Р. Х.). — Родина его Теосъ; отсюда у Пушкина «пѣвецъ тиасскій». Переводъ его LV, LVI и LVII одъ (1835 г.). О немъ: «Гробъ Анакреона» (1815), «Къ Батюшкову (1815); «Подражаніе А—у» (1828).

Андро А., см. Оленина.

Анахарсисъ. Имя это приписывается одному ихъ скифовъ, въ VI в. до Р. Х. будто бы путешествовавшему по Европѣ, поклоннику европейской культуры.

Анахарсисъ-Клоцъ, прозвище В. К. Кюхельбекера. (Брату, 1825).

Анекдоты китайскіе. Были въ большомъ ходу въ тогдашней полцензурной журналистикѣ. «Коль-скоро газетчикъ прогнѣвался на кого-нибудь, тотчасъ въ листкахъ его «является извѣстіе изъ-за границы (и большею частью изъ-за китайской), въ коемъ противникъ расписанъ самыми черными красками въ лицѣ какого-нибудь вымышленнаго или безыменнаго писателя. Большею частью, китайскіе анекдоты, если не дѣлають чести изобрѣтательности и остроумію сочинителя, то по крайней мѣрѣ достигаютъ цѣли своей, по злости, съ каковою они написаны. Не узнавать себя въ пасквилѣ безыменномъ, но явно направленномъ, было-бы малодушіемъ». «Кр. Зам.».

По поводу одновременнаго появленія «Бориса Год.» и романа Булгарина «Дмитрій Самозванецъ», Пушкинъ самъ разсказалъ «Кит. Ан.» о трагикѣ Фанъ-Хо и романѣистѣ Фанъ-Хи. («Крит. Зам.»).

Анненковъ, Павелъ Васильевичъ (1813—1887), редактировалъ первое исправное изданіе сочиненій Пушкина. Спб., 7 т. По тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ седьмой дополнительный томъ смогъ появиться лишь въ 1857 г. Имъ же собраны цѣнные «Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина», Спб., 1855 г. и Спб., 1873 г. (второе изд.) и какъ дополненіе къ нимъ очерки: «А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху» Спб., 1874 г. См. также собраніе его работъ: «Крит. статьи и воспоминанія», Спб., 3 т., 1891 г. и сокращенное второе изданіе: «Литературныя воспоминанія», Спб., 1909 г. О немъ: А. Н. Пыпинъ «Вѣстн. Евр.», 1887 г. Апрель.

Аониды-музы. «Городокъ» (1814); въ «Восп. въ Ц. Селѣ» (1815) имъ дается эпитетъ: «небесныя». «Наперстникъ милыхъ А» — Батюшковъ. (Къ Б—у, I). «Въ хорѣ богинь Аонидъ» росла Риема (1830). «Поклонникъ мирныхъ Аонидъ...» («Евг. Он.», II, 40).

Аполлонъ, богъ солнечнаго свѣта (Фебъ). «Пир. студ.», «Къ Батюшкову», I, «Городокъ» (1814); къ Дельвигу, «Мое завѣщаніе» (1815); Батюшкову, 2, «Галичу», Горчакову, Шишкову (1816); В. Пушкину (1817) «Отвѣтъ на вызовъ» (1819); Баратынскому (1821); «Поэтъ», «Черепъ», А. Н. Муравьеву (1827); И. Сленину; «Увы, языкъ любви» (1828); «Художнику (1836). Внуки А—а (поэты) «Евг. Он.», I, 49.

Апулей, Луцій (120 г.). Римскій поэтъ. Его сатирическій романъ «Осель» или «Золотой Осель» былъ извѣстенъ Пушкину. Онѣгинъ «читалъ охотно Апулея, а Цицерона проклиналъ», VIII, I).

Аракчеевъ, графъ Алексѣй Андреевичъ (1769—1834). — Эпиграмма на него Пушкина: «Всей Россіи притѣснитель» (1820). Извѣщая жену о смерти А., Пушкинъ писалъ: «объ этомъ во всей Россіи жалѣю я одинъ. Не удалось мнѣ съ нимъ видѣться и наговориться».

Аргусъ, многоглазый великанъ убитый Гермесомъ. «Посланіе къ Лидѣ» (1818 г.).

Арендъ, Николай Федоровичъ (1786—1859). — Знаменитый хирургъ, лейбъ-медикъ. Присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ жизни поэта. Приглашенный къ раненому Пушкину, исполнилъ его порученіе: «сѣздить къ Государю и попросить у него прошеніе секунданту Данзасу» и Пушкину. Онъ же перелалъ отвѣтъ Николаю I. См. въ сборникѣ «Пушкинъ» в. VI, письма Тургенева.

Ареопажъ: Плетневъ, Жуковский, Вяземскій, Гнѣдичъ, (Баратынскій). А—у посылалъ П. первую пѣснь своего Онѣгина («Отъ васъ ожидаю суда и съ покорностью приму его рѣшеніе. Жалѣю, что нѣтъ Баратынскаго». Изъ Мих. 1824 г.).

Арзамасъ, или Арзамасское общество благородныхъ людей, возникло въ 1815 г. какъ противовѣсъ шишковской «Бесѣдѣ». Основателями А. были: Жуковский, Блудовъ и Дашковъ. Члены А. носили имена изъ балладъ Жуковскаго. Засѣданія происходили въ квартирѣ Блудова. Въ числѣ членовъ А. были: Жуковский (Свѣтлана), Блудовъ (Кассандра), Дашковъ (Чу!), Батюшковъ (Ахиллъ), Уваровъ (Старушка), Пушкинъ В. Л. (Вотъ!), Воейковъ (Двѣ огромныя руки), А. Тургеневъ (Эолова Арфа), Н. Тургеневъ (Варвикъ), Кавелинъ (Пустыльникъ), М. Салтыковъ (Почетный Гусь Михаилъ), Полетика (Очарованный Членъ), П. Вяземскій (Асмодей), Орловъ М. (Рейнъ), Вигель (Ивиковъ Журавль), Жихаревъ (Громобой), Сѣверинъ (Рѣзвый Котъ), Плещеевъ (Черный Вранъ). Въ октябрѣ 1817 г. членомъ А. сталъ Пушкинъ и получилъ прозвище—Сверчокъ *). «Иерусалимъ ума и вкуса» (А. Тургеневу, 1821).

По словамъ Вигеля, члены «Арзамаса» смотрѣли на выпускъ Пушкина изъ лица «какъ на торжество, особенно Жуковский, воспріемникъ его въ «Арзамасѣ», казался счастливъ, какъ будто-бы самъ Богъ послалъ ему милое чадо». (Восп. V, 52). Пушкинъ былъ на собраніи всего одинъ разъ, т. к. общество вскорѣ распалось. Новые матеріалы для исторіи Арзамаса опубликованы проф. А. И. Кирпичниковымъ въ «Рус. Ст.» 1899 г., т. 98, стр. 337—352. Тамъ же на основаніи документовъ Порѣченскаго (гр. Уварова) архива приведены полностью «Законы А. общества». По этимъ «законамъ» цѣль общества опредѣляется двояко: польза отечества, состоящая въ образованіи общаго мнѣнія, т. е. въ распространеніи познаній изящной словесности и вообще понятій ясныхъ и правильныхъ; польза самихъ членовъ, состоящая въ трудѣ постоянномъ. Обязанности А. въ отношеніи къ публикѣ: а) наблюдать политическое, нравственное состояніе Россіи и прочихъ государствъ; б) наблюдать состояніе, ходъ, успѣхи и измѣненіе наукъ, искусствъ и словесности, какъ отечественной, такъ и чужеземной; с) сообщать публикѣ плоды сихъ наблюденій и въ особенности посред-

*) Напомнимъ кстати, что большинство арзамазцевъ было связано между собой тѣсной дружбой еще съ юности, а нѣкоторые изъ нихъ и родственными отношеніями. Отецъ Тургеневыхъ Иванъ Петровичъ былъ землякомъ Карамзина и ввелъ послѣдняго въ новиковскій кружокъ. Молодой Карамзинъ сошелся близко съ братьями Тургеневыми, Андреемъ и Александромъ. Дмитревъ приходился Карамзину родственникомъ со стороны матери и съ нимъ провелъ будущіи «исторіографъ» годы юности въ Петербургѣ. Съ кн. П. А. Вяземскимъ Карамзинъ породнился: его вторая жена, Екагерина Андреевна, приходилась родной сестрой П. А—у. Жуковский воспитывался вмѣстѣ съ Александромъ Тургеневымъ и съ сыновней любовью относился къ отцу своего друга, Ивану Петровичу. Кружокъ рано погибшаго Андрея Тургенева «лелѣялъ» молодость Жуковскаго. «Черты нравственной физіономіи Жуковскаго слагались подъ вліяніемъ тѣхъ же людей, которыми образованъ былъ Карамзинъ и подъ вліяніемъ самого Карамзина». [Тихо-нравовъ. Соч. т. 3, ч. I, стр. 413]. Воейковъ приходился родственникомъ Жуковскому. Дашковъ былъ воспитанникомъ того самаго Благороднаго пансіона, гдѣ учился Жуковский и другомъ Блудова, котораго онъ ввелъ въ кружокъ Тургеневыхъ. Близкимъ къ этому кружку былъ и «Несторъ Арзамаса»—Василій Львовичъ Пушкинъ. *Ред.*

ствомъ постояннаго періодическаго изданія; d) поощрять возникающіе таланты по усмотрѣнію общества и по мѣрѣ средствъ онаго. Обязанности Арзамаса въ отношеніи къ членамъ «состоятъ въ разсмотрѣніи сочиненій ихъ, какъ представляемыхъ для А. журнала, такъ и сообщаемыхъ въ намѣреніи воспользоваться совѣтами Общества»), при чемъ каждый А. «изъясняетъ свое мнѣніе съ совершенною свободою», т. к. «его единственное правило есть: чистосердечіе и любезная строгость дружества». (См. также Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскаго, подъ редакціей В. И. Саитова, т. I, 1899 г. Къ книгѣ приложены подробный Указатель, статья Е. А. Сидорова, «Журн. Мин. Нар. Просв.», июль, 1901 г., Воспом. Ф. Вигеля). Законы были написаны, но провести ихъ въ жизнь не пришлось. Въ самомъ Арзамасѣ явно наблюдалось уже два теченія: «политиковъ» и консерваторовъ. Новый уставъ исходилъ отъ послѣднихъ (Блудовъ, Уваровъ, Жуковскій). Расколъ былъ неизбѣженъ и «Арзамасъ» закончилъ свое существованіе. Политическая буря 1825 г. захватила однихъ изъ его членовъ (Орловъ, Н. Тургеневъ), и наоборотъ вынесла на верхъ другихъ, какъ Блудова и Дашкова.

Арина Родіоновна († 1828). — Няня и «подруга» «дней суровыхъ» поэта. Крестьянка с. Кобрина, Спб. губ. Арина Родіоновна получила «вольную», но не воспользовалась ею и осталась жить въ семьѣ П. Ея сказки слушалъ онъ въ дѣтствѣ и въ Михайловскомъ («вечеромъ слушаю сказки моей няни (Брату, 1824). «Единственная моя подруга, и съ нею только мнѣ не скучно» (Княжевичу, 1824); «Оригиналь» няни Татьяны. Къ ней: «Сонъ» (1816), быть можетъ, «Наперстница волшебной старины» (1821; «Буря» (1825); «Подруга дней моихъ суровыхъ, голубка дряхлая моя» (1827). Ея образъ отраженъ въ нянѣ Татьяны, въ княжной мамкѣ «Русалка», отчасти карлицѣ Ласточкѣ («Арапъ Петра В.») и въ нянѣ молодого Дубровскаго. Ср. ея письмо къ Пушкину 1827 г. съ письмомъ няни Дубровскаго. О ней въ пьесѣ «Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли» (1835) и въ письмѣ поэта къ женѣ отъ 25/IX 1835 г. («Въ Михайловскомъ я нашелъ все по старому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ няни моей»). Скончалась въ Москвѣ въ домѣ Ольги Сергѣевны, куда перешла послѣ свадьбы Павлицевыхъ. См. Н. О. Лернеръ. «Замѣтки о Пушкинѣ», «Пушкинъ», т. VII. Ей же стихи Языкова: «Свѣтъ-Родіоновна, забуду ли тебя?» и «Я отыщу тотъ крестъ смиренный».

Аристархъ (170). Александрійскій грамматикъ, — «великій учитель» критики и экзегетики. «Городокъ» (1814); Аристархомъ Пушкинъ именуется профессора Кошанскаго («Моему Аристарху», 1815), Греча (сент., 1823).

Аристидъ (540—467). Аѳинскій государственный дѣятель, образецъ неподкупной честности. Аристидомъ П. именуется Ѳ. Н. Глинку.

Аристиппъ, греческій философъ († 430 до Р. Х.) — Уп. «Мой толстый А.». Давыдову, А. Л.; «привѣтливый потомокъ А.», «Къ вельможѣ» (1830).

Аріосто, Людовико (1474 — 1533). — Итальянскій поэтъ, авторъ «Неистоваго Орланда». Отрывокъ изъ послѣдняго переведенъ Пушкинымъ. (Пѣснь XXIII, окт. 100—112).

Аріонъ. Греческій поэтъ. Его именемъ воспользовался Пушкинъ въ главѣ пьесы «Аріонъ» (1827), посвященной декабристамъ (см. ниже).

Армида — героиня «Освоб. Иерусалима» Т. Тассо. «Нѣтъ никогда... я не желалъ съ такимъ мученіемъ лобзать уста молодыхъ Армидъ». («Евг. Он.» I, 33); (Сады А—ы «Русл. и Людм., 2).

Архангельское, имѣніе кн. Н. Б. Юсупова. См. «Къ вельможѣ» въ Архангельское (1830).

Арцибашевъ, Николай Сергѣичъ (1773 — 1841). — Историкъ, сотрульникъ «Москов. Вѣстника». Его «Повѣствованіе о Россіи» Спб. 1836 г.) и статьи объ «Исторіи» Карамзина вызвали много шума изъ-за отрицательнаго взгляда А. на Карамзина, какъ историка.

Аршіанъ-де, виконтъ († 1851). — Секундантъ Дантеса; «второй Дантесъ» (Бенкенд., 1836).

Асмодей — Вяземскій, кн. П. А.

Ассигнаціи. Первые А. или банковые билеты появились въ 1762 г. при Петрѣ III. Т. к. количество выпущенныхъ банковыхъ билетовъ ежегодно росло, превышая наличность «знатнаго Государственнаго банка», то вскорѣ же А. начали ходить ниже ихъ номинальной стоимости. Въ царствованіе Николая I ассигнаціонный рубль расцѣнивался въ 3½ раза дешевле, чѣмъ серебряный. Министръ финансовъ Канкринъ въ 1841 г. изъялъ изъ обращенія А., замѣнивъ ихъ кредитными билетами.

Астрахань. «Среди степей своихъ песчаныхъ, на берегу соленыхъ водъ, торговый Астрахань открылся. «Евг. Он.». Путеш. Уп. («Бор. Год.»).

Атаманъ Гречь и есауль Булгаринъ. (Брату, 1825).

Атений (Аэней). — Греческій риторъ II и III в.в. по Р. Х., авторъ «Пира мудрыхъ». Переводъ изъ него (1830).

Атений, журналъ наукъ, искусствъ и изящной словесности съ присовокупленіемъ записокъ для сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ. Москва 1828—30 г.г. Издатель проф. М. Г. Павловъ. (См.) "Кто этотъ «Атенеистическій Мудрецъ», который такъ хорошо разобралъ IV и V главу?.." Соболевскому, 1829.

Атридь, сынъ Атрея («Евг. Он.» — Путеш.).

Атрей, сынъ Пелопса и Гипподамы, внукъ Тантала, супругъ Аэропы. Его сыновья: Агамемнонь и Менелай — Атриды.

Африка. Со стороны матери Пушкинъ считалъ себя «африканцемъ». «Подъ небомъ Африки моей вздыхать о сумрачной Россіи». — («Евг. Он.», I, 50). См. Г а н и б а л ы.

Ахеронъ, одна изъ рѣкъ подземнаго царства, см. Коцитъ. «Грустный берегъ А—а» («Мое завѣщаніе»—1816).

Авей, см. Гунчисонъ.

Багрѣва-Фролова, Елисавета Михайловна (1799—1857). — Дочь М. М. Сперанскаго.

Байронъ. (1788—1824). — Пушкинъ познакомился съ англійскимъ языкомъ и произведеніями Байрона черезъ Н. Н. Раевского (см. ниже Раевскій). Въ 1820 г. имъ была написана подъ живымъ впечатлѣніемъ только-что прочитаннаго «Чайльдъ-Гарольда» элегія «Погасло дневное свѣтило»... — первое стихотвореніе въ той полосѣ творчества Пушкина, когда онъ платилъ дань байронизму. (Л. Н. М а й к о в ъ «Пушкинъ», стр. 140—141). О вліяніи Байрона на Пушкина см. Алексѣй Н. Веселовскій: «Зап. вліяніе въ р. литературѣ». Ему пьесы: «Къ морю» (1824), «Звукъ новой чудной лиры» («Къ вельможѣ»—1830) I, 5. Уп. въ «Греціи» (1823), «Разговоръ книгопр. съ поэтомъ» (1824), «Андрей Шенье» (1825). Въ шутилой одѣ Хвостову — Бейронъ. Въ «Евг. Онѣгинѣ»: Б—нъ «...гордости поэтъ» (I, 56): — «Лордъ Байронъ, прихотью удачной, облекъ въ унылый романтизмъ и безнадежный эгоизмъ» (III, 12). ...Ни Виргилій, ни Расинъ, ни Скоттъ, ни Байронъ, ни Сенека, ни даже Дамскихъ модъ журналъ такъ никого не занималъ». У Онѣгина въ комнатѣ виситъ «лорда Байрона портретъ» III, 19. «Евгеній издавна чтенье разлюбилъ. ...Онъ изъ опалы исключилъ пѣвца Гяура и Жуана» VII, 22). «Несносно... прослытьдоморощеннымъ Байрономъ» — (Путеш. — 1). «Пѣвецъ Гюльнары» (IV, 37). «Пѣвецъ Гяура и Жуана» (VII, 32). «Тебѣ грустно по Б., писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету поэзіи». Пушкинъ отмѣтилъ день смерти Б. въ своихъ бумагахъ, а въ годовщину его кончины заказалъ въ Михайловскомъ обѣдню за упокой «души боярина Георгія». Ему посвящены двѣ статьи П—а въ «Современникѣ» 1835—1836 г.г.

Бакунина, Екатерина Павловна въ замужествѣ Полторацкая († 1869). — Фрейлина. Сестра лицейскаго товарища Пушкина. Поэтъ лицеистомъ пережилъ время сильнаго увлеченія Б—ой. «Она внушила первый сонъ и мысль о ней одушевила безвѣстной лиры первый звонъ». См. пьесы: «Къ живописцу» (1815), «Слеза», «Разлука» (1816). См. «Бакуниной», «Къ ней» (1817 г.). См. также

запись въ «Дневникъ» (1815). Въ Б. же былъ одновременно съ П. влюбленъ и И. И. Пушкинъ (см. «Записки» П—а).

Банунинъ, Александръ Павловичъ (1797—1862). — Лицейскій товарищъ Пушкина. Служилъ въ военной службѣ, но вскорѣ перешелъ на гражданскую. Умеръ тайнымъ совѣтникомъ.

Балшъ, Теодоръ. Молдаванскій бояринъ, «Ясскій панъ». Къ 22 г. относится ссора Пушкина съ Б., окончившаяся тѣмъ, что Б. былъ побитъ немножко; Пушкинъ отсидѣлъ подъ арестомъ двѣ недѣли. См. «Мой другъ уже три дня сижу я подъ арестомъ» (1821). И. П. Липранди. П. въ Южной Россіи, Р. Арх., 1866 г., стр. 1416.

Бантышъ-Каменскій, Дмитрій Николаевичъ (1788 — 1850). — Историкъ, авторъ «Исторіи Малороссіи» и «Словаря достопамятныхъ людей». Пушкинъ познакомился съ нимъ въ 1833 г. и получилъ отъ Б.-К. рядъ сообщеній и матеріаловъ для исторіи Пугачевского бунта. О немъ: проф. Иконниковъ, «Словарь р. писат., т. 2. Тамъ же литература.

Бантышъ-Каменскій, Николай Николаевичъ (1737—1814). — Вице-президентъ Библейскаго общества. «Покровитель Бантыша» — кн. А. Н. Голицынъ. См. эпиграмму на послѣдняго (1819).

Баратынскій, Евгенийъ Абрамовичъ (1800—1844). — Пріятель Дельвига, одно время жившій вмѣстѣ съ нимъ. Пушкинъ познакомился съ Б. вскорѣ по выходѣ изъ лицея, когда тотъ былъ еще рядовымъ егерскаго полка. Пушкинъ любилъ Баратынскаго и высоко ставилъ его талантъ. «Какое Баратынскій! — писалъ онъ Вяземскому 2-го января 1818 года: — признайся, что онъ превзойдетъ и Парни, и Батюшкова, если впредъ зашагаетъ какъ шагаль до сихъ поръ, — вѣдь 23 года счастливцу! Оставимъ всѣ ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону, а то спасенья нѣтъ...» «Никто болѣе Б. не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ, писалъ П. (1825—27 г.г.). Б. — прелесть («Кишин. Дневн.»). Въ 1831 г. въ статьѣ «Б—ій» П. называетъ его нашимъ первымъ элегическимъ поэтомъ, которому пора занять на русскомъ Парнассѣ, мѣсто давно ему принадлежащее, «стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды». Къ нему: «Б. изъ Бессарабіи»; «Я жду обѣщанной тетради» (1821); «Пѣвецъ пировъ (1824 г.); «Твоя чухоночка (Эла) ей-ей гречанокъ Байрона милѣй», «Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ» (1825). Уп. Алексѣеву (1821), «Гамлетъ Б.» (Черепъ, 1827). Въ «Евг. Онѣг.»: «Великолѣпные альбомы», украшенные «Толстого кистью чудотворной, или Баратынскаго перомъ». «Пѣвецъ «пировъ» и грусти томной!» Ш, 30. «Пѣвецъ финляндки молодой» (V, 3). Сочиненія Б. и его письма, Казань, 1885 г. О немъ: Венгеровъ С. А. Словарь р. писателей т. II. Котляревскій, Н. А. «Старинные портреты», Спб. Андреевскій, С. А. Литературные очерки.

Барклай-де-Толли, графъ Михаилъ Богдановичъ (1761—1818). — См. «Полководецъ» (1835). «Стоическое лицо Б. есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашей исторіи», писалъ Пушкинъ Гречу въ 1836 г. «Зачинатель Б.—совершитель Кутузовъ». См. также объясненіе П. при пьесѣ «Полководецъ».

Барковъ, Иванъ Семеновичъ (?) (1733 (?)—1768). — Переводчикъ при Академіи наукъ, авторъ многихъ «срамныхъ» пьесъ.

Барковъ, Дмитрій Николаевичъ (род. 1796) — Переводчикъ многихъ драмъ, оперъ и комедій. Одинъ изъ участниковъ «Зеленой Лампы», служилъ въ Егерскомъ полку.

Барри Корнуолль, см. Уаллеръ.

Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ (1787—1855). — Первые стихотворныя пьесы Б. въ печати появились въ 1805 г. Въ 1817 г., послѣ выхода «Опытовъ», Б. сталъ всеми признаннымъ «главой» молодого поколѣнія русскихъ поэтовъ. На юнаго Пушкина Б. имѣлъ огромное вліяніе; онъ же одинъ изъ первыхъ разгадалъ великій талантъ Пушкина. Не совѣтуя Пушкину поступать въ военную службу, онъ высказывалъ желаніе «запереть» юношу въ Гёттингенъ и

«кормить его года три молочнымъ супомъ и логикой». Личное знакомство Пушкина съ Б. началось въ концѣ 1814, или въ началѣ 1815 г., когда Б. посѣтилъ Пушкина въ Лицеѣ, но еще до этого знакомства написано было Пушкинымъ его «Посланіе къ Б.». Поздѣе, критически отнесясь къ кумиру своей юности, П. называлъ Б. «русскимъ Парни», пѣвцомъ вѣнчаннымъ Назономъ», счастливымъ соперникомъ Ломоносова», который (т. е. Б.) «сдѣлалъ для русскаго языка тоже самое, что Петрарка для итальянскаго. Сочиненія Б. образцово изданы въ 3-хъ томахъ, подъ редакціей Л. Н. Майкова и В. И. Саитова. Спб., 1887 г. Біографія Б. (Майкова) при первомъ томѣ и отдѣльно. Спб., 1901 г.

Бахчисарай. «Фонтану Б. Дворца» (1820). «Фонтана Бахчисарая» «безконечный шумъ». («Евг. Он.». Пут.).

Бахусъ — богъ винограда и вина. «Блаженство» (1814), «А. А. Шишкову» (1816), «Торжество Вакха» (Бахусъ — «мирный», «вѣчно юный», «Индій герой» — 1818), «Мальчику» (1835). См. также В а к х ъ.

Беллона — богиня войны (греч. — Энио). «Восп. въ Ц. Селѣ» (1815); «Посланіе В. Л. Пушкину» (1818); «Орлову» (1820).

Бельведерскій, Апполонъ. «А. Н. Муравьеву» (1827).

Бельведерскій, Митрофанъ. См. М у р а в ъ е в ъ А. Н.

Бель, (Бейль) Генрихъ. Литерат. псевдонимъ — Стендаль. Онѣгинъ «прочелъ скептическаго Бея» (Baule). («Евг. Он.», VIII, 35).

Бенжамень-Констанъ (1767—1830). — Французскій писатель и политическій дѣятель, авторъ романа «Адольтъ». (Русск. перев. кн. П. А. Вяземскаго, Спб. 1831, посвященъ Пушкину). Отзывы о немъ см. въ Крит. статьяхъ Пушкина. Уп. «Евг. Он.» I, 5.

Бенкендорфъ, Александръ Христофоровичъ, графъ (1783—1844).—Шефъ-жандармовъ, генераль-адъютантъ; вмѣстѣ съ Чернышевымъ былъ главнѣйшимъ дѣйствующимъ лицомъ въ Комитетѣ, собранномъ для суда надъ декабристами; за «особую ревность и усердіе» въ 1832 г. возведенъ въ графское достоинство. Его отношенія къ Пушкину, см. «Прилож.»: «Пушкинъ и цензура».

Бентамъ, Геремія (1748—1832).—Публицистъ и философъ. Уп. («Евг. Он.» I, 42).

Беранже, Пьеръ-Жанъ (1780 — 1857). — См. Рефутація Беранжера». (1828); Уп.: «Гр. Нулинъ».

Берново, — село Тверск. губ. Старицкаго уѣзда, въ 8-ми верстахъ отъ Малинниковъ. Пушкинъ посѣтилъ Б., гдѣ жилъ Ив. Иван. Вульфъ, въ 1829 г.

Беррійскій, герцогъ († 1820). — Наслѣдникъ французскаго престола. Убить Лувелемъ.

Бершу. «Сонъ» (1816).

Бессарабія, или Б-ая область. Отошла къ Россіи въ 1812 г. Въ 1818 г. областнымъ городомъ ея сдѣланъ Кишиневъ. Пушкинъ послѣ Екатеринослава (см.) и поѣздки по Кавказу и Крыму пріѣхалъ въ Кишиневъ осенью 1820 г., но вскорѣ же, получивъ отпускъ, покинулъ «пустынную страну и уѣхалъ въ Каменку. На службѣ у генерала Инзова Пушкинъ провелъ 1820—1823 г.г. Въ Бессарабіи, по словамъ кн. Вяземскаго, поэтъ пропадалъ «отъ тоски, скуки и нищеты», но здѣсь же его «своенравный геній позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій». «Сія пустынная страна священна для души поэта: она Державинимъ воспѣта и славой русскою полна. Еще донинѣ тѣнь Назона дунайскихъ ищетъ береговъ» («Баратынскому»). Впечатлѣніями Б. навѣяны картины «Цыганъ», «Непросвѣщенный», «темный градъ», какимъ былъ Кишиневъ въ пушкинское время и его пестрое общество (см. «Пушину», Кишиневскія дамы и пр.) томили своимъ однообразіемъ поэта, и онъ радъ былъ вырваться изъ-подъ опеки «смирнаго Іоанна», добродушнаго Инзова, чтобы съѣздить въ Каменку къ друзьямъ, или въ Одессу. Кишиневскіе шпіоны слѣдили за поэтомъ; на основаніи этихъ наблюденій былъ сдѣланъ гр. Калподистріей изъ Лайбаха запросъ Инзову; послѣдній далъ одобрительный отзывъ и Пушкину выдали получаемое имъ ранѣе изъ

иностр. коллегіи жалованье (700 р. ас. въ годъ), но просьбы поэта объ отпускѣ на 2—3 мѣсяца въ Петербургъ были отклонены. Съ назначеніемъ Новор. генераль-губернаторомъ кн. Воронцова, начинаются хлопоты Пушкина и его друзей о переводѣ поэта въ Одессу въ канцелярію генераль-губернатора. Въ первыхъ числахъ іюля 1823 г. П. покидаетъ Кишиневъ, который онъ посѣтилъ въ послѣдній разъ въ мартѣ слѣдующаго года, прогостивъ двѣ недѣли у своего пріятели Н. С. Алексѣева. Во время этого пребыванія поэта въ Кишиневѣ, было написано Воронцовымъ письмо Нессельроде о необходимости удаленія Пушкина изъ Одессы.

Бестужевъ-Марлинскій, Александръ Александровичъ (1797 — 1837). — Писатель-декабристъ. Пріятель Пушкина, Грибоѣдова и Рылѣева. Авторъ шумѣвшихъ въ свое время повѣстей, рассказовъ и критическихъ статей. Издатель совмѣстно съ Рылѣевымъ «Полярной Звѣзды». За участіе въ заговорѣ декабристовъ былъ сосланъ въ Якутскъ, откуда въ 1829 г. ему удалось перевестись на Кавказъ рядовымъ 14 егерскаго полка. Въ Тифлисѣ получилъ извѣстіе о кончинѣ Пушкина. «На разсвѣтѣ» онъ поднялся на гору въ монастырь Св. Давида и заказалъ панихиду. «Надъ могилой безъ надписи (Грибоѣдова) онъ молился за убіенныхъ бояръ Александра и Александра». Въ томъ же году былъ убитъ въ сраженіи съ горцами при Адлерѣ. Н. А. Котляревскій «Писатели декабристы». Спб., 1906 г. М. Бестужевъ «Дѣтство и юность Б.», «Р. Слово» 1860 г. т. XII *). Пушкинъ любилъ спорить съ Б. и Вяземскимъ («ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется спорить, какъ съ тобою да съ Вяз.: вы одни умѣете горячить меня»). (Бест. 1823).

Бестужевъ, Михаилъ Александровичъ (1800 — 1871). — Младшій братъ А. А. Бестужева. Воспитывался въ морскомъ корпусѣ и служилъ во флотѣ. Сосланный въ Сибирь по декабрьскому дѣлу, онъ до 1867 г. прожилъ въ Селенгинскѣ, берясь за всевозможныя предпріятія. Записки Б. «Русск. Стар.» 1870 г. т. I и II. О немъ см. В. Б о ц я н о в с к і й въ Словарѣ р. писателей т. 3, стр. 186.

Бестужевъ, Николай Александровичъ (1791—1855). — Старшій братъ Б.-Марлинскаго. Служилъ во флотѣ; участвовалъ во многихъ заграничныхъ экспедиціяхъ; послѣ 14 декабря 1825 г. бѣжалъ, но былъ схваченъ и сосланъ въ Сибирь, гдѣ и скончался. Его «Повѣсти стараго моряка» изданы въ Москвѣ 1860 г. См. «Словарь р. писателей», т. 3.

Бестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Алексѣевичъ († 1832 г.). — Журналистъ, редакторъ «Сѣвернаго Меркурія», и альманаха «Сѣверная Звѣзда» 1829 г., гдѣ были помѣщены пьесы Пушкина, безъ разрѣшенія поэта. См. ст. Пушкина «Альманашикъ». О немъ: см. В е н г е р о в ъ, «Кр. Біогр. Словарь», т. 3.

Бестѣда любителей россійскаго слова, литературное общество, основанное въ 1811 году Державинимъ и Шишковымъ. «Губители р. слова». (Вяз., 1816 г.).

Бешту. «Пасмурный Б.», пустынный величавый, ауловъ и полей властитель пятиглавый, былъ новый для меня Парнасъ. («Къ Плѣн.», Посв.). «Пустыни сторожъ вѣчный, стѣсненный холмами вокругъ, стоитъ Бешту остроконечный». «Евг. Он.», Пут.

«Библіотека для чтенія», журналъ, издававшійся Смирдинымъ (съ 1849 г. Печаткинымъ) подъ редакціей Сенковскаго 1834—1856 г.г.

Библія. «Б. для христіанина тоже, что исторія для народа» (1824). Пушкинъ просилъ брата прислать «Б. и французскую непременно» (1824). См. пьесы, близкія къ библейскимъ настроеніямъ и сюжетамъ: «Изъ пѣсни пѣсней», «Юдифь», «Странникъ», «Къ Н.», «Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ», «Мадонна», «Когда великое свершалось торжество».

Биронъ, Эрнестъ-Іоганнъ (1690—1772). — Б. «имѣлъ несчастіе быть нѣмцемъ; на него свалили весь ужасъ царствованія Анны, которое было въ духѣ ея

*) Эскадронъ, въ которомъ началъ юнкеромъ свою службу Б., стоялъ въ Марли, подъ Петергофомъ. Отсюда псевдонимъ Б.—Марлинскій. Ред.

времени и въ нравахъ народа. Впрочемъ, онъ имѣлъ великій умъ и великіе таланты». (Лажечн., 1835).

Бируновъ, Александръ Степановичъ (1772—1844). — Цензоръ, извѣстный тѣмъ, что не рѣшился пропустить поэму Жуковского «Замокъ Смальгомъ» «за отсутствіемъ въ ней нравственной цѣли». Онъ же запретилъ «Орлеанскую Дѣву» Шиллера въ переводѣ того же Жуковского. См. «Тимковскій царствовалъ» (1824). «Изъ подъ Б—а» вышла первая глава «Онѣгина» и Пушкинъ называетъ его «человѣкомъ просвѣщеннымъ, добрымъ малымъ» (1825).

Биша, Мари-Франсуа-Ксавье (1771—1802). — Извѣстный французскій врачъ и физиологъ. Его главныя сочиненія: «Всеобщая анатомія», «*Traité des membranes*», и «Физиологическія изслѣдованія о жизни и смерти», р. пер. А. Бибикова, Спб. 1865.

«**Благонамѣренный**» (1818—1826). — Журналъ А. Е. Измайлова. Органъ Общ. Люб. рос. словесн. (см. Общ.). «Дамъ хотятъ заставить читать по-русски. Право, страхъ! Могу-ли ихъ себѣ представить съ «Благонамѣреннымъ» въ рукахъ!» («Евг. Он.» III, 27).

Богдановичъ, Ипполитъ Ѳедоровичъ (1743—1803). — Авторъ поэмы «Душенька»; «наперстникъ милой Психеи златокрылой», «побѣдитель Лафонтена», (Городокъ, 1814); «Наперстникъ Душеньки» (2-ое посл. къ цензору). «Мнѣ галлицизмы будутъ милы, какъ прошлой юности грѣхи, какъ Богдановича стихи». («Евг. Он.» III, 29).

Блудовъ, Дмитрій Николаевичъ, графъ (1785—1861). — Ближайшій другъ Карамзина, который указалъ на Б. Императору Николаю при его воцареніи. Вмѣстѣ съ Жуковскимъ и Дашковымъ былъ основателемъ «Арзамаса», собранія котораго происходили на квартирѣ Б. Началъ службу совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ, закончилъ ее предсѣдателемъ Госуд. Совѣта и президентомъ Академіи Наукъ, принимая видное участіе въ реформѣ 19 февраля 1861 г. Пушкинъ былъ не высокаго мнѣнія объ одностороннемъ литературномъ вкусѣ Б. Послѣ 14 декабря былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ верховнаго суда надъ декабристами и его перу принадлежитъ докладъ о подсудимыхъ декабристахъ, подвергшійся жестокой критикѣ со стороны другого «Арзамасца»—Н. И. Тургенева. (*La Russie et les Russes*. Русск. изд., Спб. 1906.) Ему же косвенно обязанъ «Моск. Тел.» своимъ запрещеніемъ (см. «Моск. Тел.»). О немъ: Е. Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время, Спб. 1869 г.

Бобровъ, Семень Сергѣевичъ († 1810). — Стихотворецъ. «Тяжелый Бибрусь». Пушкинъ въ 1821 г. просилъ брата прислать ему поэму «Таврида, или мой лѣтній день въ таврическомъ Херсонесѣ» (Николаевъ 1798 г.); въ ней ему понравилось выраженіе: «подъ стражею скопцовъ гарема» (кн. Вяземскому 1823 г.). См. «Желаніе» (1816), «Другу стих.» (1824). О немъ: М. М а з а е в ъ «Кр. біогр. Словарь», т. 3.

Болдино, родовое село Пушкина, Нижегород. губ., Лукоян. у. Получено прадѣдомъ поэта по духовному завѣщанію. Къ Сергѣю Льв. перешло 1055 муж. и 1059 женск. душъ, но вслѣдствіе «хозяйства» С. Л. имѣніе пришло въ полный упадокъ. Для устройства дѣлъ А. С. передъ женитьбой отправился въ Болдино. Въ Б. Пушкинъ провелъ всю осень 1830 г., отмѣченную необычнымъ подъемомъ творческихъ силъ поэта. (См. біогр. канву, см. также ниже: Осень). Въ 1833 г. Пушкинъ, проѣздомъ изъ Оренбурга, провелъ въ Б. нѣсколько дней; въ 1834 г. онъ гостилъ здѣсь около мѣсяца. Въ 1911 г. рѣшенъ вопросъ о выкупѣ въ государственную собственность Б., подобно тому какъ это сдѣлано съ Михайловскимъ.

Бомарше, Пьеръ-Огюсть (1732—1799). — Французскій драматургъ. «Другъ Салъери, который посвятилъ Б. своего «Тарара». («М. и С.»), «Колкій» Б. («Къ вельможѣ—1830). Р. пер. его трилогіи А. Н. Ч у д и н о в а, Спб. 1892.

Боньянь, Джонъ (1678—1684). — Англійскій писатель. Переложеніе первой главы его сочиненія «*The Pilgrim's progress from this world to that which is to come*». См. пьесу «Странникъ» (1834 г.).

Борей. «Шалость» (1830).

Броль-де (Бролио), Сильверій Францевичъ († 1829). — Лицейскій товарищъ Пушкина, сынъ французскаго эмигранта. Одинъ изъ послѣднихъ по успѣхамъ учениковъ и первый по шалостямъ. «Молодой красавецъ, сіятельный повѣса». По выходѣ изъ лицея уѣхалъ во Францію. Во время греческаго возстанія примкнулъ къ возставшимъ и былъ убитъ въ бою.

Броневскій, Семень Михайловичъ († 1835). — Градоначальникъ Феодосіи, авторъ «Ист. и геогр. извѣстій о Кавказѣ», «Ист. Донского войска». Пушкинъ вмѣстѣ съ Рылѣевымъ остановились у Б., «человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и бѣдности» (Брату, 1820). Разборъ Б—аго «Ист. Пуг. бунта» напечатанъ въ «Отеч. Зап.», 1835 г. См. отвѣтъ Пушкина: «Объ ист. Пуг. бунта».

Бруть—«вольнолюбивый» («Кинжалъ»—1821), «Вотъ Кесарь — гдѣ же Бруть?»— («Отрывокъ»—1823 г.).

Брюлловъ, Карль Павловичъ (1799—1852). — Художникъ. По поводу выставки его картины «Распятіе», къ которой были приставлены «въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ», см. пьесу 1836 г. «Когда великое свершалось торжество». Б. нарисовалъ портретъ Пушкина.

Брюссъ, Романъ Виллимовичъ (1668—1720).

Брянскій (Григорьевъ), Яковъ Григорьевичъ. — Извѣстный драматическій русскій актеръ. «Прогр. Комед.» 1821.

Буало, Николай (1636—1711). — Французскій критикъ и поэтъ. Его «Art poétique» было своего рода литературнымъ кодексомъ въ русской литературѣ XVIII столѣтія. «Степенный Б.» «поэтъ законодатель, гроза несчастныхъ риемачей». (Дом. въ Кол., 7—8). Уп. пьеса «Желаніе» (1816).

Буаннаротти, Микель-Анджелло (1475 — 1564). — Величайшій художникъ. Уп. «Моц. и Сальери».

Будри-де, Давидъ Ивановичъ (1756—1821). — Профессоръ французской словесности Царск. лицея. Швейцарецъ родомъ, (братъ Марата), воспитанникъ женевской академіи, онъ пріѣхалъ въ Россію по вызову В. П. Салтыкова для обученія дѣтей послѣдняго. Позднѣ занялся преподаваніемъ французскаго языка въ петербургскихъ институтахъ и гимназіи, а въ 1811 г. былъ «произведенъ въ профессоры» съ назначеніемъ въ Царскосельскій лицей. (О немъ см. «Замѣтки» Пушкина и «Воспом.» М. Корфа, Ист. Лицея Селезнева).

Булгановъ, Александръ Яковлевичъ (1781—1863). — Московскій почтъ-директоръ, знаменитый тѣмъ, что распечатывалъ письма Пушкина и выписки изъ нихъ сообщалъ Бенкендорфу. О томъ же писалъ А. И. Тургеневу и Жуковскій, возмущаясь «беззаконіемъ правительства». Сочин. т. X. Его письма къ брату, Русск. Арх., 1902 г.г., 1903 г.

Булгановъ, Константинъ Яковлевичъ (1782—1835). — Петербургскій почтъ-директоръ, близкій человѣкъ къ кружку Жуковскаго. Его письма къ брату, Русск. Арх. 1902—1903 г.г. Біографія его М. 1838 г.

Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ (1789—1857). — Въ началѣ своей литер. дѣятельности, въ числѣ пріятелей Б. были: Грибоѣдовъ, Рылѣевъ, Бестужевъ, Кюхельбекеръ. Пушкинъ сотрудничалъ въ булгаринскихъ «Лит. Листахъ», но уже въ 1824 г. поэтъ замѣчалъ, что съ этимъ человѣкомъ опасно переписываться (Булг. напечаталъ письмо Пушкина, не предназначавшееся для печати). Въ 1825 г. поэтъ вполне оцѣнилъ «атамана Греча и есаула Б.» (Брату, 1825). «Это не соловей разбойникъ», писалъ Пушкинъ Вяземскому о Б. «и всей братіи». «Полицейскій Ѳаддей» скоро дѣйствительно опредѣлился во весь ростъ: юркій газетчикъ, доносчикъ и холопъ Бенкендорфа. Рядомъ эпиграммъ, Пушкинъ пригвоздилъ къ позорному столбу «Видока Фиглярина» (См. «Родословная», 7; «Крит. Зам.», «О Запискахъ Видока»). О Б—ѣ: М. Сухомлиновъ, т. I; М. Лемке. «Никол. Жандармы», Спб., 1906; Н. Г о р и ч ѣ. «Русск. Ст.», т. XI и XX (1871 и 1874 г.г.).

Бульверъ, Эдуардъ-Джоржъ (1803—1873). — Англійскій романистъ. Его

романъ «Пеламъ» («Pelham») вышелъ въ 1828 г.; р. перев. 1859 г. См. выше Перечень: «Русскій Пеламъ».

Булнина, Анна Петровна (1774—1828)—поэтесса, почетный членъ «Бесѣды». Собраніе ея стихотвореній издано Академіей Наукъ, 3 ч., Спб. 1819—21 г.

Бурцовъ, Иванъ Григорьевичъ († 1829). — Генераль-маіоръ, участникъ От. войны, прославившійся своею храбростію; замѣшанный въ дѣло декабристовъ, былъ арестованъ и отправленъ на службу въ Грузію; былъ убитъ во время битвы. Пушкинъ встрѣтилъ Б. и вскорѣ же узналъ объ его смерти. «Пут. въ Арзр.» III, IV. Уп. «Сѣтованіе» (1821 г.).

Бутурлинъ, графъ Александръ Борисовичъ (1694—1767). — Деньщикъ Петра Великаго, исполнитель его секретныхъ порученій.

Бутурлинъ, графъ Дмитрій Петровичъ (1790—1849). — Генераль. «Невѣжды законодатель» («Горчакову, 1819). На балу у Бут. былъ Пушкинъ. Ср. «Дневникъ» 1833 г.

Бутурлинъ, Петръ Ивановичъ († 1724). — «Князь-папа».

Буфлеръ, Станиславъ (1737—1815). — Французскій дидактическій поэтъ.

Буфлеръ-русскій. См. В. Л. Пушкинъ («Посланіе» 1817 г.).

Буяновъ. «Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ». — «Мой братъ двоюродный» — называетъ его Пушкинъ. (Буяновъ—дѣйствующее лицо въ поэмѣ В. Л. Пушкина «Опасный сосѣдъ».)

Буффонъ (1707—1788). — «Великій живописецъ природы». «Слогъ его двѣтущій, полный, всегда будетъ образцомъ описательной прозы». («О слогѣ» — 1822)

Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ (1811—1848). — «Литер. Мечтанія» Б. появились въ 1834 г. Статьи Бѣлинскаго не могли пройти не замѣченныя Пушкинымъ, но лично они не были знакомы. Въ 1836 г. Пушкинъ послалъ Бѣлинскому черезъ Нащокина экземпляръ «Современника», прося передать журналъ тихонько отъ «Наблюдателей». (Отзывъ Бѣлинскаго, т. VI, изд. Венгерова). Въ 1836 г. Нащокинъ увѣдомлялъ Пушкина, что Бѣлинскій желаетъ работать въ «Современникѣ», но черезъ три мѣсяца Пушкина уже не было въ живыхъ.

Бѣлкинъ. См. Перечень: Псевдонимы Пушкина.

Вадимъ. — Новгородецъ, убитый по преданію Рюрикомъ (Никон. Лѣтоп.). Въ русской литературѣ В. посчастливилось. Личность его интересовала многихъ писателей (Екатерину II, Муравьева, Жуковскаго, Рылѣева, Лермонтова). Пушкинъ также заинтересовался личностью Вадима, см. «Перечень»: Вадимъ. Объ образѣ В—а въ р. литературѣ, см. статью Г. Карасика, въ сочин. Пушкина, ред. С. Венгерова, II, 594—598.

Вакхъ, — богъ вина и винограда. См. пьесы: «Блаженство», «Пирующие студ.» (1814); «Воспомин.» «Къ Галичу», «Мое завѣщаніе», «Юдину», «Сонъ», 1817 г.: «Торжество В.», «Каверину» (1818); «Всеволожскому», «Горчакову» (1819); «Друзьямъ» (1832); «Дары Вакха» (1827), «Вакха даръ» («Катерину» — 1828 г.); В. «румяный» («Дельвигу» — 1830); «Богъ веселый винограда» (1835). См. тоже Бахусъ.

Валберхова (Вальбергъ), Марья Ивановна (1788—1867). — Драматическая артистка, ученица кн. Шаховскаго. «Прогр. Комедіи» (1821).

Вальмонъ, герой романа Шодерло-де-Лакло. *Les liaisons dangereuses*. Спб—скій Вальмонъ — Алекс. Ник. Вульфъ («В—у», 1828).

Вальшъ. — Фельдъегерь. Въ ночь на 4 сент. 1826 г. явился въ Михайл. и, по Высочайшему повелѣнію, увезъ Пушкина въ Москву.

Вампиръ. «Британской музы небыллицы тревожатъ сонъ» («Евг. Он.» III, 12). Повѣсть «Вампиръ» приписывалась Байрону.

Вандикъ. «Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ, точь въ точь въ Вандиковой Мадоннѣ». («Евг. Он.» III, 5).

Варфоломей, Егоръ Кирилловичъ. — Молдаванскій бояринъ. О немъ и его домѣ см. Записки Вигеля, Липранди, Вельтмана; его дочь **Пульхерія Егоровна,**

въ замужествѣ М а н о, славилась своей красотой. Ея имя внесено Пушкинымъ въ «донжуанскій списокъ» († 1868).

Великопольскій, Иванъ Ермолаевичъ (1797—1868). «Играешь ты на лирѣ очень мило, играешь ты довольно плохо въ штось», писалъ Пушкинъ о В. въ 1826 г. Авторъ многихъ элегическихъ стихотвореній, драмъ (псевд. Ивельевъ) и «Сатиры на игроковъ» (М., 1828 г.). Въ отвѣтъ на послѣднюю появились въ «Сѣв. Пч.» стихи Пушкина (И. Е. В.—скому). Въмѣсто подписи редакция сопроводила ихъ примѣчаніемъ: *ex ungue leonem*. Великопольскій отвѣтилъ посланіемъ, но цензура не пропустила его, усмотрѣвъ въ немъ «личность» и потребовала согласія Пушкина. Пушкинъ отвѣчалъ В. письмомъ (1828 г.). «Къ сожалѣнію, писалъ П., я не могъ согласиться. Глава Онѣгина вторая стѣзжала скромно на тузѣ» и ваше примѣчаніе конечно, личность и неприличность. «И вся стала недостойна вашего пера». «Я не проигрывалъ 2-ой главы, а ея экземплярами заплатилъ свой долгъ, такъ точно, какъ вы заплатили мнѣ свой родительскими алмазами и 35-ю томами энциклопедіи. Что если напечатать мнѣ сіе благонамѣренное возраженіе?» Отсюда разрывъ В. съ Пушкинымъ, окончившійся вскорѣ полнымъ примиреніемъ. См. сборникъ П. Бартенева «Пушкинъ» II, и работу Б. Л. Модзалевскаго И. Е. В.—скій въ «Сборникѣ памяти Майкова».

Вельтманъ, Александръ Ѡмичъ (1800—1870), — Даровитый писатель, авторъ «Коцея Безсмертнаго», «Приключеній почерпнутыхъ изъ моря житейскаго и др.». Познакомился съ Пушкинымъ въ Бессарабіи; оставилъ «очеркъ этой страны» и «Воспоминаніе о Пушкинѣ». Е. С. Некрасова. Изъ воспоминаній В. о времени пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ. «Вѣстн. Евр.» № 3, 1881 г. Почти полностью воспоминанія воспроизведены по авторской рукописи Л. Н. Майковымъ въ его пушкинскомъ сборникѣ—стр. 102—136).

Вельяшева, Екатерина Васильевна, въ замужествѣ Жандръ. Ей стихи: «Подъѣзжая подъ Ижоры» (1828).

Веневитиновъ, Дмитрій Владиміровичъ (1805—1827). — Поэтъ и критикъ, дальній родственникъ Пушкина. У него въ домѣ въ Москвѣ Пушкинъ читалъ своего «Годунова». См. его статьи о «Б. Г.» и—по поводу «Евгенія Онѣгина»—полемику съ Полевымъ. См. также «Посланіе къ Пушкину» въ сочин. Веневитинова. Сочиненія В. были изданы: М. 1829 г., Спб. 1857 (изданіе Смирдина, въ одномъ томѣ вмѣстѣ сочиненіями В. Л. Пушкина) и въ 1862 г. подъ редакціей А. В. Пятковского, съ приложеніемъ портрета автора и статьи объ его жизни и сочиненіяхъ. Спб. О немъ: «Воспоминанія М. А. Веневитинова «Ист. Вѣстн.» 1884 г. т. 17 и «Русск. Арх.» 1885 г.

Венера. «В. отъ Лайсы», «Блаженство» (1814), «Мое завѣщаніе, М. А. Дельвигъ» (1815), «Фавнъ и Пастушка», «Посланіе Лидѣ», «Фіаль Анакреона», «А. А. Шишкову», «Посланіе къ В. Л. Пушкину» (1817); «Кривцову» (1818); «Есть роза дивная» (1827). «Евг. Он.», I, 25, Альб. 9. См. также «К и п р и д а».

Вержье, Жанъ (1655 — 1720). — Французскій писатель, авторъ многихъ эротическихъ сказокъ. Пушкинъ ставитъ В. рядомъ съ Грекуромъ и Парни («Городокъ»—1814 г.), которые «сонъ отъ глазъ отводятъ подъ зимній вечерокъ».

Весперь. «Рѣдѣють ночи тѣни и встрѣченъ Весперь пѣтухомъ». («Евг. Он.» VI, 24).

Верстовскій, Аленскій Николаевичъ (1799—1862). — Композиторъ, издатель «Музык. Альбома» (1828 г.). О немъ см. Перепелицынъ. Ист. р. музыки и В. Березовскій. Ист. р. музыки. Спб. 1902 г.

Вигель, Филиппъ Филипповичъ (1786 — 1856). — Пушкинъ познакомился съ нимъ въ Кишиневѣ. Позднѣе перешелъ въ службу въ Петербургъ, гдѣ былъ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій. Жолчный и чопорный, В. считалъ себя первымъ острякомъ и возненавидѣлъ Соболевскаго за его эпиграммы. См. его записки въ «Русск. Вѣстн.» и отдѣльно М. 1866 г. и М. 1891 (второе изданіе). О чтеніи этихъ воспоминаній въ домѣ Павлицевыхъ рассказываетъ подробно Л. Павлицевъ, «Восп.», стр. 73.

Видонъ, Эжень-Франсуа (1775 — 1857). — Французскій сыщикъ; послѣ ряда преступленій, дезертирства и воровскихъ походовъ, занялъ мѣсто начальника парижской сыскной полиціи. Его «записки» появились въ 1826 г. О нихъ см. Статьи и замѣтки изъ «Лит. Газеты» 1830 г. Пушкинъ признавалъ, что сочиненія, подобныя «Запискамъ» Видока, не оскорбляя ни религіи, ни правительства, ни даже нравственности въ общемъ смыслѣ, являются «крайнимъ оскорбленіемъ общественнаго приличія». Именемъ шпіона Видока Пушкинъ заклеилъ Булгарина.

Визговъ, см. Висковатовъ.

Виландъ, Христофоръ-Мартинъ (1733—1813). — Нѣмецкій поэтъ. Его наравнѣ съ Вольтеромъ любилъ читать юный Пушкинъ. (Ср. посланіе къ Юдину—1815). Его повѣсть «Вастола» издана Пушкинымъ. См. статьи и замѣтки 1836 г.

Вильгельмъ. («В., мой братъ родной по музамъ, по судьбамъ», «19 окт. 1825 г.»), см. Кюхельбекеръ.

Вильгельмъ II. — См. Оранскій, принцъ.

Вильсонъ, Джонъ (1785 — 1854). Переводъ его трагедіи Пушкина см. Перечень: «Пиръ во время чумы».

Вини-де-Альфредъ. Хотя «французскіе критики», по словамъ Пушкина поставили В. «на одной доскѣ съ В.-Скоттомъ», но Пушкинъ считалъ его «чопорнымъ, манернымъ», его романъ Сень-Марсъ «облизаннымъ». («О Мильтонѣ» — 1837 г.).

Виргилій, Публій Маронъ (70—19 до Р. Х.). Римскій поэтъ. Въ «Городкѣ» Пушкинъ отмѣчаетъ В. сочиненія, котораго онъ любитъ читать «въ часъ утренній досуга». «Люблю съ моимъ Марономъ подъ яснымъ небосклономъ близъ озера сидѣть (ib.). «Несравненнаго Виргилія». Пушкинъ «читалъ и перечитывалъ, не стараясь подражать ему въ нѣжныхъ чувствахъ и гармоніи» («Бова»). Въ пьесѣ А. Л. Давыдову (1824): «чахоточный отецъ немного тощей Энеиды». Евгений «помнилъ, хоть не безъ грѣха, изъ Энеиды два стиха». («Евг. Он.» I, 6). Уп. V. 22.

Висковатовъ, Степанъ Ивановичъ (1786—1831). — Членъ шипковской «Бесѣды», драматургъ, авторъ трагедій «Импермнестра», «Ксенія и Темиръ» и др. По словамъ Пушкина, В. «не впадъ уродовъ выставилъ на сцену, визжать заставилъ Мельпомену» («К. Батюшкову» 1814 г.).

Витгенштейнъ, графъ Петръ Христіановичъ (1768—1842). — Въ Отеч. войну командовалъ 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. Послѣ смерти Кутузова всталъ во главѣ 2-ой арміи, но послѣ неудачи подъ Люценомъ и Бауценомъ просилъ уволить его отъ командованія. (Уп. «Къ другу»).

Виельгорскій, графъ Михаилъ Юрьевичъ (1788—1856). — Композиторъ, пріятель Жуковскаго. Отецъ В. знаменитый виолончелистъ, которому посвятилъ Бетховенъ три квартета. Братъ его (Матвѣй Юрьевичъ) прекрасно владелъ виолончелью; домъ В—аго, по словамъ Берліоза, являлся настоящимъ маленькимъ храмомъ изящныхъ искусствъ въ Петербургѣ. Въ этомъ «храмѣ» часто бывали и Пушкинъ, и Жуковскій, и Гоголь.

Воейкова, Александра Андреевна, урожденная Протасова († 1829), сестра Жуковскаго, жена А. Θ. В—а. Являлась дѣятельной помощницей въ литерат. трудахъ мужа.

Воейнова, Марья Матвѣевна. См. Пушкина.

Воейновъ, Александръ Ѳеодоровичъ (1778—1839). — Профессоръ р. словесности дерптскаго университета, сатирикъ (авторъ «Дома Сумасшедшихъ»), и журналистъ; редактировалъ «Литерат. Приб. къ Р. Инвалиду». По поводу критики В. на «Русл. и Л.», см. «Перечень». Пушкинъ отзывался о немъ, какъ о «замѣчательномъ литераторѣ, который извѣстенъ изданіемъ Хамелеонистики, остроумнаго сбора статей, въ коихъ выводятся, такъ сказать, на чистую воду нѣкоторыя, такъ сказать, литературныя плутни («Домъ сумасшедшихъ»).

Войнаровскій, Андрей, племянникъ Мазепы (сынъ его родной сестры), соучастникъ его замысловъ. Получилъ образованіе въ Германіи и началъ службу

у Петра. Послѣ Полтавской битвы, бѣжалъ въ Турцію, затѣмъ долго жилъ въ Вѣнѣ. Въ 1716 г. захваченъ въ Гамбургѣ и выданъ Петру. Кончилъ жизнь въ ссылкѣ въ Якутскѣ. См. поэму Рылѣева «Войнаровский»; «Полтава», 3.

Волга. «Волга,—рѣкъ, озеръ краса». «На пышны воды, подѣ полотняны паруса, зоветъ Онѣгинъ». «Гордые волжскіе берега». «Стенька Разинъ въ старину кровавилъ волжскую волну». (Шут.) «А это что такое узоромъ здѣсь виѣтся? — это Волга». («Бор. Год.»).

Волконская, Зинаида Александровна (1792—1862), урожденная кн. Бѣлозерская-Бѣлозерская. «Царица музъ и красогы». Женщина рѣдко образованная. Въ ея домѣ въ Москвѣ собирався избранный литературный кругъ. Передъ отъѣздомъ М. Н. Волконскій-Раевской въ Сибирь къ мужу у нея состоялся «Вечеръ» описанный въ «Русск. Стар.» 1875, № 4. Въ тридцатыхъ годахъ переселилась въ Италію и приняла католичество. Въ Римѣ познакомилась съ Гоголемъ. Къ ней пьеса З. А.: «В—ой» (1827). См. посвященные ей пьесы въ сочиненіяхъ Баратынскаго, Веневитинова, письма Гоголя и др. Сочиненія В—ой. Парижъ, 1865 г.

Волконская, княгиня Марія Николаевна, урожденная Раевская († 1863). Когда Пушкинъ, вмѣстѣ съ семействомъ Раевскихъ, путешествовалъ по Кавказу и Крыму, М. Н. было около 15 лѣтъ. Въ 1824 г. вышла замужъ за кн. С. Г. Волконскаго и послѣдовала за нимъ въ Сибирь въ ссылку. Пушкинъ встрѣтился съ ней въ Москвѣ въ 1827 г., наканунѣ ея отъѣзда въ Сибирь. См. ея «Записки» Спб. 1903 г. Рукопись этихъ «Записокъ» была извѣстна Некрасову, когда онъ создавалъ свои «Р. женщины».

Волконскій, Николай Сергѣевич (1826—1828). — Первенецъ С. Г. и М. Н. Волконскихъ, умершій въ Петербургѣ, въ то время когда мать его пошла въ ссылку за отцомъ-декабристомъ. Пушкинъ написалъ эпитафію «Младенцу» (1827). См. «Записки М. Н. Волконской», Спб. 1903.

Волконскій, князь Петръ Михайловичъ (1766—1852). — Г.-Фельдмаршалъ, Министръ Имп. Двора. Уп.

Вольмаръ, Юлія. Героиня «Новой Элоизы» Руссо. «Любовникъ Юліи Вольмаръ». «Воображаясь героиней своихъ возлюбленныхъ творцовъ, Кларисой, Юліей, Дельфиной» («Евг. Он.» III, 9, 10).

Вольтеръ (Аруз-Франсуа-Мари) (1694—1778). — Еще въ юныхъ годахъ Пушкинъ близко познакомился съ произведеніями В. «Поэтъ въ поэтахъ первый», «вездѣ великъ единственный старикъ» («Городокъ»—1814). Переводы изъ В.: Венерѣ отъ Лайсы, «Изъ В—а», «Стансы», «Сновидѣнье» (1817) и 17 первыхъ стиховъ изъ «Дѣвственницы», которую Пушкинъ называлъ «библіей харить» (1822). В. «великанъ» эпохи («Мысли на дорогѣ»). «Прекрасный образецъ благороднѣйшаго слога». «О слогѣ»; см. также статью: «Вольтеръ» — 1836. См. также «Бова», «Къ Вельможѣ», «Домикъ въ К.», 8.

Вольховскій, Владимір Дмитріевичъ († 1841). — Лицейскій товарищъ Пушкина, «первый въ своемъ курсѣ». За твердость характера и воздержанность товарищи прозвали В. «спартанцемъ». Въ 1829 г. П. встрѣтился съ нимъ на Кавказѣ, гдѣ В. служилъ офицеромъ. Человѣкъ «великихъ достоинствъ и великой надежды» (по словамъ Илличевского), дослужился до бригаднаго командира, но принужденъ былъ выйти въ отставку. (См. Гротъ, Пушкинъ, стр. 72—74). См. «19 окт. 1825 г.» (Перв. ред.). Уп. «Пирующие студенты» (1814).

Вольнія. Тамъ «провелъ остатокъ жизни» кн. Курбскій. («Б. Год.»).

Воронцова, Александра Михайловна. Дочь Воронцовыхъ. Къ ней пьеса: «Младенцу» (1824).

Воронцова, графиня Екатерина Артамоновна (1780—1836). Дальняя родственница П—ыхъ, передавшая матери поэта сплетни, ходившія объ А. С. въ Петербургѣ. Подѣ именемъ Дельфиры Пушкинъ вывелъ ее въ «Русл. и Л.», 5.

Воронцова, Елисавета Ксаверіевна, урожденная гр. Браницкая (1792—1880). — Отношенія Пушкина къ В. долго были окружены поэтической легендой,

В. изображалась не иначе, какъ геніемъ и ангеломъ хранителемъ Пушкина; съ ея именемъ связаны «Талисманъ» и «Въ дверяхъ Эдема ангелъ нѣжный». На самомъ дѣлѣ отношенія между Пушкинымъ и В. были таковы, что исключали интимность. Пушкинъ былъ влюбленъ въ В. и поэтизировалъ ее образъ, сама же В. не платила поэту взаимностью. См. Гершензонъ, М. О. «Пушкинъ и гр. В.», «Вѣстн. Евр.», 1909 г., № 2. Къ ней: «Сожженное письмо» (1825); «Ангель», «Талисманъ» (1826).

Воронцовъ, князь Михаилъ Семеновичъ (1782—1856). — Съ 1823 г. намѣстникъ Новороссійскаго края; къ В. перешелъ на службу Пушкинъ, вскорѣ же разочаровавшійся и въ своихъ надеждахъ, и въ своемъ ближайшемъ начальствѣ. Извѣстенъ рядъ пушкинскихъ эпиграммъ на Воронцова. По характеристикѣ П., вандаля, придворный хамъ и мелкій эгоистъ», зналъ «русскую литературу какъ герцогъ Веллингтонъ». «Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю себѣ что-то другое», писалъ Пушкинъ въ 1824 г. Тургеневу. Въ слѣдующемъ году, въ письмѣ къ Бестужеву, Пушкинъ говорилъ: «мы (т. е. русскіе писатели) не хотимъ быть покровительствуемы равными—вотъ чего п...ъ Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ, или съ олою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе какъ шестисотлѣтній дворянинъ. (См. отвѣтъ Рылѣва). Соч. Рылѣва, стр. 213. Пушкинъ не могъ ужиться съ В., который принялъ его на службу, «желая дать возможность развиваться таланту поэта». Пушкинъ обманулся въ своихъ надеждахъ и не щадилъ В. въ своихъ эпиграммахъ («Лордъ Мидасъ», «полумилордъ»). В. былъ радъ избавиться отъ безпокойнаго подчиненнаго и добился, путемъ доноса, удаленія Пушкина изъ Одессы.

Вордсвортъ, Вилльямъ (1770—1850). — Англійскій поэтъ. Уп. «Сонегъ» (1820).

Воть—арзамаское произвище В. Л. Пушкина. См. письмо В. Л. П.—1816 г. («грозный Воть!»)

Вревская, баронесса Евпраксія Николаевна. См. Вульфъ, Е. Н.

Вревскій, баронъ Борисъ Александровичъ (1805—1888). — Помѣщикъ Островскаго уѣзда, Псковск. губ., владѣлецъ Голубова и Врева, въ 19 верстахъ отъ Михайловскаго.

Всеволодовъ, Всеволодъ Ивановичъ (1790—1863). — Авторъ «Сокращ. патологии скотоврачебной науки», СПБ., 1817. «Я справлялся о тамошнихъ (псковскихъ) операторахъ; мнѣ рекомендуютъ В. (Пушкинъ называетъ ошибочно В—а—Всеволожскимъ), очень искуснаго коновала. (Вяз., Жук., июль, 1825).

Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ. «Лучшій изъ минутныхъ друзей» «минутной молодости», «счастливый сынъ пировъ, балованный дитя свободы». У него въ домѣ собирался кружокъ «Зеленой Лампы» (см.), Пушкинъ примкнулъ къ кружку въ 1817 г.; членами его состояли: В. Ф. Юрьевъ, В. В. Энгельгардъ и др. Въ 1820 г. Пушкинъ проигралъ Вс. 1000 р. ас. и въ уплату отдалъ рукопись готоваго къ печати сборника своихъ стихотвореній, которыя были возвращены поэту въ 1824 г. Къ нему: Н. В. В—ому (1819). Уп. въ прогр. «Р. Пелама». О немъ писалъ Пушкинъ брату изъ Кишинева въ 1821 г.

Вулканъ. «Лемноса хромой кузнецъ» «Р. и Л.», 4.

Вульфъ, Алексѣй Николаевичъ (1805—1881). Сынъ П. А. Осиновой (по первому браку Вульфъ), пріятель Пушкина, владѣлецъ села Тригорскаго. Учился въ Дерптскомъ университетѣ вмѣстѣ съ Языковымъ. Съ Пушкинымъ сошелся во время его подневольнаго пребыванія въ Михайловскомъ. Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» «дерптскій студентъ» явился подъ названіемъ Гёттингенскаго, подъ именемъ Ленскаго». (Пушкинъ о немъ: сочин. т. V, стр. 186). Выдержки изъ дневника Вульфа съ цѣнными замѣтками о Пушкинѣ опубликованы въ сборникѣ Л. Н. Майкова, стр. 169—219. См. также «Пушкинъ и его совр.», вып. I.

Вульфъ, Анна Ивановна (Netty). — Дочь Ивана Ивановича, двоюродная сестра Алексѣя Николаевича. Частая гостыя въ Тригорскомъ; жила въ своемъ

Берновъ, Тверск. губ. Вышла замужъ за Трувеллера. Къ ней: «За Netty я сердцемъ летаю» (1828).

Вульфъ, Анна Николаевна (1799—1857). — Ея черты отражены въ Ольгѣ (Анненковъ)¹⁾. Къ ней пьеса «Именинницѣ» (1825). См. письма къ ней брата А. Н. Вульфа, «Пушкинъ». Вып. I, прилож. VI.

Вульфъ, Евпраксія Николаевна (1809—1883) по мужу баронесса Вревская. Зина, или Зизи, какъ ее звали дома. Къ ней: «Если жизнь тебя обманетъ», (1825), Зинѣ (1826). Она послужила Пушкину прототипомъ Татьяны (Анненковъ); ей былъ поднесенъ поэтомъ экземпляръ IV и V главъ «Евг. Он.» съ такою надписью: «Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ отъ автора: Твоя отъ Твоихъ. 22-го февраля 1828 г.» (Л. Майковъ «Пушкинъ», стр. 199); по разсказу А. Б. Вревскаго, «имя своей героини Пушкинъ связалъ съ именемъ его матери — баронессы Евпраксіи Николаевны, т. к. Татьяна празднуется въ тотъ же день, что и Евпраксія: дѣйствительно, день обѣихъ — 12 января». Пушкинъ, Вв. I, стр. 13¹⁾.

Вульфъ, Николай Ивановичъ († 1813) мужъ Праск. Алекс. Черты Н. А. и его жены отражены въ супругахъ Лариныхъ. По разсказу племянницы А. П. Кернъ, «это была замѣчательная партія: мужъ нянчился съ дѣтьми, а жена гоняла на кордѣ лошадей, или читала «Римскую исторію». Оба они, однако, были люди достойные и любви и уваженія. («Русск. Арх.» 1884 г. кн. III).

Вульфъ, Прасковья Александровна, см. Осипова.

Вындомскій, Александръ Максимовичъ († 1813). — Отецъ П. А. Вульфъ-Осиповой. Полковникъ въ отставкѣ. Въ 1762 г. ему было пожаловано Тригорское съ 1085 душами крестьянъ.

«**Вѣстникъ Европы**», выходилъ дважды въ мѣсяцъ въ Москвѣ. Основанъ Карамзинымъ (1802 г.). Съ 1804—1830 г. (до прекращенія) выходилъ подъ редакціей М. Т. Каченовскаго. Въ «Вѣстн. Евр.», во время издательства В. В. Измайлова (1814), появилось первое стихотвореніе Пушкина. Позднѣе тотъ же журналъ въ лицѣ М. Дмитріева («Русланъ») и Надеждина («Полтава») ополчился на Пушкина. Здѣсь же печатались эпиграммы на «Хлопушкина». Поэтъ не остался въ долгу и отвѣтилъ рядомъ полемическихъ статей и эпиграммъ на Зоила-Пахома-Трындофья (Каченовскаго), давъ его журналу прозвище «Азіатскій Ракъ» (см. «Лит. Общ.» 1829).

«**Вѣчный Жидъ**» — романъ Эженя Сю («Евг. Он.» III, 12).

Вяземская, Вѣра Федоровна (1790—1886). — Жена Петра Андреевича, урожденная кн. Гагарина.

Вяземскій, Павелъ Петровичъ (1820—1888). — Сынъ П. А. и В. Ѳ. Вяземскихъ, авторъ воспоминанія о П. «Р. Арх» 1884, № 4 и сочин. П. П. Вяземскаго, Спб. 1893 г. Въ его альбомѣ записана П. пьеса: «Душа моя Павелъ» (1826). Состоялъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати; умеръ въ званіи сенатора и гофмейстера. См. его книгу: «Пушкинъ по докум. Ост. Архива», Спб. 1880 г. Въ память В. изданъ особый «Сборникъ», Спб. 1902. Сочиненія П. П. В—аго, изданіе гр. С. Г. Шереметьева, Спб. 1893 г.

Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ (1792—1878). — Поэтъ, критикъ и переводчикъ. Одинъ изъ близкихъ людей къ Пушкину. Знакомство П. съ В. произошло въ мартѣ 1816 г., когда, вмѣстѣ съ Карамзинымъ и Вас. Л. Пушкинымъ, Вяземскій посѣтилъ лицей. Несмотря на разницу лѣтъ, между ними установилась тѣсная дружба. Пушкинъ высоко цѣнилъ дарованіе и оригинальный умъ В. Его критическія статьи, по словамъ Пушкина, «носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто не соглашаешься съ его мыслями, но онъ заставляетъ мыслить». («О соч. кн. Вяз.»). «Проза В. чрезвычайно жива. Онъ обладаетъ рѣдкой способностью оригинально выражать мысли». Къ портрету кн. В—аго (1821); «язвительный поэтъ, острякъ замысловатый» (1822). «У скучной

¹⁾ Врядъ ли, однако, такое предположеніе справедливо. См. Приложение; Прототипы пушкинскихъ героевъ. *Ред.*

тетки Ганю встрѣля, къ ней какъ-то Вяземскій подсѣлъ и душу ей занять успѣлъ; («Евг. Он.» VII, 49); «Согрѣтый вдохновенья богомъ другой поэтъ роскошнымъ слогомъ живописалъ намъ первый снѣгъ и всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ». (V, 3).

У. С. Р. — марка шампанскаго (Писареву, 1831).

Гаевскій, Викторъ Павловичъ (1826—1888). — Лицеистъ, авторъ статей о Пушкинѣ и Дельвигѣ. См. Дельвигъ.

Гайднъ, Іосифъ (1732 — 1809). — Знаменитый композиторъ. Уп. Моц. и Сальери».

Галичъ, Александръ Ивановичъ (1783 — 1848). — Преподаватель лицея, профессоръ Спб. университета. Закончилъ свое образованіе за границей и былъ оставленъ для приготовленія къ кафедрѣ философіи при главномъ педагогическомъ институтѣ. Какъ преподаватель не обнаруживалъ особыхъ педагогическихъ способностей, но былъ «очень пріятнымъ собесѣдникомъ» для юныхъ лицеистовъ. Въ лицей пробылъ всего одинъ годъ, замѣняя больного Кошанскаго, и оставилъ по себѣ свѣтлую память. Пушкинъ любилъ Г. (См. «Пирующие студенты» и два «Посланія къ Г—ичу»). По совѣту Галича написаны «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» (1814). О судѣ надъ Галичемъ по доносу Магницкаго «Посланіе (2) къ Цензору». О встрѣчѣ съ нимъ въ ред. «Энциклопедіи Плюшара» см. въ «Дневникѣ». О немъ: А. В. Никитенко, «А. И. Галичъ». Спб. 1869 г.

Галияни (Гальяни), Фердинандо (1728—1787). — Аббатъ, поэтъ и политико-экономъ. «Энциклопедіи скептической причетъ» («Къ вельможѣ—1830»). Среди него имя Г.

Гальбергъ, Семень Ивановичъ (1787—1839). — Русскій скульпторъ. Его работы бюсты Пушкина.

Гамильтонъ, Антоній († 1720). — Французскій писатель; дѣтство провелъ во Франціи, затѣмъ вновь вернулся въ свое второе отечество и служилъ въ арміи Людовика XIV. «Рѣзвый Г.» даетъ ему эпитетъ Пушкинъ («Къ сестрѣ» — 1814). «Мемуары герцога де-Граммона Г. и его сказки» пользовались большимъ успѣхомъ въ Россіи.

Гамлетовъ — подпись подъ пародіями на произведенія Пушкина, которыя помѣщались въ сатирическомъ приложеніи къ «Московскому Телеграфу». Здѣсь же пародировались: Дельвигъ (Феокритовъ), князь Вяземскій (Шолье-Андреевъ), Баратынскій (И. Пустоцвѣтовъ). См. «О каррикатурѣ въ Англіи» (1830 г.).

Ганибалы. — Родъ Г. ведетъ свое начало отъ знаменитаго арапа Петра Великаго, абиссинца изъ города Лагоны, Абрама Петровича Ганибала. Родъ Ганибаловъ породнился съ родомъ Пушкиныхъ, когда бабка поэта, Марья Алексѣевна Пушкина, вышла замужъ за Осипа Абрамовича Ганибала — младшаго сына Абрама Петровича.

Ганибаль, Абрамъ Петровичъ (1698—1781). — Прадѣдъ поэта. Ребенкомъ былъ привезенъ въ Россію Петромъ I и вскорѣ отправленъ для обученія военному дѣлу за границу. Началъ службу въ бомбардирской ротѣ Преображенскаго полка. Въ чинѣ капитана инженерныхъ войскъ построилъ крѣпость Казанскую и Тобольскую. При Минихѣ былъ отправленъ на жительство въ деревню, но вскорѣ затѣмъ былъ пожалованъ въ генераль-маіоры и назначенъ оберъ-комендантомъ ревельскаго гарнизона. Въ 1731 г. женился на дочери капитана Галернаго флота Евд. Андр. Діоперь, но вскорѣ же разошелся съ нею и обвѣпчался съ Христиной фонъ-Шебергъ. Отъ этого брака родились сыновья: Иванъ, герой Наварина и строитель Херсона (1732 — 1801), Петръ (1742 — 1824) и Осипъ (1744 — 1806) — дѣдъ поэта. Въ 1762 г. вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, гдѣ и скончался мирнымъ помѣщикомъ Ингерманландіи, въ чинѣ генерала-аншефа.

Ганибаль, Марія Алексѣевна (1745—1818), урожденная Пушкина; жена Осипа Абрамовича и бабка поэта. Разведенная съ мужемъ жила вмѣстѣ съ дочерью въ выдѣленной ей усадьбѣ, сельцѣ Кобринѣ, Спб. губ. и у.; позднѣе, послѣ

выхода дочери въ замужество, переселилась въ Москву и приобрѣла село «Захарово». Подъ ея призоромъ росъ малолѣтній Пушкинъ.

Ганибаль, Надежда Осиповна. См. Пушкина, Н. О.

Ганибаль, Осипъ Абрамовичъ (1744—1806). — Дѣдъ поэта. Капитанъ морской артиллеріи второго разряда. За двоеженство былъ разведенъ съ обѣими женами и сосланъ на жительство въ село Михайловское.

Ганибаль, Петръ Абрамовичъ (1742—1824). Съ нимъ свидѣлся Пушкинъ въ Михайловскомъ, послѣ окончанія лицея. См. «Встрѣча съ Г.».

Гартунгъ, Марья Александровна. См. Пушкина, М. А.

Гауэншильдъ, Фридрихъ. Лицейскій воспитатель и профессоръ. Послѣ смерти Малиновскаго исправлялъ должность (1814 г.) директора. Читалъ нѣмецкую литературу на французскомъ языкѣ. Илличевскій и Корфъ одинаково сходятся на отрицательной оцѣнкѣ, выписаннаго Норовымъ (попечителемъ лицея) изъ Вѣны, «австріяка». О томъ же свидѣтельствуется «національная пѣсня» лицеистовъ. «Шалости» Пушкина, Пущина и Малиновскаго-сына, затѣявшихъ выпить гогельмогелю, придавъ серьезный характеръ и донесъ министру просвѣщенія. См. Пущинъ. Воспом. въ сборникѣ Л. Майкова «Пушкинъ», письма Илличевскаго и записку М. Корфа въ сборникѣ Я. К. Грота.

Гафизъ (1300—1389). — Персидскій поэтъ. Изъ Г—а (1829).

Гебея (Геба), дочь Зевса и Геры, богиня юности. Уп. «Къ живописцу» (1815).

Гезель — лицейское прозвище Кюхельбекера.

Геккерень, баронъ Яковъ-Теодоръ. — Нидерландскій посланникъ при русскомъ дворѣ. Приемный отецъ Дантеса. Главный виновникъ смерти Пушкина, авторъ пасквилей и слетней, приведшихъ къ роковой дуэли поэта. См. П. Щеголевъ. «Дуэль П—а». «Ист. Вѣстн.», 1905 г., №№ 1—4. «Пушкинъ и его совр», вып. XI, стр. 64—78.

Геликонъ, гора въ Беотіи, посвященная Аполлону и музамъ. У подошвы Г. источникъ музъ Иппокрена. Уп. («Къ Батюшкову»); «Городокъ»; «Мое завѣщ.»; «А. А. Шишкову» (1816); «Отвѣтъ на вызовъ» (1820); «Хорошъ російскій Геликонъ!» (Альб. 7).

Геннади, Григорій Николаевичъ (1825—1880). — Составитель Справочнаго словаря русскихъ писателей и редакторъ 1 и 2 исаковскихъ изданій сочиненій Пушкина.

Гердеръ, Иоганнъ Готфридъ (1744—1803). — Нѣмецкій поэтъ. Онѣгинъ «прочелъ» Г. (VIII, 35).

Германія. «Германія туманная». Изъ нея Ленскій «привезъ учености плоды: вольнолюбивыя мечты, духъ пылкій и довольно странный, всегда восторженную рѣчь и кудри черныя до плечъ». («Евг. Он.» II, 6).

Гете, Вольфгангъ (1749—1832). — «Евг. Он.» II, 9.

Гиббонъ, Эдуардъ (1737—1794). — Авторъ «Исторіи упадка и разрушенія римской имперіи». Русск. перев. Невѣдомскаго, М. изд. Солдатенкова, 8 томовъ. Онѣгинъ прочелъ Гиббона, VIII, 35.

Гизо (Гизоть), Франсуа-Пьеръ (1787—1874). — Французскій историкъ. Уп. «Гр. Нулинъ».

Гименей (Гимень). — Сынъ Аполлона и одной изъ музъ. Богъ брака. «Вулкана сынъ». («Амуръ и Гименей» 1816). Дельвигъ (1816). Платонизмъ (1820). «Евг. Онѣг.», IV, 50.

Гиппократъ (460 † 356 до Р. Х.). Знаменитый греческій врачъ, имя его сдѣлалось въ потомствѣ нарицательнымъ.

Глазуновъ, Илья Ивановичъ, († 1849). Владѣлецъ книжной фирмы, издатель «Евгенія Онѣгина». Купилъ право изданія поэмы за 3000 руб. и напечаталъ 5000 экз. книгъ, которые разошлись въ теченіе недѣли. Имъ же были приобретены посмертныя произведенія Пушкина за 37½ т. р. См. «Надпись къ моему портрету» (1816).

Глинна, Авдотья Павловна, урожденная Голенищева-Кутузова (1795 — 1863). Писательница и переводчица, жена **Ө. Н. Г** — и.

Глинна, Михаилъ Ивановичъ, (1804 — 1857). Знаменитый композиторъ, родоначальникъ русской музыки. Учился въ педагогическомъ пансіонѣ вмѣстѣ съ Львомъ С. Пушкинымъ. 1828 г. — начало извѣстности романсовъ Гл. и знакомства его съ Пушкинымъ черезъ Дельвига. Тогда же былъ написанъ его первый романсъ на пушкинскіе стихи: «Не пой, красавица, при мнѣ». Послѣ долгаго пребыванія за границей, Г. вернулся въ Россію и вошелъ въ кружокъ Пушкина, Жуковскаго, Одоевскаго, Вьельгорскаго. 27 ноября 1836 г. появилась на сценѣ «Жизнь за Царя». По поводу ея появленія см. стихи Пушкина «Славься Глинка». Въ 1836 г. Глинка занялся «Русл. и Людм.», думая просить П. написать либретто къ новой оперѣ, но планъ не удался: Пушкинъ вскорѣ умеръ; Глинкѣ пришлось ограничиться «словами Пушкина по его поэмѣ» (либретто Розена). Многія пьесы Пушкина положены на музыку Глинкой. Списокъ ихъ въ ст. С. Булича. «Сборн. препод. и студ. Спб. Универс. въ память Пушкина. Спб. 1899 г. См. также приложеніе 6-ое «П. и русская музыка», «Записки М. И. Глинки». Спб. 1888 г.

Глинна, Сергѣй Николаевичъ. Журналистъ, драматургъ и поэтъ. Род. 1775 г. † 1847 г., издавалъ патріотическій «Русскій Вѣстникъ» и былъ цензоромъ московскаго комитета. За пропускъ статьи Полевого противъ Каченовскаго, послѣдній обратился съ жалобой на цензора. («Отрывокъ изъ Лит. Лѣтописей» 1829 г.). «Записки С. Н. Г. Спб. 1895. Ср. Н. Н. Буличъ. Очерки по исторіи просвѣщенія и литературы, т. I. Спб. 1902 г.

Глинна, Федоръ Николаевичъ, (1787 — 1880). — Пушкинъ познакомился съ Г. тотчасъ по выходѣ изъ лицея. Г. въ то время служилъ по особымъ порученіямъ при Спб. генераль-губернаторѣ гр. Милорадовичѣ. Онъ же предупредилъ Пушкина о грозящей ему ссылкѣ. Поэтъ любилъ Г. «Славная душа», (Брату 21). «Мы съ нимъ пріятели (Брату, 23). Пушкинъ высоко цѣнилъ нравственныя качества Г., «почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра», «великодушный гражданинъ», «Ари-стидъ», такъ Пушкинъ называлъ Г. Къ нему: «Ө. Н. Г—кѣ» (22). Дарованьемъ Г. Пушкинъ не обольщался: онъ видѣлъ въ немъ «довольно плоскаго пѣвца (Посл. В. Л. Пушкину). Въ рядѣ эпиграммъ Пушкинъ называлъ «друга Глаголя» «кутейникомъ въ эполетахъ», «Божьей коровкой». Глинка не обижался. «Многіе любятъ въ васъ вашъ талантъ, я любилъ и люблю въ васъ — всего васъ», — писалъ онъ Пушкину. О томъ же свидѣлствуютъ стих. «Воспом. о пѣвческой жизни Пушкина» **Ө. Г**—и. «Библ. для чтенія», 1837 г., т. 21.

Глицера. «Она» (1816). См. Л и л е т а.

Глухоревъ (Брату, 1822) наименование трагическаго актера. Ожидая извѣстій о постановкѣ «Орл. Дѣвы» Шиллера, въ переводѣ Жук., Пушкинъ писалъ брату: «пястопные стихи безъ ризъ требуютъ совершенно новой декламации. Слышу отсюда драмо-торжественный ревъ Глухо-рѣва. (Ср. Записки Щепкина).

Глюкъ, Христофъ-Виллибальдъ (1714—1787). Композиторъ, авторъ балетовъ, оперъ и интермедій. (Уч. «Моц. и Сальери»).

«Гнѣвъ-вѣнчанный — Иванъ IV. «Моя родословная (1830).

Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ, — см. И л і а д а.

Гнѣдно, прозвище Гнѣдича.

Гоголь, Николай Васильевичъ (1809—1825). Гоголь въ 1827 г. пріѣхалъ въ Петербургъ. Знакомство Г. съ Пушкинымъ началось черезъ Плетнева въ 1831 г.; лѣтомъ того-же года Гоголь и Пушкинъ жили въ Царскомъ, гдѣ и произошло сближеніе обоихъ поэтовъ. Пушкинъ въ начинающемъ писателѣ сразу провидѣлъ поваго избранника, явился для него учителемъ и другомъ. Пушкинъ пріѣхалъ «Вечера на хуторѣ», эту «истинно веселую книгу». (Письмо Воейкову, авг. 1831 г.). Ср. «Сл. Лит. Типовъ IV, стр. 84. Съ изданіемъ «Современника» Гоголь дѣлается его ближайшимъ сотрудникомъ. Пушкинъ шлетъ черезъ Плетнева «великое спасибо» Гоголю за его «Коляску», заявляя: «даромъ «Коляски» не брать,

а установить ей цѣну. Гоголю нужны деньги». (Шлетневу изъ Мих. — 1835). Имя Гоголя, его выраженія и словечки все чаще и чаще встрѣчаются въ перепискѣ Пушкина. Великій поэтъ становится ближайшимъ другомъ и вдохновителемъ Гоголя. Сюжетъ, рассказанный Пушкинымъ, положенъ въ основу «Мертвыхъ Душъ». «Теперешній трудъ мой его (Пушкина) созданіе», говорилъ Гоголь (Письма т. I. стр. 437, ред. Шенрока). Смерть Пушкина произвела на Гоголя страшное впечатлѣніе. («О, Пушкинъ, Пушкинъ! писалъ Г.: какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе!»). См. «Авторская исповѣдь». В. Шенрокъ. Матеріалы для біогр. Гоголя I—IV т. М. Письма Гоголя, Спб. 1902 г. и «Сл. Лит. Типовъ», вып. IV.

Голицына, Евдокія Ивановна, княгиня. (1780 — 1850). Въ 1817 г. Пушкинъ былъ влюбленъ въ Г. и, по словамъ Карамзина, проводилъ у нея вечера. «Старина и новизна» I, 43). Ей посвящена пьеса: «Краевъ чужихъ неопытный любитель», 1817). Ей же письма «При посылкѣ «Оды Вольность» (1819). Она носила прозвище «кн. Nocturne», потому, что ея вечера затягивались далеко за полночь.

Голицына, княгиня Марья Арнадьевна, урожденная Суворова (1802—1870). Внучка Суворова, жена Мих. Мих. Голицына. Отношенія ея къ Пушкину вызвали различныя мнѣнія изслѣдователей. М. О. Гершензонъ («Вѣстн. Евр.», 1908, I) считаетъ Голиц. «сѣверной любовью Пушкина, той самой особой, къ которой поэтъ питалъ глубокое и прочное чувство, той загадочной Н. Н. (см.), любовь которой была для него «святыня». Противоположнаго мнѣнія держится Н. О. Лернеръ (Пушкинъ, ред. С. А. Венгерова, т. II—III), отрицая за любовью Пушкина къ Голиц. то значеніе, которое ей придаетъ первый изслѣдователь. Къ ней: «Элегія» (1820); «Умолкну скоро я» (1821); «Давно объ ней воспоминанье ношу въ сердечной глубинѣ» (1823) «Евгеній Онѣгинъ», I, XLV.

Голицына, Наталья Петровна. — «При дворѣ находили сходство между графиней («Пиковая Дама») и Н. П.», заноситъ П. въ свой «Дневникъ», 1833 г.

Голицынъ, Александръ Николаевичъ. (1773 — 1844). Свѣтлѣйшій князь, министръ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, близкій человѣкъ къ Императору Александру I, вольтерьянецъ и потомъ мистикъ. Благочестивая смиренная душа» Г. выявилась вполнѣ на слѣдствіи по дѣлу декабристовъ, членомъ котораго былъ назначенъ Г. «Святой Отецъ», «Омара да Али принявъ за образецъ, въ угодность Господу, себѣ во утѣшеніе, усердно залушить старался просвѣщеніе. О поведеніи Г. въ комиссіи см. Записки Трубецкого, Фонвизина. Онъ же участвовалъ въ комиссіи по разслѣдованію происхожденія «Гавриліады». На него эпиграммы: 1815 и 1823 г.г. О немъ: «Посл. къ Ценз.», II.

Голицынъ, князь Дмитрій Владиміровичъ (1771—1844). Боевой генералъ; въ 20-хъ и 30-хъ годахъ генералъ-губернаторъ Москвы.

Голицынъ, Николай Борисовичъ. — Перевелъ на французскій языкъ въ 1831 г. «Клеветникамъ Россіи».

Голицынъ, Сергій Григорьевичъ (1806—1868), носившій прозвище «Фирса», острякъ, рассказчикъ и меломанъ, написавшій много романсовъ для Глинки.

Гольдсмитъ, Оливеръ (1728—1774). — Англійскій поэтъ и романистъ, авторъ «Векфильдскаго священника» (1766).

Гомеръ (Омиръ). Въ пьесѣ «Городокъ» Пушкинъ упоминаетъ о Г. Гомеръ былъ въ числѣ любимыхъ авторовъ юнаго поэта. «Болтунъ страны эллинскія» («Бова»). Онѣг. «бранилъ Гомера». (I, 7) — см. Омиръ. «Божественный О» — «тридцати вѣковъ кумиръ» (V, 36—37).

Гончаровы. Родъ Г. ведетъ свое начало отъ посадскихъ людей г. Калуги. Основателемъ благосостоянія Г. явился Аѳанасій Абрамовичъ, наслѣдниками его маіората были: сынъ Николай, правнукъ Аѳанасій («дѣдушка» Пушкиной) и его сынъ Николай (отецъ Пушкиной). О жизни Г.—ыхъ въ маіоратномъ имѣніи «Полотнянный Заводъ» см. работу А. В. Срединна въ «Ст. годахъ» Июль—Сент. 1910 г. (есть отд. оттиски).

Гончарова, Александра Николаевна, род. 1811 г. Любимая сестра Нат. Ник., жившая въ домѣ Пушкиныхъ. Въ воспоминаніяхъ А. П. Араповой, ил. «Новое Время» 1908 г., отмѣчается ея интимная близость къ Пушкину. Позднѣ вышла замужъ за барона Фризенгофа изъ Австріи. **Гончарова, Екатерина Николаевна**. Старшая сестра Н. Н. вышла въ 1837 г. замужъ за Дантеса-Геккерна. **Гончарова, Наталья Ивановна**, урожденная Загряжская, теща Пушкина. **Гончаровъ, Аванасій Абрамовичъ** (1699—1784). — Основатель Полотняннаго завода; при Елисаветѣ, за свою полезную дѣятельность былъ пожалованъ въ рангъ маіора (чиномъ коллежскаго ассесора). Екатерина посѣтила Полотнянный заводъ. Въ память этого посѣщенія сыномъ А. А. была куплена въ Берлинѣ колоссальная статуя, отлитая по заказу Потемкина, но установить ее на «Пол. заводѣ» Николаю Аванасьеву такъ и не удалось (см. Аван. Ник.). **Гончаровъ, Аванасій Николаевичъ** († 1832). — Дѣдъ Н. Н. Пушкиной; въ домѣ его провела «любимая внучка» дѣтскіе годы. Къ нему «на поклонъ» ѣздилъ въ «Полотн. заводъ» женихомъ Пушкинъ. Дѣдушка обѣщаль дать за внучкой приданное, но просилъ поэта прежде выхлопотать у министра финансовъ 200—300 т. р. для приведенія въ порядокъ его фабрикъ, а также разрѣшеніе продать на вѣсь статую Екатерины II (*La grande maman de Zavode*). См. по этому дѣлу переписку Пушкина и письма къ А. Н. Г. (1830 г.). **Гончаровъ, Николай Аванасьевичъ I**. Сынъ Ав. Абр. наслѣдникъ и расточитель отцовскихъ богатствъ, оставившій сыну своему Аванасію Николаевичу маіоратное имѣніе и долгъ въ 1½ м. рублей. **Гончаровъ, Николай Аванасьевичъ (II)**. Отецъ Н. Н. Пушкиной. Энергичный и дѣятельный человѣкъ; не долго служилъ въ Москвѣ, но вскорѣ же вышелъ въ отставку и успѣшно занялся приведеніемъ въ порядокъ, запущенныхъ дѣдомъ и отцомъ, заводскихъ дѣлъ, встрѣчая постоянно противодѣйствіе со стороны отца. Подобно своей матери Н. П. Мусиной-Пушкиной, заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ. Его сыновья отъ брака съ Н. И. Загряжской: Дмитрій, Иванъ и Сергѣй; дочери: Екатерина, Александра и Наталья.

Гончаровъ, Иванъ Александровичъ (1812 — 1891). — Авторъ «Обломова». Въ 1857 г. по должности цензора разсматриваль VII дополнительный томъ Анненковскаго изданія и, благодаря его докладамъ, многія изъ статей П., запрещенныя ранѣе къ печати, смогли увидѣть свѣтъ. См. Сухомлиновъ. М. Изслѣдованія и статьи, т. I, изд. Суворина.

Горацій, Фланкъ (65 до Р. Х. † 9). — Римскій поэтъ. Въ пьесѣ «Городокъ» въ числѣ любимыхъ авторовъ Пушкина отмѣчается «чувствительный Горацій». «Безсмертный трусъ» (Посл. В. Пушкину, 1817). «Стансы», 1819. Пушкинъ упоминаеть о Г. вновь въ «Посланіи къ Юдину» (1819). «Умный льстецъ» (А. Л. Давыдову—1824). Переводъ его оды (II, 7 «Къ Помпею») — 1835. Уп. въ «Евг. Он. VI, 7. Его оды и сатиры переведены Ф е т о м ъ. Спб. П. П о р ф и р о в ы м ъ. Оды Г., Спб. 1899 г.

Горголи, Иванъ Саввичъ (1770—1862). — Спб. Оберъ-полицмейстеръ (1811—1821), позднѣ сенаторъ.

Горчакова, Евдонія Михайловна. — Сестра лицейскаго товарища Пушкина, въ замужествѣ кн. Кантакузенъ. Ей пьесы «Stances» (1814).

Горчакова, Софья Михайловна. — Сестра лицейскаго товарища П., въ замужествѣ Хвощинская. Ей, по словамъ Майкова, посвящена пьеса «Красавицѣ, которая нюхала табакъ» (1814).

Горчаковъ, Александръ Михайловичъ (1798—1883). — Лицейскій товарищъ Пушкина. «Любимецъ моды, большого свѣта другъ. Умеръ въ чинѣ государственнаго канцлера, послѣднимъ изъ лицейстовъ перваго выпуска. Къ нему А. М. Г.—у (1816 и 1819). «Вступая въ жизнь, мы быстро разошлись», писалъ Пушкинъ 19 окт. 1825 г. Въ 1825 г. былъ въ Псковской губ. вблизи Михайловскаго, но не заѣхалъ къ «опальному поэту». Свиданіе ихъ состоялось у Пещурова (см.), куда пріѣзжалъ Пушкинъ. «Мы встрѣтились и разстались довольно холодно, по крайней мѣрѣ съ моей стороны», писалъ Пушкинъ Вяземскому. По словамъ Я. Грота,

«гордился дружбою Пушкина и зналъ на память обращенныя къ нему посланія знаменитаго товарища». Г. по отношенію къ Пушкину приписывалъ себѣ роль *la cuisinière de Molière* (бесѣда его съ Гротомъ), но отъ активнаго участія при постановкѣ и открытіи памятника поэту въ Москвѣ, уклонился за недосугомъ

Горчаковъ, Владиміръ Петровичъ († 1867). — Пушкинъ познакомился съ Г. въ Кишиневѣ, гдѣ онъ служилъ въ военной службѣ. Въ это время Алексѣевъ и Г. были ближайшими къ нему людьми. Отвѣты по поводу замѣчаній Г. на «Кавказскій Пльнникъ» см. подъ 1821 г.; въ «Москвитянинѣ» 1850 г. (I—IV) напечатаны «Воспоминанія Г. о Пушкинѣ». Письма къ нему 1821 и 1823. О займѣ у него см. письма Нащокину 1830 и сл. г.

Горчаковъ, Дмитрій Петровичъ (1768—1824). — Писатель, авторъ многихъ оперъ, посланій, сатиръ, членъ Россійской Академіи и «Бесѣды Люб. Рос. Слова», пользовался уваженіемъ за свой талантъ и остроуміе даже въ кружкѣ Карамзина. Многіе стихи Г., подобно стихамъ изъ «Горя отъ ума», употреблялись въ свое время какъ пословицы. Пушкинъ въ «Городкѣ» называлъ Г. «наперсникомъ музъ; онъ любилъ его «колкій стихъ» въ посланіяхъ, «въ сатирѣ—знанье свѣта и слога чистоту и въ рѣзвости куплета игриву остроту». Позднѣе Пушкинъ приписывалъ умершему уже Г. свою «Гавриліаду» (см. письмо Вяз. I/IX 1828 г.). Сочиненія Г. вышли лишь въ 1890 г. М. О немъ см. «Городокъ» (1816). Пушк. Акад. изд., т. I. Прим., стр. 81. М. Сухомлиновъ. Ист. Рос. Акад., т. 7. Соч. Батюшкова, т. 3

Готовцева, Анна Ивановна поэтесса. «Отвѣтъ А. И. Г—ой» (1828), вызванный ея посланіемъ къ Пушкину по поводу «непониманія» поэтомъ женщинъ.

Грамотинъ, Николай Ѳедоровичъ (1786—1827). — Литераторъ, авторъ «Разсужденія о древней русской словесности» (1804), гдѣ и находится его объясненіе азбуки. («Мелк. зам.»).

Грандисонъ, Чарльзъ — герой романа Ричардсона. Р. переводъ: «Англійскія письма, или исторія Кавалера Г.». Спб. 1793—1794. «Сей Градисонъ былъ» «гвардіи сержантъ», «игрокъ»; «одѣвался всегда по модѣ и къ лицу», былъ «славный франтъ». — Онъ нравился Лариной «сердцемъ и умомъ» гораздо больше чѣмъ ея мужъ. — Когда Ларина, старушкою уже, вернулась въ Москву, оказалось, что Гр. «въ Москвѣ, живетъ у Симеона». «Меня въ сочельникъ навѣстилъ — рассказываетъ княжна Полина. «Недавно сына онъ женилъ». Ларина не сразу и вспомнила, кто такой «Грандисонъ». «Она любила Ричардсона... не потому, чтобъ Грандисона она Ловласу предпочла» (II, 30). «И неподобный Грандисонъ, который намъ наводитъ сонъ» (III, 9). «Но нашъ герой, кто-бъ ни былъ онъ, ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ» (III, 10).

Графовъ-Хлыстовъ, т. е. Хвостовъ. (Къ другу стихотворцу); «Моему Аристарху» (1814 г.).

Граци. «Къ Батюшкову», «Городокъ» (1814).

Гревениць, Павелъ Ѳедоровичъ (1798—1847). — Лицейскій товарищъ Пушкина. Ему посвященъ «*Mon portrait*» (1814). Служилъ въ мин. иностр. дѣлъ; въ часы досуга отдавался изученію ботаники, собирая въ окрестностяхъ Петербурга гербаріи растений; писалъ также стихи, но ни одно изъ нихъ не попало въ печать.

Грей, Томасъ (1716—1771). — Англійскій поэтъ. Переводомъ его «Сельскаго кладбища» дебютировалъ Жуковскій. Уп. «Къ сестрѣ» 1814 г.

Грекуръ, Жанъ Баптистъ-Жозефъ (1684 — 1743). — Аббатъ, авторъ эротическихкихъ пьесъ и басенъ. Юноша Пушкинъ отводилъ Г. Почетное мѣсто въ ряду «парнасскиххъ жрецовъ» и ставилъ его наравнѣ съ Парни и Вержье («Городокъ»), хотя на самомъ дѣлѣ Г. былъ очень посредственный стихотворецъ.

Грессе, Жанъ-Баптистъ-Луи (1709—1777). — Французскій поэтъ «пѣвецъ прелестный» («Моему Аристарху»). Тамъ же упоминается его поэма «*Vert-Vert*».

Греція. Возстаніе грековъ за независимость вспыхнуло въ 1821 г. Пуш-

кинъ горячо сочувствовалъ возставшимъ. Въ «Киш. Дневн.» (1821) онъ заноситъ: «между пятью греками, я одинъ говорилъ какъ грекъ: всѣ отчаялись въ успѣхѣхъ предпріятія этеріи. Я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ, и 2.500,000 турокъ оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Оемистокла». Пушкинъ ведетъ журналъ греческаго возстанія. Начало войны за независимость онъ привѣтствуетъ пьесой «Война», «Возстанъ, о Греція» (1821).— Въ 1824 г. поэтъ писалъ, что «очень интересуется греческимъ дѣломъ», но «Греція ему огадила» (Вяз.): въ Одессѣ онъ не находилъ «современныхъ Леоново». Въ письмѣ А. Н. Раевскому Пушкинъ возставалъ противъ сплетенъ будто бы онъ врагъ «освобождающейся Греціи» и поборникъ «турецкаго рабства». Ничто еще не было столь народно, какъ дѣло грековъ». См. письма А. Раевскому.

Гречъ, Николай Ивановичъ (1787—1867.—Другъ Булгарина, соиздатель «Сына Отеч.» и «Сѣверн. Пчелы». Еще въ 1821 г. Пушкинъ предлагалъ Г. купить для «Сына Отеч.» «Кавк. Плѣн.». Въ 1832 г. Пушкинъ приглашалъ Г. совмѣстно издавать газету; Гречъ, боясь конкуренціи «Сѣв. Пчелы», находилъ, что не надо выпускать изъ рукъ «Пушкина и его партію» (Пушкинъ, Н. Л е р н е р а, стр. 269), но въ то же самое время желалъ сохранить Булгарина. Пушкинъ не пошелъ на эту сдѣлку и отказался отъ предложеннаго ему Гр. крупнаго гонорара за участіе въ болгарино-греческихъ органахъ. Такой же отказъ получилъ Г. относительно участія Пушкина въ «Энци. Словарѣ» Плюшара. Ср. «Записки Н. И. Греча», Спб. изд. Суворина.

Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ (1795—1829).— Пушкинъ познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 г. и одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ «Горе отъ ума», которое ему привезъ въ рукописи Пущинъ въ Михайловское. Оцѣнка комедіи Гриб. дана Пушкинымъ въ письмѣ къ Бестужеву 1825 г. Характеристика Гр. въ «Пут. въ Арзрумъ», гл. II. См. также въ «Словарѣ лит. тип.». В. VI, стр. 104. Пушкинъ «разстался съ Грибоѣдовымъ въ Петербургѣ въ 1828 г. передъ отъѣздомъ его въ Персію». «Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія». Лѣтомъ 1829 г. по дорогѣ изъ Тифлиса къ Карсу Пушкинъ встрѣтилъ тѣло убитаго Грибоѣдова, «которое препровождали въ Тифлисъ». Уп. въ «Русск. Пѣламѣ» (прогр. 2-ая): «Истомина, Гр., Завадовскій».

Григорьевъ, Аполлонъ Александровичъ (1822—1864).— Извѣстный критикъ, авторъ статей о Пушкинѣ. Сочиненія Г. (вышелъ лишь первый томъ), Спб. 1879 г. О немъ: Н. Ст р а х о в ъ, «Эпоха» 1864, № 8 и 1865, № 2.

Гриммъ.—«Важный Гриммъ смѣлъ чистить ногти передъ нимъ»—(Руссо).— «Евг. Он.» I, 24.

Гротъ, Яковъ Карловичъ (1812—1893).— Академикъ, авторъ ряда статей о Пушкинѣ, собранныхъ въ книгѣ «П. и его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1887 и 2-ое изд., Спб. 1899. Подъ его же редакціей акад. изд. сочиненій Державина и сочиненій и переписки Плетнева, Спб. 1884.

Грифонъ, — прозвище Д. И. Хвостова (Посл. къ Батюшкову, 1814).

Губеръ, Эдуардъ Ивановичъ (1814—1847).— Поэтъ и переводчикъ «Фауста».

Гуляновъ, Иванъ Александровичъ (1789—1841).— Членъ Рос. Акад., извѣстный египтологъ. Ему: «Отвѣтъ анониму» (1830).

Гунчисонъ, докторъ, англичанинъ, проживавшій въ Одессѣ; «глухой философъ, единственный умный аѳей». У него учился Пушкинъ «философіи аѳеизма». (Письмо неизвѣстному 1824 г. Это письмо было перехвачено въ Москвѣ Булгаковымъ и переслано въ Петербургъ. Результатомъ явилось удаленіе Пушкина изъ Одессы).

Гюго, Викторъ (1802—1855).— «Другъ природы» («Дом. въ Кол.», 7). Пушкинъ считалъ Г. лишь второстепеннымъ поэтомъ, его «Восточныя стихотворенія» блестящими, но натянутыми («О приличіи въ литер.», 1830 г.), его драмы «уродливыми», а талантъ Г. «грубымъ и неуравновѣшеннымъ» («О Мильтопѣ», 1837 г.).

Гюльнара — героиня поэмы Байрона «Корсаръ» (Евг. Он., IV, 37).

Гяуръ — поэма Байрона («Евг. Он.», VII, 22).

Давыдова, Аглая Антоновна, урожденная герцогиня Грамонъ. Жена А. Л. Д—а. Послѣ смерти мужа уѣхала во Францію, гдѣ вышла вторично замужъ за генерала Себастьяни. Къ ней пьеса «Кокеткѣ» (1821) и эпиграмма «Иной имѣлъ мою Аглаю» (1822). О ней «Р. Ст.», 1872 г., т. V, стр. 638.

Давыдова, Адель. Дочь А. Л. и А. А. Давыдовыхъ. Послѣ смерти отца, вмѣстѣ съ матерью переѣхала въ Парижъ, приняла католичество и провела всю жизнь въ монастырѣ. Къ ней: «Адели» (1822 г.).

Давыдова, Екатерина Николаевна, по первому мужу Раевская, мать Ник. Ник. Раевского-старшаго, А. и В. Львовичей Давыдовыхъ.

Давыдовъ, Александръ Львовичъ (1773—1833). — Участникъ похода во Францію, командиръ летучаго отряда. «Толстый Аристиппъ»; это прозвище дано Пушкинымъ въ насмѣшку, т. к. Д. — «великій рогоносецъ» и гурманъ — по своимъ склонностямъ былъ полной противоположностью греческому философу. (А. Л. Д—у, 1824).

Давыдовъ, Василій Львовичъ (1792—1853). — Декабристъ. Служилъ въ военной службѣ, позднѣе примкнулъ къ Тайному Обществу и былъ председателемъ Каменской управы Тульчинской думы. См. Каменка. Приговоренный къ 20-ти годамъ каторги, скончался на поселеніи въ Красноярскѣ. Ему: «Стихи и письмо изъ Кишинева» (1821).

Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ (1781 — 1839). Членъ «Арзамаса» (Армянинъ), двоюродный братъ А. и В. Л. Давыдовыхъ. Поэтъ-партизанъ («Я не поэтъ — я партизанъ, казакъ, я иногда бывалъ на Пиндѣ, но наскокомъ», писалъ о себѣ Д.). Панегиристъ А. П. Ермолова, которому приходился двоюроднымъ братомъ и, по собственнымъ словамъ, не принадлежалъ никогда къ числу почитателей «хитраго баловня судьбы, оказавшаго, однако, своему отечеству не маловажныя заслуги», т. е. Паскевича. Пушкинъ высоко ставилъ талантъ Д., говоря, что ему не кто иной, какъ Д., далъ «почувствовать, что можно быть оригинальнымъ». Къ нему: «Сѣтованіе» (1821); «Д—у» (1835). Сочиненія Д—а, подъ ред. Круглага, СПб. 1893 г.

Давыдовъ, Иванъ Ивановичъ (1794—1863). — Профессоръ словесности Моск. ун. Онъ же читалъ и философію и высшую алгебру. Женѣ, 1832.

Даль, Владиміръ Ивановичъ (1801—1872). — Писатель-этнографъ и врачъ. Въ 1832 г. вышелъ «пятокъ первый» его русскихъ сказокъ; тогда и произошло сближеніе Д. съ Пушкинымъ. Въ 1833 г. Д. встрѣтился съ великимъ поэтомъ въ Оренбургѣ и сопровождалъ его въ поѣздкѣ по окрестностямъ города. За нѣсколько дней до кончины Пушкина Д. пріѣхалъ въ Петербургъ и ему пришлось быть непосредственнымъ свидѣтелемъ его послѣднихъ дней. Д. составлены двѣ записки о смерти поэта. Одна изъ нихъ напечатана въ «Москв. Медич. Газетѣ» 1860 г., № 49, другая впервые опубликована Л. Н. Майковымъ въ его сборникѣ «Пушкинъ». Тамъ же статья «Пушкинъ и Даль», стр. 414—433. Автобіографія Д. Сборн. II Отд. Ак. Наукъ, т. X; біографія, написанная П. П. Мельниковымъ, при сочиненіяхъ Д. СПб. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ.

Дамскій журналъ (1823—1833). — Издавался кн. П. И. Шаликовымъ. «Дамскихъ модъ журналъ» («Евг. Он.», V, 22).

Данзасъ, Константинъ Карловичъ (1800—1870). — Другъ и товарищъ по лицей и секунданта Пушкина на роковомъ поединкѣ, свидѣтель послѣднихъ его часовъ. За участіе въ дуэли, Д. былъ приговоренъ къ повѣшенію, но приговоръ былъ смягченъ и смертная казнь замѣнена 2-хъ мѣсячнымъ арестомъ. Д. принадлежатъ воспоминанія о Пушкинѣ, записанныя А. Амосовымъ: «Послѣдніе часы жизни Пушкина».

Данте Алигieri (1265—1321). — Подражаніе ему (1832) Уп.: А. Шенъе (1825); Сонетъ (1830); «Моцартъ и Сальери».

Дантесъ-Геккнеренъ (Георгъ-Карль), баронъ, (1812—1895). — Сынъ ка-

морь-фрау герцогини Беррійской; прибылъ въ Россію въ 1834 г. и держалъ экзаменъ на офицера (отъ испытанія по русскому языку, военному уставу и судо-производству Д. былъ и вовсе освобожденъ). Произведенный въ корнеты гвардіи, получалъ по 5 т. р. въ г. жалованья и казенную квартиру («Баронъ Д.—съ и маркизь де-Пина, два шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ. («Отр. изъ дневника», 1833). Баронъ Геккеренъ усыновилъ Д. Слухи объ ухаживаніи Д. за Н. Н. Пушкиной начали распрѣстраняться по городу и въ 1836 г. поэтъ послалъ вызовъ старику Геккерену. Д. было отказано отъ дома Пушкиныхъ. Въ 1837 г. состоялась свадьба Д. съ свояченицей Пушкина Е. Н. Гончаровой, но и послѣ этой свадьбы поэтъ не возобновилъ сношеній съ Д. Вскорѣ же Пушкинъ вновь вызвалъ на поединокъ Геккерена-отца, замѣстителемъ котораго и явился Д. 27 Января произошла роковая дуэль. Д. получилъ легкую рану въ руку. Военно-судная комиссія приговорила Д. къ смертной казни. Дѣло закончилось разжалованіемъ Д. въ рядовые и высылкой за границу. На службѣ у Наполеона III Д. дошелъ до званія камергера и сенатора

Даргомыжскій, Александръ Сергѣевичъ (1813—1869). — Композиторъ, членъ кружка Вѣльгорскаго (см.), авторъ оперы «Русалка», начатой еще въ 1848 г. и законченной лишь въ 1855 г. (Постановка въ СПБ. 1856 г.). Романсы Д. на пушкинскія слова указаны въ статьѣ проф. С. Булича. Сборникъ преподав. и студ. Спб. университета. «Памяти Пушкина», СПБ., 1899 г.

Дафна. «Темира, Дафна и Лилета, какъ сонъ забыты мной давно». («Евг. Он.», IV, 3 проп.).

Дафнисъ, сынъ Гермеса и сипилійской нимфы. «Любимецъ боговъ» (Разсудокъ и любовь, 1815).

Дашкова, Екатерина Романовна (1744—1810). — Писательница, президентъ Росс. Акад. Ея записки «Mon histoire», изд. Суворина, подъ ред. Чечулина. СПБ. 1907. О ней: «Отр. изъ дневника» 1833—34 г.г. и въ «Мелк. Зам.».

Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ (1784—1839). — Одинъ изъ основателей «Арзамаса», другъ Жуковскаго, впослѣдствіи извѣстный госуд. дѣятель. О немъ: Тихонравовъ, Н. С. Сочиненія, т. III, ч. 1-ая.

Дездемона («Отелло» Шекспира), «Зачѣмъ арапа своего, младая любитъ Дездемона, какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?» («Евг. Он.», Родосл., 11).

Декабристы. Пушкинъ не состоялъ членомъ Тайныхъ Обществъ, «но былъ въ связи съ большею частью» «заговорщиковъ» (Письмо Жук., 1826). Онъ былъ близокъ съ Пуцинымъ, Рылѣвымъ, Кюхельбекеромъ, Давыдовымъ, Бестужевымъ, Владиміромъ Раевскимъ, Орловымъ; былъ знакомъ съ Пестелемъ, Волконскимъ, Муравьевыми, Якубовичемъ и др. Событія, послѣдовавшія послѣ 14-го декабря 1825 г., заставили «опальнаго изгнанника» сжечь въ Михайловскомъ дневникъ и многія рукописи, но въ черновыхъ бумагахъ поэта уцѣлѣли два листка съ изображеніемъ висѣлицы, припиской: «и я бы могъ», и помѣтой 13-го іюля 1826 г. (день казни пятирехъ декабристовъ). См. подъ тѣмъ же числомъ «Отрывки изъ дневника» 1834 г. Самъ поднадзорный, едва получивъ право въѣзда въ Москву, Пушкинъ приноситъ А. Г. Муравьевой свое «Посланіе въ Сибирь» и отдѣльный дружескій привѣтъ И. И. Пуцину. Лицейская годовщина 1827 г., вызываетъ у поэта воспоминанье о далекихъ товарищахъ, заброшенныхъ «въ краю чужомъ» и «въ мрачныхъ пропастяхъ земли». (Ср. Записку о народн. воспитаніи, 1826 г.). Къ нимъ «Аріонъ» (1827).

Делавинъ, Жанъ-Франсуа-Казиміръ (1793—1843). — Его поэмы и драмы пользовались большимъ успѣхомъ. «Школьникъ Вольтера и бьется въ старыхъ сѣтяхъ Аристотеля» (Вяз. Черн., 1823). За четверостишье Д., напечатанное въ «Лит. Газ.» («Жертвамъ іюльской революціи»), Дельвигъ получилъ строгій выговоръ отъ Бенкендорфа (Плетн. 1830).

Деларю, Михаилъ Даниловичъ (1811—1868). — Поэтъ; «Д. слишкомъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно пишетъ для молодого лицеиста. Въ немъ не вижу я ни капли творчества, и много искусства. Это второй томъ По-

долинскаго. Впрочемъ, м. б. онъ разовьется». (Плетневу, апрѣль, 1834). За переводъ стихотворенія Гюго «Красавица», напечатанный въ «Библ. для чтенія», былъ уволенъ со службы.

Делиль, Жакъ (1738—1831). — Аббатъ; дидактической поэтъ, переводчикъ *Виргилия* и *Мильтона*. «Парнасскій муравей» (Дом. въ Кол., 8). Образецъ делилевскаго стиля: «не забудь витую сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки, т. е. штопоръ». (Брату, 1824).

Делія. Имя Д., первой любви поэта *Тибулла*, воспѣтой въ его «элегіяхъ», стало нарицательнымъ для обозначенія возлюбленной у французскихъ и русскихъ поэтовъ XVIII в. См. у Пушкина: «Пѣсня», «Делія» (1812) и «Безвѣріе» (1817).

Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ (1798—1831). — Поэтъ, издатель «Лит. Газеты» и альманаха «Сѣверн. Цвѣты». Товарищъ Пушкина по лицу («Товарищъ юности живой, товарищъ юности унылой, товарищъ пѣсенъ молодыхъ, пировъ и чистыхъ помышлений» (—19 окт. 1831 г.). «Никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Д., около него собиралась наша бѣдная кучка; безъ него мы осиротѣли, писалъ Пушкинъ Плетневу (31)». Дельвигъ одинъ изъ первыхъ полюбилъ гений Пушкина и юношу поэта назвалъ «преемникомъ Державина». «Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется: лира выдастъ его громкимъ гвѣнемъ, и отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго Аполлонъ на Олимпъ торжествующій». Эти восторженные строки появились въ «Рос. Музеумъ» почти вслѣдъ за первой пушкинской пьесой «Восп. въ Ц. Селѣ», напечатанной въ томъ же журналѣ. Въ 1824 г. Дельвигъ, вслѣдъ за Пушинымъ, посѣтилъ изгнанника Пушкина въ его Михайловскомъ. (См. Письма Пушкина къ Д. и обратно). Пушкинъ высоко ставилъ дарованіе своего друга. «Ты все тотъ же, талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго ли тебѣ шалить, долго ли размѣнивать свой гений на серебряные четвертаки?!» (Дек. 1821). «Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, писалъ Пушкинъ въ 1831 г., между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей¹⁾, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены, какъ нѣкоторое чудо. Но такова участь Д—а: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ». О немъ: «Пирующ. Студ. (1814), «Сонетъ» (1830), «Художнику» (1836). Въ «Евг. Он.» Ленскій «читаетъ» стихи свои «вслухъ, въ лирическомъ жару, какъ Дельвигъ пьяный на пиру» (VI, 20). Къ нему: (1815); «Д—у» (1817); «19 окт. 1825 г.», «Дельвигу», «Тамъ гдѣ Семеновскій полкъ» (1825); «Черепъ» (1827); «Загадка» (1829); «Д—у» (1830); «19 окт. 1831 г.»; Статья о Дельвигѣ (1831). Сочиненія Д. изданы Смирдинымъ въ одной книгѣ съ сочиненіями Нелединскаго-Мелецкаго. Позднѣйшее изданіе Евдокимова съ б. очеркомъ В. В. Майкова. О немъ: В. П. Гаевскій, «Современникъ» 1853—1854 г.г. Тихонравовъ Н. С. Сочиненія. М. 1897 г., т. III, ч. 2-ая.

Дельвигъ, Марья Антоновна. Сестра поэта Д. Къ ней: «Вамъ восемь лѣтъ...», «Къ Машѣ» (1816).

Дельвигъ, Софья Михайловна (1809—1888), урожденная Салтыкова, во второмъ бракѣ Баратынская.

Дельфина — имя героини и названіе романа г-жи Сталь. «Воображаясь героиней своихъ возлюбленныхъ творцовъ, Клариссой, Юліей, Дельфиной, Татьяна...». («Евг. Он.» III, 10).

Дельфира. Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ и даже съ нею не знакомъ». «Р. и Л.», 5., см. Воронцова, Е. А.

¹⁾ Анненковъ полагалъ, что этотъ товарищъ не кто иной какъ самъ Пушкинъ. Я. Гротъ видитъ здѣсь Илличевскаго. Врядъ-ли, однако, стихи Илличевскаго отличались «легкостью и чистотой мелочной отдѣлки», не говоря уже о томъ, что даже въ лицейскихъ стѣхахъ на нихъ никто не смотрѣлъ какъ на «нѣкоторое чудо». Другое дѣло пушкинскіе первые опыты.

Демонъ — прототипъ его А. Раевскій, «Демонъ» (1823); «неспоно между людей благоразумныхъ прослыть... ..иль сатаническимъ уродомъ или даже Демонномъ моимъ». («Евг. Он.», VIII, 12).

Демуть, содержатель известной гостинницы, или «Демутова трактира»; здѣсь останавливался Пушкинъ по прїѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ послѣ женитьбы.

Денисъ-храбрець (Посл. В. Л. Пушкину), Давыдовъ, Денисъ Ив.

Депрео, Жанъ-Этьень (1746—1820). — Драматургъ. «Явится Д. — исчезнетъ Шапелень («Къ Жук.», 1817). Уп. «Экспромтъ» (1833).

Державинъ, Гавріиль Романовичъ (1743—1716). — На публичномъ экзаменѣ въ лицей (1814) юный Пушкинъ въ присутствіи Державина читалъ свои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». Поэтъ сохранилъ память объ этомъ своемъ первомъ выступленіи на литературное поприще («Посланіе Жук.», 1816 г., «Евг. Он.», VIII, 2, «Замѣтки» 1833). См. рассказъ И. И. Пущина въ его «Запискахъ». «Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ и, въ гробъ сходя, благословилъ».

«Державинъ двухъ своихъ сосѣдовъ и смерть Мещерскаго воспѣлъ — пѣвецъ Фелицы быть умѣлъ пѣвцомъ ихъ свадебъ, ихъ обѣдовъ и похоронъ, смѣившихъ пирь, — а зналъ ли ихъ, скажите, мѣръ?» (Родосл. 9). Пушкинъ удивлялся смѣлости поэта. «Кумиръ Д. $\frac{1}{4}$ золотой, $\frac{3}{4}$ свинцовый, донинѣ еще не оцѣненъ» (А. Бестужеву, 1825). Уп. «Къ Дельвигу» (1830); «Родосл.», 10.

Джіанни, Франческо (1760—1822). — Итальянскій поэтъ, см. «Подражаніе итальянскому» (1836).

Дибичъ-Забалканскій, графъ Иванъ Ивановичъ (1785 — 1831). — Генералъ-адъютантъ, близкій человекъ къ Императору Александру I. Открытіе Д. заговора во 2-ой арміи и его личное участіе въ арестахъ декабристовъ выдвинули его въ новое царствованіе, когда онъ и былъ возведенъ въ графское достоинство; за кампанію 1829 г. получилъ фамилію «Забалканскаго» и чинъ фельдмаршала. Въ 1830 участвовалъ въ подавленіи польскаго возстанія и умеръ среди кампаніи отъ холеры. «О смерти Д. горевать, кажется, нечего. Онъ уронилъ Россію во мнѣніи Европы — и медленностью успѣховъ въ Турціи, и неудачами противъ польскихъ мятежниковъ». (Нащокину, 1831). «Прямо» къ Д. долженъ былъ привезти фельдъегерь Пушкина изъ Михайловскаго; его же рукой записана Высочайшая резолюція: «призвать» Пушкина въ Москву.

Дидло, Карль (1767—1837). — Балетмейстеръ, учитель ряда поколѣній въ русскомъ балетѣ, создавшій цѣлый переворотъ въ русскомъ хореографическомъ искусствѣ. «Тамъ и Дидло вѣнчался славой» («Евг. Он.», I, 18). — «Балеты долго я терпѣлъ, но и Дидло мнѣ надоѣлъ» (I, 21).

Дидро (Дидеро) Дени (1713—1784). — Товарищъ Руссо и Даламбера, знаменитый мыслитель-энциклопедистъ. Уп. «Къ вельможѣ», «Евг. Он.», VII, 13 (проп.), «пылкій Д.», «Самый ревностный апостолъ Вольтера» («Мысли на дорогѣ»). Его «политическій» цинизмъ отразился на Радищевѣ.

Діана, богиня свѣта. «На чистый небосклонъ выходитъ блѣдная Д.» (черн. набр. 1820 г.), «Домикъ въ Кол.», 22. Въ «Евг. Он.»: «Діаны грудь, ланиты Флоры прелестны, милые друзья!» (I, 32); «И водъ веселое стекло не отражаетъ ликъ Діаны» (I, 47); «Озарена лучемъ Діаны» (VI, 2).

Діонея. «Діонея» (1821).

Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ (1760—1837). — Поэтъ, пріятель В. Л. Пушкина. «Не знаю, что еще выйдетъ, но онъ исполненъ священнымъ негодованіемъ, зяетъ молніей и громомъ», — отзывъ Д. объ юномъ Пушкинѣ (Письмо В. Л. Пушкину, 1818). «Я и по заочности люблю его, какъ прекрасный цвѣтокъ поэзіи, который долго не поблѣднѣетъ». (Послѣ прочтенія «Русл. и Л.»). «Евг. Он.» Д. не смогъ оцѣнить: «на мою долю выпалъ дядя, а потомству племянникъ» — признаніе самого Д. «До сихъ поръ послѣ Карамзина (въ старинныхъ его мелкихъ стихахъ) одинъ только Пушкинъ заставляетъ меня читать бѣлые свои стихи, забывая о римахъ. (Письмо А. С. П—у, 1832).

Въ «Городкѣ» Д. значится въ числѣ любимыхъ авторовъ Пушкина. «Министръ и сладостный пѣвецъ, былъ строгой чести образецъ, какъ образецъ онъ будетъ слога» («Посл. В. Л. Пушкину», 1817), «Чужого толка» хитрый лирикъ ужели для тебя сноснѣй унылыхъ нашихъ риемачей?» («Евг. Он.», IV, 33); Позднѣ Пушкинъ ставилъ Д.-поэта, ниже Нелединскаго - Мелецкаго (Вяз., 1823) и считалъ чувства и мысли Д. «взятыми изъ Флоріана и Легуве» (Гнѣд., 1822). См. также письмо Вяз., 1824. Экземпляръ книги Д. «Путешествіе Н. Н. въ Парижъ и Лондонъ» (1834), которая «никогда не была въ продажѣ», Пушкинъ хранилъ «какъ памятникъ благосклонности», для него «драгоцѣнной». Сочиненія Д.—ва изданы подъ ред. А. Флоридова. Три тома. СПб. 1893.

Дмитріевъ, Михаилъ Александровичъ (1796—1866). Поэтъ и критикъ, приверженецъ старой школы, сотрудникъ «Вѣстн. Европы». «Онъ камеръ-юнкеръ при дворѣ и камердинеръ на Парнасъ», опредѣлялъ Д. Соболевскій. «Лже-Дмитріевъ называлъ его Пушкинъ». О критикѣ Д. на «Бахчис. фонтанъ», см. «Перечень» — «Бахч. фонт.».

Дневникъ, газета, которую предполагалъ въ 1832 г. выпускать Пушкинъ въ СПб., подъ редакціей Отрѣшкова. Еще въ 1830 г. Пушкинъ задумывалъ изданіе «политической газеты», т. к. «чисто-литературной газеты у насъ быть не можетъ: должно принять въ союзницы, или мѣду, или политику» (Вяз., май, 1830). Газета была разрѣшена, но вскорѣ же дозволеніе взято обратно. См. «Истор. Вѣстн.», 1886 г., № 2, ст. О. Бычкова: «Неосуществившаяся газета Пушкина».

Долгоруковъ, князь Иванъ Михайловичъ (1764—1823). — Поэтъ; авторъ воспоминаній «Калище моего сердца, или словарь всѣхъ тѣхъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни». (Гнѣд. — 1821). Сочиненія Д. СПб. 1849 г. См. также «Русск. Арх.», 1890 г.

Долгоруковъ, князь Петръ Андреевичъ († 1833). — О немъ: Женѣ, 1833.

Долгоруковъ, князь Яковъ Ѳедоровичъ (1659—1720). — Сподвижникъ Петра I. Уп. «Стансы» — 1826 г.; «Полтава».

Дондуковъ-Корсаковъ, князь Михаилъ Александровичъ (1794—1869). — Вице-президентъ Акад. Наукъ. «Фокусникъ»; «Князь Дондукъ», см. эпиграмму Пушкина.

Донь-Жуанскій списокъ, такъ прозвалъ Н. С. Киселевъ перечень женскихъ именъ, внесенный Пушкинымъ въ альбомъ его матери Елис. Ник. Киселевой.

Дорида. «Блаженство» (1814); «Дориды — мечтательныя» — А. А. Шишкову; «Разсудокъ и любовь» (1815); «Дорида», «Доридѣ» (1820); эпилогъ «Русл. и Л.».

Дріады — богини-покровительницы деревьевъ. «Огромный, запущенный садъ, пріютъ задумчивыхъ дріадъ» (Евг. Он., II, 1).

Дубельтъ, Леонтій Васильевичъ (1792—1862). — Воспитанникъ горнаго корпуса; перешелъ въ корпусъ жандармовъ и въ 1835 г. занялъ должность начальника штаба. Позднѣ (послѣ смерти Фока, 1831 г.) управлялъ третьимъ отдѣленіемъ и былъ членомъ главнаго управленія цензуры. Умеръ генераль-маіоромъ.

Дубельтъ, Наталья Александровна, урожденная Пушкина; вторая дочь поэта.

Дурова, Надежда Александровна (1783—1866). — «Дѣвица-кавалеристъ» и писательница; принимала участіе въ Отеч. войнѣ и дослужилась до чина штабъ-ротмистра. Ея «Записки» («Кавалеристъ-Дѣвица», СПб. 1836 г., двѣ части были отданы раньше печати на просмотръ Пушкина. Отрывки изъ «Зап.» появились въ «Соврем.», 1836 г. Тамъ же отзывъ о ней Пушкина. О ней: «Ист. Вѣстн.», 1888 г., № 2, «Русск. Ст.», 1890 г., № 9.

Дуровъ. Братъ Н. А. Д.—ой; елабужскій городничій; «не уступалъ въ странностяхъ своей сестрѣ». Пушкинъ познакомился съ Д. на Кавказѣ въ 1829 г. и далъ его характеристику («О Дуровѣ», 1833).

Евксинскія воды, т. е. воды Чернаго моря. «Недолго вмѣстѣ мы бродили по берегамъ Е. водъ». («Евг. Он.», Пут.).

«Еврейка», см. Эйхфельдъ.

Евмениды-эрини у грековъ; фурии у римлянъ, богини-мстительницы. «Вражда свирѣпой Е.» («Чаадаеву», 1820); «дѣва Е.»; «Кинжалъ» (1821).

Еврипидъ (480—407). Его «соперникъ» — Вольтеръ («Городокъ»—1814).

«Европеецъ». «Журналъ наукъ и словесности (1832 г.). Вышло два нумера; на третьемъ выпускѣ журналъ былъ запрещенъ за статью издателя И. В. Кирѣевского «Девятнадцатый вѣкъ». Цензоръ журнала (С. Т. Аксаковъ) былъ подвергнутъ взысканію, а Кирѣевскій признанъ «неблагонадежнымъ».

Ежова, Енатерина Ивановна (1787—1837). Драматическая артистка, близкая къ кн. А. Шаховскому. Въ программѣ «Р. Пелама» ихъ имена стоятъ рядомъ.

Енатерина II (1729—1796). — Пушкинъ-лицеистъ писалъ: подъ скипетромъ Е. «вѣнчалась славою счастливая Россія, цвѣтя подъ кровомъ тишины» «Восп. въ Царск. Селѣ» (1814). Въ «Восп. о Царск. Селѣ» (1829 г.) «великая жена». Поэтъ тщательно собиралъ и записывалъ рассказы объ Е. и ея времени. Къ 1824 г. относится набросокъ эпитаграммы: «Мнѣ жаль великія жены». Въ «Ист. Зам.» 1822 г., Пушкинъ даетъ уже иную характеристику Е. и ея царствованію.

Екатеринославъ; основанъ Потемкинымъ въ 1778 г.; перенесенъ на настоящее мѣсто и наименованъ губернскимъ городомъ въ 1783 г. Въ Е. помѣщалась канцелярія попечителя колонистовъ Новорос. края, куда былъ переведенъ на службу Пушкинъ. Поэтъ прибылъ въ Е. въ половинѣ мая 1820 г.; здѣсь, «въ еврейской хижинѣ» его нашли Раевскіе больного жестокой лихорадкой. Въ концѣ того же мая Пушкинъ покинулъ Е. Во время егo поѣздки по Кавказу и Крыму, канцелярія генерала Инзова была переведена въ Кишиневъ, куда и явился Пушкинъ послѣ своего отпуска.

Елена, доч. Зевса и Леды; у Гомера жена Менелая. «Прелестъ» «гордой» Е., «образъ» которой «въ сердцѣ пылалъ» воспѣвалъ юноша Пушкинъ («Измѣны», 1812); «Амуръ и Гименей» (1816). См. Кочубей, Нат. Викт. Въ «Евг. Он.». «Таяя (присягну) милѣй Елены пакостной твоей» (Омира). V, 37—38.

Елизиумъ-Елизій-Елисейскія поля — мѣсто за предѣлами земли, гдѣ живетъ Рамодантъ златовласый, гдѣ пробѣгаютъ свѣтло безпечальные дни человѣка, гдѣ ни метелей, ни ливней, ни хладовъ зимы не бываетъ; гдѣ сладкошумно летающій вѣетъ Зефиръ, Океаномъ съ легкой прохладой туда посылаемый людямъ блаженнымъ» («Одиссея», пер. Жуковского, IV, 562—569).

Елисавета Алексѣевна (1779—1826). — Дочь маркграфа баденскаго, супруга Императора Александра I. Ей пьеса: «На лирѣ скромной» (1819). О ней: изслѣдованіе Вел. Кн. Николая Михайловича — «Имп. Елис. Алекс.», СПб. 1904—1908. 3 тома.

«Елисей», поэма В. Майкова. «Когда въ садахъ Лицея я безмятежно расцвѣталъ, читалъ охотно Елисея, а Цицерона проклиналъ» («Евг. Он.», VIII, 1, проп.).

Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ (1772—1861). Въ 1817 г. былъ назначенъ главноуправляющимъ въ Грузію и командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Съ воцареніемъ Императора Николая I, покинулъ Кавказъ, гдѣ обнаружилъ выдающіяся способности, какъ полководецъ, администраторъ и государственный челоѣкъ. Слѣдственная коммиссія по дѣлу декабристовъ съ особою тщательностью разслѣдовала вопросъ о существованіи Тайныхъ обществъ въ кавказской арміи, «надѣясь найти поводъ къ сверженію, нелюбимаго Николаемъ I, Ермолова». О немъ въ «Кавк. Плѣн.»; о благотворномъ для Кавказа «геніѣ Е.» писалъ Пушкинъ въ 1820 г. брату. Въ 1829 г., когда Е. сошелъ со сцены и уединенно жилъ въ Орлѣ, поэтъ сдѣлалъ «двѣсти верстъ лишнихъ», чтобы увидѣть «покорителя Кавказа» («Пут. въ Арзр.», II). Записки Е. СПб. 1862.

Ершовъ, Петръ Павловичъ (1815—1869). — Авторъ «Конька-Горбунька»; отрывки изъ него появились въ 1834 г., въ слѣдующемъ вышло отд. изд. Пушкину принадлежатъ первые четыре стиха сказки. Уроженецъ Тобольска, Е. провель жизнь на службѣ въ этомъ городѣ, гдѣ познакомился съ ссыльными-декабристами. Черезъ него былъ переданъ Пушкину отвѣтъ А. Одоевскаго: «Струнъ вѣщихъ пламенные звуки, до слуха нашего дошли»... О немъ А. Я. Ярославцевъ «П. П. Е—ъ». СПб. 1872.

Есаковъ, Семень Семеновичъ (1799—1831). — Сотоварищъ Пушкина по лицу. Вышелъ въ гвардію; во время кампаніи 1831 г. потерялъ подъ мостомъ двѣ пушки и съ отчаянья застрѣлился. Къ нему пьеса: «И останешься съ вопросомъ» (1817).

Ефимьевъ монастырь въ г. Суздаль; въ немъ жилъ Отрепьевъ («Бор. Год.»).

Ефремовъ, Петръ Александровичъ (1814—1908). — Библиографъ, членъ кружка Бѣлинскаго, редакторъ многихъ собраній сочиненій русскихъ писателей. Подъ редакціей Ефр. вышло нѣсколько изданій Пушкина.

Жандръ, Андрей Андреевичъ (1789—1873). Другъ Грибоѣдова. Въ сотрудничествѣ съ нимъ перевелъ съ французскаго комедію въ стихахъ Барта «Притворная невѣрность». Объ его перев. трагедіи «Венцеславъ» П. отозвался одобрительно. (Вяз., 1825).

Жанлисъ, графиня (1746—1831). — Французская романистка, авторъ многихъ романовъ и «нравственныхъ» повѣстей, очень популярная и въ Россіи. Уп. въ пьесѣ «Къ сестрѣ» (1814). Пушкинъ относилъ Ж. къ разряду «бездарныхъ писака» («Грибы, выросшіе у корней дубовъ»), которые овладѣвають р. словесностью.

Жанлисъ-кишиневская, — сестра губернатора Катакази — Тарсисъ.

Жихаревъ, Степанъ Петровичъ (1787—1860). — Членъ «Бесѣды» и «Арзамаса» (Громобой), впослѣдствіи сенаторъ. Его «Записки Современника» (2-ое изд.), М. 1890.

Жобаръ (род. 1793). — «Exile de Russie». Преподаватель франц. языка въ Смольномъ Институтѣ, позднѣе профессоръ Казанск. унив., ставленникъ Малницкаго. Перевелъ и напечаталъ по-французски оду Пушкина: «На выздоровленіе Лукулла» и посвятилъ ее министру просвѣщенія Уварову, «автору ученыхъ примѣчаній къ древнимъ классикамъ». Уваровъ не задолго передъ этимъ жаловался Бенкендорфу на Пушкина, узнавъ свои черты въ «наслѣдникѣ Лукулла». Злость посвященія увеличивалась тѣмъ, что тотъ же Ж. недавно еще доказывалъ, что «ученая работа» Уварова объ «Элевзинскихъ таинствахъ», принадлежитъ не русскому ученому, а проф. Грефе. Копію съ своего письма Уварову Ж. препроводилъ Пушкину, а переводъ оды съ примѣчаніями напечаталъ въ Брюсселѣ. См. отвѣтъ Пушкина Ж. (1836 г.) и его письмо того же года.

Жомини (1779—1860). — Французскій военный писатель, извѣстный среди русскаго общества. Онѣгинъ могъ поспорить «о карбонарахъ, о Парни, о генералѣ Жомини» (I, 5 проп.). Уп. въ прогр. Комедіи въ стихахъ (1821).

Жоржъ (1786—1867). — Знаменитая франц. артистка, хорошо извѣстная у насъ по ея гастролямъ въ Россіи. О встрѣчѣ съ нею: Женѣ, 3-го авг., 1834 г.

Жуковскій, Василій Андреевичъ (1783—1852). — «Вся жизнь, вся литературная дѣятельность Пушкина прошли на глазахъ Ж. Ж—скій былъ старше Пушкина на 16 лѣтъ, хорошо былъ знакомъ съ его родителями и стоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ дядѣ его, В. Л. Пушкину. Онъ полюбилъ Александра Пушкина съ малыхъ его лѣтъ, ввелъ его, по окончаніи лица, въ кругъ друзей общества «Арзамасъ», познакомилъ съ выдающимися литературными дѣятелями, выслушивалъ, исправлялъ нѣкоторые стихи и, вообще, въ первое время былъ его руководителемъ преимущественно на своихъ субботнихъ вечерахъ. Ж. выручалъ Пушкина изъ опасныхъ и затруднительныхъ положеній, отстаивалъ его передъ властями и литературными противниками, присутствовалъ при кончинѣ, написалъ прочувствованный некрологъ и редактировалъ нѣкоторыя его печатныя про-

изведенія... Поэзія Ж. ¹⁾, его личность были примѣромъ для Пушкина; такъ смотрѣлъ самъ Пушкинъ». (Н. Сумцовъ. В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь. Харьковъ, 1902. стр. 36). Въ 1820 г., послѣ окончанія Пушкинымъ «Руслана», Жуковский подарилъ ему свой портретъ съ надписью: «Побѣдителю-ученику, отъ побѣжденнаго учителя въ тотъ высокаторжественный день, въ который онъ окончилъ свою поэму «Р. и Л.».

«Быть сверчку орломъ и долетѣть ему до солнца!», писалъ Ж. въ 1823 г. «Ты созданъ попасть въ боги — впередъ! Крылья у души есть, вышины она не боится; тамъ настоящій ея элементъ. Дай свободу этимъ крыльямъ, и небо твое — вотъ моя вѣра. Когда подумаю, какое можешь состряпать для себя будущее, то сердце разогрѣетъ надеждою за тебя». (Тогда же). «Ты имѣешь не дарованіе, а гений». «Ты рожденъ великимъ поэтомъ», повторялъ Ж. въ 1824 г.

«По данному мнѣ полномочию, предлагаю тебѣ первое мѣсто на русскомъ Парнасѣ (и какое мѣсто) если съ высокостью генія соединишь и высокость цѣли!» Пушкинъ былъ высокаго мнѣнія о Ж. поэтѣ и чело-вѣкѣ. (См. письма къ нему). «Злодѣй! въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный! писалъ онъ Гнѣд. относительно перевода Жук. «Шильонскій Узникъ» 1822 г., но поэтъ досадовалъ на выборъ самихъ переводовъ. Возражая Бестужеву на его строгій приговоръ о Ж., Пушкинъ писалъ: «Что ни говори, Ж. имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому же переводный слогъ его останется навсегда образцовымъ («Бестужеву», 1825).

Загоскинъ, Михаилъ Николаевичъ (1789—1852). Извѣстный въ свое время писатель, авторъ романовъ: «Юрій Милославскій», «Рославлевъ», «Аскольдова могила» и пьесъ: «Господинъ Богатовъ, или провинціалъ въ столицѣ», «Вечеринка ученыхъ», «Благородный театръ» и др. Отзывъ Пушкина объ «Юр. Мил.» данъ въ «Лит. Газетѣ» 1830 г. П. призналъ «неоспоримое дарованіе» З., «блистательный, вполне заслуженный успѣхъ» «Юр. М.». Поэтъ отмѣчалъ, что неоспоримое дарованіе г. З. «замѣтно измѣняетъ ему, когда онъ приближается къ лицамъ историческимъ» («Заг—у», 1830); «Рославлевъ» — 1831 г.

Загряжская, Екатерина Александровна, см. Тимашева.

Загряжская, Наталья Кирилловна (1747—1837). — Дочь Кириллы Разумовскаго, фрейлина Екатерины II. Двоюродной внучкой З. приходилась Н. Н. Гончарова-Пушкина. О первомъ знакомствѣ съ З., см. письмо невѣстѣ (1830). Пушкинъ заслушивался ея рассказами. См. «Анекдоты». О ней: Л. Майковъ «Пушкинъ», стр. 397.

Задека, Мартынь, см. Мартынь Задека.

Закревская, гр. Аграфена Федоровна, урожденная гр. Толстая, жена финляндскаго генераль-губернатора, извѣстная въ свое время красавица, «беззаконная комета въ кругу расчисленномъ свѣтилъ». Пушкинъ недолго увлекался ею. Къ ней: «Портретъ» (1828).

Закревскій, Арсеній Андреевичъ (1783—1865). — Финляндскій генераль-губернаторъ, позднѣе министръ внутр. дѣлъ. Ему обязанъ Баратынскій своимъ производствомъ въ офицеры. «Свѣчку поставлю за З., если онъ «выручитъ» Баратынскаго («Брату», 1825).

Зандъ, Карль (1795—1820). Студентъ Тюбингенскаго университета, членъ партіи «молодая Германія». За убійство Коцебу (см.) былъ приговоренъ къ смертной казни. Уп. «Кинжалъ» (1821).

Записка о древней и новой Россіи Карамзина. Отрывокъ изъ нея Пушкинъ напечаталъ въ «Современникѣ» 1837 г. Полностью «Записка» воспроизведена въ книгѣ А. Пыпина «Общ. движ. при Алекс. I».

¹⁾ Наоборотъ, по мнѣнію Л. Н. Майкова, поэзія Жуковскаго была чужда Пушкину лицейству; «своеобразный внутренній міръ Жуковскаго съ его былыми радостями и смѣнившими ихъ страданіями, вообще не былъ понятенъ лицейству и естественно не могъ найти себѣ отклика». (Пушкинъ. Сочиненія, акад. изд. т. I, стр. 206). *Ред.*

Захарово, или Захарьино, село въ 40 верстахъ отъ Москвы, подмосковная М. А. Ганибалъ. Пушкинъ провелъ въ З. свои дѣтскіе годы 1803 — 1811 г.г., приѣзжая сюда на лѣтніе мѣсяцы («Посланіе къ Юдину», 1815 г.). Въ 1811 г. З. перешло въ другія руки. См. Н. В. Бергъ. Сельцо З. «Москвит.», 1851 г., №№ 9 и 10.

Зевсъ (Зевесь). Уп. Дельвиго, М. А. (1815); «Стансы» (1819); «Кинжалъ» (1821); въ «Евг. Он.», I, 2, V, 37; «Въ году недѣль пять-шесть Одесса, по волѣ бурнаго Зевеса, потоплена, запружена» (Путеш.).

Зеленая Лампа, или «Лампа Надежды» — кружокъ молодежи «невиннаго», т. е. оргіастическаго характера (Бартеневъ, Пушкинъ). «Дѣла, разрѣшавшіяся «Зеленой Л.», были преимущественно дѣла по Театральной школѣ, куда нѣкоторые изъ ея членовъ старались пробраться даже подъ видомъ говѣнія» (Анненковъ, «Пушкинъ въ Алекс. эпоху»). Новѣйшія изслѣдованія придаютъ «Зеленой Л.» иное значеніе, считая ее вольнымъ литературнымъ обществомъ «Союза Благоденствія», его отвѣтвленіемъ. А. Н. Веселовскій. Этюды. П. Щеголеву. Сборн. «Пушкинъ». Вып. 7-й, стр. 19—50. Уп. «Юрьеву» (1819).

Зельскій — имя дѣйствующаго лица комедіи Катенина «Сплетни». Въ тирадахъ З. многіе видѣли намеки на Пушкина. Катенинъ усмотрѣлъ намекъ на себя въ пушкинскомъ посланіи «Къ Чаадаеву» («и сплетней разбирать игривую затѣю»). Письма Катен. и Л. С. Пушкину, іюль, 1824 г.

Золотаревъ, Матвѣй Алексѣевичъ. — Помощникъ лицейскаго эконома. «Былъ постоянно предметомъ жестокихъ насмѣшекъ и преслѣдованій дѣлаго лица» (Я. Гротъ, стр. 255—56). Уп. «Къ Галичу» (1815).

Зубовъ, Василій Петровичъ (1799—1862). — Пріятель И. И. Пущина, женатый на Аннѣ Ѳедоровнѣ Пушкиной. Привлекался по дѣлу декабристовъ («Записки З.», СПб. 1906). Съ Пушкинымъ познакомился въ 1826 г. въ Москвѣ. Письмо къ нему «Изв. Отд. р. языка и слов.», т. X, кн. 1.

Зубовъ, Алексѣй Николаевичъ. Гусарскій офицеръ. Пушкинъ познакомился съ нимъ еще лицеистомъ. З. онъ повѣрялъ «свои сердечныя тайны». Ему въ альбомѣ: «Пройдетъ любовь, пройдутъ желанья» (1817).

Зуево. См. Михайловское.

Ивеличь, графиня Екатерина Марковна. — Кузина поэта. На ея имя адресовались письма Льву Серг. (1824).

Ивельевъ, см. Великопольскій.

Измайловъ, Александръ Ефимовичъ (1779—1831). — Баснописецъ и журналистъ, издатель «Благонамѣреннаго», «Россійскій Теньеръ 1-ый и предсѣдатель СПБ. общества Любит. словесн.». Ср. «Евг. Он.», III, 27 и эпиграмму «Ex ungue leonem». Сочин. И. З т. М. 1891. О немъ: «Кр. біогр. словарь р. писателей», т. IV.

Измайловъ, Владиміръ Васильевичъ (1773—1830). — Писатель и цензоръ. Издавалъ журналы: «Патріотъ», «Вѣстникъ Европы», «Россійскій Музеумъ» и альманахъ «Литер. Музеумъ». Въ № 13 «Вѣстн. Евр.» за 1814 г., было напечатано первое стихотвореніе Пушкина: «Къ другу-стихотворцу». Стихотвореніе было прислано безъ подписи автора и это обстоятельство вызвало въ № 8 журнала замѣтку издателя, просившаго неизвѣстнаго сочинителя объявить свое имя. «Мы не откроемъ тайны имени, писалъ И., когда автору угодно скрыть его отъ публики». О немъ: Н. Буличъ. Очерки, т. I.

Инаръ, сынъ Дедала. «Дерзостный» (И. И. Пущину).

Иконниковъ, Алексѣй Николаевичъ. — Лицейскій гувернеръ. Его характеристика въ «Отрывкахъ изъ лицейскихъ записокъ». См. записку М. Корфа въ книгѣ Я. Грота, стр. 243.

Иліада. Первый переводъ И. сдѣланъ Костровымъ (6 пѣсень) М. 1787 г. Въ 1830 г. вышелъ переводъ Гнѣдича. Пушкинъ привѣтствовалъ въ «Лит. Газ.» «поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніемъ и совершенію единаго высокаго подвига. Н и к о л а й И в а

Новичъ Гнѣдичъ (1784—1833) былъ первымъ издателемъ Пушкина («Русл. и Л.», «Кавк. Плѣн.»). Изданія дали довольно крупный барышъ Гн., и ничего не принесли Пушкину; ему приходилось даже выписывать экземпляры на свой счетъ (Брату, 1822). Отсюда «невыгодный пріятель», какъ Пушкинъ называлъ Гнѣдича (*Ibidem*).

Илличевскій, Алексѣй Демьяновичъ (1798—1837). — Товарищъ Пушкина по лицу, гдѣ считался его «соперникомъ» на поэтическомъ пути. Въ товарищескомъ кругу («Острякъ любезный») былъ извѣстенъ своими эпиграммами. Одинъ изъ первыхъ угадалъ дарованіе Пушкина. Послѣ И. остался лишь небольшой томикъ стиховъ: «Опыты въ антологическомъ родѣ», СПБ., 1827. Переписка лицейста И. съ Фуссомъ (впослѣдствіи непремѣннымъ секретаремъ Ак. Наукъ) въ «Русск. Арх.», 1864 г. (перепечатка у Грота: «П., его лицейскіе наставники и друзья», стр. 55—69). Къ нему пьесы: «Къ живописцу» (1816); «Въ альбомъ»; «Мой другъ, не славный я поэтъ» (1817). О немъ: «Пирующ. студенты» (1816).

Илья-Богатырь, — повѣсть Карамзина. (Эпиграмма, 1822).

Инзовъ, Иванъ Никитичъ (1768—1845). — Генераль-лейтенантъ, главный попечитель о колонистахъ южнаго края; до назначенія гр. Воронцова исправлялъ должность новороссійскаго губернатора. Подъ надзоръ «спасителя молдаванъ», «Бахметьева намѣстника, законовъ провозвѣстника, смиреннаго Іоанна», былъ посланъ изъ Петербурга Пушкинъ. Поэтъ пользовался расположеніемъ И. и жилъ въ его домѣ. И. разрѣшилъ ему, тотчасъ по пріѣздѣ, отпускъ на Кавказъ, хлопоталъ о назначеніи пособія и, на запросъ гр. Каподистріи о поведеніи Пушкина, далъ одобрительный отзывъ. «Старичокъ И. сажалъ меня подъ арестъ всякій разъ, какъ мнѣ случалось побить молдавскаго боярина; правда, но за то добрый мистикъ въ то же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною объ испанской революціи» (Тург., 1824). Старикъ былъ крайне огорченъ узнавъ, что Пушкинъ перешелъ подъ начальство гр. Воронцова. «Вѣдь онъ ко мнѣ былъ посланъ!» говорилъ Инзовъ. См. Вигель, Ф. «Записки», Анненковъ, «Пушкинъ». О немъ: «Мой другъ, уже три дня сижу я подъ арестомъ» (1822). Его характеристика см. въ «Воображ. разговорѣ съ Имп. Алекс. I».

Иппокрена. Источникъ у подошвы Геликона. «Къ сестрѣ» (1814); «Къ Батюшкову» (1815); «Евг. Он.», IV, 45.

Ипполитъ, камердинеръ Пушкина, сопровождавшій его во время поѣздки въ Оренбургъ (1833). «Тонъ московскаго канцеляриста, глупъ, говорливъ, черезъ день пьянъ, ѣстъ мои холодные дорожные рябчики, пьетъ мою мадеру, портитъ мои книги, и по станціямъ называетъ меня, то графомъ, то генераломъ. Бѣситъ меня да и только» (Женѣ, сент., 1833). Въ 1832 г. Пушкинъ открылъ, что И. говорилъ по-французски.

Ипсиланти, Александръ, князь (1783—1828). — Участникъ походовъ 1812—13 г.г., адъютантъ Императора Александра I. Въ 1820 г. поднялъ знамя возстанія за свободу Греціи. Въ 1821 г., послѣ ряда неудачныхъ сраженій, бѣжалъ въ Австрію, гдѣ заключенъ въ тюрьму, откуда вышелъ незадолго до смерти по ходатайству Императора Николая I. «Изъ Киш. Дневн.», «Журналъ Гр. возстанія», Давыдову В. Л.» («Бушуетъ нашъ безрукій князь» — 1820).

Италія. — Назонъ «кончилъ вѣкъ» «вдали Италіи своей» («Евг. Он.», I, 8). — «Ночи Италіи златой» (I, 49); «Языкъ Италіи златой звучитъ по улицамъ Одессы» (Пут.).

Искра, Иванъ Ивановичъ — полтавскій полковникъ; казненъ вмѣстѣ съ Кочубеемъ за доносъ на Мазепу (1708).

Истомина, Евдокія Ильинишна (1799—1848). Знаменитая балерина Спб. театра, воспитанница театральнаго училища, ученица Дидло. Пушкинъ вспоминалъ въ 1823 г., что и онъ «когда-то волочился» за И., подобно Кавк. Плѣн. Въ балетѣ Кавоса «Кавк. Плѣн.» И. исполняла роль черкешенки. Ея образъ увѣковѣченъ въ «Евг. Он.», I, 20, V, 37. «Истомина, Грибоѣдовъ, Завадовскій».

(Р. Пеламъ. Прогр. II). — Pelham утѣшаетъ И.: «du mariage de Zavadovski» (Р. Пеламъ. Прогр. IV). Литература о ней: «Словарь Лит. Типовъ», вып. 6. «Списокъ».

Ишимова, Александра Осиповна (1804—1881). — Писательница для дѣтей. Ей предлагалъ Пушкинъ перевести пьесы изъ Barry Cornwall для «Современ.» (Письма къ И., 1837).

Иоаннь-Смиранный, т. е. Инзовъ («Мой другъ, уже три дня сижу я подъ арестомъ», 1822).

Иоанны. «Въ «Новгородѣ Великомъ» на площадяхъ... «бродятъ тѣни великановъ»... «чета грозныхъ Иоанновъ». («Евг. Он.», Пут.).

Юрикъ. — «Бѣдный Юрикъ!» («Гамлетъ», V, 1). «Poor Iorick!» — молвилъ уныло Ленскій на кладбищѣ, «посвятивъ вздохъ пеплу» сосѣда Ларина. («Евг. Он.», II, 37).

Кавелинъ, Дмитрій Александровичъ (1778—1851). Членъ современныхъ литературныхъ кружковъ, библейскаго общества и масонской ложи; товарищъ Жуковскаго по Благор. панс., первый ректоръ Спб. унив., «предсѣдатель на судѣ надъ Галичемъ, Куницынымъ и др. профессорами, вызванномъ доносами Рунча. Отсюда наименованіе К.—«креститель Галича, Магницкаго дьячекъ» (Второе посл. цензору), «Бѣлоглазый» К., «добывающійся въ инквизиторы» (Тург., 1819).

Каверинъ, Петръ Павловичъ (1794—1855). — Геттингенскій студентъ, «красный гусарь». Началъ службу въ военномъ ополченіи, участвовалъ въ кампаніи 1812—1814 г. г. Въ 1816 г. перешелъ въ лейбъ-гусары, тогда съ нимъ и познакомился Пушкинъ. Не только «одинъ изъ самыхъ лихихъ повѣсь въ полку», но, «наряду съ проказами и скиескою жаждой», проявлялъ живой интересъ къ литературѣ и общ. явленіямъ жизни. К. былъ любимѣйшимъ собесѣдникомъ юнаго Пушкина. Къ нему: «К—у» и «Къ портрету К—а» (1817). «Евг. Он.», I, 16 и 25 («Второй Каверинъ, мой Евгений»). Катенину, сент., 1825 г.

Кавказъ. Въ июнѣ 1820 г. Пушкинъ «съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту» увидѣлъ только въ отдаленнѣ ледяныя главы Казбека и Эльборуса». Два мѣсяца онъ прожилъ вмѣстѣ съ Раевскими на Кавк. мин. водахъ, а оттуда, по правому берегу Кубани (лѣвый принадлежалъ еще не замиреннымъ черкесамъ), черезъ ст. Кавказскую и Тамань, Пушкинъ направился въ Крымъ. См. «Кавк. Плѣн.», письма брату и Гнѣдичу (1821), изъ поэмы «Кавказъ» (1820). Въ 1829 г. поэтъ вновь посѣтилъ кавказскій край, пройдя съ отрядомъ Ермолова до Арзрума. «На холмахъ Грузіи»... «Монастырь на Казбекѣ», «Кавказъ», «Обвалъ», «Евг. Он.», «Путеш.», «Путеш. въ Арзрумъ».

Казань. Пушкинъ посѣтилъ К. въ 1833 г. Въ К. онъ «возился со стариками, современниками» Пугачова, «обѣзжалъ окрестности города, осматривалъ мѣста сраженій», записывалъ впечатлѣнія и былъ «очень доволенъ, что не напрасно посѣтилъ эту сторону» (Женѣ, сент., 1833).

Казначеевъ, Александръ Ивановичъ († 1880). — Правитель канцеляріи гр. Воронцова, близкій другъ С. Т. Аксакова. Его жена Варвара Дмитриевна, урожденная княжна Волконская, была большая любительница литературы; ея литературные вечера П., однако, по словамъ Липранди, посѣщалъ «безъ видимой охоты» (Восп.).

Кайдановъ, Иванъ Кузьмичъ (1780—1855). — Профессоръ исторіи Царск. лицея, составитель учебниковъ по исторіи, очень популярныхъ въ свое время и выдержавшихъ по десятку изданій.

Калашниковъ, Михайль Ивановичъ (Михайло) († 1858). Крѣпостной Пушкиныхъ, управитель Михайловскаго и Болдина. Умеръ въ глубокой старости, отпущенный на волю.

Калебъ — одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ «Ламермурской невѣстѣ» В. Скотта. Бѣлинскій сравнивалъ Савельича («Кап. дочка») съ К.

Калибанъ, шуточное прозвище Соболевскаго (Погодину, 1828). Ср. Слов. Лит. Типовъ, вып. VI, «Списокъ» — Калибанъ.

Калиничъ, Фотій Петровичъ. Учитель чистописанія въ лицѣѣ, бывшій придворный пѣвчій, дослужившійся до званія «лицейскаго гувернера» и чина статскаго совѣтника.

Калмыкъ — прозвище слуги Всеволожскаго; во время собраній «Зеленой Лампы», К. долженъ былъ «желать здравія» всякому провинившему пошлымъ словомъ («Желай мнѣ здравія, калмыкъ!» — Я. Толстому, 1822). «Пожелай здравія К—у» (Брату, 1824).

Калмыцкій стихъ — объ одномъ изъ стиховъ въ «Бр. разбойникахъ» («Вперяль онъ неподвижный взглядъ») Вяз., 1823.

Калуга «немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга» (Женѣ, 1834). Въ Кал. губ. находилось имѣніе Гончаровыхъ — Полотняный заводъ.

Каменка, имѣніе матери Давыдовыхъ и Раевского (Кіевск. губ.). Пушкинъ провелъ въ К. послѣдніе мѣсяцы 1820 г. и начало 1821 г. Въ К. законченъ «К. Плѣн.», написаны: «Нереида», «Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда» и др. Въ К. же Пушкинъ прожилъ конецъ 1822 г. и начало 1823 г. «Память К. любя» (В. Л. Давыдову).

Камены (Camenae). — Римскія божества, обитавшія въ источникахъ; у римскихъ поэтовъ именовъ К. обозначаются музы. У Пушкина «рѣзвыя» К.; «молодыя» К. «баюкають наперсника боговъ» — поэта (Дельвигу — 1818).

Камознсъ, Луи (1524—1580). — Португальскій поэтъ, авторъ «Лузіады». Въ «Бовѣ» Пушкинъ «опасался» за нимъ «безъ крыль парить». Уп. «Сонетъ» (1830).

Кандидъ, или лучшій изъ міровъ — («Candide») — романъ Вольтера. «Сонъ» (1816).

Канкринъ, Егоръ Францевичъ, графъ (1774 — 1845). — Русскій министръ финансовъ и писатель (писалъ на нѣмецкомъ языкѣ).

Канова, Антонио (1757—1822). — Знаменитый скульпторъ. Уп. «Къ вельможѣ» (1830).

Кантъ, Эммануиль (1724 — 1804). — Ленскій былъ «поклонникъ Канта» («Евг. Он.», II, 6).

Каподистрія, Іоаннъ, графъ (1776—1831). — Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, позднѣе, президентъ Греціи. Воспитанникъ падуанскаго университета; въ 1809 г. перешелъ на русскую службу и съ 1816 по 1822 г. являлся руководителемъ русской иностранной политики, которую одновременно создавали, ученикъ Меттерниха и другъ священнаго союза, Нессельроде, и врагъ обоихъ, Каподистрія. Во время греческаго возстанія, которому русскому правительству, подъ вліяніемъ Меттерниха и Нессельроде, не сочувствовало, гр. Каподистрія занялъ выжидательное положеніе, но вскорѣ же долженъ былъ взять безсрочный отпускъ; избранный президентомъ Греціи вскорѣ былъ убитъ. О немъ: В. Тепловъ, «Ист. Вѣстн.», №№ 8—9, 1893 г.

Кара-Георгій, или Черный Георгій, вождь сербовъ, убитый по приказу турокъ Милошомъ Обреновичемъ († 1817). См. пьесу: «Дочери К.» (1820 г.). «Пѣсн. Зап. Слав.», XI.

Караджичъ, Вукъ Степановичъ (1787—1864). — Отецъ новѣйшей сербско-хорватской литературы. Его сборникомъ сербскихъ народныхъ пѣсень (1814) пользовался Пушкинъ для своихъ «Пѣсень Зап. Славянъ» (Пѣсни X и XIV).

Каразинъ, Василій Назаровичъ (1773 — 1842). — Основатель Харьк. университета. Съ именемъ К. связано также его письмо къ В. Н. Кочубею, въ которомъ обращалось вниманіе министра вн. дѣлъ на стихи Пушкина: «Кюхельбекеру» («Разлука») и «Прелестницѣ». Въ качествѣ «сына отечества», К. обращалъ вниманіе на эти предосудительныя пьесы, появившіяся въ печати съ разрѣшенія цензуры («Русск. Ст.», 1899 г., май).

Карль XII (1697—1718). — Король-воинъ. Его царствованіе отмѣчено безпрерывными войнами; самъ К. нашелъ смерть въ бою подъ стѣнами осажденной норвежской крѣпости Фредрикстенъ. («Полтава»).

Карамзина, Екатерина Андреевна, урожденная кн. Вяземская (1780—1851). — Вторая жена исторіографа. Ей просилъ Пушкинъ Вяземскаго объявить о своей помолвкѣ и передать ему ея слова: «они нужны моему сердцу, и теперь не совсѣмъ счастливому». Она же закрыла глаза поэту.

Карамзина, Елисавета Ивановна († 1802), урожденная Протасова, первая жена Карамзина.

Карамзинъ, Александръ Николаевичъ (1816—1888). — Сынъ исторіографа, стихотворецъ.

Карамзинъ, Николай Михайловичъ (1766—1826). — Пушкинъ зналъ К. еще съ дѣтства, видя его въ домѣ своихъ родителей. «Въ немъ зрѣеть великій поэтъ» — мнѣніе К., высказанное при посѣщеніи лица (мартъ, 1816). «Люби его, слушайся и почитай. Совѣты такого человѣка послужатъ къ твоему добру, и, можетъ быть, къ пользѣ нашей словесности», — писалъ въ томъ же году В. Л. Пушкинъ племяннику. Первые восемь томовъ «Ист. Госуд. Рос.» Пушкинъ, едва оправлявшійся послѣ гнилой горячки, «прочелъ» «въ своей постели съ жадностью и вниманіемъ» (1818). «Ист. Госуд. Рос.», по убѣжденію Пушкина, «есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ человѣка». То же самое дословно повторено въ его «Запискѣ о народномъ воспитаніи» и въ «Отрывкахъ», напечатанныхъ въ «Сѣверн. Цв.» за 1828 г. Ср. полемическія статьи Пушкина противъ критиковъ исторіи: Каченовскаго и Ник. Полевого. К., писалъ Пушкинъ въ 1830 г., «есть первый поэтъ и лирикъ, и послѣдній лѣтописецъ». Пушкинъ не считалъ себя авторомъ эпиграммъ на К., ходившихъ въ рукописяхъ съ именемъ поэта. «Мнѣ приписали одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ: это не лучшая черта моей жизни» (Отрывки автобіографіи). (Пушкину приписываются двѣ эпиграммы на К. «Въ его исторіи изящность, простота» и «Послушайте, я вамъ скажу про старину», 1822).

О вниманіи къ себѣ со стороны К., Пушкинъ говоритъ въ «Посл. къ Жуков.». Заступничеству К. за либералиста Пушкина», поэтъ обязанъ тѣмъ, что грозившая ему ссылка въ Соловецкій монастырь, была замѣнена удаленіемъ на югъ, безъ исключенія со службы. Литературу о К. см. у С. Пономарева, СПб., 1883 г., отд. оттискъ «Изв. Ак. Наукъ». Оцѣнка К. какъ историка у П. Н. Милокова: «Гл. теченія р.-ист. мысли».

Каратыгинъ, Петръ Андреевичъ (1802—1879). Артистъ. Пушкинъ радовался успѣхамъ К. (Катенину, 1825).

Карцовъ, Яковъ Ивановичъ (1784—1836). — Профессоръ математики Ц. лица, воспитанникъ Педагогическаго института; слушалъ курсъ наукъ въ заграничныхъ университетахъ.

Кастальскій тонъ (ключъ) находился при дельфійскомъ храмѣ; былъ посвященъ Аполлону и музамъ. «Подъ Геликономъ, гдѣ К. токъ» («Отвѣтъ на вызовъ» — 1820).

Касти, Джамдаттиста, (1721 — 1803). — Итальянскій поэтъ. «Твой безносый Касти» — «Къ вельможѣ» — (1830).

Катакази, Константинъ Антоновичъ. — Кишиневскій губернаторъ.

Катакази, Тарсисъ, сестра губернатора, «черноокая Тарсисъ» («Киш. дамы» — 1821 г.). По словамъ Липранди, «дѣва лѣтъ сорока, некрасивая, но образованная». Она же «Кишиневская Жанлисъ».

Каталони († 1849). — Знаменитая итальянская пѣвица, пріѣзжавшая въ Россію. Уп. «З. Н. Волконской».

Катенинъ, Павелъ Александровичъ (1792—1853). — Другъ Грибоѣдова (см. «Списокъ» въ вып. 6-омъ Сл. Лит. Типовъ), «преображенскій пріятель» Пушкина, поэтъ и критикъ. Пушкинъ самъ завязалъ знакомство съ К., придя къ нему въ преображенскія казармы. Пушкинъ, какъ и Грибоѣдовъ, высоко ставилъ умъ и вкусъ К., по въ 1822 г. уже давалъ ему такую оцѣнку: «К. опоздалъ родиться и своимъ характеромъ и образомъ мыслей весь принадлежитъ XVIII столѣтію. Въ немъ та же авторская спесь, тѣ же литературныя сплетни и интриги,

какъ и въ прославленный вѣкъ философіи» (Вяз., 1822). Ср. статью Пушкина о сочиненіяхъ К. (1833). Однако, о трагедіи К. «Андромаха» Пушкинъ писалъ (1830), что она «б. м., лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно-трагическому» («О драмѣ»). Къ нему пьеса: «К—у» (1821); «К—у» (1828). — Въ «Евг. Онѣг.», I, 18; К. «воскресилъ Корнеля геній величавый» (переводомъ его «Андромахи»). Въ «Путеш.» упоминается о прекрасномъ поэтическомъ талантѣ К., который не мѣшаетъ ему быть «тонкимъ критикомъ». Въ «Предисл. Пут.» говорится о К., какъ объ опытномъ художникѣ». (О немъ: Е. Пѣтуховъ. «Ист. Вѣстн.» 1888 г., № 9; Бертенсонъ «П. А. К—ъ», СПб. 1907).

Катуль, Валерій (87 до Р. Х. † 57). Римскій поэтъ. Переводъ его XXVII оды «Мальчику» (1835).

Каховскій, Петръ Григорьевичъ (1797—1826). — Декабристъ, членъ Сѣвернаго Общества. Въмѣстѣ съ пятью товарищами Верховнымъ Судомъ былъ поставленъ «внѣ сравненія съ другими» и приговоренъ къ смертной казни. Его письма къ Императору Николаю I, «Былое», 1906 г., т. I и II. Тамъ же этюдъ о немъ П. Щеголева.

Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ (1775—1842), профессоръ Моск. университета по каедрѣ изящныхъ искусствъ и археологіи, русской исторіи, географіи, статистики и русской словесности. Съ 1805—1830 г. редактировалъ и издавалъ «Вѣстникъ Европы». Въ многочисленныхъ эпиграммахъ на «господина парнаскаго старовѣра» Пушкинъ именуетъ К. «Третьяковскимъ днѣй новѣйшихъ», «Хавроніосомъ-ругателемъ», «курилкой-журналистомъ», «древнимъ Кочерговскимъ», «Зоиломъ - Пахомомъ», «злымъ паукомъ» («Собраніе насѣкомыхъ»). См. эпиграммы, 1820, 21, 24, 25, 28, 29 г.г. Онъ же «ораторъ Лужниковъ» («Посл. къ Чаадаеву», 1831). Нападки К. и его журнала на новѣйшую литературу вообще и «Ист.» Карамзина въ частности, а также жалобы на цензора Глинку за пропускъ статьи противъ К. въ «Моск. Телегр.» вызвали пушкинскій «Отрывокъ изъ лит. лѣтописей» (1829), гдѣ К. выведенъ подъ именемъ «Трандофыря». «Хилый, кулачный боецъ» (Вяз., 1826). См. Барсуковъ Н. П. «Русская Старина», 1890 г., июнь и В. Каченовскій «Библ. записки» 1862, №№ 4 и 5.

Кернъ, Анна Петровна, урожденная Полторацкая, по второму мужу Маркова Виноградская, двоюродная сестра Вульфова. Пушкинъ познакомился съ К. съ домѣ Олениныхъ. Въ Тригорскомъ, гдѣ гостила К., Пушкинъ не долго, но сильно увлекался К. Къ ней: «Я помню чудное мгновенье» (1825) и письма поэта. Оставила правдивыя записки о Пушкинѣ (перепечатаны въ книгѣ Майкова «Пушкинъ»). Род. 1800 † 1879.

Кесарь-Цезарь. «Кинжалъ» (1821).

Кипренскій, Орестъ Адамовичъ (1785—1836). — Извѣстный художникъ. Онъ же написалъ, по заказу Дельвига, портретъ Пушкина, пріобрѣтенный А. С. послѣ смерти Дельвига у его вдовы. Съ этого портрета дважды сдѣлана широко-распространенная гравюра Уткина.

Киприда. Островъ Кипръ считался любимымъ мѣстопребываніемъ Афродиты, отсюда ея наименованіе К—а. У Пушкина упоминается въ пьесахъ: «Венерѣ отъ Лаисы» (1814); «Разсудокъ и любовь» (1815); «Щербинину» («Весь день веселью посвященъ», а ночью царствуетъ Киприда); «Юрьеву» (1818); «В. В. Энгельгардту», «Н. В. Всеволожскому» (1819); «Платонизмъ», «Оленькѣ Массонъ» (1820); «Дельвигу» (1830). Въ «Евг. Он.»: Ленскій рисуетъ «храмъ Киприды» (IV, 27). Уп. (V, 37). «Прекрасны вы, брега Тавриды... при свѣтѣ утренней Киприды». (Путеш.). «Вокругъ ручьевъ волшебныхъ Машука», «больныхъ гѣснится блѣдный рой: кто жертва чести боевой, кто почечуя, кто Киприды». (Путеш.). — См. «Венера».

Кирѣвская, Авдотья Петровна, по второму мужу Елагина († 1878). —

Племянница Жуковского, мать Ивана и Петра Васильев. К—ихъ. Ея московскій домъ въ 30-хъ годахъ былъ однимъ изъ центровъ умственной жизни.

Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ (1806—1856). — Издатель «Европейца». Пушкинъ возмущался запрещеніемъ журнала, закрытаго вслѣдствіе доноса. «К., добрый и скромный К., представленъ правительству сорванцомъ и якобинцемъ», писалъ онъ Дмитріеву (1832). См. Сл. Лит. Тип., V, 100.

Киселевъ, Павелъ Дмитріевичъ, впоследствии графъ (1788—1872). — Начальникъ штаба 2-ой арміи въ Тульчинѣ; на службу къ К. собирался Пушкинъ. Позднѣе былъ министромъ госуд. имуществъ и посломъ въ Римѣ. «Онъ, можетъ, самый замѣчательный изъ нашихъ государственныхъ людей, не исключая Ермолова»... «Дн.», 1834 г., О немъ уп. въ пьесѣ: «Къ Орлову» (1819). См. «Гр. Киселевъ и его время. СПб., 1862 г., изслѣдованіе А. П. Заблоцкаго-Деситовскаго.

Киселевъ, Николай Дмитріевичъ (1800—1869). — Русскій дипломатъ, братъ П. Д. На его отъѣздъ пьеса: «Н. К—у» (1828).

Кистеневъ — оброчная деревня С. Л. Пушкина. Доходы съ К., около 4 т. р., С. Л. уступилъ А. и Л. Сергѣевичамъ; поэтъ отказался отъ своей части въ пользу сестры (Брату, май, 1835).

Кишиневъ, см. Бессарабія.

Киѳера (Киѳерея). — Богиня Афродита. «Письмо къ Лидѣ», 1818 г.

Кіевъ. Уп. «Русл. и Людм.», «Ветхій городъ Ольгинъ» («Бор. Год.»), К. «дряхлый, златоглавый, сей пращуръ русскихъ городовъ» («Бор. Годовщина» — 1831). Уп. «Гусаръ» (1833).

Клариса, см. Ричардсонъ.

Клеопатра, трагедія Расина («Евг. Он.», I, 17).

Клеопатра († 30 до Р. Х.). — Египетская царица. «Клеопатра Невы», Нина Вронская («Евг. Он.», VIII, 16). «Египетскія ночи».

Клейнмихель, Петръ Андреевичъ (1793—1869). — Адъютантъ Аракчеева, начальникъ штаба военныхъ поселеній, близкое лицо къ Имп. Николаю I; недолгое время военный министръ и затѣмъ министръ путей сообщенія, членъ Гос. Совѣта при Имп. Александрѣ II.

Клеронъ (1723—1803). — Знаменитая французская артистка. (Claire Leris de la Tide). «Къ молодой актрисѣ» (1814).

Клико — фирма шампанскаго. «Вдовы Клико»... «благословенное вино» («Евг. Он.», IV, 45).

Клитъ. («Къ Батюшкову», I — 1814); «Лидинію» (1815); «Сонъ» (1816). Подъ именемъ К. выведенъ Кюхельбекеръ («Несчастье К.», — 1814).

Клія. Муза исторіи. «Страшный гласъ» Кліи. (Ода «Вольность» — 1820).

Клобъ (клубъ). Первый, открытый въ Россіи К. (1770 г.) назывался петербургскимъ англійскимъ собраніемъ (Англійскій К.). Въ Москвѣ въ 1780 г. былъ учрежденъ дворянскій К. Пушкинъ былъ членомъ обоихъ К. Въ московскомъ К. Пушкинъ бывалъ часто: «не могу еще привыкнуть не у нихъ проводить вечера мои» (Вяз., 1830), за невзносъ членскаго взноса, Пушкинъ чуть-ли не былъ исключенъ. «Надобно будетъ заплатить 300 руб. штрафу, а я весь Англ. К. готовъ продать за 200. (Женѣ, авг., 1833). «Кромѣ какъ въ К., нигдѣ не бываю», писалъ поэтъ женѣ изъ СПб., июнь, 1834 г., «Евг. Он.», Путеш.

Клопштокъ, Фридрихъ Готлибъ (1724—1803). — Авторъ «Мессіады». «Разбиралъ я нѣмца Клопштока и не могъ понять премудраго, не хотѣлъ я вослѣдовать какъ онъ». («Бова» — 1815).

Клоць-Анархарсисъ — прозвище Кюхельбекера.

Клово. «Юдину» (1817).

Княжевичъ, Дмитрій Максимовичъ (1788—1844). — Литераторъ, издатель «Литер. Прибавленій» къ «С. От.», членъ Рос. Академіи. Служилъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ у Воронцова. Позднѣе былъ попечителемъ Одесскаго округа. Уп. Н. Н. (1825). См. о немъ: Н. Носковъ, Словарь Лит. Тип., выпускъ 5-ый.

Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ (1742—1791). — Драматургъ, авторъ «Ва-

дима», переводчикъ Вольтера и Корнеля. «Переимчивый К—ъ» («Евг. Он.», I, 18).

Козловъ, Иванъ Ивановичъ (1799—1840). — Поэтъ, рано потерявшій зрѣніе, авторъ «Чернеца». Стихотворенія К., СПб., 1902. Изданіе А. Маркса. Къ нему: «К—ву» (1825). Уп. въ «Русск. Пеламъ» (Пр. 2).

Козловъ, Василій Ивановичъ († 1825). — Журналистъ, сотрудникъ «Сѣверной Пчелы». «Я не хочу, чтобъ ты былъ такой же невѣжда, какъ В. И. Козловъ» (Брату, 1822 г., см. также 1823 и 1824 г.г.).

Коко, уменьшенное имя Е. Ник. Гончаровой (Женѣ, сент., 1835).

Коношкинъ, Федоръ Федоровичъ (1773—1838). Драматургъ. О немъ: см. сочиненія Батюлкова, ред. Л. Н. Майкова, т. I, стр. 390.

Колосова, Александра Михайловна (1802—1880). — Драматическая артистка, соперница Семеновой, жена В. А. Каратыгина. На нее эпиграмма (1819); «Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ?» («Катенину» — 1821). См. также «Замѣчанія о русскомъ театрѣ». Воспомин. К. «Русск. Вѣстн.», 1881, № 4 и 5.

Кольцовъ, Алексѣй Васильевичъ (1809—1841). Знакомство Пушкина съ К. произошло въ 1836 г. Поэтъ-прасоль съ благоговѣніемъ относился къ генію П. «Прострѣлено наше солнце», писалъ К. при вѣсти о кончинѣ Пушкина. Памяти великаго поэта посвященъ кольцовскій «Лѣсъ». О К.: Бѣлинскій. Сочин., т. XII, изд. Солдатенкова. Лучшее изд. «Сочиненій К.», вышло подъ редакціей А. К. Лященко. Изд. Имп. Ак. Наукъ, СПб., 1909 и 1910 г.г., (одно за другимъ три изданія).

Комовскій, Сергѣй Дмитріевичъ († 1880 г.). Лицейскій товарищъ Пушкина. Служилъ секретаремъ въ Смольномъ монастырѣ, но еще въ 50-хъ годахъ вышелъ въ отставку. Имъ составлена «Записка» о жизни Пушкина.

Комъ. «Галичу» (1815); «Изъ записки пріятелю» (1822). (Комъ «толстый», «К. съ надутыми щеками» («Сонъ», 1816).

Конискій, Георгій (1718). — Бѣлорусскій архіепископъ, защитникъ православія въ борьбѣ съ уніей и писатель. О сочин. К. см. ст. Пушкина (1836).

Коноплевъ, Василій Гавриловичъ. Состоялъ чиновникомъ 14 класса «по секретной части» при генераль-маіорѣ Скобелевѣ. Добылъ у Леопольдова запрещенные стихи Пушкина и, «по обязанности своей», доставилъ ихъ своему патрону (1826). Былъ командированъ для отысканія Леопольдова и «отобранія отъ него «инкогнито» свѣдѣній: отъ кого Леоп. стихи сіи получилъ, или самъ сочинилъ». За исполненіе порученія получилъ благодарность отъ начальства. См. «Объясненіе» Коноплева, «Арх. III Отд.», изд. С. С. Сухонинимъ, стр. 268.

Константинъ Павловичъ (1779—1831). — Второй сынъ Императора Павла I. Пушкинъ, «какъ поэтъ», радовался восшествію на престолъ К. I.: въ немъ очень много романтизма; «бурная его молодость, походы съ Суворовымъ, вражда съ нѣмцемъ Барклаемъ напоминаютъ Генриха V, словомъ, я надѣюсь отъ него много хорошаго» (Катенину, 1825).

Коншинъ, Николай Михайловичъ († 1859). — Педагогъ и писатель, авторъ стиховъ, сказокъ и романа: «Графъ Обоянскій при Смоленскѣ въ 1812 г.», издатель альманаха «Царское Село» (1830). «Жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегіей, въ родѣ К.» (Жук., 1825).

Копъ («Пиши мнѣ къ К—у», — Вяз., 1830). Содержатель гостинницы въ Москвѣ.

Коранъ. Пушкинъ переводилъ изъ К. («Тружусь во имя Корана». Брату, 1824). Онѣгинъ находилъ въ К. «много мыслей здравыхъ» (Альб., 3). К. также называлъ Пушкинъ сборникъ своихъ стихотвореній, проигранный Всеволожскому «Мой К. пошелъ по рукамъ, и донинѣ правовѣрные ожидаютъ его» («Вяз., 1824).

Кордэ, Шарлотта (1768—1793). — Отъ ея руки палъ Маратъ. «Кинжалъ».

Корниловичъ, Александръ Осиповичъ († 1833). — Штабсъ-капитанъ; декабристъ. Въ 1824 г. издалъ «Русскую Старину» или «Карманную книжку для любителей отечественнаго на 1825 г.». Въ предисловіи издателя говорилось, что

книжка издана не съ цѣлью наживы, а «съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола». Эта «улыбка» вызвала смѣхъ Пушкина (Брату, янв., 1824, Кн. Вяз., мартъ, 1824, Вест., 1824).

Корнуолль, см. У а л л е р ь.

Корреджіо, Антоніо-Аллегри (1494—1534).—Знаменитый итальянскій художникъ. Уп. «Къ вельможѣ» (1830).

Корсаковъ, Николай Александровичъ († 1820 г.). Товарищъ Пушкина по лицу, участникъ лицейскихъ журналовъ, стихотворецъ, скрипачъ и композиторъ; юноша «любимый Аполлономъ» Имъ положены на музыку первый куплетъ пушкинской «Пѣсни» (О, Делія драгая!). Состоялъ «причисленнымъ къ русской миссіи въ Римъ» и умеръ во Флоренціи. Его памяти: «Гробъ юноши» (1821). О немъ: «19 окт., 1825 г.».

Корсаковъ, Петръ Александровичъ (1790—1844). — Братъ Ник. Ал. Драматургъ и переводчикъ, издатель «Русскаго Пустынника», «Сѣвернаго Наблюдателя» (въ послѣднемъ печатались стихи юнаго Пушкина). Цензоръ (цензировалъ «Кап. дочку»); въ 1840 г., вмѣстѣ съ Бурачкомъ, издавалъ «Маякъ» современнаго просвѣщенія и образованія». Въ этомъ органѣ обскурантизма К. помѣстилъ со своими примѣчаніями «французскіе стихи», написанные Пушкинымъ «къ одному товарищу и совоспитаннику по Царскосельскому лицу» (бар. Гревеницъ).

Корнель, Пьеръ (1606—1684). «Отецъ фр. трагедіи», «Корнеля геній величавый» («Евг. Он.», I, 118). «Мой старый» К. Пушкинъ считалъ Сиду «лучшей его трагедіей» (Катенину, 1822).

Корсаръ — герой поэмы Байрона «Корсаръ»; «сталъ кумиромъ отроковицы» («Евг. Он.», III, 12).

Корфъ, Модестъ Андреевичъ, графъ (1800—1876). Лицейскій товарищъ Пушкина. Оставилъ «записку» о своемъ великомъ товарищѣ, гдѣ дана узкая и пристрастная характеристика. По окончаніи курса поступилъ на службу въ министерство юстиціи, затѣмъ перешелъ въ Ком. составленія законовъ и быстро пошелъ въ гору. Въ 1831 г. управлялъ уже дѣлами Комитета Министровъ, съ 1834 г. былъ государственнымъ секретаремъ и пользовался милостями Императора Николая Павловича. Съ 1849 по 1861 г. былъ директоромъ публичной бібліотеки, а съ 1864 — предсѣдателемъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта. Въ 1872 г. возведенъ въ графское достоинство. Выдержки изъ его «Записокъ» напечатаны въ «Русск. Ст.», 1899 г. О немъ: В. С т а с о в ъ, «Русск. Ст.», 1876 г., т. 15 и Я. Г р о т ъ, Ibid. (см. тоже въ книгѣ Грота «Пушкинъ»), А. Б ы ч к о в ъ, «Др. и Нов. Россія», 1876, № 4.

Костровъ, Ермилъ Ивановичъ († 1796). — Поэтъ и переводчикъ Гомера («Иліада»), Апулея («Золотой Осель»), Оссіана («Гальскія стихотворенія») и др. Прозаическимъ переложеніемъ послѣдняго пользовался Пушкинъ при переводахъ изъ Оссіана. Пушкинъ высоко цѣнилъ К.; ему посвящены строки въ «Посланіи къ другу-стихотворцу». О немъ въ «Замѣткахъ». Сочиненія К. въ Р. поэзіи Венгерова, т. I. См. также П. О. Морозовъ: «Е. И. К—ъ». (Ворон., 1876).

Коттень, Марія (1770—1807). — Французская писательница, авторъ въ свое время популярныхъ и въ Россіи романовъ «Мальвина», «Матильда» и др.

Котляревскій, Павелъ Степановичъ (1782—1851). — Боевой генералъ, покоритель Ленкорани. «Бичъ Кавказа» («Кавк. Плѣн.», эпил.); Прогр. «Р. Пел.».

Коцебу, Августъ-Фердинандъ (1761—1819). — Нѣмецкій драматургъ; его романы и пьесы, написанные по трафарету, пользовались большимъ успѣхомъ въ Россіи (отсюда коцебятина — синонимъ трафаретной пошлости). Дважды бывалъ въ Россіи. Во второй пріѣздъ (1800 г.) былъ арестованъ на границѣ и сосланъ въ Сибирь, но вскорѣ же прощенъ и осыпанъ милостями Императора Павла. Убить Зандомъ (см.) въ Мангеймѣ.

Коцитъ, притокъ рѣки Ахерона въ Эпирѣ. «Рѣка плача и стенаній» (Гомеръ) въ «подземномъ мірѣ». Посланіе В. Л. Пушкину (1818).

Кочубей, Викторъ Павловичъ (1768—1834). Извѣстный государственный дѣятель. При Павлѣ I полномочный министръ въ Константинополь, а затѣмъ вице-канцлеръ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. При Александрѣ I членъ Государственнаго Совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ 1819—1825 г.г. При Николаѣ I предсѣдатель комитета министровъ и Государственнаго Совѣта, возведенъ въ княжеское достоинство. Въ «Дневн.» 1834 г. П. приводитъ сужденіе о К. и рассказываетъ о впечатлѣніи, вызванномъ его смертью.

Кочубей, Василій Леонтьевичъ (1640—1708). — Генеральный судья войска запорожскаго, ближайшій человекъ къ Мазепѣ. Онъ первый узналъ о планѣ Мазепы отложиться отъ Петра.

Кочубей, Матрена Васильевна (пушкинская Марія въ «Полтавѣ»). Не получивъ согласія родителей на бракъ съ Мазепой, ушла изъ дома къ гетману. Въ ту же ночь (1704 г.) гетманъ вынужденъ былъ вернуть Марію родителямъ. О дальнѣйшей судьбѣ М. имѣются сбивчивыя свѣдѣнія.

Кочубей, графиня Наталья Викторовна, въ замужествѣ гр. Строганова (1801—1855). — Ей была въ 1827 г. Пушкинымъ послана ода «Вольность» вмѣстѣ съ пьесой «Простой воспитанникъ природы». О ней въ «Он.», гл. VIII; «Къ хозяйкѣ дама приближалась».

Кошанскій, Николай Федоровичъ (1781—1831). — Профессоръ лицея. Преподавалъ русскую и латинскую словесность; авторъ въ свое время популярныхъ учебниковъ. «Скучный проповѣдникъ» «учености сухой», по словамъ Пушкина. Привѣтствовалъ первые литературные опыты Пушкина, но не могъ, какъ поклонникъ старой школы, оцѣнить развивающійся геній поэта. Къ нему: «Моему Аристарху» (1815). О немъ: см. М а й к о в ъ, Акад. Изд. Пушкина. Примѣчанія. Я. Г р о т ъ, стр. 41—45.

Красногорье — «Деревня Ленскаго» («Евг. Он», VI, 4).

Краббъ, Георгъ (Креббъ) (1754—1832). — Англійскій поэтъ. Пушкинъ называетъ его поэмы «прекрасными» («Мысли на дорогѣ, 2). О немъ: см. Д р у ж и н и н ъ, сочин., т. 4.

Красовскій, Александръ Ивановичъ (1776—1857). — Цензоръ, а съ 1832 г. предсѣдатель комитета иностранной цензуры. До какихъ чудовищныхъ размѣровъ доходилъ К., показываетъ рядъ его выходокъ. См. «Р. Старина», т. IX, стр. 107. Онъ же запретилъ статейку «о вредности грибовъ», т. к. «грибы постная пища православныхъ и писать о вредности ихъ — значитъ подрывать вѣру и распространять невѣріе». На него эпиграмма Пушкина: «Тимковскій царствовалъ»... (1824 г.). О разговорѣ «славнаго цензора» съ В. К. Еленой Павловой см. «Дневникъ», 1834 г.

Кривцовъ, Николай Ивановичъ (1791—1843). Участникъ кампаніи 1812 года. Познакомился съ Пушкинымъ у Тургеневыхъ въ 1817 г. Позднѣе былъ губернаторомъ въ Тулѣ, Воронежѣ и Нижнемъ. Послѣдніе годы провелъ въ отставкѣ въ своей деревнѣ. Ему пьесы: «К—у» (1818); «Не пугай насъ, милый другъ» (1819). Просьба: «не забывать демократическихъ друзей 1818 года» (1823); къ нему же письмо 1831 г. О немъ: см. В. П. Г а е в с к і й: «Вѣстн. Евр.», № 12, 1887 года и Б. Н. Ч и ч е р и н ъ: «Русск. Арх.», 1890 г., кн. I-ая, «Дневникъ Кр.» въ «Вѣстн. Евр.», № 12, 1887 г.

Криденеръ, баронесса Варвара-Юлія (1764—1825). — Романистка и повѣдница мистическаго суевѣрія. О ней: А. Н. П ы п и н ъ, «Общ. движенія при Александрѣ I».

Крыловъ, Александръ Лукичъ († 1853). — Профессоръ латинской словесности, цензоръ «Современника». Не рѣшился пропустить статью о Радищевѣ. (См. М. Сухомлиновъ. Статьи и изслѣд., т. I, А. Н. Радищевъ).

Крыловъ, Иванъ Андреевичъ (1768—1844). — По словамъ Плетнева, К. «безъ сомнѣнія лучше другихъ умѣлъ цѣнить высокій талантъ Пушкина». При явленіи «Р. и Людм.», вызвавшей ожесточенныя нападки литераторовъ старой

школы, К. остался при особомъ мнѣніи, и напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» 1820 г., эпиграмму на несправедливаго критика:

Напрасно говорятъ, что критика легка,
Я критику читалъ «Руслана и Людмилы»;
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка!

Это тѣмъ болѣе характерно, что «для своихъ литературныхъ мнѣній», К. не искалъ «подпоры въ журналахъ». Пушкинъ повторилъ крыловскую эпиграмму по отношенію къ Воейкову (Гнѣдичу, 1820). См. соч. и переписка Плетнева, II, 19, 87. Соч. Крылова, ред. Вл. Каллаша, IV, и Предисловіе П. ко второму изданію «Р. и Л.». Ср. «Списокъ»: «Дельвигъ. Пушкинъ въ «Городкѣ» называетъ К. «побѣдителемъ Лафонтена»; «О предисловіи Лемонте къ баснямъ Крылова».

Крымъ. На обратномъ пути съ Кавказскихъ минеральныхъ водъ, Пушкинъ посѣтилъ Крымъ, «воображенъ край священный». «Подъ небомъ сладостнымъ Тавриды», въ семействѣ Раевскихъ, поэтъ провелъ счастливейшія минуты жизни (болѣе 2хъ мѣсяцевъ). «Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу на корабль, писалъ Пушкинъ, т. е. изъ Тамани до Гурзуфа». На кораблѣ написано «Погасло дневное свѣтило». Въ Гурзуфѣ былъ начатъ «Кавк. Плѣн.». Памятью Крыма вызваны позднѣе: «Нереида», «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда», эпилогъ «Бахч. Фонт.», строфы послѣдней пѣсни «Евг. Он.». (Ср. письма Пушкина 1824 г.). Памятью поэта въ Гурзуфѣ остались скала и гротъ Пушкина, и пушкинскій кипарисъ, вослѣдствіемъ Некрасовымъ въ «Русск. женщ.». На обратномъ пути Пушкинъ посѣтилъ «берега веселые Салгира» и Бахчисарай. («Бахч. Фонт.», «Евг. Он.», Пут.). Уп. Чаадаеву, 1820. См. «Нереида», 1820; «Таврида» (Отрывокъ, 1822); «Желаніе» (1821).

Ксенофанъ-Колофонскій (VI—V в.в до Р. Х.). — Философъ и стихотворецъ. Пер.: «Чистый лоснится полъ» (1833).

Кунольникъ, Несторъ Васильевичъ (1809—1868). — Пушкинъ познакомился съ нимъ у князя П. Трубецкого въ 1834 г., когда К. былъ уже авторомъ нашумѣвшихъ драмъ: «Тассъ», «Рука Всевышняго» и писалъ «Ляпунова». Пушкинъ не дочиталъ его «Тасса» и предсказывалъ, что К. «не напишетъ» хорошей трагедіи (изъ «Дневн.», 1834 г.). Сочиненія К. изданы еще при жизни автора, СПб., 1851—53 г.г., 10 т.

Куницынъ, Александръ Петровичъ (1783—1840). — Профессоръ Петербургскаго университета и лицея, авторъ «Естественнаго права». За это сочиненіе, основанное на правилахъ разрушительныхъ, въ 1821 г., по доносу Рунича, К. былъ отданъ подъ судъ. Цензура равняла К. съ Маратомъ (2-ое Посл. Ценз.). Пушкинъ высоко цѣнилъ К. («Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень... Поставленъ имъ краеугольный камень, имъ чистая лампада возжена».

Купидонъ. «Къ Натальѣ», «Блаженство (1814); «Горчакову» (1815); «Фавнъ и Пастушка»; «Фіаль Анакреона» (1816); «Щербинину» (1818).

Кургановъ, Николай Гавриловичъ (1726—1796). — Профессоръ астрономіи и навигаціи, авторъ извѣстнаго въ широкихъ кругахъ читателей «Письмовника» (1769), выдержавшаго 18 изданій. «Всеобщее письмословіе» Курганова нашло ревностнаго поклонника въ Бѣлкинѣ («Исторія села Горюхина». Имя К. упом. «въ эпиграммѣ на Каченовскаго» (1829).

Курилка-журналистъ, т. е. Каченовскій. Эпиграмма (1825).

Кутузовъ-Голенищевъ, Михаилъ Илларионовичъ, свѣтлѣйшій князь Смоленскій (1745—1813). См. пьесу: «Къ тѣни полководца» (1831). Барклай зачинатель — «свершитель Кутузовъ».

Кучна. «Мнѣ кажется, что если всѣ мы будемъ въ кучкѣ, то литература не можетъ не согрѣться и чего-нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего добраго — и газеты!» (Плетн., апр., 1831).

Кюхельбекерно. «Кюхельбекерно и тошно» — («За ужиномъ объѣлся я» —

1818). «Мнѣ кюхельбекерно». См. письма П., янв., июнь, 1823 г., июнь, 24 г., и июнь 25 г. Кюхельберъ вызвалъ П. на дуэль и, несмотря на всѣ уговоры, желалъ непременно стрѣляться. Дуэль состоялась, но пистолеты набились снѣгомъ и поединокъ былъ отложенъ. Вскорѣ же послѣдовало примиреніе друзей.

Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ (1797—1846). — Лицейскій товарищъ Пушкина, стихотворецъ и журналистъ; долго не могъ справиться съ стихосложеніемъ, и его дубовые стихи встрѣчали рядъ эпиграммъ товарищей. По окончаніи лица вскорѣ отправился за границу. Объ его «славено-русскихъ стихахъ» (Брату, 1822).

За лекціи по русской литературѣ, прочитанныя въ Парижѣ, навлекъ на себя непріятности и вынужденъ былъ уѣхать на Кавказъ къ Ермолову. Тамъ онъ познакомился и сошелся съ Грибоѣдовымъ; разсорившись съ Ермоловымъ, явился въ Петербургъ. Въ «Мнемозинѣ», которую издавалъ К. вмѣстѣ съ В. Θ. Одоевскимъ, съ успѣхомъ выступилъ въ роли критика. Еще въ лицей «числился страстнымъ поклонникомъ литературы, преимущественно германской», нападая во имя «германическаго духа», «ближайшаго къ нашему національному духу», на французскій классицизмъ и русскихъ его поклонниковъ. Въ «Мнемозинѣ» (см.) выступилъ противъ «наносныхъ нѣмецкихъ цѣпей» и всякаго чужеземнаго вліянія, признавая «чистѣйшими» источниками для русской словесности «вѣру праотцовъ, нравы отечественныя, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя». Въ 1825 г. участвовалъ въ декабрьскомъ дѣлѣ и стрѣлялъ на Сенатской площади въ великаго князя Михаила Павловича. Арестованный въ Варшавѣ, былъ приговоренъ къ смертной казни, замѣненной «вѣчными» каторжными работами и отправленъ въ Сибирь. О встрѣчѣ съ нимъ въ 1827 г. см. замѣтку Пушкина. Къ нему: см. эпиграммы 1816 г., «Разлука» (1817); «Мечтателю» (1818) (двѣ послѣднія строки посвящены К.). Уп. въ «Пир. Студентахъ» (1814). О немъ: Н. А. Котляревскій. «Пис. декабристы», «Русск. Бог.», 1902 г., № 10—11.

Кюхля — лицейское прозвище В. К. Кюхельбекера.

Лагарпъ, Жанъ-Франсуа (1739—1803). «Грозный Аристархъ». О шестнадцатитомной его исторіи древней и новой литературы упоминается въ пьесѣ «Гордокъ».

Лажечниковъ, Иванъ Ивановичъ (1792—1869). — Романистъ, авторъ «Ледяного дома», «Послѣдняго Новика» и др., отмѣчая въ «Л. Д.» «несоблюденіе исторической истины», Пушкинъ замѣчалъ, что «многія страницы» «Л. Д.» «будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ». См. письма къ Лаж., 1835—1836 г.г.

Лайсы. — «Любимецъ вѣтренныхъ Лайсъ» (Юрьеву — 1818); «благочестивыя Л.» — «Горчакову» — 1819); «Красы Лайсы», «Отрывокъ» (1820).

«**Лала-Рукъ**» — восточная повѣсть Т. Мура. Л. Р. («Чашечка тюльпана»), дочь Аурэнгзеба, владѣтеля Индіи.

Ламартинъ, Альфонсъ (1790—1869). — Фр. поэтъ, авторъ «Исторіи жироидистовъ» (Русск. перев., СПб., 1892). Пьесы Л. усердно переводились р. поэтами. «Какой писатель нынче въ модѣ?» — Все d'Arlincourt и Ламартинъ. («Гр. Нулинъ»). Пушкинъ «въ тошемъ однообразіи, въ вялой безцвѣтности» Л. не видѣлъ «предмета увлеченія». Прося прислать брата продолженіе «Чайльдъ-Гарольда», сдѣланное Л., Пушкинъ отзывался: «То-то чепуха, должно быть». (1825).

Ламенз, Фелисите-Робертъ (1782—1854). — Аббатъ. Французскій писатель. (Плетневу, янв., 1831).

Ланской, Петръ Петровичъ († 1877) — Второй мужъ Н. Н. Пушкиной. Командиръ л.-гв. Коннаго полка, впоследствии генералъ-адъютантъ.

Лангеръ, Валеріанъ Платоновичъ. — Лицейскій 2-го выпуска. Иллюстраторъ. Пушкинъ просилъ его черезъ Плетнева «нарисовать виньетку безъ смысла» для предполагаемаго альманаха. (Плетневу, 1835).

Ланжеронъ, Александръ Федоровичъ (1763—1831). — Генераль, губернаторъ Одессы. Л. увѣрялъ Пушкина, что «qu'il a trop de bon Dieu» (Вяз., 1823).

Лаура. Уп. «Пріятелю» (1822).

Лафонтень, Жанъ (1621—1695). — Французскій баснописецъ. Въ пьесѣ «Городокъ» (1814) въ числѣ любимыхъ юношей поэтомъ авторовъ отмѣчается «пѣвецъ любезной, поэзіей прелестной сердца привлекшій въ плѣнъ», «лѣнтяй безпечный, мудрецъ простосердечный, Ванюша Лафонтень», побѣжденный Богдановичемъ. Уп. въ посланіи къ «Юдину» (1815). «Въ домашней жизни зримъ одинъ рядъ утомительныхъ картинъ, романъ во вкусѣ Лафонтена» («Евг. Он.», IV, 50).

Лафаръ, маркизь Шарль-Огюсть (1644 — 1712). — Французскій поэтъ. П. ставилъ Л. наряду съ Шолье и Парни, т. е. съ тѣми, кому «давно отданы вѣнцы отъ музы праздности счастливой, но не блестящія дары поэзіи трудолюбивой» («Къ моему Аристарху», 1814).

Левшинъ, Алексѣй Иранліевичъ (1799 — 1879). — Одинъ изъ дѣятелей крестьянской реформы 1861 г. Въ 1824 г. состоялъ правителемъ канцеляріи гр. Воронцова, позднѣе былъ градоначальникомъ Одессы. Уп. «Евг. Он.», VII, 4. Его соч. «Ист. и стат. обзорѣніе ур. казаковъ» воспользовался, съ разрѣшенія автора, Пушкинъ для «Ист. пуг. б.». (См. прим. и отвѣтъ на ея критику).

Леила — героиня поэмы Байрона «Корсаръ». «Заклинаніе» (1830); «Отъ меня вечеръ Л.» (1835); «Пѣвецъ Леилы»; «Гречанкѣ» (1822).

Лелевель, Іоакимъ (1786—1861). — Историкъ, профессоръ виленаго университета, участникъ польскаго возстанія 1830—31 г.г. и глава временнаго правительства, эмигрантъ. Его статья о Пушкинѣ была напечатана за границей (Гр. А. Строганову, 1834).

Лель, сынъ Лады; славянскій богъ любви (новѣйшіе изслѣдователи отрицаютъ существованіе Л. въ славянской мифологіи, см. В. Миллеръ: «Очерки арійской мифологіи», т. I, М., 1876). Въ «Р. и Людм.» Баянъ славитъ «Людмилу-прелесть и Руслана, и Лелемъ свитый имъ вѣнокъ». «Ночную лампу зажигаетъ Лель» (Ibidem). Уп. «Адель» (1822). Въ «Евг. Он.»: «Татьяна въ постель легла. Надъ нею вьется Лель» (V, 10).

Лемносскій богъ, т. е. Гефестъ-Вулканъ («Кинжалъ», 1821).

Лемонтэ, Пьеръ-Эдуардъ (1762—1826). — Французскій писатель и академикъ. Объ его предисловіи къ переводу бас. Крылова см. статью Пушкина (1825). «Ленора» — баллада Жуковскаго. «Какъ часто по скаламъ Кавказа (муза) Ленорой, при лунѣ, со мной скакала на конѣ!» («Евг. Он.», VIII, 4).

Леопольдовъ, Андрей Филипповичъ. Кандидатъ правъ моск. университета. Въ 1826 г., по доносу сыщика Коноплева, начальникъ государственной полиціи генераль Скобелевъ былъ извѣщенъ, что у Л. имѣются противоправительственные стихи (письмо Рылѣва), не пропущенный цензурой отрывокъ изъ А. Шенье», на рукописи которой Л. приписалъ: «Къ 14 декабря» и др. Арестованный Л. указалъ, что стихи онъ получилъ отъ прапорщика Молчанова. «За неосновательность», выразившуюся въ неумѣстной надписи на стихахъ Пушкина о «14 числѣ», Сенатъ рѣшилъ: вмѣнить Л. въ наказаніе содержаніе болѣе года въ острогъ и подтвердить, чтобъ впредь въ поступкахъ былъ основательнѣе». Начальству же, «въ вѣдомствѣ котораго Л. будетъ служить», поручить, «чтобъ оно обращало особое вниманіе на его «поведеніе». Общее собраніе Госуд. Сов. утвердило приговоръ Сената. См. ст. П. Щеголева въ сб. «Пушкинъ», в. XI.

Лепажъ, извѣстная ружейная фирма. «Лепажъ стволы роковыя» (пистолеты), («Евг. Он.», VI, 25).

Лермонтовъ, Михайль Юрьевичъ (1814—1841). — Пьеса Л. «На смерть Пушкина» положила начало его громкой извѣстности и разошлась въ тысячахъ списковъ. Возникшее дѣло «о стихахъ корнета Л. на смерть Пушкина» закончилось переводомъ поэта изъ гвардіи на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ. См. вып. 3-й, Слов. Лит. Типовъ.

Лета — рѣка забвенія. Уп. Кривцову (1817); Ему же (1819); «Тихая» Л. («Къ Жуковскому», 1818), «Ист. стихотворца». Въ «Евг. Он.»: «Быть можетъ, въ Летѣ не потонетъ, строфа слагаемая мной» («Евг. Он.», II, 40). — «Память юнаго поэта, поглотитъ медленная Лета» (VI, 22). — «Или надъ Летою усыпленной поэтъ, безчувствіемъ блаженный, ужъ не смущается ничѣмъ?» (VII, 11).

Лида, см. «Посланіе къ Л.»; «Посланіе къ В. Л. Пушкину» (1818), Платонизмъ.

Лила. «Измѣна» (1812); «Фавнъ и Пастушка», «Слово милой», «Лилѣ» (1816); «Къ молодой вдовѣ» (1817).

Лилета — «красныхъ дней отрада» («Къ Батюшкову», 1814); «Темира, Дафна и Лилета, какъ сонъ забыты мной давно» («Евг. Он.», IV, 3, пропущ.).

Одно изъ «романическихъ именъ» «Смѣшны теперь намъ эти романическія имена: Нина, Каллисто, Леонія, Эмилія, Лилета, Леонъ, Милонъ, Модестъ, Эрастъ; но въ свое время они имѣли глубокой смыслъ: въ нихъ выразилась человѣческая склонность къ романической мечтательности, къ жизни сердцемъ» (Бѣлинскій. Сочин. Пушкина, I).

Лилія. «Къ Галичу».

Линарь-де, Густавъ, герой повѣсти Криденеръ. «Счастливой силою мечтанья, одушевленные созданья, любовникъ Юліи Вольмаръ, Малекъ-Адель и де-Линарь» («Евг. Он.», III, 9).

Липранди, Иванъ Петровичъ (1790—1880). — Пушкинъ познакомился съ нимъ въ Бессарабіи, когда Л., покинувъ военную службу, состоялъ при графѣ Воронцовѣ «правительственнымъ тайнымъ агентомъ». Арестованный по декабрьскому дѣлу, Л. былъ оправданъ и пожалованъ въ полковники. Его «Воспоминанія», «Р. Арх.», 1869 г.

Литература англійская. Пушкинъ началъ изучать англійскій языкъ подъ руководствомъ Н. Н. Раевского. Юношеское увлеченіе Байрономъ еще не было изжито, когда въ началѣ 1824 г. Пушкинъ читаетъ Шекспира и «бредитъ» имъ. (См. «Борисъ Годуновъ»). Англійскій романъ, въ лицѣ В. Скотта и Бульвера, вызвалъ большой интересъ со стороны Пушкина. (См. въ «Перечнѣ», «Капитанская Дочка» и «Русск. Пеламъ»). Изъ старыхъ англійскихъ писателей Пушкинъ особенно цѣнилъ Мильтона, Боньяна и Стерна. Новые поэты — Соутти, Кольриджъ, Вордсвортъ, Муръ, Барри Корнуолль — также были хорошо знакомы русскому поэту. Еще въ 1822 г. онъ писалъ Гнѣдичу: «англійская словесность начинается имѣть вліяніе на русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной». «Стань за нѣмцевъ и англичанъ, уничтожь этихъ маркизовъ классической поэзіи» (Вяз., 1828). См. въ «Спискѣ»: Байронъ, Скоттъ-Вальтеръ, Бульверъ, Шекспиръ.

Литература греческая. Пушкинъ не зналъ греческаго языка, но еще въ лицѣ знакомился съ «произведеніями древнихъ», частью по французскимъ, частью русскимъ переводамъ, и по книгѣ проф. Кошанскаго: «Цвѣты греческой поэзіи». СПб., 1811. См.: Анакреонъ, Гомеръ, Мосхъ, Іонъ Хіосскій. См. также: С. Любомудровъ. Античные мотивы въ поэзіи П — а. СПб.

Литература итальянская. Зналъ ли Пушкинъ по-итальянски? На этотъ вопросъ ак. Ѳ. Коршъ отвѣчаетъ: «Пушкинъ понималъ по-итальянски настолько, насколько можетъ способный и сообразительный человѣкъ понимать языкъ, схожий съ другими двумя извѣстными ему языками» (т. е., латинскимъ и французскимъ), «но которому онъ никогда не учился и на которомъ ему приходилось разбирать случайно попавшіяся ему фразы и цитаты» («Пушкинъ», VII, стр. 56).

Въ томъ же изданіи (В., IX, стр. 101—106) Юрій Веселовскій дѣлаетъ какъ разъ обратное предположеніе. См. восторженные отзывы Пушкина объ «Адѣ» Данта («единый планъ Дантова «Ада» есть уже плодъ высокаго генія» — 1824 г.). Во время арзрумскаго похода, поэтъ не разставался съ «Бож. Комедіей». Пушкинъ переводилъ изъ Аріосто; въ Михайловскомъ онъ читалъ и переводилъ Альфіери (1825) и позднѣе изъ Франческо Джіанни (1836).

Именемъ Ип. Пиндемонте, прикрито одно изъ личныхъ признаній поэта (изъ VI Пиндемонте), изъ него же взять второй эпиграфъ къ «Кавк. Плѣн.». Ср.: Алексѣй Н. Веселовскій, «Пушк. и евр. поэзія», «Этюды и характ.», 629—648. См. также: В. Брюсовъ. «Русск. Арх.», 1908 г., № 12.

Литература нѣмецкая. Пушкинъ не любилъ нѣмецкаго языка. Переводы изъ нѣм. поэтовъ и самое упоминаніе о нѣмецкой поэзіи у Пушкина рѣдки. Эпиграфъ изъ Гетевского «Фауста» взять въ «Кавк. Плѣн.», но интересъ къ Гёте возникъ у Пушкина позднѣе, подъ влияніемъ сближенія съ кружкомъ Веневитинова и ред. «Моск. Вѣстн.». Отрывокъ изъ «Фауста» остался незаконченнымъ. Переводъ «Пушковой пѣсни» Шиллера возбуждаетъ большія сомнѣнія въ принадлежности его Пушкину. Изъ произведеній нѣмецкой литературы, повліявшихъ на Пушкина, остается лишь «Дунайская Русалка» Генслера; эта модная въ свое время «сценическая мелочь» имѣла вліяніе на замыселъ пушкинской «Русалки», см. Перечень — «Русалка». См.: А. Розовъ. П—ъ и Гете. А. Шаховъ: Очерки литер. движенія, СПб., 1903. Его же: Гете, СПб., 1903.

Литература римская. Въ числѣ предметовъ лицейскаго курса, былъ и латинскій языкъ, преподававшійся Кошанскимъ. Пушкинъ былъ близко знакомъ съ римской литературой. Въ своихъ раннихъ пьесахъ онъ называетъ себя «крестникомъ Тибулла», въ юности онъ «читалъ и перечитывалъ» «несравненнаго Виргилія», «творца немного тощей Энеиды», по позднѣйшему мнѣнію поэта. Съ именемъ Овидія (см.) связаны многія пьесы Пушкина, который не разъ сравнивалъ свою подневольную ссылку, съ ссылкой Овидія. Пушкинъ переводилъ Катутла и Ювенала. «Замѣчаніямъ» на Анналы Тацита посвящена отдѣльная статья.

Литература французская. Еще ребенкомъ въ отцовскомъ домѣ, Пушкинъ обстоятельно познакомился съ фр. литер. Первые его опыты были написаны по французски. «Печалью галломаніи» отмѣченъ лицейскій періодъ творчества Пушкина. На первомъ мѣстѣ стоитъ Вольтеръ и Парни. Въ «Городкѣ» поэтъ обнаруживаетъ близкое знакомство даже со второстепенными поэтами салоновъ XVIII вѣка; позднѣе на смѣну имъ приходятъ Шенье, Шатобрианъ, Бенжаменъ Констанъ. См. Сиповскій В.: Пушкинъ, Байронъ, Шатобрианъ, «Р. Ст.» и отд. изд., СПб., 1899. О Б. Констанѣ работу проф. Дашкевича въ сборникѣ «Памяти Пушкина», Кіевъ, 1899. О Шенье, «вдохновителѣ» «политической лирики» Пушкина, см.: Пушкинъ, подъ ред. С. Венгерова, т. III.

«Литературная газета» (1830 — 1831) выходила подъ редакціей Дельвига, а послѣ его смерти О. Сомова, каждые пять дней. Въ 1830 г. за стихотвореніе К. Делавиня была временно приостановлена, и Дельвигъ получилъ строжайшій выговоръ отъ гр. Бенкендорфа. Пушкинъ считалъ «единственнымъ подвигомъ» «Л. Г.» «совершенное уничтоженіе славы Булгарина».

«Литературные листки» (1824 — 1825) — журналъ нравовъ и словесности, подъ ред. Булгарина. (Вяз., 1825).

Лицей. Основанъ въ 1810 г. Императоромъ Александромъ I, открытъ 19-го октября 1811 г. Цѣль Л. — «образованіе юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ государственной службы»¹⁾. Отсюда программа лицея опредѣлялась предметами, приличными «важнымъ частямъ государственной службы и необходимо» нужными «для благовоспитаннаго юноши»²⁾. До перевода въ Петербургъ (1841 г.), Л. помѣщался въ зданіи Царскосельскаго дворца³⁾. См. И. Я. Селезневъ: «Ист. очеркъ Алекс. лицея».

«Первенцами лицея», вступившими въ него вмѣстѣ съ Пушкинымъ въ

¹⁾ Иронія судьбы устроила такъ, замѣчаетъ Я. К. Гротъ, что «первымъ блестящимъ плодомъ его воспитанія былъ юноша, вовсе не годившійся для службы и однако же болѣе всѣхъ прославившій это заведеніе.» Я. Гротъ Пушкинъ стр. 26. *Ред.*

²⁾ Первоначально лицей предполагался быть мѣстомъ воспитанія великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, но вскорѣ эта мысль была оставлена. *Ред.*

³⁾ Въ лицейѣ было два курса — младшій и старшій; на каждомъ курсѣ воспитанники должны были пробыть по три года. *Ред.*

1811 г., были: Юдинъ (6), Малиновскій (7), Корфъ (8), Ржевскій (9), Стевень (10), Вальховскій (11), Матюшкинъ (12), Пушинъ (13), Пушкинъ (14), Саврасовъ (15), Гревениць (16), Илличевскій (17), Масловъ (18), Корниловъ (19), Ломоносовъ (20), Данзасъ (29), Горчаковъ (30), Брольо (31), Тырковъ (32), Дельвигъ (33), Мартыновъ (34), Комовскій (35), Костенскій (36), Есаковъ (37), Кюхельбекеръ (38), Яковлевъ (39), Гурьевъ (40), Мясоѣдовъ (41), Бакунинъ (42), Корсаковъ (43)¹). Всего тридцать воспитанниковъ; изъ нихъ окончило курсъ двадцать девять, т. к. одинъ изъ тридцати (Гурьевъ) подвергся удаленію вскорѣ же по поступленіи въ лицей. Первыми окончили курсъ: Вальховскій, Горчаковъ и Кюхельбекеръ. Послѣднимъ изъ лицейстовъ перваго выпуска сошелъ въ могилу Горчаковъ. Пушкинъ всегда хранилъ память о Л., и день его годовщины (19-го октября) отмѣчалъ какъ праздникъ. См. его пьесы, посвященныя этому дню: 1825, 26, 28, 31 и 36 г.г.; «Евг. Он.», VIII, 1

«**Лицейскій мудрецъ**», рукописный лицейскій журналъ, издавался (1815 г.) Данзасомъ и Корсаковымъ.

Лицейскій музей имени Пушкина. Основанъ въ 1880 г. См. «Описаніе II — скаго музея Имп. Ал. лица». Спб., 1899.

Лобановъ, Михаилъ Евстафьевичъ (1787—1846). — Писатель, членъ Рос. Акад., ординарный академикъ Акад. Наукъ и переводчикъ. Его рѣчь въ Академіи «О духѣ словесности» вызвала полемическую статью Пушкина (1836 г.). О немъ: А. К р у г л ы й. «Истор. Вѣстн.», 1880 г., № 2.

Лобановъ-Ростовскій, князь Александръ Яковлевичъ (1788 — 1866). — Писатель, коллекціонеръ и издатель историческихъ документовъ. Долго жилъ въ Парижѣ и работалъ въ архивахъ. Черезъ Я. Толстого велъ переговоры о приобрѣтеніи права на изданіе стиховъ Пушкина и предлагалъ поэту напечатать его «Мелочи» въ Парижѣ (Я. Толстому и Гнѣдичу, 1822).

Ловласъ (Lovelass), — герой романа Ричардсона «Кларисса Гарлоу». «Ловласовъ обветшала слава» («Евг. Он.», IV, 7). Ларина любила Ричардсона, «не потому, чтобы прочла, не потому, чтобъ Грандисона она Ловласу предпочла» (II, 30).

Ловласъ-Тверской, — прозвище Вульфа (Языкову, 1836).

Логановскій, Александръ Николаевичъ (1812—1855). — Скульпторъ. На его статую: «Мальчикъ играющій въ свайку», пьеса Пушкина (1836).

Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ (1711—1765). — Въ пьесѣ «Къ другу стихотв.» (1814) Пушкинъ относитъ Л. къ числу «пѣвцовъ безсмертныхъ». «Безсмертный нашъ пѣвецъ, веселье россиянь, полунощное диво», именуеть Пушкинъ Л. въ пьесѣ «Къ Жуковскому» (1817). Въ «Евг. Он.» (V, 25) пародируется стихъ Ломоносова. Въ 1825 г., только отсутствіемъ у насъ критики, Пушкинъ объяснялъ установившуюся репутацию Л., какъ «великаго поэта»; отрицая за Л. поэтическое дарованіе, Пушкинъ считалъ его за «великаго человѣка», который понялъ истинно источникъ р. языка и красоты онаго (П.—Бестужеву). «Л., по мнѣнію Пушкина, обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшею страстью сей души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ. (О предисловіи Лемонте къ басн. Крылова, 1825). Характеристика его, см. «Мысли на дорогѣ, III». О Л.—ф. М. Пекарскій: Ист. Ак. Наукъ», т. II. Сочиненія Л. выходятъ въ изданіи Ак. Наукъ.

Ломоносовъ, Сергѣй Григорьевичъ (1799—1857). — Лицейскій товарищъ Пушкина (лицейское прозвище «кротъ»), впоследствии рос. посланникъ въ С. Штатахъ и Нидерландахъ.

¹) Номера, поставленные въ скобкахъ, соотвѣтствуютъ номерамъ отдѣльныхъ комнатъ, отведенныхъ воспитаникамъ лицея. Этими №№ они нерѣдко подписывались въ дружеской перепискѣ. № 14 Пушкинъ ставилъ вмѣсто подписи подъ многими своими пьесами. Всѣхъ комнатъ было 50, а воспитанниковъ 30, поэтому въ номерациі есть пробѣлы. Ред.

Ломоносовъ, Николай Григорьевичъ († 1853). — Братъ лицейскаго товарища П. Послания къ нему (1814).

Лувель. Убийца герцога Беррійскаго. Публичное «показываніе» его портрета Пушкинымъ (въ театрѣ) явилось одной изъ причинъ ссылки поэта на югъ Россіи.

Луговой, Н. — псевдонимъ Сомова. (Орлову, 1832).

Лужниковъ см. Каченовскій (Чаадаеву, 21).

Лукреція, жена Луція Тарквинія Коллатина. Обезчещенная Секстомъ, сыномъ Тарквинія Гордаго, взяла съ отца и мужа клятву, что они отомстятъ преступнику и заколола себя на ихъ глазахъ. См. разсказъ Т. Ливія, I, 57. Уп. «Гр. Нулинъ» и «Замѣтки».

Лукинъ, Михаилъ Сергѣевичъ. Декабристъ. Уп. въ пьесѣ: «А. И. Тургеневу (1817 г.). О немъ: «Восп. Д. И. Завалишина», Берлинъ и СПб.

«Людмилы пѣвецъ», авторъ баллады «Людмила», т. е. Жуковскій. «Къ сестрѣ» (1814).

Людвинъ (Луи) Филиппъ (1773—1850). — Король французовъ (1830—1848). «Этотъ Л.-Ф. у меня, какъ бѣльмо на глазу», «безъ европейской войны» мы не обойдемся. (Женѣ 6/XI, 1833).

Магниціи, Михаилъ Леонтьевичъ (1778—1844). — Попечитель Казанскаго университета, ставленникъ Аракчеева. Уп. въ «Посл. Цензору», II. О немъ: Сухомлиновъ, статьи и изслѣд., СПб., 1889, т. 2; Теоктистовъ, М—ій, М. 1865.

Мазепа-Колединскій, Иванъ Степановичъ (1644—1710). — Малороссійскій гетманъ; до 1705 г. дѣятельный союзникъ Петра, позднѣе вошелъ въ союзъ съ Карломъ XII и польскимъ королемъ Станиславомъ. Преданный Петромъ «анафемѣ», бѣжалъ въ Турцію. Ему посвящены, кромѣ «Полтавы», поэмы Байрона и Словацкаго.

Майковъ, Василій Ивановичъ (1728—1778). — Поэтъ, авторъ поэмы «Елисей». Пушкинъ находилъ, что его «Елисей» «истинно смѣшонъ» (Бестужеву, 1823).

Манарьевъ, у. город. Ниж. губ. — «Предъ нимъ Макарьевъ суетно хлопочетъ, кипитъ обиліемъ своимъ» и т. д. («Евг. Он.», Путеш.).

Максимовичъ, Михаилъ Александровичъ (1804—1873). — Другъ Гоголя, проф. М. унив. См. Сл. Лит. Типовъ, вып. V, стр. 101. Пушкинъ познакомился съ нимъ въ 1826 г. въ Москвѣ.

Манферсонъ, Джемсъ († 1796). — Англійскій поэтъ, въ 1760 г. выпустилъ книгу, вызвавшую восторгъ во всей Европѣ. То были «поэмы Оссіана, древняго кельтскаго барда». М. называлъ себя лишь переводчикомъ, открывшимъ древнюю рукопись. Поддѣлка была настолько искусна и художественна, что заявленію М. была дана полная вѣра. Самъ М., даже когда раздались голоса о «поддѣлкѣ», не думалъ опровергать созданной имъ легенды о древнемъ бардѣ Оссіанѣ. Бумаги М. не дали подтвержденія, что въ его распоряженіи былъ какой-либо старинный текстъ. Оссіаномъ увлекались: Державинъ, Карамзинъ и Суворовъ. Пѣсни Оссіана составляли любимое чтеніе Пушкина-лицейста. Пушкинъ познакомился съ ними по лекціямъ Кошанскаго и по переводу Кострова. Пушкинъ далъ подражанія Оссіану («Кольна», «Эвлега», «Остаръ»). Полный современный переводъ поэмъ Оссіана принадлежитъ Е. А. Балобановой, СПб., 1891. Изд. журнала «Пантеонъ Литературы». Тамъ же біогр. данныя о М. См. также Алексѣй Н. Веселовскій: «Западное вліяніе въ нов. русск. лит.», М., 1906.

Малекъ-Адель — герой романа М. Котенъ «Матильда или записки, взятая изъ исторіи крестовыхъ походовъ». «Счастливой силою мечтанья, одушевленныя созданья, любовникъ Юліи Вольмаръ, Малекъ Адель»... («Евг. Он.», III, 9).

Малинники, село — имѣніе А. Н. Вульфа, Тверской губ., Старицкаго у.

Малиновскій, Василій Федоровичъ († 1814). Первый директоръ Ц. лицея, стоявшій во главѣ его первые два года.

Малиновскій, Иванъ Васильевичъ (1795—1873). — Сынъ директора ли-

цея, товарищъ по курсу Пушкина. «Повѣса изъ повѣсь», «Казакъ, по прозванію товарищей (за пылкость нрава). Пушкинъ былъ особенно друженъ съ нимъ въ лицѣ и очень любилъ Малиновскаго; наканунѣ смерти вспоминалъ о немъ и Пущинъ. Служилъ въ военной службѣ, но скоро покинулъ ее и уединился въ свою деревню, гдѣ занялся хозяйствомъ.

Мальвина, романъ М. Коттенъ. Кочующій купецъ Мартына Задеку «съ разрозненной «Мальвиной»... уступилъ за три съ полтиной»... («Евг. Он.», V, 23).

Мансуровъ, Павелъ Борисовичъ. — Членъ кружка «Зеленой Лампы». «Чудо-черкесь» (П., 1819); «Закадышный другъ» (П. Б. М—у, 1819).

Манцони, Александръ (1784—1873), авторъ трагедіи «Графъ Карманьола» (1820) и романа «Обрученные». Русскіе переводы: СПб., 1892. (Н. Соколова) и СПб., 1884 г., Онѣгинъ прочелъ: Гиббона, Руссо и Манзони (VIII, 35).

Марать, Жанъ-Поль († 1793). — Членъ конвента, глава монтаньяровъ. Убить Ш. Корде. «Кинжалъ» (1821).

Маринъ, Сергѣй Никифоровичъ (1775—1813). — Флигель-адъютантъ Имп. Александра I, авторъ шуточныхъ стиховъ. Уп. въ «Посланіи къ В. Л. Пушкину» (1817).

Марнова-Виноградская, Анна Петровна, см. Кернъ, А. П.

Мармонтель, Жанъ-Франсуа (1723—1799). — Авторъ многихъ романовъ и повѣстей, имѣвшихъ большое распространеніе въ русскомъ обществѣ. «Новыя Марм. повѣсти», переводъ Н. М. Карамзина, ч. I, М. 1794; ч. II, 1798 г., выдержали нѣсколько изданій. «Въ придачу» къ Мартыну Задекъ, Татьяна взяла у кочующаго купца «Мармонтеля» третій томъ». («Евг. Он.», V, 23).

Маро, Клеманъ (Clément Marot, 1495—1544). — «Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ поэтовъ XVI в.». Изъ него переводъ Пушкина «Старикъ». См. переводы изъ Маро В. В. Измайлова и В. Л. Пушкина.

Марсъ, Анна - Франсуаза (1779—1847). — Знаменитая французская актриса. «И мамзель Марсъ, увы! старѣеть». («Гр. Нулинъ»).

Мартынъ Задека. Съ именемъ М. З. вышла распространенная гадательная книга. «Хоть не являла книга эта ни сладкихъ вымысловъ поэта, ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ; но ни Виргилій, ни Расинъ»... «такъ никого не занималъ: то былъ, друзья, Мартынъ Задека, глава халдейскихъ мудрецовъ, гадатель, толкователь сновъ» («Евг. Он.», V, 22).

«Сіе глубокое творенье, завезъ кочующій купецъ, однажды къ нимъ въ уединенье»... «Мартынъ Задека сталъ потомъ любимецъ Тани... Онъ отрады во всѣхъ печаляхъ ей дарить и безотлучно съ нею спить» (V, 23).

«Ее тревожить сновидѣнье. Не зная, какъ его понять, мечтанья страннаго значенье Татьяна хочеть отыскать»... «Ея сомнѣній Мартынъ Задека не рѣшить» (V, 24).

Массонъ, Оленька. Ей пьеса: «О. М—ъ» (1820).

Массоны. Пушкинъ былъ членомъ Кишиневской ложи, т. е. «той самой, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи». Кишиневская ложа просуществовала всего пять мѣсяцевъ. (Въ 1822 г. послѣдовало закрытіе всѣхъ ложъ въ Россіи). Исторія ея разрома, см. у Пыпина: «Общ. движеніе въ Россіи при Импер. Александрѣ I», СПб., 1908 (изд. 4-ое), стр. 332—333. См. также: Н. К. Кульманъ, «Къ исторіи м. ложъ въ Россіи», СПб., 1907. П. Щеголевъ. «Мин. Годы», 1908, №№ 5—6.

Матюшкинъ, Федоръ Федоровичъ (1799—1872). — Лицейскій товарищъ Пушкина, впослѣдствіи контръ-адмиралъ. вмѣстѣ съ Головинымъ совершилъ извѣстное кругосвѣтное путешествіе на шлюпѣ «Камчатка». О немъ: «19 Окт. 1825 г.». См. также въ книгѣ Грота: «Пушкинъ», стр. 74—80.

Машукъ. «Зеленѣющій Машукъ, Машукъ, податель струй цѣлебныхъ» и т. д. («Евг. Он.», Путеш.).

Мевій. — Бездарный римскій поэтъ. Подъ именемъ М. выведенъ Шишковъ I. «Къ Жуковскому» (1817 г.). «М—я надутый образецъ» — Третьяковскій (Ib.).

Медокъ, см. Соутти.

Мезонъ, графъ Николай-Жозефъ (1771—1840). — Маршалъ Наполеона, пэръ при Людовикѣ XVIII и посланникъ въ Спб. при Луи-Филиппѣ (Женѣ, июль, 1834).

Мельмотъ-скиталецъ, романъ Маттюрена. «Мельмотъ, бродяга мрачный» («Евг. Он.», III, 12). «Чѣмъ нынѣ явится» (Евг.)? Мельмотомъ... (VIII, 8). «Наскуча слыть или Мельмотомъ, иль маской щеголять иной» («Пут.»).

Мельпомена — муза театра. («Евг. Он.»—VII, 50).

Менелай. — Сынъ Пріама, братъ Агамемнона (Гомеръ). ...«За Елену Менелай сто лѣтъ еще не перестанетъ казнить фригійскій бѣднѣйшій край»... «Собранье стариковъ Пергама, завидя (Елену), вновь рѣшить: правъ Менелай и правъ Паридъ» («Евг. Он.», V, 38).

Меньшиковъ, Александръ Даниловичъ (Данилычъ) († 1729). — «Счастья баловень безродный, полудержавный властелинъ» («Полтава», III).

Мердеръ, Карлъ Карловичъ (1788—1834). — Генералъ-адъютантъ, воспитатель Императора Александра II. «Человѣкъ добрый и честный, незамѣнимый», по отзыву Пушкина («Дневникъ», 1834 г.). О немъ: см. «Историческіе матеріалы» въ журналѣ «Жизнь», 1898, кн. 1—16; «Русск. Ст.», 1885 г.

Мерзляковъ, Алексѣй Федоровичъ (1778—1830). — Профессоръ краснобрѣчія и поэзіи Моск. унив., авторъ многихъ пѣсень, переводчикъ и крит. О «премудрой критикѣ М.» («Вяз.», 1816); («О гекз. Мер—ва», 1830). О немъ: И. И в а н о в ъ, «Ист. р. критики», т. I, Спб., 1898 г.; Н. М и з к о, «Русск. Ст.», 1879 г., январь.

Мериме, Просперъ (1803—1870). — Первый изъ французскихъ писателей, начавшій знакомить Францію съ русской литературой; переводчикъ Пушкина и Гоголя, близкій человѣкъ къ Тургеневу. Его «Guzla» («Гусли»), поддѣлка подъ мотивъ славянскихъ пѣсень, очаровали Пушкина и Мицкевича, принявшихъ пѣсни М. за подлинныя народныя пѣсни. См. пред. къ «Пѣсн. Зап. Славянъ», гдѣ М. называется «острымъ и оригинальнымъ писателемъ». См. письмо М. Соболевскому, «Пушкинъ», вып. III, 481.

Мещерскій. См. оду Державина на смерть М—скаго. («Родосл.», 9 и 10).

Миклашевичъ, Варвара Семеновна, урожденная Смагина (1769 — 1846). — Авторъ романа «Село Михайловскаго», который въ рукописи, по словамъ Пушкина («Современ.», 1836 г.), произвелъ въ обществѣ «большое впечатлѣніе». Родственница, другъ семьи Жандровъ и пріятельница Грибоѣдова и А. Одоевскаго. О ней, см.: Е. Б о б р о в ъ, «Сборн. Юр. Унив.», XIII. Юрьевъ, 1908.

Миллотъ, Клодъ-Франсуа (1726—1785). — Историкъ. Его всеобщая исторія была переведена въ 1820 г. на русскій языкъ и вышла почти одновременно въ двухъ изданіяхъ (Спб. и М.). Уп. въ 1-омъ «Посл. къ цензору».

Милоновъ, Михаилъ Васильевичъ (1792—1821). — Поэтъ и переводчикъ. Его сатира на Аракчеева «Къ Рубелію» («Брату», 1821); («Вяз.», 1825); также см. «Анекдоты».

Милорадовичъ, Михаилъ Андреевичъ (1771—1825). — Боевой генералъ, позднѣе петербургскій генералъ-губернаторъ.

Милльвуа, Шарль (1782—1816). — Франц. поэтъ. «Хорошъ только въ вещахъ элегическихъ» («Черновикъ письма Вяз.», 1822).

Мильтонъ, Джонъ (1608—1674). — Писатель, поэтъ и госуд. дѣятель Англій. Авторъ поэмы «Потерянный Рай» (русск. переводъ А. Шувальской. Изд. Маркса). Пушкинъ имѣлъ въ виду мильтоновскую поэму, когда въ «Бовѣ» говорить: «За Мильтономъ и Камозномъ опасался я безъ крыль парить, въ серафимовъ жарить пушками, съ сатаною обитать въ раю» (См. ст. «О Мильтонѣ»).

Мининъ († 1616). «Онъ въ Нижній хочетъ, въ отчизну Минина!» («Евг. Он.», Пут.). См. «Отрывки изъ ром. въ письм.».

Минерва — богиня мудрости.

Минерва-росская — Екатерина. «Восп. въ Ц. Селѣ» (1815).

Минихъ, графъ Бурхардъ-Христофоръ (1683—1767). — Фельдмаршалъ. При М. «въ молодости своей служилъ» «Андрей Петровичъ Гриневъ» («Кал. дочка»).

Михайловское, село — Псковской губерніи, Опочецк. у. Пожаловано Абраму Петровичу Ганибалу въ 1742 г. Императрицей Елисаветой. Послѣ его смерти перешло къ дѣду поэта Осипу Абрамовичу, а затѣмъ къ его единственной дочери отъ «перваго законнаго брака». Пушкинъ послѣ выхода изъ лица пребылъ въ Михайловскомъ іюль и августъ 1817 года. Въ 1819 г. во время лѣтнихъ мѣсяцевъ здѣсь писалась пятая пѣсня «Руслана». Сюда же въ 1824 г. опальнымъ изгнанникомъ явился поэтъ и провелъ въ Михайловскомъ «два года незамѣтныхъ» (1824—1826); послѣ поѣздки въ Москву, Пушкинъ вновь вернулся на нѣсколько дней въ М. Лѣтомъ 1830 г. поэтъ два дня провелъ среди михайловскихъ рощъ; въ апрѣлѣ 1836 г. поэтъ пріѣзжалъ въ М. на похороны матери. Въ 1899 г. М—ое приобрѣтено въ казну, «съ предоставленіемъ псковскому дворянству устроить въ усадьбѣ поэта какое-либо благотворительное учрежденіе, связанное съ именемъ А. С. Пушкина». Въ 1909 г. открыта въ М—омъ колонія для престарѣлыхъ и больныхъ литераторовъ.

Мицневичъ, Адамъ (1798—1855). — Первый томъ стиховъ М. вышелъ въ 1822 г., второй — въ слѣдующемъ году («Ода къ юности», «Дзяды», 2 и 4 ч., «Гражина»). Высланный изъ Вильны во внутреннія губерніи Россіи, М. отправился изъ Петербурга въ Одессу (1825), посѣтилъ Крымъ («Сонеты»), и въ концѣ того же года пріѣхалъ въ Москву гдѣ встрѣтился съ Пушкинымъ. — *Tu Shakespeare eris, si fata sinant*, привѣтствовалъ М. Пушкина, послѣ окончанія чтенія р. поэтомъ «Бориса Год.» (въ домѣ Веневитинова). Въ Петербургѣ связь между польскимъ и русскимъ поэтами еще болѣе укрѣпилась. Въ 1829 г. Пушкинъ спѣшно выѣхалъ въ дѣйствующую армію (Арзрумъ). М. навсегда покинулъ Россію, но и у Пушкина и у М. сохранились поэтическія воспоминанія объ этой дружбѣ. «Мирный, благосклонный, онъ вдохновенъ былъ свыше и съ высоты взиралъ на жизнь», писалъ Пушкинъ («Онъ между нами жилъ...»). «Народа русскаго избранникъ, прославленный на Сѣверѣ пѣвецъ», писалъ Мицневичъ о П. («Дѣды», III). Объ этой поэмѣ, или правильнѣе о части ея — «Петербургъ» — Пушкинъ дѣлаетъ замѣчанія въ «Мѣдн. Всадн.». У Мицкевича, несмотря на его близкое знакомство съ русской литературой и языкомъ, нѣтъ переводовъ изъ Пушкина. Наоборотъ, русскій поэтъ, не зная польскаго языка, съ помощью построчнаго перевода, далъ поэтическое воспроизведеніе вступленія къ «К. Валленроду», близкіе переводы балладъ «Воевода» («Czaty»), «Будрысь и его сыновья» («Tzzech Budryśdów»). О М. въ «Сонетѣ (1830)»; «Тамъ въ Крыму, пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный и посреди скалъ свою Литву воспоминалъ» («Евг. Он.», «Пут.»). Послѣ событій 1831 г., пути поэтовъ рѣзко разошлись, но и въ 1834 г., говоря о «зломномъ поэтѣ», Пушкинъ проситъ: «О, Боже! возврати твой міръ въ его озлобленную душу!» Смерть Пушкина вызвала со стороны М. глубоко-прочувствованную статью о русскомъ поэтѣ. «Ни одной странѣ», писалъ М., «не дано, чтобы въ ней дважды появлялся челоуѣкъ такой высокой геніальности, съ дарованіями до такой степени разнообразными, что, казалось, одно должно было бы исключить другое». (Перев. ст. Миц., см. въ журналѣ «Жизнь», 1899 г., май. Объ отношеніяхъ М. къ Пушкину, тамъ же замѣтка М. А. Славинскаго. Подробнѣе: проф. І. Третьякъ, «Studia i Szkice», Варш., 1906. Обстоятельная рецензія этой книги С. Браиловскаго въ Сб. «Пушкинъ», В., VII, стр., 79—109).

Мнемозина — мать музъ («Риѳма»—830).

«Мнемозина» — альманахъ, изданный въ четырехъ книгахъ въ 1824 г. (СПБ.) кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и В. К. Кюхельбекеромъ. Цѣлью М. было «распространеніе новыхъ мыслей, блеснувшихъ въ Германіи, съ тѣмъ, чтобы обратить вниманіе русскихъ читателей на предметы, въ Россіи малоизвѣстные». Несмотря

на участіе лучшихъ литературныхъ силъ, «Мнемозина» едва имѣла 157 подписчиковъ.

Мнишекъ, Марина (Маріанна) Юрьевна († 1614). — Жена Лжедмитрія, дочь сендомірскаго воеводы; вторымъ бракомъ обвѣнчалась съ «тушинскимъ воромъ».

Мнишекъ, Юрій († 1612). — Сендомірскій воевода, отецъ Марины.

Моина. См. Оссіантъ. Уп.: «Кинжалъ» (1821). Озеровъ воспользовался пѣснями Оссіана для своей трагедіи «Фингалъ», въ которой главную роль М. исполняла Семенова («Евг. Он.», I, 17).

Мойеръ, Иванъ Филипповичъ, профессоръ-хирургъ въ Дерптѣ, женатый на М. А. Протасовой, родственницѣ вѣжно-любимой Жуковскимъ. См. «Письма Пушкина» (1825).

Молдавія или Молдавское княжество, пограничное съ Бессарабіей. «Въ глуши Молдавіи печальной», «смиранные шатры племенъ бродящихъ посѣщала» муза Пушкина («Евг. Он.», VIII, 5). «Въ Молдавіи, въ глуши степей» «кончилъ свой вѣкъ» Назонъ (I, 8).

Молчановъ, Петръ Степановичъ (1772—1831). — Сотрудникъ журналовъ конца XVIII вѣка; статсъ-секретарь. По поводу смерти М., «нашего добраго и умнаго слѣпца», Пушкинъ писалъ Плетневу 16 и 21 іюля, 1831 г.

Мольеръ, псевдонимъ Жана Батиста Поклена (1622—1673); «Исполинъ» («Городокъ»).

Момъ — греческій богъ насмѣшки и порицанія. См. «Городокъ». «Жертва Мому» — названіе лицейскаго журнала 1814 г.

Моса и Минервы сынъ — «фернейскій злой крикунъ» — Вольтеръ.

Монтень, Мишель (1533—1592). — Франц. писатель, авторъ знаменитыхъ «Опытовъ». «Essays de M. M.», «четыре синихъ книги», Пушкинъ просилъ жену прислать ему въ Михайловское (1835).

Морали. «Сынъ египетской земли, корсаръ въ отставкѣ, Морали» («Евг. Он.», «Пут.»).

Мордвиновъ, графъ Николай Семеновичъ (1754—1845). — Адмиралъ, извѣстный госуд. дѣятель. М., по словамъ Пушкина, «новый Долгорукой», заключалъ въ себѣ одномъ всю русскую оппозицію». Пьеса къ нему (1825 г.). О немъ въ «Русск. Пелагъ», прогр. II. См. также: проф. Иконниковъ, «Графъ Н. В. М—ъ», СПб., 1873.

Море. «Погасло дневное свѣтило» (1820); «Земля мнѣ кажется вѣрнѣй» (Изъ «Мосха», 1821); «Къ морю», «Прощай свободная стихія» (1824); «Я помню море предъ грозою» («Он.», I, 32). Муза поэта «во мглѣ ночной водила его слушать шумъ морской, немолчный шепотъ Нереиды, глубокой вѣчный хоръ валовъ, хвалебный гимнъ отцу міровъ» («Он.», VIII, 4). ...«Все молчитъ, лишь море Черное шумить» («Он.»—«Пут.»); «Ненастный день потухъ (1823).

Моро-де-Бразе. — Французскій дворянинъ; служилъ въ войскахъ Петра I во время похода въ Молдавію. Его «Записки бригадира» о походѣ 1711 г., переведены Пушкинымъ (1836). Подлинникъ появился въ печати въ 1735 г. См. предисловіе П.

Морфей. Богъ сповидѣній. «Къ Дельвигу», «Моему Аристарху» (1815); «Сонъ» («безцѣнный даръ» М—«Сонъ»—1816); «Благодатный М.» (изъ «Анакреона» — 1835); «Евг. Он.», VIII, 28.

Москва. Въ М. на Нѣмецкой улицѣ, въ домѣ Скворцова, 26 мая 1799 г., родился А. С. Пушкинъ. Въ М. и подмосковной, селѣ Захаровѣ, прошли дѣтскіе годы поэта (1811). Черезъ 15 лѣтъ Пушкинъ былъ привезенъ фельдъ-егеремъ въ М. изъ Михайловскаго уединенія на коронаціонныя торжества (1826); въ М. онъ прожилъ до 1829 г. (не считая короткой отлучки въ Михайловское). Послѣ путешествія на Кавказъ Пушкинъ вновь вернулся въ М. Здѣсь онъ встрѣтилъ «красавицу» Н. Н. Гончарову и провелъ большую часть 1830 и 1831 г.г. Въ Вознесенской церкви, что на Царицынской улицѣ, Пушкинъ былъ обвѣнчанъ съ Гон-

чаровой (1831). Послѣ женитьбы поэтъ ежегодно бывалъ по дѣламъ въ М., въ которой открытъ первый «всероссійскій» памятникъ Пушкину (1880).

Поэтъ воспѣлъ «края Москвы, края родные, гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ часы безпечности я тратилъ золотые, не зная горестей и бѣдъ». «Мать градовъ Россіи» («Восп. въ Ц. Селѣ»); «Мирная Москва», «премилая старушка» (Н. В. Всеволожскому, 1819). «Пышная Москва» («Въ альбомѣ», 1832). Въ «Евг. Он.» отведено много мѣста Москвѣ — «ярмаркѣ невѣствъ» (VII, 25). Ея описаніе: VII, 3, 6, 8. «Красавиць много на Москвѣ» (VII, 52). «Младья граціи Москвы» (VII, 46). «Москва Онѣгина встрѣчаетъ своей спесивой суетой, своими дѣвами прельщаетъ, стерляжьей потчуетъ ухой. Въ палатѣ англійскаго клоба (народныхъ засѣданій проба), безмолвно въ думу погруженъ, о кашахъ пренне слышитъ онъ. Замѣченъ онъ. Объ немъ толкуетъ разнорѣчивая молва. Имъ занимается Москва, его шпиономъ именуетъ, слагаетъ въ честь его стихи и производитъ въ женихи» («Путеш.»). «Москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ» (VII, 25). «Москва, какъ много въ этомъ звукѣ для сердца русскаго слилось, какъ много въ немъ отозвалось!» (VII, 36). «Надменная Москва» (IV, 17). Уп.: VII, 26. О старой М. въ «Бор. Год.». Въ письмахъ: «пакостная М., которую ненавижу». «Не люблю я твоей М.» (Женѣ, 1831); «Necropolis» («Плетн.», 1831). «Губернскій городъ, получающій журналы модъ» («Нащ.», 1831). «...Скучна М., пуста М., бѣдна М. Даже извозчиковъ мало на ея скучныхъ улицахъ. На Тверскомъ бульварѣ попадаютъ двѣ-три салонницы, да какой-нибудь студентъ въ очкахъ и фуражкѣ, да князь Шаликовъ (Женѣ, 1833). «Уничтоженныя Растопчинимъ французскія вивѣски» «появились опять на Кузнецкомъ мосту» (Ibidem). «Не люблю все, что пахнетъ московскою барышнею, все, что не *comme il faut*, все, что *vulgar*. (Женѣ, 1834). «Калуга немного гаже М., которая гораздо гаже Петербурга» (Женѣ, 1834).

Любопытно сопоставить Москву тридцатыхъ годовъ («Мысли на дорогѣ»), съ «Допожарной Москвой», кн. Вяземскаго соч., т. VII и съ «грибоѣдовской Москвой» (см. Словарь Литер. типовъ, вып. VI, стр. 107).

«Куда дѣвалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда дѣвались балы, пиры, чудачки и проказники? — Все исчезло! Остались однѣ невѣсты, къ которымъ нельзя по крайней мѣрѣ примѣнить грубую пословицу: *vieilles comme les gues*. Московскія улицы, благодаря 1812 году, моложе московскихъ красавиць, все еще цвѣтущихъ розами! Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома стоятъ печально между широкимъ дворомъ, заросшимъ травою, и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызолоченнымъ гербомъ торчитъ вивѣска портного, который платитъ хозяину тридцать рублей въ мѣсяцъ за квартиру; великолѣпный бель-этажъ нанятъ мадамой для пансіона — и то слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибито объявленіе, что домъ продается и отдается въ наймы и никто его не покупаетъ, и никто его не нанимаетъ. Улицы мертвы; рѣдко по мостовой раздается стукъ кареты; барышни бѣгутъ къ окошкамъ, когда ѣдетъ одинъ изъ полицмейстеровъ со своими казаками. Подмосковныя деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремитъ въ рощахъ Свирлова и Останкина; плошки и цвѣтные фонари не освѣщаютъ англійскихъ дорожекъ, нынѣ заросшихъ травою, а бывало уставленныхъ миртовыми и померанцовыми деревьями. Пыльные кулисы домашняго театра тлѣютъ въ залѣ, оставленной послѣ послѣдняго представленія французской комедіи. Барскій домъ дряхлѣетъ. Во флигелѣ живетъ нѣмецъ-управитель и хлопочетъ о проволочномъ заводѣ. Обѣды даются уже не хлѣбосолами стариннаго покроя въ день хозяйскихъ именинъ, или въ уголы веселыхъ обжоръ, въ честь вельможи, удалившагося отъ двора, но обществомъ игроковъ, задумавшихъ обратить навѣрное юношу, вышедшаго изъ-подъ опеки, или саратовскаго откупщика. Московскіе балы... Увы! Посмотрите на эти домашнія прически, на эти бѣлые башмачки, искусно забѣленные мѣломъ... Калгалеры набраны кое-гдѣ — и что за кавалеры! «Горе отъ ума» есть картина обветшавшая, печальный анахронизмъ. Вы въ Москвѣ уже не найдете ни Фамусова, ко-

торый «всякому, ты знаешь, радъ»: и князю Петру Ильичу, и французу изъ Бордо, и Загорѣцкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая «балы даетъ нельзя богаче, отъ Рождества и до поста, а лѣтомъ праздники на дачѣ». Хлѣстова въ могилѣ; Репетиловъ въ деревнѣ. Бѣдная Москва!..» («Мысли на дорогѣ», I).

«Упадокъ Москвы, есть неминуемое слѣдствіе возвышенія Петербурга» (Ibid.). Ср. «Петербургъ и Москва» Бѣлинскаго. Сочиненія, т. XII.

Московскіе прощальги. («Прощальги м—е»), для нихъ Пушкинъ просилъ Плетнева выслать экземпляровъ 20 «Бор. Год.» (1831).

«**Московскій Вѣстникъ**», историко-литературный журналъ, издававшійся въ Москвѣ 1827—1830 г. Редакторы: М. П. Погодинъ и С. П. Шевыревъ. Пушкинъ принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи программы журнала. Первый номеръ открылся отрывкомъ изъ «Бориса Год.». Въ 1830 г. С. Т. Аксаковъ помѣстилъ въ «М. В.» «Письмо къ издателю о значеніи поэзіи Пушкина».

«**Московскій Наблюдатель**» (1835—1840). — Журналъ; выходилъ два раза въ мѣсяцъ. Во главѣ его стоялъ Шевыревъ. Въ 1838 г. журналъ перешелъ къ кружку Бѣлинскаго.

«**Московскій Телеграфъ**» издавался въ Москвѣ (1825—1834) Н. А. Полевымъ. Журналъ выходилъ дважды въ мѣсяцъ и долженъ былъ служить зеркаломъ, въ которомъ отражается весь міръ нравственный, политическій и физическій. За отзывъ о пьесѣ Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла» закрытъ въ 1834 г. Это было, «конечно, лишь предлогъ для запрещенія», т. к., по совѣту Блудова, нѣкій Бруновъ давно уже велъ выписки изъ журнала, который «проповѣдывалъ якобинизмъ». Жуковскій «былъ радъ», что «Телеграфъ» запрещенъ, и жалѣлъ, что «его запретили». М. Дмитриевъ сочинилъ даже «шуточную» поэму на закрытіе журнала и арестъ его издателя. Пушкинъ не любилъ «М. Т.», хотя въ началѣ состоялъ его сотрудникомъ (см. «Полевой»). Въ «Отрывкахъ изъ Дневника» 1834 г. онъ писалъ: «Телеграфъ» достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большею наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска». («Отр. изъ Дн.», 1834 г.).

Московскій университетъ. Основанъ въ 1755 г. Въ сентябрѣ 1832 г. Пушкинъ, по приглашенію Уварова, посѣтилъ М. У. См. «Письма къ женѣ» (конецъ сент. 1832 г.). Объ этомъ посѣщеніи у Гончарова, соч., т. X. Ср. Слов. Лит. Типовъ, VI, 101—102.

Мосхъ. Греческій идилликъ изъ Сиракузъ, жившій во 2-мъ в. до Р. Х. Переработка его пьесы, см. «Земля и море», 1821 г.

Моцартъ, Іоганнъ-Вольфгангъ-Амедей (1756—1791). — См. «Моц. и Сальери». Уп. о немъ: «Къ сестрѣ» (1814).

Муза, см. «Приложеніе 3-е».

Муравьева, Александра Григорьевна, урожденная гр. Чернышева, жена Никиты Михайловича М. Черезъ нее въ 1827 г. Пушкинъ отправилъ свое «Посланіе въ Сибирь» (см. отвѣтъ на него А. Одоевского) и привѣтъ Пушину («Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный»...).

Муравьевъ, Андрей Николаевичъ (1806—1874). — Авторъ «Пут. по святымъ мѣстамъ»; оставилъ воспоминанія о Пушкинѣ (см. его книгу: «Знакомство съ русскими поэтами», Кіевъ, 1871). Воспоминанія М. «Русск. Обозр.», 1895, 12. См. о немъ «Замѣтку Пушкина», 1832 г. Онъ же — «Митрофанъ Бельведерскій» — въ эпиграммѣ.

Муравьевъ, Никита Михайловичъ (1796 — 1844). — Декабристъ, глава «Сѣвернаго Общества». О немъ: «Русск. Пеламъ», прогр. II («Общество умныхъ»).

Муравьевъ-Апостоль, Сергѣй Ивановичъ (1796—1826). — Декабристъ, глава «Южнаго Общества».

Мурлыкинъ, см. Погорѣльскій, А.

Муръ, Томась (1780—1852). — Англійскій поэтъ, авторъ «Лалла Рукъ» (см.). Что Жуковскому «понравилось въ этомъ М., чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію?» Кн. Вяз., 1823. «Вся «Лалла Рукъ» не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди», (Ibid.). Переводъ изъ М. «Эхо» (1831); «Уродливыя повѣсти М.» («Гнѣд.», 1823).

Мусоргскій, Модестъ Петровичъ (1839—1881). — Композиторъ, авторъ «Б. Годунова» (1871). О произведеніяхъ Пушкина, положенныхъ на музыку М., см. въ Сборникѣ «Памяти Пушкина» статью проф. С. Булича.

Мухановъ, Петръ Александровичъ (1798—1854). — Адъютантъ генерала Раевского, пріятель Рылѣва. Съ Пушкинымъ познакомился въ Одессѣ; хотя и не принималъ близкаго участія въ заговорѣ декабристовъ, но былъ сосланъ на каторгу въ Читу. См. «Записки» Якушкина, Розена и «Воспоминанія Н. А. Бѣлоголоваго», М., 1898.

Мэстръ, Жозефъ (1754—1821). — Французскій писатель, съ 1802—1817 г., посланникъ Сардинскаго короля въ С.-Петербургѣ. Имѣлъ большое вліяніе на Разумовскаго. Убѣжденный реакціонеръ.

Мюссе, Альфредъ-де (1810—1851). — М. со своей книжечкой пѣсенъ, по словамъ Пушкина, «произвелъ недоумѣніе». (См.: «О приличіи въ литературѣ»).

Мясоѣдовъ. Товарищъ Пушкина по лицію. По лицейскому прозвищу Мясожоровъ. Служилъ предметомъ эпиграммъ и карикатуръ товарищей въ лицейскихъ журналахъ.

Мятлевъ, Иванъ Петровичъ (1796—1844). — Авторъ «Сенсацій m-me Курдюковой». Камергеръ. Соч. М., СПб., 1857, Кіевъ, 1893 и М. 1894.

Надеждинъ, Николай Ивановичъ (1804—1856). — Критикъ «Вѣстн. Евр.», позднѣе издат. «Телескопа» и «Молвы», профессоръ Моск. унив. См. эпиграммы на него 1829 г., О немъ Ѳ. Косичкинъ: «Торжество дружбы...» и «Нѣскольکو словъ о мизинцѣ г. Булгарина» (1831). Біогр. Н. и избр. сочиненія, см. Б ѣ л и н с к і й. «Собр. сочин.», ред. Венгерова, т. I, «Приложенія».

Наполеонъ I (1769—1821). — Взглядъ юноши-Пушкина на Н. былъ тождественъ со взглядомъ большинства русскаго общества¹). Въ «Восп. въ Ц. Селѣ» (1815), поэтъ называлъ «коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя» — «бичомъ вселенной», презрѣвимъ «правды гласъ и вѣру и законъ»; мечтателемъ, желавшимъ, въ обуявшей его «гордынѣ», «мечомъ низринуть троны»; «исчезнувшимъ какъ утромъ сонъ». Въ пьесѣ того же года («Н. на Эльбѣ») «Императоръ Эльбы» называется «губителемъ», желавшимъ «сокрушить Европы дивный щитъ» и возсѣсть царемъ «на гробахъ». Въ «Одѣ» (т. г.), «звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ», и «съ трона гордый палъ, и вновь возсталъ ...и нѣтъ». Въ обѣихъ пьесахъ Н. противопоставляется Александру I. Въ «Бовѣ» (1817), Н. «міръ крещенный потопилъ въ крови, не щадилъ и некрещенныхъ». Въ одѣ «Вольность» Н. «самовластительный злодѣй», «ужасъ неба, срамъ природы», «упрекъ Богу на землѣ».

Извѣстіе о смерти Н—а Пушкинъ занесъ въ свой дневникъ. Въ пьесѣ «Наполеонъ» онъ уже называется «великимъ человѣкомъ», для котораго «потомство настаеъ». «Да будетъ омраченъ позоромъ тотъ малодушный, кто въ сей день безумнымъ возмутитъ укоромъ твою развѣнчанную тѣнь. Хвала! Ты русскому народу высокій жребій указалъ, и міру вѣчную свободу изъ мрака ссылки завѣщалъ». Эту строфу 1821 г. Пушкинъ назвалъ въ 1823 г. своимъ «последнимъ либеральнымъ бредомъ» («Тург.», 1823). Могила Н. осталась для Пушкина гробницей «славы» («Къ морю», 1824). Въ пьесѣ «Герой» (1830), на вопросъ друга: «кто всѣхъ болѣе властвуетъ душой?» — поэтъ отвѣчаетъ: «все онъ,

¹) Каково было отношеніе къ Н. даетъ понятія слѣдующая выписка изъ сочиненія Муравьева «Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія». Н. говоритъ авторъ, началъ свое поприще въ свѣтѣ и продолжалъ, и кончилъ оное революціоннымъ цырюльничкомъ и пушкаремъ; ни ума, ни доброты, ни чести никогда въ немъ не было болѣе того, что могло принадлежать этому званію». *Ред.*

все онъ пришлецъ сей бранный, предъ кѣмъ смирялся цари, сей ратникъ волпостью вѣщанный...» (Въ одѣ «Вольность»: «самовластительный злодѣй», въ «Отрывкѣ» — «мятежной вольницы наслѣдникъ»). Н. является поэту «не у счастья на лонѣ», но играющимъ «жизнію своей» «предъ сумрачнымъ недугомъ» и одобряющимъ больныхъ чумой. Клянусь, кто жизнию своей игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ, чтобъ ободрить угасшій взоръ, клянусь, тотъ будетъ небу другомъ, каковъ бы ни былъ приговоръ земли слѣпой». Уп.: «Клев. Россіи» (1831); 19 окт. 1831 и 1836 г. Въ «Онѣгинѣ»: «Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны» (II, 14). «Напрасно ждалъ Наполеонъ, послѣднимъ счастьемъ упоенный, Москвы колѣнопреклоненной, съ ключами стараго Кремля»... «Она готовила пожаръ пертерпѣливому герою! Отселѣ, въ думу погруженный, глядѣлъ на грозный пламень оупъ» (VII, 37). Въ кабинетѣ Евгенія стоялъ «столбикъ съ куклою чугунной подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ, съ руками сжатыми крестомъ» (VII, 19).

Нарышкинъ, Александръ Львовичъ (1760—1826). — Оберъ-гофмаршалъ, директоръ Императорскихъ театровъ. Съ нимъ вмѣстѣ ѣздилъ за границу Кюхельбекеръ, которому Пушкинъ желалъ, въ канцеляріи Н. «духа смиренномудрія и терпѣнія» (Дельвигу, 1821). Его сынъ Левъ Александровичъ Н., жилъ въ Одессѣ и въ 1824 г. уѣзжалъ въ чужіе края («Вяземск.», 1824).

Наталья — крѣпостная артистка графа Толстого, предметъ перваго увлеченія Пушкина. «Миловидной жрицѣ Талы» пьесы Пушкина: «Натальѣ», «Къ молодой актрисѣ» (1815).

Нахимовъ, Акимъ Николаевичъ (1782—1814). — Поэтъ. Уп. въ «Письмѣ Бестужеву» (1824). О немъ: «Русск. Ст.», 1880, №№ 11 и 12.

Нащокина, Вѣра Александровна, урожденная Нарская; жена Павла В. († 1900). — Ея «Воспоминанія о Пушкинѣ и Гоголѣ», «Новое Время», 1898 г., №№ 8115, 8122 и 8129.

Нащокинъ, Воинъ Васильевичъ († 1809). — Отецъ Павла В., «одинъ изъ самыхъ странныхъ людей своего времени». О немъ см. Прим. къ 3-ей главѣ «Ист. Пуг. бунта».

Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ (1800—1854). — Одинъ изъ ближайшихъ и вѣрныхъ друзей Пушкина внѣ литературнаго круга, пріятель Гоголя. Воспитывался въ Лицейскомъ пансіонѣ, гдѣ учился Лев. С. Пушкинъ; недолго служилъ въ Измайловскомъ полку и затѣмъ переселился въ Москву и повелъ широкую жизнь. Пушкинъ высоко цѣнилъ Н., его умъ, отзывчивость и добрую душу. Во время своихъ пріѣздовъ въ Москву, онъ всегда останавливался въ нащокинскомъ домѣ, гдѣ у него была особая комната. Одна изъ затѣй Н. — модель его дома, сдѣланная за границей, обошлась ему около 40 т. р. Домикъ этотъ уцѣлѣлъ до сихъ поръ и послѣ реставраціи показывался на выставкахъ СПБ. и Москвы, 1910 г. По завѣщанію Н., этотъ домъ-игрушка долженъ былъ перейти къ женѣ Пушкина, но еще при жизни Н. проигралъ его въ карты. Разсказъ Нащокина послужилъ основой для «Домика въ Коломнѣ» (см. «Перечень»), имъ же была сообщена поэту исторія дворянина Островскаго, взятая Пушкинымъ для «Дубровскаго». Есть основанія для предположенія, что Пушкинъ въ Пельмовѣ думалъ зарисовать нѣкоторыя черты Н. Поэтъ убѣдилъ своего пріятели взяться за составленіе «Записокъ», но дальше наброска, сдѣланнаго Пушк., дѣло не пошло. О жизни Н., см. «Письма Пушкина женѣ», 1831 г. Тотъ же Н. послужилъ Гоголю для изображенія Хлобуева (А. Н. Веселовскій, «Этюды и характеристики», стр. 665, изд. 1907 г.). О Нащокинѣ см. воспоминанія Н. И. Куликова: «А. С. Пушкинъ и П. В. Н.—ъ», «Р. Ст.», 1880, 12 и 1881 г., 8., а также обстоятельную характеристику, данную М. О. Гершензономъ. Соч. Пушкина, ред. Венгерова, (т. 5, стр. 18—29). «Письма Н. къ Пушкину», «Р. Арх.», 1904 г., II.

Нева. «Отъ хладныхъ прелестей Невы», «В. В. Энгельгардту» (1819); Онѣгинъ «родился на берегахъ Невы» (I, 2); «Н. во время наводненія», «М. Вс.», I, II.

Невѣдомскій, Николай Васильевичъ († 1835). — Стихотворецъ. Къ нему пушкинская эпиграмма: Невѣдомскій поэтъ, не вѣдомый никѣмъ» (1828).

Невъждинъ, Никодимъ. — Прозвище данное П. — Надеждину («Лит. Общество», 1829).

Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ (1751—1828). — Поэтъ. «Анакреонъ и Шолье нашего времени», по отзыву Батюшкова. Пушкинъ ставилъ его выше Дмитріева («Вяз.», 1823 и 24 г.г.). Кромѣ посланій, пѣсенъ и переводовъ въ стихахъ, его перу принадлежитъ множество пьесъ. Въ 1816 г. Н. было поручено написать стихи по поводу пріѣзда принца Оранскаго (см. «Списокъ»), но престарѣлый поэтъ передалъ это порученіе Пушкину, и черезъ нѣсколько часовъ уѣхалъ изъ лицея со стихами. Пушкинъ получилъ за нихъ отъ государыни золотые часы съ цѣпочкою.

Немезида — богиня справедливаго гнѣва («Кинжалъ», «Наполеонъ» — 1821); «Н. народная» («Бор. Годовщ.», 1831).

Нереиды — дочери бога моря «Нерея». По греческой мифологіи ихъ было 100. У Пушкина: «Полубогиня» («Нереида» — 1820); «Шумъ морской, немолчный шопоть Нереиды» («Евг. Он.», VIII, 4).

Нессельроде, Карль Васильевичъ (1780—1862). — Ученикъ и ставленникъ Меттерниха. Мичманъ русской службы, съ рожденія до самой смерти не научившійся сносно говорить по-русски; поклонникъ идеи «священнаго союза» и ярый крѣпостникъ. Благодаря Н., бывшему наканунѣ войны съ Наполеономъ совѣтникомъ посольства во Франціи, были въ конецъ испорчены отношенія между Россіей и Франціей. Дружба съ Меттернихомъ и женитьба на дочери мин. финансовъ Гурьева, создала Н. особое положеніе. Онъ состоялъ безотлучно при Александрѣ I, былъ участникомъ вѣнскаго конгресса, управляющимъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ, подъ руководствомъ гр. Каподистрії, и съ 1822 г. по 1856 г. — самостоятельнымъ министромъ. За всѣ эти заслуги достигъ званія канцлера.

Нижній. «Отчизна Минаина» («Евг. Он.», Путеш.).

Николай Павловичъ, Императоръ Всероссійскій (1796—1855). — О немъ: «Стансы» (1826), «Друзьямъ» (1828). О первой встрѣчѣ съ нимъ въ Москвѣ, куда Пушкинъ былъ вытребованъ изъ Михайловскаго, см. письмо Осиповой (Сент., 1826 г.). Освободилъ поэта отъ цензуры и принялъ на себя роль цензора (См. Приложение: «Пушкинъ и цензура»). Къ нему была обращена послѣдняя просьба умирающаго Пушкина. См. «Списокъ»: Арендъ.

Николевъ, Николай Петровичъ (1758—1815). — Стихотворецъ. «Да не воскреснетъ отъ забвенья» («Желаніе», 1816). О немъ: С. Т. Аксаковъ, «Лит. Воспом.», «Русская поэзія», ред. С. А. Венгерова, т. I.

N. N. Подъ этими таинственными буквами Пушкинъ скрылъ въ «донжуанскомъ списокѣ» имя той, которая для поэта была «гордой дѣввы идеалъ», «одно сокровище, святыня, одна любовь души его». «Всѣ думы къ ней летятъ, объ ней въ изгнаніи тоскую» (Эпил. «Бахч. Фонт.»). Ей строфы въ Путеш. Онѣгина: «Прекрасны вы берега Тавриды» и Посвященіе («Полтава»). «Одна была — предъ ней одной дышалъ я чистымъ упоеньемъ, любви поэзіи святой...» «...Она одна бы разумѣла стихи неясные мои; одна бы въ сердцѣ пламенѣла лампадой чистою любви» («Разговоръ книгопр. съ поэтомъ»). Къ ней: «Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда» и письмо къ Бест., 1824 г., по поводу явленія въ печати этихъ стиховъ. «Призракъ милый роковой» («Не пой, красавица...»). Предположенія комментаторовъ, видѣвшихъ въ загадочной «N.N.», то М. Н. Раевскую, то М. А. Голицыну, лишены самого главнаго: фактическихъ основаній.

Ніобя. «Художнику» (1836 г.).

Новгородъ. «Среди равнины полудикой, онъ видитъ Новгородъ-Великій: смпились площади — среди нихъ мятежный колоколъ утихъ, но бродятъ тѣни великановъ: завоеватель Скандинавъ, законодатель Ярославъ съ четою грозныхъ Иоанновъ, и вокругъ поникнувшихъ церквей, кипитъ народъ минувшихъ дней» («Евг. Он.», «Путеш.»). «Тутъ Москва, тутъ Новгородъ» («Бор. Год.»).

Новиковъ, Николай Ивановичъ (1744—1818). — «Новиковъ, распростра-

пившій первый лучъ» (просвѣщенія), «перешелъ изъ рукъ Шешковскаго въ темницу» («Ист. Замѣч.»).

Нодье, Шарль (1780—1844). — Франц. писатель, авторъ романа «Жанъ Сбогаръ», см.

Норовъ, Авраамъ Сергѣевичъ (1795—1869). — Писатель—министръ народнаго просвѣщенія (1854—58). Н. принадлежали нѣкоторыя бумаги Пушкина.

Нотбекъ, Александръ Васильевичъ (1802—1866). — Художникъ. Его рисунки къ «Евг. Он.», «Невскій Альб.»; 1829.

Общество любителей словесности. Возникло въ 1811 г. при Моск. университетѣ съ цѣлью распространенія свѣдѣній о правилахъ и образцахъ здоровой словесности и доставленія публикѣ обработанныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, на русскомъ языкѣ, разсмотрѣнныхъ предварительно и прочитанныхъ въ собраніяхъ. «Тогда же начали выходить «Труды общества». Съ 1844—1858 г. дѣятельность общества прекратилась. Въ 1866 г. утвержденъ новый уставъ и общество продолжаетъ успѣшно дѣйствовать до сихъ поръ. Пушкинъ былъ избранъ членомъ Общества въ 1817 г. На засѣданіяхъ общества В. Л. Пушкинъ неоднократно читалъ пьесы лицеиста-племянника, печатавшіяся въ «Трудахъ общества».

Общество (вольное) любителей словесности (1801—1826). Предсѣдателемъ былъ А. Е. Измайловъ, членами всѣ видные писатели. Въ 1818 г. единогласно былъ избранъ членомъ Пушкинъ, но сколько-нибудь замѣтнаго участія въ О. не принималъ. П. былъ въ засѣданіяхъ всего лишь два раза, однако, его первыя произведенія читались здѣсь Дельвигомъ, Рылѣевымъ и Измайловымъ. Въ 1826 г. прекратилась дѣятельность Общ. См. И. Кубасовъ, «Русск. Стар.», т. 98, стр. 471—474.

Овидій Назонъ. Римскій поэтъ; сосланный Августомъ, жилъ въ г. Томи, въ устьѣ Дуная. Пушкинъ любилъ сравнивать свою участь съ участіемъ О. («Участіемъ я равенъ былъ тебѣ»). Пушкинъ считалъ О. «геніемъ, не ходящимъ столбовою дорогою подражанія». Тѣнь римскаго поэта «летитъ на сладкій зовъ питомцевъ музъ и Аполлона». Ему: «Къ Овидію», «Въ странѣ, гдѣ Юліемъ вѣнчанный» (1821). Уп.: «Къ Батюшкову» (1814); «Чаадаеву» (1821); «Цыганы» (разск. стар. цыгана). «Наука страсти нѣжной, которую воспѣлъ Назонъ, за что страдалъ кончилъ онъ свой вѣкъ блестящій и мятежный въ Молдавіи, въ глуши степей, вдали Италіи своей» («Онѣг.», I, 8).

Огарева, Елисавета Сергѣевна, урожденная Новосильцова (1786—1870). «Эпиграмма на О.» (1816); «Мадригалъ» (1817).

Одесса. Турецкая крѣпость Хаджи-бей; перешла къ Россіи по ясскому договору (1791) и получила наименованіе О. Съ 1805 г. О. стала центромъ южной Россіи, мѣстомъ пребыванія генераль-губернатора Новорос. края. Съ назначеніемъ г.-губ. кн. Воронцова, совпадаетъ блестящій періодъ развитія Одессы. (См. А. Кирпичниковъ, «Очерки по ист. новой р. лит.», СПб., 1896. — Весной 1821 г. Пушкинъ въ первый разъ посѣтилъ Одессу и провелъ тамъ около мѣсяца. Въ 1823 г. послѣдовалъ переѣздъ П. въ Одессу на службу къ Воронцову, продолжавшуюся полтора года. Въ концѣ іюля 1824 г., Пушкинъ былъ уже высланъ изъ Одессы и, «по маршруту не касающемуся до Кіева», ѣхалъ въ Михайловское. Въ «Онѣгинѣ»: «Одесса пыльная», «Одесса грязная», «Одесса влажная» («Пут.». О ней: Брату, 1823).

Одоевскій, Александръ Ивановичъ, князь (1802—1839). — Поэтъ, одинъ изъ участниковъ декабрьскихъ дней 1825 г. Его отвѣтъ на посланіе Пушкина въ Сибирь: «Струнъ вѣщихъ пламенные звуки до сердца нашего дошли, къ мечамъ рванулись руки, но лишь оковы обрѣли». Литература о немъ: Сл. Лит. Т., вып. 6, стр. 104.

Одоевскій, Владиміръ Федоровичъ, князь (1804—1869). Близкій товарищъ Кюхельбекера, вмѣстѣ съ которымъ О. издавалъ альманахъ «Мнемозину», дальній родственникъ Грибоѣдова, извѣстный писатель, философъ и общественный дѣятель. Вмѣстѣ съ О. и Гоголемъ, Пушкинъ задумывалъ издавать (1833) «трой-

чатку, или альманахъ въ три этажа». (Литературу объ О., см. Слов. Лит. Тип., вып. 6-ой, стр. 104).

Озеровъ, Владиславъ Александровичъ (1770—1816). — Драматургъ. Въ «Городкѣ» (1814) Пушкинъ числилъ О. въ числѣ своихъ любимыхъ авторовъ. Объ успѣхахъ О.: «Евг. Он.», I, 18. Въ статьѣ о «Драмѣ» (1830 г.) П. замѣчаетъ, что О. попытался дать намъ трагедію народную и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что поэты Франціи брали всѣ предметы для своихъ трагедій изъ греческой, римской и европейской исторіи, и что самыя народныя трагедіи Шекспировы заимствованы имъ изъ итальянскихъ новеллъ. Послѣ «Дм. Донского», послѣ «Пожарскаго», мы все не имѣли трагедіи». Еще опредѣленнѣе отзывъ Пушкина, сдѣланный имъ на поляхъ отдѣльнаго оттиска біографіи Озерова, написанной кн. Вяземскимъ. Озеровъ, по мнѣнію Пушкина, только писатель «посредственный». Онъ «сдѣлалъ шагъ въ слогъ, но искусство чуть-ли не отступило. Геркулесовскаго въ немъ нѣтъ ничего», онъ «въ Москвѣ считался знаменитымъ, затѣмъ, что былъ одинъ». «Озерова, писалъ П., я не люблю не отъ зависти (сего гнуснаго чувства, какъ говорятъ), но изъ любви къ искусству»... «Слава Озерова уже вянетъ, а лѣтъ черезъ десять¹⁾, при появленіи истинной критики, совсѣмъ исчезнетъ». (См. Сборникъ Л. Н. Майкова, «Пушкинъ», стр. 268—283). Сочиненія Озерова, со статьей кн. Вяземскаго, издавались въ 1817, 1824, 1827 и 1828 г.г. Болѣе полное изданіе, СПб., 1856 г. О немъ: А. Селинъ, «Значеніе Оз. въ ист. русск. лит.», К. 1870 г.

Оленина, Анна Алексѣевна (1808—1888). — Фрейлина. Пушкинъ увлекался О—ной; въ 1829 г. онъ сватался за нее, но получилъ отказъ («оленьи рога», по выраженію Ушаковой). Ей посвящены пьесы: «Городъ пышный, городъ бѣдный», «Ты и вы» (1828 г.); «Примѣты», «Въ альбомѣ», «Я васъ любилъ...» (1829); «Когда-бъ не смутное влеченье...» (1833). О ней же въ пьесахъ: «Ея глаза», «To dave esq.», «Рисуй О—ой черты!» (1828). Много позднѣе О. вышла замужъ за Андро-де-Ланжерона, бывшаго городскимъ головою города Варшавы.

Оленина, Елисавета Марковна, урожденная Полторацкая (1768—1838), жена Алексѣя Н. Оленина. О ней: Батюшковъ, сочин., ред. Л. Н. Майкова.

Оливье — хозяинъ дома на Мойкѣ, въ которомъ жилъ Пушкинъ въ 1834 г.

Оленинъ, Алексѣй Николаевичъ (1763—1843). — Участникъ «Бесѣды». Членъ Россійской Академіи и Академіи Художествъ, директоръ Публичной Библіотеки. Въ петербургскомъ домѣ О. и подгороднемъ имѣніи Пріютинѣ собиралось многочисленное общество; здѣсь сходились писатели изъ «Бесѣды» и «Арзамасы», художники, музыканты, друзья театра. Къ первому изданію «Руслана» О. составилъ виньетку. См. Сухомлиновъ, «Исторія рос. акад.», т. VII. О немъ: прим. Майкова и Сайтова въ изд. соч. Батюшкова, Я. Грота въ сочин. Державина и В. Каллаша въ соч. Крылова.

Олизаръ, графъ Густавъ Филипповичъ (1798—1864). — Кіевскій предводитель дворянства, близкій знакомый Раевскихъ и Давыдовыхъ. Сватался за М. Н. Раевскую, но получилъ отказъ. «Нерчинская изгнанница» (М. Н. Раевская-Волконская) явилась Беатриче О. Памятью о ней вдохновлены многія пьесы. Привлеченный по декабрьскому дѣлу, онъ недолго просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости; позднѣе онъ дѣлалъ предложеніе Еленѣ Н. Раевской, но также неудачно. Пушкинъ цѣнилъ О.; Мицкевичъ посвятилъ ему одинъ изъ своихъ крым-

¹⁾ Замѣтки Пушкина пабросаны между концомъ 1827 или началомъ 1828 г., а въ 1834 г. Бѣлинскій писалъ въ своихъ «Литературныхъ мечтаніяхъ»: «Озерова у насъ почитаютъ и преобразователемъ, и творцомъ русскаго театра. Разумѣется, онъ ни то, ни другое, ибо русскій театръ есть мечта разгоряченнаго воображенія нашихъ добрыхъ патріотовъ. Справедливо, что Озеровъ былъ у насъ первымъ драматическимъ писателемъ съ истиннымъ, хотя и не огромнымъ талантомъ; онъ не создалъ театра, а ввелъ къ намъ французскій театръ, т. е. первый заговорилъ истиннымъ языкомъ французской Мельпомены.» Теперь никто не станетъ отрицать поэтическаго таланта Озерова, но вмѣстѣ съ тѣмъ и едва ли кто станетъ читать его, а тѣмъ болѣе восхищаться имъ.

скихъ сонетовъ («Аюдагъ»). Самъ О. гордился «сочувствіемъ перваго русскаго поэта» и «дружбой» Мицкевича. О немъ: «Архивъ Раевскихъ», т. I и «Русское Обозр.», 1893 г., № 8 и 9. Къ нему пьеса: «Графу О...» (1824).

Олинъ, Валерьянъ Николаевичъ († 1839). — Писатель. «Горе-богатырь въ русской поэзи», по словамъ Кюхельбекера. «Черная мурашка» («Собр. насѣкомыхъ», 1828).

Ольдекопъ, Евстафій. — Цензоръ иностранныхъ книгъ и газетъ при Спб. почтамтѣ, позднѣе чиновникъ III-го Отдѣленія. Перевелъ на нѣмецкій языкъ «Кавк. Пльн.» и напечаталъ переводъ отд. изд., приложивъ къ нему русскій текстъ. Дѣло о самовольной перепечаткѣ О. закончилось ничѣмъ: Бенкендорфъ взялъ подъ защиту своего чиновника. «О плутнѣ» О. — Вяз., 1824. Отсюда выраженіе «ольдекопничать» (плутовать) (Соболевъ, 1827).

Омаръ-Ибнъ-Хаттабъ († 644). — Халифъ, ревностный помощникъ Магомета, завоеватель Персіи и Египта. Ему приписывалось сожженіе библиотеки въ Александріи. «Омара да Али, пріявъ за образецъ, святой отецъ (т. е. князь А. Голицынъ), усердно заглушить старался просвѣщенье» («2-ое Посл. къ Цензору»). А л и (Алій). Зять Магомета. Калифъ (602—661).

Омиръ, см. Гомеръ.

«**О подражаніи Христу**» — Пушкинъ называетъ автора этой книги «неизвѣстнымъ творцомъ». (См. «Объ обязанностяхъ человѣка», С. Пеллико, Современ., 1836 г.). Сочиненіе это приписывается Томъ Кемпійскому (1379—1471).

Оранскій, Вильгельмъ, принцъ (1792—1849). — Съ 1840 г. король Нидерландскій. Въ 1815—1816 г.г. былъ въ Россіи для бракосочетанія съ Вел. Кн. Анной Павловной. Къ нему стихи: «Принцу Оранскому». См. выше: Нелединскій-Мелецкій.

Орликъ, Филиппъ († 1728). — Генеральный писарь, сообщникъ Мазепы. Послѣ полтавскаго сраженія бѣжалъ въ Турцію. Шведы и бѣглецы-казаки признали его гетманомъ, но скоро О. пришлось снова искать убѣжища въ Турціи. («Полтава»).

Орлова, Енатерина Николаевна, урожденная Раевская († 1885). — Въ 1821 г. году вышла замужъ за генерала Михаила Федоровича Орлова. «Женщина необыкновенная» (Братъ, 1820).

Орлова-Чесменская, графиня Анна Алексѣевна (1785—1848), извѣстная по своимъ отношеніямъ къ архимандриту Фотію. Все огромное свое состояніе завѣщала монастырямъ.

Орловъ, Александръ Анфимовичъ. Написалъ романъ «Смерть Ивана Выжигина» въ то время, когда Булгаринъ, упоенный успѣхомъ своего «Ив. Выжигина», готовилъ продолженіе романа («Новый Выжигинъ»). Булгаринская «Сѣверная Пчела» ополчилась на О—а. Пушкинъ, подъ псевдонимомъ Теофилакта Косичкина, выступилъ на защиту О—а, поставя его «глупѣйшія книжонки» (выраженіе «С. Пчелы») выше умныхъ книгъ Булгарина и московскихъ писателей (къ которымъ принадлежалъ Орловъ), выше «выходцевъ» и «переметчиковъ» Булгаринныхъ, хвалящихъ себя въ газетахъ и журналахъ, ими самими издаваемыми и шарлатанящихъ «газетными объявленіями, писанными слогомъ собачьей комедіи». См. «Торжество дружбы» и «Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина».

Орловъ, князь Алексѣй Федоровичъ (1787—1862). — Генераль-адъютантъ; декабрьскія событія 1825 г. дали О. графскій титулъ; былъ посломъ въ Турціи, съ 1844 г. шефомъ жандармовъ; позднѣе предсѣдательствовалъ въ Госуд. Совѣтѣ и возведенъ въ княжеское достоинство. Къ нему: «О—ву» (1819). Онъ отговорилъ Пушкина отъ вступленія на военную службу.

Орловъ, Михаилъ Федоровичъ (1788—1842). — Въ двадцать восемь лѣтъ былъ уже генераль-маіоромъ и флигель-адъютантомъ, уполномоченнымъ при заключеніи капитуляціи Парижа. Членъ «Арзамаса» и «Союза Благоденствія». Въ Кіевѣ состоялъ пачальникомъ штаба 4-го корпуса, которымъ командовалъ Раевскій, позднѣе командовалъ дивизіей въ Кишиневѣ; тамъ произошло знакомство О.

съ Пушкинымъ. Въ 1821 г. женился на Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской; привлеченный по дѣлу декабристовъ, благодаря вліянію своего брата, былъ лишь удаленъ со службы. О немъ: «Женѣ» (1836). См. М. Гершензонъ, «Семья декабристовъ». «Былое», 1906 г., 10—11. «Остафьевскій Архивъ», т. I.

Орфей, сынъ Эагра и музы Калліоппы; мифическій поэтъ. Уп. «Евг. Он.»—Путеш.

Осень. Пушкинъ любилъ унылую пору, «очей очарованье»; наступленіе осени всегда отмѣчало необычайный подъемъ его творчества («И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь («Осень»—1830). «О. у воротъ: я заберусь въ деревню и пришлю вамъ оброкъ сполна» (Погод., 1828). «...Это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ, пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ»... (Шлетневу, также Дельвигу, 1830). «Я чую осень и собираюсь засѣсть» (Гоголю, 1831). «Такой бесплодной осени мнѣ не выдавалось. Для вдохновенія нужно сердечное спокойствіе», писалъ Пушкинъ» (Женѣ, 1835 г.).

Осипова, Александра Ивановна, по мужу Беклешова († 1864). — Ей: «Признаніе» (1824); «Письмо къ ней» (1835 г.).

Осипова, Прасковья Александровна (1781—1859), урожденная Вындомская, по первому мужу Вульфъ. Ея дѣти отъ перваго брака: Алексѣй, Анна и Евпраксія Вульфъ; отъ втораго брака дочери: Александра, Екатерина и Марія Ивановны Осиповы. Пушкинъ былъ въ большой дружбѣ съ О—ой и посылалъ ей литературныя новинки. Ей пьесы: «Подражанія Корану (1824); «Быть можетъ ужъ недолго мнѣ», «Послѣдніе цвѣты» (1825) и довольно многочисленныя письма. А. И. Тургеневъ, отъ имени друзей поэта, просилъ О. «описать подробно перомъ дружбы и исторіи, Михайловское и его окрестности, сохранить для Россіи воспоминаніе объ образѣ жизни поэта въ деревнѣ, о его прогулкахъ въ Тригорское, о его любимыхъ двухъ соснахъ, о мѣстоположеніи, словомъ, все то, что осталось въ душѣ» О. ...«неумирающаго отъ поэта и человѣка» («Пушкинъ», В., I, стр. 54). Несмотря на обѣщаніе, кромѣ изустныхъ разсказовъ, О. не оставила памяти о поэтѣ.

Осиповъ, Иванъ Сафоновичъ († 1824).—Мужъ Прасковьи Александровны.

Осиповъ, Николай Петровичъ (1751—1799). — Поэтъ. Пушкинъ ставилъ выше Вас. Майкова, чѣмъ «холоднаго, однообразнаго О.».

Островскій, см. «Перечень» — «Дубровскій».

Ословъ-Шишковъ, А. С. («Письмо къ В. Л. Пушкину» — 1816).

Оссіанъ, см. Ма к ф е р с о н ъ.

Остафьево — подмосковное имѣніе кн. Вяземскихъ. Въ О. написаны Карамзинымъ первые восемь томовъ его «Ист. Госуд. Росс.». Бумаги, хранившіяся въ О—мъ архивѣ, опубликованы въ четырехъ томахъ, вышедшихъ въ СПБ., подъ редакціей В. И. Саитова.

Отрепьевъ, Григорій (Юрій). — Лжедмитрій I. Царь московскій (1605 — 1606).

Павель Петровичъ (1759—1801). — «Романтическій нашъ Императоръ» («Дневн.», 1834). Пушкинъ еще ребенкомъ встрѣтился въ Юсуповомъ саду съ Государемъ. «Няня Пушкина не успѣла снять картуза съ дитяти, за что Императоръ ее разбранилъ и самъ снялъ съ него картузь. Поэтому Пушкинъ впослѣдствіи говаривалъ, что его сношенія съ Дворомъ начались при Императорѣ Павлѣ. Въ бумагахъ Пушкина осталось указаніе, что поэтъ задумывалъ написать драму «Павель I».

Павлицева, Ольга Сергѣевна (1797—1868). — Сестра поэта. Росла вмѣстѣ съ братомъ до поступленія его въ лицей; въ 1828 г. вышла замужъ за Ник. Ив. П—а и вскорѣ же переселилась въ Варшаву, гдѣ ее застало извѣстіе о смерти брата. Ея воспоминанія о дѣтскихъ дняхъ Пушкина были сообщены Анненкову въ видѣ записи, сдѣланной мужемъ О. С., но въ бумагахъ Ашпенкова не уцѣлѣли. Позднѣе, по ея разсказамъ, составлялъ свои «Воспоминанія» сынъ ея Левъ Ник.

Павлищевъ, который передаетъ, что его мать писала «Записки», но сожгла ихъ въ 1854 г. Стихи О. С. приведены въ «Запискахъ» ея сына.

Павлищевъ, Николай Ивановичъ (1802—1879). — Зять А. С., мужъ Ольги Сергѣевны Пушкиной. Учился въ лицейскомъ благородномъ пансіонѣ, недолго служилъ въ арміи. Въ Петербургѣ сблизился съ кружкомъ Пушкина и сталъ со-трудникомъ «Лит. Газеты».

Павловское — село П. Н. Вульфа, Старицк. у., Тверской губ.; лежало по дорогѣ въ Малинники. Пушкинъ провелъ въ немъ двѣ недѣли въ февралѣ 1827 г.

Павловъ, Михаилъ Григорьевичъ. — Докторъ медицины и профессоръ физики и сельскаго хозяйства Моск. унив., издатель «Атенея» (см.).

Павловъ, Николай Филипповичъ (1805—1864). — Авторъ извѣстныхъ повѣстей «Ятаганъ», «Именины», «Аукціонъ». Пушкинъ считалъ повѣсти П. «первыми замѣчательными русскими повѣстями, ради которыхъ можно забыть объ обѣдѣ и снѣ», но говорилъ, что «талантъ П. выше его произведеній».

Паеръ (Перъ), Фернандо (1771—1839). — Итальянскій композиторъ, управляя ит. оперой въ Парижѣ. (Съ мотивами П. вернулся изъ Парижа гр. Нулинъ).

Паллада. «Пѣвцы любви... передъ судилищемъ Паллады вамъ нѣтъ вѣнца, вамъ нѣтъ награды» («Евг. Он.», II, 9. Пропущ.; къ II, 9).

Палѣй, Семень. — Казацкій полковникъ. Мазепа арестовалъ его и отправилъ вмѣстѣ съ доносомъ къ Петру, который сослалъ П. въ Сибирь. Принималъ участіе въ Полтавской битвѣ въ рядахъ Петра («Полтава»).

«Памела» — романъ Ричардсона. Русскій переводъ: «П.; или вознагражденная добродѣтель», СПб., 1787 и 1796.

«Любовь Элизы и Армана, или переписка двухъ семей», — романъ классическій, старинный, отменно длинный, длинный, длинный, нравоучительный и чинный, безъ романтическихъ затѣй» («Гр. Нулинъ»).

Панаевъ, Владиміръ Ивановичъ (1792—1859). — Русскій Геснеръ». Сотоварищъ С. Аксакова по каз. гимн. Умеръ сенаторомъ. «Р. Геснеру» (1822). «Воспом.» II—а, «Вѣстн. Евр.», 1867, №№ 3 и 4. См. также «Восп. его племянника Ив. Ив. Панаева». Сочин., т. V и отдѣльно.

Панина, Софья Ѳедоровна, урожденная Пушкина (1806—1862). — Дальняя родственница поэта. Въ 1826 г. Пушкинъ неудачно сватался за С. Ѳ. черезъ Зубкова. «Пушкинъ и его совр.». Вып. IV. «Записки» Д. П. Зубкова. Б л а г о в о, Д. «Разск. бабушки», СПб., 1885.

«Парисъ» (Паридъ). — «Собранье стариковъ Пергама, ея (Елену) завидя, вновь рѣшить: правъ Менелай и правъ Паридъ» («Евг. Он.», V, 38). — «Пѣтушковъ... Парисъ окружныхъ городковъ» (V, 39).

Парнасъ. Гора въ древней Фокидѣ, обиталище музъ. Уп.: «Къ другу стихотворцу», «Городокъ» (1814); «Къ Дельвигу», «Моему Аристарху», «Письмо къ В. Л. Пушкину» (1816); «Къ Жуковскому», «А. И. Тургеневу» (1817); «Въ альбомъ» (1832); «Къ рыцарямъ парнасскихъ горъ обращеніе» («Р. и Л.», 2), «Поросъ крапивою Парнасъ» («Дом. въ Кол.», 14).

Парни, Эварнетъ-Дезирэ-Дефоржъ (1753—1814). — Подъ сильнымъ вліяніемъ «воспитаннаго амуромъ» Парни находился Пушкинъ въ первый періодъ своего творчества; поэтъ считалъ себя «небрежнымъ наслѣдникомъ» П., «Лафортъ, Шолье», Парни, «враги труда, заботъ, печали», «любезные пѣвцы, сыны безопасности лѣнливой» («Моему Арист.»), «Леда» (1814); «Фавнъ и Пастушка» (1815); «Къ Морфею», «Я видѣлъ смерть», «Любовь одна...» (1816); «Письмо Лидѣ», «Добрый совѣтъ» (1817). Уп.: «Къ живописцу», «Русл. и Людм.», I. Въ «Евг. Он.»: «Я знаю: нѣжнаго Парни перо не въ модѣ въ наши дни» (III, 29). Уп.: I, 5, пропущ. О немъ: П. О. М о р о з о в ъ. Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. I, стр. 380—392.

Парни російскій — Батюшковъ.

Паскевичъ, Иванъ Ѳедоровичъ (1782—1857), свѣтлѣйшій князь Варшавскій, графъ Эриванскій, генералъ-фельдмаршалъ, одинъ изъ судей въ дѣлѣ дека-

бристовъ. По окончаніи суда былъ назначенъ на Кавказъ для командованія войсками противъ персіянъ совмѣстно съ Ермоловымъ. О немъ: «Бород. Годовщина» (1831).

Пегасъ. «Къ другу-стихотворцу» (1814); «Городокъ» («пылкій П.»); «Моему Аристарху» (1815); «Сонъ», «Письмо В. Л. Пушкину» (1816); «...П» «старъ, зубъ ужъ нѣтъ» («Дом. въ Кол.», 14).

Пелинко, Сильвіо (1789—1854). — Итальянскій писатель, авторъ «Моихъ темницъ» (перев. В. Штейна, СПб., 1893) и «Обязанностей человѣка» (р. перев., СПб., 1892). Пушкинъ очень цѣнилъ «кроткаго страдальца» и его произведенія. («Замѣтки» и ст. изъ «Соврем.», 1836 г.).

Пеней, рѣка въ Эпирѣ. «Риема» (1830).

Перовскій, Алексѣй Алексѣевичъ (1787—1836). — Писатель (Антоній Погорѣльскій). Объ его повѣсти «Лафертовская маковница» уп. въ «Гробовщикѣ». Начало его повѣсти «Монастырка» печаталось въ «Лит. Газ.», къ кружку которой П. примкнулъ. Подъ надзоромъ П. выросъ его племянникъ и наслѣдникъ, поэтъ Алексѣй К. Толстой. О Перовск.: «Письмо Загоскину» (1831).

Перовскій, графъ Василій Алексѣевичъ (1795—1857). — Побочный сынъ А. К. Разумовскаго, другъ Жуковскаго. Участникъ Отеч. войны, покоритель Хивы и Коканда. Во время его управленія Оренбургскимъ краемъ, П. посѣтили Жуковскій и Пушкинъ (1833). Л. Н. Толстой, работая надъ «Декабристами», заинтересовался личностью П., котораго называлъ «самой крупной фигурой», выражавшей то время». О немъ: А. Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ». П. Юдинъ: «Русск. Ст.», 1896 г. №№ 5 и 6. И. Захарьинъ. «Дружба Жуковскаго съ П—имъ», «Вѣстн. Евр.», 1901, IV.

Пестель, Павелъ Ивановичъ (1793—1826). — Полковникъ; командиръ Вятскаго полка; глава «Южнаго Общества». По отзыву Пушкина, который видѣлся съ П. въ 1821 г., «умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon coeur est matérialiste, говоритъ онъ, mais ma raison s'y refuse. Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и пр. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю... («Дневн.»). Объ этомъ знакомствѣ напомнилъ въ 1833 г. Пушкину Суццо («Отрывки изъ Дневн.»). Арестованный въ Кіевѣ, наканунѣ 14 декабря 1825 г., П. былъ приговоренъ къ смертной казни. О немъ: Н. Павловъ-Сильванскій, «Былое», 1906 г., №№ 1—3.

Петербургъ. Пушкинъ пріѣхалъ въ П. для сдачи вступительнаго экзамена въ лицей (1811). Послѣ окончанія курса онъ прожилъ въ П. 1817—20 г.г. Высланный на югъ Россіи, онъ получилъ разрѣшеніе вернуться въ П. лишь въ 1827 г. Съ этого года поэтъ считалъ П. своимъ мѣстожителемъ. На Мойкѣ, въ домѣ княгини Волконской, была послѣдняя квартира П. Въ 1885 г. здѣсь открытъ памятникъ (жалкая статуэтка) великому поэту, который своимъ «Мѣднымъ Всадн.» вылилъ П. такой «мѣдный памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ» «Евг. Онѣг.», I, 35; V, 50 (петерб. балъ). Въ письмахъ: «Петербургъ душень для поэта» (Вяз., 1824). П. давилъ его всѣмъ укладомъ «зависимой жизни» (Женѣ, 1834). «Свинскій П.» (Ibid.). «Плюнуть на П., подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ!» (Ib.). — «Чопорный, унылый» («Отвѣтъ», 1830).

«Петриада». Татьяна взяла у «кочующаго купца» «двѣ Петриады» (V, 23). Одна изъ этихъ «Петриадъ», извѣстная поэма Ломоносова; вторая принадлежитъ А. Гр у з и н ц е в у («П.», героическая поэма въ 10 пѣсняхъ, СПб., 1812 г.).

Петровъ, Василій Петровичъ (1733—1799). — Стихотворецъ. Уп.: «Восп. въ Ц. Селѣ» (1815); «Н. С. Мордвинову» (1825).

Петръ Великій (1672—1725). — Императоръ Всероссійскій. Его характе-

ристика въ «Стансахъ» (1826): «Самодержавною рукой, онъ смѣло съялъ просвѣщеніе, не презиралъ страны родной: онъ зналъ ея предназначеніе.—То академикъ, то герой, то мореплаватель, то плотникъ, онъ всеобъемлющей душой на тронѣ вѣчный былъ работникъ». — «Сѣверный исполинъ» («Ист. Зам.»). — «Петръ I-й не страшился народной свободы, неминуемаго слѣдствія просвѣщенія, ибо довѣрялъ своему могуществу и презиралъ челоуѣчество, м. б. болѣе, чѣмъ Наполеонъ» («Ист. Зам.», 1822 г.). См. «Полтава», «Мѣдный Всадникъ», «Пиръ Петра В.», «Арапъ Петра В.». — Пушкинъ собиралъ матеріалы для его времени, думалъ серьезно заняться составленіемъ исторіи Петра В. и его наслѣдниковъ до Петра III и работалъ (1832—33 г.г.) въ архивѣ.

Пешель, Францъ Осиповичъ. — Лицейскій докторъ; «добрый челоуѣкъ», о которомъ отзываться могли дурно развѣ только его больные» (М. Корфъ). Служилъ мишенью для эпиграммъ лицейстовъ. См. «Заутра съ свѣчкою грошевой» (1816).

Пещуровъ, Алексѣй Никитичъ (1779—1849). — Опочецкій предводитель дворянства. «L'avocat patelin» (Осиповой, 1825). Подъ надзоромъ П. находился поэтъ въ Михайл. (П., «назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче, быть моимъ шпиономъ» Жук., 1824).

Пигмалионъ. «То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней (въ женщинѣ), передъ мольбой Пигмалиона еще холодной и нѣмой, но вскорѣ жаркой и живой» («Евг. Он.», IV, 2, пропущ.).

Пиладъ. Въ Крыму «съ Атридомъ спорилъ Пиладъ» («Евг. Он.», Пут.).

Пилецкій-Урбановичъ, Мартынъ Степановичъ. — Первый инспекторъ Ц. лицея, не любимый воспитанниками. Мистикъ и иллюминатъ. Впослѣдствіи служилъ «слѣдственнымъ приставомъ» въ Сиб. полиціи; за участіе «въ мистическиххъ изувѣрствахъ» былъ высланъ изъ столицы и сосланъ въ монастырь. См.: Бар. М. Корфъ, «Воспомин.».

Пименовъ, Николай Степановичъ (1812—1864). — Скульпторъ. На его статую «Мальчикъ, играющій въ бабки», пьеса — 1836 г.

Пиндемонте, Ипполито (1753 — 1828). — Итальянскій поэтъ. Съ именемъ П. Пушкинъ связалъ пьесу: «Не дорого цѣню я громкія права» (1836), хотя эта пьеса принадлежитъ къ числу оригинальныхъ пьесъ Пушкина.

Пиндъ — горный хребетъ, раздѣлявшій древнюю Фессалию отъ Эпира. «Къ другу стихотв.», «Къ молодой актрисѣ» (1814); «Галичу», «Моему Аристарху» (1815); «А. А. Шишкову» (1816); «Къ Жуковск.» (1817); «В. В. Энгельгардту» (1820).

Пиронъ, Алексисъ (1689—1773). — Французскій поэтъ, авторъ многихъ трагедій, комедій, эпиграммъ и эротическиххъ стиховъ.

«Пиронъ-Украины», см. Родзянко.

Писаревъ, Александръ Ивановичъ (1803—1828). — Драматургъ, журналистъ, другъ С. Т. Аксакова (см. Аксаковъ, С. Т., «Воспомин.», «Записки», Ксен. Полевого). «Для кого занимательно мнѣніе П. о самомъ себѣ?» (Вяз., июнь, 1824). См. «Списокъ» въ вып. V и VI.

Пиччини, Николай (1728—1800). — Итальянскій композиторъ. О немъ: «Къ сестрѣ» (1814). Въ «Моц. и Сальери», Сальери, по словамъ Пуччини, «плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ парижанъ».

Пивонъ, драконъ, охранявшій Дельфы, убитый Аполлономъ. «Посланіе В. Пушкину» (1818).

Піериды — музы; Піерія (у подошвы Олимпа) считалась ихъ родиной.

Платовъ, графъ Матвѣй Ивановичъ (1751—1818). — Атаманъ донского каз. войска, участникъ Отеч. войны. «За здравіе Платова» («Пир. Студ.») поэтъ предлагаетъ разбить «бутылки, рюмки».

Платонъ (430—348 до Р. Х.). — Греческій философъ. «Презрѣвъ Платоновы химеры» («Посл. Лидѣ»).

Плетневъ, Петръ Александровичъ (1792—1862). — Критикъ, профессоръ русской литературы и ректоръ Спб. университета. Одинъ изъ ближайшихъ литературныхъ друзей Пушкина. Во время изгнанія поэта, Плетневъ велъ всѣ дѣла по изданію его сочиненій. Начиная съ 1824 г., онъ является «восприемникомъ» литературныхъ произведеній своего друга, его казначеемъ, посредникомъ между поэтомъ и публикой. Онъ же положилъ начало точной хронологіи большинства пушкинскихъ пьесъ. «Мы много ставили годовъ на обумъ: все поправь, что нужно», писалъ Пл. въ 1825 г., приступая къ печати мелкихъ стихотвореній Пушкина. Первый «повѣренный» въ дѣлахъ — Гнѣдичъ — оказался настоящимъ «кулакомъ-издателемъ», второй — Левъ Сергѣевичъ, — по своей небрежности и неаккуратности доставилъ много неприятныхъ минутъ Пушкину. Плетневъ, наоборотъ, былъ «человѣкъ премелочной» и любилъ «всякую бездѣлицу видѣть въ исправности». «Вниманье дружбы возлюбя», Пушкинъ посвятилъ ему своего «Онѣгина». Сношенія съ опальнымъ Пушкинымъ вызвали допросъ и учрежденіе секретнаго надзора за Плетневымъ. Сочиненія и переписка Пл., 3 т., СПб., 1885 г. О немъ: см. «Переписку Я. К. Грота съ Пл.», СПб., 1906 г., 3 т., Л. Майковъ, «Истор. литер. очерки», СПб., 1895 г. и см. также Я. Гротъ. «Вѣстн. Евр.», 1881 г. и «Русск. Старина», 1908 г.

Плещеевъ, Александръ Алексѣевичъ (1775—1827). Членъ «Арзамаса» («Черный Вранъ»), пріятель Жуковского.

Плѣнники — «пріѣхали» «П.», т. е. «Кавказскій Плѣнникъ» и «Шильонскій Узникъ» Байрона, въ перев. Жуковского (Гнѣд., 1822).

«Плѣнникъ Киргизскій», «Плѣнникъ Калмыцкій», «Плѣнникъ Московскій», см. «Перечень» — «Кавказскій Плѣнникъ».

«Плѣнникъ Нѣмецкій» (Дельвигу, 1823), т. е. переводъ «К. Плѣн.» («Der Berggefangene», Пет., 1823).

Плюшаръ, Адольфъ Александровичъ (1806—1865). — Издатель «Энциклопед. Лексикона» (17 т.). Въ этомъ изданіи Пушкинъ былъ приглашенъ принять участіе, но вскорѣ же онъ вышелъ изъ состава редакціи «Лексикона».

Погодинъ, Михаилъ Петровичъ (1800—1875). — Историкъ и журналистъ, редакторъ «Московск. Вѣстника» и «Москвитянина». Пушкинъ познакомился съ Погод. въ домѣ Веневитиновыхъ. См. письма къ нему. Разборъ «Марѣи Посадницы», «опыта народной трагедіи» Погодина, сдѣланъ Пушкинымъ въ 1830 г. О немъ: см. Н. Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. П.» (23 т.), СПб., 1890—1910 г. и Бестужевъ-Рюминъ, «Біографіи и характеристики», СПб., 1878 г.

Подснѣжникъ — альманахъ Дельвига. Вышло двѣ книги (1829—1830).

Подщипа («Городокъ»). — Княжна, дочь царя Вакулы въ шуто-трагедіи Крылова «Трумфъ» или «Подщипа».

Пожарскіе, князья. Древній кн. родъ. «Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ, что о другихъ пропалъ и слухъ» («Род.», 7).

Полевой, Ксенофонтъ Алексѣевичъ (1801—1867). — Писатель и журналистъ. См. его «Записки», СПб., 1888 г.

Полевой, Николай Алексѣевичъ (1796—1846). — Первая статья Полевого появилась въ 1817 г. въ «Русск. Вѣстн.»; съ 1825 г. онъ встаетъ во главѣ «Моск. Телеграфа». Послѣ запрещенія «Телеграфа» редактируетъ «Живописное Обозрѣніе», «Сынъ отечества», «Русскій Вѣстникъ» и «Литературную Газету», Идейный врагъ Полевого—Бѣлинскій—поставилъ имя только что умершаго П. наряду съ Ломоносовымъ и Карамзинымъ, въ смыслѣ вліянія ихъ на русскую литературу. Пушкинъ познакомился съ П. въ 1826 г. въ Москвѣ, но еще ранѣе въ 1825 г. онъ былъ «Телеграфомъ» очень доволенъ и мыслилъ поддержать его. («Л. Пушкину», 1825 г.). См. «М. Телегр.». При появленіи первыхъ томовъ «Ист. р. народа» Полевого Пушкинъ ополчился противъ него въ «Лит. Газетѣ» (1830). Еще рѣзче отзывъ поэта, сдѣланный на поляхъ письма Вяземскаго Ува-

рову (1836). гдѣ «Исторія р. народа» прямо названа книгой «шарлатанской, написанной безъ смысла, безъ изысканій и безъ всякой совѣсти».

Бѣлинскій. Сочиненія, т. XII, изд. Солдатенкова. См. также: Чернышевскій. Сочиненія. Скабичевскій А. М. Сочиненія, т. I, СПБ., 1890 г. Оцѣнка П., какъ челоѡка, дана въ воспоминаніяхъ И. И. Панаева, СПБ., 1876 г. Запискахъ Кс. А. Полевого, СПБ., 1888 г. О П. журналистѣ: А. К. Бороздинъ, «Журналистъ 20-хъ годовъ», «Ист. Вѣстн.», 1896 г., III. И. Ивановъ, «Ист. русск. критики», СПБ., 1898., ч. I. М. И. Сухомлиновъ, «Исслѣдованія и статьи», СПБ., 1889 г., т. II. О критическихъ приемахъ П., см. статью Н. Козмина въ сборникѣ «Памяти Л. Н. Майкова». О драматургѣ, см. Боцяновскій, В. Ф., «Н. А. П. какъ драматургъ — «Ежегодникъ Имп. театровъ», 1894—95 г.г. О П. беллетристѣ — рядъ исслѣдованій Н. Козмина: «Аббадона», «Клятва при Гробѣ Господнемъ», «Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.», 1898 г., № 4 и 1900 г., № 3. О П. — историкѣ: П. Н. Милюковъ, «Главныя теченія р. истор. мысли», М. 1897, т. I.

Полетика, Петръ Ивановичъ (1778—1849). — Членъ «Арзамаса» («Очарованный членъ»), въ послѣдствіи посланникъ въ С. Штатахъ. О немъ уп. въ «Дневн.», 1834 г. Его восп. «Р. Архивъ», 1885 г., III.

Полиньякъ, графъ Жюль-Огюстъ (1780—1847). — Министръ Карла X. Послѣ польской революціи 1830 г., бѣжалъ, но былъ схваченъ и приговоренъ къ пожизненному заключенію. Объ его здоровьѣ справлялся Пушкинъ у Плетнева (1830). Уп. («Невѣстѣ», 1830). О немъ же: Плетневу, янв., 1831 г.,

Полихрони, Калипсо. Съ «гречанкой, которая цѣловалась съ Байрономъ», Пушкинъ обѣщаль познакомить Вяземскаго (1823). «Гречанкѣ» (1822). О ней въ «Запискахъ» Липранди и Вигеля.

Полторацкій, Сергѣй Дмитріевичъ (1803—1884). — Пріятель Пушкина. Извѣстный библиографъ. Ему «поклонъ и старая дружба» (Вигелю, 1823).

Полторацкій, Петръ Марковичъ. Отецъ Анны П. Кернъ (Дельвигу, 1828). «Полярная Звѣзда», альманахъ, издававшійся А. Бестужевымъ и К. Рылѣвымъ. Вышло три книжки. СПБ., 1823, 1824, 1825 г.г. Четвертая книга на 1826 г. была уже отпечатана, но декабрьскія событія и арестъ обоихъ издателей не дали ей возможности появиться въ свѣтъ. Пушкинъ былъ вкладчикомъ альманаха.

Полярные господа, т. е. издатели «Пол. Звѣзды» — А. Бестужевъ и Рылѣвъ (Брату, 1824).

Помона, римская богиня древесныхъ плодовъ. — Уп.: «Юдину» (1817).

Поповскій, Николай Никитичъ (1730—1760). — Ученикъ Ломоносова, профессоръ элоквенціи, стихотворецъ и переводчикъ Горация. Уп.: «На Каченовск.» (1829).

Потемкинъ, князь Григорій Александровичъ (1739—1791). — См. анекдоты о немъ, запис. Пушкинымъ.

Почта, см. «Цензура».

Поэзія. Взгляды Пушкина на поэзію и на значеніе поэта, см. Приложение: «Пушкинъ и поэзія».

Прадонъ, Николай (1632—1698). — Посредственный драматургъ, пытавшійся «соперничать» съ Расиномъ, противникъ Буало. Уп. въ письмѣ «Къ Дельвигу» (1815).

Прадтъ-Доминикъ-Дюфуръ (1759—1837). — Франц. публицистъ и дипломатъ, авторъ многихъ книгъ и статей, имѣвшихъ большой успѣхъ, благодаря ихъ злободневности и сатирическимъ выпадамъ. «Читай: вотъ Прадтъ, вотъ Walter Scott!» («Евг. Он.», IV, 43).

Пріамъ.—Царь Трои («Илліада»). «Вкругъ почтеннаго Пріама, собранье стариковъ Пергама» («Евг. Он.», V, 38). «Вы, деревенскіе Пріамы» (VII, 4).

Псковская губернія. Съ 1823 по 1828 г. входила въ составъ Остзейскихъ губерній, во главѣ управленія которыми стоялъ генераль-губернаторъ, маркизь

Пауллучи. «Ты, губернія Псковская, теплица юныхъ дней моихъ! Что можетъ быть, страна святая, несноснѣй барышень твоихъ и т. д.» («Евг. Он.», IV, 17, пропус.). О пребываніи Пушкина въ предѣлахъ Пск. губ., см. ниже «Михайловское» и книгу И. И. Василева, «Слѣды пребыванія А. С. П—а въ Псковской губерніи». СПБ., 1899.

Пріапъ, греческій богъ полей и садовъ, покровитель чувственныхъ наслажденій. «Здоровье легкій другъ Пріапа» — «В. В. Энгельгардту» (1819); «Пріапическія затѣи» — «Оленькѣ Массонъ» (1820).

Психея. «П. златокрылой», «наперсникъ милой» Богдановичъ («Городокъ» —1814); О ней: Апулей, «Метаморфозы», XI, «Душенька» Богдановича.

Пугачевъ, Емельянъ Ивановичъ († 1775). — Пушкинъ еще въ 1824 г. заинтересовался П., прося прислать брата въ Михайловское «Жизнь Емельки П.», «сдѣлался добрымъ, исправнымъ плательщикомъ оброка, Емелька Пугачовъ оброчный мой мужикъ! (Нащокину, 20/1, 1835).

Пучкова, Екатерина Наумовна (1792—1867). — Поклонница Шишкова. «Первые опыты въ прозѣ» П. появились въ 1812 г.; ея стихи печатались въ тогдашнихъ журналахъ. См. на П. эпиграмму (1816).

Пушкины. Родъ Пушкиныхъ ведетъ свое начало отъ Радши, или Рачи, прибывшаго «изъ нѣмецъ» въ Новгородъ, въ княженіе Александра Невского («Мой предокъ Радша службой бранной святому Невскому служилъ»). Отъ него, въ седьмомъ колѣнѣ, произошелъ Григорій Александровичъ Пушка, родоначальникъ фамиліи Пушкиныхъ. Ср.: «Моя родословная» (1830), «Родословная П—ыхъ и Ганибаловъ».

Пушкина, Анна Львовна († 1823). — Тетка А. С. См. шуточную элегію «На смерть А. Л.».

Пушкина, Елисавета Александровна († 1898). — Жена Льва Сергѣевича, урожденная Загряжская.

Пушкина, Елисавета Львовна, тетка поэта, см. Солнцева.

Пушкина, Марія Александровна (род. 1832). — Старшая дочь поэта, въ замужествѣ Гартунгъ.

Пушкина, Марія Матвѣевна, урожденная Воейкова, первая жена дѣда поэта, Л. А. Пушкина. По словамъ П. («Родословная»), «умерла на соломѣ, заключенная» мужемъ «въ домашнюю тюрьму за мнимую, или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ», котораго Л. А. «феодално повѣсилъ на черномъ дворѣ».

Пушкина, Надежда Осиповна, урожденная Ганибаль (1775—1836). — Мать поэта. О ней: «Воспоминанія», Л. Н. Павлицева. М. 1900.

Пушкина, Наталья Николаевна, урожденная Гончарова, во второмъ бракѣ Ланская (1812—1863). — Пушкинъ встрѣтилъ ее въ 1828 г. на одномъ изъ московскихъ баловъ. «Когда я ее впервые увидѣлъ, ея красоту только что начинали замѣчать въ обществѣ. Я ее полюбилъ, голова закружилась» («Письмо къ Н. И. Гончаровой», апр., 1830 г.). Въ апрѣлѣ 1829 г. Пушкинъ сдѣлалъ предложеніе черезъ Ѳ. И. Толстого-американца, но Гончарова-мать, мечтавшая о «выгодной партіи» для своей дочери, отвѣтила уклончиво. «Невольная тоска» гнала Пушкина прочь изъ Москвы; послѣ путешествія на Кавказъ онъ вернулся туда же вновь, но встрѣтилъ у Гончаровыхъ холодный пріемъ. Въ апрѣлѣ 1830 г. Пушкинъ сдѣлалъ лично предложеніе и получилъ согласіе на бракъ. 18 февраля 1831 г. произошло вѣнчаніе и молодые переселились въ Петербургъ. Семейная жизнь не дала счастья поэту. О роковой дуэли, на которой Пушкинъ выступилъ на защиту чести жены, Н. Н. ничего не подозрѣвала. Въ 1846 г. она вторично вышла замужъ за генерала Ланского. Къ ней: «На холмахъ Грузіи», «Чистѣйшей прелести, чистѣйшій образецъ», «Мадонна» (1830); «Красавицѣ» (1831); «Отрывокъ», «Нѣтъ, не дорожу я» (1832); «Пора мой другъ, пора»... (1836). «Письма къ Н. Н.» (1831—1835). Уп.: «Къ Вельможѣ» («Прелесть Гончаровой» —1830). О ней: «Русск. Стар.» 1882—83 г.г., №№ 12 и 1. П. О. М о р о

з о в ъ. «Семейная жизнь П—а», «Пушкинъ», ред. Венгерова, т. IV. См. также крайне пристрастныя воспоминанія дочери Н. Н. отъ второго брака А. П. Л а п с к о й - А р а п о в о й въ «Новомъ Времени», Ил. прил. 1908 г.; совершенно въ другомъ освѣщеніи ее выставляетъ А. О. С м и р н о в а въ своихъ «Запискахъ». См. также «Семейную хронику» Л. Н. П а в л и щ е в а.

Пушкина, Наталья Александровна (1836). — Въ первомъ бракѣ Дуббельтъ, во второмъ графиня Моренбергъ. «На ея дочери, графинѣ де-Торби, внучкѣ Пушкина, женатъ Великій Князь Михаилъ Михайловичъ, внукъ царя Николая Павловича. Н. Л е р н е р ь, «Пушкинъ», 360.

Пушкина, Ольга Васильевна, урожденная Чичерина (1737—1802). — Жена Льва Александровича и бабка поэту.

Пушкина, Ольга Сергѣевна. — См. П а в л и щ е в а, О. С.

Пушкина, Софія Федоровна. См. П а н и н а, С. Ѳ.

Пушкинская библіотена при Александровскомъ лицѣѣ; открыта (1879 г.) съ цѣлью собирать печатныя произведенія, касающіяся Пушкина.

Пушкинскіе уголки. — См. Б о л д и н о и М и х а й л о в с к о е

Пушкинскій разрядъ изящной словесности при Академіи Наукъ, учрежденъ въ 1899 г. и составляетъ одно цѣлое съ академическимъ отдѣленіемъ р. языка и словесности.

Пушкинскій музей при Александровскомъ лицѣѣ; открытъ въ 1880 г.; въ 1911 г. помѣщеніе музея значительно расширено.

Пушкинскій фондъ, учрежденъ при Академіи Наукъ въ 1899 году; предназначается для изданія произведеній р. писателей и другихъ трудовъ второго отдѣленія Академіи. Ежегодный отпускъ изъ средствъ Госуд. Казначейства—15 т. р.

Пушкинскія выставки. Первая пушк. выст. была открыта Литер. Фондомъ въ 1880 г. (СПБ.). См. «Альбомъ П—ой выставки», СПБ., 1880. Въ 1899 г. «Общество Люб. Росс. Слов.» организовало такую же выставку въ Москвѣ. См. «Альбомъ П—ой выст.», изд. К. А. Фишера, М., 1899.

Пушкинскія преміи учреждены при Академіи Наукъ и лицейскомъ обществѣ. Академическая премія учреждена въ 1882 г. Основаніемъ пушкинскаго капитала (20 т. р.) послужилъ остатокъ отъ пожертвованій на памятникъ поэту въ Москвѣ. Присужденіе премій происходитъ каждые два года (1,000 р. — полная премія; 500 р. половинная и почетные отзывы). Къ конкурсу допускаются: а) ученныя сочиненія по исторіи русск. языка, словесности и литературы, б) произведенія изящной словесности; в) критическіе разборы и переводы въ стихахъ.

Пушкину памятники.—См. Приложение: «Пушкинъ въ живописи и скульптурѣ».

Пушкинъ, Гавріиль Григорьевичъ. Выведенъ въ «Бор. Год.». «Я изобразилъ его такимъ, какимъ нашелъ въ исторіи и въ моихъ семейныхъ бумагахъ. Онъ обладалъ большими способностями, будучи въ одно время и искуснымъ воиномъ, и придворнымъ челоуѣкомъ, и въ особенности заговорщикомъ» († 1638).

Пушкинъ, Александръ Александровичъ (1833—1907). — Старшій сынъ поэта. Умеръ ген.-лейт., «почетнымъ опекуномъ».

Пушкинъ, Алексѣй Михайловичъ (1769—1825). — Стихотворецъ. Дальній родственникъ А. С. Пушкина. Извѣстный острословъ и вольтерьянецъ. О немъ: см. сочин. Батюшкова, т. 3, стр. 686—690. Павлицевъ, «Воспом.», стр. 13.

Пушкинъ, Василій Львовичъ (1770—1830). — Дядя поэта, «питомецъ Феба». «Несторъ Арзамаса» («Вотъ»), «Буянова пѣвецъ», авторъ ходившаго въ рукописи «Опаснаго Сосѣда». По словамъ Пушкина, В. Л. его «съ музами сосваталъ». Еще въ 1816 г., В. Л. писалъ своему племяннику, что «мы», т. е. В. Л. и его литературные друзья, отъ тебя многого ожидаемъ. Въ засѣданіяхъ «Общ. Рос. Слов.», В. Л. неоднократно читалъ публично стихи лицеиста Пушкина, посѣщалъ его въ лицѣѣ, одобрялъ его первые поэтическіе шаги и гордился успѣхами племянника. «Очарователь и счастливецъ, сердца ты наши полонилъ». Въ

1830 г. онъ былъ гордъ сознаниемъ, что его племянника и «брата по Аполлону» чтутъ и хвалятъ такіе люди, какъ Жуковскій и Дмитріевъ, что въ числѣ его друзей — Крыловъ и Вяземскій. Послѣдней пьесой В. Л. было посланіе «А. С. Пушкину». Передъ самой кончиной, его посѣтилъ въ Москвѣ «племянникъ и поэтъ». Сочиненія В. Л. (безъ «Опасн. Сосѣда», изданнаго въ Лейпцигѣ) вышли въ СПб., 1893 г., подъ редакціей А. А. Флоридова. См. также сочин. Батюшкова, подъ ред. Л. Майкова и В. Саитова, т. II, 512—525.

Къ нему: «Письмо В. Л. Пушкину» (1816); «Желаніе» (1816); «Посланіе», «Тебѣ, о Несторѣ Арзамаса», «Парнасскій мой отецъ» (1817).

О немъ въ пьесѣ «Городокъ» (1817). «Всѣ его творенія вмѣстѣ, писалъ А. С. Пушкинъ о своемъ дядѣ, не стоятъ Буянова; а что-то съ нимъ будетъ въ потомствѣ?» (Вяз., 1822).

Пушкинъ, Григорій Александровичъ (1835—1905). — Второй сынъ поэта.

Пушкинъ, Левъ Александровичъ (1723—1790). — Дѣдъ поэта; полковникъ артиллеріи. Въ первомъ бракѣ состоялъ съ М. М. Воейковой, во второмъ съ О. В. Чичериной. Отъ второго брака дѣти: Василій, Петръ и Сергій Львовичи, Анна и Елисавета Львовны.

Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ (1806 — 1852). — Младшій братъ поэта. Учился въ Благородномъ пансіонѣ при Главномъ Педагогическомъ институтѣ, но курса не кончилъ. Недлгое время служилъ чиновникомъ и затѣмъ опредѣлился юнкеромъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Участвовалъ въ рядѣ походовъ на Кавказѣ при Паскевичѣ. Въ 1832 г. вышелъ въ отставку капитаномъ, но вскорѣ вновь поступилъ на военную службу въ Кавказскій корпусъ. Въ 1843 г. перешелъ на гражданскую службу въ Спб. таможду, откуда былъ командированъ въ Одессу, гдѣ и скончался. — Оживленная переписка А. С. съ Л. С., началась еще тогда, когда младшій братъ былъ на ученической скамейкѣ. Отвѣтныя письма Л. С. не сохранились, какъ не дошли до насъ его стихотворныя пьесы (за исключеніемъ одной, см. «Сборникъ» Л. Н. Майкова). «Если ты въ родню, такъ ты литераторъ», писалъ А. С. брату, но «сдѣлай милость не поэтъ». По словамъ кн. Вяземскаго, «не будь Левъ Пушкинъ такимъ гулякою... можетъ быть, и онъ внесъ бы имя свое въ лѣтописи нашей литературы... А, можетъ быть, задерживала и пугала его слава брата, который забралъ весь маіоратъ дарованія». Въ литературныхъ кругахъ, Л. С. былъ «уполномоченнымъ представителемъ своего гениальнаго брата»; плохо исполняя его литературныя порученія, онъ гордился славой брата и, къ огорченію великаго поэта, былъ одержимъ «чтенъебѣсіемъ» и неаккуратностью въ расчетахъ. Каждое новое произведеніе Пушкина до печати Л. С. имѣлъ обыкновение разглашать среди знакомыхъ. Уступая требованіямъ Погодина, Л. С. передъ самой почти кончиной, «удосужился» написать нѣсколько страничекъ воспоминаній о своемъ великомъ братѣ, памятью котораго онъ дорожилъ какъ святыней. Эти воспоминанія появились въ 1853 г. въ погодинскомъ «Москвитянинѣ» и перепечатаны въ исправленномъ видѣ по авторской рукописи въ майковскомъ сборникѣ «Пушкинъ», стр. 4—11, «Біографическое извѣстіе объ А. С. Пушкинѣ до 1826 г.». Въ томъ же сборникѣ даны біографическія свѣдѣнія объ Л. С., его характеристика и фактическія поправки къ его «извѣстію», которое Л. С. писалъ по памяти. Ему посвящена первая глава «Евгенія Онѣгина». См. также Л. Н. Павлицевъ, «Воспом.» М. 1890 г.

Пушкинъ, Николай Сергѣевичъ (1802—1807). — Братъ поэта. Умеръ въ Захаровѣ и погребенъ въ селѣ Вяземахъ.

Пушкинъ, Сергій Львовичъ (1771—1840). — Отецъ поэта. Служилъ въ Измайловскомъ и Егерскомъ полкахъ. Послѣ женитьбы вышелъ въ отставку и перешелъ на жительство въ Москву, гдѣ вскорѣ опредѣлился на службу чиновникомъ 7-го класса «комиссаріатскаго штата». Позднѣе состоялъ начальникомъ комиссаріатской комиссіи резервной арміи въ Варшавѣ. Въ 1818 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ.

Пушкинъ, Петръ Львовичъ († 1824). — Дядя поэта, артиллерійскій полковникъ.

Пуцинъ, Иванъ Ивановичъ (1798—1858). — Участникъ декабрьскихъ дней, «товарищъ милый, другъ прямой» А. С. Блестящій офицеръ Конно-Артиллерійскаго полка въ 1824 г. «преобразился въ судью уголовного департамента московскаго надворнаго суда». Въ томъ же году онъ посѣтилъ опальнаго Пушкина въ его Михайловскомъ. Арестованный въ числѣ участниковъ декабрьскаго дѣла, П. былъ заточенъ въ Читинскомъ острогѣ, куда до него дошелъ привѣтъ Пушкина: «Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный». Возвращенный изъ ссылки, онъ прожилъ недолго и умеръ въ г. Бронницахъ. Передъ кончиной Пушкинъ вспомнилъ о своемъ другѣ: — «какъ жаль, произнесъ онъ, что нѣтъ здѣсь ни Пуцина, ни Малиновскаго: мнѣ было легче умирать». Оставилъ цѣнные воспоминанія о поэтѣ (Сборникъ Майкова «Пушкинъ», стр. 42—85).

Къ нему пьесы Пушкина: «Любезный именинникъ», «Воспоминаніе» (1815); «Въ Альбомѣ» (1817); «Ив. Ив. Пуцину» (1826); «19 Окт., 1825».

О немъ: см. въ «Пирующихъ студентахъ», «Мое завѣщаніе».

Пуцинъ, Михаилъ Ивановичъ (1800—1869). — Братъ Ив. Ив.; отнесенъ «къ десятому разряду» декабристовъ, т. к. «зналъ о приготовленіи къ мятежу и не донесъ». Былъ сосланъ въ Сибирь и затѣмъ на Кавказъ, гдѣ встрѣтился съ Пушкинымъ. Объ этой встрѣчѣ см. «Воспом.» Пуцина въ книгѣ Майкова «Пушкинъ», стр. 387—394. Его «Записки» — «Ист. Вѣстн.», 1905 г., № 8. Умеръ въ генеральскихъ чинахъ.

Пуцинъ, Павелъ Сергѣевичъ. — Генераль-маіоръ, бригадный командиръ, пріятель Пушкина, Орлова и В. Θ. Гаевского; основатель масонской ложи въ Киншиневѣ, «каменщикъ почтенный». За масонство былъ отставленъ отъ службы. Ему: «П. С. П—у» (1821).

«Пѣвецъ Пировъ и грусти томной» («Евг. Оц.», III, 30) — Баратынскій.

Радищевъ, Александръ Николаевичъ (1749—1802). — Авторъ «Путешествія изъ Москвы въ Петербургъ», вышедшаго въ 1790 г. За самовольное изданіе своего сочиненія Р. поплатился ссылкой въ Сибирь, а книга его была сожжена. До 1858 г., когда «Путешествіе» появилось въ лондонскомъ изданіи Герцена, экземпляры его были «типографической рѣдкостью», такъ какъ въ обращеніе попало не болѣе 30 книгъ.

«Пут.» долгое время было подъ запретомъ: изданіе сочиненій Рад., подъ ред. П. А. Ефремова, было конфисковано; не удалась новая попытка провести ихъ черезъ цензуру въ 1903 г. Въ 1888 г. А. С. Суворину было разрѣшено точное воспроизведеніе перваго изданія «Пут.», при условіи дорогой продажной цѣны экземпляровъ. (Было напечатано сто экз., по 25 руб. за каждый). При такихъ условіяхъ ни одна изъ двухъ статей о Р. Пушкина, конечно, не смогла появиться въ печати. «Мысли на дорогѣ» и «А. Р—ъ» были запрещены и цензоромъ и цензурнымъ комитетомъ. Министръ (Уваровъ) находилъ совершенно излишнимъ «возобновлять память о писателѣ и о книгѣ совершенно забытыхъ и достойныхъ забвенія». Но Пушкинъ гордился тѣмъ, что онъ «вслѣдъ Радищеву возславилъ» «свободу» (Черн. «Памятника»). Р. — «рабства врагъ» (2-ое посл. къ Цензору). «Какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть Р—а». Отрицая за Р. поэтическій даръ, не соглашаясь со способомъ его изложенія «бранчивымъ» и «напыщеннымъ», отмѣчая «варварскій слогъ книги», Пушкинъ называетъ Р. «истиннымъ представителемъ полупросвѣщенія». Въ книгѣ Р—а «есть нѣсколько благо-разумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній». Не надо забывать, что статья Пушкина предназначалась для журнала въ такое время, когда одно имя Р—а приводило цензоровъ въ трепетъ. Появленіе сочиненій Р—а въ печати стало возможнымъ лишь съ 1906 г., когда вышло сразу два изданія «Путешествія», ред. Каллаша и Тройницкаго и собраніе сочиненій (ред. Бороздина и Щеголева), СПб., 1907—1910.

Радклиффъ, Анна (1764—1823). — Англійская романистка, авторъ рома-

новъ-ужасовъ: «Удольфскія тайны», «Лѣсной романъ». Маша Троекурова была напитана таинственными ужасами Р.» («Дубровскій»).

Раевская, Екатерина Николаевна, см. Орлова.

Раевская, Марія Николаевна, см. Волконская.

Раевская, Елена Николаевна. — Младшая дочь Н. Н. старшаго.

Раевская, Софья Аленсѣевна, урожденная Константинова, жена генерала Н. Н. Раевского старшаго.

Раевскій, Александръ Николаевичъ (1795—1868). — Полковникъ. Пріятель Пушкина, полная противоположность поэту, прототипъ пушкинскаго демона. Пушкинъ сблизился съ нимъ во время совмѣстной поѣздки на Кавк. мин. воды, и прожилъ вмѣстѣ въ Одессѣ. «Онъ будетъ болѣе, нежели извѣстенъ» (Брату, 1820). Былъ арестованъ по подозрѣнію въ участіи въ тайномъ обществѣ. Узнавъ объ арестѣ Р., Пушкинъ безпокоился о немъ: «не сомнѣваюсь въ его политической безвинности, но онъ боленъ ногами, и сырость казематовъ будетъ для него смертельна» («Дельвигу», 1826). Дѣйствительно, Р. вскорѣ же былъ освобожденъ и вернулся снова въ Одессу, гдѣ жила гр. Воронцова—дальняя родственница и предметъ постоянной любви Р. «За вольныя рѣчи о правительствѣ» (на самомъ дѣлѣ потому, что Воронцовъ былъ недоволенъ его отношеніями къ женѣ, извѣстными всѣмъ въ Одессѣ) былъ высланъ административно въ деревню. «Язвительныя рѣчи» Р. скоро потеряли обаяніе для Пушкина. Онъ встрѣтился съ Р. вновь на Кавказѣ (1829) и позднѣе въ Спб. и Москвѣ. При свиданіи 1834 г. нашель Р. «немного приглушѣвшимъ отъ ревматизма въ головѣ» («Дневн.»). «Кажется опять оживился и поумнѣлъ» (Женѣ, май 1836 г.). См. М. Гершензонъ. «Семья декабристовъ». «Былое», 1907, № 11—12. Его же: «Ист. молодой Россіи».

Раевскій, Владиміръ Федосѣевичъ (1795—1872). — Майоръ Камчатскаго полка. Пушкинъ былъ друженъ съ Раевскимъ (Письмо Жук., 1826) и предупредилъ его о грозящемъ арестѣ (1822). Пять лѣтъ просидѣлъ въ заключеніи въ Тираспольской крѣпости и затѣмъ сосланъ на поселеніе. Въ 1824 г. Пушкинъ посѣтилъ Тирасполь, но отъ разрѣшеннаго свиданія съ Р. отказался. См. П. Щеголевъ, «Первый декабристъ», Спб., 1904 г.

Раевскій, Николай Николаевичъ (1771—1829). — Боевой генераль, участникъ Отеч. войны. Съ семействомъ Р—ихъ Пушкинъ путешествовалъ по Сѣв. Кавказу и Крыму; среди этого семейства поэтъ «провелъ счастливѣйшіе дни жизни». (Брату, 1820). См. отзывъ Пушкина о «Некрологіи ген. Раевского». Раевскій и его письма, «Р. Вѣстн.», 1898, III.

Раевскій, Николай Николаевичъ-младшій (1797—1843). — Лейбъ-гусарь; познакомился съ Пушкинымъ-лицейстомъ въ Ц. Селѣ. Въ письмѣ брату (1820) поэтъ писалъ о тѣсной связи и важныхъ услугахъ, оказанныхъ ему Р—имъ. По его приглашенію Пушкинъ отправился съ семействомъ Р—скихъ на Кавказъ. «Друга друга мы любили», говорилъ Пушкинъ въ «Посвященіи» Р—ому «Кавк. Плѣн.», который писался на глазахъ Р—скаго. Ему же посвященъ «Андрей Шенъ». Онъ же, по словамъ Пушкина, «бранилъ» «Онѣгина» (Брату, 1824). Еще въ молодости отличался большой начитанностью и читалъ Вальтеръ-Скотта и Байрона въ то время, когда ихъ почти не знали даже наши записные литераторы. Черезъ него и его сестеръ, Пушкинъ впервые познакомился съ Байрономъ и началъ учиться англійскому языку. Арестованный по подозрѣнію въ соучастіи въ декабрьскомъ дѣлѣ, Р—ій былъ вскорѣ освобожденъ, какъ «совершенно невинный».

Раенъ, арзамаск. прозвище А. Раевского («А. Тург.», 1821).

Разинъ, Степанъ Тимофеевичъ (Стенька Разинъ). — Казакскій атаманъ. Казненъ въ 1671 г. Пушкинъ отзывался о Р., какъ объ единственномъ поэтическомъ лицѣ русской исторіи (Брату, 1824); «Изъ цикла разб. легендъ» (1825); въ «Евг. Он.»: «Бурлаки» на Волгѣ «унылымъ голосомъ поютъ про тотъ разбойничій пріютъ, про тѣ развѣзды удалые, какъ Стенька Разинъ, въ старину, кровавилъ волжскую волну» (Путеш.).

Разумовскій, Аленсѣй Кирилловичъ (1748—1822). — Съ 1810—1816 ми-

нистръ просвѣщенія и попечитель лицея. Эпиграмма Пушкина на Р.: «Ты слышалъ вѣсть смѣшную?» (1814). О немъ: А. Васильчиковъ, «Семейство Р—ихъ», Спб., 1880, 2 т.

Раичъ (Амфитеатровъ), Семень Егоровичъ (1792—1855). — Поэтъ и переводчикъ «Освобожденнаго Иерусалима» и «Неистоваго Орланда». Пушкинъ съ Р. встрѣтился въ Одессѣ (Брату, 23); «Мелкая букашка» («Собр. насѣк.», 1828).

Рамазановъ, Александръ Николаевичъ (1797—1828). — Драматическій артистъ. «Прогр. комед.» (1821).

Рамаковъ. «Къ другу стихотв.». «Его съ перомъ въ рукѣ Рамаковъ не страшить». По однимъ источникамъ это искаженное имя П. И. Макарова (см.); по другимъ — это прозвище относится къ цензору, «марающему рукописи»; отсюда «Мараковъ» и анаграмма Рамаковъ.

Рамо, Жанъ-Филиппъ (1683 — 1764). — Французскій композиторъ. См. «Къ сестрѣ» (1814).

Расинъ, Жанъ-Баптистъ (1639—1699). — Французскій драматургъ. «Къ Жук.» (1817); «Безсмертный подражатель, пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей» («Дом. въ Кол.», 8). «Ив. Ив. Расинъ» «держится стихами, полными смысла и точности» (Брату, 24).

Рембрандтъ, ванъ-Рейнъ (1606—1669). — Уп.: «Дом. въ Кол.», 27.

Révue des Bévues (bévues = ошибка, промахъ). Пушкинъ находилъ, что должно-бы издавать у насъ журналъ: «R. de-V.» — мы помѣстили-бы тамъ выписки изъ критикъ Войекова, «полуденную денницу Рылѣва» («Богд. Хмельн.»), «его же гербъ российскій на вратахъ византійскихъ» («Олегъ Вѣщій»). ...Нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ bévues (Брату, 1823).

Рейнъ — арз. прозвище Орлова.

Репнинъ, князь Аникита Ивановичъ (1688—1726). — Сподвижникъ Петра, близкій къ нему съ потѣшной роты. За пораженіе при Головчинѣ былъ разжалованъ въ солдаты, но вскорѣ же назначенъ генераль-губернаторомъ Риги. Умеръ фельдмаршаломъ.

Репнинъ, Николай Григорьевичъ († 1845). — Къ нему письма (1836) по поводу сплетней, распущенныхъ Боголюбовымъ.

Рига, Константинъ († 1798). — Греческій поэтъ, погибшій въ борьбѣ за независимость Греціи; за пѣсни, призывавшія къ возстанію, былъ казненъ турками («Возстанъ, о Греція!»...» 1823).

Ризничъ, Амалия († 1825). — Жена «одесскаго 1-ой гильдіи купца» Ивана Ризнича. Въ маѣ 1824 г. Р. выѣхала съ семьей за границу. Ей пьесы: «Элегія» (1823); «Подъ небомъ голубымъ» (1826); «Для береговъ отчизны дальней» (1830); «Евг. Он.», X, 15—17 (?). О ней: см. ст. П. Щеголева, «Вѣстн. Евр.», 1904, I.

Ричардсонъ, Самуиль (1689—1761). — Англійскій писатель. «Нравоучительные» романы Р.: «Памела» (1740); «Кларисса Гарлоу (1748); «Грандисонъ» (1754) имѣли большой успѣхъ и въ Россіи. См. «Списокъ»: Романы.

Риоматовъ-Шихматовъ. («Къ другу-стихотворцу», 1814).

Риома. Дочь нимфы Эхо и Феба. Ея преемницей «была сама Мнемозина» («Риома»—1830). См. Приложение: «Пушкинъ и поэзія».

Різго, Рафазль (1785—1823). — Вождь возстанія въ Кадиксѣ, президентъ палаты депутатовъ. Правительство Фердинанда VII приговорило Р. къ смертной казни. О немъ: «Сказали разъ царю» (1823).

Роде, Пьеръ (1774—1830). — Знаменитый скрипачъ, концертировавшій въ Петербургѣ въ первыхъ годахъ XIX в.

Родзянко, Аркадій Гавриловичъ (1793—1850). — «Украинскій мудрецъ». «Пирронъ Украины», «пѣвецъ сократической любви», близкій человѣкъ къ А. П. Кернъ. По поводу одного изъ стихотворныхъ упражненій Родз., Пушкинъ писалъ, что это не болѣе какъ доносъ на человѣка, сосланнаго, послѣдняя степень бѣ-

шенства и подлости» (Бест., 1823). Однако вскорѣ же Пушкинъ примирился съ Р. и проѣздомъ изъ Одессы (1824) посѣтилъ его въ Полтавской губ. См. ему «Послания и письма Пушкина» (1825). О немъ: Н. Θ. Сумцовъ, въ Харьк. унив. сб. «Памяти Пушкина».

Рокотовъ, Иванъ Матвѣевичъ. — Сосѣдь Пушкина по Михайловскому (см. письмо къ нему, 1825). Онъ же «пересказалъ» Осиповой письма Льва Серг. («Опять сплетни! И ты хорошъ!» Брату, 1824; Осиповой, 1825, июль). Съ нимъ въ 1824 г. Пушкинъ отправилъ брату свои «Chansons» и боялся, какъ-бы «вѣтренный юноша Р.» не затерялъ письма. См. «Письмо къ Р.».

Романы. «Нравственные романы Ричардсона, Флоріана и Жанлисъ, «романы ужасовъ» Радклифа, приключеній Мармонтеля и Матюрена получили огромное распространеніе въ русскомъ обществѣ начала XIX в. Въ Онѣгинѣ Пушкинъ замѣчалъ, что «любви насъ не природа учитъ, а первый пакостный романъ». «Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Дорать, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, m-me Жанлисъ овладѣваютъ русской словесностью» («Мысли на дорогѣ»). Наряду съ этими романами, получили широкое распространеніе въ началѣ XIX в. въ Россіи и «Новая Элоиза» Руссо, «Дельфина» и «Горинна» г-жи Сталь. Имена ихъ героевъ и героинь становятся нарицательными именами, всѣмъ близкими и понятными. «Пушкинъ хорошо подмѣтилъ эту черту современныхъ нравовъ». Его герои и героини воспитаны на романахъ». Татьяна «рано нравились романы; они замѣняли все, она влюблялася въ обманы и Ричардсона и Руссо» (II, 29). «И чѣмъ романъ тянулся долѣ, тѣмъ ей онъ болѣе угождалъ» (II, 30 проп.). Въ этихъ романахъ Татьяна ищетъ и находитъ свой тайный жаръ, свои мечты» (III, 9, 10), Т. воображается «героиней своихъ излюбленныхъ творцовъ, Кларисой, Юлией, Дельфиной»... «себѣ присвоя чужой восторгъ, чужую грусть, въ забвеньѣ шепчетъ наизусть письмо для милаго «героя». Была воспитана на французскихъ романахъ и, слѣдственно, влюблена Марья Гавриловна («Мятель»). Лиза воображала себя Клариссой Гарлоу. Маша имѣла «цѣлый шкафъ романовъ» («Отр. изъ ром. въ письмахъ»). Маша Троекурова «была напитана таинственными ужасами Радклифа («Дубровский»). Полина знала наизусть Руссо. Онъ былъ наставникомъ «въ наукѣ страсти нѣжной» многихъ русскихъ барышень. Вольская «читала романы и писала любовныя записки» въ четырнадцать лѣтъ («Гости съѣзжались»). Томскій («Пиковая дама») обращаетъ вниманіе Лизы на Германа, представляя его романическимъ героемъ. Тотъ же Германъ, подобно Татьянѣ («въ забвеньѣ шепчетъ наизусть письмо для милаго героя»), пишетъ Лизѣ письмо, которое «слово въ слово взято изъ нѣмецкаго романа». Бурминъ («Метель») дѣлаетъ признанье Марьѣ Гавриловнѣ словами Сенъ Прё — героя Н. Элоизы, которыя Марья Гавриловна хорошо знала. Сильвіо («Выстрѣлъ»), Владиміръ («Отр. ром. въ письмахъ»), Алексѣй («Бар.кр.»), зачитываются романами. В. В. Сиповскій дѣлаетъ выводъ, что въ русской жизни часто встрѣчались люди, пропитавшіеся романами до такой степени, что ихъ внутренняя жизнь часто была повтореніемъ жизни книжныхъ героевъ. Ср.: В. С и ц о в с к і й («Русск. Ст.», 1899 г., май—іюнь). «Татьяна, Онѣгинъ и Ленскій». Ср. также того же автора «Н. М. Карамзинъ». Н. Б ѣ л о з е р с к а я «В. Н. Нарѣжный», СПб. «Вліяніе перев. романа и зап. цив. на русск. общ. XVIII вѣка», «Р. Ст.», 1895 г., № 1. Е. Щ е п к и н а, «Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.», т. 254 (1886 г.).

Ромуль. «Дней минувшихъ анекдоты отъ Ромула до нашихъ дней» («Евг. Он.», I, 6).

Россетти, А. О., см. Смирнова.

Россини, Джіохино (1792—1868). — Итальянскій композиторъ. «Упоительный Россини, Евроны баловень-Орфей. Не внемля критикѣ суровой, онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новый, онъ звуки льетъ—они кипятъ, они текутъ, они горятъ, какъ подѣлуи молодые, всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви, какъ зашипѣваго аиструя и брызги золотые» («Евг. Он.», Путеш.). Уп. въ «Гр. Нулинѣ».

Россійская академія (1783—1841) учреждена Екатериной II. Въ 1841 г. преобразована во второе отдѣленіе Академіи Наукъ. Первыми ея членами были: Е. Р. Дашкова (президентъ Академіи), писатели: Херасковъ, Фонвизинъ, Державинъ, Козодавлевъ, Княжнинъ. Остальными членами (изъ 34 «провозглашенныхъ при открытіи Академіи») являлись: Шуваловъ, Потемкинъ, Елагинъ, Безбородко, профессора и члены Академіи Наукъ. Позднѣе въ числѣ членовъ А. значились такіе стихотворцы, какъ графъ Д. Хвостовъ, Николевъ, Шихматовъ и др. Характерно, что напр. Нелединскій-Мелецкій и Шишковъ (1796 г.), а также Дмитриевъ (1797), были избраны «безъ баллотированья», въ уваженіе ихъ заслугъ предъ «россійскимъ словомъ»; Пушкинъ былъ предложенъ въ члены Академіи Шишковымъ, одновременно съ Катенинымъ, Загоскинымъ, Д. И. Языковымъ и протоіереемъ Маловымъ. Предложеніе Шишкова (1833 г.) было поставлено на баллотировку, какъ въ отношеніи Пушкина, такъ и другихъ кандидатовъ. Членъ Академіи митрополитъ Спб. Серафимъ, изъявляя свое согласіе на выборъ прот. А. Малова, писалъ: «а на избраніе прочихъ не могу дать согласія своего единственно потому, что они мнѣ неизвѣстны»¹) («Ист. Р. Ак.», т. 7, стр. 81). Пушкинъ посѣтилъ собранья А. нѣсколько разъ. «Погребать покойную Ак.» Пушкинъ рвался еще въ лицѣ (Вяз., 1816).

«**Россійскій Музеумъ**», или журналъ европейскихъ новостей. Выходилъ въ 1815 г. въ Москвѣ ежемѣсячно, въ изданіи В. В. Измайлова. Въ № 4 появилась въ первый разъ полная подпись Ал. Пушкина подъ стихотвореніемъ «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». Стихотвореніе это читалось на экзаменѣ въ Лицеѣ и было распространено въ рукописи. См. выше: «Державинъ». Стихотвореніе сопровождало редакціонное примѣчаніе: «За доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодого поэта, котораго талантъ такъ много общаетъ». Въ «Р. М.» печатались пьесы П. и его товарищей-лицеистовъ.

Рубанъ, Василій Григорьевичъ (1742—1795). Ср. его «Надпись къ камню, назначенному для подножія статуи Имп. Петра Великаго» и «Гигантъ съ простертою рукою сидѣлъ на бронзовомъ конѣ» («М. Вс.», II). О немъ: см. Н. Тихоновъ, Сочиненія, т. III, 1.

Рубинонъ, рѣка, отдѣляющая Италію отъ Византійской Галліи, прославленная переходомъ Цезаря въ междоусобную войну («Кинжалъ», 1821 г.).

Рудьковскій. — Лѣкарь, сопровождавшій Ник. Раевского на Кавк. воды. (Восп. Рудык. о Пушкинѣ, «Русск. Вѣстн.», 1841 г. № 1.

Румянцевъ-Задунайскій, графъ Петръ Александровичъ (1725—1796). — Въ «Восп. въ Ц. Селѣ» Пушкинъ относитъ Р—а къ «росскимъ исполинамъ»: «Задунайскій великанъ» (Черн. набр., 1819 г.). О немъ: см. «Анекдоты», «Капит. Дочка», О памятникѣ Рум.

«**Русскій Вѣстникъ**». Подъ этимъ именемъ разновременно выходили три не имѣющія между собою общаго изданія: 1) съ 1808—1824 г. въ Москвѣ «Р. В.» издавалъ С. Н. Глинка, 2) съ 1841—1844 г. въ Петербургѣ — Н. И. Гречъ и 3) съ 1856—1887 г. «Р. В.» издавался Катковымъ въ Москвѣ.

«**Русскій Инвалидъ**», газета, издававшаяся съ 1813—1816 г. Пезаровіусомъ, съ 1821 г. арендована была Воейковымъ. Выходила ежедневно. «Листикъ Инвалида» («Къ Щербинину», 1818).

Руссо, Жанъ-Жакъ (1712—1778). — Уп.: «Къ сестрѣ» (1814); «...Родился нагъ — и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо» («Къ другу-стих.», 1814); Въ «Городкѣ» въ числѣ любимыхъ авторовъ Пушкина значится и Р. Уп.: въ «1-омъ Посл. къ Цензору». Полина «Р. знала наизусть» («Рославлевъ»). Въ «Евг. Онѣг.»: «защитникъ вольности и правъ» (I, 24); «Татьяна влюблялася въ обманы и Ричардсона и Руссо» (II, 29); «Задумчивый Р.» («Мысли на дорогѣ»).

Рылѣвъ, Кондратій Ѳедоровичъ (1795—1826). — Воспитанникъ перваго

¹ Даже враги Пушкина, гр. Сергѣй Уваровъ и М. Т. Каченовскій, подали голоса за него. *Ред.*

корпуса; до 1818 г. служилъ въ артиллеріи и вышелъ въ отставку съ чиномъ подпоручика. Первые литературныя произведенія Р. появляются въ печати съ 1820 г. (сатира на Аракчеева: «Къ временщику»). Къ этому же времени относится знакомство Р. съ Пушкинымъ. Въ 1822 г. встаетъ во главѣ Сѣвернаго Общества; 15-го декабря 1825 г. послѣдовалъ арестъ Р., 13 іюля казнень вмѣстѣ съ Пестелемъ, Каховскимъ, Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ.

Пушкинъ очень цѣнилъ дарованіе Р.—ва. Осуждая рылѣвскія «думы», въ которыхъ «національнаго русскаго нѣтъ ничего, кромѣ именъ», П. считалъ, что «Р. идетъ своей дорогой», подозрѣвалъ въ немъ «истинный талантъ» («Ив. Сусанинъ»), «въ душѣ поэтъ» («Войнаровский»). Сочиненія Р. издавались неоднократно подъ редакціей П. А. Ефремова (три изданія) и ред. М. Н. Мазаева, СПб., 1893 г. См. также «Библиотеку декабристовъ». О немъ: К о т л я р е в с к і й, Н. А. «Лит. дѣятельность декабристовъ», «Русск. Бог.», 1902 г. См. также «Записки» А. Никитенко, СПб., 1904 г. Никитенко былъ обязанъ Рылѣву освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости.

Рычновъ, Петръ Ивановичъ, авторъ перваго «Описанія гор. Оренбурга» (1744), «Ист. Оренбургская» (1759) и «Оренб. Топ.». Его рукописью объ оренб. событіяхъ пользовался Пушкинъ. (Лажечникову, 1833 и 1835). См. прим. 1 къ «Ист. Пуг. Б.».

Саади (Сади) (1184—1291). — Персидскій поэтъ. «Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече, какъ Сади нѣкогда сказалъ» (VIII, 51).

Сабуровъ, Яковъ Васильевичъ. — Лейбъ-гусарь. О немъ въ «Евг. Он.»: «тутъ былъ С., заслужившій извѣстность низостью души, во всѣхъ альбомахъ пригупившій, St. Priest, твои карандаши» (VIII, 26). О немъ уп. въ письмахъ къ Л. С. Пушкину 1824—25 г.г.

Сазоновъ, Константинъ. — Лицейскій дядька, оказавшійся участникомъ многихъ преступленій. О немъ: см. И. И. Пущинъ въ книгѣ Л. Н. Майкова «Пушкинъ», стр. 53. На него: «Заутра съ свѣчкою грошевою» (1816).

Салгирь. «Бахч. Фонт.», эпилогъ. «Евг. Он.», I, 57.

Салтыковъ, Михаилъ Александровичъ († 1851). — Адъютантъ Потемкина, попечитель Казанск. унив.; арзамасецъ; тестъ Дельвига; въ 1825 г. Пушкинъ посылаетъ поклонъ «почтенному, умнѣйшему Арзамасцу» (Дельв.). Въ 1831 г. къ С. ѣздилъ Пушкинъ, чтобы объявить о смерти Дельвига и «не имѣлъ духу» (Плетн.). Уп.: «Нащ.» (1833).

Сальери, Антоніо (1750—1825). — Извѣстный итальянскій композиторъ, занималъ мѣсто придворнаго композитора въ Вѣнѣ, авторъ ряда оперъ и ораторій; въ числѣ его учениковъ были: Бетховенъ, Шубертъ, Листъ.

Самборъ, городъ въ теперешней австрійской Галиціи («Бор. Год.»). «Я, Мнишекъ, у тебя останавлиюсь въ Самборѣ».

Сатиры, лѣсные и горные духи, спутники Діониса. «Фавнъ и Пастушка» (1817).

Сафіонось, Родося — дочь грека, убитого въ Скулянской битвѣ, воспитанница Крупянской. О помѣщеніи С. въ одинъ изъ институтовъ Пушкинъ хлопоталъ черезъ Жуковскаго. «Дочь героя... — она родня поэтамъ по поэзіи», (ноябрь, 1824), см. также письмо въ декабрѣ т. г.

Сахаровъ, Иванъ Петровичъ (1807—1863). — Этнографъ и археологъ. Пушкинъ интересовался работами Сахарова (В. Θ. Одоевскому, 1836). При жизни Пушкина уже вышла работа С.: «Сказанія русск. народа». М. 1836—37. О немъ: Пыпинъ, «Ист. р. этнографіи», СПб., 1890.

Сбогаръ («Jean Sbogar») имя героя и названіе повѣсти Шарля Нодье (1810). «Кумиромъ отроковицы» сталъ «нынче» «или задумчивый Вампиръ... или таинственный Сбогаръ» («Евг. Он.», III, 12).

Сверчокъ — прозвище А. С. Пушкина въ Арзамасскомъ Обществѣ. («Свѣтлана», Жуковскаго: «Съ трескомъ вспыхнулъ огонекъ, крикнулъ жалобно сверчокъ, вѣстникъ полуночи»). Такое прозвище было дано Пушкину по-

тому, что уже тогда юный поэтъ «въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спря-
танный въ стѣнахъ лицея, прекрасными стихами уже подавалъ оттуда свой звон-
кій голосъ» (В и г е л ь. «Записки», V, 52).

Свейскій (шведскій) государь. «Свейскій государь черезъ пословъ союзъ
свой предложилъ» («Бор. Год.»).

Свиньинъ, Павелъ Петровичъ (1788—1839). — Журналистъ, издатель
«Отеч. Записокъ»; «Россійскій жукъ» («Собр. насѣк.», 1828). О немъ сказка:
«Маленькій лжець»). Къ нему же относится басня А. Измайлова «Лжець».

Свистовъ. По комментарию Ефремова и Майкова — гр. Д. Хвостовъ, по ком-
ментарію П. Морозова и Б. Никольскаго — Барковъ. Последнее объясненіе болѣе
подходитъ къ тексту «Городка», т. к. пьесъ Хвостова Пушкину не для чего было
вносить «въ потаенну сафьяную тетрадь». Батюшковъ Свистовымъ именовалъ
Хвостова («Посл. къ Жук.»).

Святогорскій Успенскій монастырь — **Святія Горы** — въ четырехъ вер-
стахъ отъ пушкинскаго Михайловскаго. Архимандриту Св. Мон. былъ порученъ
надзоръ за опальнымъ Пушкинымъ. На кладбищѣ монастыря покоится великій
поэтъ, его мать и отецъ.

Свѣтлана — баллада Жуковскаго. «Грустна и молчалива, какъ Свѣтлана».
(«Евг. Он.», III, 5).

Селивановскій. — Издатель-книгопродавецъ. Предлагалъ Пушкину 12 т. р.
за вторыя изданія «Руслана», «Кавк. Плѣн.» и «Бахч. Фонт.» (Брату, 1825).

Селимена, главное женское лицо комедіи Мольера «Мизантропъ» («Кате-
рину», 1821).

Селина. Ларина «стала звать Акулькой прежнюю Селину». («Евг.
Он.», II, 32).

Семенова, Екатерина Семеновна, знаменитая артистка (1786—1849 г.). —
Дочь крѣпостного дворового, училась въ театральной школѣ и 1805 г., дебютиро-
вала на сценѣ въ роли Антигоны («Эдипъ въ Афинахъ» Озерова). Сценическая
дѣятельность ея продолжалась до замужества съ кн. Гагаринымъ (1827). Сцена
«опустѣла» послѣ Сем. («О драмѣ» — 1830). О ней: «Евг. Онѣг.», I, 18; «вели-
колѣпная С.» (Брату, 1822).

Сенка, Луцій Анней (54 до Р. Х. † 39 по Р. Х.). — Римскій философъ.
Уп.: «Евг. Он.», V, 22.

Сенковскій, Осипъ Ивановичъ (Баронъ Брамбеусъ) (1800—1858). — Про-
фессоръ Спб. унив., беллетристъ, критикъ, журналистъ, цензоръ (до 1833 г.) и ре-
дакторъ «Б. для чтенія». Одно изъ первыхъ его беллетристическихъ произведеній
(«Витязь Буланаго коня», «Пол. Звѣзда», 1824 г.) обратило вниманіе Пушкина.
«Арабская сказка — прелесть. Совѣтую тебѣ держать за воротъ этого С., писалъ
Пушкинъ въ 1824 г. А. Бестужеву. (Бестужевъ-Марлинскій «правиль» первыя
статьи Сенковскаго; знакомство ихъ произошло черезъ Булгарина). Пушкинъ со-
стоялъ сотрудникомъ «Б. для чтенія», но вскорѣ разошелся съ С. (съ нимъ «свя-
зываться невозможно» — Нащокину, 1836). Между безчисленными псевдони-
мами С. въ «Библ. для чтенія» появился и «А. Бѣлкинъ» (И. Бѣлкинъ — у Пуш-
кина). Относительно этого «страннаго псевдонима», Пушкинъ не безъ основанія
замѣчалъ, что С. «промышляетъ именемъ Бѣлкина» (Плетневу, 1835).

По поводу, и з д а н н о й Пушкинымъ, поэмы Виланда «Вастола», С. ото-
звался, что Пушкинъ эксплуатируетъ публику, прикрывая своимъ именемъ без-
дарные стихи. Ср. письмо Пушкина Хлюстину, 1836 г. и замѣтку изъ «Совр.» о
Вастолѣ.

Сочиненія С. изданы въ 1859 г., СПБ., 9 т. Отдѣльно: «Листки бар. Брам-
беуса», 2 т., СПБ., 1860.

Сенявинъ, Иванъ Григорьевичъ. — Адъютантъ гр. Воронцова, впоследствии
тов. мин. внутр. дѣлъ. «Славнѣйшій малый, мой пріятель; онъ доставитъ тебѣ обо
мнѣ всѣ свѣдѣнія, которыхъ только ты пожелаешь» (Брату, апрѣль, 1824).

Сень-При, графъ Эммануиль Карловичъ (1782—1863). — Французскій эми-

грантъ, русскій губернаторъ Одессы и Подоліи; въ 1822 г. вернулся во Францію. Уп.: «Евр. Онѣг.», VIII, 26, «Черн. набр.», 1829 г.

Серафимъ (1763—1843). — Въ мірѣ Степанъ Васильевичъ Глаголевскій; съ 1821 митрополитъ с.-петербургскій, извѣстный своею борьбой съ мистицизмомъ и библейскими обществами. Его отношенія къ Пушкину при выборѣ поэта въ члены Росс. Академіи (см. «Рос. Ак.»). Воспротивился отпѣванію поэта въ Исаакіевскомъ соборѣ и вообще отданію погребальныхъ почестей, какъ жертвѣ «личнаго самолюбія».

Сербиновичъ, Константинъ Степановичъ (1797—1874). — Писатель, редакторъ «Журнала Мин. Нар. Просвѣщ.» (съ 1833 г.) и цензоръ «Лит. Газеты». Когда С. замѣнилъ Щегловъ (1830), то издатели просили «дать имъ менѣе своего нраваго цензора, если ужъ невозможно возвратитъ г. С—а».

Сибилевъ. — Прихлебатель московскихъ гостинныхъ и посѣтитель чужихъ ложъ въ театрѣ («Тотъ черномазенькій» — «Горе отъ ума». См. Словарь Лит. Тип., вып. VI, стр. 51). О скандалѣ во франц. театрѣ, въ которомъ принималъ участіе С. — Вяземск., 1830. О немъ: «Русск. Арх.», 1874, II, стр. 487; сочин. Вяземск. (т. VIII, стр. 224).

Сигизмундъ I (1467—1548). — Король польскій. Вишневецкій съ самозванцемъ «уѣхалъ къ Сигизмунду» изъ Кракова («Бор. Год.»).

Сильванъ, римскій богъ лѣсовъ, родственникъ Фавну; изображался въ видѣ старца.

Силень, старшій изъ сати ровъ, спутникъ Діониса. «Старикъ» («Истина»); «Торжество Вакха».

Сисмонди, Жанъ-Шарль-Леопардъ (1773—1842). — Экономистъ и историкъ. Пушкинъ просилъ брата (1825) прислать ему «Sismondi» (littérature).

Скальдъ — народный пѣвецъ въ древней исландской и норвежской литературѣ. «Скальдъ Россіи вдохновенный», Жуковскій—«Къ Батюшкову» (1815); «Къ Жук—му», «Къ портр. Жук.» (1817).

Скарментадо («Дельвигу», 1821), см. Вольтеръ: «Histoire de voyages de Scarmentado».

Скобелевъ, Иванъ Никитичъ (1778—1849). — Началъ службу рядовымъ Оренбургскаго полка и долго добивался производства въ офицеры. Декабрскія событія застали С. уже генераломъ, но вслѣдствіи этихъ событий С. впалъ въ немилость; желая заслужить благоволеніе начальства, С. написалъ извѣстный доносъ на Пушкина (по поводу приписываемыхъ Пушкину стиховъ «Мысль о свободѣ» и «Посланіе къ другу»). «Если-бъ, писалъ С., сочинитель вредныхъ пасквилей немедленно въ награду лишился нѣсколькихъ клочковъ шкуры, было-бы лучше» («Русск. Ст.», 1871, стр. 669—673, т. 4); умеръ генераломъ отъ инфантеріи, въ должности коменданта Петропавл. крѣпости. Извѣстенъ, какъ авторъ многочисленныхъ «Разказовъ инвалида», патриотическихъ пьесъ и др. См. И. К у б а с о в ъ, «И. Н. С—ъ», «Опытъ характеристики», СПб., 1900. См. также въ «Спискѣ»: К о н о п л е в ъ.

Скобельцинъ, Федоръ Афанасьевичъ. — «За лицо, наводящее уныніе», по приказу Имп. Павла, былъ переведенъ изъ гвардіи въ армію». По пріѣздѣ въ Петербургъ, вращался въ кружкѣ Жуковскаго. Къ нему: «Письмо» (1836) о займѣ 3 т. р. Отрицательный отвѣтъ С. переданъ черезъ кн. Вяземскаго («Ист. Вѣстн.», 1880, № 6, стр. 390).

Скоттъ-Вальтеръ (1771—1831). — Англійскій романистъ. Пушкинъ увлекался чтеніемъ его романовъ. «В.-С. пища для души», писалъ поэтъ въ 1824 г. брату. Позднѣ въ 30-хъ годахъ, живя въ Болдинѣ, онъ читалъ «В.-С. и библію» (Женѣ, 1834 г.); о «восхищеніи» поэта англійскимъ романистомъ письмо къ женѣ — 1835 г. Пушкинъ еще въ 1830 г. называлъ В.-С. «шотландскимъ чародѣемъ» и считалъ, что «дѣйствіе В.-С. ощутительно во всѣхъ отрасляхъ современной ему словесности». «Главная прелесть романовъ W. Scott состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ, не съ enflure французской тра-

гедіи, не съ чопорностію чувствительныхъ романовъ, не съ dignité исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они не походятъ (какъ герои французскіе) на холопей, передразнивающихъ la dignité et la noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral, de même dans les circonstances solennelles — car les grandes circonstances leur sont familières». Его читалъ «глазами» гр. Нулинъ. Подъ вліяніемъ В.-С. вообще, «Ламермурской невѣсты» и «Эдинбургской темницы» въ частности, задумана «Капитанская дочка»; подъ вліяніемъ его и Соутти, написана пьеса «Родриго» (1833).

«Славянинъ», т. е. членъ Тайнаго Общества «Соединенныхъ славянъ».

Сленинъ, Иванъ Васильевичъ (1789—1836). — Петербургскій книгопродавецъ и издатель; купилъ черезъ Гнѣдича первое изданіе «Руслана» и «Кавк. Плѣн.» (Брату, 1822—23 г.г.). Онъ же предлагалъ за «Он.» столько, сколько Пушкинъ захочетъ». Къ нему: «И. В. С—у» (1828).

Слѣпушкинъ, Федоръ Никифоровичъ (1783—1848). — Поэтъ-крестьянинъ. За «Досуги сельскаго жителя» (Спб. 1826) Рос. Академія наградила С. золотой медалью, а имп. Николай I пожаловалъ ему часы и кафтанъ. По этому поводу Пушкинъ писалъ Плетневу изъ Михайловскаго (1826): «Слѣ-пушкину даютъ и кафтанъ, и часы, и полумедаль, а Пушкину полному — шишъ». Поэтъ считалъ, что у С. «истинный свой талантъ» и высказывалъ пожеланіе, чтобъ С. «продолжалъ идти своею дорогой» (Вяз., 1826). Пушкинъ «перечитывалъ все съ большимъ и большимъ удивленіемъ стихи С.» (Великопольскому, 1826). Пушкинъ же далъ тему С. для его пьесы «Конь и домовой».

Смирдинъ, Александръ Филипповичъ (1795—1857). — Петербургскій книгопродавецъ, издатель «Библіотеки для чтенія» и сочиненій Пушкина. По условію, заключенному отъ имени Пушкина Плетневымъ въ 1830 г., С. приобрѣлъ на четыре года право издавать всѣ уже вышедшія сочиненія Пушкина, уплачивая поэту въ теченіи этого срока ежемѣсячно по 600 р. ас. Когда въ 1835 г. Пушкинъ готовился издавать «Совр.», Смирдинъ предлагалъ ему 15 т. р., чтобы онъ отъ своего предпріятія отступился и сталъ бы снова сотрудникомъ его «Библіотеки». Пушкинъ отвѣчалъ отказомъ, ибо «Сенковскій такая бестія, а Смирдинъ такая дура, что съ ними связываться невозможно» (Нащокину, 1835). На него эпигр. въ письмѣ Яковлеву (1836). См. также «Воспом. гр. Соллогуба», М., 1866 г.

Смирнова, Александра Осиповна, урожденная Россетти (1810—1882). — Фрейлина имп. Александры Ѳеодоровны, «придворныхъ витязей гроза». Въ 1833 г. вышла замужъ за Н. М. Смирнова. Была въ дружественныхъ отношеніяхъ съ кружкомъ Жуковскаго, позднѣе сблизилась съ Гоголемъ. Къ ней: «Ея глаза» (1828); «Въ альбомъ» (1832); «Экспромтъ» (1832). «Черноокая Россеттъ» (Плетневу, 1831); въ этомъ же письмѣ Пушкинъ вспоминаетъ объ «южной ласточкѣ, смутло-румяной красотѣ нашей». О ней же отмѣтка въ «Дневникѣ» 1834 г. Ея «записки» (далеко не достовѣрныя) приведены въ порядокъ и изданы ея дочерью, Спб. 1894. См. В. Шенрокъ. «Мат. для біографіи Гоголя», т. I, М. 1892.

Смирновъ, Николай Михайловичъ († 1870). — Служилъ въ мин. иностр. дѣлъ, позднѣе былъ калужскимъ губернаторомъ. Умеръ сенаторомъ. Его воспомин. о Пушкинѣ («Русск. Арх.» 1882, I).

Смитъ, Адамъ (1723—1790). — Англійскій экономистъ и философъ. «Зато читалъ Адама Смита и былъ великій экономъ» («Евг. Он.» I, 7).

Соболевскій, Сергій Александровичъ (1803—1870). — Сотоварищъ Льва Серг. по унив. пансіону, одинъ изъ пріятелей поэта, извѣстный въ обществѣ своими язвительными эпиграммами и мѣткими словечками; многія изъ нихъ приписывались Пушкину. «Mylord qu'importe» называли С. въ обществѣ; «Калибанъ» въ дружескомъ кружкѣ. Служилъ въ архивѣ ин. дѣлъ, потомъ долго прожилъ за границей и принялся за коммерческія дѣла (основалъ Сампсоніевскую

мануфактуру). Извѣстны вмѣшательство С. въ дуэль Пушкина съ Ѳ. Толстымъ (1826), его совѣты и помощь въ семейныхъ и денежныхъ дѣлахъ поэта. У него въ 1826 г. гостилъ въ Москвѣ Пушкинъ. Многочисленныя библиогр. розысканія и статью С. см. «Р. Арх.» 1870, № 11. Тамъ же его некрологъ и стихотворенія; тамъ же (1878, № 1) ст. Н. Березина-Ширяева о знакомствѣ съ С., см. также «Записки» М. И. Глинки и «Воспом.» Н. Павлицева.

Современникъ, литературный журналъ Пушкина, выходившій каждые три мѣсяца по одному тому. Первая мысль о журналѣ, въ родѣ «Edinburgh Review», высказана въ письмѣ къ Катенину еще въ 1826 г. Въ 1836 г., осуществляя давнюю мечту, Пушкинъ сообщалъ Бенкендорфу о своемъ желаніи издать «четыре тома статей чисто литературныхъ»; С., по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ «Литературной Газеты» (Объявленіе объ изданіи). Послѣ Пасхи 1836 г. вышелъ № 1 «Современника», см. также ниже Перечень: «Сочиненія П.»

Содомъ, эпитетъ данный Кишинеу (кн. Вяз. письмо 1823 г.).

Созій (письмо Дмитріеву, 1836 г.) имя слуги Амфитріона въ комедіи Мольера «Амфитріонъ».

Соколовъ, Петръ Ивановичъ (1766—1835). — Секретарь Рос. Академіи, умершій «на щитѣ, т. е. на послѣднемъ корректурномъ листѣ своего словаря (Дмитріеву, 1835). См. Сухомлиновъ, «Ист. Рос. Ак.», т. 8.

Солнцева, Елисавета Львовна († 1848). — Тетка Пушкина, жена М. М. С—а.

Солнцева, Ольга Матвѣевна, двоюродная сестра поэта.

Солнцевъ, Матвѣй Михайловичъ († 1847). — Камергеръ; жилъ въ Москвѣ на покоѣ. Послѣ исторіи въ театрѣ съ Сибилевымъ «возвысилъ свой голосъ», «объявилъ себя обиженнымъ въ лицѣ Сибилева и цугомъ поѣхалъ къ нему на Сѣзжую (Вяз., 1830). Пушкинъ возилъ С. къ своей невѣстѣ (Пб.). Исторія производства С. въ камергеры «на основаніи физическихъ уваженій» у Вяз. Сочин. т. VIII, стр. 159.

Соловецкій монастырь (Соловки). — Основанъ въ 1614 г. преп. Савватіемъ и Зосимой на одномъ изъ острововъ Бѣлаго моря. Съ XVI в. до 1905 г. служилъ мѣстомъ ссылки и заточенія. Пушкину грозила ссылка въ С. въ 1820 г. и, лишь вслѣдствіи хлопотъ Чаадаева и заступничества Карамзина, вмѣсто С., великій поэтъ былъ отправленъ на югъ Россіи. «Спаси меня хоть крѣпостью, хоть С. М., писалъ П. Жуковскому изъ Михайловскаго (1824 г.). «Поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе» («Бор. Год.»). См. М. Колчинъ. «Ссыланные и заточенные въ острогъ С. М.». Изданіе «Посредника».

Сомовъ, Орестъ Михайловичъ. — Журналистъ. Редакторъ «Литературн. Газеты», соиздатель «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», ближайшій сотрудникъ Дельвига (дуумвиръ). О немъ: В. В. Даниловъ. «Р. Филолог. Вѣстн.» 1908, № 3 и 4. По поводу этой статьи см. С. Браиловскій «Пушкинъ и О. Сомовъ», Сб. «Пушкинъ» XI, стр. 94.

Сосницкая, Елена Яковлевна (1794—1871). — Знаменитая р. артистка, дочь извѣстнаго пѣвца Воробьева, жена Ив. Ив. Сосницкаго. Къ ней: «Въ альбомѣ» (1818).

Сосницкій, Иванъ Ивановичъ (1794—1877). — Драматическій артистъ. «Прогр. Комедіи» (1821).

Соутти, Робертъ (1774—1843). — Англійскій поэтъ. Въ письмѣ Гнѣдичу (1822) Пушкинъ проситъ Жуковскаго, переведившаго поэму С. «Родриго», оставить «въ покоѣ» С. Отрывокъ изъ поэмы С. «Медокъ» («Madoc») переведенъ Пушкинымъ (1830); имъ же дана тема для «Родриго» (1832).

Спасскій, Иванъ Тимофеевичъ. — Докторъ медицины. «Искусный» врачъ, неоднократно пользовавшій поэта и его семейство. Сдѣлалъ первую перевязку раненному Пушкину и присутствовалъ при его послѣднихъ минутахъ.

Сперанскій, графъ Михаилъ Михайловичъ (1772—1839). — Извѣстный

государственный дѣятель. Пушкинъ бывалъ у С. (1833) и слушалъ рассказы объ его изгнаніи. Пушкину принадлежить такое сравненіе С. и Аракчеева: «Вы, (т. е. С. и Аракчеевъ) стоите въ дверяхъ противоположныхъ этого (александровскаго) царствованія, какъ гении зла и блага». О немъ: М. К о р ф ѣ. «Жизнь гр. С—аго». Спб. 1861, 2 т.

Сталь, баронесса Анна-Луиза, урожденная Неккеръ (1766—1817). — Французская писательница. 1812—1821 г.г. провела въ Россіи и Швеціи. (Ея книга: «Десятилѣтнее изгнаніе», Р., 1821). Когда Мухановъ перевелъ отрывокъ изъ этой книги и снабдилъ его своими «замѣчаніями», Пушкинъ подъ псевдонимомъ «Ст. Арз.» («Старый Арзамасецъ») выступилъ на защиту «славной памяти С.»; «Евг. Он.», VIII, 35; «Рославлевъ».

«Старина и Новизна» — историческій литературный сборникъ, изданный въ 1837 г. кн. П. А. Вяземскимъ.

Строевъ, Павелъ Михайловичъ (1796—1876). — Археологъ и историкъ. Объ его «Ключѣ къ исторіи Госуд. Рос.» Карамзина см. «Замѣтки изъ Современ.», 1836 г. О немъ: Н. Барсуковъ, «Жизнь и труды П. М. С.», Спб., 1878.

Стенька Разинъ, см. Р а з и н ѣ, С т е н ѣ к а.

Сороть, рѣка въ Тригорскомъ. «С. голубая» (Язык.). «Письма Осиповой, П. А.», 1828 и 29 г.г.; «Евг. Онѣг.», Путеш.

Стернь, Лауренсъ (1713—1768). — Пушкинъ высоко ставилъ англійскаго юмориста и его романъ «Тристамъ Шенди» (1762); «Вся Лалла-Рукъ (Т. Мура) не стоитъ десяти строчекъ Шанди» (Вяз., 1822). Уп.: «Мысли на дорогѣ». (Русск. перев.: «Жизнь и убѣжденія Т. Шенди», Спб., 1890).

Столыпинъ, Аркадій Алексѣевичъ (1778—1825). — Сенаторъ.

Строгоновъ, графъ Александръ Григорьевичъ (1795—1891). — Генераль-адъютантъ, мин. вн. дѣлъ (39—40 г.г.), членъ Госуд. Совѣта. Былъ женатъ на Н. А. Кочубей.

Стурдза, Алесандръ Снарлатовичъ (1791—1854 г.). — Румынъ по происхожденію, учился въ Германіи, университеты которой, по словамъ С. (1818 г.), являются «разсадниками революціоннаго духа и атеизма». Служилъ по дипломатической части, одно время увлекался религіозными вопросами. Пушкинъ познакомился съ нимъ въ Одессѣ и тогда же воспѣлъ «библическаго» и «монархическаго» С. (Брату, 1823); «Записки С.», «Русск. Ст.», 1873 г., т. XV.

Суворовъ, Александръ Васильевичъ (1730—1800). — Уп.: «Восп. въ Ц. Селѣ»; «Бород. год.» (1831).

Судіенно, Михаилъ Осиповичъ († 1872). — «Пріятель» Пушкина, товарищъ его «холостой жизни». У С. нѣсколько разъ обѣдалъ Пушкинъ во время пребыванія въ Москвѣ (Женѣ, 1833).

Сумароковъ, Александръ Петровичъ (1718—1777). Пушкинъ не любилъ С. Въ своемъ юношескомъ посланіи «Къ Жуковскому» онъ называетъ С. «карликомъ, въ сравненіи съ Расиномъ». «Русскій Расинъ», какъ прозывали С., «риѣмому попралъ и вкусъ и умъ». «Слабое дитя чужихъ уроковъ, завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ, безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ, предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ, и съ Пинда брошенный и проклятый Расиномъ». Позднѣе, въ одной изъ критическихъ статей («О драмѣ», 1830 г.), П. называетъ С. «несчастнѣйшимъ изъ подражателей», а трагедіи его «вялыми и холодными», исполненными противомыслія, написанными варварскимъ языкомъ». Въ замѣткахъ, на поляхъ оттиска біографіи Озерова (см. «Озеровъ»), составленной Вяземскимъ, Пушкинъ выражается еще рѣшительнѣе: «все въ немъ дрянъ, кромѣ нѣкоторыхъ одъ». Уп. въ «Кап. Дочкѣ». По словамъ Гринева, С. очень похвалилъ его стихотворенія. Сочиненія С. въ 10 т. изд. Новиковымъ, М. 1781—82 и 2-ое изд. М., 1787. О немъ: Н. Буличъ. С. и современная ему критика. Спб., 1854. Стихотворенія С. и литература о немъ въ «Русской Поэзіи» С. Венгерова, т. I и «Дополненія», стр. 362.

«Сургучныя палки». «Орловъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ дѣлаеть палки сургучныя, а палки въ своей дивизии уничтожилъ (Вяз., 1822). М. Ѳ. Орловъ, дѣйствительно уничтожилъ въ своей дивизии тѣлесныя наказанія. «Палки сургучныя» относятся къ сургучной фабрикѣ Орлова, которую онъ завелъ въ Кишиневѣ.

Суцо, Александръ († 1821). — Господарь Валахїи; его братъ Михаилъ С. былъ правителемъ Молдавіи. Бѣжалъ при наступленіи А. Инсиланти. («А. Раевскому», 1821).

«Сынъ Отечества», еженедѣльный журналъ. Выходилъ съ 1812 г. — редакція Греча, съ 1825 г. редактировалъ Гречъ совмѣстно съ Булгаринымъ. Въ 1838 г. перешелъ къ Смирдину; въ 1840 г. редакторомъ «С. О.» былъ Никитенко, въ 1841 г. Сенковскій и затѣмъ К. Масальскій. Журналъ, переходя отъ издателя къ издателю, просуществовалъ до 1852 г. и закончилъ свое существованіе въ изданіи П. Фурмана. Письмо къ изд. «С. О.» (1824).

Съверинъ, Дмитрій Петровичъ (1791—1865). — Членъ «Арзамаса». Пушкинъ встрѣтился съ С. въ Одессѣ, гдѣ послѣдній находился на службѣ. На эпиграмму «Жалоба» (1822) С. обидѣлся на поэта («Я съ нимъ поссорился и не кланяюсь» — Вяз., 1823 г.).

«Съверная Пчела» — политическая и литературная газета Ѳ. В. Булгарина (1825 г.) и Н. И. Греча, совмѣстно съ Булгаринымъ (1831—1859).

«Съверные Цвѣты», — альманахъ, издававшійся Дельвигомъ, 1825—1831 (семь книжекъ). Послѣдняя восьмая книга издана Пушкинымъ въ 1832 г.

«Съверные Шмели», — изд. «Съверной Пчелы» — Булгаринъ и Гречъ. (Погодину, 1828).

«Съверный Наблюдатель», — еженедѣльный журналъ, выходившій въ 1817 г. подъ редакціей П. А. Корсакова (СПБ.). Въ «С. Н.» печатались юношескія произведенія Пушкина.

Сэй (Сей), Жанъ-Баптистъ (1767—1832). — Французскій экономистъ. Переводы сочиненій С. на русскій языкъ начали появляться въ 20-хъ годахъ XIX стол. «Хоть, можетъ быть, иная дама толкуеть Сея и Бентама» («Евг. Он.», I, 42).

Таврида, см. Крымъ.

Талія («Русская Талія»), — альманахъ Булгарина.

Талія (Thalia-цвѣтушца). Одна изъ семи музъ, покровительница комедіи. «Игривая Т.» («Городокъ»). «Къ Натальѣ», «Гдѣ Талія тихонько дремлетъ и плескамъ дружескимъ не внемлетъ» («Евг. Он.», VII, 50).

Талонъ — рестораторъ въ Петербургѣ. Онѣгинъ всегда «былъ увѣренъ», что Каверинъ ждетъ его у «Талонъ» къ обѣду, гдѣ подавался «французской кухни лучшій цвѣтъ» («Евг. Он.», I, 16).

Тальма, Франсуа-Жозефъ (1763—1826). — Знаменитый французскій актеръ. Т. «совсѣмъ оглохъ, слабѣеть» («Гр. Нул.»).

Таманъ — древняя Тмутаракань, стан. Куб. области. Пушкинъ былъ въ Т. проѣздомъ съ Кавк. мин. водъ въ Крымъ (1820). Евгеній прибылъ изъ Тамани въ Крымъ (Пут.). Ср. у Лермонтова «Таманъ».

Тарасенко-Отрѣшковъ, Наркизь Ивановичъ. — Знакомый Пушкина, авторъ журнальныхъ статей, редакторъ предполагаемой литературной и политической газеты Пушкина (1832). Одинъ изъ членовъ опеки надъ дѣтьми поэта. См. Анненковъ. Восп. и крит. очерки, т. III; Павлицевъ, «Изъ сем. хроники».

Тардифъ. — Кишиневскій рестораторъ, «любимецъ Кома» («Изъ зап. прїят.», 1822).

Тарквиній, см. Лукреція.

Тарсисъ «черноокая». («Кишин. Дамы» — 1821). Сестра К. А. Катакази, «дѣва лѣтъ сорока, не красивая, но образованная» (Липранди, «Воспом.»).

Тассо, Торквато (1544—1595). — Итальянскій поэтъ, авторъ «Освобожденнаго Іерусалима» (Русск. переводъ Д. Мина, изд. Суворина). Сочиненія Тассо Пушкинъ любилъ читать «въ часъ утренній досуга» («Городокъ», 1814).

«Слаще, средь ночныхъ забавъ, напѣвъ Торкватовыхъ октавъ» («Евг. Онѣг.», I, 48).

Татищевъ, Василій Никитичъ (1686—1750). — Историкъ. «Русская исторія» Т., СПб., 1768—1784 г.г., 4 т. «О Т—ѣ» (1836).

Тацитъ, Корнелій (55—120). — Римскій историкъ. «Бичь тиранновъ». См. «Замѣчанія на Анналы Т.» и «Характеристику Т.».

«Телескопъ» (1831—1836). — Журналъ Надеждина, издавался въ Москвѣ. Въ «Т.» появились статьи Ѳ. Косичкина.

Темира. «Измѣны» (1814); «Мое завѣщаніе», «Моему Арист.» (1815); «Посл. В. Пушкину» (1817); «Вельможъ» (1830). «Темира, Дафна и Лилета, какъ сонъ, забыты мной давно». («Евг. Он.», IV, 3 пропущ.).

Тепляковъ, Викторъ Алексѣевичъ (1804—1842). — Поэтъ; служилъ вице-консуломъ въ Молдавіи. Т. познакомился съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ и они были постоянно вмѣстѣ во время загородныхъ прогулокъ. Въ 1835 г. вышелъ сборникъ стихотвореній Т. («Ѳракійскія элегіи»), Пушкинъ далъ о нихъ сочувственный отзывъ въ «Соврем.», 1836 г.

Тепперъ де-Фергюсонъ. — Лицейскій преподаватель музыки и пѣнья. Его домъ часто посѣщали лицеисты. На одномъ изъ вечеровъ Т. были написаны Пушкинымъ франц. куплеты «L'amour aussi...» (1817).

Терекъ «играетъ въ свирѣпомъ весельѣ», «играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой, завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной; и бѣтается о берегъ въ враждѣ безполезной и лижетъ утесы голодной волной» («Кавказъ», 1829); См. также «Обваль»; «Т. своенравный. крутые роетъ берега» («Евг. Он.», Пут.).

Терпсихора, одна изъ девяти музъ. Муза танцевъ и хорового пѣнія. «Юрьеву» (1818); «Услышу-ль вновь я ваши хоры? Узрю-ли русской Терпсихоры, душой наполненный полетъ» («Евг. Он.», I, 19). «Діаны грудь, ланиты Флоры, прелестны, милые друзья! Однако-жъ ножка Терпсихоры прелестнѣй чѣмъ-то для меня» (I, 32) VII, 50.

«Тетка» (письма женѣ). См. Загряжская, Екат. Ив.

Тибуллъ. — Римскій поэтъ временъ Августа. Пушкинъ говорилъ о себѣ, что онъ «во имя Аполлона Т. окрещенъ» («Къ Батюшкову», 1815). Элегіи Т. въ переводѣ Фета, СПб., 1898, изд. 2-ое, А. Маркса.

Тимашева, Екатерина Александровна, урожденная Загряжская (1798—1881). — Жена наказного атамана Оренб. каз. войска, представительница московскаго большого свѣта и поэтесса. Къ ней: «Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ» (1827).

Тимковскій. Цензоръ. «О чемъ цензуру ни прошу, ото всего Т—ій ахнетъ» («Дельв.», 1821). Т. было цензуровано первое изданіе «Русл. и Л.» (1820). О немъ: «Тимковскій царствовалъ» (1824); «Посл. къ цензору», П.

Тиртей. — Спартанскій пѣвецъ. Уп.: «Греція» (1823).

Тиссо, Симонъ-Андре (1728—1797). — Французскій врачъ, авторъ многихъ научныхъ и популярныхъ книгъ по медицинѣ. Евгений «прочелъ Гиббона, Руссо,... Биша, Тиссо» («Евг. Он.», VIII, 35).

Тодорашка — Ѳедоръ Егоровичъ Крупенскій, братъ вице-губернатора Бессарабіи («Кишин. дамы»: «Т. въ васъ влюбленъ» (1821).

Толстая, Аграфена Ѳедоровна, см. Закревская.

Толстая, Сарра Ѳедоровна (1817—1838). — Дочь Толстого-американца. Писательница. Ея сочиненія «въ стихахъ и прозѣ», М., 1839. «Почти сумасшедшая, живетъ въ мечтательномъ мірѣ, окруженная видѣніями, переводитъ съ греческаго Анакреона и лѣчится омеопатически» (Женѣ, 1836).

Толстой, Варроломей Васильевичъ. Его домашній театръ въ Ц. Селѣ посѣщался лицеистами. Въ одну изъ крѣпостныхъ артистокъ графа (см. Наталья) былъ влюбленъ Пушкинъ лицеистомъ. О немъ: «отъ сна возставъ, идетъ къ окну сенаторъ» (Черн. набр., «М. Вс.»).

Толстой, Яковъ Николаевичъ (1791—1867). — Членъ «Зеленой Лампы», «философъ ранній», промѣнявшій «на лампаду Эпиктета» «златой Горациевъ фіалъ» («Стансы» — 1819). Писалъ стихи, переводилъ для сцены. Декабрьскія событія застали Т. за границей; бывшій участникъ «Тайнаго Общества» закончилъ свои дни заграничнымъ агентомъ III-го отдѣленія. Письма Т.—Пушкина, — 1822 г. О немъ: Б. Модзевскій, «Я. Н. Т—ой», 1899 г. Отд. оттиски изъ «Русск. Стар.», т. г.

Толстой, Федоръ Ивановичъ, графъ (1782—1846). — Пріятель Батюшкова, Жуковского, кн. Вяземскаго и Пушкина. Служилъ въ Преображенскомъ полку, затѣмъ волонтеромъ отправился, вмѣстѣ съ Крузенштерномъ, въ кругосвѣтное путешествіе; послѣ ссоры съ Крузенштерномъ, былъ высаженъ на берегъ и нѣкоторое время провель на Алеутскихъ островахъ (отсюда его прозвища: «американецъ», «алеутъ»). Участвовалъ въ кампаніи 1808—1809 г., но за рядъ скандаловъ былъ разжалованъ въ солдаты. На войнѣ 1812 г. заслужилъ георгиевскій крестъ и производство въ офицеры. «Ночной разбойникъ, дуэлистъ», по характеристикѣ Грибоѣдова. Пушкинъ былъ съ нимъ пріятелемъ, но въ 1820 г. (за отзывы Т. о поэтѣ) заклеилъ его эпиграммой: «Въ жизни мрачной и презрѣнной». Ему же строки въ «Посланіи Чаадаеву». Характеристика Т. дана кн. Вяземскимъ:

Американецъ и цыганъ,
На свѣтѣ нравственномъ загадка,
Котораго, какъ лихорадка,
Мятежныхъ склонностей дурманъ
Или страстей кипящихъ схватка
Всегда изъ края мечеть въ край,
Изъ рая — въ адъ, изъ ада — въ рай,
Котораго душа есть пламень,
А умъ — холодный эгоистъ;
Подъ бурей рока твердый камень,
Въ волненьи страсти — легкій листъ...

Послѣдніе два стиха Пушкинъ очень желалъ взять эпитафией для «Кавк. Пльн.», но оставилъ свое намѣреніе, т. к. эти строки относились къ Т. Впослѣдствіи они примирились, и не кто какъ Толстой явился въ роли свата, прося отъ имени Пушкина у Н. И. Гончаровой руку ея дочери. См. о немъ: Вяземскій, соч.

«Въ немъ было много хорошихъ качествъ, писалъ Жуковский, узнавъ о смерти Т. ...У меня всегда къ нему лежало сердце». Л. Н. Толстой, которому Ф. И. приходился двоюроднымъ дядей, помнилъ «его прекрасное лицо, бронзовое, бритое, съ густыми бѣлыми бакенбардами до угловъ рта, и такіе же бѣлые курчавые волосы», «этого необыкновеннаго, преступнаго и привлекательнаго человѣка»... Писемскій вывелъ семью Т. въ «Людахъ сороковыхъ годовъ».

Герценъ характеризуетъ Т. и его время: «Удушливая пустота и нѣмота русской жизни, страннымъ образомъ соединенная съ живостью и даже бурностью характера, особенно развиваетъ въ насъ всякія уродства. Въ пѣтушьемъ крикѣ Суворова... и буйныхъ преступленіяхъ Толстого-Американца, я слышу родственную ноту, знакомую намъ всѣмъ, но которая у насъ ослаблена образованіемъ или направлена на что-нибудь другое... Онъ развилъ однѣ буйныя страсти, однѣ дурныя наклонности, и это неудивительно: всему порочному позволяютъ у насъ развиваться долгое время безпрепятственно, а за страсти человѣческія посылаютъ въ гарнизонъ или въ Сибирь при первомъ шагѣ»... — См. «Эпиграмму» Пушкина (1820).

Толстой, графъ Федоръ Петровичъ (1783—1873). — Извѣстный художникъ, вице-президентъ академіи художествъ и энергичный дѣятель въ области русскаго искусства. «Кисть его» П. называлъ «волшебной» (А. Бестужеву, 1825). Его «Записки», см. «Русск. Старина», 1871 г., т. VII.

Томсонъ, Джемсъ (1700—1748). — Англійскій поэтъ; изъ него много переводилъ Жуковскій. «Къ сестрѣ» (1814).

Трандафель (Трандофьрь) — прозвище Каченовскаго.

Тригорское, село Пск. губ., Опоч. у., въ верстѣ отъ пушкинскаго Михайловскаго. Пожаловано Екатериной II. Вындомскому — отцу П. А. Осиповой, затѣмъ перешло къ ея сыну отъ перваго брака А. Н. Вульффу. Пушкинъ посѣтилъ Т. вскорѣ послѣ окончанія лицея 1817 и 1819 г.г. («Простите вѣрныя дубравы» — 1818). Въ 1824—25 г. опальный поэтъ близко сошелся съ хозяевами Т. «Отъ вельможъ уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ, въ далекій сѣверный уѣздъ». («Евг. Он.», Путеш.). «Вообразать я вѣчно буду васъ, тѣни прибережныхъ ивъ, васъ, миръ и сонъ Тригорскихъ нивъ». (Путеш.). Въ письмѣ Языкову (1836 г.), Пушкинъ посылаетъ ему поклонъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти». См. Михайловское. Въ 1835 г. Пушкинъ дважды посѣтилъ Т. Описание нынѣшней Тригорской библіотеки, гдѣ, однако, не сохранилось «ничего прямо относящагося къ Пушкину», дано Б. Л. Модзалевскимъ. «Пушкинъ», В. I, стр. 1—190.

«Тристрамъ Шенди», см. Стернь.

«Третье Отдѣленіе» (1826—1880). Историческое «III-е Отдѣленіе» возникло какъ самостоятельное учрежденіе по указу Имп. Николая I (1826) изъ Особой Канцеляріи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; просуществовало до 6-го августа 1880 г., когда всѣ дѣла «III Отдѣленія» Собственной Его Величества Канцеляріи были переданы въ Департаментъ Полиціи Министерства внутреннихъ дѣлъ. Во главѣ «III Отдѣленія» въ пушкинскіе дни стоялъ шефъ жандармовъ и командующій Главною Императорскою квартирою, графъ А. Х. Бенкендорфъ.

Третьяковскій, Василій Кирилловичъ (1703—1769). — Въ «Посланіи къ Батюшкову» (1814) Пушкинъ проситъ оставить Т. «въ столь часто рушимомъ покоѣ». «Мевія надутый образецъ» («Жук.», 1817). См. также эпигр. на Каченовскаго 1829 г. По словамъ Швабрина, стихи Гринева «достойны учителя его «В. К. Третьяковскаго и очень напоминаютъ» его «любовныя куплетцы». («Кап. Дочка»). Пушкинъ одинъ изъ первыхъ далъ переоцѣнку Т., какъ ученому и писателю, поставивъ его «выше Сумарокова». Пушкинъ находилъ, что «его филологическія и грамматическія изъясненія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевести стихами и самый выборъ стиха, доказываютъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Телемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ. Вообще же «изученіе Т. приноситъ болѣе пользы, нежели прочихъ нашихъ старыхъ писателей: Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ Т.». «За Василія Т., признаюсь, я готовъ съ вами поспорить. Вы оскорбляете человѣка, достойнаго во многихъ отношеніяхъ уваженія и благодарности нашей. Въ дѣлѣ же Волинскаго играетъ онъ лицо мученика. Его донесеніе Академіи трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать безъ негодованія на его мучителя» (Лажечник., 1835). См. «Р. поэзія», ред. С. А. Венгерова, т. I.

Троцинскій, Дмитрій Прокофьевичъ (1754—1829). — Статсъ-секретарь Екатерины II, сенаторъ при Павлѣ I, министръ удѣловъ и потомъ юстиціи при Александрѣ I («Дневникъ», 1834).

Трубецкая, Екатерина Ивановна, урожденная гр. Лаваль († 1853). — Жена С. П.; послѣ ссылки мужа, послѣдовала за нимъ въ Сибирь.

Трубецкой, князь Сергѣй Петровичъ (1790—1860). — Декабристъ. Полковникъ гвардіи, основатель «Союза Спасенія», одинъ изъ трехъ предсѣдателей «Южнаго Общества», а съ 1825 г. предсѣдатель «Сѣвернаго Общества». Отнесенъ «къ первому разряду преступниковъ» и сосланъ на вѣчную каторгу. «Записки» Тр. изданы его дочерьми. СПб. 1906.

Туманскій, Василій Ивановичъ (1802—1860). — Поэтъ; служилъ при кан-

целяриі Новоросс. генераль-губернатора въ Одессѣ, гдѣ и познакомился съ Пушкинымъ. О немъ: «Евг. Он.», Пут., «Альбомъ Он.», 15.

Стихотв. Т., СПБ., 1881. Письма и неизд. стих. Черниговъ, 1891. О немъ: С. Браиловскій, «В. И. Т—й», СПБ., 1892.

Туманскій, Федоръ Антоновичъ († 1853). — Двоюродный братъ В. И. Т., авторъ извѣстной «Птички» («Вчера я растворилъ темницу воздушной плѣнницы моей»). Служилъ въ Яссахъ и познакомился съ Пушкинымъ еще въ Кишиневѣ. Немногочисленные стихотворенія Ѳ. А. перепечатаны въ «Сборникѣ стиховъ» В. И. Туманскаго. Ему письмо Пушкина (1824).

Тургеневъ, Александръ Ивановичъ (1784—1845). — Питомецъ Моск. благороднаго пансіона, сотоварищъ и другъ Жуковскаго; служилъ въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ (отсюда: «Ключи отъ рая», «преосвященство», «муфти» въ пьесахъ и письмахъ Пушкина). «Вѣрный покровитель» поэта съ дѣтства». По настоянію Т., помѣщенъ Пушкинъ въ лицей («А. И. Т. былъ единственнымъ орудіемъ помѣщенія его въ лицей», писалъ Сергій Львовичъ кн. Вяземскому въ 1838 г.). Т. же хлопоталъ объ участи опальнаго поэта («Тургеневу я обязанъ перемѣной своей судьбы», т. е. переводомъ изъ Кишинева въ Одессу», писалъ самъ поэтъ Вяз., 1823 г.). Тургеневъ привѣтствовалъ первый расцвѣтъ пушкинскаго гения и онъ же проводилъ тѣло Пушкина «въ его послѣднее жилище». «Да узнаетъ Россія, что она Т. обязана любимымъ его поэтомъ» (Изъ письма С. Л. Пушкина Вяземскому. Гротъ. Пушкинъ). Имъ же дано описаніе послѣднихъ минутъ поэта («Пушк. и его совр.»).

Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ (1818—1883). — О встрѣчѣ съ Пушкинымъ см. «Вечеръ у Плетнева». Къ нему, по наслѣдству отъ А. И. Тургенева, перешелъ Пушкинскій перстень-талиманъ», снятый съ руки умершаго поэта Жуковскимъ.

Тургеневъ, Николай Ивановичъ (1789—1871). — Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей александровской эпохи. Назначенный статсъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта, Т. подалъ императору Александру I записку «о крѣпостномъ состояніи въ Россіи». Въ 1824 г. покинулъ Россію, которую ему удалось увидѣть лишь въ 1857 г., былъ привлеченъ по дѣлу о декабристахъ и заочно осужденъ. О немъ: И. С. Тургеневъ. Сочиненія, т. XII. «Записки Д. Свербеева», М. 1899. Сочиненія Н. И. Т., за исключеніемъ «Опыта теоріи налоговъ» (СПб., 1818 г.), появились за границей и только за послѣднее время могли быть переизданы въ Россіи: «Записки изгнанника». Изд. «Общ. Польза», 1907 г., «Россія и русскіе» въ «Библіотекѣ декабристовъ». М. 1907 г. и въ изд. Руттенберга, СПБ., 1907.

Тургеневъ, Сергій Ивановичъ († 1827). — Младшій братъ А. и Н. Т—выхъ. Состоялъ въ арміи при гр. Воронцовѣ; въ 1821 г. былъ прикомандированъ къ русскому посольству въ Константинополь. «Мятежный драгоманъ». Его поздравлялъ Пушкинъ съ прибытіемъ «изъ Турціи чуждой, въ Турцію родную» (1821, авг.). Къ нему: «С. И. Т—у» и письмо 1821 г.

Уваровъ, Сергій Семеновичъ, графъ (1786—1855). — Членъ «Арзамаса» и впоследствии врагъ Пушкина. Началъ свою службу въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; при министрѣ Разумовскомъ назначенъ былъ попечителемъ Спб. учебнаго округа. Съ 1818 г., до самой смерти, состоялъ президентомъ Академіи Наукъ. 1833—1849 г.г., былъ министромъ народнаго просвѣщенія и въ 1849 г. возведенъ въ графское достоинство. Пьеса Пушкина «На выздоровленіе Луккула» — гр. Шереметева, близкаго родственника Уварова — вызвала со стороны У. жалобу шефу жандармовъ на Пушкина (См. Ж о б а р ь). Пьесы поэта вообще вызывали подозрительное вниманіе У., сводившаго счеты даже послѣ смерти Пушкина (см. ниже: «Пушкинъ и цензура»). Списокъ «Лит. Трудовъ» У. «Русск. Арх.», 1871 г. Тамъ же замѣтки М. Погодина для біографіи У.

Уранія, альманахъ Погодина, М. 1825. Пушкинъ былъ противъ продолженія его изданія (Погод., 1827).

«Уставъ наѣздника» («Сѣтованіе», 1821). «Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія» Д. В. Давыдова. СПб. 1821.

Уткинъ, Николай Ивановичъ (1780—1863). — Знаменитый русскій художникъ-граверъ. У. гравированъ дважды извѣстный портретъ Пушкина, работы Кипренскаго.

Ушакова, Екатерина Николаевна, въ замужествѣ Наумова. Пушкинъ посѣщаль домъ У—выхъ на Средней Прѣснѣ и увлекался Е. Н. Ей пьесы: «Въ отдаленіи отъ васъ» (1829); «Я васъ узналъ, о мой оракуль» (1829); «Отвѣтъ» (1830).

Ушакова, Елисавета Николаевна, въ замужествѣ Киселева († 1872). — Младшая сестра Ек. Н. Къ ней: «Вы избалованы природой». Въ ея альбомѣ Пушкинъ внесъ два списка «царицъ души» («донжуанскіе списки»). У. начала писать «Воспоминанія былого, по счастливаго времени», однако, ея живой рассказъ обрывается на первыхъ же страницахъ. См. Л. Н. Майковъ, «П—ъ», стр. 356—360.

Ушаковъ, Александръ Клеопакевичъ (1803—1877). — Авторъ «Исторіи военныхъ дѣйствій въ Аз. Турціи въ 1828—29 г.г.». СПб., 1836. Во второмъ томѣ «Ист.» говорится объ участіи Пушкина въ бою. «Письмо У—у» (1836). Замятка о книгѣ Пушкина въ «Соврем.» того же года.

Фавнь — (favere = быть благосклоннымъ). Добрый богъ, покровитель луговъ, полей и стадъ. «Угрюмый житель лѣсовъ и горъ крутыхъ», докучливый гонитель пастушекъ молодыхъ» («Ф. и Пастушка», 1816).

Фебъ — foibos = чистый, свѣтлый, одинъ изъ эпитетовъ Аполлона. «Воспитанъ Ф. былъ Вольтеръ («Городокъ»). Поэты говорятъ «священнымъ Ф. языкомъ» («В. Л. Пушкину», 1816); «Мнѣ жребій вынулъ Ф.» («Къ Жуковскому»). Не разлучаться съ Ф.—совѣтъ Кюхельбекеру («Разлука»). «Богъ мира и свирѣли, богъ свѣта и стиховъ» («Риома звучная подруга»); «Въ отставку Фебъ живетъ»; «Домъ въ Коломнѣ». Въ «Евг. Он.»: «Ни Фебъ, ни дружба, ни пиры, не отвлекли-бъ въ минувши годы меня отъ карточной игры» (II, 17 пропущ.). «Я перестану быть поэтомъ... и Фебовы презрѣвъ угрозы, унижусь до смиренной прозы» (III, 13). Уп.: «Батюшкову» (1815); «Сонъ», «Заздравный кубокъ» (1816); «А. А. Шишкову» (1817); «Я жду обѣщанной тетради» (1822); «Дельвигу» «Риома» (1830). См. также Аполлонъ.

Федоровъ, Борисъ Михайловичъ (1794—1875). — Романистъ, авторъ «Князя Курбскаго», драматургъ и журналистъ, издатель «Спб. Зрителя» и альманаха «Памятникъ отеч. музъ» (1827), гдѣ, безъ вѣдома поэта, были перепечатаны «грѣхи» его «отрочества» — первые опыты его «очаровательной музыки».

Федра, — трагедія Расина. Въ театрѣ «каждый, критикой дыша, готовъ... обшикать Федру, Клеопатру»... («Евг. Он.», I, 17).

Фигляринъ, см. Булгаринъ.

Филаретъ (1783—1867). — Митрополитъ московскій, въ мирѣ Вас. Мих. Дроздовъ, авторъ «Катехизиса», переводчикъ Свящ. Писанія на р. языкъ. На пьесу Пушкина «Даръ напрасный, даръ случайный» (1828) отвѣтилъ пьесой: «Не напрасно, не случайно, жизнь отъ Бога намъ дана». Въ отвѣтъ на это Пушкинъ написалъ свои «Стансы», 1830 г. Въ первоначальной редакціи было: «и внемлетъ арфѣ Филарета» (Серафима) въ священномъ ужасѣ поэтъ». (Стихотвореніе «Жизнь» приписывалось Филарету, но на самомъ дѣлѣ авторомъ его былъ поэтъ В. П. Ключниковъ).

Филлида. «Опять Эклога»; «Слушай, Ленскій: да нельзя-ль увидѣть мнѣ Филлиду эту?» (Ольгу) «Евг. Он.», II, 2.

Фикельмонъ, графъ Карль-Людвигъ (1777—1857). — Австрійскій посланникъ при русскомъ дворѣ. Былъ женатъ на Д. Хитрово (Dolly). У него на балу былъ Пушкинъ (Женѣ, 1834).

Ферней — помѣстье, въ которомъ съ 1759 г. поселился Вольтеръ; во франц. департаментѣ Энъ (Ain), пограничномъ съ Швейцаріей. Отсюда: «фернейскій злой крикунъ». Въ Ф. сходилась на поклонъ вся Европа».

Филимоновъ, Владиміръ Сергѣевичъ (1787—1858). — Авторъ поэмы въ 5 частяхъ «Дурацкій колпакъ». «В. С. Ф—ову» (1828). О немъ: сочин. Бѣлинскаго, ред. С. Венгерова, т. IV. Примѣчанія, стр. 504—508.

Фирсь, см. кн. Голицынъ, С. Гр.

Фламандская школа въ живописи ведетъ начало отъ Рубенса (1577—1640). «Прозаическія бредни, флам. школы пестрый соръ» («Евг. Он.», Пут.).

Флора, римская богиня весны и цвѣтовъ. «Юдину» (1818); «Дианы грудь, ланиты Флоры, прелестны милые друзья» (I, 32).

Флоріанъ, Жанъ (1755—1794). — Французскій писатель, представитель классической школы. «Бездарный писака» («Мысли на дорогѣ»).

Фоблазь — герой романа Луве-де-Куврэ (1760—1797). «Любовныя похождения кавалера-де-Фоблаза» (русскій перев., СПб., 1903). «Его ласкалъ супругъ лукавый, Фобласа давній ученикъ» («Евг. Он.», I, 12).

Фока — подпись Пушкина подъ письмомъ (Брату, 1822).

Фонъ, Максимъ Яковлевичъ († 1831). — Начальникъ «Третьяго Отдѣленія». Пушкинъ аттестуетъ Ф. какъ человѣка «добраго, честнаго, твердаго». Смерть его есть бѣдствіе общественное, вопросъ, кто будетъ на его мѣстѣ? важнѣе другого вопроса: что сдѣлаемъ съ Польшей» («Дневн.»). (Мѣсто Ф. занялъ Дуббельтъ).

Фонвизинъ, Денисъ Ивановичъ (1745—1792). — Въ «Городкѣ» Пушкинъ именуетъ Ф. въ числѣ своихъ любимыхъ авторовъ. Въ «Онѣг.» Ф. — «смѣлый властелинъ сатиры», «другъ свободы» (I, 18). Позднѣе, Пушкинъ также высоко ставилъ Ф. и жалѣлъ, что не ему досталось изображать новѣйшіе наши нравы» («О разг. у кн. Халдиной»). «Недоросль» Пушкинъ считалъ «единственнымъ памятникомъ народной сатиры». О немъ: Кн. П. А. Вяземскій. Ф—нъ. СПб. 1848. (Сочин., т. V). Н. С. Тихонравовъ, Сочин., т. III, ч. 1.

Фонтенель, Бернаръ (1657—1757). — Франц. писатель. Онѣгинъ «прочелъ творенья Ф—я» (VIII, 35).

Фортуна, — римская богиня счастья. «Коварная» («Галичу»), «своеправная» («А. М. Горчакову», 1815); «Слѣпая» Ф. («Евг. Он.», I, 45).

Фосколо, Николо-Уго (1778—1821). — Ит. поэтъ, авторъ романовъ «Исторія двухъ влюбленныхъ несчастливцевъ», «Письма Оргиса» (Бест., мартъ, 1825).

Фотій (1792—1838). — Архимандритъ Юрьевского Новгородскаго монастыря, въ мѣрѣ Петръ Никитичъ Спасскій, одинъ изъ главныхъ партизановъ Аракчеева. Въ 1818 г., къ которому относится пушкинская эпиграмма («Полуфанатикъ, полуплутъ»), Ф. лишь начиналъ свою дѣятельность и въ санѣ іеромонаха состоялъ законоучителемъ Спб. 2-го Кад. корпуса. Автобіографія Ф. и литература о немъ см. «Русск. Ст.», 1894—1896 г.г.

Фреронъ, Эли (1719—1776). — Франц. писатель, противникъ энциклопедистовъ и Вольтера. Послѣдній вывелъ его подъ именемъ Фрелона въ пьесѣ «L'Ecossaie» и въ «Анекд. о Ф.». О ссорѣ Ф. съ Вольтеромъ (Вяз., 1820).

Фригія — область въ М. Азіи. «За Елену Менелай сто лѣтъ еще не перестанетъ казнить фригійскій бѣдный край» («Евг. Он.», V, 38). «Пѣсни мирныя фр. пастуховъ» («Муза»).

Фриненъ. — Кишиневскій докторъ. «Въ Геенѣ праздникъ» (1821).

Фроловъ, Степанъ Степановичъ. — Полковникъ артиллеріи въ отставкѣ, инспекторъ лицея, ставленникъ Аракчеева. Во время лицейскаго «безначалія», исправлялъ обязанности директора, хотя былъ человѣкъ очень мало образованный; книгъ Ф. вовсе не бралъ въ руки и, между прочимъ, «по сходству звуковъ воображалъ, что Эмиль Руссо есть женщина» (М. Корфъ).

Фуксъ, Александра Андреевна († 1853). — Жена К. Θ. Ф — а, поэтесса. У нея въ домѣ въ Казани бывалъ Пушкинъ въ 1833 г. (проѣздомъ въ Оренбургъ). Ея стихи «На проѣздъ А. С. Пушкина черезъ Казань». См. Е. А. Боровъ «П. въ Казани». «Пушк. и его совр.», вып. III. См. письма поэта къ Ф. и женѣ (Сент., 1833).

Фуксъ, Карль Ѳедоровичъ (1776 — 1846). — Профессоръ въ Казанскомъ университетѣ, позднѣе деканъ врачебнаго отдѣленія и ректоръ. Учился въ Геттингенѣ на медицинскомъ факультетѣ. Въ Россіи (1800 г.) началъ службу полковымъ врачомъ; извѣстенъ какъ археологъ, историкъ и этнографъ Поволжья. «Умный и ученый нѣмецъ». Пушкинъ былъ радъ знакомству съ Ф. О немъ: Н. Загоскинъ. Ист. Каз. Унив.; Н. Буличъ. «Изъ первыхъ лѣтъ Каз. универс. 1805 — 1819 г.» 2 т. К. 1887 и 1891 г. «Казанскій Литерат. Сборникъ» ст. Г. Пономарева»: К. Ѳ. Фуксъ и его время. К. 1878 г.).

Фурнье, французъ, знакомый Раевскихъ; черезъ него Пушкинъ получилъ письмо отъ Вяземскаго (Вяз., окт. 1823).

Фуссъ, Павелъ Николаевичъ (1797—1855). — Академикъ; непремѣнный секретарь, пріятель Илличевского (см.).

Фуше, Іосифъ, герцогъ d'Ottrando (1763 — 1820). — Безсмѣнный министръ при республикѣ, Наполеонѣ и Людовикѣ XVIII, и послѣ возвращенія Наполеона и Бурбоновъ. «Отыщи, купи, выпроси, укради «Записки» Ф. и давай ихъ сюда» (Брату, 1825).

Хавроніосъ, — Каченовскій («Эпигр.», 1820).

Хариты, богини красоты, близкія къ музамъ. «Гробъ Анакреона», «Стансы» (1817); «Кривцову» (1818); «Адели» (1822); «Чаша первая Харитамъ обнаженнымъ и стыдливымъ посвящается» («Изъ Анакреона», 1835).

Харить Библия («Библия Харить»). — Руссelle Вольтера («Н. И. Кривцову», 1818 г.).

Харонъ.—«Сѣдой» перевозчикъ тѣней умершихъ черезъ Ахеронъ. «Горчакову» (1815 г.).

Хвостова, Александра Петровна. — Принадлежала къ обществу «мечтательницъ» (см. Криденеръ); находилась въ дружбѣ съ Жозефомъ-де-Местромъ, который имѣлъ большое вліяніе на кн. Голицына. Отсюда: Голицынъ — Х — ой «покровитель» (Эпиграмма, 1818).

Хвостовъ, Дмитрій Ивановичъ — (1757 — 1835). «Конюшій стараго Пегаса, кропатель старенькихъ стиховъ и одъ не слишкомъ громозвучныхъ и сказочекъ довольно скучныхъ». Бездарный стихотворецъ, самъ величавшій себя «пѣвцомъ Кубры» (название рѣки, протекавшей въ имѣніи Хвостова и воспѣтой имъ). По прозвищу данному Х. Батюшковымъ — Свистовъ. (См. выше). Онъ же Графовъ и Хлыстовъ въ пьесахъ: «Другу Стихотворцу», «Къ моему Аристарху». Уп. Батюшкову (1814), «Усы», «Посланіе Цензору, I». Пародія на его пьесы—Ода его свѣтл. гр. Д. И. Хвостову (1824). «Мѣдн. Вѣс.». О немъ: см. П. О. Морозовъ. «Русская Старина», 1892 г., т. 74 и 75. Сухомлиновъ. Исторія Рос. Академіи, т. 7-й; тамъ же его автобіографія, стр. 514 — 546.

Хвостовъ, Александръ Семеновичъ (1753 — 1820). — Стихотворецъ и переводчикъ, членъ Рос. Академіи, предсѣдатель «Русской Бесѣды». О немъ см. «Русскій Біогр. Словарь». Спб., 1901.

Хемницеръ, Иванъ Ивановичъ (1745—1784).—Баснописецъ. Х. «истину съ улыбкой говорилъ» (2 посл. къ Ценз.). Сочин. Х. Спб., 1873. Изд. Ак. Наукъ. См. также С. Венгеровъ, Русская поэзія, т. I.

Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ (1733—1807).—«Русскій Гомеръ» Пушкинъ считалъ забвеніе Х. вполне естественнымъ.

Хитрово, Дарья Ѳедоровна (Dolly), въ замужествѣ гр. Фикельмонъ. (1804—1863). — Дочь Елис. Мих. Хитрово.

Хитрово, Елисавета Михайловна, урожденная кн. Кутузова, по первому браку бар. Тизенгаузенъ (1783 — 1839). — Была въ большой дружбѣ съ поэтомъ. На ея имя, послѣ столкновеній Пушкина съ почтой (см. Булгаковъ), пересылала мужу письма Нат. Ник. «Пентефриха», «Лиза голенькая» (Вяз., май, 1830 г.). — Такъ называлъ Х. Пушкинъ за ея привычку оголять плечи даже въ старости. Въ ея домѣ на Арбатѣ жилъ Пушкинъ въ 1831 г. послѣ свадьбы.

Хлюя. — Уп. «Къ молодой актрисѣ», «Опытность», «Блаженство» (1814).

Хлюстинъ, Семень Семеновичъ (1811 — 1844). — Надворный Судья въ Москвѣ, знакомый Гончаровыхъ. Въ началѣ 1836 г. Пушкинъ обмѣнялся съ Х. письмами по поводу рецензіи Сенковского на «Востолу», изданную Пушкинымъ. «Я не сержусь на Сенковского, писалъ А. С., но мнѣ нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяютъ нелѣпости свиней и мерзавцевъ». Дѣло уладилось миромъ.

Хмельницкій, Николай Павловичъ (1789 — 1845). — Драматическій писатель, авторъ многихъ пьесъ, переводчикъ Мольера. Пушкинъ относилъ Х. къ числу тѣхъ писателей, «которые публикѣ по плечу: этихъ она любитъ и почитаетъ». («Гнѣд., май, 1822). Сочиненія Хмельницкаго, Спб. 1849, изд. А. Смиридина. О немъ: Н. К о р о б к а. Ежегодникъ Импер. Театровъ 1895—96, прил. кн. I.

Ходаковскій-Доленга, Зоріанъ (1784 — 1825). — Псевдонимъ литовско-польскаго писателя Адама Чарноцкаго. «Но каюсъ: новый Ходаковскій, люблю отъ бабушки московской я только слушать о роднѣ, объ отдаленной старинѣ» («Родосл.», 6) О немъ: А. П ы п и н ъ. «Вѣстн. Евр.», 1886 г., № 11

Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ (1804 — 1860). — Объ его пьесѣ Пушкинъ писалъ (1830): «Ермакъ, лирическое произведеніе пылкаго юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ правамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи» («О драмѣ»). Пушкинъ надѣялся на «Самозванца» Х., который «не будетъ уже студентъ» и отзывался, что стихи Х — ва «прекрасны». (Язык., 1831). Сочиненія Х — ва, М. 1900, 8 т. О немъ: Л я с к о в с к і й «А. С. Х — въ». Спб., 1898. Проф. В. З а в и т н е в и ч ъ. К. 1902.

Храповицкій, Александръ Васильевичъ (1749 — 1801). — Статсъ-секретарь Екатерины II, авторъ «Памятныхъ Записокъ»; Пушкинъ дѣлалъ изъ нихъ выписки для статьи о Радищевѣ. «Записки Х.». Спб. 1874. См. также «Р. Арх.» 1901.

Хромидъ. — «Діонея» (1821).

Царское Село, уѣздный городокъ Спб. губ., «поэтическая отчизна» Пушкина. «Отечество намъ Ц. С.» («19 окт. 1825 г.»). «Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ, весной при кликахъ лебединыхъ, близъ водъ сіявшихъ въ тишинѣ являться муза стала мнѣ» («Евг. Он.», VIII, 3 проп.). «Здѣсь каждый шагъ рождаетъ воспоминанья прежнихъ лѣтъ». («Восп. въ Ц. С., 1815). «Къ товарищамъ» (1817); «Царскосельскія хранительныя сѣни» (Чаадаеву, 1821); «Восп. въ Ц. Селѣ» (1829 г.).

Цирцей. «Не пѣлъ порочной онъ забавы, не пѣлъ презрительныхъ Цирцей». («Евг. Он.», II, 9, пропущ.), «Московскихъ франтовъ и Цирцей привлечь насмѣшливые взгляды» (VII, 27).

Цитера (Цитерея). «Веселыя Цитеры», «Мое завѣщ.», (1815); «Фавнъ и Пастушка», «Посланіе къ Лидѣ», (1816); «А. А. Шишкову», (1817); «Кривцову», «Щербинину», («Младья монашенки Ц — ы, 1818). Ц. — «слабая царица» — противопоставляется свободы гордой пѣвицѣ. («Вольность», 1820).

Цицеронъ. Онѣгинъ «читалъ охотно Апулея, а Цицерона не читалъ». (VIII, 1), «читалъ охотно Елисея, а Цицерона проклиналъ» (VIII, 1, проп.). — «День дружбы.. гласъ природы!!.. Взглянувъ другъ на друга, потомъ, какъ цицероновы авгуры, мы разсмѣялися тишкомъ» Путеш.).

Циціановъ, князь, Дмитрій Евсеевичъ. Славился своими невѣроятными разсказами. Въ «Воображ. разговорѣ съ Имп. Алекс. I» Пушкинъ говоритъ: «вольное, всякое сочиненіе возмутительное приписывается мнѣ, какъ всякіе остроумные вымыслы — князю Циціанову».

Циціановъ, князь, Павелъ Дмитриевичъ (1754 — 1806). — Боевой генералъ; съ именемъ Ц. связано присоединеніе къ Россіи Имеретіи. «Пылкій» Ц. («Кавк. Пѣн.». Эпил.).

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ (1796 — 1856). — Лейбъ-гусарь. Другъ Грибоѣдова. Пушкинъ сблизился съ Ч. въ послѣдній годъ своего пребыванія въ лицейѣ

и очень цѣнили умственные и нравственные качества своего пріятеля. «Онъ былъ бы въ Римѣ Брутомъ, въ Аѳинахъ Переклесомъ». Въ Бессарабіи Пушкинъ заноситъ въ «Дневникъ»: «Получилъ письмо отъ Чаадаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье, — одного тебя можетъ любить холодная душа моя. — Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ: они...» Къ нему пьесы: «Къ портрету Ч.», (1817). Посланіе къ Ч — у (1818—1820 г.) Ч — у, (1821), «Къ моей чернильницѣ», (1821) и письма Пушкина. Благодаря заступничеству Ч. и его хлопотамъ была смягчена ссылка Пушкина. Ему же, по признанію поэта, послѣдній много обязанъ. «Любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать», писалъ Пушкинъ (Вяз., 1823). Въ Россіи тридцатыхъ годовъ Ч. явился «непризнаннымъ мыслителемъ», и официально былъ объявленъ «изъ состраданія» «сумасшедшимъ»; Ч. пробылъ въ этомъ положеніи цѣлыхъ двадцать лѣтъ, — до самой своей кончины, являясь «воплощеннымъ veto, живою протестаціей» (Герценъ). Характеристика Ч. дана Герценомъ. Сочиненія т. IV. Изд. Павленкова. Кромѣ того см. М. Ж и х а р е в ъ. П. Я. Чаадаевъ «Вѣстн. Европы», 1871 г. Кирпичниковъ, А. И. Очерки нов. литер., т. II. Веселовскій, А. Н. «Чаадаевъ и Гоголь». Сочиненія Ч. изданы вмѣстѣ съ статьей о немъ, М. О. Гершензона, М. 1907 г. (тамъ же незаконченная «Апология сумасшедшаго» и четыре его знаменитыхъ философическихъ письма. За одно изъ нихъ, помѣщенное въ «Телескопѣ» Надеждина 1836 г., журналъ былъ закрытъ, а Ч. былъ объявленъ «сумасшедшимъ»).

Чайковскій, Петръ Ильичъ (1840—1893). — Композиторъ, авторъ оперъ на пушкинскія темы: «Евгеній Онѣгинъ», «Мазепа», «Пиковая Дама». Списокъ произведеній Ч., вдохновенныхъ Пушкинымъ, у проф. С. Булича: «Памяти Пушкина», сборникъ статей и препод. и студ. Спб. университета. Спб. 1899.

Чайльдъ-Гарольдъ, — герой одноименной поэмы Байрона. «Какъ Shield-Harold, угрюмый, томный, въ гостиныхъ появлялся онъ» («Евг. Он.», I, 38). «Прямымъ Онѣгинъ Чайльдъ-Гарольдомъ вдался въ задумчивую лѣнь» (IV, 44). «Ужели (Евгеній) подражанье, ничтожный призракъ, иль еще москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ?» (VIII, 24). «Чѣмъ нынѣ явится (Евгеній)? Мельмотомъ, космополитомъ, патриотомъ, Гарольдомъ?..» (VIII, 8).

Чацкій («Горе отъ ума»). Первые списки, еще не отдѣланной вполне, комедіи Грибоѣдова появились въ 1823 г. Пушкинъ въ письмѣ А. Бестужеву (1825) далъ характеристику Чацкаго. См. «Словарь Лит. Тип.», VI, 97. Онѣгинъ «возвратился и попалъ, какъ Чацкій, съ корабля на балъ» («Он.», VIII, 13).

Чачковъ, Василій Васильевичъ. — Инспекторъ Ц. лицея (1814), преемникъ Пилецкаго.

Ченстонъ. — Вымышленное Пушкинымъ имя несуществовавшего англійскаго писателя. «Сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи «The caveteous Knight» — подзаголовокъ къ «Скупому Рыцарю». Анненкову пришлось затратить много времени и труда, прежде чѣмъ установить фактъ, что англійскаго писателя Ч. не существовало вовсе («Матеріалы», стр. 277—279).

Чернавка («Городокъ» — 1814). — Дѣйствующее лицо шуто-трагедіи Крылова «Трумфъ». «Наперстница Подщипы». Соч. Крылова. Спб., 1904, ред. В. Калаша, т. I.

Черное море. См. М о р е.

Чернышевъ, князь Александръ Ивановичъ (1786—1857). — Военный министръ. По его приказанію Пушкинъ смогъ воспользоваться документами изъ военныхъ архивовъ для «Ист. Пугач. бунта».

Чертковъ, Александръ Дмитріевичъ (1789—1859). — Основатель извѣстной «чертковской» бібліотеки въ Москвѣ, авторъ многихъ сочиненій по исторіи и археологіи. Экземпляръ своей книги «Восп. о Сициліи» (М., 1835—36) Ч. лично вручилъ Пушкину.

Чириковъ, Сергій Гавриловичъ. — Воспитатель и учитель рисованія въ

лицеѣ; состоялъ въ перепискѣ со многими лицеистами перваго выпуска. Его кисти приписывается портретъ Пушкина-лицеиста.

Чичерина, Варвара Васильевна († 1824). — Бабка поэта, завѣщавшая все свое состояніе племяннику Вас. Львовичу Пушкину.

Чичерина, Ольга Васильевна, см. П у ш к и н а, О. В.

Чудовъ монастырь въ московск. Кремлѣ («Бор. Год.»). Основанъ въ 1635 г.

Чухонецъ-Баратынскій (Брату, 1824).

Чухоночка, поэма Баратынскаго «Эда». (Твоя чухоночка ей-ей гречанокъ Байрона милѣй).

Чухляндія («Къ новому году, вѣроятно, вернусь къ вамъ въ Ч.» (Дельвигу, 1828).

Шаликовъ, князь Петръ Ивановичъ (1768—1852). — Посредственный стихотворецъ, издатель «Московского Зрителя» и «Дамскаго Журнала». Уп. о 2-ой пос. къ цензору.

Шамфоръ (Шанфоръ) (1741—1794). — Фр. писатель, авторъ остроумныхъ изрѣченій, романовъ и трагедій и составитель «Драматическаго Словаря».

Шапелень, Жанъ (1595—1674). — Французскій писатель. Его эпическая поэма о Жанѣ д'Аркѣ писалась въ продолженіи тридцати лѣтъ, но не оправдала возложенныхъ надежд («Къ Жуковск.» 1817).

Шапель (1626—1686). — Псевдонимъ фр. поэта Клода Эммануэля («Къ моему Арист.» 1815).

Шапелень, Жанъ (1595—1674). — Бездарный поэтъ. Пушкинъ ставитъ его наряду съ Риёматовымъ («Бова»).

Шатобрианъ, Франсуа-Огюсть (1768—1848). — Авторъ «Генія христіанства» («Эпизоды» изъ этого сочиненія: «Рене», «Атала»). «Первый изъ французскихъ писателей», по отзыву Пушкина. Объ его переводѣ «Потер. Рая» см. ст. изъ «Совр.» 1837 г. Уп. «Евг. Он.» IV, 26. «Насъ пылъ сердечный рано мучитъ, какъ говоритъ Шатобрианъ, не женщина любви насъ учитъ, а первый пакостный романъ» (I, 14 проп.). О вліяніи Ш. на Пушкина см. В. С и п о в с к і й П., Байронъ и Ш. Спб. 1899.

Шаховской, Александръ Александровичъ, кн. Драматургъ (1777—1846), членъ «Бесѣды» и впослѣдствіи романтикъ, издатель перваго журнала, посвященнаго театру (1808 г.). Въ комедіи «Липецк. воды» Ш. вывелъ «балладника» Жуковскаго; отсюда то недружелюбіе, съ которымъ арзамасцы и вмѣстѣ съ ними юный Пушкинъ относились къ Ш.—ому (Дневн. 1817). Позднѣе поэтъ иначе смотрѣлъ на Ш. Въ «Онѣг.»: вывелъ «колкій Шаховской» своихъ комедій шумный рой (I, 18). «Онъ, правъ, добрый малый, изрядный авторъ (Вяз., 1823). Пьеса Ш. «Ворожея» показала Пушкину «du bon comique» (Брату, 1825). О немъ: Я р ц е в ъ, А. въ Ежегодникѣ Имп. театровъ въ 1894—95 гг. Г а р ш и н ъ, Е. «Одинъ изъ забытыхъ писателей», «Историч. Вѣстн.» 1883 г., № 7. А к с а к о в ъ, С. Т., «Лит. Воспом.».

Шевыревъ, Степанъ Петровичъ (1806—1864). — Профес. р. словесн. м. унив., соредакторъ «М. Вѣстника». Критикъ, поэтъ и переводчикъ. Объ его «исторіи поэзіи» см. ст. Пушкина (1835). Его восп. о Пушкинѣ напечатаны въ Москвѣ и оттуда перепечатаны въ книгѣ Л. Майкова «Пушкинъ».

Шекспиръ, Вильямъ (1564—1616). — Въ Россіи знакомство съ Ш. шло по французскимъ передѣлкамъ Дюсиса; въ 1807 г. Гнѣдичъ приготовилъ для сцены «Леара» («Лира») «по Дюсису», внеся въ этотъ переводъ «собственное изобрѣтеніе». Пушкинъ читаетъ Ш. еще въ періодъ неостывшаго увлеченія Байрономъ (1824). Въ 1833 г. Пушкинъ занимается переложеніемъ драмы «Мѣры за мѣру» въ поэму «Анжело». Вліяніе историческихъ хроникъ Ш. сказалось въ созданіи «Бориса Год.» П. О. Морозовъ сопоставляетъ сцену избранія Бориса со сценой Ричарда (III, 7); монологъ Бориса «Достигъ я высшей власти» съ монологомъ «Генриха V» (IV, I); наставленіе Бориса Феодору съ «Генрихомъ IV» (посл. сцена IV дѣйств.). «Гамлетъ» прошелъ, не оставя замѣтныхъ слѣдовъ на твор-

чествѣ Пушкина. «Цикль великихъ трагедій страсти, «Отелло», «Ромео», «Макбетъ», «Шейлокъ», проложилъ путь къ драматизму «Ск. Рыцаря», «Кам. Гостя», «Моц. и Сал.», ничѣмъ не подготовленныхъ въ русской драмѣ, безнадежно застывшей во франц. классицизмѣ». Характ. Ш. см. письмо Н. Раевскому (1825), «Замѣтки» (1833). О подражаніи Пушкина Ш. см. «Перечень»: «Анжело», «Борись Год.» и «Гр. Нулинъ».

Шенье, Андрей (1762—1794). — Французскій поэтъ. Въ «Вольности» Пушкинъ уже воспѣлъ «того возвышеннаго галла», которому «среди грозныхъ бѣдъ» муза «гимны смѣлые внушала». Вся недолгая, но бурная жизнь Ш. его смерть, которую онъ встрѣтилъ героически, его полныя огня и гражданского мужества пѣсни — все это не могло не увлечь Пушкина. Переводы и подражанія Шенье начинаются у Пушкина съ 1820 г. («Доридъ»). Въ письмѣ Вяземскому (1823) Пушк. говоритъ о любви и уваженіи къ Ш. «классику изъ классиковъ». См. также: «Ты вянешь и молчишь» (1824), «Покровъ упитанный язвительною кровью» (1825), «Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая» (1827). Пьеса «Андрей Шенье» (1825) навлекла «новыя бури» на Пушкина и вызвала цѣлое «дѣло». По отзыву Пушкина «Андрей Шенье — поэтъ, налитанный древностью, коего даже недостатки проистекаютъ отъ желанія дать французскому языку формы греческаго стихосложенія.

Шёппингъ, баронъ Дмитрій Андреевичъ (1790—1874). — «Царь» «вильхъ, бездушныхъ собраній большого свѣта». («Кн. А. М. Горчакову» — 1819), «Гони ты Ш. отъ нашего порога», «Къ моей чернильницѣ» (1821).

Шереметевъ, графъ Борисъ Петровичъ (1652—1719). — Фельдмаршалъ, сподвижникъ Петра. Ш. «благородный» («Полтава»).

Шешковскій, Степанъ Ивановичъ (1727—1793). — Правитель канцеляріи «тайныхъ розыскныхъ дѣлъ», позднѣе оберъ-секретарь тайной канцеляріи. «Домашній палачъ кроткой Екатерины» («Ист. Зам.» Прим.).

Шиллеръ Іоганнь-Фридрихъ (1759—1805). — Переводъ его «Punschlied» приписывается Пушкину. Въ ночь предъ дуэлью Ленскій «при свѣчкѣ Шиллера открылъ» («Евг. Он.» VI, 20).

Ширинскій-Шихматовъ, князь Сергѣй Александровичъ (1783—1837). — Стихотворецъ, членъ «Бесѣды» и Рос. Акад. «Риѣматовъ» («Къ другу-стихотворцу»), «Бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля» (Кюхельб., 1825). Къ заглавію поэмы Ш.-Ш. «Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или спасенная Россія» (Спб. 1807) Пушкинъ приписалъ: «Слогъ важенъ, темень, напыщенъ и тяжки словеса пустыя». Уп. «Рифмовъ» («Городокъ»), «Желаніе» (1816). Шихм. «богомольный» («Дом. въ Кол.» 2). — Окончилъ жизнь въ монастырѣ, принявъ въ постригъ имя Аникиты. «О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты, въ мірѣ кн. Ш.-Ш.» Спб. 1852.

Шишковъ 2-й, Александръ Александровичъ (1799—1833). — Поэтъ и переводчикъ, племянникъ А. С. Шишкова. Пушкинъ сошелся съ Ш. еще во время своего пребыванія въ лицей, но вскорѣ же за одну изъ «шалостей» Ш. былъ сосланъ на Кавказъ. — См. «А. А. Ш.—ву» (1816) и письма Пушкина. О немъ: С. Т. Аксаковъ «Воспомин.»; Д. Рябининъ «Ист. Вѣстн.» 1889, т. 38. Сочиненія и переводы капитана Ш. 4 ч. Спб. 1834—35. Изд. Академіи Наукъ.

Шишковъ, Александръ Семеновичъ (1754—1841). — Президентъ Рос. Акад., въ началѣ николаевскаго царствованія — министръ просвѣщенія, дѣятельный членъ «Бесѣды»; несмотря на свои «арзамаскія симпатіи», Пушкинъ почтительно относился къ «дѣдушкѣ» Ш.: «сей старецъ дорогъ намъ». Пушкинъ пріѣхавъ въ замѣну Голицына Ш.—ымъ, и отъ новаго министра ждалъ много, въ смыслѣ облегченія цензуры и конца самоуправству цензоровъ («Посл. къ цензору», II); («Евг. Он.» VIII, 14). О Ш.—ѣ: В. Стоюнинъ А. С. Ш.—ъ Спб. 1880 г. Сухомлиновъ Ист. Р. Ак., т. VII. Сочиненія Ш. 17 частей Спб. 1819—39 гг. «Записки, мнѣнія и переписка Ш. Берлинъ 1870.

Шлегели наши, т. е. критики, «изъ коихъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло;

прочіе — попугай, или сороки низовскія, которыя картавятъ одну имъ затверженную..... (Плетневу, 1831).

Шлегель, Фридрихъ (1772—1829). — Нѣмецкій критикъ. Его «Лекціи по ист. др. и нов. литературы» изданы на русск. яз. А. Смирдинымъ. Спб. 1829.

Шольё, аббатъ (1639—1720). — Французскій поэтъ.

Шольё Андреевичъ — князь П. А. Вяземскій (В. Л. Пушкину, 1816).

Штабсъ-Капитанъ Гёте-Грей-Жуновскій. — Жуковскій вышелъ въ отставку изъ военной службы съ чиномъ шт.-кап. Сопоставленія (Гете-Грей) указываютъ на тѣсную связь поэта-переводчика съ любимыми его поэтами.

Шутовсковь-Шаховской кн. (В. Пушкину 1816).

Щегловъ, профессоръ Спб. университета, «своенравный» цензоръ «Лит. Газ.» Щ., по словамъ Пушкина, «своими замѣчаніями поминутно напоминаетъ лучшія времена Бирукова и Красовскаго». Изъ черн. бум. Пушкина. Сочин. т. 7, изд. «Лит. фонда», стр. 236). Уп. въ письмѣ Вяз. 1836 г.

Щепкинъ, Михаилъ Семеновичъ. Знаменитый русскій артистъ (1788 — 1863). — «Записки и письма М. С. Щепкина», Спб. 1864 г. «Записки» написаны по настоянію Пушкина. Поэтъ подарилъ Щ. тетрадь, на первомъ листѣ которой своей рукой написалъ начало записокъ: «Я родился въ Курской губерніи, Оболенскаго уѣзда, въ селѣ Красномъ, что на рѣчкѣ Пенкѣ».

Щербининъ, Михаилъ Андреевичъ (1795—1881). — «Рѣзвый другъ забавы», «вѣрный сынъ пафосской вѣры», пріятель Пушкина и сотоварищъ поэта по «Зеленой Лампѣ». Къ нему: «Къ Щ—у» (1818).

Эбергардтъ, Иванъ Федоровичъ (Семеновичъ?). — Танцмейстеръ въ лицейѣ съ 1816—1853 гг.

Эбергардтъ, Германъ Магнусъ. — Лицейскій гувернеръ (1816—1818 гг.). Въ отличіе отъ предыдущаго назывался «кавказскимъ», т. к. раньше служилъ на Кавказѣ. Другое его прозвище: «паричонокъ» (за рыжій парикъ). По словамъ Грота, Э. былъ «исобычайно глупъ».

Эврипидъ, см. Еврипидъ.

Эвксинскія воды, см. Евксинскія в.

Эвмениды, см. Эвмениды.

Эгельстромъ, Павелъ Ивановичъ. — Сосѣдъ по имѣнію А. Н. Вульфа; писалъ плохіе стихи и «очень мило» исправилъ пьесу «Подъѣзжая подъ Ижоры» (Вульфу, 1829). Въ пьесѣ «Э—у» (1828) Пушкинъ называетъ его въ шутку «соперникомъ Ювенала», «царемъ пѣвцовъ».

Эгельстромъ, Фридерика Ивановна, жена П. И.

Эйхфельдъ, Марія Егоровна, урожденная Мило; жена оберъ-бергауптмана Ивана Ив. Э—а. Къ ней: «Ни блескъ ума, ни стройность платья» (1821); «Еврейкѣ», «Христось воскресъ, моя Ревекка!» (1822); «Еврейкой» и «Ревеккой» Э. была прозвана за сходство съ Ревеккой В. Скотта («Айвенго»).

Элизіумъ, см. Элизіумъ.

Эльбрусъ. «Колосъ двуглавый въ вѣнцѣ блистая ледяномъ, Э. огромный, величавый бѣлѣлъ на небѣ голубомъ» («К. Пл.» I).

Эльвина. «Наѣздники» (1817); «Желаніе» (1821); «Евг. Он.» I, 32.

Эминъ, Федоръ Александровичъ (1735—1770). — Издатель «Адской Почты», переводчикъ и авторъ многихъ «романовъ съ приключеніями». Романъ Э. читала Параша («Дом. въ Кол.», 27).

Энгельгардтъ, Василій Васильевичъ (1785—1837). — «Лѣнивый Пинда гражданинъ, свободы, Вакха вѣрный сынъ, Венеры набожный поклонникъ и наслажденій властелинъ». Товарищъ кн. Вяземскаго, извѣстный богачъ, игрокъ, острякъ и авторъ многихъ забавныхъ куплетовъ. Къ нему: «Я ускользнулъ отъ Эскулала» (1819). О немъ: сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. I, стр. XVII—XVIII.

Энгельгардъ, Егоръ Антоновичъ (1775—1862). — Второй директоръ Ц. лицея. Преемникъ Малиновскаго (1816 г.). Выдающийся педагогъ своего времени.

Энеида, см. Виргилій.

Эоль. Властитель о. Эоли, повелитель вѣтровъ («Одис.»). Истомина — «летитъ, летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола» («Евг. Он.» I, 20).

Эпиктетъ. (I—II вв. по Р. Х.). Философъ-стоикъ «Я. Н. Толстому» (1819).

Эпикурейцы. — «Добрые лѣнивцы, эпикурейцы мудрецы, равнодушные счастливыцы». («Евг. Он.» VII, 4).

Эпикуръ (342—270). — Философъ, создатель филос. школы «Эпикурейцевъ». «Горчакову» (1816).

Эрата. — Одна изъ девяти музъ. «Э—ы нѣжный другъ» — Вольтеръ («Городокъ»); «А. А. Шишкову».

Эрміевъ сынъ. — Читатель Вакха и Венеры, рѣзвыхъ фавновъ господинъ» («Блаженство», 1814); «Веселый сынъ Э. ребенка полюбилъ, въ дни рѣзвости золотые мнѣ дудку подарилъ» («Къ Батюшкову», II).

Эристовъ, князь Дмитрій Алексѣевичъ (1797—1858). — Воспитанникъ лицея. Объ его «Словарѣ о святыхъ прославленныхъ въ рос. церкви» въ «Замѣткахъ», 1836 г., сотрудникъ журналовъ и «Энци. Лекс.». «Приращеніе» къ куплетамъ Э. (Дельвигу 1825).

Эротъ — богъ любви. «Пламенный Э.» («Леда», 1814); «проказливый» («Опытность», 1814); «Къ Батюшкову» (1814), «Къ И. И. Пущину» (1815). «Разсудокъ и любовь» («Плутъ»), «Къ моему Аристарху»; «Фавнъ и Пастушка» (1817).

Эскулапъ, греческій богъ врачебнаго искусства. «В. В. Энгельгардту» (1818).

Эхо — «безсонная нимфа», мать Риѣмы («Эхо», 1830).

Ювеналь, Децимъ-Юній (род. 55). — Сатирикъ императорскаго Рима. Подражаніе Ю. пьеса «Къ Лицинію» (1815), гдѣ Пушкинъ именуетъ Ю. «жестокимъ». «Вдохновенный Ю—омъ, вооружись сатиры жаломъ» («Къ Бат., I). «Музу пламенной сатиры» поэтъ проситъ вручить ему «Ювеналовъ бичъ» (1830), «Черн. Набр.» 1833 г. Евгенийъ зналъ довольно по-латыни, чтобъ потолковать объ Ювеналѣ («Он.», I, 6). Переводъ сатиръ Ю—а сдѣланъ Фетомъ, М. 1885 и Спб. 1901. О немъ: Д. Нагуевскій. Римская сатира и Ю—ль. Митава 1879 г.

Юдинъ, Павелъ Михайловичъ (†1852 г.). — Товарищъ Пушкина по лицу; вмѣстѣ съ нимъ былъ опредѣленъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, съ содержаніемъ по 700 руб. въ годъ. Умеръ въ должности управляющаго государств. архивомъ. И. Селезневъ. «Ист. очеркъ Алекс. лица».

Юдифъ. «Начало повѣсти» (1832).

Юлія, см. Вольмаръ.

Юмъ, Давидъ (1711—1776). — Англійскій историкъ, авторъ «Истор. Англии».

Юрьевъ, Федоръ Филипповичъ (1796—1860). — Членъ общества «Зеленой Лампы», см. къ нему посланія Пушкина: «Любимецъ вѣтренныхъ Лаисъ» (1818) и «Здорово, Юрьевъ-именинникъ» (1819). Участвовалъ въ походахъ 1813—15 гг. вмѣстѣ съ коннымъ полкомъ нижегородскаго ополченія, позднѣе служилъ въ уланахъ и за отличіе по службѣ «по собственному желанію» былъ переведенъ въ гвардію. Дослужился до чина ротмистра; въ 1833 г. вышелъ въ отставку «для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ». Умеръ въ Спб. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, занимая должность управляющаго Государств. Коммерческимъ Банкомъ. Биогр. свѣдѣнія о немъ, см. «Пушкинъ» В. III, стр. 92—95.

Юсуповъ, Николай Борисовичъ (1750—1831). — Екатерининскій вельможа, управлялъ дворцовой экспедиціей въ Москвѣ. По порученію кн. Вяземскаго, Пушкинъ ѣздилъ къ Ю. въ Архангельское и «допросилъ» его о Фонвизинѣ, котораго Ю. хорошо зналъ и «нѣсколько времени жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ» (Вяз., 1831). Объ его смерти: Нащоковъ, 1831. «Привѣтливый потомокъ Аристиппа» («Къ вельможѣ», 1830).

Языково — деревня Языкова, въ 65 верстахъ отъ Симбирска.

Языковъ, Александръ Михайловичъ.—Старшій братъ поэта Я—ва. Пушкинъ познакомился съ нимъ въ Казани (Женѣ, 1833).

Языковъ, Дмитрій Ивановичъ (1773—1845).—Писатель и переводчикъ, непр. секретарь Рос. Акад.

Языковъ, Николай Михайловичъ (1803—1846).—Товарищъ А. Н. Вульфа по дерптскому университету. Пушкинъ еще въ 1824 г. обратилъ вниманіе на стихи Я., но познакомился съ поэтомъ лишь въ 1826 г. въ Тригорскомъ. «Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него выйдетъ» (Вяз., 1826); «Евг. Он.» IV, 31 и письма къ Я—у 1826—36 гг.

Стихотворенія Н. М. Я., съ приложеніемъ портрета, свѣдѣній объ его жизни и написаннаго о немъ въ разныхъ періодическихъ и другихъ изданіяхъ, вышли подъ редакціей П. М. Перевлѣскаго, Спб. 1857, 2 части. См. также «Дешевая Библіотека» А. Суворина, два тома (неполное собраніе). О немъ: В. Н. Шенрокъ, біографическій очеркъ (по новымъ матеріаламъ) «Вѣстн. Евр.» 1897 — XI, XII.

Яковлевъ, Михайлъ Лукьяновичъ (1798—1868).—Товарищъ по лицею, «лицейскій староста». У него обыкновенно праздновалъ первый курсъ лицейскія годовщины. Сочинялъ романсы (на стихи Пушкина), недурно владѣлъ карандашомъ и красками; писалъ самъ стихи, басни. Послѣднихъ, однако, Измайловъ, издатель «Вѣстн. Евр.», не считалъ достойными печати. Впослѣдствіи занималъ должность начальника типографіи III Отд., гдѣ печаталась «Ист. Пуг. Бунта» и помогалъ Пушкину при печатаніи книги. На поляхъ записки Комовскаго сдѣлалъ рядъ примѣчаній. О немъ см. «Пирующіе студенты».

Яковъ.—Камердинеръ Жуковскаго. Ему Ж. диктовалъ свои произведенія. «Скажи, ради Христа Жук., чтобъ онъ продиктовалъ Якову строки три на мое имя» (Брату, январь 1823).

Якубовичъ, Александръ Ивановичъ (ум. 1845 г.). Декабристъ. Корнетъ л.-г. уланскаго полка. Извѣстный дуэлянтъ, «герой воображенія» Пушкина, членъ «Зеленой Лампы». За «неприличный поступокъ» (участіе въ дуэли между А. П. Завадовскимъ и Шереметевымъ 1817 г.) былъ переведенъ прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. На Кавказѣ проявилъ изумительную храбрость въ дѣлахъ противъ горцевъ. Замѣшанный въ дѣло декабристовъ, былъ обвиненъ въ томъ, что «умышлялъ на царубійство» и приговоренъ къ смертной казни, которая была замѣнена ссылкой въ Нерчинскіе рудники. Умеръ въ Енисейскѣ. О немъ: см. «Слов. Лит. Тип.», вып. 6-ой, «Списокъ».

Янусъ. Римскій богъ войны. «На возвр. Алекс. I» (1816).

Ярополецъ.—Имѣніе Гончаровыхъ. Въ Я. жила теща Пушкина, которую онъ посѣтилъ въ 1833 г.; «изъ старой бібліотеки» Пушкинъ отобралъ десятка «три» книгъ (Женѣ, 1833).

Ваддей— («полицейскій Θ», Плетн., 1831), см. Булгаринъ.

Вемида.—Богиня правосудія. «Посл. В. Пушкину» (1817).

Θеокритъ.—Греческій поэтъ; его «Буколики» переводили Мерзляковъ и Гнѣдичъ. Онѣгинъ «бранилъ Гомера, Θ—а» (I, 7).

Θесписъ.—Греческій драматургъ. Подъ именемъ Θ. выведенъ кн. Шаховской («Къ Жук.», 1817).

Θита.— («Нашъ другъ Θита», 1824) — Θ. Н. Глинка.

ПЕРЕЧЕНЬ

ПРОИЗВЕДЕНІЙ ¹⁾ А. С. ПУШКИНА

и

входящихъ въ нихъ типовъ, образовъ,
лицъ и именъ ²⁾.

¹⁾ Произведенія въ „Перечнѣ“ расположены въ алфавитномъ порядкѣ и выдѣлены **жирнымъ** шрифтомъ.

²⁾ Лица, имена и предметы, см. также „Списокъ“.

ПЕРЕНЬ

ПРОСВЕДЕНІИ С. ПУШКИНА

Содержание

Список

Анджело, повѣсть въ стихахъ — пересказъ драмы Шекспира «Мѣра за мѣру». Написана въ 1833 г., напечатана въ альманахѣ «Новоселье» 1834 г. съ сокращеніями, обозначенными точками. Эти сокращенія сдѣланы по указанію Императора Николая Павловича. Бѣлинскій считалъ, что «эта поэма недостойна таланта Пушкина». Критикъ относилъ «А.» къ переходнымъ пьесамъ поэта: отъ эпическихъ его поэмъ къ драматическимъ. «Въ поэмѣ видно какое-то усиліе на простоту, отчего простота ея слога какъ-то искусственна. Можно найти въ «А.» счастливыя выраженія, удачныя стихи, если хотите, много искусства, но искусства чисто-техническаго, безъ вдохновенія, безъ жизни». (Соч., т. VIII).

По мнѣнію Н. И. Стороженко, у «Шекспира Анджело бросаетъ Марianne главнымъ образомъ потому, что приданое ея погибло во время кораблекрушенія. Пушкинъ справедливо счелъ этотъ мотивъ слишкомъ трагическимъ для человека съ такой чистой репутаціей, какъ Анджело, и, упомянувъ вскользь объ этомъ обстоятельстве, выдвигаетъ другой мотивъ, именно дурныя слухи, которые ходили объ его невѣстѣ. «Пускай себѣ молвы неправо обвиненье—нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнья къ супругѣ Кесаря». Послѣднихъ стиховъ нѣтъ у Шекспира: они прибавлены Пушкинымъ, и нельзя не сознаться, что мотивъ, выдвинутый Пушкинымъ на первый планъ, какъ нельзя болѣе соответствуетъ характеру Анджело, которому было всего дороже его незапятнанная репутація. Разсматриваемый какъ психологическій этюдъ, «Анджело» окажется весьма замѣчательнымъ произведеніемъ». (Сборникъ «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину» стр. 226—227).

Арапъ Петра Великаго, неоконченный романъ въ семи главахъ. Первая глава датирована 31 июля 1827 г. Послѣдней, седьмой написано нѣсколько строкъ. Мысль написать историческій романъ изъ петровской эпохи и вывести въ немъ своего предка давно занимала Пушкина. О «романѣ на старомъ ладѣ» упоминается въ «Онѣгинѣ»; о замыслахъ своихъ Пушкинъ говорилъ друзьямъ. Еще въ 1824 г. онъ писалъ брату: «присовѣтуй Рылѣву помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное впечатлѣніе на всю картину Полтавской битвы». (Рѣчь идетъ о писавшейся тогда Рылѣвымъ поэмѣ «Войнаровский»). Пушкинъ, однако, скоро охладѣлъ къ своему герою и не закончилъ начатаго романа. Въ картинѣ полтавской битвы («Полтава») онъ не удѣлилъ мѣста Ганибалу.

Бѣлинскій высоко ставилъ «Арапа Петра В.» По его мнѣнію, русская повѣсть, «со времени появленія Марлинскаго до Гоголя, играла роль ученицы», и только въ отрывкѣ пушкинскаго романа «на минуту сдѣлалась мастеромъ въ смыслѣ нѣмецкаго мастера, или итальянскаго маэстро». «Эти семь главъ неоконченнаго романа, изъ которыхъ одна упредила всѣ историческіе романы г.г. Заголкина, Лажечникова, неизмѣримо выше и лучше всякаго историческаго русскаго романа, порознь взятаго, и всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ».

При жизни Пушкина появились въ печати лишь двѣ главы: четвертая («Сѣверныя цвѣты», 1829 г.) и отрывокъ изъ третьей («Лит. Газетѣ», 1830 г.). Самъ поэтъ, издавая въ 1834 г. свои сочиненія, внесъ въ нихъ только эти два отрывка; вся же рукопись была напечатана лишь послѣ его смерти.

Барская барыня. — Брюссъ. — Бужинскій. — Бутурлинъ. — Денщикъ государевъ. — Головинъ. — Господинъ съ букетомъ. — Графъ и графиня Л. Дворецкій. — Девіерь. — Долгорукій. — Екатерина I. — Екимовна. — Елецкій. — Елисавета. — Ибрагимъ (Арапъ Петра Великаго). — Кирилла Петровичъ Т. — Копіевичъ. — Корсаковъ. — Ласточка (Жарлица). — Львовъ. — Лыковъ. — Лѣкаръ-нѣмецъ. — Марья Ильинишна. — Меньшиковъ. — Мервиль. — Милославскій. — Петръ Великій. — Ржевскіе. — Рагузинскій. — Троекуровъ, Кирилла Петровичъ. — Шагинъ. — Шереметьевъ.

Барышня-крестьянка, повѣсть. Написана въ 1830 г. Бѣлинскій, вообще отнесшійся очень строго къ повѣстямъ Бѣлкина (см. ниже: «Повѣсти Б.»), считалъ «Бар.-кр.» «неправдоподобной, водевильной, представляющей жизнь съ идиллической точки зрѣнія».

Акулина. — Берестовы: Петръ Ивановичъ и Алексѣй Петровичъ. — Василій-кузнецъ. — Жаксонъ, миссъ. — Курочкина, Акулина Петровна. — Лиза (Бетси). — Муромскіе: Григорій Ивановичъ, Лиза. — Настя. — Терентій.

Бахчисарайскій фонтанъ, поэма. Въ 1822 г., путешествуя съ Раевскими по Крыму, Пушкинъ посѣтилъ Бахчисарай и его «забвенню преданный дворець». Въ августъ 1823 г. поэтъ извѣщалъ брата изъ Одессы о новой поэмѣ. Поэтъ медлилъ знакомить друзей со своимъ произведеніемъ и работалъ надъ нимъ «единственно за себя». Послѣ уничтоженія многихъ мѣстъ, относившихся къ одной женщинѣ, въ которую Пушкинъ, по его словамъ, «былъ очень долго и очень глупо влюбленъ (см. въ «Спискѣ»: N. N.) и пропуска десяти стиховъ въ концѣ поэмы («всѣ думы сердца къ ней летятъ»...), рукопись была отправлена кн. Вяземскому. Пушкинъ торопился съ изданіемъ «Б. Ф.» не ради славы, «а ради Мамона» и просилъ Вяземскаго написать предисловіе къ поэмѣ. Къ отдѣльному изданію, купленному московскимъ книгопродавцемъ Ширяевымъ за 5 т. р. ас. (М. 1824), Вяземскій приложилъ вмѣсто предисловія написанный имъ «Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской Стороны или съ Васильевского Острова (Сочин. П. А. Вяземскаго, т. I, 167). Самъ поэтъ считалъ свою поэму «безсвязными отрывками» и ставилъ ее ниже «Кавк. Плѣн.», но публика и критика приняли ее восторженно. По словамъ Анненкова, «всѣ оттѣнки мнѣній, раздѣлявшихъ литературу нашу, слились при появленіи «Б. Ф.» въ одну похвалу неслыханной еще дотолѣ гармоніи языка, небывалой у насъ роскоши стиховъ и описаній, какими отличалась поэма». Бѣлинскій называлъ «Б. Ф.» «прекраснымъ, благоухающимъ цвѣткомъ», «которымъ можно любоваться безотчетно и безтребовательно, какъ всѣми юношескими произведеніями, въ которыхъ полнота силъ замѣняетъ строгую обдуманность концепціи и роскошь щедрой рукой разбросанныхъ красокъ — строгую отчетливость выполненія». «Въ основѣ этой поэмы лежитъ мысль до того огромная, что она могла бы быть подъ силу только вполне развившемуся и возмужавшему таланту; очень естественно, что Пушкинъ не совладалъ съ нею, и, можетъ быть, оттого-то и былъ къ ней уже слишкомъ строгъ». — Вопросъ о вліяніи Байрона на поэму былъ поднятъ еще современниками Пушкина, но, по замѣчанію В. В. Сиповскаго, байроновское вліяніе на «Б. Ф.» лишь только внѣшнее: «простое подражаніе манерѣ пользоваться *couleur locale*, подходящимъ колоритомъ; вліянія же внутренняго мы не найдемъ — ни одинъ герой этой поэмы не говорилъ отъ сердца самого Пушкина, ни одному не вложилъ онъ, подобно Байрону, гордыхъ рѣчей своего разочарованнаго сердца». В. С и п о в с к і й: «Пушкинъ», Спб., 1907 г.

Гирей. — Зарема. — Марія.

Борисъ Годуновъ. Написанъ въ 1825 г. въ Михайловскомъ. Первоначальное заглавіе: «Комедія о настоящей бѣдѣ московскому Государству, о царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333 въ городищѣ Вороничѣ». Самъ поэтъ оставилъ свидѣтельство о томъ, что его натолкнуло на мысль о комедіи. «Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени».

По мнѣнію П. О. Морозова (Пушк. изд. Лит. Фонда, т. 3), «изученіе историческихъ драмъ Шекспира отразилось не только въ общемъ характерѣ тра-

геді Пушкина, но и въ отдѣльных ея сценахъ». Ср. избраніе Бориса на царство и «Ричардъ III», 7-ая сцена IV дѣйств.; монологъ Бориса: «достигъ я высшей власти» и «Генрихъ V» дѣйств. IV, сд. 1; послѣднія наставленія Θεодору и «Генрихъ IV» ч. II (посл. сцена 4-го дѣйств.); военныя сцены «Бориса Г.» съ такими же сценами «Генриха V».

«Бор. Год.» посвященъ «драгоцѣнной для Россіянъ памяти Н. М. Карамзина». Увлеченіе «авторитетомъ Карамзина» и безусловное слѣдованіе за его исторіей отмѣчаетъ Бѣлинскій. Наоборотъ, И. Н. Ждановъ въ своемъ изслѣдованіи о «Б. Г.» отрицаетъ преувеличенное мнѣніе о вліяніи Карамзина на Пушкина; по его мнѣнію, «въ изображеніи судьбы царя Бориса Пушкинъ шелъ своей дорогой, — дорогой, на которой Карамзинъ не былъ и не могъ быть его руководителемъ». «Между рассказомъ историка и замысломъ поэта нѣтъ сходства». И. Ждановъ, «Бор. Год.» Пушкина. Спб. 1892 г. Нѣкоторыя аналогичныя черты «Бориса Год.» и «Гоголи» Расина приведены въ статьѣ Θ. Д. Батюшкова: «Пушкинъ и Расинъ». Сб. Спб. Унив. «Памяти Пушкина». Спб. 1900. См. тамъ же ст. Н. К. Козмина: «Взглядъ Пушкина на драму», стр. 179—226.

Пушкинъ не спѣшилъ съ печатаніемъ пьесы, предчувствуя, что цензура ее «не пропуститъ» (См. Приложение «Пушкинъ и цензура»). Послѣ ряда хлопотъ, «Б. Г.» смогъ появиться въ печати лишь въ 1830 г.

Бѣлинскій находилъ, что «Бор. Год.» и «Полтавой» началась «совершенно новая эпоха художественной дѣятельности Пушкина. «Бор. Год.», по мнѣнію критика, «совсѣмъ не драма, а развѣ эпическая поэма въ разговорной формѣ. Дѣйствующія лица, вообще слабо очеркнутыя, только говорятъ, и мѣстами говорятъ превосходно; но они не живутъ, не дѣйствуютъ. Слышите слова, часто исполненныя высокой поэзіи, но не видите ни страстей, ни борьбы, ни дѣйствій — это одинъ изъ недостатковъ драмы Пушкина, но этотъ недостатокъ — не вина поэта: его причина въ русской исторіи, изъ которой поэтъ заимствовалъ содержаніе своей драмы».

Баба. — Басмановъ. — Борисъ Годуновъ. — Бояре. — Бѣглецы. — Варлаамъ. — Вишневецкій. — Воины. — Воротынский. — Годуновы: Борисъ, Ксенія, Марія, Семень, Θεодоръ. — Голицынъ, князь. — Григорій. — Дама. — Димитрій (Самозванецъ). — Игумень. — Кавалеръ. — Карела (казакъ). — Курбскій. — Ляхи. — Мальчикъ. — Мамка. — Маржереть. — Мисаиль. — Мнишекъ, Марина. — Молчановъ. — Мосальскій. — Нищій. — Патеръ. — Патріархъ. — Пимень. — Плѣнный. — Полякъ. — Поэтъ. — Пристава. — Пушкины: Гаврило, Аван. Мих. — Рожновъ. — Розень. — Рузя. — Собаньскій. — Старуха. — Трубецкой. — Хозяйка. — Хрущовъ. — Чернецъ. — Щелкановъ. — Шереметинъ. — Шуйскій. — Юродивый.

Братья разбойники, поэма. Написана въ концѣ 1821 г. Въ маѣ 1822 г. Пушкинъ извѣщалъ Гнѣдича, что у него «есть готовая поэмка», но въ іюнѣ 1823 г. уже сообщалъ А. Бестужеву, что «Разбойниковъ» онъ сжегъ — и по дѣломъ. Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ у Николая Раевского. Если отечественныя звуки: харчевня, кнутъ, острогъ не напугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ «Полярной Звѣзды», то напечатай его. (М. 1829 г.) Бѣлинскій называлъ «Б. Р.» ученическимъ опытомъ», находилъ, что «въ нихъ все ложно, все натянуто, все мелодрама, и ни въ чемъ нѣтъ истины, отчего эта поэма очень удобна для пародій. Будь она написана въ одно время съ «Русланомъ и Людмилой» — она была бы удивительнымъ фактомъ огромности таланта Пушкина, ибо въ ней стихи бойки, рѣзки и размахисты, рассказъ живой и стремительный. Но какъ произведеніе, современное «Цыганамъ», эта поэма — неразгаданная вещь. Ея разбойники очень похожи на Шиллеровыхъ удалцовъ третьяго разряда изъ шайки Карла Моора, хотя по внѣшности событія и видно, что оно могло случиться только въ Россіи. Языкъ рассказывающаго повѣсть своей жизни разбойника слишкомъ высокъ для мужика, а понятія слишкомъ низки для челоуѣка изъ образованнаго сословія; отсюда и выходитъ декламація, проговоренная звучными и сильными стихами».

Разбойника-братъ. — Разбойникъ.

Вадимъ, отрывки изъ повѣсти и драмы, относящіяся къ 1822 г. См. Списокъ: «Вадимъ».

Вадимъ. — Рогдай.

Выстрѣль — четвертая изъ повѣстей Бѣлкина. Авторская помѣта: 1830, 14 октября. Бѣлинскій считалъ «Выстрѣль» лучшей изъ повѣстей этой серіи.

Б., графиня Марія. — Б., графъ. — Кузька. — Офицеръ. — Помѣщикъ (польскій). — Секундантъ. — Сильвіо. — Человѣкъ молодой.

Галубъ, поэма (1829—33 г.г.). Въ печати появилась послѣ смерти Пушкина («Соврем.», 1837). Сравнивая «Г.» съ «Кавк. Плѣн.», Бѣлинскій находитъ огромную разницу между двумя этими поэмами, «словно въ разные вѣка и разными поэтами написаны эти двѣ поэмы». Въ «Г.», говорилъ Бѣлинскій, «глубоко-гуманная мысль выражена въ образахъ столь же отчетливо вѣрныхъ, сколько и поэтическихъ». Поэтъ «перенесъ насъ въ среду кавказскихъ дикарей, чтобы показать, что и тамъ есть человѣческое достоинство, осужденное на трагическое страданіе».

Галуба-сынъ. — Галубъ. — Старикъ. — Тазита-любовница. — Тазитъ.

Графъ Нулинъ, поэма. Написана въ Михайловскомъ въ 1825 г., напечатана полностью въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 г. и отдѣльно Спб. 1827 г. Въ «Замѣткахъ» Пушкина находится слѣдующее объясненіе происхожденія поэмы: «Въ концѣ 1825 года находился я въ деревнѣ, и перечитывая «Лукрецію», довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что, если бы Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ, это охладило-бъ его предприимчивость и онъ со стыдомъ принужденъ былъ отступить. Лукреція бы не зарѣзалась. Публикола не взбѣсилъ бы — и мѣръ, и исторія міра были бы не тѣ. Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась, я не могъ противодѣйствовать двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повѣсть». «Графъ Нулинъ», по словамъ Пушкина, надѣлалъ ему большихъ хлопотъ (см. II—ъ и цензура). «Въ свѣтѣ приняли его благосклонно». Императоръ Николай, какъ сообщилъ поэту Бенкендорфъ, прочиталъ поэму съ большимъ удовольствіемъ, хотя и замѣтилъ одно мѣсто, подлежащее исключенію.

«Гр. Н.», по отзыву Бѣлинскаго, «не болѣе, какъ легкій сатирическій очеркъ одной стороны нашего общества, по очеркъ, сдѣланный рукой въ высшей степени художественной». «Въ этой повѣсти все такъ и дышитъ красками русскаго деревенскаго быта. Здѣсь цѣлый рядъ картинъ въ фламандскомъ вкусѣ, — и не одна изъ нихъ не уступитъ въ достоинствѣ любому изъ тѣхъ произведеній фламандской живописи, которыя такъ высоко цѣнятся знатоками. Чтѣ составляетъ главное достоинство фламандской школы, если не умѣнье представлять прозу дѣйствительности подъ поэтическимъ угломъ зрѣнія? Въ этомъ смыслѣ «Графъ Нулинъ» есть цѣлая галерея превосходнѣйшихъ картинъ фламандской школы. И если мы сказали, что не «Графомъ Нулинымъ» будетъ безсмертенъ Пушкинъ, это не значить, чтобъ мы на поэму его смотрѣли, какъ на легонькое литературное произведеніе, какъ на остроумную шутку: нѣтъ, это значить только, что у Пушкина слишкомъ много гораздо болѣшихъ правъ на бессмертіе, чѣмъ «Графъ Нулинъ», и что эта поэмка, которая могла бы составить главный капиталъ извѣстности для иного поэта, у Пушкина есть только роскошь, избытокъ, который тратится безъ вниманія и безъ сожалѣнія. По мнѣнію критика, поэтъ схватываетъ въ «Графѣ Нулинѣ» самыя характерическія черты русской жизни».

Лидинъ. — Натальи Павловны мужъ. — Нулинъ, графъ. — Параша. — Ricard. — Фалбала.

Гробовщикъ, первая изъ повѣстей Бѣлкина. Закончена 9 сентября 1830 г. въ Болдинѣ.

Аксинья. — Курилкинъ. — Прохоровы: Адріанъ, Акулина, Дарья. — Трюхина. — Шульцы: Готлибъ, Лотхенъ, Луиза. — Юрко.

Домикъ въ Коломнѣ, повѣсть. Написана въ Болдинѣ 1830 г., напечатана въ «Новосельѣ» 1833 г. Изъ 54 октавъ — 14 не попали въ свое время по цензурнымъ условіямъ въ печать (IV—IX и XV—XXII). «Пушкинъ дорожилъ ими и хотѣлъ ихъ напечатать: онѣ оказались въ его бумагахъ особо переписанными и съ надписью: сіи октавы служили вступленіемъ къ шуточной поэмѣ, уже уничтоженной» (Сочин. П., т. III, стр. 167). Фабулой пьесы послужилъ рассказъ Нащокина о томъ, какъ онъ, влюбленный въ актрису Ассенкову, переодѣлся въ женскій нарядъ и прослужилъ въ ея домѣ въ качествѣ горничной болѣе мѣсяца.

Бѣлинскій считалъ «Д. въ К.» игрушкой, сдѣланной рукой великаго мастера». «Несмотря на видимую незначительность ея со стороны содержанія, эта шуточная повѣсть тѣмъ не менѣе отличается большими достоинствами со стороны формы. Остроты, шутки, рассказъ, въ одно время и легкій, и занимательный, мѣстами проблески чувства, на всемъ какой-то особенный колоритъ, и наконецъ превосходный стихъ — все это тотчасъ же обличаетъ великаго мастера. Когда нечаянно попадаетея вамъ подъ руку эта, теперь уже столь старая пьеса, и взоръ вашъ небрежно падаетъ на первую попавшуюся строфу или стихъ, — все равно, съ начала это или съ середины, не только вы незамѣтно для самого себя непремѣнно прочтете до конца, и на душѣ вашей отъ этого чтенія останется впечатлѣніе легкое, но невыразимо сладостное, хотя бы вы уже сто разъ читали и перечитывали эту пьесу прежде. Многихъ удивитъ подобное мнѣніе; но «Домикъ въ Коломнѣ» мы считаемъ однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній, въ которомъ, подъ легкой, небрежной формой и при видимой незначительности содержанія, скрыто много искусства. Эта пьеса доказываетъ ту простую истину, что жизнь, лишь бы искусство вѣрно воспроизводило ее, всегда высоко для насъ занимательна, и что люди, ищущіе въ произведеніяхъ искусства только эффектныхъ сюжетовъ, не понимаютъ ни жизни, ни искусства. Поэтическія произведенія такъ же имѣютъ свой колоритъ, какъ и произведенія живописи, и если колоритъ въ картинахъ цѣнится такъ высоко, что иногда только онъ одинъ и составляетъ все ихъ достоинство, — то такъ же точно колоритъ долженъ цѣниться и въ поэтическихъ произведеніяхъ. Правда, онъ меньше всего доступенъ большинству читателей, которые по обыкновенію прежде всего хватаются за содержаніе, за мысль, мимо формы, и потому часто дюжинныя произведенія принимаются ими за великія, а великія — за дюжинныя. Мы увѣрены, что есть много читателей, которымъ «Домикъ въ Коломнѣ» очень нравится, но которые тѣмъ не менѣе считаютъ его только миленькой, но очень ничтожной вещью. Такъ всегда судитъ большинство!»

Вѣра Ивановна. — Графиня. — Мавра. — Параша. — Параша-мать. — Фекла.

Дубровскій, повѣсть въ 19 главахъ. Начата 2 октября 1832 г. въ Спб., закончена 6 февраля 1833 г. Окончательной отдѣлки повѣсть не получила и была напечатана по черновымъ наброскамъ Пушкина въ 10-мъ томѣ перваго посмертнаго изданія его сочиненій. Сюжетъ повѣсти данъ былъ П. В. Нащокинымъ и основывается на подлинномъ тяжёбомъ дѣлѣ поручика Муратова съ гвардіи подполковникомъ Крюковымъ. Отецъ Крюкова, помѣщикъ Тамб. губ., продалъ въ 1759 г. отцу Муратова село Новоспасское съ 186-ю душами; купчая крѣпость сгорѣла у Муратова во время пожара, бывшаго въ 1790 г., между тѣмъ, какъ у Крюкова сохранился въ бумагахъ прежній документъ на владѣніе имѣніемъ, сдѣланный еще до продажи. На основаніи этого документа, Крюковъ и началъ дѣло вести. Въ 1832 г. уѣздный судъ, несмотря на свѣше чѣмъ семидесятилѣтнее владѣніе Муратовымъ имѣніемъ, рѣшилъ дѣло въ пользу Крюкова. Выписка отъ этого дѣла и была сообщена Пушкину знакомымъ Нащокина, Д. В. Короткимъ. Фамилія Муратова замѣнена въ повѣсти Дубровскимъ, Крюковъ названъ Троекуровымъ.

Въ «Д.», по словамъ Бѣлинскаго (какъ и въ «Кап. Дочкѣ»), «преобладаетъ пагубное помѣщичьяго принціпа, и молодой Дубровскій представленъ Ахилломъ между людьми этого рода, — роль, которая рѣшительно не удалась Гриневу, ге-

рою «Капитанской Дочки». Но Дубровский, несмотря на все мастерство, которое обнаружилъ авторъ въ его изображеніи, все-таки остался лицомъ мелодраматическимъ и не возбуждающимъ къ себѣ участія. Вообще вся эта повѣсть сильно отзывается мелодрамой».

Агафья. — Аписимъ. — Антонъ. — Арина Егоровна (Бузырева). — Архипъ Савельевъ (Савельичъ). — Ванька. — Верейскій. — Гриша (Бузыревъ). — Глобовы: Анна Савишна, Ванюша. — Демьяновъ, Иванъ. — Дефоржъ. — Дубровскіе: Андрей Григорьевичъ и Владиміръ Андреевичъ. — Исправникъ. — Лѣкаръ уѣздный. — Микита. — Митя. — Мишо. — Парамошка (псарь). — Пахомовна. — Петровна. — Приказчикъ. — Саша. — Сидорычъ. — Спицынъ. — Степанъ. — Степка. — Тимошка. — Троекуровы. — Шабашкинъ. — Ѳедотовна.

Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. Начать въ Кишиневѣ въ 1822 г., законченъ въ Болдинѣ въ 1831 г. Первая глава писалась въ Кишиневѣ и Одессѣ 1822—23 г.г. Отд. изд. Спб. 1825 г. съ посвященіемъ Л. С. Пушкину. Вторая глава имѣетъ авторскую помѣтку: «8 дек. 1823 г. nuit». (Пушкинъ въ это время жилъ въ Одессѣ). Отд. изд. Спб. 1826 г.). Третья глава начата въ Одессѣ, закончена въ Михайловскомъ (окт., 1824). Отд. изд. Спб. 1827 г. Четвертая и пятая главы написаны въ Михайловскомъ (1825—26 г.г.). Въ отд. изд. появились вмѣстѣ. Спб. 1828 г. Работа надъ шестой главой относится къ 1826 г. (Михайловское). Отд. изд. Спб. 1828 г. Седьмая глава писалась въ теченіе 1827 — 28 г.г., но вышла въ отд. изд. въ 1830 г. Спб. Восьмая («Странствія Онѣгина») была написана въ 1829 г. и вмѣстѣ съ девятой приготовлена для изданія, но авторъ не пустилъ ее въ печать, замѣнивъ ее девятой («Большой свѣтъ»), которая и вышла подъ именемъ восьмой отдѣльно. Спб. 1832 г. Ц. 5 р.¹). («Осьмую главу я хотѣлъ было вовсе уничтожить и замѣнить одною римскою цифрою, но побоялся критики», писалъ Пушкинъ; главу онъ все-таки уничтожилъ, хотя и безъ замѣны ея римскою цифрою²).

Въ 1833 г. появилось полное изданіе «Онѣгина» въ восьми главахъ, съ приложеніемъ «отрывковъ изъ путешествія Онѣгина». Спб. Ц. 12 р. асс. Въ 1837 г., въ самый день кончины поэта вышло новое, значительно удешевленное миниатюрное изданіе его любимаго романа. Спб. Ц. 5 р. ас. Къ этому изданію приложено посвященіе П. А. Плетневу (1828 г.). Роскошное изданіе, съ иллюстраціями Е. Самокишъ-Судковской. Спб. 1908 г. Изд. т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

«Онѣгинъ», писалъ Бѣлинскій, есть самое задушевное произведеніе Пушкина, самое любимое дитя его фантазіи, и можно указать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ личность поэта отразилась бы съ такой полнотой, свѣтло и ясно, какъ отразилась въ «Онѣгинѣ» личность Пушкина. Здѣсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здѣсь его чувства, понятія, идеалы. Оцѣнить такое произведеніе значитъ — оцѣнить самого поэта во всемъ объемѣ его творческой дѣятельности. Не говоря уже объ эстетическомъ достоинствѣ «Онѣгина», эта поэма имѣетъ для насъ, русскихъ, огромное историческое и общественное значеніе. «Прежде всего въ «Онѣгинѣ» мы видимъ поэтически воспроизведенную картину русскаго общества, взятаго въ одномъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ его развитія. Съ этой точки зрѣнія «Евгеній Онѣгинъ» есть поэма историческая въ полномъ смыслѣ слова, хотя въ числѣ ея героевъ нѣтъ ни одного историческаго лица. Историческое достоинство этой поэмы тѣмъ выше, что она была на Руси и первымъ, и блистательнымъ опытомъ въ этомъ родѣ. Въ ней Пушкинъ является не просто поэтомъ только, но и представителемъ впервые пробудившагося обществен-

¹) Каждая глава въ отд. изданіи продавалась по 5 р. ас.; по поводу этихъ дорогихъ цѣнъ раздалась въ печати обвиненія Пушкина въ корыстолюбіи. См. «Крит. Зам.»

²) Относительно «римскихъ цифръ», обратившихъ вниманіе критики, надо имѣть выходку «Сѣверной Пчелы»; разбирая VII главу критикъ газеты замѣчалъ, что съ величайшимъ наслажденіемъ нашель двѣ пропущенныя строфы, а вмѣсто ихъ римскія цифры.

наго самосознанія: заслуга безмѣрная!» «Е. О.», по словамъ Бѣлинскаго, «въ высшей степени оригинальное и національно русское произведеніе». «Онѣгина» можно назвать энциклопедіей русской жизни и въ высшей степени народнымъ произведеніемъ. Удивительно ли, что эта поэма была принята съ такимъ восторгомъ публикой и имѣла такое огромное вліяніе и на современную ей, и на послѣдующую русскую литературу? А ея вліяніе на нравы общества? Она была актомъ сознанія для русскаго общества; почти первымъ, но зато какимъ великимъ шагомъ впередъ для него! Этотъ шагъ былъ богатырскимъ размахомъ, и послѣ него стояніе на одномъ мѣстѣ сдѣлалось уже невозможнымъ... Пусть идетъ время и приводитъ съ собой новыя потребности, новыя идеи, пусть растетъ русское общество и обгоняетъ «Онѣгина»: какъ бы далеко оно ни ушло, но всегда будетъ оно любить эту поэму, всегда будетъ останавливать на ней исполненный любви и благодарности взоръ...».

Abbé, m-г. — Анисья. — Буяновъ. — В. — Воронская, Нина. — Гвоздинъ. — Гильо, m-г. — Графиня. — Дурина. — Елена, княжна. — Дьячокъ. — Зарѣпкій. — Иванъ Петровичъ. — К., Элиза. — Командиръ ротный. Ларины: Ольга, Rchette, Татьяна, Дмитрій. — Ленскій. — Лукерья Львовна. — Любовь Петровна. — Мизинчиковъ. — N., князь. — N. N. — Няня. — Онѣгина-дядя. — Онѣгинъ, Евгений. — Пелагея Николавна. — Полина, княжна. — Пустяковъ. — Пѣтушковъ. — Пыхтинъ. — R. C. — Сабуровъ, Семень Петровичъ. — Скотинины. — Трике. — Уланъ. — Финмушъ, m-г. — Флянвъ. — Харликовъ. — Ѡдаевна.

Египетскія ночи. Первоначальная редакція стихотворенія «Клеопатра» относится къ 1825 году. Въ 1835 г. Пушкинъ вновь возвращается къ той же темѣ и начинаетъ повѣсть изъ древне-римской жизни: «Цесарь путешествовалъ». Одновременно онъ дѣлаетъ нѣсколько набросковъ повѣсти изъ жизни петербургскаго общества, въ которую какъ эпизодъ вводитъ рассказъ о Клеопатрѣ. Повѣсть осталась неоконченной и обрывается на третьей главѣ. Эти три главы, имѣющія несомнѣнныя автобіографическія черты, опубликованы были послѣ смерти поэта въ «Соврем.» 1837 г.

Импровизаторъ-итальянецъ. — Княгиня ***. — Красавица. — Чарскій.

Историческія сочиненія: «Вадимъ», «Борисъ Годуновъ», «Арапъ Петра Великаго», «Полтава», «Мѣдный Всадникъ», «Исторія Пугачевского бунта», «Капитанская Дочка», «Исторія Петра Великаго». Еще на лицейской скамейкѣ Пушкинъ съ восторгомъ читалъ карамзинскую «Исторію Госуд. Рос.». По выходѣ изъ лица, выздоравливавшій отъ долгой и упорной болѣзни, поэтъ занимался чтеніемъ Карамзина.

Въ 1822 г. онъ задумывалъ поэму и затѣмъ драму «Вадимъ»; къ тому же году относится «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ». Изученіе Карамзина и историческихъ хроникъ Шекспира обращаетъ поэта къ «Борису Годунову». Давнишнее его желаніе имѣть непосредственный доступъ къ архивамъ, наконецъ, получаетъ осуществленіе: въ 1831 г. Пушкину было дозволено «отыскивать въ архивахъ матеріалы для исторіи Петра I». Петровская эпоха еще ранѣе серьезно увлекала Пушкина («Арапъ Петра Великаго» — 1827), онъ думалъ приступить къ составленію петровской Исторіи («исторія, по словамъ Пушкина, принадлежитъ поэту»), но эпоха пугачевщины отвлекла его отъ первоначальныхъ занятій. Двѣ зимы 1832—33 г.г. поэтъ провелъ среди архивныхъ занятій, изучая дѣло Пугачева. Осенью 1833 г. онъ ѣздилъ въ Казань и Оренбургъ, чтобы на мѣстѣ собрать свѣдѣнія отъ очевидцевъ для своей «Исторіи», которая, по словамъ поэта, «не имѣла въ публикѣ никакого успѣха». Работы надъ «Исторіей Пугачевского бунта» дали матеріалъ поэту для «Капитанской Дочки». Окончивъ свой трудъ, Пушкинъ вновь вернулся къ прерваннымъ занятіямъ, и «со страхомъ и трепетомъ» приступилъ «къ Петру», мечтая вылить «мѣдный памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ» (Женѣ, май, 1834 г.). Такими памятни-

ками и явились уже ранѣе написанныя поэмы: «Полтава» и «Мѣдный Всадникъ».

Исторія села Горюхина. Начата въ Болдинѣ (1830). Неоконченная рукопись появилась въ печати лишь послѣ смерти Пушкина и долгое время печаталась подъ искаженнымъ названіемъ (Горохино, вмѣсто Горюхина), пока Ефремовъ (соч. Пушкина, изд. Суворина) и Венгеровъ (изд. Ефрона, т. IV), на основаніи рукописи поэта, не установили правильнаго текста. «И. с. Г.», по словамъ Бѣлинскаго, «шутка, острая, милая и забавная, въ которой, впрочемъ, есть и серьезныя вещи, какъ, напр., прибытіе» «управителя и картина его управленія» (Соч., т. VIII). Страховъ усматривалъ въ ней пародію на «Ист. Гос. Россійскаго» Карамзина, Черняевъ («Крит. Зам.»), наоборотъ, видитъ въ повѣсти пародію на Полевого и Каченовскаго. Сиповскій («Пушкинъ» ак. сб., т. IV) дѣлаетъ предположенія, что Пушкину могла быть извѣстна «Лѣтопись деревни Кверлеквичъ» нѣмецкаго писателя Рабенера. Г. Искрозъ въ своей статьѣ (Пушкинъ, изд. Брокгауза и Ефрона, т. IV.), опровергая предположеніе г. Сиповскаго, приходитъ къ выводу, что Пушкинъ прежде всего высмѣиваетъ не того или другого отдѣльнаго писателя, а цѣлую полосу въ современной литературѣ, не умѣвшей еще отказаться отъ ложнаго пафоса, унаслѣдованнаго у предшествовавшаго поколѣнія, — отъ требованія «чинности».

Авдѣй. — Аграфена Трифонова. — Акимъ. — Архипъ-лысый. — Б. — Баба. — Бѣлкины: Андрей Степановичъ, Евпраксія Алексѣевна, Иванъ Андреевичъ. — Дворня. — Дьячокъ. — Корючкинъ. — Мейеръ. — Мужики. — Приказчикъ. — Поваръ. — Сенька. — Тришка. — Трифонъ. — Трифонъ Терентьевичъ.

Кавказскій плѣнникъ, поэма. Начата въ 1820 г. Въ письмѣ изъ Кишинева отъ 23 марта 1821 г. Пушкинъ увѣдомлялъ Гнѣдича черезъ Дельвига объ окончаніи новой поэмы, которая «окрещена «Кавказскимъ Плѣнникомъ». «Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту, видѣлъ я только въ отдаленѣхъ ледяныя главы Кавказа и Эльбруса. — Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа — я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, гдѣ возвышаются въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа». Хотите ли вы, — писалъ П. осенью т. г. Гречу, — у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною въ 800 стиховъ; стихъ шириною 4 стопы; разрѣзано на двѣ пѣсни. Дешево отдамъ, чтобы товаръ не залежался».

Самъ поэтъ былъ «своей поэмой очень недоволенъ» и почиталъ «ее гораздо ниже «Руслана» — хоть стихи въ ней зрѣлѣе. На замѣчаніе В. П. Горчакова относительно поэмы, Пушкинъ отвѣчалъ (1821 г.): «Зачѣмъ не утопился мой Плѣнникъ вслѣдъ за черкешенкой? Какъ человекъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразуміе требуется. Характеръ «Плѣнника» не удаченъ. Это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ бы изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было бы назвать «Черкешенкой» — я объ этомъ не подумалъ. — «Черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ большую и лучшую часть моей повѣсти, но все это ни съ чѣмъ не связано и есть истинный hors d'oeuvre».

Каменскіе друзья поэта не считали поэму удачною, а Н. Раевскій даже находилъ ее «плохой». Самъ Пушкинъ признавалъ «К. П.» своимъ первымъ «неудачнымъ опытомъ характера», съ которымъ поэтъ насилу сладилъ», но черезъ семь лѣтъ, найдя во время путешествія измаранный списокъ «К. П.», поэтъ перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ». «Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано вѣрно» (Пут. въ Арзр., II).

«Кавказскій Плѣнникъ» вышелъ въ изданіи Гнѣдича (Спб., 1822). Къ книгѣ приложены гравированный Гейтманомъ портретъ юнаго Пушкина и за-

мѣчаніе издателей, полагавшихъ, что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ».

Пушкинъ за свой авторскій трудъ получилъ 500 р. ассигнаціями и одинъ печатный экземпляръ (См. Анненковъ. Матеріалы, 75). Другіе издатели предлагали еще меньшую сумму. Отъ второго изданія «Руслана» и «Кавк. Плѣн.», предложеннаго Гнѣдичемъ, Пушкинъ отказался. Второе изданіе обѣихъ поэмъ было куплено книгопродавцемъ А. Смирдинымъ за 7,000 т. р. ас.

Критика встрѣтила поэмѹ благосклонно, общество восторженно. Въ январѣ 1823 г. на сценѣ петербургскаго театра съ большимъ успѣхомъ прошелъ, написанный на сюжетъ поэмы, балетъ Кавоса «Кавк. Плѣн. или тѣнь невѣсты». Черкесская пѣсня, положенная на музыку композиторомъ Геништой, распѣвалась всюду. Одновременно почти (1824 г.) появился переводъ поэмы на нѣмецкій языкъ, доставившій поэту много неприятностей (См. въ спискѣ: О л ь д е к о п ь). Успѣхъ поэмы вызвалъ рядъ подражаній: «Киргизскій Плѣнникъ» Н. М у р а в ь е в а, М. 1828 г., «Московскій Плѣнникъ» О. С — в а, М. 1829 г. (пародія на нихъ Н. В. С т а н к е в и ч а и Н. А. М е л ь г у н о в а «Калмыцкій Плѣнникъ», «Телескопъ», 1832 г.). Въ 1828 году «полупансіонеръ» Благороднаго пансіона М. Лермонтовъ, увлеченный пушкинскою поэмой, сочинялъ своего «Кавк. Плѣн.» (См. «Слов. Лит. Тип.», вып. 3-й). Причину такого успѣха поэмы объясняетъ Бѣлинскій: «Эта маленькая поэма вполне достойна была того приѣма, которымъ ее встрѣтили. Въ ней Пушкинъ явился вполне самимъ собой и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне представителемъ своей эпохи: «Кавказскій Плѣнникъ» насквозь проникнутъ ея пафосомъ. Впрочемъ пафосъ этой поэмы — двойственный: поэтъ былъ явно увлеченъ двумя предметами — поэтической жизнью дикихъ и вольныхъ горцевъ, и потомъ — элегическимъ идеаломъ души, разочарованной жизнью. Изображеніе того и другого слилось у него въ одну роскошно-поэтическую картину. Грандіозный образъ Кавказа съ его воинственными жителями въ первый разъ былъ воспроизведенъ русской поэзіей, — и только въ поэмѣ Пушкина въ первый разъ русское общество познакомилось съ Кавказомъ, давно уже знакомымъ Россіи по оружію. Мы говоримъ «въ первый разъ»: по бо какихъ-нибудь двухъ строфъ, довольно прозаическихъ, посвященныхъ Державинымъ изображенію Кавказа, и отрывка изъ посланія Жуковскаго къ Воейкову, посвященнаго тоже довольно прозаическому описанію (въ стихахъ) Кавказа, слишкомъ недостаточно для того, чтобъ получить какое-нибудь, хотя сколько-нибудь приблизительное понятіе объ этой поэтической сторонѣ. Мы вѣримъ, что Пушкинъ съ добрымъ намѣреніемъ выписалъ въ примѣчаніяхъ къ своей поэмѣ стихи Державина и Жуковскаго, и съ полной искренностью, отъ чистаго сердца, хвалить ихъ; но тѣмъ не менѣе онъ оказалъ имъ черезъ это слишкомъ плохую услугу: ибо послѣ его исполненныхъ творческой жизни картинъ Кавказа никто не повѣритъ, чтобъ въ тѣхъ выпискахъ шло дѣло о томъ же предметѣ... Мы не будемъ выписывать изъ поэмы Пушкина картинъ Кавказа и горцевъ: кто не знаетъ ихъ наизусть? Скажемъ только, что, несмотря на всю незрѣлость таланта, которая такъ часто проглядываетъ въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ», несмотря на слишкомъ юношеское одушевленіе зрѣлищемъ горъ и жизнью ихъ обитателей, многія картины Кавказа въ этой поэмѣ и теперь еще не потеряли своей поэтической цѣнности».

Казакъ. — Плѣнника подруга. — Плѣнникъ. — Прадѣды. — Путешественникъ. — Путникъ. — Русскій. — Чеченецъ.

Каменный Гость, написанъ въ 1830 г., появился въ печати послѣ кончины Пушкина (Сборникъ «Сто р. литераторовъ», Спб. 1839 г.). Бѣлинскій называетъ «К. Г.» «перломъ созданій Пушкина», «богатѣйшимъ, роскошнѣйшимъ алмазомъ въ его поэтическомъ вѣникѣ»... «Для кого существуетъ искусство какъ искусство, въ его идеалѣ, въ его отвлеченной сущности, для того «Каменный Гость»

не может не казаться, безъ всякаго сравненія, лучшимъ и высшимъ въ художественномъ отношеніи созданіемъ Пушкина»... «...Фантастическое основаніе поэмы на вмѣшательствѣ статуи производитъ непріятный эффектъ, потому что не возбуждаетъ того ужаса, который обязано бы возбуждать. Въ наше время статуи не боятся и вѣшнихъ развязокъ, *deus ex machina*, не любятъ; но Пушкинъ былъ связанъ преданіемъ и оперой Моцарта, неразрывной съ образомъ Донъ-Хуана. Дѣлать было нечего. А драма непременно должна была разрѣшиться трагически — гибелью Донъ-Хуана; иначе она была бы веселой повѣстью — не больше, и была бы лишена идеи, лежащей въ ея основаніи».

Альваръ, донъ де-Сольва (Командоръ). — Анна, донна де-Сольва. — Жуанъ (Діего де-Кальвидо). — Инеза. — Карлосъ, донъ. — Лаура. — Лепорелло. — Монахъ.

Капитанская дочка, повѣсть въ четырнадцати главахъ. Окончательно отдѣлана въ 1836 г. Вліяніе Вальтеръ-Скотта сказалось лишь на выборѣ историческаго сюжета, но не въ обработкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, которыя явились у Пушкина чисто-русскими. Сравненіе Савельича съ Калобомъ («Ламермурская невѣста») сдѣлано еще Бѣлинскимъ, сопоставленіе Марьи Ивановны съ Джени («Эдинбургская темница») дано М. Гофманомъ («Пушкинъ», ред. С. Венгерова, т. IV, стр. 356—57).

Бѣлинскій въ статьяхъ о Пушкинѣ удѣлилъ немного строкъ «Капитанской дочкѣ», которая, по мнѣнію критика, нѣчто въ родѣ «Онѣгина» въ прозѣ. Поэтъ изображаетъ въ ней нравы русскаго общества въ царствованіе Екатерины. Многія картины по вѣрности, истинѣ содержанія и мастерству изложенія — чудо совершенства. Таковы портреты отца и матери героя, его гувернера француза и въ особенности его дядьки изъ псарей, Савельича, этого русскаго Калеба, — Зурина, Миронова и его жены, ихъ кума, Ивана Игнатьевича, наконецъ самого Пугачева, съ его «господами енералами»; таковы многія сцены, которыхъ, за ихъ множествомъ, не находимъ нужнымъ пересчитывать. Ничтожный, безцвѣтный характеръ героя повѣсти и его возлюбленной Марьи Ивановны и мелодраматическій характеръ Швабрина хотя принадлежать къ рѣзкимъ недостаткамъ повѣсти, — однако-жъ не мѣшаютъ ей быть однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы». (Бѣлинскій, т. VIII).

Гоголь считалъ «К. Д.» рѣшительно лучшимъ изъ русскихъ произведеній въ повѣствовательномъ родѣ (передъ ней «всѣ наши романы и повѣсти кажутся приторной размазней»). «Чистота и безыскусственность вошли въ ней на такую высокую ступень, что сама дѣйствительность кажется предъ нею искусственною и каррикатурною». Все въ ней — «не только самая правда, но еще какъ бы лучше ея». Сочин. Гоголя, изд. 10-е, т. IV, стр. 186. Н. Страховъ сравниваетъ «К. Д.» съ «Войной и миромъ» и называетъ ее однимъ «изъ драгоценнѣйшихъ достояній русской литературы». Къ этому взгляду на «К. Д.» примыкаютъ новѣйшіе изслѣдователи: Н. Лернеръ въ «Ист. р. лит.», т. I, М., 1908 г. М. Гофманъ: «Пушкинъ», ред. Венгерова, т. IV; Н. Черняевъ, «Кап. Д.», М., 1897 г.

Акулина Памфиловна. — Акулька. — Андрей Афанасьевичъ. — Андрей Карловичъ. — Анна Власьевна. — Аринушка. — Б. князь. — Башкирецъ. — Бикбаевъ. — Бомка. — Бѣлородовъ (Наумычъ). — Бопре, м-г. — Вахмистръ. — Вожатый. — Выборный. — Генераль. — Голицынъ, князь. — Гринева: Авдотья Васильевна, Андрей Петровичъ, дѣдъ, Петръ Андреевичъ. — Гришка-Отрепьевъ. — Зуринъ, Ив. Ив. — Инвалидъ. — Казаки. — Казачка. — Калмычка. — Камеръ-лакей. — Капитанъ. — Капраль. — Кузнецъ. — Кузовъ. — Курочкинъ. — Максимычъ. — Мальчикъ. — Маркеръ. — Мироновы: Василиса Егоровна, Иванъ Кузьмичъ, Марья Ивановна (Капитанская Дочка). — Мужикъ. — Настасья Герасимовна. — Негулина, Устинья. — Палаша. — Парамоновъ, Степанъ. — Полежаевъ, Иванъ. — Портной. — Прохоровъ. — Пугачевъ. — Работникъ. — Садовникъ. — Сержантъ. — Смотритель. — Соколовъ (Хлопуша). — Староста. — Старуха. — Старшина. — Сторожъ. — Татаринъ. — Траубенбергъ. — Урядникъ. — Фредерикъ. — Харлова. — Хруцова. — Швабринъ, Алексѣй Ивановичъ. — Цѣловальникъ. — Чиновникъ. — Чувашъ. — Чумаковъ. — Юлай. — Ямщикъ.

Кирджали, рассказъ (1834). Записанъ со словъ одного изъ кишиневскихъ знакомыхъ Пушкина М. И. Лекса. О неточностяхъ рассказа см. ст. Липранди, «Р. Арх.» 1866 г., стр. 1395. Бѣлинскій называетъ «К.» «мастерскимъ рассказомъ истиннаго происшествія».

Ипсиланти. — Кантакузинъ. — Кирджали. — Михайлаки. — Молдаванинъ. — Начальникъ карантинна. — Олимпіоти. — Софіанось. — Хорчевскій. — Чиновникъ.

Марія Шонингъ. Начало повѣсти (1832 г.).

Анна Гарлинъ. — Гирць. — Кельць. — Марія Шонингъ. — Ротбергъ. — Фриць. — Шмидтъ, Каролина.

Метель, пятая изъ повѣстей Бѣлкина. Написана въ Болдинѣ 20 октября 1830 г.

Бурминъ. — Владиміръ Николаевичъ. — Мужики. — Проводникъ. Р. ***. Гаврила Гавриловичъ и Марья Гавриловна. — Терешка.

Моцартъ и Сальери, сцены. Первоначальные наброски сдѣланы еще въ Михайловскомъ. Написаны вполнѣ въ концѣ 1830 г., напечатаны въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» за 1832 г. Въ томъ же году появились на сценѣ Петербургскаго Большаго театра въ бенефисъ Брянскаго. Катенинъ возражалъ противъ «несправедливаго обвиненія» Сальери, — отравленія имъ Моцарта. На него драма Пушкина производила такое же точно впечатлѣніе, какое производитъ искусный адвокатъ, поддерживающій несправедливое обвиненіе». Позднѣе, въ 1833 г., Пушкинъ занесъ въ свои замѣтки: «Въ первое представленіе Донъ-Жуана, въ то время, когда весь театръ безмолвно упивался гармоніей Моцарта, раздался свистъ: всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, а знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, снѣдаемый завистью. Сальери умеръ лѣтъ восемь тому назадъ». Нѣкоторые нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти признался онъ, будто бы, въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта. — Завистникъ, который могъ освистать Донъ-Жуана, могъ отравить его творца» («Замѣтки», II). По мнѣнію Бѣлинскаго, «М. и С.» — цѣлая трагедія, глубокая, великая, ознаменованная печатью мощнаго генія, хотя и небольшая по объему. Ея идея — вопросъ о сущности и взаимныхъ отношеніяхъ таланта и генія.

Моцартъ. — Сальери. — Скрипачъ. — Слепой.

Мѣдный Всадникъ, поэма. Написана въ октябрѣ 1833 года въ Болдинѣ. Въ печати появилась лишь послѣ смерти поэта, т. к. въ свое время цензура не пропустила поэмы, за исключеніемъ отрывка «Петербургъ».

«...Эта поэма — апофеоза Петра Великаго, самая смѣлая, самая грандіозная, какая могла только прійти въ голову поэту, вполнѣ достойному быть пѣвцомъ великаго преобразователя Россіи... Александръ Македонскій завидовалъ Ахиллу, имѣвшему Гомера своимъ пѣвцомъ: въ глазахъ насъ, русскихъ, Петру некому завидовать въ этомъ отношеніи... Пушкинъ не написалъ ни одной эпической поэмы, ни одной «Петриады», но его «Стансы» («Въ надеждѣ славы и добра»), многія мѣста въ «Полтавѣ», «Пиръ Петра Великаго» и, наконецъ, этотъ «Мѣдный Всадникъ» образуютъ собой самую дивную, самую великую «Петриаду», какую только въ состояніи создать геній великаго національнаго поэта... И мѣрой трепета при чтеніи этой «Петриады» должно опредѣляться, до какой степени въ правѣ называться русскимъ всякое русское сердце...» «Содержаніе этого рассказа составляетъ описаніе страшнаго наводненія, постигнаго Петербургъ въ 1824 году. Это плачевное событіе имѣетъ прямое отношеніе къ построенію Петромъ Великимъ Петербурга, не по одной этой причинѣ столь дорого стоившаго Россіи. Съ исторіей наводненія, какъ историческаго событія, поэтъ искусно слилъ частную исторію любви, сдѣлавшейся жертвой этого происшествія». (Бѣлинскій, т. VIII).

Евгеній. — Параша.

Несконченныя произведенія Пушкина. Къ числу ихъ относятся: 1) «Наденька» (1819); 2) «Вадимъ»; 3) «Арапъ Петра Великаго» (1827); 4) «Участь моя рѣшена» (1830—31); 5) «Исторія села Горюхина»; 6) «Отрывокъ изъ романа въ письмахъ»; 7) «Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля»; 8) «Въ 179* г. возвращался я въ Лифляндію»; 9) «Гости съѣзжались на дачу...»; 10) «Рославлевъ» (1831); 11) «Русалка»; 12) «Въ Коломиѣ на углу»; 13) «Марія Шопнигъ» (1832); 14) «Русскій Пеламъ»; 15) «Египетскія ночи» (1835). №№ 1, 2, 4, 6, 7 и 12 представляютъ лишь наброски, по которымъ трудно судить о художественныхъ намѣреніяхъ автора.

Отрывокъ изъ романа въ письмахъ; обрывается на 10-ой главѣ; относится къ 1831 году.

Алексѣй П. — Владиміръ Z. — Лиза. — Маша. — Саша. — Ольга. — Пеламъ-леди.

Пиковая дама, повѣсть. Написана въ 1833 г. и появилась въ «Библ. для чтенія», 1834 г. Бѣлинскій находилъ, что «П. Д.» собственно не повѣсть, а анекдотъ: для повѣсти содержаніе «П. Д.» слишкомъ исключительно и случайно», но «разсказъ» «верхъ мастерства».

Архіерей. — Германъ. — Графиня ***. — Денщикъ. — Елецкая. — Жермень-Сень. — Лизавета Ивановна (Лизанька). — Нарумовъ. — Орлеанскій, герцогъ. — Полина, княжна. — Суришъ. — Томскій. — Управляющаго сынъ. — Управляющій. — Чаплицкій. — Чекалинскій.

Пиръ во время чумы, отрывокъ «изъ Вильсоновской трагедіи: «The city of the plague» (близкій переводъ I акта, 4 сцены). Написанъ въ 1830 г. Бѣлинскій считалъ замѣчательной эту «маленькую поэму» по рѣзкой обрисовкѣ въ ней характеровъ, по обилію въ ней драматическаго движенія и жизни». Умилительная пѣсня Мери, столь наивная и нѣжная выраженіемъ, столь страшная содержаніемъ, производитъ на читателя невыразимое впечатлѣніе. Какъ много страшнаго смысла въ просьбѣ предсѣдателя оргіи спѣть эту пѣсню! Но пѣсня предсѣдателя оргіи въ честь чумы — яркая картина гробоваго сладострастія, отчаяннаго веселья: въ ней слышится даже вдохновеніе несчастія и можетъ быть преступленія сильной натуры... Такіе переводы, если они и близко вѣрны подлинникамъ, стоятъ оригинальныхъ произведеній. Не потому ли на Жуковскаго у насъ никто не смотритъ какъ на переводчика, хотя и всѣ знаютъ, что лучшія его произведенія — переводы?».

Вальсингамъ (предсѣдатель пира). — Джаксонъ. — Матильда. — Мери. — Луиза. — Священникъ. — Человѣкъ (молодой).

Повѣсти Бѣлкина («Гробовщикъ», «Станціонный смотритель», «Барышня-крестьянка», «Выстрѣлъ», «Метель»). Написаны въ Болдинѣ 1830 г., въ 1831 г. появилось въ печати отд. изданіе подъ заглавіемъ: «Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, изданныя А. П.», Спб. Второе изданіе, Спб. 1834 г. По мнѣнію Бѣлинскаго, «эти повѣсти были недостойны ни таланта, ни имени Пушкина. Это что-то въ родѣ повѣстей Карамзина, съ той только разницей, что повѣсти Карамзина имѣли для своего времени великое значеніе, а повѣсти Бѣлкина были ниже своего времени». Наоборотъ, А. Григорьевъ ставилъ высоко повѣсти Бѣлкина, см. Бѣлкинъ.

Полтава, поэма въ трехъ пѣсняхъ. Написана осенью въ 1828 г. въ двѣ недѣли. «П.», по словамъ Пушкина, «не имѣла успѣха» («Крит. Зам.»), но самъ поэтъ считалъ ее «сочиненіемъ совсѣмъ оригинальнымъ», наиболѣе зрѣлымъ изъ своихъ произведеній. Критика встрѣтила поэму недружелюбно. «Полтава» есть настоящая Полтава для Пушкина», писалъ критикъ «Вѣсти. Европы», Надеждинъ.

Бѣлинскій видѣлъ въ поэмѣ рѣзко выраженное «усиліе поэта оторваться отъ прежней дороги и твердой ногой стать на новый путь творчества. Но гдѣ видно усиліе, тамъ еще нѣтъ достиженія: достигнуть желаемаго значить —

спокойно, свободно, слѣдовательно безъ всякихъ усилій овладѣть имъ. Поэтому въ «Полтавѣ» видны какая-то нерѣшительность, какое-то колебаніе, вслѣдствіе которыхъ изъ этой поэмы вышло что-то огромное, великое, но въ то же время и нестройное, странное, неполное. «Полтава» богата новымъ элементомъ — народностью въ выраженіи; почти всякое мѣсто, отдѣльно взятое въ ней, превосходить все, написанное прежде Пушкинымъ, по силѣ, полнотѣ и роскоши поэтическаго выраженія, и въ то же время въ этой поэмѣ нѣтъ единства, она не представляетъ собой цѣлаго. Содержаніе ея до того огромно, что одна смѣлость поэта коснуться такого содержанія есть уже заслуга, тѣмъ болѣе, что многія частности показываютъ, что поэтъ достоинъ былъ своего предмета, — и все-таки, читая «Полтаву» и дивясь ея великимъ красотамъ, спрашиваешь себя: что же это такое?» «Главный недостатокъ «Полтавы» вышелъ изъ желанія поэта написать эпическую поэму».

Ср. поэму Байрона «Мазепа» и Рылѣева «Войнаровский», изъ нихъ послѣдняя несомнѣнно имѣла вліяніе на созданіе пушкинской «Полтавы».

Боуэръ. — Брюсъ. — Булавинъ. — Войнаровский. — Гамалѣй. — Гордіенко. — Дорошенко. — Дульская. — Искра. — Іезуитъ (езуитъ). — Забѣла. — Казакъ. — Карлъ XIII. — Кочубей. — Кочубея жена и дочь (Марія). — Мазепа. — Марія. — Меньшиковъ. — Нищій. — Орликъ. — Палѣй. — Розенъ. — Рѣпинъ. — Самойловичъ. — Станиславъ. — Султанъ. — Ханъ. — Чечель. — Шереметьевъ. — Шлиппенбахъ.

Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года. Написано въ 1829 г.; напечатано въ «Современникѣ» 1836 г. по исправленному въ 1835 г. тексту.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ. Біографическую канву см. ниже, стр. 6—10. Полной біографіи Пушкина до сихъ поръ не имѣется. Матеріалы для біографіи собраны Анненковымъ, Бартеневымъ, Л. Майковымъ, В. Якушкинымъ, Лернеромъ (см. «Источники» для изученія Пушкина). Автобіографическія черты заключаютъ въ себѣ: «Дневники Пушкина», «Программы Записокъ», «Записки о греческомъ возстаніи», «Замѣтки о холерѣ», «Журналъ путешествія въ Арзрумъ», «Записная книга». Пушкинъ въ 1821 г. писалъ свою автобіографію («Родосл. Пушк. и Ган.») и нѣсколько годовъ сряду занимался ею. Въ концѣ 1825 года онъ «принужденъ былъ сжечь свои тетради». Переписка поэта съ разными лицами (многія изъ писемъ Пушкина увидѣли печать лишь въ самое послѣднее время). См. «Перечень»: «Сочиненія Пушкина».

Псевдонимы Пушкина: Н. К. Ш. П. (подъ первыми стихами); 1—14—17 (1=А; 14 соответствуетъ номеру лицейской комнаты поэта. См. «Списокъ»: Лицей; 17=П.); ** (двѣ звѣздочки); Бѣлкинъ, И.; Теофилакть Косичкинъ.

Родословная моего героя, отрывокъ изъ сатирической поэмы (1833). «Р—ая», по замыслу поэта, должна была войти въ поэму «Мѣдный Всадникъ». Ср. «объ униженіи нашихъ историческихъ родовъ»: письмо Владиміра Z. («Отрывокъ изъ романа въ письмахъ», 1831 г.), «Разговоръ русскаго съ испанцемъ» («Гости съѣзжались на дачу»), первонач. набросокъ «Египетскихъ ночей», «Кругъ Зам.» (о родѣ Пушкиныхъ) и «Родословная Пушкиныхъ и Ганибаловъ» (1830—31 г.г.).

По словамъ Бѣлинскаго, «Р. М. Г.», названная отрывкомъ изъ сатирической повѣсти, вмѣстѣ съ «Графомъ Нулинымъ» и «Домикомъ въ Коломнѣ», составляетъ типъ особеннаго рода поэмъ, которыя такъ любитъ новая «натуральная» школа нашей литературы, пошедшая, какъ извѣстно, не отъ Карамзина и Дмитріева, а отъ Пушкина и Гоголя. Это по преимуществу поэмы нашего времени, потому что ихъ больше другихъ любятъ въ наше время. И немудрено: въ нихъ поэтъ не прячется за своими героями или за событіемъ, но прямо отъ своего лица обращается къ читателю съ тѣми вопросами, которые равно интересны и для самого поэта, и для читателей. Въ поэмахъ этого рода даже важное и патетическое само по себѣ

выказывается съ отгѣнкомъ ироніи, юмористически, и иногда тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на читателя, чѣмъ небрежнѣе говоритъ поэтъ.

Нельзя сказать положительно, хотѣлъ ли Пушкинъ написать цѣлую поэму и почему-нибудь остановился на началѣ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что отрывокъ «Родословная моего Героя», во всякомъ случаѣ, представляетъ собой нѣчто цѣлое, потому что выражаетъ мысль совершенно полную и опредѣленную. Судя по словамъ автора, отрывокъ этотъ можно принять за сатиру на людей, которые потому только не уважаютъ знатности породы, что сами не могутъ похвалиться ею (по крайней мѣрѣ Пушкинъ тутъ ясно даетъ чувствовать, что не понимаетъ другой возможности равнодушія къ гербамъ и пергаментамъ); но, всмотрѣвшись ближе въ его произведеніе, нельзя не увидѣть, что это очень острая сатира, написанная поэтомъ на самого себя».

«Какъ потомка старинной фамиліи, Пушкина зналъ бы только его кругъ знакомыхъ, а не Россія, для которой въ этомъ обстоятельствѣ не было ничего интереснаго; но какъ поэта, Пушкина узнала вся Россія и теперь гордится имъ, какъ сыномъ, дѣлающимъ честь своей матери... Кому нужно знать, что бѣдный дворянинъ, существующій своими литературными трудами, богатъ длиннымъ рядомъ предковъ, мало извѣстныхъ въ исторіи? Гораздо интереснѣе было знать, что напишетъ новаго этотъ гениальный поэтъ...

А между тѣмъ, «Родословная моего Героя» написана стихами до того прекрасными, что нѣтъ никакой возможности противиться ихъ обаянію, несмотря на ихъ содержаніе. И потому эта пьеса — истинный шалашъ, построенный великимъ мастеромъ изъ драгоцѣннаго паросскаго мрамора...».

Езерскіе: Андрей, Варлаамъ, Дороей, Евгений, Елизаръ, Иванъ, Илья, Одульфъ, Якубъ.

Рославлевъ, отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы (1811 годъ). Написанъ въ 1831 г., напечатанъ въ «Соврем.» 1836 г. Въ томъ же 1831 г. появился романъ М. Н. Загоскина «Рославлевъ или русскіе въ 1812 году»; появленіемъ загоскинскаго романа и вызванъ «отрывокъ» Пушкина, въ которомъ въ совершенно иномъ освѣщеніи представлена героиня романа. См. ниже въ «Словарѣ» — Полина.

Алексѣй. — Б. графиня. — Полина. — Синекуръ. — Сталь (Stael, m-me).

Русалка, пьеса. Пять сценъ, написанныхъ въ 1832 г., появились въ печати послѣ смерти поэта («Совр.», 1837 г.). Попытки окончанія «Русалки» дѣлались неоднократно: Антоніемъ Крутогоровымъ (Штукенбергомъ) въ собраніи его стихотвореній «Осенніе листы», Спб. 1866 г.; А. Θ. Вельтманомъ (либретто къ оперѣ Даргомыжскаго); Е. Богдановой («Продолженіе и окончаніе драмы Пушкина «Русалка», сцены VI—XI, сочиненія П. О. П., М. 1877). Въ 1897 г. въ «Русск. Архивѣ» опубликована «Русалка» «съ окончаніемъ по современной записи Д. П. Зуева». Зуевское продолженіе и окончаніе «Русалки» вызвало цѣлый рядъ журнальныхъ и газетныхъ статей. Защитникъ подлинности зуевской записи акад. Е. Коршъ (См. «Изв. Акад. Наукъ», т. III, 1898 г., кн. 3, т. IV, кн. 1—2 и Сборникъ «Пушкинъ и его соврем.», вып. III) въ конечномъ выводѣ признаетъ, что зуевское продолженіе «Р.» во всѣхъ отношеніяхъ несравненно ближе къ несомнѣннымъ произведеніямъ Пушкина, чѣмъ два другія; что оно значительно короче прочихъ, что не согласно ни съ обычаями подражателей вообще, ни съ манерою Дмитрія Павловича (Зуева) въ частности». Противоположныя мнѣнія сгруппированы въ сборникѣ А. С. Суворина «Поддѣлка «Русалки» Пушкина. Спб., 1900. Сравненіе пушкинской «Русалки» и, имѣвшей вліяніе на ея замыселъ, «сценической мелочи» Генслера («Das Donauweibchen»), см. въ ст. И. Н. Жданова. Сборн. Спб. Унив. «Памяти Пушкина», Спб., 1900 г., стр. 139—178. (Русская передѣлка ея: «Днѣпровская Русалка», опера комическая въ 3-хъ дѣйствіяхъ Н. Краснопольскаго (три части), ставилась съ большимъ успѣхомъ на петербургской сценѣ въ началѣ XIX ст. Арія изъ нея:

«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой», уп. въ «Онѣгинѣ», II, 12). Сближая русскую передѣлку генслеровской «Donauweibchen» съ пушкинской «Русалкой», П. Ждановъ находитъ между ними очевидное сходство общаго содержанія, дѣйствующихъ лицъ, мѣста дѣйствія и отдѣльныхъ сценъ. Но это сопоставленіе открываетъ «и глубокую разницу «беззаконнаго рисунка и гениальной картины». «...Въ передѣлкѣ великаго поэта и основной сюжетъ драмы, и ея частности получили не только новую, болѣе блестящую оболочку, но и новый, болѣе глубокий смыслъ. Передѣлка коснулась и построения драмы, и изложенія отдѣльныхъ подробностей. Мельникъ, свать, свахи, дружка внесены Пушкинымъ.

Бѣлинскій считалъ, что «въ фантастической формѣ этой поэмы скрыта самая простая мысль, рассказана самая обыкновенная, но тѣмъ болѣе ужасная исторія». «Русалка» въ особенности обнаруживаетъ необыкновенную зрѣлость таланта Пушкина: великій талантъ только въ эпоху главнаго своего развитія можетъ въ фантастической сказкѣ высказывать столько обще-человѣческаго, дѣйствительнаго, реальнаго, что, читая ее, думаешь читать совсѣмъ не сказку, а высокую трагедію...»

Гости. — Дружка. — Князь. — Конюшій. — Мамка. — Мельника дочь (Русалка). — Мельникъ. — Ловчій. — Русалка. — Русалки. — Русалки дочь (Русалочка). — Свать. — Сваха. — Слуга. — Старикъ.

Русланъ и Людмила, поэма, начата еще въ лицѣ (1818 г.), закончена 26 марта 1820 г. «Поэму свою я кончилъ, и только послѣдній окончательный стихъ ея принесъ мнѣ истинное удовольствіе». «Она мнѣ такъ надоѣла, что не могу рѣшиться переписывать клочками для тебя», писалъ Пушкинъ въ апрѣлѣ 1820 г. Вяземскому. Весной того же года началось печатаніе «Р. и Л.», законченное «подъ отеческимъ надзоромъ и покровительствомъ» Н. И. Гнѣдича. Поэма безъ пролога и эпилога, написанныхъ гораздо позднѣе (эпилогъ написанъ, когда поэтъ былъ уже на Кавказѣ (1820), вступленіе еще позднѣе, въ Михайловскомъ 1825—26 г.г.), появилась отдѣльнымъ изданіемъ въ маѣ 1820 г., когда Пушкинъ былъ уже высланъ на югъ Россіи. Успѣхъ поэмы былъ огромный.

«Нельзя ни съ чѣмъ сравнить восторга и негодованія, возбужденныхъ первою поэмою Пушкина — «Русланъ и Людмила», писалъ Бѣлинскій въ своей статьѣ (VI) о Пушкинѣ. Слишкомъ немногимъ гениальнымъ твореніямъ удавалось производить столько шума, сколько произвела эта дѣтская и нисколько не гениальная поэма. Сборники новаго увидѣли въ ней колоссальное произведеніе и долго послѣ того величали они Пушкина забавнымъ титломъ «пѣвца Руслана и Людмилы». Представители другой крайности, слѣпые поклонники старины, почтенные колпаки, были оскорблены и приведены въ ярость появленіемъ «Руслана и Людмилы». Они увидѣли въ ней все, чего въ ней нѣтъ, — чуть не безбожіе, и не увидѣли въ ней ничего изъ того, что именно есть въ ней, т. е. хорошихъ, звучныхъ стиховъ, ума, эстетическаго вкуса и, мѣстами, проблесковъ поэзіи». По мнѣнію критика, литературно-историческое значеніе «Р. и Л.» гораздо важнѣе значенія художественнаго. По своему содержанію и отдѣлкѣ она принадлежитъ къ числу переходныхъ пьесъ Пушкина, которыхъ характеръ составляетъ подновленный классицизмъ: въ нихъ Пушкинъ является улучшеннымъ, усовершенствованнымъ Батюшковымъ». Въ «Р. и Л.», «нѣтъ ни признака романтизма; даже ощутителенъ недостатокъ поэзіи, несмотря на все изящество выраженія и всю прелесть стиха, неслышанныя до того времени» (Бѣлинскій, т. VIII, гл. 6). О вліяніи на поэму русскаго сказочнаго эпоса съ одной стороны, съ другой Аріосто, Виланда, Флоріана и Вольтера, см. «Пушкинъ и его совр.», вып. I, ст. В. Сиповскаго; «Кіевск. Унив. Извѣст.», 1895 г., ст. В. Владимірова; «Харьк. Унив. Сборникъ», ст. М. Халанскаго.

Баянъ. — Владиміръ, князь. — Голова-живая. — Людмила. — Наина. — Пастушка. — Ратміръ. — Рогдай. — Русланъ. — Старуха. — Фарлафъ. — Финнъ. — Черноморъ.

Русскій Пеламъ. Неоконченный романъ (1835); сохранилась первая глава и пять программъ. Названіе Пеламъ взято П. изъ извѣстнаго романа Бульвера «Pelham». Сравненіе обоихъ произведеній сдѣлано С. И. Поварнинымъ (Сборникъ статей преподав. и слушателей ист.-фил. фак. Спб. унив. Спб. 1900, стр. 329—350). «О заимствованіяхъ лицъ и событій изъ романа Бульвера Пушкинымъ «не можетъ быть и рѣчи: содержаніе русскаго Пелама — картина русско-общественной жизни; романъ имѣетъ историческій отбѣнокъ; лица и событія взяты изъ дѣйствительной жизни» и «не имѣютъ никакой связи съ англійскимъ романомъ». Ср. П. Анненковъ: «Литературные проекты А. С. Пушкина». «В. Евр.», № 6, 1883 г.

Вирлацкая, Анна Петровна. — Гувернеръ. — Дерори, м-г. — Женевецъ. — Княжна ***. — М. ***. — Миша. — Мишенька. — Савеличъ. [Въ программахъ (I—V) упоминаются: Батуринъ (Пельмовъ). — Всеволожскій. — Грибоѣдовъ. — Долгоруковъ, И. — Ежова. — Завадовскій. — Истомина. — Козловъ. — Котляревскій. — Кочубей, Н. — Кочубей (Чополей-Чуполей). — Мордвиновъ. — Муравьевъ, Никита. — Норовой. — Неѣловъ. — Овощникова. — Орловы, Алексѣй и Ѳеодоръ. — Павловъ. — Пельмовъ. — Пашковы. — Трубецкой, кн., С. — Хованская, кн. — Хрущовъ. — Шаховской, кн. — Шереметевъ. — Шишкинъ. — Щелочкинъ].

Сказки. Первая запись сказокъ Арины Родіоновны относится еще къ 1823 г., но лишь въ 1831 г. въ особой брошюрѣ (не для продажи), вмѣстѣ со сказками Жуковскаго, появилась первая сказка Пушкина «О царѣ Салтанѣ». 13-мъ сентябремъ того же года помѣчена новая сказка: «О попѣ и работникѣ его Балдѣ» (записана со словъ той же Арины Родіоновны). Эта сказка до восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія печаталась съ измѣненнымъ заглавіемъ и передѣлками Жуковскаго (вмѣсто попъ, по цензурнымъ условіямъ, стояло — купецъ). Третьей сказкой, записанной со словъ няни, явилась въ 1833 г. «Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ». Напечатана въ «Библ. для чтенія» 1834 г. Въ томъ же 1834 г. Пушкинымъ написана въ Болдинѣ «Сказка о золотой рыбкѣ» и въ 1834 г. «О Золотомъ Пѣтушкѣ», напечатанная съ цензурными сокращеніями въ «Б. для чтенія» 1835 г.

«Сказки Пушкина: «О царѣ Салтанѣ», «О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ», «О Золотомъ Пѣтушкѣ», «О купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и о работникѣ его Балдѣ» были плодомъ довольно ложнаго стремленія къ народности. Народныя сказки хороши и интересны такъ, какъ создала ихъ фантазія народа, безъ перемѣнъ, украшеній и передѣлокъ. Но «Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ», о которой мы не упомянули въ числѣ прочихъ сказокъ, заслуживаетъ исключенія, потому что въ ней есть положительныя достоинства. Это не народная сказка: народу принадлежитъ только ея мысль, но выраженіе, рассказъ, стихъ, самый колоритъ, — все принадлежитъ поэту» (Б ѣ л и н с к і й).

Скупой рыцарь, сцены изъ ченстоновской траги-комедіи «The cavetous Knight». Первоначальный набросокъ относится еще къ 1825 г., но окончательную отдѣлку сцены получили въ 1830 г. въ Болдинѣ. О Ченстонѣ см. «Списокъ».

Идея поэмы «Скупой Рыцарь» «слишкомъ ясна и сама по себѣ, и по названію поэмы». Страсть скупости — идея не новая, но гений умѣетъ и старое сдѣлать новымъ». «По выдержанности характеровъ (скряги, его сына, герцога, жида), по мастерскому расположенію, по страшной силѣ паѳоса, по удивительнымъ стихамъ, по полнотѣ и оконченности, — словомъ, по всему, эта драма — огромное, великое произведеніе, вполне достойное генія самого Шекспира» (Б ѣ л и н с к і й).

Альберъ. — Баронъ. — Герцогъ. — Делоржъ, графъ. — Иванъ. — Соломонъ (Жидъ).

Сцены изъ рыцарскихъ временъ. Написаны въ 1835 г.; появились въ печати послѣ смерти поэта. По мнѣнію Бѣлинскаго, «эти сцены не имѣютъ достоинства глубокой идеи, которую поэтъ скорѣе бы могъ найти въ борьбѣ общинъ

противъ феодаловъ... Впрочемъ, въ этихъ сценахъ есть превосходная пѣсня («Жиль на свѣтѣ рыцарь бѣдный»), въ которой сказано больше, нежели во всей пѣлости этихъ сценъ».

Альбертъ. — Берта. — Бертольдъ. — Герцъ, Карлъ. — Жакъ (палачъ). — Клотильда. — Конрадъ, графъ. — Мартынъ. — Рауль. — Розенфельдъ. — Францъ. — Фурстъ, Томасъ. — Юлія. — Яковъ.

Станціонный смотритель, вторая изъ повѣстей Бѣлкина. Авторская дата: 14 сентября, 1830 г. Болдино.

Ванька. — Дуня. — Лакей. — Минскій, ротмистръ. — Пивоварова-жена. — Служанка. — Смотритель. — Человѣкъ-молодой.

Сцена изъ «Фауста». Написана въ 1826 г. «Многимъ, говоритъ Бѣлинскій, эта сцена такъ понравилась, что они, не зная гётева «Фауста», порѣшили, будто она лучше его. Дѣйствительно, эта сцена написана удивительно легкими и бойкими стихами, но между нею и гётевымъ «Ф.» нѣтъ ничего общаго. Она не что иное, какъ развитіе и распространеніе мысли, выраженной Пушкинымъ въ его маленькомъ стихотвореніи «Демонъ».

По словамъ Гоголя, «гётевъ Фаустъ» навелъ вдругъ Пушкина «на идею собрать въ двухъ, трехъ страничкахъ главную мысль германскаго поэта — и дивишься, какъ она мѣтко понята и сосредоточена въ одно крѣпкое ядро, несмотря на всю ея неопредѣленную разбросанность у Гёте. («Сочин. Гоголя», изд. 10, т. IV, стр. 185, «Въ чемъ же, наконецъ, существо р. поэзіи»). П. О. Морозовъ («Соч. Пушкина», т. III, изд. «Лит. Фонда») сопоставляетъ со «Сценой изъ Ф.» стихи Веневитинова «Къ Пушкину»: «Наставникъ нашъ, наставникъ твой, онъ кроется въ странѣ мечтаній, въ своей Германіи родной. Досель хладѣющія длани по струнамъ бѣгаютъ порой»... «...и вѣрь, онъ съ радостью живой въ приютѣ старости унылой еще услышитъ голосъ твой». Какъ бы въ отвѣтъ на это посланіе Пушкинъ откликнулся «Сценой изъ Ф.».

Юношескія произведенія. Первые опыты Пушкина относятся еще къ долицейской порѣ жизни поэта. Въ Москвѣ, въ домѣ родителей, девятилѣтній мальчикъ «бросился къ французской фамиліи библіотекѣ». Первые пьесы Пушкина (на французскомъ языкѣ) относятся еще къ 1811 году. То были, частью дошедшія до насъ въ отрывкахъ, частью вовсе не дошедшія: поэма «La Tolyade», гдѣ воспѣвалась война карловъ съ карлицами, комедія «L'Escamoteur» и эпиграмма на нее: «Dis moi pourquoi L'Escamoteur est le sifflé par le parterre»? На лицейской скамьѣ начались первые опыты русскихъ стиховъ и прозы, подражаній Батюшкову и Жуковскому. О рыцарской балладѣ, во вкусѣ Жуковскаго, написанной въ первые годы пребыванія въ лицей и не дошедшей до насъ, упоминаетъ В. П. Гаевскій («Соврем.», 1863 г., т. 97, «Пушкинъ въ лицей»). Къ 1812 г. относится указаніе Илличевскаго, что онъ имѣетъ товарищемъ одного молодого человѣка, который, живши между лучшими стихотворцами, приобрѣлъ много въ поэзіи знаній и вкуса». (Письма Иллич. Фуссу, въ книгѣ Я. Грота: «П—ъ, его лиц. товарищи и наставники»). Гаевскій («Соврем.», 1863 г., № 7), указываетъ, что, помимо стихотворныхъ пьесъ, Пушкинъ въ это время написалъ романъ въ прозѣ «Цыганъ» и, вмѣстѣ съ М. Л. Яковлевымъ, комедію: «Такъ водится на свѣтѣ». Пушкинъ, по замѣчанію Бѣлинскаго, «прежде чѣмъ выработать свой собственный стиль, усвоилъ себѣ стихъ Жуковскаго и Батюшкова, и владѣлъ имъ едва-ли не смѣлѣе и бойчѣе ихъ самихъ».

День 4 іюля 1814 г., уже отмѣчаетъ появленіе въ печати первой пушкинской пьесы («Къ другу-стихотворцу»).

Цыганы, поэма. Начата въ Одессѣ, закончена вчернѣ 10 октября 1824 г. въ Михайловскомъ. Пушкинъ не торопился съ изданіемъ поэмы и отрывки изъ нея (въ альманахахъ «Полярная Звѣзда» и «Сѣверные Цвѣты» на 1825 г.) появились противъ воли поэта. Пушкинъ долго и упорно работалъ надъ «Цыга-

нами». Изъ отзывовъ ближайшихъ друзей онъ видѣлъ, что его произведеніе было плохо понято. Восторги Жуковского не шли дальше похвалъ «совершенству» слога, и онъ спрашивалъ о «цѣли поэмы». Переломъ въ творчествѣ Пушкина отмѣтилъ И. Кирѣевскій, писавшій въ «Моск. Вѣстн.», что всѣ недостатки «Ц.» зависятъ отъ противорѣчія двухъ разногласныхъ стремленій: одного — самобытнаго, другого — байроническаго; посему самое несовершенство поэмы есть для насъ залогъ усовершенствованія поэта». «Байроновскую тѣнь» видѣла современная критика прежде всего въ новомъ произведеніи поэта, и лишь одинъ «Вѣстн. Евр.» не допускалъ даже сравненія Пушкина съ Байрономъ, ставя послѣдняго недосыгаемо высоко предъ Пушкинымъ. Совершенно одиноко стоитъ мнѣніе кн. П. А. Вяземскаго, писавшаго Пушкину по поводу «Цыганъ»: «ты ничего жарче этого не сдѣлалъ. Это, кажется, полнѣйшее, совершеннѣйшее, оригинальнѣйшее твое твореніе». Къ этому мнѣнію, высказанному въ 1825 г., примыкаетъ мнѣніе Бѣлинскаго, признавашаго въ 1846 г., что съ «Ц.» Пушкинъ уже пересталъ быть выразителемъ нравственной настроенности русскаго общества и явился уже воспитателемъ будущихъ поколѣній». «Цыганы» были первымъ усиліемъ, первой попыткой Пушкина создать что-нибудь важное и зрѣлое, какъ по идеѣ, такъ и по исполненію». «Цыганы» оставили далеко за собой все написанное имъ прежде, обнаруживъ въ поэтѣ великія силы; но въ то же время въ этой поэмѣ виденъ только могучій порывъ къ истинно-художественному творчеству, но еще не полное достиженіе желанной цѣли стремленія». «Идея «Ц.» вся сосредоточена, по мнѣнію Бѣлинскаго, «въ героѣ поэмы» (см. Алеко). Позднѣе, Достоевскій горячо отрицалъ подражаніе въ этой «геніальной поэмѣ» («Дневникъ Писателя», августъ, 1880 г.). Онъ видѣлъ въ «Ц.» намекъ на «русское рѣшеніе вопроса, проклятаго вопроса по народной вѣрѣ и правдѣ. Смирись, гордый человекъ, и прежде всего сломи свою гордость; смирись, праздный человекъ, и прежде всего потрудись на родной нивѣ, — вотъ это рѣшеніе по народной правдѣ и народному разуму».

Алеко. — Земфира. — Мариула. — Старикъ. — Цыганъ-молодой.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- 1) ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ПУШКИНА.
- 2) СВОДЪ НАРИЦАТЕЛЬНЫХЪ ИМЕНЪ И ВЫРАЖЕНІЙ.
- 3) МѢСТО ДѢЙСТВІЯ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ПУШКИНА.
- 4) ПУШКИНЪ И ПОЭЗІЯ.
- 5) ПУШКИНЪ ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.
- 6) ПУШКИНЪ ВЪ МУЗЫКѢ.
- 7) ПУШКИНЪ ВЪ ЖИВОПИСИ.
- 8) ПУШКИНЪ И ЦЕНзуРА.
- 9) ГРУППИРОВКА ТИПОВЪ.
- 10) ПРОТОТИПЫ.

Главнѣйшіе источники для изученія Пушкина^{*)}.

Сочиненія Пушкина. При жизни Пушкина, кромѣ отдѣльныхъ изданій: «Русланъ и Людмила», Спб. 1820 и 1828 г.г.; «Кавказскій Плѣнникъ» (два изданія; относительно 2-го изданія, появившагося безъ вѣдома Пушкина на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, см. «Перечень»); «Бахчисарайскій Фонтанъ». М. 1824 г. Спб. 1827 г. и Спб. 1830 г.; «Евгеній Онѣгинъ», Спб. 1825—1832 г.г. (семь отд. тетрадей); «Братья Разбойники», М. 1827 г.; «Графъ Нулинъ», Спб. 1827 г.; «Цыганы», М. 1827 г.; «Полтава», Спб. 1829 г.; «Борисъ Годуновъ», Спб. 1831 г.; «Бородинская Годовщина», «На взятіе Варшавы». Три стихотворенія Жуковского, Вяземскаго и Пушкина, Спб. 1831 г.; «Повѣсти Бѣлкина», Спб. 1831 г. и Спб. 1834 г.; «Исторія Пугачевскаго бунта», 2 части, Спб. 1834 г.) были собраны и изданы поэтомъ его «Стихотворенія» 4 ч. Спб. 1829 г., Спб. 1832 и Спб. 1835 г. Повѣсти, Спб. 1834 г.; Поэмы и повѣсти 2 ч., Спб. 1835 г.

Въ 1838 г. появляется первое посмертное изданіе сочиненій Александра Пушкина въ 8-ми томахъ. (Подробности объ этомъ изданіи, см. Приложеніе: «Пушкинъ и цензура»). Въ 1841 г. выходятъ дополнительные томы (9—11) къ этому изданію. Въ 1855 г. выпускается первое исправленное (по счету второе посмертное) изданіе Анненкова въ 6-ти томахъ. Седьмой, дополнительный, смогъ увидѣть свѣтъ лишь въ 1857 г.

Въ 1858 г. право на изданіе сочиненій великаго поэта передается наслѣдниками книгопродавцу Исакову, который выпускаетъ, подъ ред. Г. Н. Геннади, «Полное собраніе сочиненій Пушкина» (3-е изд., или 1-ое исаковское, Спб., 1859 г., шесть томовъ; 4 изд., Спб., 1870 г., шесть томовъ; 5 изд., Спб., 1880 г., шесть томовъ, ред. П. А. Ефремова). Шестое изданіе сдѣлано моск. книгопродавцемъ Ѳ. Анскимъ, подъ редакціей того же Ефремова, М. 1880 г., семь томовъ.

Этимъ шестымъ изданіемъ закончено было осуществленіе правъ наслѣдниковъ Пушкина, и съ 1887 г. его сочиненія становятся общимъ достояніемъ. Къ пятидесятилѣтней годовщинѣ со дня смерти поэта выходитъ цѣлый рядъ новыхъ изданій; изъ нихъ нѣкоторыя, какъ дешевыя изданія Павленкова и Суворина, въ одинъ день разошлись въ десяткахъ тысячъ и потребовали повторныхъ выпусковъ¹⁾. Тогда же вышло одно изъ лучшихъ (долгое время единственное) изданій сочиненій Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова (Изд. «Литер. Фонда», Спб.,

^{*)} Въ настоящій сводъ не внесены изслѣдованія, касающіяся отдѣльныхъ произведеній Пушкина и взаимоотношеній поэта къ отдѣльнымъ лицамъ. Первые отмѣчены въ «Перечнѣ» подъ рубрикой, соответствующей произведеніямъ Пушкина, вторыя поименованы въ «Спискѣ».

¹⁾ Монопольныя изданія Исакова продавались по 12 р. за экземпляръ. Изд. «Лит. Фонда» стоило пять рублей, а дешевыя изданія *всего* Пушкина — 1 р. 50 к. *Ред.*

1887 г., семь томовъ) и школьное изданіе Поливанова, снабженное многочисленными примѣчаніями (М. 1887).

Столѣтняя годовщина со дня рожденія Пушкина ознаменовалась выходомъ перваго тома академическаго изданія «Сочиненій Пушкина» (ред. Л. Н. Майкова); второй томъ — Спб., 1906 г. (ред. В. Е. Якушкина). Тогда же начала выходить въ акад. изд. «Переписка Пушкина» (ред. В. И. Саитова, т. I, Спб., 1906 г.; т. II, Спб., 1909 г.). Въ 1906 г. вышло новое изданіе «Сочиненій Пушкина», подъ ред. П. А. Ефремова (изд. Суворина), а съ 1907 г. начато дорогое и роскошное изданіе сочиненій Пушкина (Брокгауза и Ефрона), ред. С. А. Венгерова, въ шести томахъ, съ массой рисунковъ, картинъ и портретовъ (т. I—V, Спб., 1907—1911 г.г.).

а) Библиографія (русская).

Каллашъ, В. В. Puschiniana, 2 в. Кіевъ. 1902—1903 г.г.

Каллашъ, В. В. Русскіе поэты о Пушкинѣ. 2 т. М. 1899 г.

Межовъ, В. И. Puschiniana. Библиограф. указатель статей о жизни А. С. П., его сочиненій и вызванныхъ ими произведеній литературы и искусства. Изд. Имп. Алекс. Лицея. Спб. 1886 г.

Сиповскій, В. В. Критико-библиогр. обзоръ пушкинской литературы 1899 г. Спб. 1901 г.

Puschiniana за 1908—1909 г.г. (Сборникъ: «Пушкинъ и его современники», в. XIV. Спб. 1909).

б) Біографическіе матеріалы.

Анненковъ, П. В. «Матеріалы для біографіи Пушкина». Спб. 1873 г. 2-е изд.

Анненковъ, П. В. Пушкинъ въ александровскую эпоху. Спб. 1874 г.

Анучинъ, Д. Н. А. С. Пушкинъ. Этнографическій очеркъ. М. 1899 г. и «Русск. Вѣд.» 1899 г. № 99.

«Архивъ Раевскихъ». Спб. 1904 г., редакція Б. М. Модзалевскаго.

«Архивъ Тургеневыхъ», т. 1 и 2. Спб. 1911 г.

Бартеневъ, П. П. Пушкинъ, ч. I. М. 1852 г.; ч. II. М. 1862 г.

Василевъ, И. И. Слѣды пребыванія Пушкина въ Пск. губ. Спб. 1899 г.

Вяземскій, кн. П. А. Сочиненія, т. VIII. Спб. 1883 г.

Вяземскій, кн. П. А. С. П.—ъ по документамъ Остафьевскаго Архива.

Гротъ, Я. К. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1899 г. («Труды Я. К. Грота», т. 3, Спб. 1901 г.).

Гротъ, Я. К. Переписка съ П. А. Плетневымъ. Спб. 1897 г. 3 тома.

Ефремовъ, П. А. А. С. Пушкинъ, біогр. очеркъ. «Русск. Ст.», 1879—1880.

Лернеръ, Н. О. Труды и дни Пушкина. 3-е изд. Ак. Наукъ. Спб. 1910 г.

Майновъ, Л. Н. Пушкинъ, біографическіе матеріалы и ист. лит. очерки. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1899 г.

«Остафьевскій Архивъ», князей Вяземскихъ, ред. В. И. Саитова. 5 ч. + 1 ч. примѣчаній. Изд. гр. С. Шереметьева. Спб. 1895—97 г.г.

Плетневъ, П. А. Сочиненія и переписка. Спб. 4 т. 1885 г.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Повременное изданіе Комиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ. 1—14 в.в. Спб. 1903—1911 г.г.

Стоюнинъ, В. Д. Пушкинъ. Спб. 1910 г. Изд. 2-ое.

Шимановскій, А. Н. А. С. Пушкинъ въ Кишиневѣ въ связи съ предыдущей и послѣдующей жизнью. Кишиневъ. 1900 г.

Шляпкинъ, И. А. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Спб. 1903 г.

Яковлевъ, В. Я. Отзыви о Пушкинѣ съ юга Россіи. Одесса. 1887 г.

Якушкинъ, В. Е. О Пушкинѣ, статьи и замѣтки. М. 1899 г.

Якушкинъ, В. Е. Изъ литературной и обществ. исторіи 20—30-хъ годовъ. «Русск. Ст.». 1888—1889 г.г.

в) К р и т и к а.

Авдѣевъ, М. И. Русское общество въ герояхъ и героиняхъ. Спб. (Годъ не обозначенъ). Изд. 2-ое И. Перевозникова.

Айхенвальдъ, Ю. И. Силуэты р. писателей т. I и отдѣльно: «Пушкинъ». М. 1911 г. (третье изд.).

Анненковъ, П. В. Восп. и крит. очерки. Спб. 1881 г. т. I («Общественные идеалы Пушкина»).

Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія, т. VIII. М. Изд. Солдатенкова.

Введенскій, Арс. И. Общественное самосознаніе въ русск. литературѣ. Спб. 1909 г. (2-ое изд.).

Владиміровъ, П. В. Отношеніе къ А. С. Пушкину русск. критики съ 1820 г. до столѣтняго юбилея 1899 г. Кіевъ. 1899.

Гаевскій, В. П. «П—къ въ лицеѣ и лиц. стих.», «Современникъ». 1863 г.

Гоголь, Н. В. Сочиненія, т. IV, изд. 10-е. М. 1889, стр. 169—212.

Григорьевъ, А. А. Сочиненія, т. I. Спб. 1876.

Добролюбовъ, Н. А. Сочиненія, т. I. Спб. Изд. 7-ое.

Достоевскій, Ф. М. Сочиненія, т. XI. Спб. 1891 г.

Дружининъ, А. А. Сочиненія, т. VI. Спб. 1865.

Зелинскій, В. Русск. критич. литература о произведеніяхъ Пушкина. М. 1887—99 г.г., семь частей.

Катковъ, М. Н. О Пушкинѣ. М. 1900 г. (Перепечатка статей изъ «Русск. Вѣстн.»).

Ключевскій, В. О. «Предки Онѣгина», «Русск. мысль», 1880 г. № 7.

Кохановская, Н. Н. Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина. «Русск. Бес.», 1859 г., № 5.

Лернеръ, Н. О. Проза Пушкина. «Ист. Русск. Лит. XIX ст.», т. I. Изд. т-ва «Міръ». М. 1908 г.

Мережковскій, Д. С. Вѣчные спутники. Спб. 1906.

Миллеръ, В. Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ. М. 1899 г.

Незеленовъ, А. И. Пушкинъ въ его поэзіи. Спб. 1907. Изд. 2-ое.

Никольскій, В. В. Идеалы Пушкина. Спб. 1899 г. 3-е изд.

Овсяннико-Куликовскій, Д. Н. Пушкинъ. Спб. 1909 г. и въ сочиненіяхъ О.-К., т. IV. Спб. 1909 г.

Овсяннико-Куликовскій, Д. Н. А. С. Пушкинъ; произведенія въ стихотворной формѣ. «Ист. Русск. Лит. XIX ст.». Изд. т-ва «Міръ». М. 1908 г.

Овсяннико-Куликовскій, Д. Н. Ист. русск. интеллигенціи. М. и въ «Сочиненіяхъ», т. VIII. Спб. 1910 г.

Островскій, А. Н. Сочиненія, т. VIII, стр. 555. Спб. Изд. «Просвѣщенія».

Писаревъ, Д. И. Сочиненія, т. V. Спб. 1897 г.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русск. литературы. Т. IV. Спб. 1902 г. Изд. 2-ое.

Садовниковъ, Д. Н. Отзывы современниковъ о Пушкинѣ. «Ист. Вѣстн.», 1880 г., I.

Сиповскій, В. В. Пушкинъ. Жизнь и творчество. Спб. 1907 г.

Сиповскій, В. В. Онѣгинъ, Татьяна и Ленскій. Спб. 1899 г.

Слонимскій, А. Л. Политическіе взгляды Пушкина. «Ист. В.», 1904 г., VI.

Соловьевъ, Вл. С. Значеніе поэзіи въ стих. Пушкина. «Вѣстн. Евр.», 1899 г., № 12 и въ «Сочиненіяхъ» В. С. Соловьева, т. 9, Спб. 1909 г.

Стоюнинъ, В. Д. (См. въ отдѣлѣ «Біографія»).

Сумцовъ, Н. Ф. Этюды о Пушкинѣ. Харьк. 1900 г.

Страховъ, Н. Н. Замятки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ. Кіевъ. 1897 г (2-ое изд.).

Тихонравовъ, Н. С. Сочиненія. М. 1898 г. Т. III, ч. 1-ая, стр. 504—529.

Трубачевъ, С. С. Пушкинъ въ русской критикѣ. Спб. 1899 г.

Тургеневъ, И. С. Сочиненія. Т. XII. Спб. Изд. Маркса.

Чернышевскій, Н. Г. Сочиненія. Спб. 1906 г. Т. I, стр. 245—330.

Черняевъ, Н. И. Крит. статьи и замятки о Пушкинѣ. Харьковъ. 1900 г.

Шмурло, Е. Пушкинъ въ развитіи нашего самосознанія. Юрьевъ. 1899 г.

г) Характеристика эпохи:

Адриановъ, С. А. Наканунѣ Бѣлинскаго. «Ист. Вѣстн.», 1898 г. V.

Анненковъ, П. В. Къ исторіи работъ надъ Пушкинымъ («Анненковъ и его друзья»). Спб. 1892 г.).

Барсуковъ, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб. Т. VП—XII.

Владиміровъ, П. В. Пушкинъ и его предшественники въ р. литературѣ. Кіевъ. 1899 г.

Головинъ, К. Ѳ. Русскій романъ и русск. общество. Спб. 1904 г. (2-ое изд.).

Дубровинъ, Н. Ѳ. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. «Русск. Ст.», 1898 г., № 12; 1899, 1900 и 1901 г.г.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русск. обществ. мысли. Т. I. Спб. 1908 г. (2 изд.).

Кирпичниковъ, А. И. Очерки по исторіи новой и русск. литературы. М. 1903 г. (2-ое изд.)

Колосовъ, В. А. С. П—тъ въ Тверской губерніи. Тверь. 1888 г.

Коробка, Н. Личность въ русск. обществѣ и литературѣ XIX в. Пушкинъ и Лермонтовъ. Спб. 1903 г.

Котляревскій, Н. А. Литературныя направленія Алекс. эпохи. Спб. 1907 г.

Лемке, М. К. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 г.г. Спб. 1908 г.

Милюковъ, П. Н. Очерки по ист. русск. культуры. Спб. 1899 г. (2 изд.), ч. 2-ая, стр. 187 и т. д.

Пыпинъ, А. Н. Характеристика литер. мнѣній отъ 20-хъ до 50-ыхъ годовъ. Спб. 1900 г. Изд. 2-ое.

Острогорскій, В. П. Очерки пушкинской Руси. Спб. 1897 г. (2-ое изд.).

Сухомлиновъ, М. И. Статьи и изслѣдованія. Спб. 1887 г. Т. I.

Щеголевъ, П. Е. Пушкинъ, очерки. Спб. 1912 г.

д) Пушкинъ въ иностр. литературахъ:

Веселовскій, А. Н. Западное вліяніе въ новой русск. литературѣ. М. 1906 г. (Изд. 3-е).

Веселовскій, А. Н. Этюды и характеристики («П. и европейская поэзія»). М. 1907 г. (Изд. 3-ье).

Дашкевичъ, Н. П. А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ («Кіевск. Сборн.»). Кіевъ, 1899 г.

Драгановъ, П. Кто впервые началъ переводить Пушкина и прототипы переводовъ его на 50 языковъ и нарѣчій міра. «Истор. Вѣстн.», 1899 г., май.

Дѣдовъ, М. А. С. Пушкинъ въ польской литературѣ. Варшава. 1890 г.

Кулаковскій, П. Стихотв. А. С. Пушкина въ славянскихъ переводахъ. Варшава. 1899 г.

Любомудровъ. Античный міръ въ поэзіи Пушкина. М. 1899.

Спасовичъ, В. Д. Байронизмъ у П—а и Лермонтова. Сочиненія, т. 2, и «Вѣстн. Евр.», 1888 г. № 3.

Халанскій, М. Г. О вліянні авт. литер. на творчество Пушкина. Сборн. Харьк. Унив. X. 1900 г.

Ягичъ, И. В. А. С. Пушкинъ въ южно-славянскихъ литературахъ. Сборникъ библиогр. и литер. критическихъ статей. Спб. 1910 г.

е) Сборники.

«Вѣнокъ на памятникъ Пушкину». Спб. 1880 г.

«Въ память 50-лѣтія кончины». Изд. Ал. Лицея. Спб. 1887 г.

«Памяти Пушкина», сборники, изд. Спб., Моск., Кіевскимъ и Харьковск. Университетами въ 1899 г.

Сборникъ журнала «Жизнь». 1899 г. (майскій № журнала).

Сборникъ статей о Пушкинѣ. Изд. Кіевского Педагогич. Общества. К. 1899 г.

Пушкинскій сборникъ», Спб. 1899 г.

ж) Воспоминанія.

См. ниже: Приложение 6-ое: «Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ», стр. 291-ую.

Сводъ нарицательныхъ именъ и выраженій.

Августъ смотритъ Сентяремъ («О, други, Августу мои мольбы несите, но Августъ...» Брату, 1822).

Аристократичествовать («Я всегда былъ склонень...»). (Вяз., 1825).

Баба не робнаго десятка («Капит. Дочка», IV). **Бой-баба** (Женѣ, 1833).

Хвать-баба (Женѣ, окт., 1832).

Безалаберная («Какая ты безалаберная! — Женѣ, июнь, 1834). **Пребезалаберная** (Женѣ, июль, 1834).

✕ **Борьбы великой близокъ часъ** («Полтава», II).

✕ **Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ, блаженъ, кто во время созрѣлъ** («Евг. О н.», VIII, 10).

Бумагомараніе («Демонъ бумагомаранія», Вяз., 1816).

Будеть баня! (Вотъ ужъ тебѣ будетъ баня и съ твоею хозяйшкою!) «Капит. Дочка», XIII).

Буфонъ (Женѣ, май, 1836).

Было бы корыто, а свиньи будутъ (Женѣ, окт., 1833).

Бѣсовъ кумъ («Капит. Дочка», XIII).

✕ **Важнымъ людямъ важны вздоры** («Евг. О н.», VIII, 9).

...Весна, весна! пора любви («Какъ грустно мнѣ твое явленіе, весна...» («Евг. О н.», VII, 2).

Вольнодумецъ (Мазепа о Кочубеѣ, «Полтава», I).

Вольнолюбивый («Кавк. Пльн.». Это слово «такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее liberal, оно прямо русское...» Гречу, 1821).

✕ **Всегда восторженная рѣчь и кудри черныя до плечъ** («Евг. О н.», III, 6).

✕ **Вся тварь разумная сучаетъ** (Сц. изъ «Фауста»).

Въ одинъ мѣшокъ, да въ море («Всѣхъ бы ихъ развратниковъ въ одинъ мѣшокъ...», Лепорелло, «Д.-Жуанъ», I).

✕ **Въ одну телѣгу впрячь не можно коня и трепетную лань** («Полтава», I).

Гарнизонная крыса («Капит. Дочка», VI).

✕ **Геній и злодѣйство — двѣ вещи несомѣстныя** («Моц. и Сал.», II).

✕ **Гигантъ на бронзовомъ конѣ** («Мѣдн. В с.», I).

Гласъ лиры — гласъ народа (Жук., 1826).

Глупая луна («Кругла, красна лицомъ она, какъ эта глупая луна на этомъ глумомъ небосклонѣ», «Евг. О н.», III, 5).

Голова кругомъ идетъ (Жук., 1824; Женѣ, 1834).

Господь не выдастъ — свинья не съѣстъ («Капит. Дочка», VI).

Гуляй, только не загуливайся (Женѣ, окт., 1833).

Деревенскіе Пріамы («Евг. О н.», VII, 4).

Деревня, гдѣ сучалъ Евгенийъ, была прелестный уголокъ («О н.», II, 1).

До низложенія ризъ («Я работаю до низложенія ризъ», Женѣ, 1834).

Донъ-Кихоть бѣлогорскій (Швабринъ о Гриневѣ, «Капит. Дочка»).

Дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой. («Русск. п. Д.», VI).

✕ **Еще одно послѣднее сказанье, и лѣтопись окончена моя!** («Бор. Год.»).
Заварить кутью («Ө. Косичкишъ» заварить такую кашу, или паче кутью, что они (издатели «С. Пчелы») ею подавятся», А. А. Орлову, 1832).

Закорючка (Въ пріятельскомъ кружкѣ это слово обозначало что-либо заслуживающее вниманія. Въ письмѣ къ Одоевскому, 1833 г., **З.** относится къ «Резорору»).

Зачуфырился («Я всегда былъ склоненъ аристократичествовать, а съ тѣхъ поръ, какъ пошелъ моръ на Пушкиныхъ, я и пуще зачуфырился», Вяз., 1825).

Звѣрюшка (Ск. «О Царѣ-Салтанѣ»).

✕ **Здравый смыслъ вверхъ дномъ поставимъ.** («Къ Батюшкову», I).

Знай нашихъ! (Женѣ, 1834).

Зюзя (Зарѣцкій, «какъ Зюзя пьяный, французамъ достался въ плѣнъ». «Евг. Он.» VI, 5).

И вотъ общественное мнѣнье! («Евг. Он.», VI, II).

Изкокетничалась (Женѣ, 1833).

Изъ тетки двухъ тетокъ не сдѣлаешь (Женѣ, сент., 1834).

✕ **Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече...** («Евг. Он.», VIII, 51).

✕ **И въ подлостяхъ имѣйте благородство.**

«И въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство»; Вяз., 1825).

Искушеніе разсѣянности (Женѣ, окт., 1833).

Кабаки отечественной словесности (о журналахъ Измайлова, Полевого и Булгарина). Вяз., 1826.

✕ **Какъ-будто требовать возможно отъ мотыльковъ иль отъ лилей и чувствъ глубокихъ, и страстей** («Евг. Он.», IV, 4 проп.).

Кокетственные сношенія (Женѣ, июль, 1834).

Конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается («Капит. Дочка», IX).

Косматое сердце («Русалка», I).

Кропильница («Подъ кропильницею псковскаго неба»; Вяз., 1825).

✕ **Кто ты? мой ангель ли хранитель или коварный искушитель?** («Евг. Он.», письмо Татьяны).

Куклы восковыя (Донъ-Жуанъ о женщинахъ, I).

✕ **Лгать за двухъ** («Всякъ суетится, лжетъ за двухъ»; «Евг. Он.», Пут.).

✕ **Любви всѣ возрасты покорны** («Евг. Он.», VIII, 29).

Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость? («Евг. Он.», VI, 44).

Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ («Евг. Он.», I, 1).

Молокосось («Капит. Дочка», X).

Москва... какъ много въ этомъ звукѣ для сердца русскаго слилось! Какъ много въ немъ отозвалось! («Евг. Он.», VII, 36).

Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ. («Евг. Он.», VI, 24).

✕ **Мужикъ** («мужику 30 лѣтъ»; о Львѣ Серг. — Женѣ, июль, 1834).

Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны («Евг. Он.», II, 14).

✕ **Мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь...** («Евг. Он.», I, 5).

✕ **...Мы почитаемъ всѣхъ нулями, а единицами себя** («Евг. Он.», II, 14).

Нагоняй («получилъ отъ Жук. такой нагоняй...»; Женѣ, июнь, 1834).

Нагрузиться («Гдѣ это ты нагрузился?» «Капит. Дочка»).

На грѣхъ мастера нѣтъ («Капит. Дочка», III).

Нагишомъ ходить («На святой Руси не штука ходить нагишомъ», Брату, 1824).

На подножномъ корму (о сестрѣ и братѣ, Женѣ, июнь, 1834).

✕ **Наука страсти нѣжной** («Евг. Он.», I, 8).

✕ **Начавъ за здравіе, за упокой сведемъ какъ разъ** («Д. въ Кол.», 29).

✕ **Наше сѣверное лѣто — карриатура южныхъ зимъ** («Евг. Он.», IV, 40).

Небо съ овчинку («Я чаю, небо съ овчинку показалось». «Капит. Д.», VIII).

Невольню къ этимъ грустнымъ берегамъ меня влечеть невѣдомая сила («Русалка», IV).

Нелегкая его побери! («Кап. Дочка»).

Неуимчивый («Экой ты неуимчивый»... Вяз., 1826).

Ни гу-гу! (...сколько разъ меня хвали подѣломъ и понапрасну, а далѣе... ни гу-гу!», Бест., 1825).

Ни дна, ни покрышки («Дай Богъ ему ни дна...», Женѣ, окт., 1833).

Ни звѣрь, ни человѣкъ («Мѣдн. Вс.», II).

✖ **Нѣжнаго слабѣй жестокой** («Пиръ во время чумы»).

Нѣтъ правды на землѣ («Моц. и Сал.», I).

Оголтѣлый («И добро бы кому, а то пьяницѣ оголтѣлому», «Кап. Д.», II).

О славный часъ! о славный видъ! («Полтава», III).

О стыдъ, о времена! («Лицинию»).

Пакостный романъ («Не женщина любви насъ учить, а первый пакостный романъ», «Евг. Он.», I, 13 проп.).

Подкупательныя движенія («Кап. Дочка», X).

Плюнь, да поцѣлуй («Кап. Дочка», VII).

Погибшее, но милое созданье («Пиръ во время чумы»).

Подмазка («...молодой человѣкъ, находящійся въ подмазкѣ», Нащок., 1835).

Подуруша («...ты думаешь, что я подуруша, и что меня опять оплетутъ — увидимъ, Женѣ, сент. 1834).

Подцѣпить («Гдѣ ты ее подцѣпилъ?», «Кап. Дочка», XIII).

Подъ пьяную руку («Бѣда, попадешься подъ пьяную руку», «Кап. Дочка»).

Посредственность («Посредственность одна намъ по плечу и не странна», «Евг. Он.», VIII, 9).

Пожинать лавры и мирты (Женѣ, ноябрь, 1833).

Полугерой (Жук., 1824).

По праву русскаго дворянства («...И не плати своихъ долговъ, по праву р. дворянства», Язык., 1827).

Приципленная («Моя приципленная кузинка», Женѣ, июнь, 1831).

Проклятiя печать («Къ другу стих.»).

Проклятое житье! («Ск. Рыц.»).

Пустельга (Брату, 1824).

Ради Мамона («Не ради славы прошу, а ради Мамона», Вяз., 1823).

Рваныя ноздри («Кап. Дочка», XI).

Республика словесности («Охъ, ужъ эта мнѣ респ. слов.!»), Рыльеву, 1825).

Рогоносецъ («Рогоносецъ величавый, всегда довольный самъ собой, своимъ обѣдомъ и женой», «Евг. Он.», I, 12).

Русская хандра («Недугъ... подобный англійскому сплину, короче — русская хандра», «Евг. Он.», I, 38).

Русскій, изъ перерусскихъ русскій («О Фонвизинѣ», Брату, 1824).

Салопница («Погоди: овдовѣешь — тогда пожалуй будь салопницей»... Женѣ, июнь, 1834).

Свинство («С. давно уже меня ни въ комъ не удивляетъ», Женѣ, 1834. «Удивительныя свинства» дѣлала съ Пушкинымъ московск. почта, Нащок., 1834).

Свинья свиньей (Женѣ, окт., 1832).

Свѣтская чернь («Евг. Он.», VIII, 10).

Слома голову («Все слажу и лома голову къ тебѣ прискачу», Женѣ, июль, 1834).

Скрипица-скрипка («Пир. Студ.»).

Самъ съѣшь! По объясненію Пушкина, таково «происхожденіе сего слова: остроумный человѣкъ показываетъ шишъ и говоритъ язвительно: съѣшь, а догадливый противникъ отвѣчаетъ: самъ съѣшь. («Замѣчаніе для будуарныхъ, или даже для паркетныхъ дамъ, какъ журналисты называютъ дамъ, имъ незнакомыхъ»).

Сельскіе циклопы-кузнецы («Евг. Он.», VII, 34).

Собачій сынъ («Кап. Дочка», VI).

Совѣтница титулярная (Женѣ, июнь, 1834).

Старамъ стала и умомъ плохамъ (о себѣ, Женѣ, окт., 1834).

Старый волкъ (Комендантъ о Пугачевѣ, «Кап. Дочка», IV).

Старый коршунъ (Кочубей о Мазепѣ, «Полтава», I).

Столбовая дорога подражанія (Бест., 1825).

Сухая шутка («Сцена изъ Фауста»).

Сходнѣе намъ въ Азіи писать по оказіи (Вяз. изъ Одессы, 1823).

Сѣсть на мель («...безъ денегъ сядемъ на мель», Женѣ, окт., 1833).

Тетеха (Женѣ, июнь, 1834. «Я привезу тебя тетехой». Ей же, июль, 1834).

Трынъ-трава (Жук., 1825).

У грацій въ отпуску и у любви въ отставкѣ (о «красавицѣ 60-ти лѣтъ», — «Красав., которая нюхала табакъ»).

Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца! («Скуп. Рыц.», III).

Ужь эти мнѣ друзья, друзья! («Враговъ имѣеть въ мірѣ всякъ, но отъ друзей спаси насъ, Боже! Ужь эти мнѣ друзья, друзья!», «Евг. Он.», IV, 18).

Улизнуть. «Туда бы (на Полотн. Заводъ, гдѣ гостила Нат. Ник.) отъ жизни удраля, улизнулъ», Женѣ, июнь, 1834).

Ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ («Евг. Он.», Посвящ.).

Хорошъ гусь! (Попадья о Швабринѣ, «Кап. Дочка», XII).

Хоть глазъ выколи («Кап. Дочка», II).

Хоть сейчасъ въ петлю (Вяз., 1826).

Цапъ-царапъ («Гр. Нулинъ»).

Цыганить (меня же будутъ цыганить, Женѣ, июнь, 1834).

...Чиномъ отъ ума избавлень («Евг. Он.», Альб., 10).

Черезъ пень колоду («...Работаю лѣниво, черезъ пень колоду валю», Женѣ, 1833).

Черныя мысли («У него (Серг. Льв.) хандра и черныя мысли», Женѣ, июнь, 1834).

Чинъ чина почитай (Вяз., 1823).

Чистъ, какъ новорожденный младенецъ («Я передъ тобою чистъ...», Женѣ, окт., 1833).

Чудотворка-чудотворица (А. П. Кернъ, июль, 1825).

Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше («Давно девизъ всякаго русскаго есть: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», Вяз., 1824).

Шаромыжники («Шаромыжники холостые», Женѣ, окт., 1833).

Шкурка (о графинѣ С.; Женѣ, окт., 1833).

Шутить не время (Орликъ—«Полтава», II).

Щелкоперы (Н. Язык., 1834).

Экая ералашъ! (О статьѣ Плетнева: «О русск. поэтахъ». Брату, 1825).

Языкъ мой — врагъ мой («Домъ въ Кол.», 21).

Языкъ Петрарки и любви («Евг. Он.», I, 49).

Ѣсть за четверыхъ, работаетъ за семерыхъ («Ск. о Балдѣ»).

Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Пушкина.

Бердская слобода: «Капит. Дочка», XI.

Бессарабія: «Цыганы».

Бѣлая Церковь: «Полтава», II.

Бѣлогорская крѣпость: «Капит. Дочка», III—IX, XII.

Деревня: «Гр. Нулинъ». — «Евг. Онѣгинъ», I (53 — 60); II — VI; VII (1 — 35). — «Выстрѣль», II. — «Метель». — «Дубровский». — «Кап. Дочка», I (первая половина). — «Станціонный смотритель» (***) ская губернія). — «Барышня-крестьянка» (въ одной изъ отдаленныхъ нашихъ губерній). — «Исторія села Горюхина».

Днѣпръ (берегъ Днѣпра): «Русалка», I, IV, V, VI.

Испанія: «Каменный Гость».

Кавказъ: «Кавк. Плѣнникъ». — «Галубъ».

Казань: «Капит. Дочка», XIV (первая половина).

Краковъ: «Борисъ Годуновъ» (Домъ Вишневецкаго).

Крымъ: «Бахчисар. Фонтанъ».

Литва: «Борисъ Годуновъ» (Корчма на Лит. границѣ). — Граница Литовская.

Москва: «Евг. Онѣгинъ», VIII, 36 и т. д. — «Гробовщикъ». — «Рославлевъ».

Москва (старая): «Борисъ Годуновъ» (Кремлевскія палаты (двѣ сцены); Красная площадь; палаты патріарха; Царскія Палаты (три сцены); домъ Шуйскаго; Царская дума; площадь передъ соборомъ; лобное мѣсто; домъ Бориса).

Новгородъ-Сѣверскъ: «Борисъ Годуновъ» (равнина близъ Н.-С.).

Оренбургъ: «Капит. Дочка», II, X.

Парижъ: «Аралъ Петра Великаго», I.

Петербургъ: «Домикъ въ Коломнѣ». — «Евгеній Онѣгинъ», I (1 — 52; VII. — «Мѣдный Всадникъ». — «Пиковая Дама». — «Аралъ Петра Великаго», II — VI. — «Египетскія ночи».

Полтава: «Полтава», I, III.

Провинція: «Выстрѣль», I (мѣстечко***).

Самборъ: «Борисъ Годуновъ» (у воеводы Мнишка; три сцены).

Симбирскъ: «Капит. Дочка» (конецъ 1-ой главы).

Сѣвскъ: «Борисъ Годуновъ» (одна сцена).

Царское Село: «Капит. Дочка», XIV (конецъ).

Пушкинъ и поэзія.

Поэзія, поэтъ, муза.—Классическая и романтическая поэзія.—Русскій языкъ и словесность.

Пушкинъ рано созналъ себя поэтомъ. Въ пьесѣ: «Къ Сестрѣ» (1814) онъ говорилъ, обращаясь къ фантазіи: «...тобою одной я награжденъ! Тобою пренесенный къ волшебной Иппокренѣ и въ кельѣ я блаженъ!» Въ «Городкѣ» (1814) звучитъ еще неувѣренная, но уже тревожащая юношу мысль: «Какъ знать? и мнѣ, быть можетъ, печать свою наложитъ небесный Аполлонъ; сіяя горнимъ свѣтомъ, безтрепетнымъ полетомъ взлечу на Геликонъ. Не весь я преданъ тлѣнью; съ моей, быть можетъ, тѣнью полуночной порой сынъ Феба молодой, мой правнукъ просвѣщенный, бесѣдовать придетъ, и мною вдохновенный на лирѣ вздохнетъ». «Безвѣстный въ мірѣ семъ поэтъ» рано созналъ, что онъ «возросъ поэтомъ» (Бат., 1817), что ему «жребій вынулъ Фебъ» (Жук., 1817) и ему дана «лира отъ боговъ, поэту даръ безцѣнный» («Мечтатель»). Юноша-поэтъ уже сознавалъ, что «еще не генія печать, охота смертная на римахъ лепетать» (А. А. Шишкову, 1816). «Страшися участи безмысленныхъ пѣвцовъ, насъ убивающихъ громадою стиховъ» («Къ другу-стихотв.», 1814). «Страшися безславія!» (Ibidem). Его увлекаетъ не столько слава сколько страхъ этого «безславія»: «Послѣдній взоръ моихъ очей, луча безсмертія не встрѣтитъ («Посл. къ Горчакову»). Его уже тревожитъ вопросъ: «мои летучія творенья въ потомствѣ будутъ ли цвѣсти?» («Подражаніе»); въ пьесѣ Илличевскому прямо высказывается та же мысль: «Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній, что предпочелъ бы я скорѣй безсмертію души моей безсмертіе моихъ твореній». «Взыскательный художникъ» рано сказался въ Пушкинѣ. Быстро миновало время, когда онъ «шутя стихи кропалъ» и гордился быстрой легкостью труда («я мигомъ трудъ окончу свой», «Моему Аристарху»). Юный Пушкинъ не только позналъ «сладогостіе высокихъ мыслей и стиховъ» (Жук., 1818), умѣлъ «въ минуту вдохновенія небрежно стансы намарать», но и «жечь свои творенья». Еще «съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ», вспоминаетъ поэтъ («19 окт., 1825»). «На слабомъ утрѣ дней златыхъ» муза осѣнила пѣвца, преклонясь предъ дѣтской колыбелью» («Мечтатель», 1815) и «въ помыслахъ носился юный умъ» («Сонъ», 1816). Ср.: «Къ сестрѣ» (1814) и Батюшкову (1815). «И мнѣ богини пѣснопѣнья еще въ младенческую грудь вліяли искру вдохновенія и тайный указали путь» (Дельв., 1817). Въ углахъ лицейскихъ переходовъ являться муза стала мнѣ. Моя студенческая келья, доселѣ чуждая веселья, вдругъ озарилась! Муза въ ней открыла пиръ своихъ затѣй» («Евг. Он.», VIII, 3, проп.). Для него ясна печальная судьба поэтовъ, которыхъ мимо катится «фортуны колесо». «Ихъ жизнь рядъ горестей, гремяща слава — сонъ» («Къ другу-стихотв.»). Но болѣе всего онъ боится прослыть «метроманомъ», собой умножить «поэтовъ грѣшный ликъ» («Къ Дельвигу»). Онъ хорошо помнитъ завѣтъ Батюшкова: «будь каждый при своемъ», и въ «Посланіи къ Горчакову» высказываетъ желаніе говорить «своимъ складомъ, вмѣсто того, чтобы «вслѣдъ Дер-

жавину парить». Въ «Бовѣ» еще опредѣленнѣе высказывается то же желаніе, чтобы его «поняли отъ малаго до великаго». «Дудка», которую «въ дни рѣзвости златыя» подарилъ поэту «веселый сынъ Эрмія» («Къ Батюшкову») смѣняется «семиствольной цѣвницей» («Муза», 1821). Ср. «Евг. Онѣг.», VIII, 1—5. «Разгов. книг. съ поэтомъ». О поэтѣ и его назначеніи, см. «Чернь» (1828). «Поэту» (1830); «Родословная моего героя», XI, XII: «вѣтру и орлу и сердцу дѣвы нѣтъ закона. Гордись! таковъ и ты поэтъ, и для тебя закона нѣтъ». «Исполненъ мыслями златыми, не понимаемый никѣмъ, передъ кумирами земными, проходишь ты уныль и нѣмъ. Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва, ни нужды, ни хохота, ни рева, ни удивленья, ни труда. Глупецъ кричитъ: куда, куда? Дорога здѣсь! Но ты не слышишь, идешь, куда тебя влекутъ мечтанья тайныя. Твой трудъ тебѣ награда: имъ ты дышешь, а плодъ его бросаешь ты толпѣ, рабынѣ суеты». Ср. «Чернь», «Поэту», «Египетскія ночи» (см. въ «Словарѣ»: Чарскій). «Настоящее мѣсто писателя, есть его ученый кабинетъ», для него необходимы «независимость и самоуваженіе» («Вольтеръ»). Главное условіе для поэта — «свобода» («Разговоръ книг. съ поэтомъ»). «Истинная жизнь» слова — «мысль», а не наружныя формы («Мысли на дорогѣ», II), однако, при раздѣленіи поэзіи на роды (классическая, псевдо-классическая, романтическая поэзія), Пушкинъ считаетъ главнымъ родовымъ признакомъ не духъ, а форму.

Къ роду классической поэзіи Пушкинъ относитъ тѣ стихотворенія, коихъ формы извѣстны были грекамъ и римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Слѣдственно, сюда принадлежатъ: эпопея, поэмы дидактическая, трагедія, комедія, ода, сатира, посланіе, ироида, эклога, элегія, эпиграмма и баснь. Если же вмѣсто формы стихотворенія будемъ брать за основаніе только духъ, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ, конечно, отличается отъ оды Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горация, «Освобожденный Иерусалимъ» отъ «Энеиды» — всѣ они однако-жъ принадлежатъ къ роду классическому» («Мысли на дорогѣ», II). Опредѣляя псевдо-классическую школу поэтовъ, Пушкинъ замѣчаетъ, что цѣль и усилія ея представителей, «напоминаютъ школу нашихъ славяно-руссовъ». «Люди, одаренные талантами, будучи поражены ничтожностью французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною и стали стараться пересоздать его по образцу древняго греческаго (Ронсаръ, Жодель, Дюбеллѣ), «Мысли на дорогѣ», II.

Пушкинъ былъ неудовлетворенъ существовавшими понятіями о романтизмѣ. «Всѣ (даже и ты) имѣютъ у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ (Вяз., 1825). «Сколько я не читалъ о романтизмѣ — все не то» (Бест., 1825). «Такъ онъ (Ленскій) писалъ темно и вяло (что романтизмомъ мы зовемъ, хоть романтизма тутъ ни мало не вижу я; да что намъ въ томъ?» «Онѣг.», VI, 23). «Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ». Пушкинъ («Мысли на дорогѣ», II) считаетъ опредѣленіемъ самымъ неточнымъ романтизма, когда къ нему «относятъ все», что, по мнѣнію критиковъ, ознаменовано «печатью мечтательности и германскаго идеализма», или основано на предрасудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Пушкинъ для различія классической поэзіи отъ романтической считаетъ необходимымъ брать за основаніе не духъ, а форму произведенія (см. выше, поэзія классическая) и къ романтической поэзіи относитъ тѣ роды произведеній, которые «были неизвѣстны древнимъ, и тѣ, въ коихъ прежнія формы измѣнены, или замѣнены другими».

Поэтъ, для котораго риема была звучная подруга вдохновеннаго досуга, вдохновеннаго труда», («...риемы запросто со мной живутъ: двѣ придутъ сами, третью приведутъ, «Дом. въ Кол.», I), признавалъ, что «риемъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало». Одна вызываетъ другую. Пламень неминуемо тащить за собою камень. Изъ-за чувства выглядываетъ непремѣнно искусство. Кому не на-

дошли любовь и кровь, трудной и чудной, вѣрной и лицемерной и проч.». «Думаю, что современемъ мы обратимся къ бѣлому стиху» («Мысли на дорогѣ», VII).

«Исключая тѣхъ, которые занимаются стихами, русскій языкъ ни для кого еще не можетъ быть довольно привлекателенъ; у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ», писалъ Пушкинъ въ 1824 г. («О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности»). Ср. «Альбомъ Он.», 7. «Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для изясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣнность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны (Ibid., «О предисловіи Лемонтэ»). «Давно ли стали мы писать языкомъ общепонятнымъ? убѣдились ли мы, что славянскій языкъ не есть языкъ русскій и что мы не можемъ смѣшивать ихъ совершенно? («Мысли на дорогѣ», III). «Русскій метафизическій языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи. Дай Богъ ему образоваться на подобіе французскаго (яснаго, точнаго языка прозы, т. е. языка мыслей). Вяз., 1825. Ср. «О причинахъ, замедл. ходъ нашей слов.». Но этотъ языкъ Пушкинъ считалъ «гибкимъ и мощнымъ въ своихъ оборотахъ и средствахъ», «переимчивымъ и общежительнымъ въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ («О Мильтонѣ»). «Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота ему болѣе пристали» (Вяз., 1823 г.).

Вліяніе французской словесности на современную русскую литературу Пушкинъ признавалъ слабымъ. «Оно ограничилось только переводами и кое-какими подражаніями, не имѣвшими большого успѣха». (Ср. «Альбомъ Онѣгина», 7). «Поэзія осталась чужда вліянію французскому; она болѣе и болѣе дружится съ поэзіею германскою, и гордо сохраняетъ свою независимость отъ требованій публики» («Мнѣніе Лобанова»). Высказанная Бестужевымъ мысль, что «у насъ нѣтъ литературы», встрѣчаетъ горячій отпоръ со стороны Пушкина: «литература у насъ кой-какая есть, а критики нѣтъ» (Бест., 1825). Позднѣе (1830), въ статьѣ «О литер. критикѣ», Пушкинъ писалъ, возвращаясь къ тому же вопросу: «произведенія нашей литературы, какъ ни рѣдки, но являются, живутъ и умираютъ, не оцѣненные по достоинству», потому что у насъ нѣтъ критики».

«Состояніе же критики, пишетъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ («Крит. Зам.»), «само по себѣ доказываетъ степень образованности всей литературы вообще». «Какъ наша словесность съ гордостію можетъ выставить передъ Европою «Исторію» Карамзина, нѣсколько одъ, нѣсколько басенъ, поэмъ, переводъ Иліады, нѣсколько цвѣтовъ элегической поэзіи (ср. «Рославлевъ»), такъ и наша критика можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія. Но онѣ явились отдѣльно, въ разстояніи одна отъ другой, и не получили еще вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не пришло» (1830). «Критика еще находится у насъ въ младенческомъ состояніи. Она рѣдко сохраняетъ важность и приличіе, ей свойственныя» («Мнѣніе Лобанова»). Ср. «Мысли на дорогѣ», II).

Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ.

«Пушкинъ убить!» «У какого подлеца поднялась на него рука?» — писалъ лицейскій товарищъ великаго поэта, *Θ. Θ. Матюшкинъ*, другому товарищу, *М. Л. Яковлеву*. Извѣстіе о кончинѣ Пушкинѣ взволновало широкіе круги русскаго общества ¹⁾, но прошло много лѣтъ, прежде чѣмъ явилась возможность приступить къ печати матеріаловъ для біографіи Пушкина, прежде чѣмъ смогли явиться въ печати воспоминанія современниковъ о поэтѣ. Въ 1846 году *Погодинъ* заносилъ въ свой «Дневникъ»: «надо непременно бы собрать теперь всѣ подробности» «о жизни, образѣ мыслей и дѣйствіи нашего славнаго Пушкина, пока живо столько современниковъ, которые его помнятъ хорошо, а то дѣти наши будутъ также хлопотать и спорить о немъ, какъ мы теперь — о годѣ и мѣстѣ рожденія *Карамзина* ²⁾».

Первому собирателю «матеріаловъ» для біографіи Пушкина, *П. В. Анненкову*, въ 1851 г. пришлось обратиться къ роднымъ и лицейскимъ товарищамъ поэта съ рядомъ вопросовъ относительно жизни Пушкина въ дѣтствѣ и въ лицейскій періодъ, — такъ скудны были эти матеріалы. Первой откликнулась *О. С. Пушкина-Павлицева*, сообщивъ свои воспоминанія, въ видѣ записи, сдѣланной ея мужемъ *Н. И. Павлицевымъ* ³⁾. Въ 1853 г. въ *Погодинскомъ «Москвитянинѣ»* появилось «Біографическое извѣстіе объ *А. С. Пушкинѣ до 26 года*», написанное *Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ*. Извѣстіе занимаетъ всего нѣсколько страничекъ печатнаго текста и изобилуетъ фактическими неточностями ⁴⁾.

Изъ двадцати двухъ товарищей Пушкина по лицу, свидѣтелей его юношеской жизни, только немногіе подѣлились съ обществомъ воспоминаніями о великомъ ихъ товарищѣ ⁵⁾. Въ отвѣтъ на просьбу *Анненкова*, *С. Д. Комовскій* составилъ «Записку» о пребываніи Пушкина въ лицей, но, не полагаясь на свою память, передалъ рукопись на прочтеніе *М. А. Корфу*, послѣдній сдѣлалъ въ ней лишь одно примѣчаніе и переслалъ «Записку» *М. Л. Яковлеву*; съ замѣтками *Яковлева «Записка» Комовскаго* ⁶⁾ перешла на просмотръ къ *А. А. Корнилову*, который не нашелъ въ ней «никакихъ неточностей». Такимъ образомъ, въ 1851 г., появились въ видѣ сухой и короткой «Записки» первыя воспоминанія лицей-

¹⁾ Перечень писемъ, вызванныхъ смертью Пушкина (большая часть ихъ опубликована лишь въ послѣдніе годы), см. «Пушкинъ и его соврем.». В. VI, стр. 98—100.

²⁾ *Н. Барсуковъ*. Жизнь и труды *М. П. Погодина*, т. 8-ой, стр. 444.

³⁾ Запись эта не уцѣлѣла въ бумагахъ *Анненкова*. Ред.

⁴⁾ «Біографическое извѣстіе объ *А. С. П—ѣ до 26 года*. Перепечатка въ книгѣ *Л. Н. Майкова: «Пушкинъ»*, стр. 4—12. Ред.

⁵⁾ Изъ 29-ти товарищей поэта по лицу, скончались ранѣе Пушкина: *Ржевскій*, *Корсаковъ*, *Брогліо*, *Дельвигъ*, *Есаковъ*, *Костенскій* и *Саврасовъ*. Въ одинъ годъ съ Пушкинымъ умеръ *Илличевскій*, въ письмахъ котораго къ *Фуссу*, опубликованныхъ въ 1864 г. *Я. Гротомъ*, есть нѣсколько любопытныхъ указаній о Пушкинѣ-лицействѣ. Ред.

⁶⁾ Записка *Комовскаго* перепечатана въ книгѣ *Я. К. Грота: «П—ѣ, его лицейскіе товарищи и наставники»*. Спб. 1899 г., стр. 218—222. Ред.

скихъ товарищей Пушкина, не предназначавшіяся для печати. Статьи П. И. Бартенева о Пушкинѣ въ «Моск. Вѣд.» 1854 г. вызвали «Записку» М. А. Корфа⁷⁾, которая была написана «для потомства» и стала извѣстной много лѣтъ спустя⁸⁾. Обѣ «Записки» любопытны въ смыслѣ передачи внѣшнихъ фактовъ лицейской жизни вообще, но никакъ не со стороны внутренней оцѣнки Пушкина, какъ человѣка и поэта. Обѣ «Записки» доказываютъ, какъ плохо понимали Пушкина, даже люди, казалось бы, близко его знавшіе. Лишь въ 1859 г. появляются въ «Атенеѣ» высокоцѣнные воспоминанія И. И. Пущина, только что возвращеннаго изъ ссылки⁹⁾. Въ 1863 г. выходятъ отдѣльной брошюрой, записанныя А. Амосовымъ со словъ К. К. Данзаса, воспоминанія о послѣднихъ дняхъ и кончинѣ великаго поэта¹⁰⁾. Этимъ немногимъ исчерпываются всѣ воспоминанія, исходяція отъ «первенцовъ лица», ближайшихъ свидѣтелей отроческихъ и юношескихъ дней Пушкина.

Ближайшіе къ Пушкину люди — Жуковскій, Тургеневъ, Плетневъ, Вяземскій — не оставили особыхъ воспоминаній о поэтѣ, но въ ихъ перепискѣ (многія письма, напр., письма А. И. Тургенева, еще до сихъ поръ не вполне опубликованы), разсѣяно много цѣнныхъ чертъ для характеристики поэта и подробностей его жизни. Во все время николаевскаго царствованія, цензурныя условія (см. Приложение: «Пушкинъ и цензура») были таковы, что появленіе воспоминаній о поэтѣ было невозможно, и первый собиратель матеріаловъ для біографіи поэта (Анненковъ) встрѣчалъ на каждомъ шагу почти неодолимыя препятствія со стороны цензуры. Поэтому до второй половины 50-хъ годовъ мемуары о Пушкинѣ почти не появляются въ русской печати, за исключеніемъ стихотворнаго «Воспоминанія о піэтической жизни А. С. П—а» Ф. Н. Глинки («Библ. для чтенія», 1837), замѣтки д-ра Рудыковскаго «Встрѣча съ А. С. Пушкинымъ» (на Кавк. Мин. Водахъ), «Русск. Вѣстн.», 1841 г., № 1 «Воспоминаній» В. П. Горчакова, «Москвитянинъ», 1850).

Выходъ сочиненій Пушкина и матеріаловъ для его біографіи Анненкова совпалъ съ концомъ николаевской эпохи, съ концомъ того запрета, который тяготѣлъ надъ сочиненіями великаго поэта. Съ половины пятидесятихъ годовъ только стало возможнымъ говорить о Пушкинѣ, какъ объ историческомъ явленіи, приступить къ болѣе тщательному изученію Пушкина-поэта и человѣка. Почти одновременно съ Анненковымъ работаетъ надъ собираніемъ матеріаловъ, касающихся Пушкина, П. И. Бартеневъ («А. С. Пушкинъ». Матер. для его біографіи. М. 1855 г., «Родъ и дѣтство Пушкина», «Отеч. Зап.», 1853 г. и рядъ статей и замѣтокъ въ основанномъ Бартеневымъ въ 1866 г. «Русскомъ Архивѣ»). Собираніемъ матеріаловъ, преимущественно касающихся лицейской жизни поэта, начинаютъ заниматься В. П. Гаевскій и Я. К. Гротъ. Въ 1859 г. одновременно появляются, отмѣченные уже «Воспоминанія» И. И. Пущина, и не менѣе цѣнные «Воспоминанія» А. П. Кернъ-Виноградской («Библ. для чтенія». Перепечатка въ книгѣ Л. Майкова «Пушкинъ», стр. 223—255). За ними слѣдуютъ: «Записки» А. П. Липранди («Русск. Арх.», 1866 г.). «Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля» («Русск. Вѣстн.», 1866 г.; второе изд. Спб. 1891—1893 г.г.), В. П. Бурнашова («Русск. Арх.», 1872).

Около этого же времени издаются «Записки Современника» С. П. Жихарева, Спб., 1861 г. и воспоминанія о Пушкинѣ А. Н. Муравьева («Знакомство съ русскими поэтами», Кіевъ, 1871). М. В. Юзефовичъ. «Воспоминанія» («Русск. Арх.» 1880 г.).

Въ 1880 г. выходитъ сборникъ кн. П. П. Вяземскаго «П—ъ по докумен-

⁷⁾ *Ibidem*, стр. 222—254. *Ред.*

⁸⁾ Записка Корфа появилась въ печати послѣ смерти ея автора, съ примѣчаніями кн. П. А. Вяземскаго, также уже въ то время умершаго. *Ред.*

⁹⁾ Въ цит. книгѣ Майкова, стр. 42—91. *Ред.*

¹⁰⁾ «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. П—а». Спб. 1863 г. *Ред.*

тамъ Остафьевскаго Архива», а въ 1884 г. — воспоминанія о Пушкинѣ того же Вяземскаго. Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія публикуется переписка Плетнева, содержащая много цѣнныхъ данныхъ для характеристики Пушкина и появляются: «Собранія сочиненій кн. П. А. Вяземскаго»; «Изъ семейной хроники» Л. Павлицева («Ист. Вѣстн.», 1888 г., № 1—12, отдѣльно, М. 1890); Записки А. О. Смирновой: «Сѣв. Вѣстн.», 1894 г. и отд. 2 т. Спб. 1895 г. «Воспоминанія» С. П. Шевырева («Русск. Обозр.», 1893, №№ 4 и 5 перепечатка въ книгѣ Л. Майкова); «Воспоминанія» Дала, А. Ф. Вельмана и отрывки изъ «Дневника» А. Н. Вульффа. (Въ указанной выше книгѣ Л. Н. Майкова). Кромѣ того, см. «Записки»: Н. И. Греча, Спб. 1887 (изд. Суворина), М. И. Глинки, Спб., 1888 г., С. Н. Глинки, Спб., 1895 г. Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, Спб., 1896 г. Публикуются цѣнные матеріалы, хранящіеся въ «Остафьевскомъ Архивѣ» кн. Вяземскихъ («Остафьевскій Архивъ», 4 т., 1899 г., редакция В. И. Саитова); съ 1904 г. начинается издаваться «Архивъ Раевскихъ» (ред. Б. Л. Модзалевскаго) и въ самое послѣднее время приступлено къ печати тургеневскаго архива, переданнаго наследниками во владѣніе Академіи Наукъ; послѣдняя съ 1903 г. издаетъ періодическіе сборники «Пушкинъ и его современники» (вышло 14 выпусковъ), въ которыхъ помѣщаются труды, «посвященные изученію біографіи и сочиненій Пушкина и писателей его эпохи, а равно лицъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ поэту».

Пушкинъ въ музыкѣ.

Поэтическая дѣятельность Пушкина не только вдохновляла многихъ композиторовъ, но, по мнѣнію проф. С. Булича, «несомнѣнно Пушкинъ имѣлъ основное общее значеніе для исторіи русскаго національнаго искусства, а въ томъ числѣ и музыки, прежде всего ярко выраженнымъ національнымъ характеромъ своего творчества». Одинъ сводъ лирическихъ пьесъ Пушкина, положенныхъ на музыку, занимаетъ въ цитированной выше статьѣ около четырехъ печатныхъ листовъ («Сборникъ памяти Пушкина», изд. Ист.-фил. фак., Спб. университета, Спб., 1900 г., стр. 67—124). Изъ поэмъ и прозаическихъ произведеній Пушкина почти нѣтъ такихъ, которыя бы не послужили темой для композиторовъ.

«**Русланъ и Людмила**», еще въ 1824 г., вдохновилъ композитора Шольца, написавшаго музыку къ «волшебнo-герoическому балету» (Огюста и Дидло); въ 1838—1842 г.г. надъ той же темой работалъ М. И. Глинка.

«**Кавказскій Плѣнникъ**» въ томъ же 1824 г., но раньше «Руслана», попалъ на сцену петербургскаго театра (музыка К. А. Кавоса, сценарій Дидло). Позднѣе появились сцены изъ поэмы А. А. Алябьева (1859 г.) и «Кавк. Плѣн.», опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Ц. А. Кюи.

«**Бахчисарайскій Фонтанъ**». Музыка Кавоса, текстъ А. Шаховскаго, съ сохраненіемъ многихъ стиховъ Пушкина. На ту же тему опера А. Федорова, исполнявшаяся въ Екатеринославѣ въ 1895 г.

«**Полтава**» послужила источникомъ вдохновенія для композиторовъ: Фитингофа-Шеля (1858 г.), П. П. Сокальскаго («Мазепа»—1859 г.), Даргомыжскаго (отрывки) и Чайковскаго («Мазепа»—1883 г.). На тотъ же сюжетъ начинали писать также Сѣровъ и Давыдовъ.

«**Графъ Нулинъ**» — комическая опера «по Пушкину» А. Лишина (1876).

«**Доминъ въ Коломнѣ**» — музыка Н. Ѳ. Соловьева (1899—1900).

«**Цыганы**» — опера того же названія («Цыгане») Кашперова (не издана), Г. Лишина (отрывки) и С. Рахманинова «Алеко» (1892).

«**Русалка**» вдохновила Даргомыжскаго, проработавшаго надъ оперой съ 1843—1855 г.г.

«**Каменный Гость**» — Даргомыжскаго, написанъ съ сохраненіемъ полнаго пушкинскаго текста.

«**Борисъ Годуновъ**» послужилъ сюжетомъ для оперы М. П. Мусоргскаго (1872).

«**Евгеній Онѣгинъ**», лирическія сцены Чайковскаго (1878).

«**Моцартъ и Сальери**» — Н. А. Римскаго-Корсакова (1897).

«**Пиковая Дама**» появилась во французскомъ театрѣ въ 1850 г. (музыка Галеви, либретто Скриба); позднѣе къ тому же сюжету вернулся Чайковскій (1889 г.).

«**Барышня-крестьянка**» — опера Ларіонова, исполнявшаяся въ С.-Петербурѣ, во время пушкинскихъ торжествъ (1899 г.).

«Дубровскій» — опера Э. Направника (1894 г.).

«Капит. Дочка» — опера В. И. Ребикова.

На сюжетъ пушкинскихъ сказокъ написанъ фантастическій балетъ «Le poisson doré», музыка Минкуса. Отрывки изъ сказки «О Царѣ Салтанѣ» даны Н. Римскимъ-Корсаковымъ. Имъ же написана опера «О Золотомъ Пѣтушкѣ».

Подробнѣе, см. въ цит. выше работѣ С. Булича: «Пушкинъ и русская музыка». Кромѣ того, см. Н. Д. Кашкинъ, проф., «Значеніе поэзіи П—а въ р. музыкѣ». Сборникъ журнала «Жизнь», Спб., 1899 г. М. Ивановъ: «П. въ музыкѣ», Спб. 1899 г. В. Коргановъ: «А. С. П. въ музыкѣ», Тифлисъ, 1899. Л. Турьгина: «А. С. Пушкинъ въ области музыки», Спб. 1899 г. И. Лицаевъ: «А. С. П. и р. музыка», «Р. Муз. Газета», 1899, NN. 21—22. Н. Финдейзенъ: «П. и Глинка», Ibid. А. Степовичъ: «А. С. П. и его музыкальные истолкователи», Сборникъ статей о П. Кіевскаго Педаг. Общ., Кіевъ, 1899 г. Б. И. Срезневскій, проф.: «П. и музыка», «Учен. записки юрьевск. унив.», 1899 г., № 5.

Пушкинъ въ живописи и скульптурѣ.

а) Живопись.

Въ 1814 г. лицеистъ Пушкинъ набросалъ въ стихахъ свой портретъ («Mon portrait») ¹⁾. «Хорошъ никогда не былъ, а молодъ былъ», писалъ онъ женѣ (сент., 1834 г.). И въ «Портретъ и въ письмѣ женѣ (май, 1836), Пушкинъ подчеркиваетъ свое «арапское безобразіе». Однако, никто изъ современниковъ, видѣвшихъ великаго поэта, не говоритъ объ этомъ, свидѣтельствуя, что некрасивое лицо поэта было полно внутренней красоты.

По свидѣтельству И. И. Лажечникова («Сочиненія», Спб., 1883 г., т. VII, стр. 234), познакомившагося съ Пушкинымъ въ 1819 г., это былъ «молодой человекъ, худенькій, небольшого роста, курчавый, съ арабскимъ профилемъ». По описанію Бантыша-Каменскаго («Словарь достопамятныхъ Россіянъ»), Пушкинъ былъ средняго роста, худощавый, имѣлъ въ младенчествѣ бѣлокурые, курчавые волосы, сдѣлавшіеся потомъ темно-русыми, глаза свѣтло-голубые, улыбку насмѣшливую и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятную; носилъ на умномъ лицѣ отпечатокъ африканскаго своего происхожденія, которому соответствовали живость и пылкость характера, раздражительнаго, но добраго, услужливаго, чувствительнаго. Онъ въ особенности отличался большими своими бакенбардами и длинными ногтями, которыми щеголялъ. Любезность, острый умъ, необыкновенная память и заманчивый, веселый разсказъ, — дѣлали его украшеніемъ — душою общества».

И. С. Тургеневъ писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «помню его смуглое, небольшое лицо, его африканскія губы, оскаль бѣлыхъ, крупныхъ зубовъ, висячіе бакенбарды, темные, желчные глаза подъ высокимъ лбомъ, почти безъ бровей — и кудрявые волосы»... (Сочин., т. XII, изд. Маркса). «Лицо его — матовое, сжуженное книзу, съ русыми бакенами и обильными кудрями волосъ — врѣзилось въ мою память — и доказало мнѣ въ послѣдствіи, какъ вѣрно изобразилъ его Кипренскій на извѣстномъ портретѣ (Изъ письма И. А. Гончарова А. Θ. Кони, «Русск. Стар.», 1899 г., V, стр. 265).

Первый изъ извѣстныхъ портретовъ Пушкина относится къ юной порѣ жизни поэта и сдѣланъ, по однимъ источникамъ, учителемъ рисованія въ лицей С. Г. Чириковымъ, по другимъ — К. П. Брюлловымъ. Гравюра съ этого портрета, рѣзанная Гейтманомъ, была приложена къ изданію «Кавказскаго Плѣнника» (1822) ²⁾.

¹⁾ Н. И. Павлищевъ въ своихъ «Воспом.» утверждаетъ, что выраженіе «cheveux blancs» употреблено, по признанію самого поэта, «лишь для рѣимы, на самомъ дѣлѣ волосы у Пушкина никогда не были бѣлокурыми». Это утвержденіе, однако, опровергается показаніями другихъ современниковъ (Л. Майковъ, прим. къ Акад. изд., т. I, стр. 169) и письмомъ самого Н. И. Павлищева къ Д. Н. Анучину (см. книгу Анучина «А. С. Пушкинъ», стр. 32—33).

²⁾ «Александръ Пушкинъ мастерски литографированъ, но, не знаю, похожъ-ли», писалъ Пушкинъ Гнѣдичу изъ Кишинева.

Слѣдующій по времени портретъ Пушкина въ лицейскомъ мундирѣ долгое время былъ неизвѣстенъ и появился въ печати лишь въ 1887 году³⁾. Оригиналъ неизвѣстнаго художника принадлежалъ директору лицея Е. А. Энгельгардту.

Въ 1820 году художникомъ Жюлемъ Верне (J. W.)⁴⁾ написанъ карандашомъ новый портретъ поэта.

Къ 1821 г. относится портретъ Гейдена (изображеніе Пушкина на портретѣ, однако, представляется сомнительнымъ).

Къ этому же времени принадлежит карандашный портретъ, сдѣланный самимъ поэтомъ во время пребыванія въ Крыму⁵⁾.

Въ 1827 г. появляются два портрета Пушкина масляными красками; первый работы В. А. Тр о п и н и н а (по заказу Соболевскаго, которому хотѣлось имѣть изображеніе поэта такимъ, «какъ онъ есть, какъ онъ бывалъ чаще, не притлаженнымъ и припомаженнымъ»). По свидѣтельству Н. А. Полевого, «сходство портрета съ подлинникомъ поразительно», но «художникъ не могъ совершенно схватить быстроты взгляда и живого выраженія лица поэта⁶⁾. Тогда же, по заказу А. А. Дельвига, А. О. К и п р е н с к і й написалъ свой хорошо извѣстный портретъ Пушкина. По словамъ Булгарина, «это живой Пушкинъ», поразительное сходство портрета съ оригиналомъ подтверждается и И. А. Гончаровымъ (см. выше) и отцомъ поэта, С. Львовичемъ. По мнѣнію Кукольника, въ портретѣ «пушкинской простоты не видно». (Послѣ смерти Дельвига, Пушкинъ приобрѣлъ у его вдовы этотъ портретъ). Съ портрета Кипренскаго сдѣлана дважды широко-распространенная гравюра на стали Н. Н. Уткинымъ⁷⁾. Эта гравюра, по словамъ П. А. Ефремова, считается лицейскими товарищами Пушкина и людьми близко его знавшими, самымъ схожимъ изъ всѣхъ существующихъ изображеній великаго поэта». (Есть и противоположныя мнѣнія).

Въ 1830 г. писалъ акварелью портретъ Пушкина П. Ѳ. Соколовъ. По мнѣнію Сергѣя Львовича Пушкина, въ портретѣ «много отступленій отъ вѣрности и сходства»⁸⁾. Противоположнаго мнѣнія держался фотографъ Левицкій, знавшій Пушкина въ 1832 г. Приблизительно къ этому же времени⁹⁾ относится портретъ П., писанный К. П. Б р ю л л о в ы м ъ. Позднѣе (1835 г.), писалъ портретъ Пушкина художникъ М а з е р ъ. Портретъ работы художника И. Л. Л и н е в а былъ неизвѣстенъ до 1887 г., когда онъ былъ реставрированъ и принесенъ въ даръ лицейскому музею. Послѣдній изъ написанныхъ при жизни поэта портретовъ, принадлежит Р а й т у (Wright). Въ гравюрѣ самого художника портретъ предназначался для предполагавшагося изданія сочиненій Пушкина, но появился лишь при изданіи 1859 г. Великій поэтъ лежалъ въ гробу, когда его черты зарисовали художники: О. А. Б р у н и, его ученикъ К. П. М о к р и ц к і й и, ученикъ Брюллова, А. А. К о з л о в ъ; съ посмертной маски¹⁰⁾ написанъ портретъ Э. Ж у к о в с к о й.

Кромѣ этихъ портретовъ еще при жизни Пушкина появились довольно многочисленныя литографіи съ упомянутыхъ гравюръ Гейтмана и Уткина¹¹⁾, литографія Гипіуса (1823 г.) и сдѣланная въ Лондонѣ, по заказу Смирдина, гравюра, приложенная къ V тому изданія «Сто р. литераторовъ» (Спб., 1839). Къ этому пе-

³⁾ Появился въ лицейскомъ сборникѣ въ память 50-лѣтія А. С. П—а. Приложенъ къ 1-му тому Акад. изд. Пушкина.

⁴⁾ Появился въ первый разъ при III т. соч. Пушк., изданныхъ «Литературнымъ Фондомъ». Спб. 1887 г.

⁵⁾ Былъ приложенъ при сочиненіяхъ П—а, изд. Анскимъ.

⁶⁾ Исторія портрета, попавшаго на рынокъ, см. въ книгѣ С. Ф. Либровича: «Пушкинъ въ портретахъ», стр. 20—24.

⁷⁾ Приложена въ первый разъ къ альманаху «Сѣверные Цвѣты» на 1828 г.

⁸⁾ Воспроизведена впервые въ «Альбомѣ пушкинской выставки».

⁹⁾ «Портретъ мой Брюлловъ напишетъ на-дняхъ» (Нащок., янв., 1832).

¹⁰⁾ Маска была снята на другой день смерти поэта.

¹¹⁾ Вторая гравюра Уткина сдѣлана въ 1838 г.

речню слѣдуетъ прибавить изображенія поэта на картинахъ: Чернецова «Парадъ на Царицыномъ Лугу» (на картинѣ въ числѣ зрителей: Пушкинъ, Крыловъ, Жуковскій и Гнѣдичъ); неизвѣстнаго художника «Субботнее собраніе у Жуковскаго» (Пушкинъ, Одоевскій, Крыловъ, Жуковскій, Гоголь, Кольцовъ); «Пушкинъ и Онѣгинъ на берегу Невы», гравюра Гейтмана (по наброску карандашомъ, сдѣланному самимъ поэтомъ¹²). Другіе портреты, появившіеся въ значительномъ количествѣ послѣ смерти поэта, являются или вариацией упомянутыхъ, или грубымъ искаженіемъ чертъ поэта; исключеніе составляетъ офортъ акад. Л. Е. Дмитриева-Кавказскаго, пытавшагося дать «идеальный» портретъ Пушкина.

Изъ картинъ, изображающихъ поэта въ различной обстановкѣ его жизни, укажемъ: Н. Н. Ге, «Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ». Жизнь Пушкина въ Михайловскомъ послужила также темой для ряда картинъ художника В. Максимова. Пребыванію въ Крыму поэта посвященъ рядъ полотенъ Айвазовскаго («Пушкинъ на берегу южнаго Крыма, въ Гурзуфѣ, у скалъ Аюдага и др.). Тотъ же Айвазовскій вмѣстѣ съ И. Е. Рѣпинымъ дали картину «Пушкинъ на берегу Чернаго моря» («Прощай, свободная стихія!»). Кисти Рѣпина принадлежитъ законченная въ 1911 г. большая картина: «Пушкинъ на лицейскомъ экзаменѣ», М. Клодту: «Гоголь, читающій Пушкину «Мертвыя Души». Послѣдняя дуэль Пушкина представлена нѣсколькими картинами (А. Волкова, К. Чичагова, А. Наумова). Перевозъ тѣла Пушкина въ Святые Горы», этюдъ Наумова.

На пушкинскіе сюжеты писали: Крамской («У лукоморья дубъ зеленый»); Брюлловъ («Бахчисарайскій Фонтанъ»); Мясоѣдовъ и Кившенко («Бор. Годуновъ»); Рѣпинъ (Дуэль Онѣгина съ Ленскимъ, Донъ-Жуанъ и Дона-Лаура); К. Маковскій («Русалки»); М. Клодтъ (Татьяна); Крюковъ («Моцартъ и Сальери»); Шустовъ («Марія и утро казни Кочубея»); Шрейдеръ («Бѣсы»). Иллюстраціями къ пушкинскому тексту занимались: П. Соколовъ («Евгеній Онѣгинъ», «Капит. Дочка»); Самокишъ-Судковская («Е. Онѣгинъ»); Э. О. Визель («Дубровскій»); О. Соллогубъ («Сказка о Золотомъ Пѣтушкѣ»); А. Бенуа («Пиковая Дама», «Мѣдный Всадникъ»); В. В. Гельмерсепъ («Выстрѣлъ»); А. Васнецовъ («Олегъ Вѣщій»); В. Суреньянцъ («Бахчис. Фонтанъ») и др.

Предпринятое фирмой Брокгаузъ-Ефронъ изданіе сочиненій Пушкина, подъ редакціей С. А. Венгерова, даетъ огромную коллекцію картинъ, рисунковъ и портретовъ изъ жизни Пушкина и его эпохи. Подробно знакомитъ съ Пушкинымъ въ живописи книга С. Ф. Либровича: «Пушкинъ въ портретахъ», Сиб. 1890. См. также «Альбомъ пушкинской выставки», М. 1880. П. Н. Ге. «Поэзія П—а и русск. пластическое искусство». Сборникъ «Жизни». «Альбомъ пушкинской выставки», изд. К. А. Ф и ш е р а. М. 1899. Фирмой Голике и Вильборгъ изданъ рядъ иллюстрированныхъ роскошныхъ изданій отд. произведеній Пушкина.

б) Скульптура.

Когда въ Москвѣ въ 1836 г. хотѣли лѣпить бюстъ поэта, Пушкинъ писалъ женѣ, что онъ противъ этого, «тутъ арапское мое безобразіе, предано будетъ безсмертію во всей своей мертвой неподвижности» (Женѣ, май, 1836 г.). По всей вѣроятности, это обстоятельство и явилось причиной, почему при жизни Пушкина не было сдѣлано съ него ни одного скульптурнаго изображенія. Лишь послѣ кончины поэта появляются скульптурныя изображенія Пушкина, работы Гальберга, Витали, Терebeneва, Рамазанова, но всѣ они (за исключеніемъ, быть можетъ, работы Гальберга¹³), вылѣплены не съ натуры.

¹²) «Невскій Альманахъ», 1829 г.

¹³) Лучшій, по отзывамъ современниковъ, бюстъ Пушкина работы Гальберга вышелъ изъ мастерской художника послѣ смерти поэта.

Появленіе новыхъ скульптурныхъ работъ, относящихся къ Пушкину, начинается лишь съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда въ кругу лицействовъ явилась мысль о постановкѣ лицейскаго памятника поэту въ Царскомъ Селѣ, открытіе котораго приурочивалось къ 50-лѣтней годовщинѣ лицея.

Художники Лаврецькій, Бахманъ, Шредеръ и Пименовъ составили проекты памятника, и былъ открытъ сборъ пожертвованій. Прошло десять лѣтъ, а дѣло нисколько не двинулось впередъ. Въ 1870 г., по предложенію бывшаго лицеиста, Я. К. Грота, учреждается особый комитетъ, членами котораго явились воспитанники первыхъ выпусковъ лицея. Комитетъ вскорѣ остановился на мысли соорудить не лицейскій, а всероссійскій памятникъ Пушкину. Мѣстомъ постановки была избрана Москва — родина великаго поэта; тогда же была (1873 г.) открыта всероссійская подписка и объявленъ конкурсъ. На конкурсъ было представлено 15 моделей, но изъ нихъ ни одна не удовлетворяла требованіямъ программы». На второмъ конкурсѣ первыя преміи получили работы Опекушина, Забѣлло и Баха¹⁴⁾. По модели Опекушина и былъ отлитъ памятникъ поэту, открытый лишь 6 іюня 1880 г. Стоимость памятника 87,5 т. р. Всего же было собрано по подпискѣ свыше 100 т. р. Остатокъ (около 20 т. р.) былъ обращенъ на учрежденіе пушкинской преміи при Академіи Наукъ¹⁵⁾. (Исторію постановки памятника, см. у Грота: «Пушкинъ и его лицейскіе товарищи», стр. 163—173). Въ 1884 г. открытъ памятникъ Пушкину въ Петербургѣ (работы того же Опекушина)¹⁶⁾; въ 1884 г. сооружаетъ такой же памятникъ Кишиневъ (проектъ того же Опекушина); въ 1889 г. ставятъ памятникъ «граждане Одессы» (бюстъ Ж. А. Полонской); въ 1892 г. — Тифлисъ; въ 1889 г. — Житомиръ и Кіевъ; въ 1900 г. въ Ц. Селѣ ставится памятникъ Пушкину (раб. Баха) и въ Вильнѣ; въ 1901 г. въ Екатеринославѣ; въ 1904 г. въ Харьковѣ.

¹⁴⁾ Надъ проектами достойнаго Пушкина памятника работали также Шредеръ, Пименовъ, Антокольскій, позднѣе Микѣшинъ. Осуществленіе получилъ лишь опекушинскій проектъ.

¹⁵⁾ Если даже «всероссійскій» памятникъ въ Москвѣ является бѣднымъ и не величественнымъ, то всѣ другіе памятники производятъ еще меньше впечатлѣніе. Всероссійскій памятникъ стоилъ 87½ т. р., на постановку пушкинскихъ статуэтокъ въ Петербургѣ было ассигновано 10 т. р., въ Одессѣ 6½ т. р.

¹⁶⁾ Въ 1899 г. разрѣшена повсемѣстная подписка на новый памятникъ Пушкину въ Петербургѣ.

Пушкинъ и цензура.

Почти ни одно произведеніе великаго поэта не смогло появиться въ печати въ томъ самомъ видѣ, какъ оно вышло изъ-подъ его пера. «Руслянь» былъ «поневолю» пропущенъ цензурой и «благополучно» съѣхалъ изъ-подъ Бирюкова», но поэтъ сомнѣвался, не заградить ли цензура «пути второму его пришествію. (Гпѣд., 1822 г.). Кишиневскіе шпіоны слѣдили за Пушкинымъ, доноси о каждомъ его шагѣ; петербургская цензура боялась имени опальнаго поэта больше, нежели его пьесъ. «Кавказскій Плѣнникъ» подвергся мелкимъ цензурнымъ придиркамъ; въ немъ были сдѣланы «чисто стилистическія поправки, хотя эстетика и не ея (цензуры) дѣло», писалъ поэтъ. Отправляя рукопись «Бахчисарайскаго Фонтана» своему «покровителю въ цензурѣ», кн. Вяземскому, поэтъ проситъ «не уступать». «Отгрызайся за каждый стихъ и загрызи ее, если возможно въ мое воспоминанье». «Слѣды роковыхъ ея когтей» Пушкинъ увидѣлъ, однако, и въ «Бахч. Фонтанѣ». Погруженный въ работу надъ первой главой «Онѣгина», поэтъ менѣе всего думалъ о печати. «Пишу спустя рукава; цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно размѣрить круга своего дѣйствія. Лучше о ней и не думать» (Вяз., 1823 г.). Упованія на смѣну Голицына Шишковымъ не оправдались: все осталось «при старомъ—по-старому» (Вест., 1824 г.); оставался въ силѣ тотъ же вопросъ: «пустятъ ли бѣднаго Онѣгина въ небесное царствіе печати?» (А. Тург., 1824 г.).

Усиленный цензурный надзоръ за пьесами, предположенными къ печати, «негласное» полицейское «смотрѣніе» за каждымъ шагомъ поэта, за каждой строкой его писемъ окружаютъ Пушкина.

Несмотря на всѣ эти стѣсненія, пушкинскіе стихи расходятся въ тысячахъ списковъ и опальному поэту приписываются даже такія пьесы, которыхъ онъ не писалъ. Добровольные сыщики пишутъ доносы на поэта, предлагая, подобно Скобелеву, «спустить съ сочинителя нѣсколько клочковъ шкуры», или, подобно Каразину, предостерегаютъ правительство «отъ грозящей ему опасности», указывая даже на пропущенныя цензурой пушкинскія пьесы. Переписка поэта, уже тогда убѣжденнаго, что «сходнѣ намъ въ Азіи писать по оказіи», подвергается перлюстраціи, и вскорѣ же невинныя строки пушкинскаго письма къ неизвѣстному въ Москву, перехваченныя московскимъ почтъ-директоромъ, обращаются въ орудіе наиболѣе удобнаго удаленія поэта со службы изъ Одессы и ссылки его въ Михайловское, подъ гласный надзоръ губернскаго начальства. Этотъ надзоръ распространился и на тѣхъ близкихъ къ поэту людей, которые имѣли мужество не порвать съ нимъ сношеній, какъ сдѣлали многіе «дальновидные друзья»; даже такой, искренне расположенный къ поэту, человѣкъ, какъ А. И. Тургеневъ, не совѣтовалъ кн. П. А. Вяземскому переписываться съ поэтомъ, чтобъ «не повре-

дять ему и себѣ» («Ост. Арх.», III). Пушкину, какъ и въ Кишиневѣ приходилось воочию убѣждаться, что «забвенье — естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго» (Гречу, 1821).

Декабрьскія событія застали Пушкина въ Михайловскомъ въ полномъ одиночествѣ. Его друзья и пріятели—Пущинъ, Кюхельбекеръ, Раевскіе, Бестужевъ, Рылѣевъ — были арестованы и находились подъ слѣдствіемъ. За сношенія съ опальнымъ поэтомъ, Дельвигъ былъ «взятъ въ подозрѣніе», за Плетневымъ установленъ секретный надзоръ и начато дѣло о сношеніяхъ его съ Пушкинымъ. Слѣдствіе по декабрьскому дѣлу, къ которому были привлечены лица даже сочувствовавшія мечтаніямъ декабристовъ, не смогло установить принадлежности Пушкина къ тайнымъ организаціямъ; тѣмъ не менѣе съ него берется подписка о благонадежности, тайный надзоръ тяготѣетъ надъ нимъ во все время пребыванія поэта въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и тогда, когда онъ уѣхалъ «безъ дозволенія» въ Грузію. Письма его, посланные по почтѣ, по-прежнему вскрываются даже въ послѣдніе годы его жизни (Письма женѣ, 1834—35 г.г.). Милость императора Николая Павловича, заявившаго, что онъ самъ будетъ цензоромъ поэта¹⁾, обратилась въ непосильную тяжесть: контроль общей цензуры смѣнился еще болѣе тягостной опекой шефа жандармовъ, требовавшаго представленія на просмотръ III Отдѣленія каждой строки «блистательнаго пера». Поэтъ былъ лишень даже права безъ разрѣшенія III Отдѣленія не только печатать, но и читать въ кругу литературныхъ друзей свои новыя произведенія, (какъ это было съ «Борисомъ Год.»), за чтеніе котораго до цензуры, Пушкинъ получилъ выговоръ отъ Бенкендорфа). За стихи, прежде ходившіе въ рукописи, возбуждается противъ Пушкина рядъ дѣлъ. Едва успѣваетъ закончиться дѣло объ Андреѣ Шенье, возникаетъ другое—о Гавриладѣ. Съ поэта берется новая подписка: ничего не печатать безъ разрѣшенія цензуры, не распространять ничего «безъ просмотра цензуры», и «никакихъ богохульныхъ сочиненій впредь не писать».

Третье Отдѣленіе, въ лицѣ гр. Бенкендорфа, выступаетъ не только въ роли цензора, но и критика поэта. «Прелестная пьеса», по выраженію гр. Бенкендорфа, «Гр. Нулинъ» благополучно проходитъ черезъ цензуру, за исключеніемъ двухъ стиховъ, которые «Государь желалъ видѣть измѣненными», но съ любимымъ созданіемъ поэта — «Борисомъ Годуновымъ» — начинаются цѣлыя мытарства. Комедію предлагаютъ Пушкину обратить въ романъ, «на манеръ Вальтеръ-Скотта»; производится цѣлый рядъ урѣзокъ и лишь въ 1830 г. послѣдовало разрѣшеніе приступить къ печати «Годунова», «подъ собственной отвѣтственностью автора» и согласно «замѣчаніямъ», сдѣланнымъ въ Третьемъ Отдѣленіи. Той же участи подвергаются и «Домикъ въ Коломнѣ», и «Фаустъ», и «Анжелю», пропущенные въ печать съ выкидками, «Мѣднѣй Всадникъ» и вовсе не смогъ увидѣть свѣта при жизни поэта, за исключеніемъ первой главы; та же участь постигла и многія мелкія стихотворенія. Хлопоты объ изданіи политической газеты не увѣнчались успѣхомъ: газета была разрѣшена, но вскорѣ же дозволеніе взято обратно. Въ «Современникѣ» не пропускалось къ печати большая часть статей самого издателя²⁾. Цензоръ Никитенко отмѣчаетъ въ своемъ Дневникѣ 1834 г., что «Пушкина жестоко жметъ цензура; тѣмъ не менѣе самъ поэтъ, даже въ ту пору, когда онъ, по выраженію Карамзина, служилъ подъ знаменами либералистовъ», ополчаясь прогигъ цензорскаго произвола («ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь», 1-ое посл. ценз.), считалъ цензуру законнымъ установленіемъ («Но цензоръ гражданинъ, и самъ его священный! Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный; онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ; но мнѣнья не тѣснить и разумъ терпитъ онъ»). Цензоръ въ идеалѣ, по воззрѣнію Пушкина, не кто иной, какъ «блюститель ти-

¹⁾ См. М. Сухомлиновъ, «Исслѣд. и статьи», т. I.

²⁾ Пушк. и его совр., вып. VI, стр. 4—20.

шины, приличія и нравовъ, не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ; закону преданный, отечество любя, принять отвѣтственность умѣетъ за себя; полезной истинѣ путей не заграждаетъ, живой поэзіи развиться не мѣшаетъ; онъ другъ писателю, предъ знатію не трусливъ, благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ» (Ibid). «Будь строгъ, но будь уменъ. Не просячь у тебя, чтобъ всѣ законныя преграды истребя, все мыслить, говорить, печатать безопасно ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно. Права свои храни по долгу своему; но скромной истинѣ, но мирному уму, и даже глупости невинной и довольной, не заграждай пути заставой своевольной» (2-ое Посл. Ценз.). Позднѣе Пушкинъ, болѣе чѣмъ кто-либо испытавшій гнетъ цензуры, защищалъ ея необходимость:

«Мысль — великое слово! — писалъ онъ. — Что-жъ и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль? Да будетъ же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ. «Мы въ томъ и не споримъ, говорятъ противники цензуры. Но книги, какъ и граждане, отвѣтствуютъ за себя. Есть законы для тѣхъ и для другихъ. Къ чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдетъ изъ типографіи, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить къ заключенію или къ положенному штрафу». — «Но мысль уже стала гражданиномъ, уже отвѣтствуетъ за себя, какъ скоро она родилась и выразилась. Развѣ рѣчь и рукопись не подлежатъ закону? Всякое правительство въ правѣ не позволять проповѣдывать на площадяхъ, что кому въ голову придетъ, и можетъ остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны перомъ, а не тиснуты станкомъ типографическимъ. Законъ не только наказываетъ, но и предупреждаетъ. Это даже его благодѣтельная сторона. — Дѣйствіе человѣка мгновенно и одно; дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое («Мысли на дорогѣ», X. Ср. «Разговоръ»). Но тотъ же Пушкинъ горячо возставалъ противъ мнѣнія, будто бы цензуры должны проникать всѣ ухищренія пишущихъ», ибо «цензура есть установленіе благодѣтельное, а не притѣснительное; она есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго, а не докучливая нянька, слѣдующая по пятамъ шаловливыхъ ребятъ», («Мнѣніе М. Е. Лобанова»). Русская цензура не оказалась на высотѣ идеальныхъ требованій Пушкина и, благодаря ей, многія произведенія поэта въ теченіе долгихъ лѣтъ, не могли появиться въ печати, на долгіе годы было задержано изученіе Пушкина. Цензурный гнетъ, преслѣдовавшій всю жизнь поэта, послѣ его смерти съ новой силой обрушился на его безсмертныя произведенія.

Тотчасъ же, вслѣдъ за кончиной Пушкина, по повелѣнію Императора Николая I, Жуковскій приложилъ печати къ дверямъ пушкинскаго кабинета. 7 февраля 1837 г. всѣ письма, рукописи и бумаги умершаго, въ присутствіи Жуковскаго и Дуббелъта, сложили въ два сундука; оба сундука, опечатанные печатями, Жуковскаго и Штаба корпуса жандармовъ, были отправлены на квартиру Жуковскаго, гдѣ и поставлены въ особенной комнатѣ. Ключи отъ сундуковъ хранились у Дуббелъта, а дверь комнаты была запечатана тѣми же двумя печатями. На слѣдующій день было приступлено къ разбору бумагъ, и 27 февраля составлена ихъ полная опись, при чемъ большинство бумагъ, согласно волѣ Государя, было вручено Жуковскому¹⁾, который вошелъ въ число опекуновъ, учрежденной въ февралѣ 1837 г., опеки надъ малолѣтними дѣтьми А. С. Пушкина²⁾. Одно-

¹⁾ Найденыя въ бумагахъ «секретныя записки о жизни и смерти Екатерины II, Императоръ Николай оставилъ у себя; бумаги и рукописи кня. В. В. Долгорукова и А. И. Тургенева возвращены ихъ владѣльцамъ.

²⁾ Членами опеки были назначены: Жуковскій, гр. П. Строгановъ и Отрѣшковъ (см. «Списокъ»). Послѣ отъѣзда за-границу Жуковскаго и выхода «по разстроенному здоровью» гр. Строганова, ихъ замѣнили: П. Ланской и гр. Вельгорскій.

временно съ этимъ Бенкендорфъ извѣстилъ Жуковскаго, что Государь «соизволяетъ на открытіе подписки на полное изданіе всѣхъ до нынѣ извѣстныхъ печатныхъ сочиненій г. Пушкина, въ стихахъ и прозѣ, съ тѣмъ, чтобы новое сіе изданіе было напечатано не иначе, какъ съ разрѣшенія цензуры установленнымъ порядкомъ».

Такимъ образомъ первое посмертное изданіе являлось «полнымъ собраніемъ» лишь тѣхъ сочиненій великаго поэта, которыя были уже напечатаны при его жизни, съ разрѣшенія цензуры. Новое изданіе должно было печататься «подъ особымъ наблюденіемъ министра Народнаго Просвѣщенія» (въ вѣдомствѣ котораго состояла цензура) и вышло (Спб., 1838 г. 8 т.) «по истинѣ безобразнымъ», съ массой пропусковъ, опечатокъ, поправокъ и искаженій пушкинскаго текста, не полнымъ, даже въ указанномъ объемѣ. Небрежно проредактированное и отпечатанное, оно производило грустное впечатлѣніе. Вскорѣ же (1841 г.) появились три дополнительныхъ тома (9—11). Къ началу 1846 года и этого «безобразнаго во всѣхъ отношеніяхъ и дорогого по цѣнѣ¹⁾ изданія осталось лишь незначительное количество экземпляровъ. Въ 1850 г. опекуны просили вновь высочайшаго соизволенія на напечатаніе новаго изданія, каковое они полагали выпустить «собственными средствами», повторивъ первое изданіе, съ измѣненіемъ порядка распредѣленія статей и «дополненіемъ нѣкоторыми стихотвореніями», уже бывшими въ печати. Такихъ пьесъ опекуны (гр. Віельгорскій и П. Ланской, замѣнившій ушедшаго на покой гр. Строганова) въ 1850 г. нашли всего лишь три. Но и изъ этихъ трехъ шефъ-жандармовъ разрѣшилъ печатать двѣ, а третью, какъ «совершенно пустое стихотвореніе», изъ печати вовсе исключить²⁾.

При такомъ отношеніи къ наслѣдію, оставленному великимъ русскимъ поэтомъ, пришлось взяться за новое изданіе сочиненій Пушкина П. В. Анненкову, которому опека передала право на изданіе сочиненій Пушкина, а вдова поэта Н. Н. Пушкина-Ланская предоставила въ распоряженіе рукописи и бумаги. Началась длинная канцелярская волокита. Представленные Анненковымъ въ цензуру рукописи министръ народнаго просвѣщенія, А. Норовъ, передалъ попечителю Спб. Учебнаго Округа, Мусину-Пушкину, для разсмотрѣнія ихъ въ цензурномъ комитетѣ. Попечитель, въ свою очередь, поручилъ просмотръ рукописи цензору Фрейгангу. Послѣдній отнесся къ порученному ему дѣлу съ такою ретивостью, что даже попечитель не могъ согласиться со взглядами своего чиновника; но министръ Просвѣщенія, особому наблюденію котораго поручалось въ 1837 г. первое изданіе сочиненій Пушкина, въ 1855 г. счелъ необходимымъ прежде всего вновь запросить шефа жандармовъ: не представляется ли надобность, приготовленные Анненковымъ къ печати, рукописи «повергнуть» «прежде отпечатанія на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе». Осторожный Норовъ отдаетъ приказъ цензорамъ «не выставлятъ до времени цензурнаго одобренія и принять мѣры, чтобы мѣста, которыя окажутся подлежащими къ исключенію, были бы не вычеркиваемы, а указаны инымъ какимъ-либо образомъ». Министръ Просвѣщенія считалъ свои предположенія тѣмъ болѣе основательными; что самъ сомнѣвался, слѣдуетъ ли, чтобы новое изданіе являлось «дѣйствительно новымъ, а не перепечаткой предыдущаго, Высочайше дозволеннаго семнадцать лѣтъ назадъ къ печати». Норовъ сомнѣвался даже, можетъ ли быть допущено изданіе сочиненій Пушкина въ исправленномъ видѣ на основаніи общихъ цензурныхъ правилъ, и трудъ Анненкова препроводилъ въ знаменитое III-е отдѣленіе. Шефъ жандармовъ, гр. Орловъ, однако, успокоилъ министра, увѣдомивъ, что новое изданіе сочиненій Пушкина можетъ быть

¹⁾ Цѣна по подпискѣ за 8 томовъ была назначена въ 50 руб. асс.

²⁾ 1) «На кончину Кутузова». 2) «Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ, не смѣю, не могу волненіямъ любви безумно предаваться; 3) «Когда-бъ не смутное влеченье чего-то жаждущей души».

допущено въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, но не иначе, какъ послѣ испрошенія самимъ министромъ высочайшаго соизволенія. При этомъ III-е отдѣленіе отмѣчало, что «собирая сочиненія Пушкина, Анненковъ исполнилъ это съ должною осторожностью. Онъ не только исключилъ тѣ, извѣстныя въ свое время стихотворенія и эпиграммы, въ которыхъ Пушкинъ обнаруживалъ вольномысліе» или «которыя направлены были лично противъ кого-либо», но даже исключилъ «нѣсколько напечатанныхъ уже прозаическихъ статей, относящихся до мелкой журнальной полемики того времени». Однако, даже такая похвала и осторожность самого редактора не спасли анненковское изданіе отъ опеки III-го отдѣленія; въ анненковскую работу все-таки проскользнули мѣста «подлежащія исключенію», которыя не могли бытъ дозволены «только потому, что въ нихъ или допущены «невѣрныя толкованія историческихъ событій», «неприличные отзывы о нѣкоторыхъ сословіяхъ», «восхваляется вино и сладострастіе», или находятся простонародныя выраженія, или поэтъ упоминаетъ о заблужденіяхъ своей молодости и объ удаленіи его въ южный край¹⁾).

Въ октябрѣ 1854 г. на докладъ министра просвѣщенія послѣдовала Высочайшая резолюція: «согласенъ, но въ точности исполнить, не допуская отнюдь никакихъ неумѣстныхъ прибавокъ редактора.

При такихъ условіяхъ начало печататься, вышедшее спустя 17 лѣтъ послѣ кончины поэта (Спб. 1855 г. 6 т.), анненковское изданіе. «Русскіе, любившіе Пушкина, какъ честь своей родины, какъ одного изъ вождей ея просвѣщенія,—писалъ Добролюбовъ въ 1858 г.,—давно уже пламенно желали новаго изданія его сочиненій, достойнаго его памяти, и встрѣтили предпріятіе Анненкова съ восхищеніемъ и благодарностью» (сочин. III, 366). Но цензурныя гоненія на Пушкина не прекращались. До какой степени цензурное вѣдомство смотрѣло косо на все, что касалось Пушкина, свидѣтельствуетъ инцидентъ съ романомъ Е. Лунскаго (Софіи Келлеръ) «А. С. Пушкинъ», романъ для дѣтей». Цензоръ Фрейгангъ нашель, что романъ съ исключеніями можетъ бытъ допущенъ къ печати; съ цензоромъ согласился цензурный комитетъ, но попечитель Пет. округа, Мусинъ-Пушкинъ считалъ, что «романъ представляетъ въ цензурномъ отношеніи не малое затрудненіе, такъ какъ здѣсь описываются почти современные намъ случаи изъ жизни Пушкина, которые едва ли умѣстны въ романѣ, особенно назначенномъ для дѣтей, какъ-то: изгнаніе, т.-е. отправленіе въ псковскую губернію для жительства тамъ подъ надзоромъ мѣстнаго начальства, пребываніе его на Кавказѣ, далѣе дуэль, трагическая смерть» и т. д.

Не меньшія мытарства въ цензурномъ вѣдомствѣ пришлось испытать тому же Анненкову съ дополнительнымъ томомъ сочиненій Пушкина, куда вошли «матеріалы для біографіи поэта» (см. ст. Анненкова въ «Вѣстн. Евр.», 1881 г., № 1); по разсказу П. Ефремова («Русск. Ст.», 1879 г., XII, 729), просмотръ изданія былъ порученъ чиновнику особыхъ порученій при министрѣ, признавшему недопустимой пьесу «Оленькѣ Массонъ», потому что въ ней смѣшанъ православный обрядъ съ мифологической богиней». Чиновникъ этотъ былъ не кто иной, какъ поэтъ Н. Θ. Щербина, а товарищемъ министра, которому изготовлялъ свой докладъ Щербина — кн. П. А. Вяземскій; наряду съ этимъ, цензоръ, И. А. Гончаровъ, безпрепятственно пропускалъ въ печать, нѣсколько разъ запрещаемую раньше пушкинскую статью о Радищевѣ, считая ее «любопытнымъ историческимъ этюдомъ»; въ то же время опубликованіе неизданныхъ сочиненій и писемъ поэта, работа изслѣдователей и собирателей долгое время всячески за-

¹⁾ Въ числѣ такихъ «невѣрныхъ толкованій исторій» выставялся отзывъ Пушкина о вольности древняго Новгорода и о покореніи его Іоанномъ III болѣе обманомъ, нежели войною». Къ числу «простонародныхъ выраженій» отнесены: «мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть» и «Не женщины любви насъ учатъ, а первый пакостный романъ», или «Вальтеръ Скоттъ не имѣетъ лакейскаго пристрастія къ гербамъ» и т. д. «Арх. 3-ьяго Отдѣл.». Дѣло о Пушкинѣ. Спб. 1905 г. Изд. С. Сухонина.

труднялись и со стороны цензурнаго вѣдомства и со стороны наслѣдниковъ Пушкина. Цензура съ прежнимъ упорствомъ продолжала вымарывать «неудобныя строки» въ произведеніяхъ великаго поэта, цензурные чиновники доносили на пропускъ «неблагонамѣренныхъ» сочиненій Пушкина, а стоявшій во главѣ цензурнаго вѣдомства, ближайшій другъ Пушкина, князь П. А. Вяземскій, находилъ что въ перепискѣ Пушкина «есть много личностей и неприличностей», и это цензура должна имѣть въ виду». Съ другой стороны наслѣдники искали опоры въ томъ самомъ цензурномъ вѣдомствѣ, которое причинило столько непріятностей поэту. «Согласіе наслѣдниковъ» потребовало въ концѣ концовъ Главное Управленіе цензуры даже для пропуска упомянутаго романа С. Келлеръ; вслѣдствіе ходатайства тѣхъ же наслѣдниковъ объявлялись «строгіе выговоры» цензорамъ и просто «выговоры» редакторамъ подцензурныхъ изданій, помѣстившимъ новооткрытыя произведенія Пушкина ¹⁾.

Седьмой дополнительный томъ анненковскаго изданія, послѣ долгихъ цензурныхъ мытарствъ, наконецъ смогъ появиться въ печати, но и то «съ нѣкоторыми исключеніями»; не спасла ни «осторожность» редактора, ни докладъ цензора, И. А. Гончарова, полагавшаго, что книгу можно разрѣшить къ печати «безъ всякихъ измѣненій».

Въ 1862 г. истекалъ срокъ собственности на литературное наслѣдіе великаго поэта, и сочиненія его должны были стать общимъ національнымъ достояніемъ; но, по ходатайству вдовы Н. Н. Пушкиной-Ланской, просившей въ 1856 г. предоставленія исключительнаго права печатанія сочиненій Пушкина ея двумъ сыновьямъ «до конца ихъ жизни» ²⁾, гр. Блудовъ изготавилъ докладъ о продленіи вообще срока авторскаго права въ Россіи до 50-ти лѣтъ. Докладъ вызвалъ одобреніе Государя и тому же Блудову было поручено составить законопроектъ объ авторскомъ правѣ для внесенія въ Госуд. Совѣтъ. Въ 1857 г. этотъ проектъ сталъ закономъ, согласно которому право литературной собственности сохраняется за наслѣдниками въ теченіе 50-ти лѣтъ со дня кончины автора. Подъ дѣйствіе новаго закона и были подведены права наслѣдниковъ поэта. Во время этого срока бумаги и рукописи Пушкина, находившіяся въ исключительномъ владѣніи наслѣдниковъ, являлись почти недоступными для изслѣдователей; лишь въ 1880 г. сынъ поэта, А. А. Пушкинъ, передалъ ихъ на сохраненіе Румянцевскому музею, ограничивъ пользованіе рукописями условіемъ «предварительнаго разрѣшенія со стороны наслѣдниковъ». Все это вмѣстѣ взятое надолго задержало изученіе Пушкина и распространеніе его произведеній въ массѣ. (См. стр. 287-ую «И с т о ч н и к и»: «Сочиненія Пушкина»).

Въ теченіи всего девятнадцатаго вѣка цензурныя условія были таковы, что изслѣдователямъ и комментаторамъ Пушкина приходилось стоять предъ запрещеніями всякаго рода: доступъ въ архивы былъ закрытъ, опубликованіе новыхъ данныхъ встрѣчало на каждомъ шагу препятствія со стороны цензуры; многія пушкинскія страницы представлялись все еще «сомнительными въ цензурномъ отношеніи»; цѣлыя полосы жизни и творчества поэта вычеркивались изъ области изслѣдованія.

¹⁾ Сынъ поэта, Г. А. Пушкинъ, въ просьбѣ къ министру просвѣщенія писалъ, что «произвольное изданіе» рукописей его отца «есть совершенное нарушеніе всякаго приличія и самаго цензурнаго устава» и просилъ «сдѣлать распоряженіе, дабы цензура» «не одобряла къ печати записокъ, писемъ и другихъ литературныхъ и семейныхъ бумагъ», безъ вѣдома и согласія «семейства». «Къ ист. журнала «Библ. Зап.», «Пушк. и его совр.», VI, 40—41. Переписка поэта долгое время не включалась ни въ одно изданіе сочиненій Пушкина и собрана была впервые П. А. Ефремовымъ въ изданіи, вышедшемъ подъ его редакціей въ 1880 г. Переписка Пушкина съ женой была опубликована И. С. Тургеневымъ въ 1878 г. («Вѣстн. Евр.» № 1). Въ 1912 г. вышелъ третій томъ «переписки», ред. В. И. Савитова, обогащенной многими новыми письмами поэта.

²⁾ По цензурному уставу 1828 г. наслѣдники пользовались правомъ собственности въ теченіи 25-ти лѣтъ со дня кончины автора.

Исслѣдованія объ общественныхъ движеніяхъ 20-хъ годовъ ¹⁾, объ отношеніяхъ поэта ко многимъ его современникамъ, бумаги Третьяго Отдѣленія, подъ опекой котораго всю жизнь находился поэтъ ²⁾ и слѣдственное «дѣло» о дуэли съ Дантесомъ—все это долгое время не могло быть опубликовано ³⁾. Зассоренный по цензурнымъ условіямъ текстъ пушкинскихъ рукописей настоятельно требовалъ провѣрки; многіе недоумѣнные вопросы пушкинской біографіи напрасно ждали отвѣта—замѣны легендъ фактами.

Освобожденіе сочиненій Пушкина отъ монопольной зависимости наслѣдниковъ явилось въ то же время началомъ открытія рукописей великаго поэта для работы болѣе широкаго круга исслѣдователей; но только на рубежѣ и за рубежомъ двадцатаго вѣка стала осуществима давняя мечта: возможность всесторонняго изученія Пушкина и его эпохи. Новый, небывалый еще, интересъ къ Пушкину отмѣчаетъ наши дни, и во всей многогранной красотѣ возстаетъ величавый пушкинскій образъ на фонѣ прошлой эпохи, освѣщенной, наконецъ, свободой научнаго анализа. Новыя работы по изученію пушкинскаго текста на основаніи подлинныхъ рукописей (Венгерова, Щеголева, Якушкина и др.), по освѣщенію біографическихъ чертъ поэта и взаимоотношеній его къ современникамъ (Веселовскаго, Гершензона, Морозова, Модзалевскаго, Лернера, Саитова, Щеголева) историко-литературные и критическіе труды (Айхенвальда, Котляревскаго, Овсяннико-Куликовскаго и др.) уже внесли характерныя очертанія для абриса эпохи и центра ея—Пушкина. Въ помощь идетъ графика и фотографія. Собирается впервые (какъ въ изданіи Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова) галлерей пушкинскихъ типовъ и образовъ, дается иконографія самого поэта и его современниковъ; съ помощью фотографіи дѣлаются снимки съ рукописей, которыя такимъ образомъ становятся доступными для изученія все большаго и большаго круга лицъ. Съ общими выводами, съ синтезомъ приходится ждать,—ждать, по всей вѣроятности, довольно долгое время, и все-таки не услышать «последняго слова», ибо такія «последнія слова» могутъ имѣть отношеніе къ угасшему творчеству, а не къ вѣчно юному и вѣчно живому, дѣйственному генію Пушкина.

¹⁾ Исслѣдованія о «Зеленой Лампѣ», «Союзѣ Благоденствія» и тайныхъ обществахъ стали возможны лишь въ самое послѣднее время. Слѣдственное производство по дѣлу декабристовъ, хранящееся въ Государственномъ Архивѣ, до начала восьмидесятыхъ годовъ пр. ст. было совершенно недоступно для исслѣдователей. Большинство записокъ, воспоминаній и сочиненій декабристовъ увидѣло печатъ въ Россіи лишь съ наступленіемъ XX стол.

²⁾ «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ, подлинное военно-судное дѣло». Спб. 1900 г. Въ томъ же 1900 г. появились въ печати документы Государственнаго Спб. Главнаго архивовъ мин. ин. дѣлъ, касающіеся Пушкина. (Спб., изд. Н. А. Гастфрейнда). Новые матеріалы о дуэли опубликованы П. Е. Щеголевымъ въ очеркахъ «Ист. Вѣстн.» 1905 г. №№ 1—4. См. также въ его книгѣ «Пушкинъ», стр. 307—411. Изд. «Шиповника». Спб. 1912.

³⁾ Современные русскіе журналы кончинѣ Пушкина смогли посвятить лишь нѣсколько строкъ,—обходя молчаніемъ роковую дуэль; наоборотъ, именно этой дуэлью особенно заинтересовалась заграничная пресса. Изъ множества вадорныхъ «сенсационныхъ» замѣтокъ, появившихся за границей, нужно выдѣлить нѣсколько обстоятельныхъ характеристикъ русскаго поэта. Такъ во французской газетѣ «Globe» была напечатана статья «Александръ Пушкинъ», за подписью «одинъ изъ друзей Пушкина», принадлежавшая перу Мицкевича. «Пуля попавшая въ Пушкина была чудовищнымъ ударомъ для интеллектуальной Россіи», писалъ Мицкевичъ. (Переводъ этой статьи въ «Сборникѣ» журнала «Жизнь», стр. 166—173). Другой почитатель великаго поэта, французъ баронъ Лева Веймарсъ (см. въ «Дополненіяхъ»), въ «Journal de Debats» написалъ довольно подробный очеркъ жизни Пушкина; по самымъ цѣннымъ изъ заграничныхъ откликовъ, вызванныхъ кончилою великаго поэта, явилась, замѣчательная для иностранца, обстоятельная оцѣнка пушкинскаго творчества, данная Фарнгагеномъ-фонъ Энзе («Jahrbücher für Wissenschaftliche Kritik». 1838 j, oct.). Ср. М. А. Веневитиновъ. «Некрологи П—а въ нѣмецкихъ газетахъ». «Русск. Стар.» 1900 г., т. I, Н. В. Чарыковъ, «Извѣстіе о дуэли П—а, имѣющіяся въ Голландіи», «Пушк. и его совр.» вып. XI. Извѣстія изъ нѣкоторыхъ англійскихъ газетъ даны П. Ш. въ «Голосѣ Земли». 1912 г. № 20.

Группировка (классовая) пушкинских типов и образовъ.

Бояре: Басмановъ.—Воротынской.—Курбский.—Пушкины.—Шуйский.

Государи: Борисъ Годуновъ.—Гирей.—Димитрій (Самозванецъ).—Карль XII.—Петръ Великій.—Князь («Русалка»).

Военные:

а) гвардейцы: Владиміръ Z.—Дубровский.—Германнъ (инженеръ).—Ибрагимъ.—Минскій.—Нарумовъ.—Томскій.

б) армейцы: Андрей Карловичъ (генералъ).—Бурминъ.—Владиміръ Николаевичъ.—Гриневъ.—Иванъ Игнатьичъ.—Зуринъ.—Мироновъ.—«Плѣнникъ».—Швабринъ.

в) отставные: Бѣлкинъ.—Гриневъ-отець.—Дубровский-отець.—Сильвіо.—Троекуровъ.

Дворяне-помѣщики: Берестовы.—Бѣлкины.—Верейскій.—Гаврила Гавриловичъ.—Гриневъ.—Дубровский.—Ларинъ.—Ленскій.—Муромскій (англоманъ).—Онѣгинъ.—Спицынъ.—Троекуровъ.

Дворовые: Анисимъ.—Антонъ.—Егоровна.—Настя.—Савельичъ.—Филиппевна (няня Лариныхъ).

Казакѣ: Кочубей.—Мазепа.—Орликъ.—Пугачевъ.—Хлопуша.

Купцы: Мартынъ.

Монахи: Патріархъ.—Пименъ.—Мисаиль.

Музыканты: Моцартъ.—Сальери.

Педагоги-иностранцы: Abbe.—Бопре.—Гильо.—Гувернеры Р. Пелама.—Дерорри.—Дефоржъ.—Жаксонъ, миссъ.—Мими.

Писатели-поэты: М-те Сталь.—Францъ (мейнензингеръ).—Ленскій (поэтъ).—Чарскій.

Ремесленники: Прохоръ.—Шульць.

Рыцари: Альбертъ.—Альбертъ.—Баронъ (Филиппъ).—Герцогъ.

Сыны «дикой воли»:

а) Цыгане: Старый цыганъ.

б) Черкесы: Галубъ.—Тазитъ.

Чиновники: Выринъ.—Евгеній.—Исправникъ.—Тарасъ Григорычъ.—Сидорычъ.—Шабашкинъ.

Внѣ клас. группировки: Алеко.

Женскіе типы:

а) Воспитанницы: Лиза.—Лизавета Ивановна.

б) Свѣтское общество: Вольская.—Графиня ***.—Полина.—Татьяна (княгиня N).

в) Донна Анна.—Ксенія Годунова.—Марина Мнишекъ.—Марія.

г) «уфздныя барышни»: Лиза.—Марья Гавриловна.—Марья Ивановна (Миронова).—Ольга.—Татьяна.—Троекурова.

д) Лаура (актриса).—Мери, Луиза («погибшее, но милое созданье»).

е) Зарема.—Земфира.—Марія (Бахч. Фонт.).

ПРОТОТИПЫ.

Гриневъ. Въ первоначальныхъ наброскахъ—Башаринъ,—комендантъ ильинской крѣпости, приговоренный Пугачевымъ къ повѣшенію, и помилованный по просьбѣ солдатъ («Ист. Пуг. бунта», 1, 4). Подполковникъ Гриневъ, дѣйствовавшій противъ Пугачева, подъ командой ген. Мансурова, упоминается тамъ-же (I, 5). Отъ историческаго Гринева Пушкинъ взялъ лишь фамилію для своего героя.

Годуновъ, Борисъ. Относительно карамзинскаго Годунова, который, согласно господствовавшему долго мнѣнію Полевого и Бѣлинскаго, будто бы послужилъ прототипомъ пушкинскому Годунову, см. «Перечень»:—«Борисъ Годуновъ», стр. 260—261.

Графиня («Домикъ въ Коломнѣ») — См. ниже: «Графиня», стр. 39.

Демонъ. См. А. Н. Раевскій, «Списокъ», стр. 232; см. также «Прототипы»: Онѣгинъ.

Донна-Анна. Основываясь на томъ, что «Кам. Гость», въ извѣстной степени, есть личное признанье Пушкина, И. Щегловъ (И. Л. Леонтьевъ) относитъ пылкія рѣчи Жуана къ Доннѣ-Аннѣ къ ея оригиналу, Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой-Пушкиной («Новое о Пушкинѣ» Спб. 1902 г.).

Донъ-Жуанъ. Въ обширной литературѣ исторіи типа Д.-Ж., пушкинскій Жуанъ стоитъ совершенно особнякомъ. Это замѣтилъ еще Бѣлинскій, назвавъ Жуана «испанскимъ Фаустомъ». Проф. Н. Дашкевичъ отмѣчаетъ, что «особенность пушкинской обрисовки по сравненію съ предшествовавшими заключается въ наиболѣе человѣчномъ и глубокомъ пониманіи этого типа, безъ преувеличеній и крайностей въ его идеализации... У Пушкина Донъ-Жуанъ является эстетической натурою. Это не грубый искатель чувственныхъ наслажденій и одной внѣшней красоты, а мотылекъ, порхающій съ одного цвѣтка нѣжной женской любви къ другому, вдыхающій ароматъ и оцѣнивающій своеобразную прелесть каждаго изъ нихъ, ищущій въ нихъ жизни и души. Это эклектикъ любви... и притомъ способный къ полному духовному возрожденію». (Сборн. Имп. Унив. «Св. Владиміра» «Памяти Пушкина», стр. 135).

Ср. А. Н. Веселовскій. Этюды и характеристики. М. 1907 г. стр. 46—77; Е. Г. Браунъ. Лит. исторія типа Д. Ж. Спб. 1889 г; Н. А. Котляревскій, Пушкинъ, ред. С. Венгерова, т. II, стр. 135—146.

Дубровскій. Прототипомъ ему послужилъ дворянинъ Островскій, котораго довелъ до нищеты и острога богатый и сильный сосѣдь. Пушкинъ слышалъ рассказъ объ Островскомъ отъ П. В. Нащокина. Подробнѣе см. ниже: «Перечень»—«Дубровскій», стр. 263.

Егоровна («Дубровскій») — См. «Списокъ»: Арина Родіоновна, стр. 165.

Евгеній («Родословная»). Заключаетъ несомнѣнно автобіографическія черты. См. въ «Словарѣ»: Владиміръ Z. Минскій, Чарскій, отчасти Евгеній («Мѣдн. Всадн.»). Ср. также «Родословная Пушкиныхъ и Ганибаловъ» и о «О родѣ Пушкиныхъ».

Зарѣцкій. Н. Лернеръ указываетъ, что З. «отчасти портретъ» О. Толстого-«американца»: См. «Русск. Стар.» 1908 г. I, 419—427. «Пушк. и совр.» вып. XV, стр. 14.

Земфира. По словамъ Вельтманъ, «между дѣвами-цыганками, живущими въ домѣ, можно найти Земфереску или Земфиру, которую воспѣлъ Пушкинъ», «... но посреди таборовъ нѣтъ Земфиры». («Майковъ, Пушк., стр. 130). Полагаютъ, что прототипомъ З. явилась жена бессарабскаго помѣщика Инглези, Шекора-Людмила, бывшая цыганка, выкупленная изъ табора румыномъ Бодиско. «Увлеченіе Людмилой было, повидимому, самымъ серьезнымъ въ ряду остальныхъ «шалостей» (Пушкина), и свою любовницу онъ изобразилъ въ З. Узнавъ объ ухаживаніяхъ поэта, мужъ Людмилы заперъ ее въ чуланъ, вызвалъ Пушкина на дуэль; дуэль не состоялась, и «Инглези увезъ жену за границу. Когда она узнала о новыхъ увлеченіяхъ Пушкина, уже въ Одессѣ (по всей вѣроятности, Ризничъ), то была настолько убита, что симптомы чахотки проявились съ новой силой, и она умерла, будто бы повторяя послѣднія слова извѣстной пѣсни Земфиры». Такова одна изъ легендъ. (См. А. А. Яцимирскій. «Пушк. въ Бес.» «Пушкинъ», ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 172).

Ибрагимъ. См. Списокъ: Ганибаль, Абрамъ Петровичъ, стр. 178-ую и «Перечень», стр. 259.

Ларины—Николай Ивановичъ Вульфъ и его жена Праск. Алекс. Вульфъ-Осипова. См. «Списокъ», стр. 177 и 222.

Ласточка («*Аранъ Петра В.*»). Въ ней отражены отчасти нѣкоторыя черты Арины Родіоновны (Н. Лернеръ, Пушк. и его совр., вып. VII). См. также ниже «Списокъ»: Арина Родіоновна, стр. 165.

Ленскій. А. Н. Вульфъ (Дневникъ, «Пушкинъ» Л. Н. Майкова, стр. 199 считалъ себя, хотя и безъ всякаго права, прототипомъ Ленскаго («я, дерптскій студентъ, явился въ видѣ геттингенскаго подъ названіемъ Ленскаго»). Въ Ленскомъ же видѣли отраженіе характерныхъ чертъ поэта В. К. Кюхельбекера. См. «Списокъ».

Мавруша. («*Домикъ въ Коломнѣ*») — П. В. Нащокинъ. См. «Перечень», стр. 263.

Мазепа. Пушкинъ желалъ «развить и объяснить характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своевольно его историческаго лица» (Предисл.), но еще Бѣлинскій замѣтилъ, что поэтъ «хотѣлъ быть вѣренъ исторіи, и въ этомъ сдѣлалъ большую ошибку», представивъ «одну низость интригана, состарѣвшагося въ козняхъ». (Сочин., т. 8). Историческіе матеріалы, которыми располагалъ Пушкинъ при созданіи «Полтавы», а также сравненіе историческаго Мазепы съ пушкинскимъ даны въ статьѣ г. И. Житецкаго: «Пушкинъ», ред. С. Венгерова, т. III, стр. 21—29. И. Ждановъ, въ очеркѣ «Пушкинъ о Петрѣ В.» отмѣчалъ, что въ характерѣ и дѣйствіяхъ Мазепы Пушкинъ нашелъ что-то напомилавшее «язвительныя рѣчи» его демона, нашелъ знакомое настроеніе мысли и чувства. Это настроеніе было пережито и отвергнуто поэтомъ, но онъ продолжалъ бороться съ нимъ, какъ съ болѣзненною вѣка».

Марія— («*Бахч. Фонт.*») Польская княжна, по преданію кн. Марія Потоцкая. Ср. «Крымскіе сонеты» Мицкевича: «Бахчисарай ночью», «Гробница Потоцкой», «Могилы гарема». (Соч. Мицкевича въ перев. русск. пис. Спб. 1902 г. изд. т-ва М. Вольфъ, т. I, стр. 383—385).

Марія— «*Полтава*». Историческая Матрена Кочубей имѣетъ мало общаго съ пушкинской Маріей. «Въ историческомъ фактѣ любви Мазепы и Маріи Пушкинъ воспользовался только идеею любви старика къ молодой дѣвушкѣ и молодой дѣвушки къ старику. Въ подробностяхъ, и даже изображеніи, онъ отступалъ отъ исторіи (Бѣлинскій. Сочин., т. 8). Пушкинъ не сразу далъ «имя нѣжное—Маріи» героинѣ своей поэмы; въ черновыхъ наброскахъ она именуется и Натальей и Анной.

Марья Ивановна Миронова. Сравненіе ея образа съ образомъ Дженни («Эдинб. тюрьма»), См. «Перечень», стр. 268-ую; тоже сравненіе убѣждаетъ, что, кромѣ общихъ внѣшнихъ чертъ, вальтеръ-скоттовская и пушкинская героиня имѣютъ мало точекъ соприкосновенія.

Моцартъ. По отзыву проф. Н. Кашкина, «у Пушкина М. вообще схваченъ вѣрно своему подлинному характеру; эпизодъ съ чернымъ человѣкомъ исторически вѣренъ, какъ вѣренъ и тотъ особый интересъ, съ какимъ М. относился къ своему реквиему». (Сборн. журнала «Жизнь», стр. 143). Относительно легенды объ отравленіи М. см. Сальери.

Нулинъ, графъ—является выдержанной пародіей на шекспировскаго Тарквинія. См. въ «Перечнѣ»: «Графъ Нулинъ». Ср. поэму Шекспира «Лукреція», русскій переводъ А. М. Ѳедорова. Шекспиръ, ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 357—378.

Няня Лариныхъ—См. «Списокъ»: Арина Родіоновна, стр. 165.

Ольга. Анненковъ указываетъ на отраженіе въ ней нѣкоторыхъ чертъ Евпраксіи Вульфъ. См. Т а т ь я н а. По характеристикѣ Анненкова, Евпр.-Ник. «пользовалась жизнью очень просто, повидимому ничего не искала въ ней, кромѣ минутныхъ удовольствій, и постоянно отворачивалась отъ романтическихъ ухаживаній за собой и комплиментовъ, словно ждала чего-либо серьезнаго и дѣльнаго отъ судьбы». Многіе называли «кокетствомъ» всѣ эти приемы, но кокетство или нѣтъ—манера, во всякомъ случаѣ, была замѣчательно умнаго свойства». Е. Н., или какъ ее звали въ семействѣ «Зина», «была душой веселаго общества, собиравшагося по временамъ въ Тригорскомъ, она играла передъ нимъ аріи Россини, мастерски варила жженку и являлась первая во всѣхъ предпріятіяхъ, по части удовольствій». (Анненковъ. «Пушк. въ Алекс. эпоху», стр. 280)

Онѣгинъ. Еще въ первой пѣснѣ «Онѣгина» Пушкинъ подчеркивалъ: «всегда я радъ замѣтить разность между Онѣгинымъ и мной, чтобы насмѣшливый читатель, или какой-нибудь издатель замысловатой клеветы, сличая здѣсь мои черты не повторялъ потомъ безбожно, что намаралъ я свой портретъ, какъ Байронъ, гордости поэтъ»... (I, 56). Н. О. Лернеръ указываетъ какъ на прототипъ Онѣгина на Александра Раевского (послужившаго Пушкину прототипомъ его «Демона») и проводитъ такую параллель: «Онѣгинъ и Татьяна—Раевскій и Воронцова. Въ этой параллели много вѣроятнаго, если вспомнить, что въ началѣ романа поэтъ говорилъ объ Онѣгинѣ въ выраженіяхъ, повторенныхъ въ вариантахъ «Демона», что въ концѣ Пушкинъ словно проговаривается, что «Онѣгинъ» прослылъ «Демономъ» (а въ «Демонѣ» всѣ видѣли Раевского), что поэтъ встрѣчается со своимъ героемъ въ Одессѣ» (Соч. Пушкина, ред. С. Венгерова, т. II стр. 622). Характерна, сдѣланная еще въ 1838 г., отмѣтка нѣмецкаго критика Фарнгагенъ-фонъ-Энзе, что Онѣгинъ и Ленскій—раздвоеніе души поэта, подобно Фульть и Вальдъ у Ж. П. Рихтера. По замѣчанію Иванова-Разумника, «въ Пушкинѣ боролся абсолютный нигилизмъ Демона-Онѣгина съ простодушной вѣрой Ленскаго». «Романтикъ» Ленскій былъ убитъ въ Пушкинѣ скептикомъ «Онѣгинымъ» (Ibidem, т. III, стр. 231).

Пельмовъ—Нащокинъ. См. М. О. Гершензонъ. «Образы прошлаго», стр. 50—70, см. ниже: «Списокъ»; стр. 217.

Разбойники-братья. «Истинное происшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ», говорилъ самъ Пушкинъ въ письмѣ Вяземскому (1823 г.); тѣмъ не менѣе А. Ѳ. Вельтманъ полагалъ, что прототипомъ послужилъ талгарь (разбойникъ) Урсулъ (медвѣдь) «одинъ изъ войнолюбивыхъ людей, служившихъ етеріи молдавской». (Л. Майковъ. Пушк., стр. 127).

Полина. Въ романѣ М. Загоскина «Рославлевъ или русскіе въ 1812 году» выведена мелодраматическая Полина. Она влюбляется въ Синекура и измѣняетъ своему отечеству. «Проклятія оскорбленныхъ россіянъ гремѣли надъ главою несчастной, которую я назвалъ Полиной въ своемъ романѣ», замѣчаетъ Загоскинъ въ предисловіи. Пушкинъ въ своемъ отрывкѣ «Изъ неизданныхъ записокъ дамы»

явился защитникомъ тѣни «несчастной женщины». Записки рисуютъ иной образъ Полины, давая совершенно обратное освѣщеніе «истинному происшествію» разсказанному Загоскинымъ. Загоскинская Полина-измѣнница—пушкинская Полина—непонятая обществомъ героиня: мелодрама Загоскина у Пушкина обращается въ трагедію.

Савельичъ. Въ рѣдкой брошюрѣ, — «Родъ Всеволожскихъ». Симф. 1886 г., изданной сыномъ Н. В. Всеволожскаго на правахъ рукописи (ссылокъ на нее мы не встрѣтили въ пушкинской литературѣ), — указывается, со словъ Н. В. Всеволожскаго, что Пушкину былъ извѣстенъ разсказъ о вѣрномъ слугѣ дѣда Всеволожскаго, самоотверженно спасшемъ жизнь дѣтямъ, воеводы пензенскаго во время пугачевского бунта. Смерть воеводы пензенскаго, Андрея Алексѣевича, описана въ «Ист. Пуг. бунта» (гл. VIII). Быть можетъ, этотъ старый слуга, разсказы о самоотверженіи и любви котораго слышалъ Пушкинъ въ домѣ Всеволожскаго и послужилъ прототипомъ Савельичу.

Бѣлинскій сближалъ С. съ Калобомъ (см.), но, какъ вѣрно отмѣтилъ А. Бородинъ, въ образѣ Савельича «является первый правдивый типъ русскаго слуги» («Лит. Характ.», т. I).

Сальери. По словамъ проф. Н. Кашкина, образъ С. «совсѣмъ свободное созданіе Пушкина, не имѣющее сходства съ современнымъ Моцарту композиторомъ» (Сборн. журн. «Жизнь», стр. 143). Указаніе И. Щеглова (И. Л. Леонтьева) на то, что будто бы прототипомъ для пушкинскаго С. послужилъ поэтъ Баратынскій («Новое о Пушкинѣ». Спб. 1902 г.), является ничѣмъ не доказаннымъ предположеніемъ, т. к. нигдѣ, ни однимъ намекомъ Пушкинъ не обмолвился, что онъ считалъ Баратынскаго завистникомъ; не подтверждаютъ такого предположенія и опубликованныя біографическія данныя о Баратынскомъ. Легендѣ объ отравленіи Моцарта Сальери во времена Пушкина «вѣрили очень многіе, почти всѣ»; но «позднѣйшія и очень тщательныя изслѣдованія по этому вопросу Отто Яна совершенно опровергли ее». («Сб. «Жизнь», стр. 142).

Татьяна. Комментаторы Пушкина не скупились на домыслы, указывая на различныхъ лицъ, послужившихъ прототипомъ Татьяны. Анненковъ замѣчалъ, что ни Татьяна, ни Ольга въ «Онѣгинѣ» не носятъ на себѣ, по дѣйствию творческой силы, ни малѣйшаго признака портретовъ съ природы, а возведены въ общіе типы русскихъ женщинъ той эпохи; тѣмъ не менѣе для того же Анненкова «не подлежало сомнѣнію», что въ Татьянѣ отражены черты Анны Николаевны Вульфъ; она, по отношенію къ Пушкину, «представляла какъ и Татьяна по отношенію къ Онѣгину, полное самоотверженіе и привязанность, которыя ни отъ чего устать и ослабѣть не могли, между тѣмъ, какъ сестра ея, воздушная Епраксія, какъ отзывался о ней самъ поэтъ—представляла совсѣмъ другой типъ». («Пушк. въ алекс. эпоху», стр. 279). А. Н. Вульфъ въ своемъ дневникѣ удостовѣрялъ, что его любезныя сестрицы суть образцы» пушкинскихъ «деревенскихъ барышень и чуть не Татьяна ли одна изъ нихъ». (Л. Н. Майковъ. «Пушкинъ», стр. 199). Самъ Майковъ, однако, тутъ же «замѣчалъ кстати», ссылаясь на статью М. Семевского («Р. Вѣстн.», 1869 г. № 11), что Пушкинъ подарилъ экз. «Онѣгина» «Е. Н. Вульфъ съ надписью: «Твоя отъ твоихъ». Къ этому разсказу Б. Л. Модзалевскій прибавляетъ, со словъ сына Евпр. Ник., барона А. Б. Вревскаго, будто бы имя Татьяны «Пушкинъ связалъ съ именемъ его матери—барон. Е. Н., т. к. Татьяна празднуется въ тотъ же день, что и Евпраксія: дѣйствительно, день обѣихъ—12 января» («Пушк. и его совр.» вып. I, стр. 13). Такимъ образомъ «воздушной Евпраксіи» (см. ея характеристику Анненкова выше: О л ь г а) придаются характерныя черты пушкинской Татьяны, что является такимъ же «домысломъ», какъ и утвержденіе А. Н. Вульфа, будто бы онъ послужилъ прототипомъ Ленскаго.

А. П. Кернъ въ своихъ воспоминаніяхъ (М а й к о в ъ. Пушк., стр. 236—237) строки VIII гл. Онѣгина («Къ хозяйкѣ дама приближалась») относитъ къ себѣ самой. Плетневъ («Соврем.» 1863 г. № 7) указывалъ, что эти же самыя строки имѣютъ отношеніе къ гр. Н. В. Кочубей. Это съ одной стороны; съ другой, А. Н.

Раевскій еще въ 1824 г. писалъ Пушкину изъ Одессы о женщинѣ, «тихая и добрая душа» которой сознаетъ несправедливость, тяготѣющую надъ поэтомъ (ссылка въ Михайловское). Она, писалъ Раевскій, «выразила мнѣ все это съ чувствомъ и граціей, свойственной характеру Татьяны («Русск. Арх.» 1881, I). Гершензонъ и другіе изслѣдователи принимаютъ, что подъ «Татьяной» («конечно, съ намекомъ на онѣгинскую» Татьяну) «Раевскій разумѣеть»—гр. Воронцову (М. О. Гершензонъ «Образы прошлаго», стр. 41). Ср. Онѣгинъ. Какъ бы то ни было, несомнѣнна вѣрность замѣчанія Анненкова, что пушкинскіе типы «не носятъ на себѣ, по дѣйствию творческой силы, ни малѣйшаго признака портретовъ съ натуры».

Троекуровъ.—Крюковъ. См. Перечень: «Дубровскій», стр. 263.

Филиппъ баронъ («Скупой рыцарь»). Прообразъ пушкинскаго скряги въ иностранной литературѣ изслѣдователи отыскиваютъ, то въ «Пертской Красавицѣ» В. Скотта (А. Галаховъ. «Русск. Стар.» 1888 г. № 1 «О заимств. русск. поэтовъ»), то въ VIII—X пѣсняхъ байроновскаго «Донъ-Жуана» (П. О. Морозовъ «Пушкинъ», ред. Венгерова, т. V, стр. LX), то въ пьесѣ Мильмана «Фаціо» (А. Чебышевъ Сборн. «памяти Л. Н. Майкова», стр. 489). Но еще Анненковъ объяснялъ, что Пушкинъ прикрылъ свою драму именемъ вымышленнаго англійскаго писателя Ченстона, опасаясь «неосторожныхъ толковъ» (Мат., стр. 278). Отсюда, въ своихъ «Очеркахъ нов. русск. литературы» А. Кирпичниковъ дѣлаетъ выводъ, что драма носить автобіографическій характеръ и въ лицѣ Альбера и Барона Пушкинъ будто-бы изобразилъ отношеніе къ себѣ своего отца, Сергѣя Львовича, отличавагося, какъ извѣстно, скупостью (II, 44).

Чарскій. Образъ Ч. носитъ несомнѣнныя автобіографическія черты.

Дополненія и поправки.

Къ стр. 9.

Алексѣй Ивановичъ («Египетск. ночи», набр. II).—По его мнѣнію, женщина самая удивительная Клеопатра. «Есть черта въ ея жизни, говорилъ А. И., «которая такъ врѣзалась въ мое воображеніе, что не могу взглянуть почти ни на одну женщину, чтобъ тотчасъ не подумать о Клеопатрѣ».—«Не могу, мудрено разсказать», отвѣчаетъ А. И. на предложеніе открыть, «что это за черта?» Ей-Богу, сказалъ молодой человѣкъ, я робѣю, я сталъ стыдливъ какъ цензура... Ну такъ и быть».

Къ стр. 15.

Батуринъ. («Р. Пеламъ», прогр. III). См. Пелымовъ.

Къ стр. 8.

Буяновъ. («Евг. Онѣгинъ»).—«Буяновъ, братецъ мой задорный» IV, 43.—«Буянова каблукъ такъ и ломаетъ полъ вокругъ». (V, 43). «Умчалъ Б. Пустякову». «Б. сватался къ Танѣ—отказъ». (VII, 26).

Къ стр. 39.

Гость («Русалка»).—«Ай да медь!» И въ голову, и въ ноги такъ и бьетъ. Жаль, горекъ: подсластитъ его бѣ не худо»...

Къ стр. 47.

Гриневъ. Напечатано (4 строка снизу): «имя Марьи Иван. произнесено въ присутствіи комиссіи. Надо: «Имя Марьи Иван. не было произнесено и т. д.

Къ стр. 173.

Веймарсъ, Лева (1801—1854).—Французскій литераторъ и дипломатъ. Въ 1834 г. посѣтилъ Петербургъ; въ 1837 г. напечаталъ въ «Journal des Débats» очеркъ жизни Пушкина.

Къ стр. 176.

Всеволожскій, Александръ Всеволодовичъ (14 сент. 1793 г. † 1 мая 1864 г.).—Участникъ «Зеленой Лампы».

Къ стр. 176.

Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ.—Въ виду того, что даты рожденія и смерти обоихъ В. до сихъ поръ остаются неизвѣстными приводимъ ихъ подробно: Ник. Всев. родился 17 февраля 1799 г. † въ Боннѣ (Швейцарія) 28 іюля 1862 г. Мы не нашли въ обширной пушкинской литературѣ указаній на годы рожденія и смерти обоихъ В—ихъ. Анненковъ, говоря о «Зеленой Лампѣ», приводитъ въ сокращеніи имена Всеволожскихъ (В—іе), несмотря на то, что, когда писалась его книга, оба Всеволожскіе были уже въ могилѣ («Пушк. въ Алекс. эпоху». Спб. 1874 г., стр. 64). Я. Гротъ въ «Спискѣ современ. Пушкина» прямо указываетъ, что онъ не могъ опредѣлить живы ли оба В—іе или когда скончались (Пушк., его лиц. друзья и наставн. Спб. 1899 г., стр. 217). Н. О. Лернеръ, присоединя къ своей книгѣ гротовскій списокъ, сдѣлалъ къ нему нѣсколько поправокъ и дополненій, но имена обоихъ Всеволожскихъ въ немъ также отсутствуютъ («Труды и дни Пушкина», изд. 3-ье, стр. 414—429). Не нашли мы какихъ-либо указаній и при про-

смотрѣ истор. журналовъ. Наши свѣдѣнія взяты изъ брошюры, изданной на правахъ рукописи: «Родъ Всеволожскихъ», сост. А. Н. Всеволожскій. Симферополь. 1886 г.

Къ стр. 177.

Вульфъ, Анна Николаевна: Напечатано: «ея черты отражены въ Ольгѣ (Анненковъ). Надо: въ Татьянѣ (Анненковъ).

Къ стр. 177.

Вульфъ, Евпраксія Николаевна. Напечатано: «она послужила Пушкину прототипомъ Татьяны (Анненковъ)». Надо: прототипомъ Ольги (Анненковъ).

Къ стр. 181.

Голицына, княгиня Марья Аркадьевна. Статья М. О. Гершензона «Сѣверная любовь Пушкина» («Образы прошлаго», стр. 1) вызвала оживленную полемику между авторомъ и П. Е. Щеголевымъ. См. Пушкинъ и его соврем. вып. XIV и въ книгѣ Щеголева «Пушкинъ», стр. 35—195.

Къ стр. 196.

Кернъ, Ермолай Федоровичъ (1765—1841).—Мужъ Анны Петровны Кернъ. Генераль; дивизионный командиръ.

Къ стр. 199.

Кирѣевскій, Петръ Васильевичъ (1808—1856).—Извѣстный «радѣльщикъ русской пѣсни». Пушкинъ доставилъ К. тетрадь съ пѣснями, записанными въ Пск. губ. Огромное собраніе пѣсенъ К. долгое время не могло быть опубликовано за исключеніемъ немногихъ пѣсенъ, собранныхъ въ 10-ти выпускахъ—М. 1860—1874 годахъ. Новое собраніе «Пѣсенъ собран. К.» издано «Общ. Люб. Рос. Слов.», ред. В. О. Миллера и М. Н. Сперанскаго. М. 1912 г. О К—мъ: М. О. Гершензонъ въ «Сочин. И. П. К—аго». М. 1912 г. т. I и въ книгѣ «Образы прошлаго», стр. 85—141; В. Лясковскій. «Братья К—ие». Спб. 1899.

Къ стр. 208.

Лицей. Къ столѣтію Л. вышли новые труды по его исторіи: К. Я. Гротъ. Пушкинскій лицей. Спб. 1912. К о б е к о, Д. Ф. Импер. Царскос. лицей. Настановники и питомцы. 1811—1843 г.г. Спб. 1912. «Памятная книжка лицейстовъ». Спб. 1911 г.

Къ стр. 229.

Пушкинъ, Александръ Александровичъ (род. 1833 г.). Старшій сынъ поэта, благополучно здравствующій.

Къ стр. 233.

Ржевскій, Николай Григорьевичъ († 1817 г.).—Товарищъ Пушкина по лицей; по окончаніи курса вышелъ въ офицеры арміи.

Къ стр. 236.

Саврасовъ, Петръ Федоровичъ. Товарищъ поэта по лицей; полковникъ гвардейской артиллеріи († 1831 г.).

Къ стр. 290.

Народная поэзія. «Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойства русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ», писалъ Пушкинъ въ «Крит. Зам.» Онъ былъ хорошо знакомъ и съ «Р. сказками» Чулкова, и съ древне-россійскими стихотвореніями Кирши Данилова. «Слово о полку Игоревѣ» поэтъ считалъ уединеннымъ памятникомъ въ пустынѣ нашей словесности («Крит. Зам.»); восторгался прелестью и значеніемъ богатырскихъ сказокъ и звучностью народнаго стиха (по словамъ кн. Вяземскаго). Цитаты и эпиграфы изъ народныхъ пѣсенъ у Пушкина—не рѣдкость; народныя пословицы, поговорки—частыя гости въ его произведеніяхъ; живая народная рѣчь звучитъ и въ пушкинской «Русалкѣ», и сценахъ «Бор. Год.», и во многихъ другихъ произведеніяхъ. Въ то время, когда интересъ къ народному творчеству

былъ еще не осознанъ въ русскомъ обществѣ, поэтъ дѣятельно приступаетъ къ непосредственному изученію этого творчества. Въ Бессарабіи онъ прислушивался къ пѣснямъ румынъ («Пѣсня Земфиры», «Черная шаль») и, по словамъ Анненкова, «принялся за собираніе народныхъ пѣсенъ, легендъ, этнографическихъ документовъ, за обширныя выписки изъ прочитанныхъ сочиненій и проч.» («Пушк. въ алекс. эпоху», стр. 155). Еще въ 1823 г. Пушкинъ замѣчалъ, что «грубость и простота болѣе» пристали къ нашему «первобытному» языку, чѣмъ жеманство и французская утонченность». Позднѣе, въ «Крит. Зам.» 1830 г., онъ говорилъ, что «разговорный языкъ простого народа» достоинъ «глубочайшихъ изслѣдованій» и совѣтовалъ, «прислушиваться къ московскимъ просвириямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ». Въ Михайловскомъ онъ слушалъ «сказки» няни и тѣмъ вознаграждалъ недостатки проклятаго своего воспитанія» (Брату, 1824 г., Вяз., 1825); среди мѣстныхъ крестьянъ онъ чутко прислушивался къ говору народному, записывалъ и собиралъ пѣсни,—переданныя поэтомъ «радѣльщику народной пѣсни», П. И. Кирѣевскому. «Преданіями и свидѣтельствомъ живыхъ» поэтъ пользовался и для своей «Ист. Пуг. бунта», и для «Кап. Дочки», и съ той цѣлью онъ предпринялъ цѣлое путешествіе въ Оренбургъ и его окрестности. Народному творчеству Пушкинъ придавалъ большое значеніе. Онъ самъ переводитъ народныя пѣсни на франц. языкъ (См. статью Н. Н. Трубицына. Сб. Спб. Унив. Памяти Пушкина», стр. 351—388), переводитъ «Пѣсни зап. славянъ». П. Мериме. Живой интересъ поэта къ народному творчеству сказался и на отношеніяхъ его къ Далю, Кирѣевскому, Максимовичу, Сахарову, Снѣгиреву. (См. В. О. Милеръ. «Пушкинъ какъ этнографъ». М. 1902 г. Н. Н. Трубицынъ. «П. и р. нар. поэзія». «Пушкинъ», ред. Венгерова, т. IV, стр. 56—72. См. также. Предисловіе Н. М. Сперанскаго къ пѣснямъ собран. П. И. Кирѣевскимъ. М. 1912 г. А. Н. Пыпинъ. «Ист. р. этнографіи», т. I (о состояніи р. этнографіи въ то время).

Важнѣйшія опечатки:

Стран.:	Строки:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
46	5-ая сверху	обнаружилъ саблю;	«обнажилъ саблю».
46	8-ая »	смельчака;	смѣльчака.
145	10-ая снизу	на поля;	ни поля.
176	10-ая »	Осиновой;	Осиповой.
273	2-ая »	Ратмірь;	Ратмиръ.
279	13-ая сверху	Puschiniana;	Puschkiniana.

Листъ 11а (Соломонъ-Фарлафъ) помѣченъ 9-мъ и имѣетъ неправильную пагинацію страницъ 129—144; слѣдуетъ: 161—176.

ТИПЫ ПУШКИНА.

(7-й и 8-й выпуски «Словаря Литературныхъ Типовъ»).

Редакція Н. Д. Носкова.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

	Стр.
I. А. С. Пушкинъ (біографическая канва)	1
II. Характеристики всѣхъ типовъ, образовъ и лицъ	5
Алеко.	Марья Ивановна.—С. М.
Басмановъ.—С. П.	Мироновъ.—С. М.
Бѣлкинъ.	Ольга.—С. П.
Верейскій.	Онѣгинъ.—С. П.
Воротынскій.—С. П.	Пимень.—С. П.
Германнъ.	Полина.
Годуновы—С. П.	Савельичъ
Гриневъ.	Сальери.
Донна-Анна.	Самозванецъ.—С. П.
Дубровскій.	Татьяна.—С. П.
Ибрагимъ.	Троекуровъ.—Е. Н.
Жуанъ.	Филиппъ (Баронъ).
Ленскій.—С. П.	Швабринъ.—С. М.
Мазепа.	Шуйскій.—С. П.
Марія.	Чарскій.—Е. Н.
III. Списокъ лицъ, именъ и предметовъ (историко-литерат. справки).	161
IV. Перечень произведеній и входящихъ въ нихъ типовъ, образовъ и лицъ	259
V. Приложенія:	
1) Источники для изученія Пушкина	277
2) Сводъ нарицательныхъ именъ и выраженій	283
3) Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Пушкина	287
4) Пушкинъ и поэзія	288
5) Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ	291
6) Пушкинъ въ музыкѣ	294
7) Пушкинъ въ живописи	296
8) Пушкинъ и цензура	300
9) Группировка типовъ	307
10) Прототипы	308
VI. Дополненія и поправки	313

4) «Словарь Л. Т. — прекрасное предприятие крупнаго культурнаго значенія». Изданіе не «является только матеріаломъ для характеристики русскаго общества по литературнымъ образамъ русскихъ писателей, но и цѣннымъ справочникомъ при изученіи ихъ жизни и творчества («Историческій Вѣстникъ», № 12—1908 г.).

5) «Изданія такого рода не было еще не только у насъ, но и за границей; пользу же ихъ при изученіи литературы и культурной исторіи народа нельзя достаточно и оцѣнить» («Миръ», № 12—1908 г.).

6) «Книга, которая въ состояніи оказать большую, многогранную службу разнымъ лицамъ, какъ специалистамъ по исторіи литературы, критикамъ, педагогамъ, такъ и всѣмъ интересующимся изящной литературой». «Словарь полезенъ и для всякихъ историко-литературныхъ сравненій, критико-соціологическихъ обобщеній, и для изучающихъ эволюцію дѣйствующихъ лицъ у крупныхъ художниковъ, и для сопоставленія классового состава героевъ въ произведеніяхъ тѣхъ и другихъ эпохъ и т. д. Значительна его цѣнность для учащихся и учащихся» («Вѣстникъ Литературы», № 6—1909, — о 4-мъ вып.).

7) Словарь Л. Т. является весьма цѣннымъ дополненіемъ къ произведеніямъ писателя и въ то же время чрезвычайно цѣннымъ самостоятельнымъ трудомъ, который обязательно долженъ попасть въ бібліотеки всѣхъ, кто интересуется литературой («Вѣст. Лит.», № 12 — 1909 — о 5-мъ выпускѣ).

8) «Для критиковъ и бібліографовъ, учащихся и учащихся «Словарь» является незамѣнимымъ пособіемъ» («Слово», № 576).

9) «Помимо своей цѣли, какъ справочное руководство по русской литературѣ, «Словарь» долженъ оказать прекрасную услугу работающимъ въ литературѣ уже просто своею бібліографическою стороною. («Биржевыя Вѣдомости», № 10326).

10) «Для серьезныхъ бібліотекъ это изданіе является положительно необходимымъ» («Развѣдчикъ», № 949).

11) «Читатель получаетъ возможность обозрѣть творчество писателя въ его герояхъ, подробно всѣхъ; о каждомъ изъ нихъ онъ составитъ отчетливое представленіе, разберется въ художественной и общественной стоимости типа, узнаетъ наиболѣе важные взгляды критической литературы. Словомъ, въ рукахъ читателя цѣлая, полно составленная портретная галлерей художественныхъ образовъ корифеевъ русской литературы. Отсюда «Словарь» — незамѣнимое пособіе для каждого желающаго возстановить въ памяти прочитанное произведеніе со стороны входящихъ въ составъ его литературныхъ героевъ» («Волгарь», № 115, 1909 г.).

12) «Словарь Литературныхъ Типовъ» для учителя, для писателя, занимающагося изученіемъ или изслѣдованіемъ литературы, является прекраснымъ справочнымъ подспорьемъ и необходимой настольной его книгой... («Спб. Вѣд.», № 34, 1908 г.).

13) «Какъ историко-литературный справочникъ, «Словарь Л. Т.» несомнѣнно будетъ полезнымъ вкладомъ въ бібліотеку семьи и школы. Но и помимо чисто-справочнаго значенія, «Словарь» интересенъ какъ удачная попытка собрать и систематизировать матеріалы для характеристики общества по типамъ русскихъ писателей» («Голосъ Правды», № отъ 9-го Января, 1908 г.).

14) «Для всѣхъ интересующихся исторіей нашего общества и любителей литературы, настоящее изданіе, будучи доведено до конца, несомнѣнно, окажется настольной книгой. Изъ военныхъ читателей «Словарь» будетъ особенно полезенъ для готовящихся къ поступленію въ Александровскую военно-юридическую академію. «Краткія и въ то же самое время полныя характеристики «Словаря», снабженныя указаніями на отзывы главнѣйшихъ представителей русской критики, должны очень облегчить изученіе писателей. Не менѣе важно значеніе «Словаря» и для нашихъ военныхъ педагоговъ» («Развѣдчикъ», № 910).

15) «C'est une des publications le plus intéressantes et les plus utiles pour tous ceux qui veulent étudier la littérature russe» («Mercure de France», № 294 Septembre, 1909).

16) «Словарь» — крѣпко, туго сколоченъ: 1) изъ характеризующихъ словъ, словечекъ и цѣлыхъ описаній въ томъ литературномъ произведеніи, гдѣ данный типъ выведенъ и 2) изъ оцѣнокъ даннаго лица у всѣхъ видныхъ историковъ русской литературы и сколько-нибудь выдающихся русскихъ критиковъ. Все это — дословно, въ цитатахъ. Черезъ это читатель знакомится «въ сокращеніи и концентрации», не только съ произведеніями писателя, но и со всею литературою о немъ, ученою и художественно-критическою; наконецъ — съ его изданіями, въ критической оцѣнкѣ каждаго. Въ началѣ каждаго выпуска помѣщена «Біографическая статья»: погодный перечень событій въ жизни автора и написанія имъ важнѣйшихъ произведеній. Полнота «типовъ» — исчерпывающа. Нельзя не пожелать самага широкаго распространенія этому въ высшей степени полезному изданію, этой въ высшей степени трудолюбивой работѣ» («Новое Время», ил. прил. отъ 15-го янв. 1911 г., о 6-мъ вып.).

Кромѣ того, см. отзывы: „Вѣст. Европы“ 1910 г., № 10; „Русск. Бог.“ 1910 г., № 7; „Всеобщ. Журн.“ 1910 г., № 6; „Воспит. и Обуч.“ 1910 г., № 9; „Новый журналъ для всѣхъ“ 1910 г., № 7.

СЛОВАРЬ Литературныхъ типовъ.

Слб. Тверская, 14.

1. } Тургеневъ.	Въ составъ каждого выпуска входятъ: 1) Биографическая канва; 2) Подробныя характеристики въ освѣщеніи автора и критики, библиографія; 3) Указатель всѣхъ типовъ и образовъ (краткія характеристики всѣхъ второстепенныхъ образовъ и лицъ); 4) Перечень произведеній съ историко-литературными справками; 5) Сводъ нарицательныхъ именъ; 6) Группировка типовъ; 7) Источники для изученія писателя.	13. } Толстой.
2. }		14. }
3. Лермонтовъ.		15. }
4. Гоголь.		16. } Достоевскій.
5. Аксаковъ.		17. }
6. Грибоѣдовъ.		18. Писемскій.
7. }		19. }
8. } Пушкинъ.		20. } Салтыковъ.
9. Гончаровъ.		21. Герценъ.
10. }		22. Успенскій.
11. } Островскій.		23. }
12. Толстой.	24. } Чеховъ.	

Редакція Н. Д. Носкова.

Сотрудники: Адриановъ, С. А. проф.; Боцяновскій, В. Ѳ.; Вейнбергъ, А. А. Измайловъ, А. А.; Каптеревъ, Н. А.; Лебедевъ, Н. Н.; Лорнеръ, Н. О.; Либровичъ, С. Ф. Львовичъ, В. Л.; Мартиросовъ, С. Е.; Майеръ, Н. В.; Носкова, Е. К.; Носковъ, Н. Д. Поваринъ, С. И. прив.-доц.; Саввиъ, Н. А.; Урванцовъ, Л. Н.

Цѣна въ отдѣльной продажѣ:

Выпуски 1—2. «Литературные типы Тургенева»—2 рубля.
Выпускъ 3. «Литературные типы Лермонтова»—1 рубль.
Выпускъ 4. «Литературные типы Гоголя»—1 рубль 25 коп.
Выпускъ 5. «Литературные типы Аксакова»—1 рубль.
Выпускъ 6. «Литературные типы Грибоѣдова»—1 рубль.
Выпуски 7—8. «Литературные типы Пушкина»—2 рубля.
Выпускъ 9. «Литературные типы Гончарова» (печатается).

Подписная цѣна на 24 выпуска, съ достав. и перес., двадцать четыре рубля.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магазинахъ и въ конторѣ Н. Печковской (Москва); желающіе пользоваться разсрочкой обращаются непосредственно въ контору «С. Л. Т.» (СШБургъ, Тверская, 14).

Разсрочка: 9 руб. при подпискѣ и по 3 рубля послѣ выхода 9, 12, 15, 18 и 22 выпусковъ. Или 1 рубль задатокъ, при полученіи первыхъ 14-ти по 1 рублю и при полученіи каждого изъ послѣдующихъ по 90 коп. наложеннымъ платежомъ (наложенный платежъ по 10 коп. за счетъ заказчика).

Желающіе получать выпуски въ переплетахъ (по 1 переплету на 3 выпуска) прилагаютъ по 75 к., съ пересылкой за томъ (три выпуска). Крышки (одна на 3 выпуска) по 60 коп. безъ пересылки. Пересылка по почтовой стоимости за счетъ заказчика. Переплеты и крышки изъ англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ, четырехъ цвѣтовъ: зеленаго, краснаго, сѣраго малиноваго. Одинъ шагреновый переплетъ на первые пять выпусковъ—1 р. 50 коп.

Отказы печатать см. на 2-й и 3-й стр. обложки.

Ц. 3 р